ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
МИЛЮТИН

ДНЕВНИК
1873–1882

ТОМ 1

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Граф Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912) – военный министр, член Государственного совета, почетный член Академии наук и всевозможных военных академий; один из самых прогрессивных и просвещенных государственных деятелей своего времени. В историю граф Милютин вошел как сподвижник Александра II, во время правления которого в течение двадцати лет возглавлял Военное министерство и провел реформы, кардинально изменившие русскую армию. Была отменена всеобщая воинская повинность для всех классов, сокращен общий срок службы с 25 до 16 лет, упразднены тяжелые телесные наказания, созданы кадетские гимназии, Военно-юридическая академия, специальные программы обучения для военных заведений, женские врачебные курсы, проведена военно-судебная реформа и т. д. Многие годы граф Милютин вел дневник, который, согласно его завещанию, был передан в Императорскую академию Генерального штаба. Дневник охватывает период с 1873 по 1900 год и не раз подвергался авторской переработке; при этом оказались вычеркнуты, по соображениям дипломатичности, а иногда и несущественности, детали (слова, предложения, а порой и целые абзацы). В 1947 году Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР выпустил академическое издание «Дневника» – с 1873 по 1882 год, – поместив в сноски всё вычеркнутое автором. В настоящем издании сноски (за исключением явных повторов) размещены в квадратных скобках в самом тексте для удобства чтения. Курсивом напечатаны слова, дважды подчеркнутые автором.

- Дмитрий Алексеевич Милютин
  -
  - 1873 год
  - 1874 год
  - 1875 год
  - 1876 год
  - 1877 год
  - Аннотированный указатель
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92

- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135

Дмитрий Алексеевич Милютин
Дневник
1873–1882
Том 1

Текст публикуется по изданию:

Государственная Ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина
Отдел рукописей
Дневник Д. А. Милютина
1873–1882
Москва, 1947

Текст приведен в соответствие с нормами современной орфографии.

1873 год

8 апреля. Воскресенье. Петербург. Принимаюсь вести свой дневник только теперь, на 57 году жизни, побуждаемый к тому пережитыми в первые три месяца текущего года непрерывными неприятностями и душевными волнениями. Всё происходившее в этот тяжелый для меня период постараюсь при первой возможности рассказать подробно, в особой записке, совершенно объективно, ничего не скрывая, никого не щадя, на основании сохранившихся у меня заметок и официальных документов. Исполнить эту работу я должен для ограждения собственной своей нравственной ответственности перед судом истории. В тех же видах буду и впредь заносить в свой дневник все последующие факты, могущие со временем пригодиться будущему историку для разъяснения закулисной стороны нашей общественной жизни.

Злополучные совещания, мною же задуманные для обсуждения основных вопросов будущего нашего военного устройства, обратились в арену личной против меня интриги и борьбы, а потому и не могли привести к предполагавшейся цели. Не решили они тех серьезных задач, которые имелось в виду решить с помощью самых крупных наших авторитетов в делах государственных и военных; не открыли они нам пути к широкому развитию военной силы и грозному напряжению сил наших соседей. И, несмотря на такой отрицательный результат бывших печальных совещаний, все-таки я должен радоваться тому, что удалось по крайней мере отстоять нашу военную организацию от угрожавшей ей бессмысленной ломки. И то хорошо, что окончательные решения государя, устранив разные нелепые затеи, открывают возможность хотя бы в некоторой степени расширить и упрочить наши военные силы. Теперь Военное министерство может со спокойным духом снова приняться за работу.

Черная туча миновала; по-видимому, наступило затишье. Последние доклады мои государю успокоили меня. Однако я далек от иллюзий. Знаю, что поднятая против меня интрига не так легко угомонится; после понесенной неудачи она не сложит оружия, а будет выжидать новых удобных случаев, чтобы возобновить агитацию, гласную и закулисную. Комиссия князя Барятинского остается зловещим [пугалом] призраком, напоминающим, что опасность не совсем еще миновала. Очень может быть, что ветер опять переменится, снова возьмут верх какие-нибудь нелепые фантазии, которые окончательно вынудят

меня устраниться от дальнейшего ведения дела – развития и устройства наших военных сил.

10 апреля. Вторник. Почти ежедневно приходится мне замечать признаки продолжающихся против меня и Военного министерства враждебных влияний. Сегодня, по окончании моего доклада, государь показал мне в мемории[1] Государственного совета статью об ассигновании интендантству около 860 тысяч рублей на покрытие сверхсметного в прошлом, 1872 году расхода по статье «на заготовление и шитье вещей» и при этом выразил с некоторым неудовольствием удивление, что такие крупные расходы не предусматриваются при составлении сметы. Я просил позволения представить при следующем докладе письменное объяснение.

После заседания Комитета министров было у меня совещание с графом Гейденом, Непокойчицким, Мордвиновым, Обручевым и Величко на предмет составления всеподданнейшего доклада о распоряжениях по поводу изменений в организации войск. Остановились на том, что было мною набросано в особой записке несколько дней тому назад.

11 апреля. Среда. Третье заседание Особого присутствия Государственного совета по делу о воинской повинности. Горячие споры насчет статьи о льготах по семейному положению. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский отстаивал принцип «сохранения дворянских родов», требуя безусловного освобождения от военной службы единственных сыновей.

12 апреля. Четверг. Представил государю объяснение по вопросу о требовании интендантством сверхсметной суммы в 860 тысяч рублей на произведенные в прошлом году расходы по заготовлению и шитью вещей. Объяснения очень ясные; однако ж государь все-таки повторил, что желательно избегать подобных непредвиденных расходов. Кроме того, его величество прочел мне выписку из «перлюстрированного» письма из Казани, в котором возбуждается сомнение в правильности действий Военного совета и лично генерала Мордвинова по утверждению некоторых интендантских подрядов и поставок. Еще новый повод к подозрению и недоверию.

14 апреля. Суббота. Представил государю объяснение по делу, о котором упоминалось в письме из Казани. Дело простое и ясное; я мог наглядно выказать, до какой степени бывают неосновательны наветы и подозрения, возбуждаемые людьми легкомысленными, не знающими дела, готовыми всё порицать, во всём искать дурного.

Доложил государю, какое тяжелое впечатление произвело на весь Стрелковый батальон императорской фамилии

предположение о соединении его с лейб-гвардии Гарнизонным батальоном под именем лейб-гвардии Резервного пехотного батальона.

Четвертое заседание Особого присутствия по делу о воинской повинности: продолжительный спор у меня с министром народного просвещения графом Толстым, доказавшим еще раз свой узкий взгляд и упрямство.

15 апреля. Воскресенье. Приезд германского императора [Вильгельма I]; торжественная встреча на станции Варшавской железной дороги; на всем пути от станции до Зимнего дворца расставлены войска без ружей.

17 апреля. Вторник. Торжество по случаю дня рождения государя. Утром – выход в Зимнем дворце и развод на площадке перед дворцом; обед парадный в том же дворце и вечером на площадке парадная «заря» с 2000 музыкантов. На всех этих торжествах не мог я присутствовать по случаю простуды, хотя утром ездил во дворец с докладом. В городе нет других разговоров, как только о пруссаках и происходящих по поводу их приезда торжествах.

18 апреля. Среда. Пятое заседание Особого присутствия Государственного совета по делу о воинской повинности. Граф Толстой с обычным упорством настаивает на своих своеобразных и странных идеях относительно распределения льгот по воинской повинности в учебных заведениях. Сильно простуженный, я с трудом мог возражать; но за меня горячо говорил сам председатель, великий князь Константин Николаевич. Та же причина – простуда – позволила мне отказаться от парадного обеда во дворце и бала в Эрмитаже.

19 апреля. Четверг. Здоровье мое настолько поправилось, что я мог присутствовать при посещении Инженерного замка обоими императорами. Главной целью этого посещения был осмотр модели Севастополя. Генерал Тотлебен прочел целую лекцию, которую император Вильгельм и вся его многочисленная свита выслушали с напряженным вниманием. Пруссаки поражают своей любознательностью. Менее всех, кажется, интересовался князь Бисмарк.

20 апреля. Пятница. Парад в честь императора Вильгельма. Погода на время разгулялась, но грязь страшная, несмотря на все старания полиции высушить плац. Старания эти доходили до комизма: целые сутки на всем Марсовом поле горели костры; говорят, что поливали даже керосином те места, где ледяной слой запоздал растаять.

Вечером парадный спектакль в Большом театре.

21 апреля. Суббота. Шестое заседание в Государственном

совете по проекту о воинской повинности. Идет туго; много споров; но большей частью все статьи проходят. Заметно, что оппоненты не довольно вникли в дело; оно слишком для них ново и сложно. Сегодня более всех ораторствовал граф Петр Андреевич Шувалов.

22 апреля. Воскресенье. Торжественный обед в честь императора Вильгельма в Николаевском зале на 600 приглашенных. Спичи обоих императоров в том смысле, что дружба их обеспечивает мир Европы.

23 апреля. Понедельник. Бал в честь пруссаков у наследника цесаревича в Аничковом дворце.

24 апреля. Вторник. Учение на Марсовом поле в присутствии обоих императоров батальону лейб-гвардии Семеновского полка в составе 54 рядов во взводе и Орденскому драгунскому полку, приведенному в Петербург собственно для представления своему царственному шефу. Несмотря на страшную грязь на плацу, учение шло превосходно. После учения император Вильгельм удостоил меня своим посещением; разумеется, я счел неучтивым не принять такого высокого гостя. Вообще, старый император очень любезен со всеми. Фельдмаршал Мольтке, по своему обыкновению, больше молчит. Князь Бисмарк заметно желает показывать себя русской публике. В народе даны им обоим прозвища: первому – «меняла», второму – «удушливый генерал» (бог весть, почему)!

25 апреля. Среда. Император Вильгельм дал мне знать через принца Рейсса, что желает поговорить со мной. В назначенный час утром явился я к нему в полной форме и поблагодарил за вчерашний его любезный визит. Император начал расспрашивать меня о предположенных изменениях в организации наших войск и об основаниях нового закона о воинской повинности. С живым вниманием слушал он мои объяснения и делал вопросы; но я не успел удовлетворить его любопытство: разговор был прерван входом нашего государя. Оба императора пошли вместе смотреть с дворцового балкона на собравшиеся на площади пожарные команды, а потом поехали на Марсовое поле на учение двух пехотных полков, которых король Прусский[2] считается шефом. Учение шло очень хорошо, но погода опять не благоприятствовала этому последнему угощению нашего гостя.

Вечером – бал у германского посла принца Рейсса.

26 апреля. Четверг. Перед докладом своим зашел я к императору Вильгельму, чтобы проститься с ним и представить ему, вследствие изъявленного им желания, новый план Петербурга. У него находился наш государь; оба императора пробыли вместе довольно долго. Когда же государь вышел,

император Вильгельм принял меня и говорил со мной несколько минут стоя. «Я доволен, – сказал он, – что побывал в Петербурге и мог собственными глазами убедиться, как несправедливы были доходившие до меня слухи, будто русские войска *sont negligées*[3] будто они уже не в таком блестящем состоянии, как прежде». При этом император сделал несколько замечаний о том, насколько наши войска в строевом отношении сходствуют с прусскими и в чем различаются. Вообще, он выезжает из Петербурга с самыми благоприятными впечатлениями. Со мной он был любезен; но заметно по всем разговорам, что он имел против меня предубеждение. В городе говорят даже, будто принц Рейсс принимал большое участие в интригах против меня и открыто выражал сожаление, что интриги эти остались без результата.

Я распростился с императором Вильгельмом, потому что не мог присутствовать на проводах его по случаю происходившего сегодня заседания Особого присутствия Государственного совета по делу о воинской повинности.

В этом заседании (седьмом) не могли присутствовать великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич по случаю проводов германского императора до Гатчины, за исключением, однако же, нашего председателя Константина Николаевича. Не были также и фельдмаршалы: граф Берг уезжал с императором Вильгельмом, а князь Барятинский уже давно перестал присутствовать в этих заседаниях. Говорят, он опять болен и несколько уже дней в постели. Сегодня дело о воинской повинности подвинулось значительно: рассматривались статьи о самом порядке призыва на службу (участки, приписка и проч.) – предмет слишком сухой для наших страстных ораторов!

Виделся утром с князем Кочубеем, приехавшим из Полтавы; говорили о покупке его имения в Симеизе, на Южном берегу Крыма. Был он у нас и вечером, но переговоры наши остались пока без положительного результата.

Государь, проводив императора Вильгельма до Гатчины, прямо оттуда переселился в Царское Село, куда и придется мне отныне ездить с докладом.

28 апреля. Суббота. Восьмое заседание в Государственном совете по делу о воинской повинности. Прошло довольно много статей, в том числе весь отдел о вольноопределяющихся. Спорили много; опять граф Толстой выступил со своими односторонними идеями. Граф Пален опять явился охранителем интересов маменькиных сынков. Генерал-адъютант Игнатьев желает допускать в вольноопределяющиеся исключительно кончивших курс в университетах и гимназиях; к нему присоединился и принц Ольденбургский. Кроме этих лиц, всё прочее собрание принимает

статьи проекта одобрительно.

Сегодня – первая моя поездка в Царское Село с докладом. Представлено мною государю предположение о постепенности исполнения изменений в организации войск. О Комиссии князя Барятинского уже нет разговоров; а если кто и вспомнит о ее существовании, то не иначе как с улыбкой и насмешкой. Таковы люди! Сам князь Барятинский лежит в подагре.

1 мая. Вторник. Государь одобрил представленные мною соображения о постепенном выполнении изменений в организации войск и повторил несколько раз, что не видит причины торопиться с этим делом, что надобно сообразоваться с денежными средствами. Пользуясь благоприятным настроением государя, я выпросил награды вне правил главным труженикам, которые вынесли на своих плечах тяжелую работу обеих комиссий (по организации войск и воинской повинности), а именно: генерал-майору Обручеву, полковникам Шнитникову и Величко и самому графу Гейдену, которому государь предназначает Владимира 1-й степени при рескрипте. Это радует меня; но вместе с тем снова имел я неприятность выслушать от государя упреки, будто бы в Военном министерстве нет бережливости в расходах.

Очевидно, государь повторял чьи-то чужие слова; он прямо высказывал, что таково мнение многих лиц, даже из числа таких, которые хорошо ко мне расположены и отдают мне справедливость в других сторонах моей деятельности. Мне ясно, что государь, ездивший вчера в город и ночевавший в Зимнем дворце, виделся, конечно, с князем Барятинским. Снова слышал я упреки и в том, что в войсках увеличилась переписка, что они замучены формами и отчетностями и т. д. Всё это слышу в сотый раз; видно, все мои объяснения и опровержения – как об стену горох.

Тем не менее я снова возражал и объяснял, как неосновательны эти нарекания; спрашивал, почему те мудрецы, которые так легко критикуют, никогда не укажут, в чем именно заключаются излишние, по их мнению, расходы. На чем полагали бы они сделать экономию? Какую переписку признают они излишнею после сделанных уже в последнее время сокращений в формах и отчетности?.. Объяснения мои были прерваны входом наследника цесаревича.

По возвращении из Царского Села в Петербург заехал я в отдел патронного завода на Литейной; давно уже не бывал там и вообще в последнее время никуда не ездил: не до того было. Показывали мне приспособление скорострельных пушек к перевозке на вьюках.

Великий князь Михаил Николаевич приезжал ко мне проститься: уезжает завтра на Кавказ.

2 мая. Среда. Девятое заседание в Государственном совете по делу о воинской повинности. Прошло довольно много статей, несмотря на горячие прения. Всего более было спора по вопросу о евреях, для которых в проекте Комиссии предполагались особые, исключительные правила. Мною предложено совсем выключить эти правила из положения, а взамен их сделать оговорку в журнале присутствия. Еще одно заседание – и, вероятно, кончим рассмотрение проекта в Особом присутствии. В Общее же собрание Государственного совета проект будет внесен уже осенью.

Перед заседанием в Государственном совете происходил высочайший смотр трем полкам, приведенным в Петербург на время пребывания их шефа – германского императора. Полки эти выступят завтра в свои места расположения.

3 мая. Четверг. Сегодня при докладе государю опять должен был иметь объяснение относительно наград за работы по комиссиям. Странная система давать награды не за оказанные заслуги, не за известные работы, а только за исполнение службы в требуемые сроки. Некоторым из лиц, наиболее усердно трудившимся в этих комиссиям, отказывается в заслуженной награде потому только, что они случайно в прошлом году получили очередную награду за выслугу предшествующих узаконенных лет! В числе их и сам председатель обеих комиссий граф Гейден, который действительно вынес на своих плечах обширную и сложную работу, исполнил вполне успешно возложенное на него трудное дело!..

5 мая. Суббота. Генерал Тотлебен признал настоящее время удобным, чтобы помимо меня провести давнишнюю свою мысль об отделении казарменной части от Главного инженерного управления. Зная, что я не разделяю его мнения, подал он записку прямо государю, через великого князя Николая Николаевича. Я должен был сегодня объяснять государю несообразность представленного предположения [доказывающего только бездарность и мелочность генерала Тотлебена в деле администрации…]. Вторично пробовал заговорить о награждении графа Гейдена, но безуспешно.

8 мая. Вторник. После доклада в Царском Селе и бригадного учения на Марсовом поле был я в заседании Особого присутствия Государственного совета по делу о воинской повинности. Это десятое и последнее заседание заключалось преимущественно в продолжительных спорах о взысканиях за нарушение нового закона, то есть за уклонение от воинской повинности.

Председатель наш, великий князь Константин Николаевич, заметно торопился покончить дело, так как решен уже на 14-е число отъезд его в Николаев. Поэтому и рассмотрение дополнительного положения об ополчении отложено до осени; а между тем на канцелярию Государственного совета возложена подготовка всех редакционных работ. В заключение прочитано было сегодня же мое представление о том, чтобы в будущем, 1874 году произвести два набора: в начале года – обыкновенный, по прежнему рекрутскому уставу, а в конце года – уже по новому положению. Предположение это присутствием одобрено.

9 мая. Среда. Праздновали юбилей Николаевского кавалерийского училища. После молебствия в церкви государь обошел залы, в которых собрались представители всех 50 поколений выпущенных из училища питомцев. По отъезде его величества начался «акт», заключавшийся только в прочтении составленного полковником Потто краткого очерка истории училища. Значительная часть этой речи была посвящена восхвалению князя Барятинского как самого замечательного из произведений училища. Вероятно, автор предполагал, что перед ним в числе слушателей будет и сам герой Гуниба[4]. Но он, как слышно, всё еще лежит с подагрой.

10 мая. Четверг. Приезд шаха персидского [Насреддина], сначала встреча на железнодорожной станции; по всему пути до Зимнего дворца – по Невскому проспекту и Малой Миллионной – толпы народа. В Зимнем дворце шах прошел через залы, битком набитые генералитетом и офицерством.

Я должен был отказаться от юбилейного обеда Николаевского кавалерийского училища, чтобы проводить на Николаевскую железную дорогу дочь Надю, которая отправилась с Марией Николаевной Вельяминовой и княжной Вяземской в тамбовскую их деревню. Уклонился также от парадного спектакля в Большом театре в честь шаха.

11 мая. Пятница. Большой парад для шаха на Марсовом поле, а потом *déjeuner dinatoire*[5] у принца Ольденбургского. Оказывается, властелин Персии вовсе еще чужд европейских нравов; нам приходится начинать его воспитание и даже учить, как сидеть за европейским столом. Вечером он был на балу Дворянского собрания.

12 мая. Суббота. Доклад в Зимнем дворце; потом бригадное учение на Марсовом поле. Шах отказался присутствовать под предлогом болезни; но болезнь эта не помешала ему явиться на парадный обед, данный в честь его в Николаевском зале на 140 приглашенных.

Сегодня уехала в Тамбовскую губернию дочь Ольга с

младшими сестрами. В Петербурге остались мы только вдвоем с женой.

14 мая. Понедельник. В полдень представлял я государю членов обеих комиссий по случаю их закрытия. Многие из сотрудников получили награды, прочие – именные благоволения. Мне приятно, что удалось выпросить главным лицам в этих комиссиях (Обручеву, Шнитникову и Величко) по две награды, которыми они остались довольны; но прискорбно, что государь окончательно отказал в награде самому графу Гейдену. Взамен награды получил он рескрипт [которым должен быть доволен]. Если б я был на его месте, то подобный лестный рескрипт доставил бы мне больше удовольствия, чем всякий орден. Не знаю, как он смотрит.

После представления происходило на Семеновском плаце в присутствии шаха учение 1-й бригаде Гвардейской кирасирской дивизии и Конвою. Вероятно, ему пришлось в первый раз быть верхом под дождем и обрызганным грязью.

Вечером – бал во дворце. Шах уже совсем развернулся; тем не менее ему трудно еще отстать от своих азиатских привычек: он чуть было не растянулся на диване в гостиной, полной дам.

15 мая. Вторник. Доклад в Зимнем дворце; потом учение 1-й бригаде 2-й гвардейской пехотной дивизии. Шах не присутствовал, а ездил в Кронштадт; вечером же его угостили фейерверком на островах, несмотря на светлый летний вечер и очень свежую погоду.

После обеда проводил я на станцию Николаевской железной дороги мою невестку Марию Аггеевну Милютину; потом был у графа Строганова в железнодорожном комитете. Решался вопрос о дорогах Фастово-Знаменской и Ромно-Лозовой. Пробовал я снова настаивать, чтобы железные дороги не составлялись из мелких клочков, из которых выходят ломаные линии, однако же и на этот раз безуспешно. Большинство членов комитета, по-видимому, судит иначе: дается предпочтение отдельным, коротким линиям для удовлетворения частных, местных интересов; от этого наша железнодорожная сеть составилась почти случайно из соединения отдельных ветвей.

В таком смысле решен и вопрос о новой линии от Фастова к Знаменке, которая будет изогнута и изломана, чтобы пройти по возможности ближе к главным сахарным заводам. Другая линия – от Ромен через Полтаву в Лозовую – хотя и не отвергнута в принципе, однако же отодвинута на задний план под тем предлогом, что сделалась менее нужной после того, как решили провести линию от Ворожбы (к западу от Харькова) к станции Мерефа. Спрашивается: зачем же было принимать решение о

подобной дорогу, имеющей только частную, местную цель, прежде главной, большой линии?..

После заседания комитета заехал я к новому турецкому послу Киамиль-паше на официальный прием.

16 мая. Среда. Утром был на экзаменах в Пажеском корпусе. Вечером не поехал в Царское Село на придворный спектакль; оставался дома за работой.

17 мая. Четверг. Доклад на железной дороге: государь ехал из Царского Села в Петербург, в парадной форме по случаю отъезда шаха. Я избавил себя от проводов.

Получено по телеграфу странное известие, что Красноводский отряд (полковника Маркозова) вынужден был от невыносимого жара в степи вернуться к Красноводску.

Отступление его может иметь невыгодное для нас нравственное влияние на кочевников. Кавказское начальство теперь увидит, что оно напрасно домогалось с такой самоуверенностью принять на себя главную роль в Хивинской экспедиции.

18 мая. Пятница. Вчера не успел я докончить свой доклад по железной дороге, а потому должен был сегодня опять ехать в Царское Село. После доклада распростился я с государем, который в четыре часа пополудни выехал за границу. Прощание наше было холоднее, чем в прежние времена; при этом не было даже вопроса о том, что намерен я делать в отсутствие его величества и где моя семья. Среди доклада моего вошли в кабинет наследник и цесаревна [Мария Федоровна] с детьми своими [Николаем Александровичем и Григорием Александровичем]; они также сегодня отправляются за границу, морем. Юная чета давно уже держит себя в отношении ко мне более чем холодно. По всему видно, что интрига против меня имела полный успех и оставила следы неизгладимые. При всем моем философском воззрении на придворные отношения невозможно, однако же, совсем отрешиться от чувства досады и негодования на несправедливость и неблагодарность.

13 июня. Среда. Почти целый месяц ничего не заносил я в свой дневник; ничего не происходило, заслуживающего быть записанным. В Петербурге время затишья; город опустел; все дела в застое. Только изредка телеграммы и донесения из отрядов, направленных на Хиву, пробуждали внимание публики. Я же лично был занят не одними делами служебными, но также и домашними – переменой квартиры (с Дворцовой набережной на Фонтанку, у Цепного моста, в дом графа Олсуфьева), устройством будущего казенного дома военного министра, перепиской с князем Кочубеем о покупке маленького имения его на Южном

берегу Крыма и проч. В то же время озабочивало меня положение моего сына: после неудачного движения Красноводского отряда дано было государем повеление отправить его в Туркестанский отряд, через Оренбург. Переезд нелегкий, особенно в июне месяце, и притом бесцельный, так как, по всем вероятиям, он прибудет туда, когда все действия военные будут закончены. Не знаю, как смотреть на это высочайшее повеление: просто ли как на одно из тех приказаний, которые даются без всякой преднамеренной цели, или же как на новое проявление незаслуженной немилости к молодым офицерам гвардейской Конной артиллерии, имена которых связаны с жалкой историей Квитницкого[6].

Как бы то ни было, но бедный мой юноша, поспешивший уже из Баку отослать в Петербург своего слугу с вещами, скачет теперь один на перекладной в Оренбург, где должен быть 15-го числа. Как поедет далее и как попадет в отряд под Хивой – не ведаю.

Среди мелочей домашней жизни я совсем и забыл о существовании Комиссии князя Барятинского. Почти все назначенные в состав ее лица разъехались; сам председатель лежал в страданиях подагры и только недавно собрался с силами, чтобы переехать в Царское Село. Прежние требования его сведений и справок из министерства давно уже прекратились… Я было думал, что всё это злополучное дело кануло в вечность и могущественный мой противник, не видя цели предпринятой им против меня козни, бросил свою затею. Однако же выходит иначе: на днях узнал я (от Александра Аггеевича Абазы), что на Военное министерство сочинен наконец памфлет и передан на рассмотрение генерал-адъютанту Чевкину; что в прошлый понедельник, 11 июня, съезжались к председателю Комиссии в Царское Село Чевкин, Павел Николаевич Игнатьев и граф Баранов (единственные члены, еще не покинувшие Петербурга); что на другой день, то есть вчера, подписан ими обвинительный акт. Это было первое и последнее заседание Комиссии, следовательно, приговор составлен единолично князем Барятинским (чьими руками – не знаю); Чевкин и Игнатьев явились послушными ассистентами. Не говорю о графе Баранове, потому что он был в отсутствии и приехал только перед самым заседанием 11-го числа, притом же голос его и не мог иметь веса в таком авторитетном трио…

Через несколько времени, вероятно, узнаю, в чем заключаются обвинения; но сколько можно догадываться по немногим словам, сказанным Чевкиным Александру Аггеевичу, главная тема обвинительного акта состоит по-прежнему в том,

что в Военном министерстве нет надлежащей «хозяйственности» (узнаю в этом выражении Чевкина), что потому издерживаются лишние деньги; обстановкой же этой голословной темы служат мелкие факты, подобные тому, что были где-то отпущены из интендантских мастерских плохо сшитые сапоги, оружейные заводы мало еще изготовили малокалиберных ружей и т. п. Сущность дела заключается, конечно, не в том, что настрочили эти мудрецы, копавшиеся несколько месяцев в делах и сметах министерства, а в том, какая резолюция будет положена на подписанном ими акте. От этой резолюции, по всем вероятиям, будет зависеть окончательное мое решение – как поступить. Вся поднятая против меня буря должна иметь развязку с возвращением государя из-за границы, то есть около половины будущего июля: или посланная к его величеству в Эмс записка останется под сукном, или я должен буду окончательно просить об избавлении меня от такой должности, которую не дают мне возможности выполнять со спокойным духом.

Вчера, когда собирался я ехать в Комитет министров, удивлен был визитом Константина Владимировича Чевкина: он приехал будто бы проститься, уезжая сегодня же за границу. Посещение это показалось мне предзнаменованием недобрым, тем более что он не сказал ни слова о подписанном докладе Комиссии. Потом, в Комитете министров, Игнатьев также держал себя со мною как-то странно, приторно-учтиво; видно было, что ему неловко.

14 июня. Четверг. Приходится дополнить и исправить записанные вчера сведения о Комиссии Барятинского. Оказывается, в прошлый понедельник в совещании участвовало еще несколько лиц, кроме тех, о которых слышал я прежде, между прочими – Грейг и Якобсон. Последний из них сам во вчерашнем заседании Военного совета объявил мне о своем участии. Он отзывался с пренебрежением о записке, составленной под руководством князя Барятинского с поправками Чевкина. По словам Якобсона, записка эта не заключает в себе ничего важного: на каких-нибудь семи листах писарского письма высказываются мнения о невыгодности некоторых распоряжений по Военному министерству, а более всего трактуется об увеличении переписки в военном ведомстве. Стало быть, это всё прежняя пошлая дребедень. По всем вероятиям, я не ошибся, предсказав государю, что учреждаемая им Комиссия не приведет ни к какому другому результату, кроме сочинения еще одного памфлета на Военное министерство, и вызовет только новую полемику.

16 июня. Суббота. Сегодня наконец получено по телеграфу от генерала Кауфмана известие о занятии Хивы нашими войсками. Кажется, дело обошлось без боя; но успех неполный:

хан [Мухаммад-Рахим], решившийся было сдаться, не устоял и бежал прежде прихода наших войск. Придется или гоняться за ним по степи, или держать наши войска в Хиве. Не знаю, как генерал Кауфман выйдет из этого затруднения.

Сегодня же получено с Кавказа подробное описание бедствий, вынесенных в степи Красноводским отрядом.

Что Маркозов не продолжал движения вперед, а возвратился вспять – в том обвинять его нельзя: действительно, представилась физическая невозможность идти вперед; виноват он разве в том, что избрал самый невыгодный путь к Хиве и первоначальными действиями испортил свое положение в крае. Если б он не возбудил против себя текинцев и не увлекся движением за Атрек, то не затруднился бы собрать нужное число верблюдов и, выступив прямо из Красноводска, мог бы подойти к Хиве другой, лучшей и уже знакомой ему дорогой – через Сары-Камыш.

1 июля. Воскресенье. Опять большой перерыв в моем дневнике. Две недели прошли совершенно тихо и спокойно. В продолжение этого времени приходили дополнительные известия из отрядов, занявших Хиву, о возвращении хивинского хана с повинною; а вчера телеграмма генерала Кауфмана возвестила об отмене «на вечные времена» рабства в хивинских владениях!.. Хотя мы еще не знаем, чем именно будет гарантировано действительное исполнение этого торжественного «манифеста», однако же известие это произведет, несомненно, хорошее впечатление в Европе.

Успехи наши в Средней Азии приняты в Эмсе, по-видимому, довольно равнодушно. Фельдъегеря привозят оттуда доклады большей частью самого неважного содержания, с утвердительными резолюциями, – и ни одного теплого слова для наших бедных войск, натерпевшихся бед среди раскаленных песков Средней Азии.

В продолжение двухнедельного промежутка домашние мои дела мало подвинулись. В ожидании решения о покупке имения на Южном берегу Крыма мы вдвоем с женой сочиняли проекты для постройки будущего нашего жилья. 29-го числа ездили в Выборг, чтобы навестить там сестру, которая на летнее время поселилась на даче профессора Юнге, вместе с его семьей (жена его Екатерина Федоровна – дочь известного графа Федора Петровича Толстого, бывшего вице-президента Академии художеств, недавно только умершего).

Вчера осматривал я выборгские укрепления. К вечеру возвратились мы в Петербург по железной дороге.

6 июля. Пятница. От генерала Кауфмана приехал сегодня курьером капитан Фан-дер-Флит (его адъютант) с письменной

реляцией о занятии Хивы и донесением о сделанных после прибытия хана с повинной распоряжениях. Словесные рассказы адъютанта открывают некоторые закулисные подробности, довольно прискорбные. Оказывается, генерал-лейтенанту Веревкину хотелось увенчать себя лаврами победы и потому он повел на город атаку в то время, когда генерал Кауфман собирался вступить в него с другой стороны церемониальным маршем. Недовольный чем-то, генерал Веревкин немедленно уехал из отряда под предлогом полученной им незначительной раны.

Генерал Кауфман прислал между прочим всеподданнейшую докладную записку, в которой просит высочайшего разрешения на некоторые меры, с одной стороны – для сбора контрибуции с кочевых туркмен, с другой – для занятия некоторых новых пунктов с целью стать в отношении к Хиве в угрожающее положение и не быть рано или поздно вынужденным снова предпринимать такие трудные и дорогостоящие экспедиции, как в нынешнем году. В этих видах он полагает удержать за собой один пункт в устьях Аму-Дарьи, а другой – несколько выше по течению этой реки, около села Шурохан; в каждом из этих пунктов оставить гарнизон не менее пяти рот с двумя сотнями. Вместе с тем объявить, что вся правая сторона Аму-Дарьи переходит под власть России, частью же уступается бухарскому хану [Сеид-Муззафар-Эддину].

Насколько я разделяю мнение генерала Кауфмана о пользе занятия устья Аму-Дарьи, поскольку так мы наконец добьемся удобного водного сообщения с этим новым пунктом, настолько же не могу одобрить занятие Шурохана. В таком смысле пишу я графу Адлербергу для доклада его величеству. Завтра капитан Фан-дер-Флит отправится с привезенными бумагами в Югенгейм.

9 июля. Понедельник. Время мое течет так же тихо и спокойно, как и прежде. С нынешнего дня, с отъездом жены в Тамбовскую губернию, откуда дней через десять она отправится далее в Крым, я опять остаюсь в полном одиночестве. Впрочем, эта спокойная одинокая жизнь продолжится недолго: к 18-му числу ожидается прибытие государя.

В минуты досуга от дел служебных занимаюсь изучением строительного искусства. Предмет этот всегда интересовал меня, а теперь я связываю это занятие с покупкой земли в Крыму и постройкой там дома. Однако ж дело это, почти уже решенное, не подвинулось до сих пор ни на шаг за невысылкой князем Кочубеем нужных для совершения купчей документов.

13 июля. Пятница. Провел весь день в разъездах. В 9 часов утра отправился по железной дороге в Сестрорецк, где осмотрел

оружейный завод и намеревался немедленно поехать к пристани, у которой ожидал меня пароход Кронштадтского инженерного управления. Но задержался до двух часов: сначала завтрак у начальника завода генерал-майора Лилиенфельда, а потом явилась ко мне депутация от обывателей (бывших поселян) Сестрорецка с адресом, в котором выражалось желание освятить в моем присутствии икону, сооруженную для новой церкви во имя святого Димитрия в знак благодарности за мои заботы о нуждах сестрорецкого поселения. Отказать в этом, конечно, я не мог и должен был выстоять молебствие, после которого поблагодарил общество за выраженное мне сочувствие. И в самом деле, мне было утешительно увидеть Сестрорецк пять лет спустя после большого пожара, истребившего всю слободу. Теперь дома отстроились заново, лучше прежнего; возведена (хотя пока вчерне) прекрасная новая церковь на месте сгоревшей; обыватели уже освоились с новым своим положением людей свободных, независимых от завода и его начальства.

Из Сестрорецка отправился я осматривать морские батареи Кронштадта, сначала на северном фарватере, а потом на южном. До сих пор всё еще не можем довести до конца работ как инженерных, так и артиллерийских. Много еще остается дела. В настоящее время самые любопытные работы производятся на форте «Константин», где устраивается на два орудия 11-дюймового калибра подвижная установка по проекту генерал-майора Паукера, а на батарее № 3 (южного фарватера) орудия будут поставлены во вращающихся башнях.

Установка Паукера уже в таком виде, что можно было в моем присутствии испытать подъем и опускание платформы; но самое орудие втаскивали на эту платформу только сегодня. Для вращающихся башен возведены каменные основания; самые же башни (железные) только что устанавливаются.

Возвратился я в Петербург в 9 часов вечера на пароходе артиллерийского ведомства.

16 июля. Понедельник. Сегодня в канцелярии Военного министерства принимал я кашгарского[7] посланца Муллу Турап-Ходжу. [Ничего в нем замечательного: такой же, как все другие приезжавшие из Средней Азии, посвященный во все тонкости азиатской вежливости.]

19 июля. Четверг. Каникулы мои окончились; вчера вечером государь с императрицей возвратились из-за границы. Я встретил их на железнодорожной станции в Царском Селе и остался там ночевать. Сегодня утром имел первый доклад. Государь был разговорчив, с восторгом вспоминал, в каком блестящем состоянии представлялись ему войска в Варшаве, Гродне, Вильне

и Динабурге; много говорил о Хивинской экспедиции. Вообще, не было заметно никаких следов прежних неудовольствий.

После доклада возвратился я в город с дочерью Елизаветой, приехавшей также из-за границы после пятимесячного там пребывания при императрице и великой княжне Марии Александровне.

21 июля. Суббота. Вчера утром ездил в Красное Село, где назначен был лагерный развод и потом объезд лагеря. Во время этого объезда государь неожиданно приказал забить тревогу. Все войска собрались очень быстро, выстроились на Военном поле, и затем было произведено общее учение в виде маневра на одну сторону. Возвратился я в Петербург только вечером.

Сегодня был в Царском Селе с докладом. Часть времени провел в разговорах с дочерью и возвратился в Петербург к 3 часам.

По случаю доклада о предположенном на 30 августа производстве в генеральские чины государь приказал, чтобы к тому времени было объявлено о восстановлении должности бригадных командиров в пехотных и кавалерийских дивизиях, несмотря на то, что мера эта ведет к новому ежегодному расходу в 225 тысяч рублей.

29 июля. Воскресенье. Целую неделю не мог я открыть свой дневник. Бóльшую часть недели провел в Красном Селе, только изредка приезжал в город, а в пятницу утром ездил в Царское Село по случаю дня рождения императрицы. Всё время было поглощено учениями и смотрами, повторяющимися из года в год с неизменным единообразием. Впрочем, одно было новым в этом году: государю показали учение сводной дивизии, составленной из всех почти пехотных полков Красносельского лагеря, в составе 16 батальонов по военному составу, с 8 батареями (64 орудиями), то есть в том именно составе, какой предположен впредь для нашей армии. Проделанный опыт подтвердил, что такая дивизия составляет громоздкую массу, которую нелегко будет ворочать одному начальнику.

Вчера при докладе в Красном Селе государь наконец передал мне пресловутую записку князя Барятинского, под которой не устыдились подписать свои имена Чевкин, Игнатьев, граф Эдуард Баранов, князь Голицын (Владимир Дмитриевич) и Грейг. Правда, подписались они непосредственно под «заключением», в котором прописано, что они, «выслушав все вышеизложенные факты и сведения…» (то есть всю дребедень, сочиненную генерал-майором Яковлевым под руководством князя Барятинского), признали *заслуживающими внимания* четыре пункта, изложенные далее в нескольких строках. Достаточно взглянуть на эти четыре пункта,

чтобы убедиться в ничтожестве результата столь громко учрежденной Комиссии. По всем этим пунктам уже неоднократно давались объяснения и возражения; содержание их уже избито до пошлости; и, несмотря на это, государь все-таки, отдавая мне записку, выразился в таком духе, как будто в самом деле заключается в ней что-то новое, чем министерство может воспользоваться. Опять приходится мне (в который уже раз) представить объяснения. Судя по просмотренному уже мною началу этого обвинительного акта, полагаю, что нетрудно будет опровергнуть все обвинения.

Сегодня займусь продолжением чтения записки и постараюсь не портить себе крови этим чтением. Напротив, я должен даже радоваться тому, что целый ареопаг, собранный под председательством лица, открыто заявившего себя моим противником, с целью нанести удар моему 12-летнему управлению, не мог отыскать никаких других обвинений, кроме пустых укоров, которые приводятся в записке князя Барятинского на основании извращенных фактов, недобросовестно подобранных цифр и каких-то измышлений бездарного генерала Яковлева.

31 июля. Вторник. Вчера съездил в Красное Село совсем напрасно: учение по случаю дурной погоды отменили. Сегодня утром был в Царском Селе для доклада, после которого отправился с государем в Кронштадт. Его величество осматривал некоторые суда, в том числе фрегат «Светлану», на котором плавал два года великий князь Алексей Александрович, и новую императорскую яхту «Держава», только что выстроенную, с роскошной отделкой. Государь посетил также Константиновскую батарею. Возвратились мы в Петербург в седьмом часу вечера.

15 августа. Среда. Две недели не открывал я своего дневника. Решительно не было времени за беспрерывными разъездами, маневрами и разными хлопотами. Теперь нужно мне некоторое напряжение памяти, чтобы записать происходившее в эти две недели. Постараюсь припомнить, что могу.

1 августа, среда – Военный совет.

2-го, четверг – доклад в Царском Селе; остаюсь там к царскому обеду; прогулка с дочерью [Елизаветой] в Павловск.

3-го, пятница – опять в Царском Селе; после раннего обеда у дочери отправился на лошадях с адъютантом Пущиным через Красное Село и Ропшу в Лопухинку – сборный пункт Императорской главной квартиры по случаю маневров.

Маневры в нынешнем году были довольно продолжительны (всего 11 дней), хотя и с промежутками для отдыха. Войска были разведены далеко, до самого Ямбурга и до морского берега. В

первый день, 4 августа (суббота), происходили только авангардные дела между Ворониным и Лопухинкой; мы промокли под проливным дождем.

К обеду собрались в Ропше, куда прибыла и государыня императрица. Всё воскресенье прошло в прогулках и беседах, а вечером – детские игры.

6 августа, понедельник – после доклада в Ропше поехал я вслед за государем обратно в Лопухинку. Тут справляли полковой праздник Преображенского полка и Гвардейской артиллерии.

7 и 8-го, вторник и среда – маневры от Воронина к Бегуницам и Каскову. Все страшно устали, но маневры были довольно интересны.

К вечеру 8-го числа возвратился я в город и нашел на своем письменном столе два весьма приятных для меня известия: одно – письмо из Крыма от жены, которая сообщает самые утешительные сведения о будущем нашем поместье близ села Симеиз; она описывает его с восхищением, так что не остается уже никаких сомнений, никаких колебаний относительно приобретения этого имения. Рядом с письмом жены нахожу извещение от господина Кондрашева, поверенного князя Кочубея, о том, что наконец получены документы, нужные для совершения купчей. В радости скачу я к Кондрашеву, сговариваюсь с ним, заезжаю к услужливому Александру Степановичу Гуро и, успокоенный насчет этого дела, отправляюсь на другой день в Царское Село с обычным своим докладом.

9 августа, четверг – опять ранний обед у дочери и опять еду прямо из Царского на маневры, на сей раз только до Ропши.

10 августа, пятница – генеральное сражение на позиции у Переярова; упорные атаки великого князя Николая Николаевича признаны отбитыми, а барон Бистром – победителем. Тут же, к общей радости, объявлен конец маневра – днем ранее, чем предполагалось. Почти мгновенно все разъезжаются; я возвращаюсь в Царское Село, где должен быть на другой день с докладом.

11 августа, в субботу, возвратившись после доклада в Петербург, поспешил я заняться делом симеизским. Надобно было торопиться с решением этого дела с Кондрашевым, так как в распоряжении моем оставались всего только одни сутки: предстояло на следующий день сопровождать государя на смотр флота в Транзунде, а затем, быть может, и ехать с его величеством в Москву и в Крым. Также и Кондрашеву предстоял в воскресенье отъезд из Петербурга. Поэтому сговорились мы с ним и с Гуро съехаться у меня вечером в субботу, пригласив и нотариуса. К крайнему моему прискорбию, в присланных князем

Кочубеем документах и в данной им Кондрашеву доверенности встретились какие-то недомолвки, затруднявшие совершение купчей. Однако ж на следующий день, в воскресенье утром, когда съехались мы снова, придумано было средство обойти встреченное затруднение, и купчая была подписана, к большому моему удовольствию. Немедленно же телеграфировал я жене о приятной развязке дела, так давно уже истощающего наше терпение.

Забыл упомянуть, что в субботу имел я продолжительный разговор с кашгарским посланцем, который непременно желал быть у меня неофициально. Я нашел в нем человека умного, с тонким азиатским тактом. Беседа наша от обычных учтивостей и комплиментов нечувствительно перешла на политические предметы. Посланец Якуб-бека вел себя настоящим дипломатом. Расстались мы, по-видимому, довольные друг другом. Он выпросил у меня фотографический мой портрет.

В воскресенье, 12-го числа, после обеда отправился я на казенном пароходе «Онега» в Кронштадт на великолепную царскую яхту «Держава». Государь прибыл туда из Ораниенбаума к полуночи, а с рассветом отправились мы к Транзунду. В 8 часов утра мы были в виду всей эскадры; среди нее стоял пароход «Штандарт», на котором только что прибыли из Англии наследник и цесаревна. День был превосходный, даже жаркий; море – как зеркало; под вечер же, как будто по заказу, легкий ветерок дал возможность исполнить парусную гонку.

Целый день, до совершенной темноты, прошел в морских упражнениях. Программа была выполнена совершенно успешно; все были в хорошем расположении духа и, утомленные, разошлись поздно вечером по каютам. Утром 14-го числа проснулись в виду Кронштадта, где пересели на малый пароход и прибыли в Петербург около 10 часов утра.

Здесь, в своей квартире, нашел я сестру и дочь Лизу, приехавшую на день из Царского Села. Бóльшую часть дня провели мы вместе.

Поездка в Транзунд была для меня приятной прогулкой; но в особенности было мне приятно, что там, в море, получил я первое телеграфное известие из Ташкента о благополучном прибытии моего сына в Хиву. В эти два дня как будто мне было суждено успокоиться душевно по поводу разных волновавших меня забот. Не имея известий от сына с того времени, как выехал он из Самарканда с двумя туземцами (джигитами) через Бухару, я начинал беспокоиться за него; притом государь не говорил мне ни слова о возвращении моего бедного странника. Полученная теперь телеграмма дала мне повод прямо спросить об этом. Его

величество отвечал, что по возвращении войск из Хивы и сын мой может вернуться, и, улыбнувшись, прибавил: «В Ливадию». Приезд его туда будет великой радостью для всей семьи.

Во всё время маневров и потом государь вообще был внимателен ко мне, как бывало в старину. Императрица также была любезна. Но я напрасно ожидал предложения сопровождать государя в предстоящую поездку в Крым и вынужден был испросить себе отпуск туда же на два месяца. Казалось вполне естественным, чтобы военный министр находился при государе во время предстоящих на пути смотров войскам… Но, видно, есть какие-нибудь неведомые мне соображения.

Сегодня поехал я с докладом в Царское Село и явился в полной форме, чтобы откланяться их величествам. «Так мы скоро увидимся в Ливадии?» – сказал государь. «Если получу на это приказание», – ответил я. «Стало быть, ты сам не желаешь этого?» – «Нет, государь; но я не считаю себя вправе явиться без приказания». Государь улыбнулся: «Ну, так я приказываю… – и затем, при прощании опять повторил: – Так до Ливадии». [Как согласовать это любезное приглашение с нежеланием иметь меня в свите во время смотров? Я должен отложить свой выезд из Петербурга недели на две для того только, чтобы не ехать по следам государя и не подать повода к толкам о моем странном положении.]

В заключение доклада я должен был возобновить тяжелые и для меня, и для государя объяснения по поводу бывшей под председательством князя Барятинского Комиссии. Представил я свою объяснительную записку: почти ни одна строка журнала Комиссии не осталась без опровержения. Вместе с тем представлены мною и возражения на отчет государственного контролера Самуила Алексеевича Грейга, подавший повод к крайне обидной для Военного министерства отметке государя. (Отметка эта была положена еще в разгар поднятой против меня интриги.) Присутствие великого князя Владимира Александровича не помешало мне высказать без всякого стеснения мое мнение как об извращении фактов в записке князя Барятинского, так и о принятой в Государственном контроле системе изложения ежегодных всеподданнейших отчетов.

Государь уехал сегодня вечером с Колпинской станции; императрица выедет дней через пять. С ее величеством едет и старшая моя дочь. Свой отъезд из Петербурга полагаю отложить недели на две, чтобы привести некоторые дела к окончанию, а вместе с тем и чтобы не ехать по следам государя во время высочайших смотров в нескольких лежащих на пути пунктах.

19 августа. Воскресенье. Сегодня утром ездил в Царское

Село откланяться императрице. Ее величество выезжает завтра; любезно приглашала меня в Ливадию.

23 августа. Четверг. В числе бумаг, присланных от государя из Батурина, возвращена и поданная мною 15-го числа объяснительная записка по поводу отчета государственного контролера. На записке нет никакой собственноручной пометки, а приложена только записка графа Адлерберга, в которой он сообщает, что государь не изволит находить нужным давать этому делу дальнейший ход, потому что отчеты государственного контролера имеют цель именно вызывать подобные объяснения.

Таким образом, его величество, прочитав настоящее объяснение Военного министерства, признает дело законченным… Вот и результат всей многолетней полемики! Стало быть, государственному контролеру предоставлено взводить в его всеподданнейших отчетах всякие напраслины на любое министерство, не отвечая за то, что подносит на высочайшее усмотрение; нарекания эти на министерство дают повод к обидной высочайшей резолюции; затем министерство это представляет объяснение – и тем дело кончается. Можно бы заключить из этого, что слишком много досуга и у государственного контролера, пишущего напраслину, и у министров, обязанных сочинять длинные возражения, и у самого императора, читающего оба сочинения!.. Какое же значение может иметь положенная первоначально на отчете государственного контролера высочайшая резолюция?..

25 августа. Суббота. Вчера ездил я в Выборг, чтобы проститься с сестрой до отъезда моего в Крым. Возвратился оттуда сегодня утром. Погода стоит превосходная.

Сегодня прибыл из Хивы курьер с подробными донесениями о последних горячих стычках с туркменами 13, 15 и 17 июля. Воинственные эти кочевники, непривычные ни к какой над собою власти, попробовали еще раз отбиться от русских войск – и поплатились дорого за эту попытку. Странные бывают перестановки ролей в человечестве: хивинский хан прислал генералу Кауфману поздравление с новой победой и выразил свою радость по поводу того, что он проучил этих нахалов!.. Кауфман озабочен окончанием дел с этим подвижным и коварным населением степи. Настало время выводить войска из хивинских владений. Полагаю, в настоящее время все распоряжения к тому уже сделаны и войска начали обратное движение, за исключением отряда, оставляемого на реке Аму.

Сегодня же отправлен отсюда курьер в Ташкент; с ним послал письма к генералу Кауфману и к моему сыну.

28 августа. Вторник. Генерал Трепов уже не раз предлагал

мне посмотреть больницу для душевнобольных, организованную им в строениях прежнего Земледельческого училища, за Черной речкой. Сегодня мы с ним поехали туда в час пополудни и возвратились к обеду. Кроме больницы для умалишенных, там же поблизости устроены и бараки для обыкновенных больных – по недостаточности мест в городских больницах. Оба заведения нашел я в прекрасном виде: строения деревянные, но удобные, содержатся чисто, в порядке. Заведениями этими Трепов может хвастаться. Надобно отдать ему справедливость, он делает много хорошего для населения петербургского, особенно для бедного люда и страждущего человечества. Деятельность этого человека изумительна.

Вечером заехал я к баронессе Раден проститься по случаю отъезда. Умная и доброжелательная женщина.

30 августа. Четверг. Утром по случаю царского дня был в Александро-Невской лавре; вечером выезжаю с курьерским поездом на Москву, Харьков, Одессу.

4 сентября. Вторник. Мелас (на Южном берегу Крыма).

Проездом через Полтаву, в субботу, виделся я на железнодорожной станции с князем Кочубеем, от которого получил планы купленного у него имения в Крыму и некоторые по тому же имению документы; но переговорить с ним о деле не успел.

2 сентября, в воскресенье вечером, приехал в Одессу, остановился в гостинице «Лондон». В тот же вечер и в течение утра следующего дня успел уладить все свои частные дела: переговорил с капитаном Мордвиновым, который вызвался собрать нужные мне сведения касательно предстоящих строительных работ в Симеизе; ездил с ним в некоторые мастерские и на склады материалов; потом виделся с моим шурином Евгением Михайловичем Понсэ, с помощью которого уладил денежные дела с Одесским коммерческим банком и купил экипаж для Крыма. Всё это было кончено до отхода парохода «Коцебу», то есть до 2 часов дня.

Переход из Одессы в Севастополь был очень приятный; море совершенно гладкое, погода чудесная.

Сегодня, в 11 часу утра, при входе в гостиницу Киста встречаю генерал-адъютанта Попова, который предлагает мне осмотреть его первую «поповку», названную «Новгород»[8]. Странное это судно, похожее на плавающий круглый островок, с шестью паровыми двигателями и двумя орудиями. Не верится, что эта круглая машина – действительно морское судно. Работы еще не совсем окончены, пока всё вчерне.

После осмотра «поповки», исполнив кое-какие свои дела,

выехал из Севастополя в час пополудни на лошадях и к пяти часам уже спускался к Меласу – тихому приюту моей семьи. К вечеру приехала туда старшая дочь из Ливадии. Таким образом, собралась наконец вся семья, за исключением лишь сына, ожидаемого еще из дальних стран восточных.

5 сентября. Среда. Именины старшей дочери Лизы и рождение Маруси. Утро провел у нас сосед наш, Николай Яковлевич Данилевский, приехавший вместе с доктором Пясецким. Получили приятную телеграмму от сына, извещающего из Орска, что едет в Крым и будет 7-го числа в Саратове.

6 сентября. Четверг. Фельдъегерь Федоров прискакал из Ливадии с конвертом от графа Адлерберга, который по высочайшему повелению препровождает мне представленную государю статс-секретарем Деляновым (управляющим Министерством народного просвещения) записку о том, чтобы впредь не допускался прием в Медико-хирургическую академию молодых людей, не окончивших полного курса классической гимназии с аттестатом зрелости. Допущение в Академию гимназистов, окончивших курс только VII класса, испрашивалось мною два года сряду в виде временной меры, которую считал я необходимой, чтобы не остаться вовсе без врачей. Нынешние классические гимназии доведены до того, что выпускают с аттестатом зрелости по одному или по два ученика в год, а потому трудно надеяться, чтобы из такого малого числа выпущенных могли исключительно пополняться все факультеты университетов и Медико-хирургическая академия. Однако ж я предвидел, что рано или поздно Министерство народного просвещения поднимет вопрос о прекращении временно допущенного отступления от общего положения; но полагал, что вопрос этот все-таки будет подвергнут обсуждению или в Комитете министров, или в особой комиссии и уж тем более не будет решен без моего участия.

Вместо того на означенной записке Делянова прямо положена карандашом высочайшая резолюция: *непременно* прекратить ныне же допущенную временную меру. [Препровождая мне *для прочтения* такую неприятную резолюцию, граф Адлерберг вместе с тем извещает меня, что 11 и 12 сентября государем будут произведены смотры в Севастополе и его величеству угодно, чтобы я там находился, поскольку граф должен остаться в Ливадии при императрице. Возвратив ему немедленно записку Делянова, не скрыл я от графа Александра Владимировича, что высочайшая резолюция огорчила меня, и прибавил, что приеду прямо в Севастополь, а не в Ливадию, как меня приглашали. В действительности же думаю вовсе не ехать, сказавшись больным,

не желая служить заместителем графа Адлерберга.]

7 сентября. Пятница. В 8 часов утра выехал я из Меласа с женой, дочерью Надей и племянницей Аней Понсэ, чтобы осмотреть новоприобретенное поместье в Симеизе. Там назначено было свидание с поверенным князя Кочубея Ничем, заведовавшим до сих пор его имением. Вместе с ним обошли мы наше новое владение во всех направлениях, в иных местах побывали по нескольку раз, выбирая пункт для будущего нашего жилища. День был жаркий, сильно утомились, но приобретением своим остались вполне довольны. Опасаюсь только, чтобы желание хорошо здесь устроиться не повело к большим затратам нашего маленького капитала, собранного в течение многих лет самой строгой бережливости и скромного образа жизни.

В Мелас возвратились мы уже поздно вечером.

9 сентября. Воскресенье. Безмятежная тишина нашего уединенного Меласа была нарушена сегодня несколькими неожиданными посетителями. Утром получено приглашение на завтрашний бал в Орианде, но мы не намерены воспользоваться этой честью и не имеем даже к тому возможности по многим причинам, в числе которых главная – нездоровье жены и одной из дочерей. Затем приезжал флигель-адъютант Фан-дер-Флит, возвратившийся из Хивы; он сообщил нам некоторые сведения о моем сыне. После обеда явился подполковник Раевский, владелец Партенита и имения Корасан; он пробыл у нас до позднего вечера и крайне наскучил своей болтовней. Наконец, фельдъегерь из Ливадии привез несколько конвертов; в том числе от графа Адлерберга доставлен мне присланный генералом Кауфманом подлинный трактат, заключенный им с ханом Хивинским.

13 сентября. Четверг. Несмотря на страшную непогоду, дождь, ветер, холод, опять колокольчик: приехал генерал-майор Кармалин, назначенный недавно начальником Кубанской области и атаманом Кубанского казачьего войска. Это давнишний мой знакомый – как ученик в Военной академии и как офицер Гвардейского генерального штаба; человек умный, образованный, слывший в свое время [опасным либералом] «красным». Он провел у нас бóльшую часть дня.

14 сентября. Пятница. Вторично ездил в Симеиз на свидание с агентами строительного общества, предложившего свои услуги для постройки дома. Место для этой постройки выбрано окончательно.

Слышал, что вчера приехал в Ялту английский принц Альфред, жених великой княжны Марии Александровны. Государь встретил его на пристани, под проливным дождем.

17 сентября. Понедельник. Покупка Симеиза окончательно

утверждена; Нич привез мне купчую и получил условленную уплату.

Сегодня же приехал наконец мой сын; свидание с ним после продолжительных, дальних, трудных и небезопасных странствований его было, конечно, большой радостью для всей семьи.

Дочь Надя поехала вместе со старшей своей сестрой Лизой в Ливадию, куда мы были приглашены на вечер.

20 сентября. Четверг. Во вторник, 18-го числа, решился я наконец явиться в Ливадию. Поехал туда вместе с сыном; посидев вечером у дочери, отправились мы переночевать в Ялту, а на другой день утром представились государю, императрице и прочим наличным членам императорской фамилии, а также принцу Альфреду Эдинбургскому; затем проехал в Мисхор к великому князю Михаилу Николаевичу.

Свидание с государем было для меня тяжело; предстояло объяснение по трем неприятным делам. Сначала сам государь заговорил о своей резолюции на записке Делянова относительно приема в Медико-хирургическую академию. Его величество сказал, что не мог принять иного решения, хотя и знал, что я был постоянно в числе противников принятой ныне Министерством народного просвещения учебной системы. Я снова высказал свое мнение о том, что безусловное применение этой системы к Медико-хирургической академии и к медицинским факультетам университетов может иметь последствием еще большее уменьшение числа врачей, в которых уже и прежде оказывался недостаток; а так как на моей совести лежит забота о пополнении личного состава военно-медицинского ведомства, то я и не могу не заявить моих опасений. Продолжительные мои объяснения и доводы, как и следовало ожидать, остались без последствий.

Затем государь возвратил мне представленные мною возражения на журнал бывшей Комиссии князя Барятинского, и при этом опять не удалось мне вызвать со стороны его величества какое-либо определенное заключение. Государь явно желал предать забвению всё это несчастное дело. Я не настаивал и перешел к пререканиям моим с государственным контролером. Но и тут никакого положительного решения. Государь повторил, что государственный контролер исполняет прямую свою обязанность, излагая без утайки в своих всеподданнейших отчетах всё то, что замечено в контрольном отношении в действиях всех ведомств, и я напрасно принимаю к сердцу указания его, касающиеся Военного министерства. «Ты сам, конечно, не станешь утверждать, что во всем военном ведомстве не бывает упущений или злоупотреблений со стороны кого-либо

из служащих; случаи эти не ставятся в обвинение самому министру».

На это я заметил, что вовсе и не высказываю претензий в отношении того, что государственный контролер, по возложенной на него обязанности, указывает в своих отчетах замеченные ошибки, упущения или даже злоупотребления служащих лиц и управлений; но упрекаю его лишь в том, что замечания эти излагаются в такой неопределенной форме, в таких общих выражениях, что неизбежно подают государю повод предполагать общий по всему военному ведомству беспорядок или злоупотребления, чему служит доказательством положенная на последнем отчете государственного контролера высочайшая резолюция, так огорчившая и меня и еще более главного интенданта Михаила Петровича Кауфмана. На эти слова государь возразил, что означенная резолюция относилась отнюдь не к высшим начальникам и не к целому управлению, а к тем исполнительным лицам, за которых ни я, ни главный интендант поручиться не могут.

Приходилось удовольствоваться таким разъяснением и перейти к другим, менее щекотливым предметам: хивинским делам, завтрашнему маневру двух рот в Ливадии и подобным. Вообще, государь желал быть любезным. Еще более была внимательна ко мне государыня императрица – как утром при представлении, так и вечером за обедом. Великий князь Михаил Николаевич и великая княгиня Ольга Федоровна (занимающие дом графа Шувалова в Мисхоре) также были очень любезны и продержали меня у себя до четырех часов, так что я не мог уже, как предполагал, заехать на возвратном пути в Орианду к великой княгине Александре Иосифовне.

Сегодня утром, покончив свои дела (с архитектором) в Ялте и заехав в Ливадию за дочерью Надей, возвратился к обеду в Мелас.

26 сентября. Среда. В понедельник совершили мы приятную поездку в «Магарач» и Никитский сад; познакомились там с главными лицами: директором Цабелем, главным садоводом Клаузеном, химиком Саломоном и главным виноделом Сербуленко. Последний очень любезно предложил нам свои услуги для совместного осмотра нового нашего имения и его виноградников. Переночевав в Ялте, во вторник заехали вместе с Сербуленко в Симеиз и к вечеру возвратились в Мелас.

Сегодня вся семья моя здесь в сборе.

7 октября. Воскресенье. Давно не открывал своего дневника. Время текло совершенно однообразно; я наслаждался полным спокойствием. Эта тихая, безмятежная жизнь среди семьи, в уединенной местности благотворно действует на телесное и

душевное состояние. Более чем когда-либо мечтаю с любовью о будущем нашем приюте в Симеизе, и теперь мысли мои почти исключительно заняты устройством там нашего жилья и хозяйства. В течение последнего времени мы с женой продолжали вести переговоры с архитектором Поповым и с агентом строительного общества Поплавским, собирали данные, делали изыскания для устройства водопроводов, наняли садовника и винодела, рекомендованного главным виноделом «Магарача» Сербуленко, составляли финансовые расчеты и проч., и проч.

Однако ж необходимо было побывать вторично в Ливадии, во-первых, чтобы представиться приехавшему на днях наследнику цесаревичу, а во-вторых, по случаю дня рождения великой княжны Марии Александровны. Вся семья моя получила на вечер этого дня приглашение. Приехав 4-го числа под вечер в Ялту и переночевав там, я провел весь следующий день в Ливадии. Какая противоположность с нашим спокойным Меласом!.. Целый день сутолока, беготня; говорят вполголоса, ежеминутно поглядывают на часы, чтобы не опоздать, чтобы в свое время и в своем месте поклониться, показаться… и т. д.

Возвратившись вчера в Мелас, еще более чувствую цену здешнего спокойствия [и независимости].

25 октября. Четверг. Во вторник, 23-го числа, ездил я в Ливадию, чтобы откланяться перед отъездом из Крыма. Приехав туда утром со старшей дочерью (которая гостила у нас в Меласе дня три), явился я ко всем особам царской фамилии, присутствовал на пристани ялтинской в толпе провожавших великого князя Михаила Николаевича и великую княгиню Ольгу Федоровну; потом обедал за царским столом и вечером выехал из Ливадии.

Переночевав на станции Кикинеис, вчера, 24-го числа, дождался там приезда жены и сына, чтобы вместе с ними в последний раз взглянуть на наш Симеиз. Там съехались мы с Поплавским и еще раз на месте обсудили некоторые вопросы по постройке дома. Возвратились в Мелас поздно вечером.

Сегодня в последний раз наслаждаюсь здешней тишиной. Погода стоит чудесная, днем жарко. Грустно покидать такой благословенный уголок, но делать нечего: завтра еду в Севастополь, там окончательно подпишу условия с Поплавским и сяду на пароход, который, увы, унесет меня быстро к северу.

26 октября. Пятница. Севастополь. Рано утром выехал из Меласа в Севастополь, где подписал условие с Поплавским, агентом строительного общества, а в 3 часа отправился на пароходе «Михаил» в Одессу.

31 октября. Среда. Москва. После совершенно спокойного

морского перехода прибыл в Одессу 27-го числа, около 10 часов утра. Виделся с местными властями, посетил некоторые из военных учреждений, исполнил кое-какие поручения домашние и на другой день утром выехал по железной дороге. 30-го числа, во вторник, около 11 часов утра остановился в Туле, чтоб осмотреть вновь переустроенный оружейный завод. Новое помещение завода не только удобно, но даже роскошно. Еще не все станки получены из Англии; но обещают, что с марта будущего года завод будет на полном ходу. Отобедав у начальника завода генерал-майора Нотбека, выехал из Тулы в ночь и сегодня, к 10 часам утра, прибыл в Москву.

На пути от Одессы до Москвы успел я прочесть присланные мне из Петербурга бумаги, в том числе журнал Особого присутствия Государственного совета по делу о воинской повинности. С приездом моим в Петербург возобновятся заседания этого присутствия, а потом и Общего собрания Государственного совета. Надобно ожидать опять горячих споров, преимущественно с графом Толстым, который, наверное, будет с прежней желчью и упрямством отстаивать свои *idées fixes*. Вообще, с идеей о всеобщей воинской повинности публика уже освоилась настолько, что новая эта мера по существу своему и не возбуждает ни в ком противодействия. Только между крымскими татарами, а также в некоторых колониях возникли толки и волнения о выселении из России. Надеюсь, что эта местная, одиночная оппозиция не испугает нас и не подаст повода к уступкам.

Возвращаясь к своим обычным занятиям после двухмесячного отдыха, с тяжелым чувством готовлюсь к ожидающей меня в Петербурге массе дел, приостановленных за время моего отсутствия, к бесчисленным вопросам, объяснениям, приемам, заседаниям, а затем к новой борьбе, интригам, сплетням… Постараюсь вести дело с прежней настойчивостью и энергией, с философическим хладнокровием перенося ежедневные неприятности и столкновения; но в какой мере окажется возможным продолжать эту непрерывную борьбу – выяснится только с возвращением государя.

2 ноября. Пятница. Петербург. Пробыв в Москве два дня и осмотрев тамошние военно-учебные заведения, приехал сегодня утром в Петербург. Совершенная зима. Какой резкий переход от прелестного Южного берега Крыма! С первого же дня завалили меня грудами бумаг и служебными делами.

3 ноября. Суббота. Представлялся великим князьям. С Константином Николаевичем имел продолжительный разговор как по делу о воинской повинности, так и вообще о настоящем

положении Военного министерства и личном моем.

5 ноября. Понедельник. После заседания Общего собрания Государственного совета долго продолжалось заседание Особого присутствия по делу о воинской повинности; занимались пересмотром составленного журнала прежних заседаний. Всего кончить не успели, отложено до четверга.

8 ноября. Четверг. Второе заседание Особого присутствия о воинской повинности. На сцену снова является граф Толстой, и снова возникают раздражительные, желчные, упорные препирательства. Однако ж сегодня он был поставлен в необходимость уступить на всех пунктах спора, воспользовавшись только случаем излить свою желчь на военные гимназии, которые особенно ему не по нутру.

Неделя протекает обычным порядком: в определенные дни и часы заседания комитетов и советов, не представляющие ничего замечательного.

10 ноября. Суббота. Совещание в помещении Государственного совета: обсуждаем последнюю главу проекта положения о воинской повинности (карательные законы).

12 ноября. Понедельник. Последнее заседание Особого присутствия по воинской повинности. Положено в будущую субботу собраться для подписания журнала.

13 ноября. Вторник. Бурное заседание в Комитете министров по поводу внесенного Военным министерством представления о пополнении запаса селитры до определенной нормы посредством беспошлинного ввоза 400 тысяч пудов из-за границы. Я должен был войти в резкие прения с министром финансов Рейтерном, взявшим на себя роль покровителя петербургских химических заводов. Наговорено было много неприятного, но Комитет вынужден был в сущности согласиться на представление Военного министерства.

16 ноября. Пятница. Подписан журнал Особого присутствия по воинской повинности.

Всю эту неделю хлопотал по домашним делам: надобно приготовить помещение для семьи, которая на днях соберется в полном составе.

20 ноября. Вторник. Приехала из Крыма часть семьи – сын и две дочери.

В Комитете министров обсуждалось представление министра внутренних дел [Тимашева] о выдаче одного миллиона рублей в пособие голодающим крестьянам Самарской губернии. Присутствовал и самарский губернатор Климов, против которого сильно возбуждено общественное мнение. Его обвиняют в том, что, желая выслужиться, он немилосердно принимал крайние

меры для взыскания недоимок в летнее, самое рабочее время, когда уже предвиделся полный неурожай в некоторых уездах губернии. Господин этот хотел было и в Комитете министров свалить всю беду на пьянство и безнравственность крестьян. Министр внутренних дел и министр государственных имуществ граф Валуев, а с ними и шеф жандармов граф Шувалов, видимо, рассчитывали на эффект, который произведут в Комитете рассказы губернатора-очевидца. Но вышло несколько иначе: мне удалось свести дело к взысканию недоимок и распоряжениям самого губернатора. Тут заговорил министр финансов Рейтерн, который честно и прямо стал обвинителем Климова. После жарких прений Комитетом положено предоставить двум министрам возможность разъяснить дело.

21 ноября. Среда. Вечером ездил я на станцию Варшавской железной дороги встречать их величества. Приехала с ними и старшая моя дочь.

22 ноября. Четверг. Первый доклад у государя. Никаких не было ни разговоров, ни объяснений.

23 ноября. Пятница. Заседание Соединенных департаментов Государственного совета: обсуждалось представление Военного министерства о вольной продаже пороха. Прения были продолжительные; и здесь, как всегда, партия ретроградов пытается противодействовать предположенному нововведению; однако ж проект проходит только с некоторыми редакционными изменениями.

24 ноября. Суббота. После доклада своего отправился на открытие памятника Екатерине II. Государь объехал сначала войска, выстроенные вдоль Невского проспекта и Малой Миллионной, от Аничкова моста до Зимнего дворца, откуда начался торжественный царский поезд до памятника. Императрица подъехала к Публичной библиотеке и вошла в одну из зал, откуда смотрела на церемонию. Отслужено молебствие с коленопреклонением; затем завтрак в помещении Публичной библиотеки и, наконец, прохождение войск перед памятником. Погода довольно благоприятная.

Обедал я у германского посла принца Рейсса. Обед дан в честь приехавших на Георгиевский праздник[9] прусских генералов: фельдмаршала графа Мантейфеля, генералов Кирхбаха, Трескова, Штилле и Кнеппа. Тут же познакомился я с бывшим саксонским военным министром генералом Фабрици.

26 ноября. Понедельник. Георгиевский праздник справили обычным порядком, повторяющимся из года в год. Ныне он был ознаменован присутствием нескольких прусских героев.

27 ноября. Вторник. Горячие прения в Комитете министров

по двум делам; сначала – опять по поводу пособия голодающим обывателям Самарской губернии, а потом – по докладу статс-секретаря Валуева о результатах выдуманной им комиссии для исследования нынешнего состояния сельского хозяйства в России. Мне пришлось быть главным оппонентом графа Шувалова; к удивлению, на этот раз большинство поддержало меня. По обоим делам главным союзником моим был Рейтерн! – случай редкий.

28 ноября. Среда. С приездом жены из Крыма на зимние квартиры собралась наконец вся семья. По тесноте нашего помещения в доме графа Олсуфьева нанята для сына и старшей дочери особая квартира близ Литейного моста.

Сегодня в Государственном совете читался предварительно проект манифеста, при котором будет обнародован новый закон о воинской повинности. Государственный канцлер князь Горчаков горячился, требуя изменения нескольких выражений, которые казались ему щекотливыми для русского дворянства. Надобно было уступить причуде Рюрикова потомка.

3 декабря. Понедельник. Сегодня был мне назначен доклад взамен завтрашнего дня – по случаю предположенной завтра охоты. В кабинете государя застал я великого князя Константина Николаевича, а вместе со мною вошли адмирал Краббе и государственный секретарь Сольский. Присутствовал также и наследник цесаревич. Собрали нас для прочтения проекта манифеста относительно нового закона о воинской повинности. Государь одобрил проект, но по поводу заключительной фразы, в которой сказано, что новый закон соответствует благим намерениям его величества и пользам государства, вырвалось у государя восклицание: «Дай бог, чтобы так было!» Такое выражение сомнения нас всех озадачило. Заметив наше недоумение, государь прибавил: «Вот увидите сами; сегодня же вам покажется, что не все так думают, как вы…»

Затем, отпустив Краббе и Сольского и удержав только великих князей и меня, государь продолжал: «Есть сильная оппозиция новому закону; многие пугаются, видят в нем демократизацию армии». Когда мы стали выспрашивать, от кого и на каких основаниях идут такие толки, государь сказал: «Вы сами знаете, кто ваши противники; а более всех кричат бабы…» Великий князь и я воспользовались удобным случаем, чтобы разъяснить нашу точку зрения и предостеречь его величество от влияния тех кривотолков, о которых сам он заявлял.

Со своей стороны я высказал прямо и откровенно, что граф Толстой, главный наш оппонент в Государственном совете, действует под влиянием двух побуждений: с одной стороны это

влияние редакции «Московских Ведомостей», поддерживающей горячую агитацию в пользу классических гимназий и исключительности права одного привилегированного сословия на высшее образование; с другой стороны – влияние петербургской аристократической партии, мечтающей о том, чтобы офицерское звание было исключительным достоянием дворянских родов. Государь не только выслушал внимательно наши откровенные объяснения, но даже по временам поддакивал, так что можно было полагать, что он не поддается влиянию [интриги и тупоумия домогательств нашей] аристократической партии.

После этого интересного разговора начался мой обыкновенный доклад. К концу его вошел в кабинет великий князь Николай Николаевич. Государь объявил о предстоящей ему поездке в Берлин по случаю кончины вдовствующей королевы Прусской [Елизаветы-Луизы]. Тут же было объявлено повеление, чтобы вся гвардия опять надела каски. Давно уже мы были готовы к этому странному возвращению к прежнему головному убору, испытанному и признанному негодным.

Заседание Государственного совета оказалось весьма оживленное и продолжительное. Это был только приступ к прениям о воинской повинности. Как и следовало ожидать, главным оппонентом явился опять граф Толстой. За несколько дней до заседания он разослал членам Государственного совета длиннейшую записку, в которой развивает новые свои затеи по вопросу о льготах по образованию. Записка эта переполнена самыми натянутыми справками, извращенными цитатами, подтасованными цифрами и невозможными предположениями. Говорят, что она составлена и привезена из Москвы Катковым. В заседании сегодня граф Толстой оказался крайне слабым; как будто с самого начала он чувствовал нетвердую под собою почву. Поддерживали его немногие, и, к удивлению, он заметно искал благовидного пути к отступлению.

Великий князь Константин Николаевич хорошо повел дело: он разделил спорные вопросы так, что одна половина их (о льготах для поступающих по жребию) решилась без разногласия, и граф Толстой уступил безусловно. Мы же сделали ему самые неважные уступки. Казалось, он сам был доволен, что высвободился из хаоса, в котором потерялся.

Многие из членов громко подсмеивались над тем, что два министра обменялись ролями: министр народного просвещения как будто только и заботился о лучшем составе армии и в особенности корпуса офицеров, жертвуя с самоотвержением всеми выгодами просвещения и другими интересами государственными; военный же министр защищал народное

просвещение и высшее образование.

Мало того: шеф жандармов, стоящий во главе аристократической партии, клонил к тому, чтобы вся знатная и образованная молодежь поголовно была привлечена к военной службе и в случае войны легла целиком на поле битвы; представитель же военного ведомства защищал эту бедную молодежь и желал сохранить ее для разных поприщ гражданской деятельности. Такая перестановка ролей могла бы показаться непостижимой загадкой для всякого, не посвященного в закулисную игру и замаскированные замыслы наших ториев.

6 декабря. Четверг. При докладе моем государю его величество опять заговорил о последнем заседании Государственного совета по делу о воинской повинности. Видно, кто-то возбуждает государя против этой новой реформы. Также зашел разговор по поводу поступившего от великого князя Михаила Николаевича представления об определении снова в военную службу бывшего полковника Генерального штаба Комарова, того самого, который в качестве редактора газеты «Русский Мир» вел дерзкую и неприличную полемику против Военного министерства. Государь отказал, сказав, что, вероятно, великий князь не знал, что это за Комаров. Но в действительности не мог он не знать, кто был редактором «Русского Мира» в то злополучное время, когда великий князь Михаил Николаевич принимал такое деятельное участие в происходившей против Военного министерства интриге.

8 декабря. Суббота. Сегодня, по поводу представленной мною государю записки о приеме в Медико-хирургическую академию в нынешнем году, опять шла речь вообще о той системе, которую проводит с такой настойчивостью граф Толстой. Государь высказал требование, чтобы все ведомства в своих распоряжениях по учебной части сообразовались с общей, уже установленной учебной системой; но я позволил себе возразить, что специальные заведения невозможно подводить под одни правила с университетами и гимназиями. Государь, согласившись, что вопрос этот подлежит еще внимательному обсуждению, заявил намерение собрать особое совещание из тех министров, в ведении которых состоят учебные заведения, прибавив притом, что отлагает это до более удобного времени, когда будет менее озабочен.

В чем же именно заключаются эти заботы? Семейные или государственные?.. Ужели могут озабочивать государя вздорные затеи нескольких безбородых революционеров-пропагандистов, схваченных мужиками где-то под Москвой с глупыми прокламациями и бессмысленными книжками? Конечно, III

Отделение, как всегда, раздувает эти пустые истории; но еще более тяжелое впечатление производят на государя доходящие до него выписки из частных писем. Систематически, ежедневно подносимый на прочтение государю подбор всяких клевет и хулы на всё и вся, конечно, не может не влиять на его настроение. Он смотрит на всех с подозрительностью и недоверием, везде видит злоумышление, обман, подлог. «Всего же более огорчает меня, – говорит он, – видеть в числе арестованных – военных офицеров…» Все эти офицеры исключительно отставные; но, к сожалению, многие из них выпущены из военно-учебных заведений только в недавнее время. Жаль эту молодежь, одушевленную добрыми побуждениями, но легкомысленно увлекаемую несбыточными фантазиями. Сегодня должен я был представить государю справку о нескольких таких молодых людях, выпущенных из Артиллерийского училища не более двух-трех лет назад и уже бросивших службу, чтобы свободно производить пропаганду между крестьянами и фабричными.

11 декабря. Вторник. Еще горячее заседание в Государственном совете по делу о воинской повинности. Бóльшая часть заседания была посвящена вопросу о вольноопределяющихся. Вопрос этот более всех других взволновал страсти в так называемой аристократической клике. Мне говорили, что за несколько дней перед этим собирались у графа Шувалова некоторые из принадлежащих к этой партии министров и членов Государственного совета (граф Пален, Валуев, Тимашев и другие). В совещание это был также приглашен – Катков!.. Был также и Победоносцев. Что за странное соединение! И почему Катков является каким-то авторитетом в подобном деле?

Вчера в Комитете министров слышал я кое-что об этом совещании. Сегодня Валуев принял на себя роль посредника и примирителя. Благодаря ему удалось мне войти в некоторый компромисс с противниками проекта: они охотно поддались на уступки, и я, со своей стороны, не видел никакой важности в их условиях. Вообще, нахожу, что они поднимают бурю в стакане воды. Заручившись заранее соглашением с Валуевым и графом Шуваловым, я шел спокойно в заседание и не ожидал больших прений. И действительно, главные матадоры граф Толстой и граф Шувалов открыли заседание явно в примирительном настроении. Мы сошлись на первых же словах относительно допущения в число вольноопределяющихся и таких молодых людей, которые не дошли до 6-го класса гимназии (с отнесением их к 3-му разряду). Граф Толстой удовольствовался сделанной с нашей стороны уступкой в том, что из этой категории молодых людей

будут допускаться в вольноопределяющиеся не все, а только выдержавшие некоторый экзамен, уровень которого будет постепенно повышаться, смотря по общему уровню образования в массе нашего юношества.

Казалось, чего бы лучше? Но вот выступает граф Строганов с обычной своей угловатой логикой; он безусловно не допускает в число вольноопределяющихся никого, не подходящего к 1-му и 2-му разрядам. Тут начинается баталия; выходит наш ученый оратор Победоносцев и произносит длиннейшую речь, в которой, к общему удивлению, возбуждает щекотливый вопрос о правах сословных. Можно ли было ожидать, что наша аристократия выставит такого адвоката? Победоносцев поднимает знамя дворянских привилегий! К какому же приходит он заключению? Что из молодых людей, отнесенных к вольноопределяющимся 3-го разряда, допускать в офицеры следует одних только дворян!.. Итак, вопрос решает уже не уровень образования, а дворянская порода…

К счастью, такое чудовищное предложение никем не было поддержано. Многие, без сомнения, тайно сочувствовали принципам, развитым в риторической речи Победоносцева; но все деятельные члены этой партии с бóльшим тактом, чем ее адвокат, поняли, что он зашел слишком далеко и на избранной им почве трудно вести борьбу.

Председатель наш вел прения так же искусно, как и в предыдущее заседание: он ловко возразил на общий тезис Победоносцева. Мне пришлось говорить много.

Результат получился вполне для нас успешный. Сам Победоносцев не настаивал на своем предложении – и поднятый вопрос о сословных правах устранен единогласно. Граф Шувалов выговорил еще одну уступку, совершенно незначительную, на которую уже имел заблаговременно мое согласие: что вольноопределяющийся 3-го разряда, в случае производства в офицеры, может воспользоваться в отставке сопряженными с этим званием правами личного дворянства не иначе, как только в случае выслуги в офицерском чине не менее трех лет. Условие это, не бесполезное и для военных интересов, устранило опасение слишком легкого перехода простолюдинов в привилегированные сословия; а в этом, собственно, и заключался повод ко всей поднявшейся буре.

Заседание закончилось довольно упорным прением еще по одному странному вопросу: может ли военное ведомство для производства вольноопределяющихся в офицеры подвергать их испытанию в тех общих предметах образования, в которых они уже были прежде аттестованы учебным заведением? Казалось,

вопрос этот имел значение совершенно второстепенное и даже выходил за рамки такого важного дела, каково новое положение о воинской повинности. Однако ж и этот маловажный вопрос подал повод к горячим спорам. Более всех горячился уже не министр народного просвещения, а… граф Пален! Почему именно он принимает так к сердцу вопрос об экзаменах – для меня непонятно. Уж нет ли у него сынка, который боится переэкзаменовки?

Сегодня, к общему удивлению, мы с графом Толстым не только не перебранивались в заседании, но даже имели вне залы собрания миролюбивый *a parte*[10]. Мне нужно было передать ему полученное сегодня же приказание государя о совещании, назначенном в пятницу у его величества по вопросам, касающимся учебной части. Следовало пригласить к этому совещанию всех министров, в ведении которых состоят какие-либо учебные заведения. Мне сдается, однако же, что в этом совещании главной темой будет Медико-хирургическая академия и всё будет вертеться опять вокруг военного ведомства.

Забыл я упомянуть о вчерашнем разговоре с Александром Аггеевичем Абазой. Он сообщил мне, что в прошлую пятницу при его докладе государь заговорил с ним о раннем пререкании нашем по поводу отчетов государственного контролера. По словам Абазы, государь говорил в таком смысле, чтобы не осталось никаких неприятных впечатлений ни с той ни с другой стороны. И овцы целы, и волки сыты.

13 декабря. Четверг. Заседание Государственного совета по делу о воинской повинности продолжалось до семи часов. Много было споров, много новых мнений и предложений, зато удалось пройти по статьям всё положение до самого конца, так что на будущий понедельник остается только обсудить «приложения». В целом проекте никаких важных изменений не сделано; спорили более о словах и мелочах, чем о существе дела, и всё решено без разногласия. Такого успешного исхода трудно было ожидать. Нельзя не отдать справедливости искусству и уму нашего председателя. Зато ораторы этого заседания большей частью оказались очень слабыми. Надобно, однако ж, ожидать, что в будущий понедельник не обойдется без разногласий – при рассмотрении распределения учебных заведений по разрядам в отношении льгот по отбыванию воинской повинности. Граф Толстой, наверное, будет опять упорно отстаивать свою тему.

14 декабря. Пятница. Сегодня в 11 часов утра назначено было у государя совещание, в котором приняли участие все министры, имеющие в своем ведении какие-либо учебные заведения (народного просвещения, военный, морской [Краббе],

финансов, внутренних дел, государственных имуществ и путей сообщения [граф Бобринский]. Также присутствовали наследник цесаревич, великий князь Константин Николаевич, принц Ольденбургский, граф Шувалов, Делянов, доктор Козлов и генерал-адъютант Исаков. Последние двое – как главные представители учебных заведений военного ведомства.

В начале заседания, по приказанию государя, Николай Илларионович Козлов прочел доклад, в котором было цифрами обозначено, как велик недостаток врачей не только собственно в военно-медицинском ведомстве, но и вообще в России, как недостаточны средства для пополнения ежегодно открывающихся вакансий, как ограничено число врачей, выпускаемых медицинскими факультетами пяти университетов; а затем был разобран состав последнего приема в Медико-хирургическую академию. Из приведенных цифр видно, что в числе 470 молодых людей, принятых в Академию в нынешнем году, было всего 95 с аттестатом зрелости классических гимназий; очевидно, что одним этим контингентом не было бы возможности пополнять академические курсы.

Несмотря на приведенные красноречивые цифры, дело было поведено так, что государь, по своему обыкновению, не дав времени вполне выяснить дело, под влиянием иезуитских инсинуаций графа Толстого, графа Шувалова и Валуева, произнес резким тоном окончательный приговор: не только подтверждено, чтобы впредь Медико-хирургическая академия в приеме руководствовалась одинаковыми правилами с университетами, но еще принято совершенно неожиданное решение – передать Медико-хирургическую академию в Министерство народного просвещения!.. Первое из этих решений было совершенно излишнее после высочайшей резолюции, объявленной уже в августе и принятой к исполнению; следовательно, какая была надобность собирать нас и совещаться. Второе же решение было принято экспромтом, без обсуждения, тогда как вопрос о передаче Медико-хирургической академии в Министерство народного просвещения поднимался уже и в прежнее время, обсуждался специально и подробно. Правда, что решению этому придана мягкая форма: мне в обязанность вменялось войти по этому предмету в соглашение с министром народного просвещения. Но соглашение это может касаться разве только подробностей исполнения; в существе же вопрос, по-видимому, решен.

Итак, сегодняшнее совещание есть новая засада Военному министерству, напоминающая несчастное заседание Совета министров, бывшее в 1868 году и кончившееся прекращением на время издания «Русского Инвалида». И сегодня, как и тогда,

разыграна со всей сценической обстановкой проделка графа Шувалова. Хотя после совещания он и уверял, что сам не сочувствует передаче Академии в Министерство народного просвещения, однако ж во всё продолжение совещания можно было явно видеть на его лице злорадство.

Быть может, виною такого оборота дел был отчасти сам представитель академии доктор Козлов. Он держал себя с привычной своей самоуверенностью и наговорил много лишнего. Совершенно неуместно поднял он общий вопрос о классическом и реальном образовании и тем затронул без нужды больное место. Исакову не дали вымолвить ни одного слова; он в первый раз видел Совет министров – и вышел из него удивленный.

Великий князь Константин Николаевич и сегодня держал себя умно: он попробовал было остановить слишком поспешное решение и поставить вопрос на настоящую логическую почву, но это ему не удалось, ловкие интриганы не замедлили сейчас же свести вопрос с прямого пути в сторону – в ту глушь, где логика становится безгласной.

Вот как решаются у нас самые серьезные дела: созывается Совет министров будто бы для обсуждения вопроса, заранее уже предрешенного, а решение провозглашается экспромтом под влиянием какой-нибудь предвзятой личной цели. [Чем долее вижу такой порядок дел, тем более сильнее чувствую желание сойти со сцены.]

15 декабря. Суббота. Сегодня во время моего доклада в присутствии великого князя Владимира Александровича государь сам завел речь о вчерашнем совещании и явно желал смягчить впечатление, произведенное на меня поспешным его решением. Едва только начал я объяснять затруднения, представляемые передачей этого обширного заведения в другое ведомство, государь поспешил высказать, что вовсе не настаивает на этой передаче, а желает только, чтобы поставленный им вопрос был обсужден в подробности; если окажется, что неудобства превышают выгоды предположенной передачи, то, конечно, должно всё остаться по-прежнему.

Затем государь опять перешел к необходимости единства учебной части и совершенного подчинения Медико-хирургической академии одинаковым с медицинскими факультетами университетов положениям и правилам. Принципа этого, конечно, я не отрицал, но напомнил о том, как вчера поставлен был вопрос великим князем Константином Николаевичем. Приняв за основание, что Медико-хирургическая академия действительно должна быть поставлена в одинаковые условия с медицинскими факультетами университетов, великий

князь задал вопрос: следует ли и медицинские факультеты подчинять одинаковым условиям с другими факультетами университетов? Иначе говоря, специальное медицинское образование, где бы оно ни давалось, в университете или в Академии, не есть ли одна из специальностей образования реального? Еще раз решился я высказать государю свое мнение об односторонности, с которой нынешний министр народного просвещения проводит свою систему, и о тех невыгодных последствиях, которые будет иметь безусловное применение такой системы.

Хотя объяснения эти не имели никакого практического результата, однако ж я вышел из государева кабинета с более спокойным духом, чем вошел в него. Как нарочно, сегодня же назначен был мною осмотр новых построек Медико-хирургической академии и ветеринарного ее отделения. Я рад был, что мог при встрече с Николаем Илларионовичем Козловым и прочим академическим персоналом сказать им несколько успокоительных слов.

После того заехал я в Артиллерийское училище. В училищном манеже показали мне проектированную для полевой артиллерии новую конскую сбрую.

16 декабря. Воскресенье. В честь приехавшего в Петербург генерала Кауфмана дан был сегодня большой обед по подписке. Собралось до 300 участников. Как обыкновенно, говорились речи, возглашались тосты, и выражено было, как кажется, чистосердечное сочувствие замечательному подвигу русских войск, с которым связано имя Константина Петровича Кауфмана[11].

17 декабря. Понедельник. Сегодня в Государственном совете закончено дело о воинской повинности. Возбуждено было несколько вопросов второстепенных (как-то: о евреях, меннонитах, о некоторых учебных заведениях); прозвучало несколько неуместных речей, но всё окончилось благополучно и, к общему удивлению, без всякого разногласия. Председатель наш вел мастерски всё это обширное дело и умел согласовать мнения, казавшиеся первоначально непримиримыми. Генерал Веригин вздумал было произнести заключительную речь и наговорил много пустяков. Великий князь, возразив ему несколькими словами, достойным образом закончил это великое государственное дело.

21 декабря. Пятница. Сегодня в Совете министров происходило совещание об усилении надзора за народными школами. Государь открыл заседание объяснением цели его: он указал на обнаруженные в последнее время прискорбные факты,

показывающие, что злонамеренные люди занимаются среди простого народа и в народных школах пропагандой самых гибельных и преступных учений, подрывая основы государственного, общественного и семейного союза. Затем граф Шувалов добрый час говорил на эту тему, читал справки и выборки из нескольких следственных и судных дел, представил в самых мрачных красках картину растления народа злоумышленниками-пропагандистами и закончил предложением некоторых неотложных мер к установлению надзора за народными школами. Главнейшей мерой предлагалось обращение к русскому дворянству и возложение на него, в лице его предводителей губернских и уездных, наблюдения за школами. Прочитали готовый проект высокопарного рескрипта на имя министра народного просвещения…

Заявленную мысль, разумеется, поддерживали граф Толстой, граф Пален и Валуев. Очевидно, между ними и графом Шуваловым заранее состоялось соглашение. Тимашев не присутствовал по болезни. Из прочих же присутствовавших в Совете, все выступили против предположенной меры. Граф Строганов, прежде поддерживавший графа Толстого, теперь явился главным оппонентом его: он объяснил, что предположенная мера идет вразрез и с учреждением училищных советов, и с положением о земских учреждениях. Даже князь Горчаков, князь Урусов, граф Игнатьев высказались против предложения, каждый со своей точки зрения.

Но сильнее и дельнее всех говорил великий князь Константин Николаевич: он ясно доказывал, как мало обдумана предложенная мера и что громкие фразы рескрипта останутся без всякого практического применения; «C’est un coup d’épée dans l’eau»[12], – повторил он несколько раз. В особенности странно объявлять теперь в рескрипте о том, что не облечено еще в положительную законодательную форму и не согласовано с другим, находящимся на рассмотрении Государственного совета представлением министра народного просвещения о преобразовании училищных советов. Эти объяснения великого князя весьма убедительно выказывали, что новая шуваловская затея есть незрелая, необдуманная выходка дворянской партии.

Но всё сказанное нисколько не повлияло на решение вопроса. Государь, дав великому князю докончить, обернулся к наследнику цесаревичу и строгим тоном спросил его: «А ты – сочувствуешь ли предлагаемой мере?» Наследник вовсе не был готов к такому вопросу; никогда еще не случалось в прежних заседаниях Совета, чтобы государь спрашивал его мнение. С некоторым смущением, но довольно решительно наследник ответил: «Нет, не

сочувствую…» Тогда государь грозно сказал ему: «А я одобряю предложенную меру и считаю ее необходимой. Я делаю это не столько для себя, сколько для тебя и для твоего сына, для будущего вашего спокойствия и безопасности…»

Объявив затем свое окончательное решение, государь встал, а мы все вышли из Совета молча, в грустном раздумье.

Если всё сказанное против предложенной меры не могло повлиять на высочайшую волю, если после разумного и энергичного протеста председателя Государственного совета и заявления наследника престола все-таки взяла верх всесильная шуваловская шайка, то можно ли после того бороться с нею такому одиночному противнику, каков я теперь в среде враждебного мне состава правительственных властей!

Мысль эта, как мне казалось, выражалась на многих лицах, когда мы вышли из государева кабинета. Князь Горчаков не скрывал своего негодования; даже боязливый, осторожный князь Урусов, надевая шубу в сенях дворца, решился произнести: «C'est une sottise, une bêtise qu'ils font»[13]. Великий князь Константин Николаевич в коридоре дворца имел горячую стычку с графом Шуваловым, которому он прямо сказал, что образ действий его недобросовестный… [Страшно становится, когда подумаешь, в чьих руках теперь власть и сила над судьбами целой России!]

22 декабря. Суббота. После доклада в Зимнем дворце заехал я к великому князю Константину Николаевичу, чтобы переговорить с ним насчет предстоящих распоряжений по обнародованию нового положения о воинской повинности. Невольно разговор перешел на вчерашнее совещание; мы передали друг другу вынесенные нами тяжелые впечатления. Великий князь вполне разделяет мой взгляд на нынешнее прискорбное положение дел и не менее меня обескуражен (не нахожу другого подходящего русского выражения).

Я заговорил о пользе учреждения, под его председательством, особого высшего комитета по делам, касающимся предстоящего введения всесословной воинской повинности, наподобие Главного комитета по крестьянским делам. Со всей искренностью выразил я, что желал бы учреждения такого комитета не иначе как под его председательством и что, кроме других соображений, считаю это необходимым для обеспечения правильного ведения дела – потому, что, по всем вероятиям, я недолго останусь в своей должности, и неизвестно, в какие руки придется мне передать Военное министерство. Великий князь убеждал меня не покидать места; но разговор этот был прерван входом Павла Николаевича Игнатьева.

От великого князя заехал я к Александру Алексеевичу

Зеленому, чтобы в дружеской беседе облегчить сердце, переполненное досадой и желчью.

Перед обедом я был удивлен нежданным посещением шефа жандармов. Он приехал, чтоб объяснить мне непредвиденный исход истории с юнкером Михайловского артиллерийского училища Циммербергом, исключенным несколько недель тому назад из училища и арестованным в III Отделении по поводу найденных у него бумаг и книг преступного содержания (разные прокламации, возмутительные песни и т. п.). Его заподозрили в участии в раскрытой недавно шайке пропагандистов, но по расследованию оказалось, что юноша был легкомысленной жертвой злоумышленников.

Сегодня, по докладе об этом графа Шувалова, государь приказал привезти во дворец несчастного юнкера, который со страхом и трепетом предстал пред царем. Расспросив его, государь объявил ему полное прощение, приказал идти обратно в училище, чтобы докончить образование, даже подал руку изумленному и смущенному юноше, сказав, что уверен в том, что подает руку честному человеку и верному слуге. Тот упал к ногам царя, и можно быть уверенным, что такое движение великодушия со стороны государя спасло молодого человека от увлечений на будущее время.

Позвав к себе юнкера и поговорив с ним, я отправил его к генералу Баранцову при письме, в котором просил зачислить его снова в училище и забыть всё прошлое.

24 декабря. Понедельник. У великого князя Константина Николаевича происходило чтение журнала Государственного совета по делу о воинской повинности. При этом находились, кроме меня, граф Толстой, адмирал Краббе, государственный секретарь Сольский и помощник его Перетц, редактировавший журнал так же, как и весь проект закона. По окончании чтения, когда граф Толстой вышел, великий князь снова завел речь о вопросе, затронутом мною в разговоре с его высочеством третьего дня, то есть об учреждении особого присутствия или комитета по делам о воинской повинности наподобие существующего Главного комитета по делам крестьянским. Я, со своей стороны, повторил прежние свои слова, что буду очень рад учреждению подобного комитета только при условии, чтобы председательство принял сам великий князь. Мне кажется, что подобный комитет обеспечит дальнейший ход дела в том же духе и направлении, которые даны ему Государственным советом. Сколько ни было поползновений пошатнуть крестьянское дело и провести тайком, под сурдинку, противоположные тенденции, Главный комитет под председательством великого князя Константина Николаевича

держался стойко на страже крестьянского положения и не допустил искажения его. То же самое желательно сделать и в отношении нового закона о воинской повинности.

Великий князь сначала отклонял от себя новую обузу, но согласился с моими доводами; а чтобы не возбудить тревоги в лагере всесильной шуваловской партии, мы пришли к заключению, что вместо учреждения нового комитета лучше испросить высочайшее соизволение на сохранение при Государственном совете временно прежнего Особого присутствия по делу воинской повинности с некоторым лишь изменением его состава. Этим путем цель будет достигнута вполне, не возбудив никаких толков.

25 декабря. Вторник. Несмотря на схваченную мною простуду, я все-таки поехал во дворец; необходимо было мне сделать доклад до четверга – дня, назначенного для торжественного открытия клиники Вилье[14]. Государь был разговорчивее, чем обыкновенно; прочел мне письмо, написанное им собственноручно к императору австрийскому Францу-Иосифу по случаю 25-летнего юбилея со времени назначения его шефом Кексгольмского полка. После доклада я представился принцу Альфреду Эдинбургскому, жениху великой княжны Марии Александровны, а потом поклонился императрице и прочим членам императорской фамилии. Во время же прохождения их в церковь поспешил уехать из дворца домой.

27 декабря. Четверг. Вчера просидел весь день дома и сегодня чувствую себя лучше. Утром ездил во дворец с докладом, а потом был на открытии клиники Вилье. Государь, наследник цесаревич, несколько других особ императорской фамилии и небольшое число приглашенных лиц после обычного молебствия осматривали строение. Всё обошлось благополучно и прилично. Когда же все разъехались, я объявил о наградах, пожалованных душеприказчикам баронета Вилье и всем, участвовавшим в постройке клиники. Как самое здание, так и внутреннее его устройство в самом деле прекрасны. Заведение это останется прочным памятником покойному лейб-медику императора Александра I.

Сегодня опубликован высочайший рескрипт на имя министра народного просвещения, читанный в прошлую пятницу в Совете министров. Хотя редакция рескрипта значительно изменена против прежней, однако ж сущность осталась та же. Это жалкая мистификация, которая, впрочем, может обольщать разве что самых наивных приверженцев аристократизма. Уже сегодня некоторые лица, прочитав рескрипт в газетах, издевались над ребяческой затеей. В числе их был даже наш градоначальник

генерал Трепов.

31 декабря. Понедельник. В последний день года невольно мысли обращаются назад и быстро пробегают через целый ряд сохранившихся в памяти впечатлений. Для меня 1873 год прошел в виде темной полосы; от него остались только грустные впечатления. Ни в один из предшествующих годов не выносил я столько неприятностей, досад и неудач. Давно уже начатая против меня интрига созрела и разразилась во всей своей гнусности. Врагам моим не удалось вполне достигнуть своей цели; они не могут считать себя победителями, но все-таки успели повредить мне в глазах государя и сделать почти невозможным мое положение в составе правительства. Видя на каждом шагу нерасположение и недоверие со стороны того, чья воля окончательно, безапелляционно решает все дела, я парализован в своей деятельности. После печального исхода бывшего в начале года секретного совещания по военным делам и с установлением нормального бюджета Военного министерства мне уже невозможно вести дело военного устройства с той самостоятельностью и энергией, с которыми вел я его до сих пор в течение более 12 лет.

Что же касается общих дел государственных, выходящих из круга военного ведомства, то в этом отношении я совершенно устранен. Всё делается под исключительным влиянием графа Шувалова, запугавшего государя ежедневными своими докладами о страшных опасностях, которым будто бы подвергаются и государство, и лично сам государь. Вся сила Шувалова опирается на это пугало. Под предлогом охранения личности государя и монархии граф Шувалов вмешивается во все дела, и по его наушничеству решаются все вопросы. Он окружил государя своими людьми; все новые назначения делаются по его указаниям. Таким образом, уже теперь в Комитете министров большинство членов действует всегда заодно с графом Шуваловым, как оркестр по знаку капельмейстера. Тимашев, граф Толстой, граф Пален, Валуев – послушные орудия графа Шувалова. Эта клика собирается для предварительного соглашения во всяком предпринимаемом деле. В заговорах ее участвуют Грейг и граф Бобринский.

Министр финансов Рейтерн хотя и стоит более независимо, избегает, однако же, столкновений с всесильной шайкой и часто делает ей уступки, не совсем честные. Еще менее осмеливаются перечить Набоков и князь Урусов: у этих людей нет и капли того мужества, которое называется *courage civique*[15]. Абаза искусно лавирует, пользуясь своим нейтральным положением. Более всех мог бы держаться самостоятельно князь Горчаков по своему

положению в свете и пред государем и по значению, приобретенному его именем в Европе; но он вовсе устраняется от дел внутренней политики, а подчас его аристократические инстинкты сближают его с ратоборцами обскурантизма и помещичьего режима.

Наконец, для полноты счета, надобно добавить графа Александра Владимировича Адлерберга и адмирала Николая Карловича Краббе. Первый вполне сочувствует аристократической партии и, быть может, готов бы был пойти гораздо далее шуваловских идеалов; но он прежде всего человек придворный, притом апатичен и лично не любит Шувалова, а потому не станет в ряды его шайки, хотя часто помогает ей, пользуясь своим исключительным положением в семейном кругу царского дома. Что же касается адмирала Краббе, то его едва ли можно считать в числе министров: принятая им на себя шутовская роль и эротические его разговоры ставят его вне всякого участия в серьезных делах государственных.

Вот та среда, в которой обречен я действовать. Есть ли возможность одному бороться против целой могущественной шайки? Какое поразительное и прискорбное сравнение с той обстановкой, при которой вступил я в состав высшего правительства 13 лет тому назад! Тогда всё стремилось вперед; теперь всё тянет назад. Тогда государь сочувствовал прогрессу, сам двигал вперед; теперь он потерял доверие ко всему, им же созданному, ко всему, окружающему его, даже к себе самому. При таком положении дел возможно ли мне одному устоять на обломках кораблекрушения и не будет ли извинительно, если я решусь сложить с себя оружие?.. Один в поле не воин.

Под влиянием этих грустных размышлений заканчиваю год с тоской в сердце. Невесело встречаю и наступающий 1874 год.

1874 год

1 января. Вторник. По заведенному порядку отправляясь в 10 часов утра к докладу в Зимний дворец, я взял с собою целый чемодан с подробным отчетом по Военному министерству за 1872 год и с планами крепостей. Краткого же отчета или обзора деятельности министерства за истекший год, обыкновенно представляемого мною в первый же день каждого года, на этот раз не было. Хотя государь и заметил это, однако же не спросил, почему нет означенного отчета, который двенадцать лет сряду представлялся мною аккуратно и на который всегда обращалось особенное внимание его величества.

Признаться, я доволен, что государь не вызвал меня на объяснения по этому предмету. При настоящем моем настроении я мог бы высказать много лишнего, неуместного. Пришлось бы объяснять, что до сих пор представляемые мною ежегодно всеподданнейшие доклады о ходе дел вверенного мне министерства являлись не столько отчетами за прошлое время, сколько программами дальнейшей деятельности министерства; что в этом ряде программ, удостаиваемых каждый год высочайшего одобрения, и заключался общий план произведенных в течение последних двенадцати лет обширных преобразований и улучшений по военной части; что постепенный, правильно соображенный ход этих преобразований разом обрывается с 1873 годом: военный министр лишается собственной инициативы, ему навязывают чужую программу, ему связывают руки сметой и, что всего важнее, он лишается мощной поддержки свыше. Какую же программу может он представить на наступивший 1874 год?..

Вот в каком смысле могли быть мои объяснения. Хорошо, что я воздержался от них. Государь сегодня, еще более чем во всё последнее время, озабочен и невесел: его встревожило нездоровье императрицы, которая со вчерашнего вечера слегла в постель. Его величество поздоровался со мною так же, как обыкновенно в новый год: обнял меня, пожелал счастливого года, но[16] сейчас же заговорил о болезни императрицы, а затем объявил, что подписал и пометил нынешним числом манифест о новом законе воинской повинности и рескрипт на имя его высочества председателя Государственного совета. Мне же – ни одного даже доброго слова! При всей моей философии, есть ли возможность оставаться равнодушным к такой явной несправедливости [и неблагодарности].

Новый закон о воинской повинности есть дело великое, мало

уступающее другим главнейшим реформам[17] настоящего царствования. Оно велось три года под непосредственным моим руководством; продолжительные прения, происходившие в Особом присутствии Государственного совета и в Общем собрании, положительно вынесены на моих плечах. И что же? Все члены бывшей Комиссии получили щедрые награды, председателю Комиссии дан великолепный рескрипт (правда, по моему же только настоянию), теперь дается рескрипт председателю Государственного совета, объявляется высочайшая благодарность некоторым лицам, которые приглашались в заседания только в качестве экспертов… Один я позабыт, как будто дело вовсе до меня и не касается! Даже не сказано короткого «спасибо».

Со стесненным сердцем вышел я из кабинета императора и в приемной комнате нашел целую толпу раззолоченных сановников, приехавших благодарить за разные милости: кто по случаю назначения, кто за полученные награды. В числе первых был Александр Аггеевич Абаза, назначенный председателем Департамента экономии и произведенный в действительные тайные советники. Александр Аггеевич[18] – умный, даровитый человек и умеет жить в свете. [Вот единственные его достоинства, конечно, недостаточные для того, чтоб оправдать такое быстрое повышение.] С небольшим год тому назад он был частным лицом и, кажется, не имел даже генеральского чина (действительного статского советника), который получил только по званию гофмаршала при дворе великой княгини Елены Павловны. И вот уже занимает он такой пост, на котором привыкли видеть старых, заслуженных сановников. Таким чрезвычайно быстрым повышением он обязан великому князю Константину Николаевичу и поддержке Рейтерна. Впрочем, он человек, приятный для всех партий, не исключая и шуваловской: он умеет говорить спокойно, всегда в примирительном смысле; никогда ничего резкого; *C'est un homm comme il faut*[19], – говорят наши салонные государственные мужи.

Кроме Абазы, сиял радостью юродивый Делянов, назначенный членом Государственного совета. На место его товарищем министра народного просвещения назначен князь Ширинский-Шихматов.

Сходя с лестницы дворца, встретил я великого князя Константина Николаевича. Он был очень доволен рескриптом, которым обязан Сольскому. Без инициативы последнего, может быть, не было бы сказано спасибо и нашему председателю, который поистине заслужил его вполне. Он председательствовал отлично во всех отношениях; благодаря его умению вести дела

коллегиально закон о воинской повинности прошел необыкновенно удачно. Сколько ни было попыток испортить дело – проект Комиссии сохранил вполне свои существенные черты.

После обычных в Новый год поздравлений я провел остальной день[20] спокойно дома.

3 января. Четверг. Сегодня в заключение обычного моего доклада государю я прочел целиком записку о финансовом положении Военного министерства на 1874 год. Сущность записки заключается в том, что при установленном с нынешнего года нормальном бюджете и при тех цифрах расходов, которые доселе уже выяснились, нет никакой возможности приступить к исполнению новых предположений об усилении наших вооруженных сил и обороны. Единственная мера, которую необходимо принять неотлагательно, есть преобразование местного военного управления в губерниях и уездах; мера эта вызывается введением нового закона о воинской повинности.

Государь выслушал доклад со вниманием; не только не было заметно неудовольствия или удивления, но, напротив, он отозвался одобрительно, подтвердив, что следует действовать осторожно и не предпринимать что-либо новое, пока не выяснится в течение года действительное положение финансовых средств Военного министерства.

Опять перемена в форме обмундирования: возвращение генералам прежних неуклюжих шарфов с кистями, и аксельбанты особого вида полковым адъютантам. [Какими соображениями можно оправдать подобную новую прихоть!]

Встреча на вокзале железной дороги принца и принцессы Валлийских[21] и принца Артура.

Сегодня в газетах напечатаны манифест, указ и часть положения о воинской повинности, а также рескрипт на имя великого князя Константина Николаевича.

4 января. Пятница. Совет министров по поводу предложения великого князя Константина Николаевича оставить при Государственном совете Особое присутствие по делу о воинской повинности – для рассмотрения дальнейших работ по этому предмету и согласования действий разных министерств по введению в действие нового закона. Предложение это было уже заранее одобрено государем и, стало быть, в Совете не о чем было и говорить. Тем не менее заседание продолжалось около часа; переливали из пустого в порожнее; но, слава богу, на сей раз кончилось всё благополучно, без всякой неожиданной засады.

5 января. Суббота. По окончании доклада подал я государю записку, в которой объяснены все неудобства передачи Медико-хирургической академии из военного ведомства в какое-либо

другое. Государь оставил записку у себя, не сказав ни слова.

Обедал у Константина Карловича Грота, в приятельском кружке.

6 января. Воскресенье. Сегодня утром скончался фельдмаршал граф Берг после кратковременной болезни, продолжавшейся всего 4 дня. Старик до конца года всё еще был необыкновенно бодр, сохранял обычную свою живость и в самый день Нового года был утром в церкви во дворце. Но вечером того же дня почувствовал себя нехорошо. Я видел его 3-го числа; застал его хотя в халате, но сидящим в кресле за чашкой чая; говорил он со мной о делах совершенно так, как обыкновенно, только заметил я в его руке несколько усиленную температуру. Он жаловался, что доктора имеют привычку преувеличивать болезнь пациентов и за Боткиным послали без надобности. После этого я уже не видел его. Слышал, что болезнь приняла серьезный оборот, а сегодня утром он уже был в бессознательном состоянии. Государь приехал к нему (в гостиницу Демута, с Канавы[22]) и присутствовал при его агонии.

Неожиданная эта смерть не помешала совершению обычным порядком всей крещенской церемонии. Нынешний выход, хотя и без дам, получил особенный колорит из-за присутствия английских принцев и свиты. Погода была теплая, градуса 2 выше нуля. После церемонии государь позвал меня в кабинет и заговорил о кончине фельдмаршала. «У него были свои недостатки, – сказал он, – много мы смеялись над его слабостями, но тем не менее мне жаль его, я огорчен его смертью».

Затем государь сказал, что желал посоветоваться со мной насчет замещения открывшегося важного поста. Такое внимание меня удивило, потому что я уже давно отвык от него. Однако же оказалось, что государь желал не столько узнать мое мнение, сколько объявить готовое уже решение: выбор пал на генерал-адъютанта Хрущова, о котором государь выразился с большими похвалами. Мнения этого я не оспаривал, согласился вполне, что Хрущов пользуется общим уважением в армии; но не мог не прибавить, что при всех его достоинствах он едва ли подготовлен к управлению Царством Польским по части гражданской и политической; притом это человек простой, без того образования, которое требуется на предназначаемом ему посту в Варшаве, где он будет поставлен лицом к лицу перед Европой. [Притом он едва ли обладает достаточными способностями для гражданской администрации. Впрочем, прибавил я, если государю неугодно назначить в Варшаву кого-либо из особ императорской фамилии, то едва ли найдется генерал, который мог бы вполне удовлетворить всем условиям как по гражданской, так и по

военной части.]

На это государь сказал, что [он решительно не хочет назначить кого-нибудь из великих князей, что] желает низвести пост в Варшаве до уровня обыкновенного генерал-губернатора, что полагает присвоить Хрущову просто титул генерал-губернатора Привислянского края и командующего войсками Варшавского округа, так чтобы самые наименования *Царства* Польского и *наместника* теперь же упразднить. [Всему этому я вполне сочувствую, и потому разговор наш был непродолжителен.] Получив от государя еще некоторые приказания, я поспешил домой, чтобы сделать необходимые распоряжения.

Тотчас после обеда я должен был покинуть своих воскресных гостей, чтобы ехать на панихиду покойного графа Берга. К удивлению моему, служба совершалась по православному обряду, русским духовенством. Мне сказали, что так желали родственники и приближенные покойника. Не заметно, чтобы кто-нибудь печалился о смерти графа Берга. Напротив, все говорят о покойном фельдмаршале с какой-то усмешкой и припоминают смешные стороны его. Действительно, странная была личность: нельзя отказать ему в уме, способностях, необыкновенной энергичности; но все эти хорошие качества принимали отрицательное значение при его[23] гибкости характера, изворотливости, неправдивости и необыкновенной живости в движениях. Эту живость и неутомимость сохранил он до конца жизни, хотя ему было уже 85 лет.

Возвратившись с панихиды домой, я застал у себя многочисленное общество. Много говорено было о покойном фельдмаршале, сообщались разные слухи о замещении его, толковали о новых затеях и интригах шуваловской шайки и т. д.

7 января. Понедельник. Большой парадный обед во дворце для английских принцев.

8 января. Вторник. Утром отпевание покойного фельдмаршала графа Берга в протестантской церкви Святого Петра, откуда погребальная процессия направилась по Невскому проспекту и Большой Садовой к станции Варшавской железной дороги. Государь с наследным принцем Валлийским и прочими принцами провожал процессию верхом до Пажеского корпуса.

Прямо с похорон я поехал во дворец к докладу. Представив государю опечатанные бумаги, найденные в кабинете покойного фельдмаршала, я доложил о полученных из Царства Польского сведениях касательно беспорядков, происходивших на днях среди униатского населения Седлецкой губернии по поводу изменений в церковной службе. Для усмирения крестьян применены войска,

были раненые с обеих сторон и один или два убитых из крестьян; тем беспорядки и прекратились. Но при этом снова встретились недоразумения в соблюдении правил при применении войск. Гражданское и военное начальства различно понимают существующие правила. Случай этот подошел очень кстати – в подтверждение необходимости единства власти в этом крае.

Однако ж когда разговор обратился снова к вопросу о замещении покойного графа Берга, оказалось, что прежнее мнение государя, так положительно высказанное в воскресенье, уже поколебалось. Я предвидел это вследствие разговора, который имел вчера утром с графом Шуваловым в Государственном совете. Он мне доказывал выгоды отделения гражданской власти от военной и указывал на статс-секретаря Набокова для занятия должности генерал-губернатора в Привислянском крае. Сегодня точно то же услышал я и от государя.

Я возражал и отстаивал прежнее предположение его величества. Позвали Набокова, который произнес целый спич в пользу означенной шуваловской идеи, причем, конечно, прикинулся вовсе не подозревающим, что вопрос касается лично его самого. Государь объявил нам, что завтра будет по этому предмету совещание. Мы вышли с Набоковым в другую комнату и там еще долго спорили. Тот же разговор возобновился потом и в Комитете министров с графом Шуваловым и Тимашевым; я попробовал отклонить их от злополучной мысли разделения власти в Варшаве. Узнал я, что великие князья, присутствовавшие утром при докладе, вполне согласны с моим мнением.

По окончании доклада государь возвратил мне мою записку о Медико-хирургической академии, сказав, что всё изложенное в ней ему известно и он все-таки желает, чтобы мы (министры внутренних дел, народного просвещения и военный) обсудили вопрос; в случае если не придем мы к соглашению, его величество решит по своему усмотрению. По всему видно, что дело уже проиграно; однако ж попробую еще раз вступить в переговоры с моими противниками, хотя и знаю вперед, что всё напрасно.

В Комитете обменялся я несколькими словами с Тимашевым, а вечером послал ему записку для прочтения. С ним все-таки приятнее вести дело, чем с желчным и угловатым графом Толстым.

В Комитете министров обсуждалось предположение графа Шувалова о новой амнистии полякам по случаю предстоящей свадьбы в царском семействе[24]. Странно, что при всяком подобном торжественном событии оказываются новые милости и льготы одним только преступникам и почти исключительно

полякам. Эту мысль заявляют многие, но тем не менее в Комитете почти не было возражений на шуваловский проект.

Заседание Комитета дало мне предлог, чтобы избегнуть дальней поездки на станцию Варшавской железной дороги для встречи германского наследного принца [Фридриха-Вильгельма] и принцессы [Виктории-Адельгейды]. Та же причина помешала мне ехать с поздравлением к генерал-адъютанту Лутковскому, который сегодня празднует 50-летний юбилей службы. Однако же я должен был участвовать в обеде, данном ему в ресторане Бореля членами Военного совета и некоторыми другими сослуживцами. Прямо с обеда отправился я на станцию Варшавской железной дороги для встречи наследного принца Датского Фридриха, приехавшего в 8 часов вечера с принцем Кобургским Эрнстом II. Тяжелый выдался денек. К тому же слякоть, ухабы, сверху и снизу мокро!

9 января. Среда. В 11 часу утра государь собрал у себя нас троих – графа Шувалова, Набокова и меня, чтобы снова посоветоваться относительно назначения нового начальства в Варшаву. И граф Шувалов, и Набоков по-прежнему настаивали на разделении властей, имея в виду назначить генерала Хрущова исключительно военным начальником, а самого Набокова – гражданским генерал-губернатором. Мне казалось, что вначале государь был в колебании; но после моих довольно пространных объяснений он заявил, что вполне разделяет мое мнение о невыгодах разделения власти в таком крае, какова Польша. При всем том, нельзя было не согласиться, что личность генерала Хрущова во многом не соответствует условиям предназначаемого ему поста. Он не имеет ни тех способностей административных [ни твердой воли], ни тех внешних качеств, какие требуются от представителя русской высшей власти в передовом пограничном крае; так, между прочим, он не знает ни одного иностранного языка.

Государь намеревался было сегодня же вытребовать сюда генерала Хрущова, чтобы лично переговорить с ним о будущем устройстве управления в Привислянском крае; но потом разговор свернул на другую личность – на генерала Коцебу, который соединяет в себе качества, недостающие генералу Хрущову, хотя в военном отношении пользуется менее завидной репутацией. Насколько назначение Хрущова было бы приятно для армии и насколько он оказался бы слабым в гражданской администрации, настолько же Коцебу был бы более подготовлен к этой последней роли и мало симпатичен войскам. В заключение разговора государь сказал, что пошлет за генералом Коцебу и переговорит с ним лично, однако всё же выразил сомнение в том, позволит ли

генералу здоровье принять на себя новое тяжелое бремя.

При выходе из государева кабинета нашел я в приемной всю свиту прибывших вчера иностранных принцев; мы друг другу отрекомендовались, а потом я заехал расписаться у обоих наследных принцев: германского и датского. Первый помещен в Эрмитаже, а последний – в Аничковом дворце.

Сегодня же был я на панихиде по великой княгине Елене Павловне по случаю годовщины ее кончины.

10 января. Четверг. Решено окончательно назначение генерала Коцебу в Варшаву со званием генерал-губернатора и командующего войсками. В Одессе остается генерал Семека в звании командующего войсками округа; генерал-губернаторство же там упраздняется. По этому предмету было совещание у государя: после моего обыкновенного доклада в кабинет позвали графа Шувалова, Тимашева и Набокова, а потом и графа Адлерберга как министра двора (по случаю некоторых сокращений, предположенных в Варшаве в придворном штате тамошних дворцов). О новых назначениях приказано мне внести в завтрашний приказ.

Итак, вопрос о замещении должности, оставшейся вакантной за смертью графа Берга, разрешился проще, чем сначала предполагалось. Хотя личность генерала Коцебу и не вполне удовлетворяет желанным условиям, однако же решение это я все-таки предпочитаю всем другим обсуждавшимся предположениям. Боюсь только, что вопрос решен ненадолго: поборники разделения властей не считают себя побитыми; они прямо говорят, что назначение генерала Коцебу есть только переходное положение, которое впоследствии облегчит исполнение поддерживаемой ими комбинации.

Прибывшее в Петербург бухарское посольство представлялось мне в канцелярии Военного министерства; после того оно имело аудиенцию в Зимнем дворце.

11 января. Пятница. День начался для меня двумя сюрпризами (впрочем, не совсем неожиданными): получил извещение, что старшая дочь моя остается фрейлиной при императрице, и рескрипт, данный на мое имя по случаю нового закона о воинской повинности. Назначение дочери моей можно было предвидеть, но едва ли благоразумно было бы желать его. Тяжелая жизнь при дворе расстроила ее здоровье и оторвала от семьи. Она долго колебалась – принять или отклонить предложенное назначение, и дала министру двора уклончивый ответ. Тем не менее назначение состоялось; надеемся, что ей дадут некоторое время для отдыха и поправления пошатнувшегося здоровья.

Что касается рескрипта, то можно к нему вполне применить поговорку: *il vaut mieux tard que jamais*[25]. Получением рескрипта я обязан великому князю Константину Николаевичу, который напомнил о нем государю; еще более – адмиралу Краббе, который напомнил великому князю. Нет сомнения в том, что без этих напоминаний позабыли бы, кто был инициатором и главным работником в этом деле. Рескрипт сочинен в Государственной канцелярии несколько тяжеловатым слогом; но я мог бы вполне быть доволен им, если б редакция рескриптов имела ценность царского слова. Однако ж слышал я в течение дня, что многие отзываются с негодованием о рескрипте, находят его бесцветным и риторическим и сопоставляют с пожалованием сегодня же графу Адлербергу Андреевской ленты по случаю свадьбы в царской семье.

Такое сопоставление нахожу я совершенно неуместным. На всем своем долгом пути служебном никогда я не гонялся за наградами, никогда не придавал им значения. Скажу даже, что мне приятнее, чтобы в общественном мнении признавали мои труды недостаточно оцененными, чем считали меня награжденным свыше заслуг. Предпочитаю быть кредитором, чем должником. Почти весь день прошел в торжествах: в 12½ съезд во дворец для брачного обряда[26], сначала в русской церкви, потом по англиканскому исповеданию в Александровском зале Зимнего дворца.

В половине пятого назначено снова съезжаться к обеду; не стоило уезжать домой на короткое время, и я остался во дворце. Но когда в назначенный час я вошел в громадную Николаевскую залу, то нашел все места за столом уже занятыми. В таком же положении очутился и князь Суворов. [Таков ныне порядок при дворе!] Мы оба сочли за лучшее удалиться и отобедать дома.

13 января. Воскресенье. Вчера государь был на охоте с гостями, и потому у меня не было доклада. Вместо субботы доклад назначен на сегодня. Я пришел в полной форме, чтобы поблагодарить государя за рескрипт. Несмотря на холодную и сухую мою благодарность, государь (хотя также довольно сухо) сказал: *«Я* тебя благодарю как за это дело, так и за всё прочее. Теперь дай бог *нам* успешно привести в исполнение». Он дал мне руку и даже поцеловал, но так, что все-таки не могли мы оба и взаимно скрыть от себя, что отношения наши далеко уже не те, какие были в старые годы.

После доклада я дождался прохода императрицы в церковь; она любезно подала мне руку и сказала: «J'ai dit á Lise que j'espérais qu'elle me sera tout aussi fidèle qu'elle I ` a été pour ma fille»[27].

На разводе сегодня было общее представление всем трем наследным принцам – германскому, английскому и датскому. Бесчисленная свита и гвардейское начальство нескончаемой вереницей проходили мимо принцев, кланялись по три раза, и государь называл каждого.

14 января. Понедельник. Парад всем войскам на площади перед Зимним дворцом в присутствии всех трех наследных принцев. Погода довольно мягкая, но гололедица. Всё обошлось благополучно. Иностранцы, как водится, расхваливали.

15 января. Вторник. Доклад у государя; затем заседание Комитета министров с участием обоих генерал-губернаторов Западного края [Потапова и Коцебу]. Продолжительный спор о том, как понимать высочайшее повеление 11 мая 1873 года о прекращении конфискации имений. Обед у государственного канцлера для съехавшихся в Петербург иностранцев. Вечером раут у английского посла лорда Лофтуса. [Но я был уже не в силах туда собраться.]

16 января. Среда. Поздравление новобрачных (*baisemain*[28]). Вечером парадный спектакль, в который я не поехал.

17 января. Четверг. После обычного доклада у государя – совещание, в котором принимали участие, кроме меня, министры финансов и внутренних дел и Набоков. Шла речь о том, какое содержание должно быть назначено генерал-адъютанту Коцебу и какие суммы оставить в его распоряжении.

Затем заехал я к князю Дмитрию Александровичу Оболенскому, который желал показать мне некоторые места в годичном отчете графа Толстого по Министерству народного просвещения. Князь Оболенский назначен в комиссию, созданную для рассмотрения этого отчета. Председателем комиссии назначили, по примеру прежних лет, графа Сергея Григорьевича Строганова; но на днях он вдруг отказался от председательства под предлогом расстройства здоровья и просил государя освободить его вообще от всяких занятий, в том числе и от председательства в комитете железных дорог. Хотя граф Строганов отличается крайне узким, угловатым соображением, однако ж это человек характера независимого и честного, а потому жаль, что он устранился от рассмотрения отчета Министерства народного просвещения.

Прежде граф Строганов поддерживал графа Толстого, но в последнее время заметно переменил свое мнение, прямо порицает излишнее увлечение классицизмом и, как человек честный и прямой, не мог не высказаться в таком же смысле по поводу рассматриваемого комиссией отчета. Князь Оболенский весьма на это рассчитывал, судя по предварительным

объяснениям с графом Строгановым; он надеялся, что комиссия в своем заключении чистосердечно выразит неодобрение образу действий Министерства народного просвещения и вместе с тем не оставит без порицания неуместные выходки, которые министр позволяет себе во всеподданнейшем отчете против «других ведомств», будто бы противодействующих введению в действие предначертанной учебной реформы. Под этими другими ведомствами, конечно, подразумевается Военное министерство.

Князь Оболенский показал мне в отчете графа Толстого те места, в которых выражается его злоба на военно-учебные заведения. Если он решился так резко писать в официальном своем всеподданнейшем отчете, то можно представить, что говорится при личных докладах государю с глазу на глаз. Наговоры эти на Военное министерство, будто бы систематически подрывающее доверие публики к классической системе, освященной высочайшим утверждением, конечно, не проходят бесследно. В подкрепление им государю подсовывают дерзкие и нахальные статьи, печатаемые против меня в некоторых газетах, и, без сомнения, не показывают тех газет, которые опровергают клеветы и вранье каких-нибудь «Московских Ведомостей», «Русского Мира» или «Гражданина».

У князя Оболенского были уже подготовлены некоторые заметки для включения в доклад комиссии; но с отказом графа Строганова от председательства и назначением вместо него принца Петра Георгиевича Ольденбургского, а в помощь ему Делянова, только что оставившего место товарища графа Толстого, сомнительно, чтобы князю Оболенскому удалось провести дело в предположенном им направлении. Почти наверное можно предвидеть, что комиссия расхвалит всё, что делается в Министерстве народного просвещения, и даже, чего доброго, еще подчеркнет жалобы на Военное министерство.

Вечером – большой бал в Зимнем дворце. Густая толпа, душно и скучно. Уехал я, не дождавшись ужина.

18 января. Пятница. Бал у наследника цесаревича.

20 января. Воскресенье. Большой обед при дворе, в Концертном зале. Возвратившись с обеда домой, нашел у себя многочисленное общество.

21 января. Понедельник. На подъезде Государственного совета посланный от принца Рейсса вручил мне записку, которой принц сообщает мне приглашение наследного германского принца быть у него в 4½ часа. Принц был очень любезен, продержал с полчаса; разговор переходил с одного предмета на другой; кажется, приглашение не имело никакой особенной цели, кроме простой любезности и желания видеть меня у себя перед

отъездом. После меня также приглашен был Валуев. Принц с принцессой сегодня же в ночь, после бала у английского посла, выезжают в Москву, то есть сутками ранее всех прочих царственных особ. Говорят, причиной тому – желание принцессы побывать у Троицы.

Вечером пробыл с полчаса на балу у английского посла Лофтуса.

22 января. Вторник. Доклад у государя; в расположении духа его замечаю перемену к лучшему. Продолжительное заседание в Комитете министров; мне пришлось выдержать упорные прения по двум делам: одно – по несогласию Министерства внутренних дел на вознаграждение из земских сумм полков 1-й кавалерийской дивизии за пастбищные места (дело по существу неважное, но подавшее повод к резким выходкам со стороны Грейга); другое – о прекращении конфискации имений в Западном крае. Вторичное это прение привело к тому, что с обеих сторон сделаны уступки и по крайней мере устранены практические неудобства того решения, на котором настаивала шуваловская партия.

Вечером – бал у великого князя Николая Николаевича. Прямо с бала государь и его царственные гости отправились на Николаевскую железную дорогу; рано утром поезд двинется к Москве. Там празднества будут продолжаться четыре дня; возвращение назначено на будущий понедельник.

27 января. Воскресенье. Пятидневным отсутствием государя из Петербурга воспользовался я, чтобы посетить некоторые из дальних военно-учебных заведений, а сегодня присутствовал на Годичном акте в Медико-хирургической академии[29]. Всё обошлось чинно, обычным порядком, и я рад, что не послушался Козлова (главного военно-медицинского инспектора), полагавшего, не знаю, по какой причине, вовсе отменить акт в нынешнем году.

Вчера, во вторую годовщину кончины брата Николая, отслужили по нем панихиду.

29 января. Вторник. Вчера государь, великие князья, новобрачные и прочие гости возвратились из Москвы; все в восхищении от первопрестольной. Сегодня явился я с докладом к государю, нашел его в хорошем расположении духа. Перед заседанием Комитета министров имел разговор с графом Толстым о Медико-хирургической академии; он упорно стоит на своем.

Вечером – бал у принца Ольденбургского.

30 января. Среда. Смотрел на площади перед Инженерным замком привезенную из Италии любопытную лестницу, которая

складывается и возится на повозке парой лошадей, а когда нужно, в несколько минут раздвигается.

До 17 сажен в длину и поднимается почти до вертикального направления. Лестница эта может быть весьма полезна как для пожарных команд, так и для военных действий в разных случаях. Поэтому назначена мною комиссия для испытания этого полезного изобретения и определения условий, на которых можно было бы войти в сделку с бароном Фитингофом, заявившим права на это изобретение.

31 января. Четверг. Бал у графа Воронцова-Дашкова (командира лейб-гвардии Гусарского полка) в честь новобрачных. В первый раз я был в его доме с двумя старшими дочерьми. Бал самый фешенебельный, присутствовала почти вся царская фамилия, за исключением самого государя, сильно простуженного.

1 февраля. Пятница. Приезд австрийского императора. Государь, несмотря на свою простуду, все-таки ездил навстречу до Гатчины. Встреча была совершенно сходна со всеми другими встречами царственных особ: почетный караул, гимн, бесчисленная свита, затем толкотня и разъезд. Император Франц-Иосиф, проходя мимо меня, узнал и подал руку. Андраши также подошел и сказал любезную фразу: «Je suis très heureux de pouvoir vous serrer la main ici, sur ce terrain»[30].

Большой обед у французского посла: приглашение было к 7 часам, а сели около 8 и разъехались в 9½. Приехавший из Парижа князь Орлов говорил в шутку, что Ле Фло развернулся для того, чтобы он, Орлов, рассказывал в Париже о блестящих приемах французского посла. [Несмотря на весь блеск обстановки и изысканность обеда, все-таки видно было, что и сам хозяин, и хозяйка, и дочка чувствуют себя не на месте. Это добрые и простые люди; в них нет ничего, что требуется от блестящего дипломата.]

2 февраля. Суббота. Император Австрийский рано утром поехал в крепость и в Петропавловском соборе возложил венок на гробницу императора Николая. При этом он сказал генералу Трепову, что считает Николая I своим благодетелем. Так по крайней мере рассказывал мне Трепов, которого я встретил во дворце, выходя после доклада из государева кабинета.

3 февраля. Воскресенье. На разводе представление австрийскому императору. Парадный обед в Концертном зале Зимнего дворца: император Франц-Иосиф отвечал на тост нашего государя довольно неудачно, закончив свой спич словами: «Que Dieu Vous bénisse»[31].

4 февраля. Понедельник. Утром в 10 часов австрийский

император приехал в Инженерный замок; я встретил его в сенях вместе с генералом Тотлебеном и начальством училища; после уже приехал великий князь Николай Николаевич. Мы провели Франца-Иосифа по всему зданию; но более всего времени потрачено было на осмотр модели Севастополя, причем Тотлебен прочел целую лекцию. Император и его свита, в том числе Андраши, были очень любезны и так деликатны, что мимо моделей Бреста, Ивангорода и Киева прошли почти не останавливаясь.

Вечером – бал в Аничковом дворце.

5 февраля. Вторник. После доклада пробыл я только короткое время в Кавказском комитете и поспешил во втором часу пополудни в Кронверк, в Артиллерийский музей, куда ожидали австрийского императора. Однако же он отложил посещение музея, так же как и Главного штаба, куда предполагал приехать к трем часам. Таким образом, я один осмотрел и музей, и Военно-топографический отдел Главного штаба. Вечером император Франц-Иосиф выехал на охоту.

Сегодня я докладывал государю о новых основаниях разрабатываемого ныне положения о военной службе в Донском казачьем войске. Все изменения в прежних предположениях, предварительно уже высочайше утвержденных, ныне одобрены; в том числе и отмена прежнего предположения о формировании 3-го гвардейского полка. Государь сам поднял вопрос о том, следует ли конную артиллерию переформировывать в 6-орудийные батареи. Я не возражал, а, напротив, сказал, что и сам не вижу особенной пользы в этом изменении; вследствие того родилось экспромтом новое повеление: оставить конную артиллерию в прежнем составе. Таким образом, мало-помалу и само собою рушится всё то, что в прошлогодних злополучных совещаниях было постановлено сгоряча, без зрелого и спокойного обсуждения.

7 февраля. Четверг. Докладывал государю предположения об изменениях нашего военно-уголовного кодекса, вызываемых новым уставом о воинской повинности. Сокращение сроков службы и всесословность обязательной службы должны неизбежно повлиять на всю систему наказаний, так что предстоит переделать весь устав. Предположенные основания высочайше одобрены.

Во время моего доклада вошел в государев кабинет император Франц-Иосиф. Разговор был преимущественно о вчерашней охоте, на которой государь не мог присутствовать, так как всё еще не совсем избавился от простуды. Однако ж эта простуда не помешала ему быть сегодня верхом на общем смотру

войск в честь австро-венгерского императора. Правда, погода была очень благоприятная, почти оттепель. Смотр удался вполне; иностранцы расхваливали, искренно ли – не знаю.

Вечером – бал в Концертном зале Зимнего дворца. Перед балом австрийский военный агент Бехтольсгейм привез мне от имени императора знаки ордена Святого Стефана. Во время бала я благодарил Франца-Иосифа, который очень любезно отвечал мне похвалами всему, что видел в Петербурге. Вообще, австрийцы держат себя очень любезно и, кажется, довольны приемом.

Во время бала приехал принц Вильгельм-Евгений Вюртембергский, жених великой княжны Веры Константиновны.

8 февраля. Пятница. Император Австрийский ездил в Кронштадт; его сопровождал генерал-адъютант Тотлебен; я же воспользовался свободным утром, чтобы переговорить с генерал-адъютантом Игнатьевым (Павлом Николаевичем) по одному делу Кавказского комитета, а потом провел часа два у Андрея Парфеновича Заблоцкого. Много говорили о покойном графе Киселеве и об оставшихся от него бумагах, которые теперь разбирает Заблоцкий, приступая к составлению биографии моего дяди.

9 февраля. Суббота. Император Австрийский осматривал Военно-топографический отдел Главного штаба;

был очень любезен, интересовался всем, что ему показывали. Кстати, были тут капитан Пржевальский, только что возвратившийся из смелого путешествия в Тибет, полковой барон Каульбарс, изучавший низовья Аму-Дарьи, и некоторые другие специалисты наши. Работы их действительно имеют значение научное. Пржевальский собрал огромную зоологическую коллекцию: целая зала была занята бесчисленными чучелами птиц и зверей. Император Франц-Иосиф, будучи страстным охотником, осматривал всю эту коллекцию с большим вниманием.

Слышно, что состоялось сегодня большое катание с гор, в котором участвовали особы императорской фамилии и иностранные гости.

10 февраля. Воскресенье. Бал у великой княгини Марии Николаевны; дворец необыкновенно изящный. Император Австрийский говорил со мною довольно долго; он сам и вся свита его (в том числе Андраши) говорят, что уезжают из Петербурга с самыми приятными впечатлениями. В час ночи они выехали по железной дороге в Москву, где пробудут всего одни сутки.

12 февраля. Вторник. Сегодня в числе докладов моих было предположение о переформировании гвардейских пехотных полков в 4-батальонный состав. По представленной справке

выходит, что для приведения в исполнение[32] этого предположения потребуется единовременно около 450 тысяч рублей, а ежегодные расходы увеличатся на 125 тысяч. Я объяснил, что не ручаюсь, что можно покрыть такой значительный расход сметными ассигнованиями текущего года, и напомнил государю представленное мною в первых числах января и вполне одобренное им соображение, чтобы отнюдь не предпринимать ничего нового, пока не разъяснятся финансовые средства Военного министерства. При этом я позволил себе коснуться вообще предположений о 4-батальонных полках и между прочим – о невыгодах отделения стрелковых рот в состав особого, четвертого в полку батальона.

Всё это было заметно неприятно государю; с видимым неудовольствием он вынужден был отказаться от намерения сформировать четвертые батальоны в гвардейских полках к лету текущего года. Того же желал и наследник цесаревич. Какие побуждения к тому – мне неизвестно. Очень может быть, что всё дело сводится к увеличению в гвардии штатного числа офицеров и открытию большего числа вакансий для производства.

После доклада заезжал я к Валуеву навестить больного, а потом присутствовал на панихиде по генерал-адъютанту Назимову, скончавшемуся вчера после продолжительной болезни. Это был человек простой, но хороший, честный и правдивый.

В Комитете министров рассматривалось представление министра путей сообщения об уставе общества для постройки Сызрано-Оренбургской железной дороги. Это первая попытка устроить дело на совершенно новых основаниях – без предварительной выдачи концессии, с выпуском акций прямо от Министерства финансов и с абсолютной гарантией держателям акций. Я должен был сознаться, что подобная новая комбинация для меня совершенно непонятна; но не счел уместным возбуждать прения в Комитете министров, так как сущность дела уже предрешена в Главном финансовом комитете. Нам же предоставлялось только рассмотрение редакции самого устава.

14 февраля. Четверг. Похороны генерал-адъютанта Назимова.

16 февраля. Суббота. Перед докладом я был в Малой церкви Зимнего дворца, чтобы поздравить императрицу по случаю ее причащения и откланяться герцогу и герцогине Эдинбургским, которые сегодня же вечером выехали из Петербурга.

19 февраля. Вторник. После доклада и обедни в Малой церкви Зимнего дворца просидел я в Комитете министров. В заседании этом принял участие великий князь Константин Николаевич по случаю окончательных прений о дальнейшем

направлении возбужденного Валуевым дела по исследованию сельского хозяйства в России. Дело это до сих пор кажется мне каким-то бесплодным толчением воды. Вот уже несколько недель, как в каждое заседание Комитета министров выделяется по целому часу и более на слушание графа Валуева, который своим гробовым басом излагает бесконечный перечень общеизвестных истин, выведенных им из объемистых работ трудившейся под его председательством комиссии.

По каждому из прочитанных Валуевым 70 или 80 пунктов завязывается более или менее продолжительная беседа, попросту говоря – переливание из пустого в порожнее. Канцелярия Комитета умудрилась, однако же, составить из этой болтовни журнал в палец толщиной, заключающий в себе разные неоспоримые истины: так, признается небесполезным сберегать леса, разводить новые, осушать болота, обводнять степи, поощрять коннозаводство и проч., и проч. Да кто же сомневался когда-нибудь в том, что всё это полезно и желательно! Задача – как достигнуть желанных целей? Казалось бы, почему не вести дело обычным порядком – постепенно разрабатывать один вопрос за другим через людей, специально изучивших каждое дело. Нет, тут не было бы эффекта… И вот выступает на сцену граф Шувалов со своими подручниками, раздувает дело, затевает созвать представителей от всех губерний! Тут встрепенулся председатель Комитета: ведь, пожалуй, затевается конституция! Начинается горячий спор, в котором никто не высказывает прямо своей заветной мысли.

Великий князь Константин Николаевич, поверив чистосердечию шуваловских речей в предварительных домашних совещаниях, явился в заседание Комитета, чтобы поддержать идею, по видимости столь либеральную. Спорим до шести часов, и только тогда, когда все уже истомлены спором, открывается, что мы играли в жмурки. Великий князь вообразил, что граф Шувалов действительно задумал по поводу возбужденных Валуевым чисто экономических вопросов обратиться к представителям земства. Казалось, чего же лучше; как не сочувствовать такой идее? Но вдруг оказывается, что хотят собирать в Петербург не представителей земства, а предводителей дворянства; всплывает вопрос дворянский! Вот и ключ шуваловского либерализма! *Coup de théâtre*![33] Заседание закрывается; окончание прений отлагается до следующего вторника.

Вчера я позабыл записать, что после заседания Государственного совета наконец состоялось совещание между мною и министрами внутренних дел и народного просвещения по

вопросу о Медико-хирургической академии.

Разумеется, мы остались при своих мнениях: оба противника мои по-прежнему твердили, что нет ничего проще, как передать Академию в Министерство народного просвещения, оставив Клинический госпиталь в Военном министерстве; а я сохранил свое убеждение в совершенной невозможности этой смелой хирургической операции. Мы условились составить записку и изложить в ней оба противных мнения для представления на высочайшее решение.

22 февраля. Пятница. Первое заседание Особого присутствия, учрежденного при Государственном совете для обсуждения вопросов, возникающих при применении нового устава воинской повинности. Заседание происходило у великого князя Константина Николаевича запросто, в сюртуках. В числе обсуждавшихся дел было представление мое о программе экзаменов для желающих воспользоваться правами вольноопределяющихся 3-го разряда. И в этом пустом деле опять разногласие с министром народного просвещения, который выказал снова свое ослиное упрямство и фанатическое, доходящее до мономании пристрастие к древним языкам. Из всех присутствующих один граф Шувалов попробовал поддержать своего послушного клиента; но[34] весьма неудачно.

Председатель по-прежнему вел дело умно и логично; решено во всем согласно с моим личным мнением. Говорю «личным», потому что в этом деле я расходился во мнении и со своими соратниками, то есть с комиссией, предварительно обсуждавшей вопрос под председательством графа Гейдена, который со свойственным ему благодушием поддался назойливому представителю Министерства народного просвещения Георгиевскому. Мне пришлось собственноручно редактировать представление в Особое присутствие. Граф Толстой мог сегодня вывести из терпения и самого флегматического противника.

26 февраля. Вторник. После доклада ездил в Аничков дворец поздравить наследника, а затем сидел в Комитете министров, где окончательно решен вопрос по так называемому делу о сельском хозяйстве. Конец был миролюбивее, чем можно было ожидать; гора родила мышь: наши государственные мужи, испугавшие было председателя воображаемыми замыслами, наконец сформулировали письменно свое предложение. И тут только оказалось, что не стоило так горячиться и терять так много времени на бесплодные препирательства. Великий князь Константин Николаевич, по-видимому, предваренный об этом результате, вовсе и не приехал в заседание Комитета. Говорят, однако же, что дело это не кончено и будет еще обсуждаться в

Совете министров.

4 марта. Понедельник. Утром, во время обычного моего приема в канцелярии Военного министерства, принимал я бухарское посольство по случаю отъезда его восвояси.

В Государственном совете состоялось продолжительное и интересное заседание: обсуждался новый проект об узаконении браков у раскольников и признании детей их законнорожденными. Дело это весьма важно; Победоносцев [опять] выступил со своим семинарским витийством, конечно, в смысле ретроградном; напротив, граф Шувалов проводил мысли либеральные! Спорили до шести часов и не кончили ничем; продолжение будет в следующий понедельник.

Обедал в Зимнем дворце (Кауфман, Головачев, Троцкий, князь Эмиль Витгенштейн).

5 марта. Вторник. Перед началом моего доклада в присутствии обоих великих князей государь решился наконец высказать прямо свое неудовольствие на то, что из предположенных в прошлогодних совещаниях разных мер по переформированию и усилению войск до сих пор не приводится в исполнение ничего, кроме только упразднения резервных батальонов и учреждения бригадных управлений. То же самое было высказано его величеством несколько дней назад графу Гейдену при представлении его по случаю отъезда в отпуск. Я должен был напомнить государю прежние доклады мои, по которым последовали высочайшие одобрения и разрешения; необходимо было повторить многое, что уже высказывалось не раз: что прежде желаемого формирования новых частей войск необходимо заготовить потребные для них вещевые запасы; что Военное министерство в своих хозяйственных распоряжениях не может выходить из пределов, ограниченных установленным ныне нормальным бюджетом, и т. д., и т. д. Убедился ли государь моими объяснениями – осталось мне неизвестным.

Большой и скучный обед у австрийского посла барона Лангенау.

8 марта. Пятница. Совещание у великого князя Константина Николаевича по вопросу о гидротехнических работах в устьях Волги.

Вечером был на публичном чтении капитана Генерального штаба Пржевальского (в Соляном городке) о его путешествии в Монголию и Тибет. В публике петербургской заметно развивается потребность в умственной пище; ежедневно на нескольких лекциях толпятся слушатели. Женщины особенно стремятся в эти собрания с истинной жаждой знаний. Пржевальский более всякого другого может привлечь слушателей и еще более

слушательниц: во всей его фигуре, во всяком слова видна натура энергичная. После лекции я пригласил его к нам на чашку чая, чтобы познакомить с моею семьей.

9 марта. Суббота. Сегодня при докладе моем не присутствовали великие князья. Не знаю, этому случайному обстоятельству или же другой причине можно приписать заметное изменение в тоне государя: он говорил с прежней своей мягкостью и добродушием, несмотря на то, что с самого начала доклада завел я речь о Медико-хирургической академии. Я воспользовался удобным случаем, чтобы высказать откровенно государю всю суть дела, не скрывая закулисной грязи, из-за которой выходят все толки и сплетни, распространенные в последнее время в публике.

Государь выслушивал со вниманием, и не замечалось, чтобы в мыслях его вопрос о передаче Академии в Министерство народного просвещения был предрешен. Между прочим он сказал, что сами профессора имеют по этому вопросу мнения различные. Например, Красовский выступает против передачи, а Боткин – в пользу этой меры. Таким образом, подтверждается то, что поклонники Боткина считают выдумкой и клеветой; выходит, что он, несмотря на дружественное свое отношение ко мне и ко всей моей семье, действительно поддерживает замыслы графа Толстого и Тимашева.

Как ни прискорбно было для меня убедиться в этом, однако же чтобы не подавать повода с моей стороны к нарушению этих давнишних отношений, я поехал к Боткину под предлогом осведомиться о его болезни; но оказалось, что он уже поправился и выехал. Опять не удалось мне откровенно объясниться с ним.

10 марта. Воскресенье. Сегодня после развода собрал я у себя некоторых профессоров Медико-хирургической академии с тайным советником Козловым во главе для обсуждения записки графа Толстого о передаче этого учреждения в Министерство народного просвещения. Все без исключения восставали против этой меры и доказывали невозможность ее исполнения. [Не знаю, все ли были искренни в своих заявлениях.] Решено составить общими силами подробное, по пунктам, опровержение всех аргументов графа Толстого.

Большой парадный обед во дворце по случаю дня рождения императора Вильгельма.

11 марта. Понедельник. Большой дипломатический обед у князя Горчакова.

12 марта. Вторник. При докладе моем государь заговорил об униатских делах, подавших недавно повод к волнению в некоторых местностях Седлецкой и Люблинской губерний. К

крайнему прискорбию, дело не обошлось без кровопролития благодаря мудрым распоряжениям того же графа Дмитрия Андреевича Толстого, который и в делах церковных проявляет такую же узость и такое же упорство, как по ведомству учебному. Дела униатские до того обострились, что признано необходимым обсудить их в особом совещании, назначенном в будущее воскресенье в квартире государственного канцлера. Государю угодно, чтоб в этом совещании и я принял участие, вероятно, как председательствующий в настоящее время в Комитете по делам Царства Польского.

По тому же Комитету представлены мною сегодня его величеству объяснения по поводу пререканий, возникших между управляющим Собственной его величества канцелярией по делам Царства Польского статс-секретарем Набоковым и министром юстиции графом Паленом. С упразднением звания наместника в Царстве Польском предположено изъять из ведения нового начальника края (генерал-губернатора) судебную часть и передать ее в ведение Собственной его величества канцелярии. Но против этого предположения восстал граф Пален, призвавший более правильным судебную часть в Царстве подчинить министру юстиции. Поэтому надобно ожидать препирательств между ними в одном из ближайших заседаний Польского Комитета.

У государя опять зародились новые проекты по части обмундирования войск: барону Штейнгелю (генерал-лейтенанту, управляющему Интендантским музеем) указано новое распределение мундирных отличек для разных родов и частей войск. Как всегда, в проектируемых нововведениях нет никакого рационального основания, а потому предвижу только новые усложнения и затруднения для интендантских складов.

13 марта. Среда. Присутствовал я при замечательной операции переливания крови из одного человека в другого, произведенной в больнице городской тюрьмы доктором Русселем, которого Военное министерство вызвало из Женевы для обучения наших врачей. Сегодня произведена им уже 18-я операция, и все исполнены благополучно; только один из оперированных больных не выжил вследствие крайнего истощения жизненных сил.

14 марта. Четверг. Доклад мой сегодня был продолжительнее обыкновенного. Независимо от большого числа текущих дел, много времени потрачено на разговоры о задуманных самим государем переменах в обмундировании (в цветах погон и воротников), а затем о другой давнишней мысли его величества: заменить наши русские штыки прусскими тесаками (*sabre bayonette*[35]). Уже три раза вопрос этот обсуждался лицами компетентными; все единогласно отдавали

преимущество нашему штыку и восставали против примыкания штыков к ружьям лишь в момент действия холодным оружием. И, несмотря на все прежние доклады в таком смысле, вопрос снова поднимается в четвертый раз. С большой вероятностью можно тут предполагать настояния герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого, который не может допустить, чтобы у нас что-либо было лучше, чем в прусской армии.

После доклада пробыл я некоторое время в Академии Генерального штаба на лекции одного из офицеров дополнительного курса, а затем снова возвратился во дворец, где в час пополудни назначено было представление государю разных предметов солдатского снаряжения, не окончательно еще утвержденных. Между прочим показано на людях всё неудобство нынешнего способа пригонки шанцевого инструмента, тесака, сухарного мешка, шинели (через плечо) и всего остального груза, обременяющего плечи и спину бедного солдата. Давно уже мы домогаемся окончательной отмены тесаков и возвращения к прежнему способу носки свернутой шинели на ранце; но государь, несмотря на очевидные неудобства теперешнего снаряжения солдата, [все-таки с упрямством] оставляет всё по-прежнему, не приводя другой причины, кроме той, что «так носили прежде» или что «так у пруссаков…». В подобных случаях всякие логические доводы бесполезны. Иная великая государственная реформа проводится легче, чем какое-нибудь изменение цвета погона или отмена тесака у барабанщика!

В одной из зал Зимнего дворца государь занимался распределением рекрутов по гвардейским полкам. Это уже четвертая или пятая смена приводимых во дворец рекрутов, представляемых его величеству по мере прибытия их в Петербург из разных округов. Я стараюсь по возможности уклоняться от присутствия при этой операции: мне тяжело видеть владыку 80 миллионов подданных, занятого таким ничтожным делом. Сегодня я имел уважительный к тому предлог – совещание, назначенное у министра финансов по поводу нескольких сомнительных вопросов, возникших при определении на нынешний год предельной цифры нормального бюджета Военного министерства. На этот раз дело улажено совершенно полюбовно.

15 марта. Пятница. Утром смотрел в орудийной мастерской (на Литейной) изобретенное механиком Барановским скорострельное орудие 2-дюймового калибра, а также крепостные ружья полковников Гана и Снессорева; потом в манеже Артиллерийского училища показывали мне некоторые новые приспособления в полевой артиллерии: сидения для прислуги на оси, конской упряжи, четырехколесного ящика и проч. В

заключение присутствовал на экзамене в Артиллерийском училище.

17 марта. Воскресенье. Совещание у государственного канцлера по вопросу о положении дел и дальнейших распоряжениях в униатской епархии Царства Польского. Участвовали, кроме князя Горчакова, граф Шувалов, Тимашев, граф Толстой, Набоков и барон Фредрихс (бывший начальник Варшавского жандармского округа)[36]. Из всех рассуждений и объяснений одно не подлежит сомнению, что граф Толстой – плохой администратор, а граф Шувалов – легкомысленный и самонадеянный человек. Они не сумели вести такое щекотливое дело, какое задумал заведующий Холмской епархией Попель, желавший, по-видимому, разыграть роль Семашко[37]; но роль эта оказалась не по силам ему. Затеяли разом очистить обряды униатского богослужения от всех латинских примесей, ничего не подготовив к тому. В Седлецкой губернии дело положительно испорчено, поправить его будет нелегко. Все заключения нынешнего совещания состоят из одних фраз и общих мест; серьезных мер – никаких.

21 марта. Четверг. Сегодня, в заключение весьма продолжительного доклада, опять я должен был противоречить государю и тем вызвать снова заметное его неудовольствие. Дело шло опять о замене наших штыков тесаками и о мундирах.

Проверив картографические работы, приготовленные в залах дворца к завтрашнему высочайшему осмотру, я потом был в Михайловском манеже, где представляли государю новые образцы по артиллерийской части. Вечером присутствовал на музыкальном собрании во 2-й военной гимназии. Посещение этого заведения всегда доставляет мне истинное утешение.

22 марта. Пятница. Утром государь осматривал картографические работы в залах Зимнего дворца. К обеду я был приглашен во дворец вместе с несколькими другими лицами, в числе которых были генералы Баранцов и Вердер. После обеда, расположившись у камина, государь завел речь о штыках как будто для того, чтобы вызвать Баранцова и меня на очную ставку с Вердером. Его величество предложил последнему высказать мнение по спорному вопросу, и Баранцов возражал ему смело и дельно, повторив те же доводы, которые уже не раз представлялись мною государю против примыкания штыков лишь в ту минуту, когда приходится действовать холодным оружием. Пруссаки, быть может, и могли безнаказанно держаться такого правила, воюя с датчанами, австрийцами и даже с французами (впрочем, во Франко-прусской войне генерал Вердер не участвовал), но для нас, русских, было бы стыдно брать уроки у

немцев в деле применения штыка. Разве мы сами не лучшие судьи в вопросе о том, какое оружие пригоднее для русского солдата? Достаточно было побывать хотя бы в нескольких экспедициях на Кавказе или даже в Средней Азии, чтобы вполне убедиться, как необходимо солдату всегда иметь в руках оружие, пригодное для рукопашной схватки. [Мне было как-то стыдно, неловко выходить на арену с Вердером в деле, касающемся вооружения русских войск[38]; поэтому во время разговора я не разинул рта.] Какое заключение окончательно вынес государь из сегодняшнего состязания – узнаю, вероятно, при завтрашнем докладе.

Прямо с обеда отправился я на музыкальный вечер в 1-ю военную гимназию.

23 марта. Суббота. *La nuit porte conseil* – говорят французы, утро вечера мудренее – говорят русские. Сегодня, в самом начале доклада моего, государь объявил свое решение по вопросу о штыках; он сделал важную уступку: во всей армии остаются прежние наши штыки, тесаки же взамен штыков предполагается дать только гвардии, гренадерам и стрелковым батальонам. Это, конечно, полумера, ни то ни се; но по крайней мере мы избегаем пертурбаций в заготовлении нового вооружения на целую армию и не останавливаем работ на наших оружейных заводах. Не отменяется и сделанное уже распоряжение о вооружении ныне же 1-й гвардейской дивизии малокалиберными ружьями с прежним штыком. Что будет в будущем – увидим в свое время. Время есть лучший советник.

Вообще, сегодня государь был в лучшем, чем прежде, расположении духа. Я уже и не прекословил ни в вопросе о штыках, ни в новых затеях относительно обмундирования.

Сегодня еще раз (в третий) был я на практических занятиях офицеров дополнительного курса Академии Генерального штаба. Присутствовал также и великий князь Николай Николаевич.

2 апреля. Вторник. Давно не раскрывал своего дневника: вся Страстная неделя прошла в полном спокойствии, исполнение религиозных обрядов не мешало обычному течению дел, теперь же наступило суетливое время Пасхи.

На прошлой неделе состоялось у меня совещание по поводу возникшего предположения о международной конвенции касательно прав и обязанностей воюющих сторон. Не помню, упоминал ли я прежде, что первая мысль об этом новом предположении дана была еще в прошлом году нашим молодым ученым Ф. Ф. Мартенсом, который в поданной мне записке изложил свои соображения по этому предмету. Тогда мне было не до того, теперь же в этом вопросе принял участие барон Жомини, с которым и вошел я в соглашение. Федор Федорович Мартенс

взялся проектировать первоначальную канву предполагаемой конвенции. По докладу барона Жомини сочувственно принял наше предположение и князь Горчаков, доложил о нем государю, и мы принялись общими силами за разработку проекта.

Но совсем неожиданно на днях получаем из Парижа предложение от общества, которого мы не подозревали и существования; оно называет себя «Société pour l'amé, lioration du sort des prisonniers de guerre»[39] и приглашает все правительства прислать делегатов в Париж к 4 мая (нового стиля) для обсуждения составленного уже проекта.

Таким образом, нам перебили дорогу и не дали сделать первый шаг в этом человеколюбивом предприятии. Но присланный из Парижа проект менее обширен, чем наш; мы задумали более широкую задачу.

Сегодня при докладе моем и князя Горчакова государь изъявил согласие на наше предположение не только принять предложение парижского общества, но даже взять это дело в свои руки. Государственный канцлер обратится циркулярно ко всем кабинетам с предложением собрать конференцию в Брюсселе для совместного обсуждения как составленного парижским обществом проекта, так и *наших* дополнительных к нему статей. После доклада государю я имел совещание с бароном Жомини; мы сговорились насчет редакции нашего циркулярного предложения и вообще всего направления дела.

17 апреля. Среда. Опять большой промежуток в моем дневнике, в протекшие две недели я был завален работой. Ввиду скорого отъезда государя за границу надобно было торопиться с докладом о множестве скопившихся дел. В числе их были довольно серьезные: проект новой нормальной дислокации армии, переформирование кавказских войск, предположение об особом порядке отбывания воинской повинности башкирами и крымскими татарами, о вольноопределяющихся и много других.

Кроме того, пришлось мне приложить немало личного труда по двум делам: по проекту международной конвенции о правилах и законах войны и по вопросу о Медико-хирургической академии (возражения на записку министров народного просвещения и внутренних дел). Проект конвенции окончательно выработан объединенными силами нескольких собиравшихся у меня лиц; завтра я представлю эту работу на высочайшее одобрение. Что же касается Медико-хирургической академии, то вопрос этот принимает новое направление: в последнее время сам государь уже не вспоминал об этом деле, но когда противники мои подали свою записку, на которую и я представил возражения, то его величество решил, чтобы спорный вопрос обсудили в Комитете

министров. Таким образом, решение отсрочивается, вероятно, на продолжительное время. В Комитете министров едва ли найду я союзников, хотя председатель его (генерал-адъютант Игнатьев, который сам был некогда попечителем Академии по званию дежурного генерала) обещает подать голос за Военное министерство.

В одном из последних заседаний Комитета министров председатель объявил нам высочайшее повеление, чтобы впредь все министры соблюдали в точности статью Свода законов, вменяющую им в обязанность представлять ежегодно не только отчет о действиях министерства за прошлое время, но и план дальнейшей деятельности его. При этом поставлено было в пример Военное министерство, которое одно исполняло эту обязанность в точности, начиная с 1862 и до 1873 года. Объявление председателя озадачило Комитет; некоторые из министров прямо доказывали бесполезность и даже невозможность исполнения объявленного поведения. Шеф жандармов молчал и саркастически улыбался. Впоследствии я слышал, что государь был весьма недоволен, узнав, как высочайшее повеление было встречено в Комитете министров.

Еще перед заседанием Комитета, при докладе моем, государь сам объявил мне о данном им генералу Игнатьеву приказании и при этом, улыбнувшись, заметил: «Один ты исполнял это до сих пор, кроме только нынешнего года». Я не нашелся и ничего не ответил, впрочем, и неловко было бы затронуть щекотливые вопросы в присутствии великих князей; но по крайней мере теперь я знаю, что государь не пропустил без внимания моей демонстрации и, по-видимому, даже понял смысл ее. В последнее время, как мне кажется, обращение его со мной сделалось несколько менее натянутым; но вообще он имеет вид озабоченный и грустный. Говорят, есть причины семейные.

Между прочим, [я узнал по секрету, что] на днях государь был глубоко огорчен неожиданным, почти невероятным открытием вора среди самой семьи царской! Случались не раз пропажи и в кабинете императрицы и в Мраморном дворце; строго приказано было полиции разыскать украденные вещи, и что же открылось? Похитителем был великий князь Николай Константинович! Я не поверил бы такому чудовищному открытию, если б слышал не от самого Трепова и если б не видел сам подтверждения тому: мне случилось два раза быть у государя после продолжительных объяснений его по этому прискорбному вопросу с великим князем Константином Николаевичем[40]; оба раза я видел на лице государя явные признаки возбужденного состояния и даже следы слез, а вчера, при докладе моем о

предположенной ученой экспедиции на Аму-Дарью, государь с досадой и гневным голосом сказал: «Николай Константинович не поедет в экспедицию; я не хочу, не пущу его! – Но затем сейчас же прибавил: – Впрочем, пока не говори об этом; я переговорю с отцом его». И вслед за моим докладом произошло опять объяснение между братьями.

Сегодня был малый выход в Зимнем дворце: высшие чины двора и свита собрались в ротонде для принесения поздравления государю с днем его рождения.

18 апреля. Четверг. Сегодня утром государь растрогал меня своим глубоким огорчением; он не мог говорить без слез о позоре, распространившемся на всю семью гнусным поведением Николая Константиновича.

Государь рассказал мне всё как было; подробности эти возмутительны. Оказывается, Николай Константинович после разных грязных проделок, продолжавшихся уже несколько лет, дошел до того, что ободрал золотой оклад с образа у постели своей матери и похищал несколько раз мелкие вещи со стола императрицы. Всё краденое шло на содержание какой-то американки, которая обирала юношу немилосердно. Всего хуже то, что он не только упорно отпирался от всех обвинений, но даже сваливал вину на[41] других состоящих при нем лиц.

Государь довольно долго говорил об этом тяжелом для него семейном горе, несколько раз возвращался к нему в продолжение моего доклада, высказывал намерение исключить Николая Константиновича со службы, посадить в крепость, даже спрашивал мнения моего – не следует ли предать его суду. Я советовал не торопиться с решением и преждевременно не оглашать дела. Была речь о том, чтоб освидетельствовать умственные способности преступника: поступки его так чрезвычайны, так чудовищны, что почти невероятны при нормальном состоянии рассудка. Может быть, единственным средством к ограждению чести семьи царской было бы признание преступника помешанным (клептомания).

Сегодня состоялся парад на Марсовом поле. Погода серая и холодная; войска были в походной форме (в шинелях).

19 апреля. Пятница. По случаю предстоящего отъезда государя за границу имел я доклады два дня сряду. Сегодня государь опять говорил о Николае Константиновиче, уже с несколько бóльшим спокойствием, чем вчера. Три врача (Балинский, Карель и Здекауер) освидетельствовали преступного великого князя и доложили государю, что в речах и поступках Николая Константиновича нашли что-то странное: он не только не опечален всем случившимся, но шутит и кажется совершенно

равнодушным. Ему объявлено было, что он лишен чинов и орденов и будет в заточении без срока. И это принял он совершенно равнодушно. Государь в семейном совете решил признать Николая Константиновича психически больным. Некоторые рассказанные государем случаи действительно очень странны. Женщина, с которой он связался, была арестована, но, говорят, сегодня освобождена и будет выслана из России с выдачей значительной суммы.

В 8 часов вечера государь выехал за границу с великими князьями Константином Николаевичем и Алексеем Александровичем. Великий же князь Владимир Александрович уехал еще вчера в Мекленбург к своей невесте.

9 мая. Четверг. Три недели я не заглядывал в свой дневник; в течение этого времени нечего было записывать. Текущие служебные занятия, почти ежедневные посещения экзаменов в военно-учебных заведениях, а затем домашние заботы по случаю предстоящего перемещения в казенный дом – всё это не оставляет никаких впечатлений. Не было ничего выдающегося и в заседаниях Государственного совета и Комитета министров.

Сегодня присутствовал я при церемонии освящения новых знамен, пожалованных Новочеркасскому пехотному полку. Церемония происходила перед казармами полка (так называемыми Аракчеевскими, близ Таврического дворца). Погода была холодная, и я сильно продрог.

После церковной и военной церемоний, выпив чарку водки у солдатских столов, я должен был выдержать длинный завтрак в помещении офицерского собрания. Хотя я вообще не охотник до всяких подобных торжеств, тостов, спичей, однако ж сегодняшнее торжество Новочеркасского полка оставило во мне приятное впечатление. Начальники частей 37-й пехотной дивизии и офицеры полка сделали всё, что могли, чтобы выказать мне свое сочувствие. Спичи кончились тем, что, несмотря на все мои протесты и просьбы, начали немилосердно меня подбрасывать. Насилу мог я отбиться от этих диких оваций и рад был, когда добрался до своего экипажа.

В полках 37-й пехотной дивизии состав офицеров весьма молодой; старики большей частью вышли вследствие перемещения полков из Пензенской губернии в Петербург, где дороговизна жизни и требования службы оказались им не по силам. Впрочем, в настоящее время в армейских полках уровень интеллектуальный заметно повысился. Учреждение офицерских собраний произведет благотворное действие в этом отношении. Армейские офицеры понимают, что сделано и что делается для облегчения их тяжкого положения; они ценят это и выражают

свою признательность с трогательной наивностью.

13 мая. Понедельник. Три дня не выходил по причине простуды, схваченной на празднике Новочеркасского полка, и сегодня едва был в силах выехать в Государственный совет. Это последнее перед летним вакантом заседание, оно всегда бывает очень полновесно и продолжительно. Сегодня мы разъехались почти в 6 часов, и для меня было мучительно высидеть 5 часов с моими ревматическими болями во всех членах и в лихорадочном состоянии. Но по крайней мере сидели не напрасно: в числе решенных дел особенно интересовало меня новое положение о военной постойной повинности. Вопрос этот тянулся около 70 лет, и наконец удалось довести его до развязки. Отныне постой натурой для войск отменяется в мирное время, кроме немногих исключительных случаев. Можно надеяться, что на отпускаемые для найма помещений деньги мало-помалу перейдем окончательно к казарменному расположению всей армии, а это одно из важнейших условий для будущности нашей военной организации.

Другое решенное сегодня дело – упразднение в Царстве Польском мировых посредников и устройство гминных судов[42].

В нашем министерском кружке шепчутся и толкуют о предстоящем завтра в заседании Комитета министров щекотливом обсуждении вопроса о передаче Медико-хирургической академии в Министерство народного просвещения. Граф Толстой сильно волнуется и заранее извергает желчь. Валуев подходил ко мне с примирительными предложениями, [которых, конечно, я не отверг] но при всем его ораторском и дипломатическом искусстве сомневаюсь, чтоб удалось ему уладить предстоящее крайне неприятное столкновение. Я положительно объявил Валуеву, что смотрю на это дело как на свое личное, так что от решения его зависит непосредственно и мое решение – оставаться ли на своем посту или удалиться. Валуев отвечал, что вполне понимает мой взгляд.

Из Государственного совета возвратился я совсем больным. Не могу скрыть, что и толки о завтрашнем заседании Комитета министров немало способствовали усилению моего лихорадочного и нервного состояния.

14 мая. Вторник. Не спал почти всю ночь от боли в членах и волнения. Встал поздно и с трудом собрался в роковое заседание. Пока докладывались пустые текущие дела, многие из министров вышли из залы заседания: в соседней комнате слышны были громкие споры и рассуждения, граф Толстой горячился, готовясь к битве. Я сидел на своем месте неподвижно, совсем больной. Рейтерн, обыкновенно не участвующий в закулисных соглашениях

известной партии и вообще относящийся к делам несколько флегматично, на сей раз принял на себя посредничество. Вызвав меня в другую комнату, он высказал мне свое опасение, чтобы предстоящее прение между мною и графом Толстым не приняло характера слишком резкого. Все члены Комитета поставлены в крайнее затруднение и желали бы под каким бы то ни было предлогом отложить решение вопроса. Я повторил ему то же, что отвечал вчера Валуеву; тогда Рейтерн сказал, что в случае моего согласия будет сделано предложение отсрочить решение вопроса и предварительно рассмотреть его в особой комиссии.

Среди разговора нашего мы были прерваны приглашением в залу заседания, чтобы приступить к роковому делу. Валуев, как, по-видимому, было уже условлено, заговорил первый: с обычным своим красноречием, пересыпая речь комплиментами и мне, и моему противнику, оратор высказал то, о чем, в сущности, говорено было вчера и сегодня, то есть закончил предложением передать дело в особую комиссию под председательством одного из членов Комитета, стоящих совершенно нейтрально (?!) и беспристрастно (?!). Затем, переглянувшись с некоторыми из присутствующих, он назвал наконец этого беспристрастного судью – Грейга, прибавив, что он согласен принять на себя председательство. Тут, разумеется, все в один голос одобрили выбор и признали, что такое со стороны Грейга самопожертвование заслуживает общей благодарности.

После еще нескольких слов некоторых из членов и какого-то нескладного предложения принца Ольденбургского председатель обратился к обоим противникам – к графу Толстому и ко мне. Граф и тут не мог удержать своей желчи, выказал досаду по поводу того, что предлагаемая отсрочка может надолго замедлить решение, и потребовал определения срока. Что касается меня, мне ничего другого не оставалось, как согласиться на предложение, хотя и мне не совсем приятно продление неопределенного положения, которое уже так давно тяготит меня. Личность Грейга не внушает мне доверия к его беспристрастию. Несмотря на это, было бы крайне неловко перед моими коллегами отклонить придуманное ими посредничество и отвергнуть их доброе намерение устранить резкую постановку вопроса, а может быть, даже и скандал в самом заседании. После нескольких еще толков о составе комиссии, о предстоящей ей задаче и так далее постановлено ничего не предрешать и положиться на соглашение Грейга с противными сторонами. Таким образом, дело на сей раз кончилось ничем. Туча отдалилась, но гроза еще впереди.

Если спорный вопрос неизбежно должен быть решен против

меня, то в настоящее время года мне всего удобнее было бы сделать решительный шаг – оставить место военного министра; однако ж я не сетую на моих товарищей, напротив, их образ действий в настоящем случае несколько примиряет меня с ними. Зато граф Толстой, как слышу, кипятится еще более, чем прежде, уверяет, что пришел в заседание Комитета до такой степени вооруженный, что победа была для него несомненна. Да, судя по тому, что передавали мне из разговоров в соседней комнате, оружие его было всё то же, какое он всегда имеет привычку применять, – ложь и искажение фактов. [И мы пропустили случай увидеть на сцене этого православного иезуита.]

15 мая. Среда. Эту ночь я провел лучше предшествующих; утром чувствовал себя гораздо бодрее, так что без труда выехал из дому в Мраморный дворец в заседание Особого присутствия по воинской повинности. Дел важных не было, и, вероятно, это последнее наше собрание до вакантного времени. Великий князь Константин Николаевич переезжает в Павловск, а потом едет в Вену. О Николае Константиновиче как-то перестали говорить.

18 мая. Суббота. Последние дни прошли преимущественно в хлопотах по случаю переезда на другую квартиру, во вновь выстроенный дом; переселились туда 16 мая, в четверг, но далеко еще не устроились на новоселье.

1 июня. Суббота. Опять большой пропуск в моем дневнике – ровно две недели. Бóльшая часть этого времени прошла в заботах домашних; с трудом удалось уладить разные недоразумения и выпроводить всю семью из Петербурга: две старшие дочери уехали на Кавказские минеральные воды вследствие внезапного решения врачей; прочие члены съедутся в Одессе, откуда отправятся в Крым и там встретят сына, который прибудет туда из Поти. Со вчерашнего вечера я остаюсь совершенно одиноким в новом обширном жилище.

30 июня. Воскресенье. Ровно месяц не заглядывал в свой дневник; во всё это время нечего было записывать. Кроме обычных своих служебных занятий, все остающиеся свободные часы проводил в своем кабинете за разборкой библиотеки; только сегодня окончил эту нелегкую работу и то еще не совсем. [Остались неразобранными три ящика с картами и картинами, принадлежавшими покойному дяде, графу Киселеву. Я воспользовался случаем (может быть, единственным), чтобы привести в порядок и прежнюю собственную библиотеку, для которой не было до сих пор каталога.]

Однако ж время это прошло не совсем без забот: из Крыма получал от жены весьма неутешительные известия о небрежной постройке дома в Симеизе; работы приостановлены, и хотя

строительное общество обещает принять надлежащие меры, тем не менее нельзя уже и помышлять о том, чтобы дом был готов к назначенному сроку, то есть к осени текущего года.

Около 20-го числа возвратился в Петербург из командировки на Волгу и на Кавказ мой сын, так что с этого времени я уже не совсем один. Приезжала также сестра Мордвинова[43] на несколько дней. Сегодня уже кончилось мое вакантное время: вечером ездил в Царское Село встретить государя на станции железной дороги. С его величеством приехал австрийский эрцгерцог Альбрехт, носящий звание фельдмаршала австрийской и русской армий и пользующийся в Австрии репутацией человека военного. Он пробудет здесь, как говорят, до конца лагерного сбора под Красным Селом.

Государь, которого я видел только одно мгновение, имел вид здоровый; проходя мимо меня, подал мне руку и сказал, что был очень доволен войсками в Варшаве. Тут узнали мы самые свежие новости: генерал Коцебу получил графский титул, граф Петр Шувалов назначается послом в Лондон, на его место – Потапов, на место последнего в Вильну – Альбединский.

Перемещениям этим, о которых говорили уже в городе, можно только порадоваться. Потапов, при всех своих недостатках, будет, разумеется, несравненно менее зловредным, чем граф Петр Шувалов, уже по самому ничтожеству своему. Вся эта [зловредная] шайка, которой вожаком был Шувалов, распадется. Едва верится такому счастливому перевороту в нашей внутренней политике.

8 июля. Понедельник. Всю протекшую неделю провел я в беспрерывных переездах: вторник – доклад в Петергофе, откуда переехал прямо в Красное Село; вечером – объезд лагеря и парадная заря; среда – большой парад на военном поле; четверг – доклад в Царском Селе, потом заседание Особого присутствия Государственного совета по воинской повинности в Петербурге, в Мраморном дворце; пятница – Военный совет; суббота – весь день в Царском Селе, обед со всеми приехавшими пруссаками; наконец, воскресенье – в Красном Селе, церковный парад и лагерный развод. Сколько убито времени!

При первом же докладе государь объявил мне о предположенных перемещениях графа Шувалова, Потапова и Альбединского; объявление об этих назначениях в приказе отложено на 22 июля. Кроме того, решено еще увольнение графа Бобринского (Алексея Павловича) от должности министра путей сообщения и назначение на его место адмирала Посьета. В городе только и разговоров об этих новостях; все недоумевают, как объяснить назначение графа Шувалова: одни видят в этом хитрый

расчет с его стороны, шаг в министры иностранных дел; в подтверждение такого толкования приводят факт, что жена графа Шувалова не едет с ним, а ищет новую квартиру в Петербурге.

Другие думают, что назначение в Лондон – это почетное удаление, опала, что государь уже тяготится опекой графа Шувалова, его нахальством, его интригами. Некоторые же приписывают удаление графа тому, что он открыто отзывался о государе крайне непочтительно и неприлично, о чем дошло до сведения его величества через дам. По мнению Трепова, государь решился избавиться от слишком уже усилившегося влияния временщика и, как будто сбросив камень с плеч, заметно сделался веселее и спокойнее. Трепов думает, что не удержатся и некоторые другие из министров, посаженные Шуваловым, из числа их граф Бобринский уже уволен, дойдет очередь и до графа Толстого.

В последние дни мне случалось несколько раз быть наедине с графом Шуваловым, в вагоне; он с насмешкой говорил о назначении Посьета министром путей сообщения;

рассказывал иронически, будто государь, объявляя графу Бобринскому об увольнении, мотивировал необходимостью назначения на его место моряка, дабы заняться преимущественно водными путями сообщения. Такой предлог, конечно, довольно странен, действительная причина удаления графа Бобринского, по словам того же Шувалова, заключается в разрыве его с Рейтерном, который будто бы заявил, что одному из них двоих надобно удалиться, так как железнодорожное дело не может идти успешно при постоянном разладе между двумя министрами.

Другие сторонники графа Бобринского намекают на какие-то особые поводы к личному против него неудовольствию государя. Что граф Бобринский вообще не пользовался царским расположением – это всем известно, но причиной тому может быть не что иное, как одна слабая черта его характера, признаваемая даже друзьями, – привычка говорить часто наобум, так что на слова его никто не полагается. Черта эта, по всем вероятиям, была замечена и государем. Граф Бобринский держался, пока был в силе Шувалов, как один из самых ретивых сподвижников последнего. Говорят даже, что в шуваловской группе граф Бобринский играл роль нимфы Эгерии, поднимая разные политические вопросы и внушая всё новые затеи.

Со времени возвращения государя из-за границы обращение его со мною, как мне кажется, сделалось менее холодно и натянуто. Однако ж я [не намерен поддаваться] сохраняю свое сдержанное и строго официальное положение. По всем

вероятиям, не придется мне иметь частые сношения вне срочных докладов: теперь государь вполне занят своими иностранными гостями, с будущей недели начнутся ежедневные смотры и учения, потом большие маневры, а затем, наконец, свадебные торжества и отъезд в Крым. Сегодня государь ездил с пруссаками в Кронштадт; я не был приглашен на эту поездку, чему, впрочем, очень рад; желал бы и впредь оставаться несколько поодаль.

Эрцгерцог Альбрехт со свитой после красносельского парада уехал в Москву, возвращается завтра; а в среду ждем наследного принца Мекленбург-Шверинского [Фридриха-Франца III]. Эрцгерцог держит себя очень любезно.

11 июля. Четверг. Сегодня имел доклад в вагоне, на пути от Царского Села (Александровской станции) до Михайловского, куда государь ездил с эрцгерцогом поздравить великую княгиню Ольгу Федоровну с именинами. В Михайловском собралось многочисленное общество; нас угостили завтраком и отпустили.

14 июля. Воскресенье. В пятницу утром эрцгерцог Альбрехт прислал спросить, застанет ли он меня дома вечером, по возвращении из Кронштадта. Само собою разумеется, я ответил, что приеду к нему, и в десятом часу вечера явился в Зимний дворец. Эрцгерцог принял необыкновенно любезно, продержал часа два, и тут мы перебрали всевозможные вопросы по военной части. Я мог убедиться по его дельным замечаниям, что он основательно знаком с современными вопросами нашей военной администрации; вообще он отзывался очень лестно об успехах, замечаемых в нашей армии сравнительно с прежним временем, когда он был в первый раз в России (в 1839 году). Расстались мы очень дружелюбно.

Вчера, в субботу, на Александровской станции встречали императрицу, возвратившуюся из-за границы. После того я имел доклад у государя и между прочим представил записку по вопросу о дозволении военным носить бороду. Поводом к возбуждению этого вопроса послужил недавний случай с одним матросом из раскольников, который воспротивился бритью бороды. Подобные случаи неизбежно будут повторяться чаще прежнего при новом законе о воинской повинности, так как раскольники не будут уже иметь возможности откупаться от военной службы. Государь оставил записку у себя; любопытно знать, как взглянет он на этот вопрос!

На пути в Царское Село мне пришлось быть опять вдвоем с графом Шуваловым, и опять зашел разговор о смене графа Бобринского и назначении Посьета. По своему обыкновению, граф Шувалов говорил о государе не стесняясь; рассказывал разные случаи, вследствие которых граф Бобринский впал в

немилость; приписывал смену уже не раздору и разномыслию с министром финансов, а тому, что граф Бобринский будто бы не хотел быть беспрекословным исполнителем желаний государя по выдаче некоторых железнодорожных концессий. [Еще в прошлом году был подобный случай по поводу концессии на Ландварово-Роменскую линию, а потом на Муромскую, которую государь обещал княгине Гагариной… Граф Шувалов подробно рассказывал этот последний случай так вероподобно, что нельзя усомниться в верности рассказа и остается только дивиться, как самодержавный повелитель 80 миллионов людей может до такой степени быть чуждым обыкновенным, самым элементарным началам честности и бескорыстия.

В то время как, с одной стороны, заботятся об установлении строжайшего контроля за каждой копейкой и с негодованием указывают на какого-нибудь бедного чиновника, обвиняемого или подозреваемого в обращении в свою пользу нескольких сотен или десятков казенных или чужих рублей, с другой стороны, с ведома высших властей и даже по высочайшей воле раздаются фаворитам и фавориткам концессии на железные дороги для поправления их финансового положения, для того именно, чтобы несколько миллионов досталось в виде барыша тем или другим личностям. (Например, графу Бобринскому приказано было сделать очень крупный заказ подвижного состава заводам Мальцова, но с тем, чтобы последний обязался подпиской выдавать ежегодно по столько-то тысяч рублей своей жене, приятельнице императрицы, неразлучной с нею и не живущей с мужем.)]

Таки наслушался я сплетен на эту тему, что было бы невыносимо грустно, если б в них заключалась какая-либо доля правды. В рассказах графа Шувалова граф Бобринский выставляется жертвой неподкупной честности и гражданской доблести, между тем как сам же Шувалов признает, что друг его много вредит себе недостатком правдивости и основательности в речах, что не раз он был прямо уличаем в неверных ложных показаниях. [Всё это так, но я, со своей стороны, не могу уверить себя в том, что и в Министерстве финансов железнодорожные дела ведутся вполне законно и честно. В последнее время было много таких случаев, что невольно рождается подозрение относительно не только второстепенных чинов этого министерства, но и самого министра, который в прежнее время слыл совершенно надежным и честным. Всё это крайне грустно.]

Отъезд генерала Грейга в отпуск прервал на несколько месяцев занятия комиссии, назначенной для обсуждения вопроса о Медико-хирургической академии. Хотя я не имел случая видеться с Грейгом наедине, однако же полагаю, что он

докладывал государю об истинном положении дел, и если решение отложено на долгое время, то одно это уже дает повод думать, что сам государь не особенно интересуется им; со мною же его величество вовсе о нем не говорит.

Семейные письма, получаемые из Крыма и с Кавказа (из Железноводска), успокоительны. Затруднения, возникшие при постройке дома в Симеизе, кажется, улаживаются; делу этому дано новое направление, но нет и речи об окончании постройки к осени нынешнего года.

21 июля. Воскресенье. Неделя прошла с последней заметки в моем дневнике; ничего примечательного не происходило. Несколько дней провел я в Красном Селе, присутствовал на учениях и обедах с австрийцами и пруссаками; при обычных моих докладах государю не было никаких особенных объяснений. Вчера, в субботу, устроили обед для пруссаков в Царском Селе, так как некоторые из них должны уехать домой. Эрцгерцог Альбрехт со своею свитой уже уехал в пятницу. [Граф Шувалов и Потапов продолжают любезничать со мной. По многим признакам мне кажется, что действительно граф Шувалов уже далеко не в прежних отношениях к государю.]

27 июля. Суббота. Бóльшую часть недели государь провел в Красном Селе, занимаясь смотрами и учениями. Я же ездил туда преимущественно в дни моих докладов. Ничего любопытного не произошло. Вчера граф Шувалов уехал за границу; еще факт, имеющий значение в придворной сфере: уехал накануне дня рождения императрицы. Сегодня был я в Царском Селе для принесения ее величеству поздравления, а потом участвовал в совещании, происходившем у великого князя Михаила Николаевича по делам Закаспийского края. В совещании участвовали великий князь Константин Николаевич, товарищ министра иностранных дел Вестман, барон Остен-Сакен (за отсутствием директора Азиатского департамента Стремоухова), адмирал Лесовский, генерал-майор Франкини и полковник Проценко. Мне пришлось опровергать предположения кавказского начальства и поддерживать взгляды Министерства иностранных дел. Затеи Франкини и Ломакина могут опять завести нас гораздо далее, чем мы сами ожидаем. В заключение пришли к соглашению и положили составить протокол за общей подписью; но не думаю, чтобы великий князь Михаил Николаевич остался совершенно доволен результатом совещания.

1 августа. Четверг. С понедельника был на маневрах под Ижорой и Царским Селом, очень утомился; а сегодня участвовал в торжественной встрече в Царском Селе принцессы Марии Мекленбург-Шверинской, невесты великого князя Владимира

Александровича. Церемониал был тот же, как и при встрече цесаревны.

8 августа. Четверг. Большие маневры окончились вчера, после празднеств 5 и 6 августа в Ропше, куда прибыл весь двор. На маневрах двумя противными сторонами командовали великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич. Оба брата вполне серьезно отнеслись к роли главнокомандующих в этой мнимой войне, а Михаил Николаевич, принужденный (в силу самого предположения) всё отступать перед превосходящими силами старшего брата, не мог скрыть досады, как будто в самом деле терпел поражение. Только в последний день предназначалось ему перейти в наступление и движением от Ропши к Красному покончить маневр генеральным боем на военном поле. Тут только он несколько повеселел. [Никто, конечно, не выскажет ему откровенно, что даже и в этих ребяческих подражаниях настоящей войне выказались вполне неспособность и непривычка его к командованию войсками. Николай Николаевич, при всей ограниченности ума, имеет гораздо более военных свойств и приобрел, очевидно, некоторую опытность в искусстве ведения войск.] На маневрах присутствовало много иностранных офицеров; не раз приходилось перед ними краснеть за наших генералов и командиров частей. Несмотря на это, маневры кончились к общему удовольствию; всем объявлена похвала и благодарность.

Моя роль на маневрах бывает довольно неловкая: каждый раз государь назначает меня в число посредников, несмотря на все старания мои уклониться от этой обязанности, несовместимой с массой лежащих на мне более серьезных занятий и забот. Во всё продолжение маневров езжу я безучастно позади государя в несметной его свите, с белой повязкой на рукаве. Два дня я даже вовсе не присутствовал на маневрах по разным поводам.

Сегодня докладывал государю предположенное разделение империи на участки для комплектования войск в мирное время и для приведения на военное положение. Несмотря на весьма поверхностные объяснения мои по краткости времени, государь, однако же оценил сложность этой работы Главного штаба. Я воспользовался случаем, чтобы выставить труды одного из лучших сотрудников Главного штаба – генерал-майора Величко.

9 августа. Пятница. Утром получил по телеграфу из Царского Села приглашение к обеду в честь депутации от Австрийского уланского полка, прибывшей по случаю 25-летнего юбилея со времени назначения его величества шефом этого полка. Я должен был уклониться от этого приглашения по случаю назначенного сегодня заседания Военного совета по

преобразованию местных военных управлений и местных войск. Дело это необходимо решить безотлагательно, до предстоящего отъезда государя в Крым.

10 августа. Суббота. Сегодня докладывал государю составленные вновь положения об управлениях корпусном и дивизионном. Нужно было провести это дело теперь же, так как на 30 августа имеется в виду назначение наследника цесаревича командиром гвардейского корпуса. Это будет первым приступом к формированию корпусов. Государь, зная, что мера эта противна моим убеждениям, видимо, был доволен моим докладом. Я утвердил проект положения беспрекословно.

Сегодня же государь ездил на Кронштадтский рейд для осмотра флота; с ним были иностранные гости, в том числе приехавшие на днях принц Нидерландский Александр и принц Павел Мекленбург-Шверинский. [В прежние годы удостаивался и я приглашения на морские смотры; даже и в прошлом году ездил я в Транзунд; ныне же не было и слова, о чем, впрочем, я не сетую. И без того не хватает времени на свое дело.]

15 августа. Четверг. В прошлый вторник поехал я в Царское Село совсем больной. В конце моего доклада государь спросил, не желаю ли я ехать на смотр флота, назначенный в тот день (в субботу он не состоялся по случаю поднявшейся свежей погоды), но я должен был отказаться по болезни.

Сегодня представил государю всю работу по преобразованию местных войск и местных военных управлений. Он оставил ее у себя, чтобы прочесть в пути. Я намеревался сегодня проситься в отпуск, но государь сам заговорил об этом, сказав, что мне нужно отдохнуть. Я воспользовался случаем и испросил дозволения уехать даже днем ранее отъезда самого государя.

Сегодня состоялся торжественный въезд в Петербург невесты великого князя Владимира Александровича. Церемония была блестящая; погода благоприятствовала.

17 августа. Суббота. Крайне утомительные дни. Вчера в 9½ часов утра я был уже у великого князя Михаила Николаевича, который желал переговорить со мной о некоторых кавказских делах. В первом часу пополудни – съезд в Зимний дворец: продолжительный обряд свадьбы со всеми обычными церемониями; в пятом часу – парадный обед, а в 8 часов вечера – так называемый куртаг, переименованный ныне в «бал».

Сегодня утром доклад очень продолжительный. Государь был любезен и под конец, когда я напомнил, что делаю последний доклад, сказал, улыбаясь: «Надеюсь, что иногда будем видеться в Ливадии». После доклада надобно было заехать в Главный штаб, затем, едва успев переодеться, – на полковой праздник лейб-

гвардии Егерского полка; затем до шести часов принимал всех начальников главных управлений министерства, а вечером до поздней ночи подписывал бумаги, указы и грамоты (по случаю наград на 30 августа).

18 августа. Воскресенье. Сегодня утром участвовал в совещании у великого князя Михаила Николаевича по делу о фамилии Шервашидзе, которая домогается капитализации назначенной всем членам ее пенсии. Кавказский комитет уже прежде два раза постановлял заключение в отрицательном смысле, но великий князь снова возбудил тот же вопрос в надежде воздействовать лично на членов Комитета. Однако ж мы (П. Н. Игнатьев, товарищ министра финансов, и я) остались при прежнем мнении, что явно было для великого князя неприятно. Он подчинился нашему единогласному заключению – предложить князьям Шервашидзе, если желают получить капитал, просить об установлении над ними опеки.

После совещания откланивался их величествам и их высочествам, а затем занялся приготовлениями к завтрашнему отъезду. Вырываясь из Петербурга, как школьник на каникулы, чувствую неодолимую потребность отдыха на свежем воздухе, среди семьи. Выезжаю завтра в 8 часов утра с курьерским поездом через Белосток, Брест в Одессу.

24 августа. Суббота. Симеиз. Вчера вечером прибыл на пароходе «Михаил» из Одессы в Ялту и оттуда на лошадях в Симеиз. Всю семью свою нашел в сборе, за исключением сына, которого ожидаем сюда через неделю. Сегодня в первый раз осматривал постройку дома вместе с архитектором Голиковым и агентом строительного общества Поплавским.

30 августа. Пятница. Почти неделю провел совершенно спокойно, вполне наслаждаясь деревенской свободой. Для помещения моей семьи нанят на всё лето отдельный уютный домик (известный под названием Потоцкого) в имении Ивана Сергеевича Мальцова, соседнем с купленным нами участком. Отсюда менее версты до того места, где строится наш будущий дом. Ежедневно по утрам хожу смотреть постройку и занимаюсь съемкой плана своего участка; вечера проводим в семейном кружке, читаем вслух или просто болтаем.

Но вчера я должен был отлучиться из своего тихого гнезда, чтобы посетить невестку свою Марию Аггеевну Милютину в Урзуфе, где она поселилась на осенние месяцы в доме владельца этого прелестного имения Ивана Ивановича Фундуклея. Пробыв целый день в Урзуфе с невесткой и племянницами, возвратился вечером в Ялту, чтобы там переночевать и на следующее утро ехать в Ливадию для принесения поздравления государю. Каково

было мое удивление, когда вдруг явился ко мне в гостиницу фельдъегерь из Ливадии с грамотой и знаками ордена Святого Андрея. [В первые минуты этот сюрприз навел на меня какое-то грустное настроение; мне было почти неприятно получить эту высокую награду после всех нанесенных мне в последние годы огорчений и оскорблений.]

Сегодня утром, разумеется, я надел на себя новое украшение и отправился в Ливадию, где немедленно же был принят государем чрезвычайно милостиво. Его величество, радушно обняв меня, сказал, что пожалованием мне Андреевского ордена желал показать перед всеми, как ценит мои заслуги и как мало действуют на него наговоры и нарекания моих врагов. Государь рассказывал с удовольствием, в каком превосходном виде нашел он все войска, осмотренные на пути в Крым; говорил просто, непринужденно; видна полная перемена в отношениях его ко мне. Отпуская меня, повторил еще выражения благодарности и расположения.

После обедни и завтрака во дворце я сделал несколько визитов как в Ливадии, так и в Ялте, а вечером возвратился в свой отрадный симеизский уголок.

31 августа. Суббота. Неожиданный гость – генерал-адъютант граф Остен-Сакен. На смотру в Елизаветграде он напросился проводить государя в Крым. Не знаю, чему я обязан особенным расположением ко мне почтенного старика; при всех наших встречах он всегда чрезвычайно любезен, а вчера при свидании нашем в Ливадии заявил намерение посетить меня в Симеизе, несмотря на все мои старания отклонить его от этой поездки. У графа Дмитрия Ерофеевича всегда замечались некоторые странности и мании, теперь же, достигнув глубокой старости, он впал почти в детство.

Поздно вечером приехал сюда и сын мой.

24 октября. Четверг. Москва. Два месяца не заглядывал я в свой дневник. Время протекло незаметно: ежедневно с 8 часов утра я отправлялся из мальцовского Симеиза в свой участок для съемки, присмотра за строительными работами и проложения дорог. Так проводил я всё утро до 2 часов и усталый, буквально «в поте лица», возвращался домой к обеду. В Ливадию ездил три раза: в первый раз – чтобы откланяться императрице, уехавшей в Англию, другой раз – по случаю приглашения на бал с дочерью Ольгой и, наконец, в третий, 16 октября, – чтобы откланяться государю перед своим отъездом из Крыма. Кроме того, совершил я поездку в горы верхом с молодежью: двумя дочерьми, графиней Александрой Федоровной Гейден, сыном и племянником; проехали мы через Кокос на Бахчисарай, потом через Каралез на

Байдары. Вся эта приятная прогулка исполнена была в три дня. Наконец, еще раз ездил я верхом с Черепановым в Мшатку, к почтенному ученому Н. Я. Данилевскому.

После двухмесячного приятного отдыха в Крыму надобно было возвратиться к обычным служебным делам. В этот раз особенно было мне тяжело выехать из Крыма: я оставил дома четырех дочерей больными, в сильной лихорадке; в работах по постройке дома произошла опять остановка, ожидали приезда уполномоченного от строительного общества, так что присутствие мое при подобном кризисе было бы почти необходимо. Но делать нечего, отлагать отъезд нельзя, и 20-го числа вечером покинул я наш милый Симеиз.

Переночевав в Ялте, на другой день сделал на пароходе «Митридат» весьма спокойный переход в Севастополь, откуда отправился по новой железной дороге. До Симферополя провезли меня в экстренном поезде, так как езда для публики открыта пока только от Симферополя. Проездом через Харьков виделся на станции со старым своим товарищем и другом Александром Петровичем Карповым (командующим войсками Харьковского округа), а сегодня рано утром остановился в Туле и осмотрел оружейный завод. Хотя я видел его и в прошлом году, однако же с тех пор завод получил окончательное устройство, и только в текущем году началось валовое производство новых ружей. Позавтракав у начальника завода генерал-лейтенанта Нотбека, я поспел к курьерскому поезду, с которым и прибыл в Москву в шестом часу вечера.

Здесь на станции железной дороги встретил меня командующий войсками Московского округа генерал Гильденштуббе с целым синклитом и проводил меня до гостиницы «Дрезден». В тот же вечер посетил меня генерал-губернатор князь Владимир Андреевич Долгоруков.

27 октября. Воскресенье. Вот третий день, что я в Москве: по утрам объезжал военно-учебные и другие заведения военного ведомства, был на двух больших парадных обедах – у генерала Гильденштуббе и у князя Долгорукого, а вчера вечером в опере, в генерал-губернаторской ложе.

Вчера виделся с сыном, проехавшим через Москву в Оренбург, куда он командирован по случаю рекрутского набора. Получил телеграмму из Симеиза, успокоившую меня насчет оставленных там больных дочерей. Зато из Петербурга известия крайне для меня неприятные – о беспорядках, бывших в Медико-хирургической академии. Не знаю еще подробностей дела, но имею предчувствие, что в этой новой студенческой истории скрывается опять интрига: по всем вероятиям, студенты были

легкомысленным орудием скрытых вожаков из той профессорской партии, которая недовольна существующим в Академии порядком и домогается передачи ее в Министерство народного просвещения. Они не могли выбрать для этого лучшего момента, когда прерванная летними каникулами административная деятельность возобновляется, когда должны начаться снова заседания комиссии Грейга, притом в мое отсутствие и перед приездом государя в Петербург. Важно первое впечатление: какой-нибудь дерзости, оказанной несколькими студентами перед профессором, уже достаточно, чтобы раздули подобный пустой случай в целую историю.

29 октября. Вторник. Петербург. Вчера опять всё утро потратил на осмотр московских учебных заведений, а вечером выехал из Москвы и сегодня прибыл в Петербург. Здесь с первой же минуты и до восьмого часа вечера принимал начальников разных частей министерства. Одним из главных предметов совещаний были, разумеется, последние происшествия в Медико-хирургической академии. Заведение это пришло в такое расстроенное состояние из-за раздоров между профессорами (так же как между начальником академии тайным советником Чистовичем и главным военно-медицинским инспектором тайным советником Козловым), что трудно и придумать, как поправить дело.

Когда все начальники ушли, я принял депутацию от студентов Академии, состоявшую из 5 человек, по одному от каждого курса. Они говорили со мной очень спокойно, излагали откровенно свои жалобы на академическое начальство, и я нашел в них настроение более спокойное и примирительное, чем в начальстве их. Конечно, взгляды и суждения их отзываются юношеской неопытностью, но жалобы их нельзя не признать в некоторой степени основательными. Генерал Трепов, встретивший меня на вокзале железной дороги, сказал, что брожение существует также между студентами университета и Технологического института.

3 ноября. Воскресенье. В течение минувшей недели я объезжал военно-учебные заведения, делал визиты и ежедневно имел совещания с начальниками главных управлений Военного министерства. В особенности много было толков о делах Медико-хирургической академии, хотя и водворился в ней наружный порядок. Пришлось входить в весьма щекотливые объяснения с главным военно-медицинским инспектором Козловым, с начальником Академии Чистовичем и профессорами Дионом и Грубером. Все эти совещания и объяснения окончательно убедили меня в необходимости коренного переворота в Академии и в

особенности приостановки, хотя бы на время, действия конференции. Образовавшиеся между профессорами две партии до того уже дошли в своей вражде, что с обеих сторон прибегают к самым непозволительным средствам: ругательствам, лжи, клевете. Я перестал верить и тем и другим.

Впрочем, в настоящее время о Медико-хирургической академии уже перестали говорить; гораздо серьезнее волнения в других высших учебных заведениях, особенно в Технологическом и Горном институтах. Сегодня утром приехал ко мне министр внутренних дел Тимашев с известием, что, по секретным сведениям полиции, готовится большая уличная демонстрация, в которой хотят принять участие студенты всех учебных заведений разных ведомств.

Тимашев предложил назначить у меня сегодня же совещание между всеми министрами, в ведении которых состоят учебные заведения. К часу пополудни съехались ко мне Рейтерн, граф Толстой, Тимашев, Валуев, Мезенцов (заступающий место Потапова), Селифонтов (товарищ министра путей сообщения), градоначальник Трепов, а также приехали неожиданно великие князья Константин Николаевич и Николай Николаевич. Каждый из министров рассказал, что делается в подведомственных ему заведениях; один граф Толстой [как подобает иезуиту] лицемерил, выгораживая университет, как будто в нем всё обстоит благополучно и в полном порядке.

Затем начались горячие споры о том, как следует действовать в случае демонстраций или беспорядков в каком-либо из заведений. Более всех ярыми и суровыми против студентов явились Валуев и граф Толстой; напротив, великий князь Константин Николаевич поддерживал меня в том, что правительству надобно прежде всего действовать хладнокровно, спокойно и, главное, справедливо, что молодежи следует оказывать некоторое снисхождение и прибегать к закрытию курсов и целых заведений можно только в крайних случаях. Мы разъехались, не сговорившись и ничего не решив положительно.

Вечером у меня был обычный воскресный кружок знакомых.

4 ноября. Понедельник. В Государственном совете узнал, что Горный институт сегодня закрыт и из Петербурга высылают всех иногородних студентов этого заведения. Технологи продолжают волноваться.

Обедал я сегодня у принца Ольденбургского.

С 1 ноября началась повсеместно операция призыва к воинской повинности по новому положению. В Петербурге дело ведется в большом порядке и подобающей обстановке. Всех поражает резкая противоположность со стародавними

варварскими порядками рекрутских наборов.

Возвращение государя в Петербург отложено до 13-го числа. Императрица останется на некоторое время на юге Европы.

19 ноября. Вторник. Возвращение государя еще отложено на неделю – до 20-го числа; императрица, по совету доктора Боткина, после крестин в Лондоне отправилась через Париж в Сан-Ремо. Неизвестно, долго ли она там останется.

Протекшие две недели я провел довольно спокойно. Студенческие волнения подавлены, но едва ли совсем прекращены, ибо неудовольствие осталось. В городе опять распространяются разные нелепые толки против меня, как будто я потворствую молодежи и чуть ли не я виновен во всех возникавших и возникающих смутах. Низкие эти козни я презираю и продолжаю действовать по своим убеждениям. Считаю вопиющей несправедливостью и жестокостью выгонять студентов только для того, чтобы показать пример строгости, когда расследование дела не указало ни одного из них более виновного, чем все прочие. Но знаю вперед, что государю опять наговорят против меня, и придется мне снова бороться со зловредными наговорами.

В записке, посланной мною в Ливадию, изложено мое мнение о существе бывших в Медико-хирургической академии беспорядков; я указал, что корень зла заключается в раздорах между профессорами, в их [неприличных и] бестактных выходках, а потому предложил приняться за пересмотр устава Академии, чтобы возложить это дело на особую комиссию, которая временно приняла бы на себя заведывание Академией. Через это я имею в виду временно устранить и необидной форме главного военно-медицинского инспектора, тайного советника Козлова, против которого существует в Академии какое-то личное озлобление. Предположенная мною комиссия, составленная из разнообразных элементов под председательством генерал-адъютанта Непокойчицкого, человека дельного и спокойного, будет гораздо более удобным для меня орудием, чем тайный советник Козлов.

Не знаю, как это предложение мое будет принято государем; без сомнения, он вспомнит, что остается еще нерешенным вопрос о передаче Медико-хирургической академии в Министерство народного просвещения. Рассмотрение этого вопроса в комиссии Грейга затянулось непомерно благодаря назойливости Георгиевского – делегата от графа Толстого. Ходят слухи, будто положение самого графа поколеблено; но в городе толкуют так много вздоров, что никакому слуху нельзя придавать значение.

20 ноября. Среда. Рано утром ездил в Колпино встречать государя и цесаревну. Прибывший с ними доктор Карель привез

мне не очень утешительные известия из Симеиза о моих больных дочерях.

21 ноября. Четверг. Ездил с докладом в Царское Село. Государь был любезен и в хорошем расположении духа, но по вопросу о Медико-хирургической академии не дал разрешения на мое предположение, находя неудобным принимать радикальные меры, пока еще не решен окончательно вопрос о предполагавшейся передаче Академии в другое ведомство. Поэтому государь находит нужным, чтобы подлежащие министры собрались для обсуждения общего вопроса об образе действий в отношении к учащейся молодежи.

После доклада я поехал вместе с государем в город, прямо на парад лейб-гвардии Семеновского полка по случаю полкового праздника. Между парадом и обедом в Зимнем дворце заехал ко мне Потапов и передал приказание государя, чтобы означенное выше совещание прошло под председательством Валуева и с приглашением Грейга. Видимо, дело коснется и щекотливого вопроса об отторжении Медико-хирургической академии от военного ведомства.

23 ноября. Суббота. Доклад в Царском Селе. Переезд государя в Петербург. Принц Альбрехт Прусский. Большой парад на Марсовом поле. Оттепель и слякоть.

24 ноября. Воскресенье. В манеже Инженерного замка (или Михайловского) государь смотрел команды, приготовленные для парада во дворце в день праздника Святого Георгия. Эти так называемые репетиции проводятся каждый год, так что выходит двойной парад.

В 6 часов большой обед в Зимнем дворце в честь принца Альбрехта.

В промежуток времени между парадом и обедом происходило в помещении Комитета министров совещание под председательством Валуева о причинах беспорядков между учащейся молодежью и мерах к предотвращению их на будущее. На сей раз мы ограничились только тем, что каждый из министров, имеющих в ведении высшие учебные заведения, высказал свое мнение о том, что подало повод к означенным беспорядкам, и при этом, разумеется, затронули некоторые щекотливые вопросы о недостатках в существующих порядках; но к средствам исправления их не успели приступить.

Грейг, однако же, заявил, что решение вопроса относительно Медико-хирургической академии нельзя откладывать даже на несколько дней и необходимо теперь же дать мне возможность привести в исполнение предположенную мною меру, то есть закрытие академической конференции. Когда же я возразил, что

мое предположение заключается не в том, чтобы только закрыть конференцию, но чтобы взамен ее учредить особую временную комиссию, которой и подчинить Академию, тогда Грейг и Валуев высказали мнение, что учреждение этой комиссии также может быть приведено в исполнение, но лишь бы при этом не возлагали на комиссию переделку устава Академии, так как подобное направление дела было бы предрешением вопроса, еще обсуждаемого в особой комиссии.

В таком смысле Валуев намеревается доложить завтра государю, дабы дать мне возможность во вторник при моем докладе испросить окончательное разрешение на исполнение предположенных мною мер. Такое направление дела развяжет мне руки, чтобы сделать что-нибудь решительное в Академии для прекращения теперешней неурядицы; но впереди все-таки остается по-прежнему зловещий вопрос о передаче Медико-хирургической академии, и, таким образом, над моей головой продолжает висеть этот дамоклов меч. Грейг тянет дело; думаю, что надобно теперь подтолкнуть его к решению так или иначе – лишь бы вывести Академию из того неудобного, неопределенного положения, в котором она находится уже целый год.

Сегодняшнее совещание происходило в самых приличных формах и в примирительном духе. [Валуев разыграл роль председателя со свойственным ему величием и велеречием. Мне пришло на мысль: не готовят ли его в председатели Комитета министров?]

26 ноября. Вторник. Вчера целый день я был озабочен поиском приличной формы для объявления о новой комиссии, на которую собираются возложить заведывание Медико-хирургической академией. Только уже вечером, перед самым сном, внезапно напал я на искомую формулу и немедленно же набросал новую редакцию, которую сегодня утром прочел государю. Он одобрил ее так же, как и самый состав комиссии, и сегодня же я объявил уже об этом решении тайному советнику Козлову. Я предполагал, что решение это несколько оскорбит его, так как устраняется влияние главного военно-медицинского инспектора на Академию; но вместо того Козлов принял это известие не только очень хладнокровно, но даже с одобрением. Видно было, что ему всего более пришлось по сердцу закрытие конференции.

Но как принята будет такая строгая мера в среде самой конференции? Не сомневаюсь, что поднимутся снова крики и появятся злобные газетные статьи, благоразумные же люди одобрят принятую меру. Нынешний день был утомителен. Утром доклад, потом парад в залах дворца и, наконец, большой

парадный обед.

28 ноября. Четверг. После доклада у государя я открыл комиссию для временного заведывания Медико-хирургической академией. В зале Военного совета я объяснил членам комиссии предстоящую ей задачу и указал на главнейшие вопросы, которые подлежат обсуждению. После того было второе совещание у Валуева по общему вопросу о высших учебных заведениях. Говорили очень много, и, между прочим, министром внутренних дел возбужден вопрос о том, не следует ли снять запрещение газетам печатать что-либо по поводу бывших между учащимися волнений. Решено дать печати свободу, и надобно ожидать, что немедленно поднимется снова газетная война со всевозможными сплетнями и скандалами.

Другой, более существенный вопрос был поставлен нашим председателем: следует ли оставить в высших учебных заведениях нынешнюю систему полной автономии или нужно придать более силы административной власти? Хотя по этому вопросу пошли бесконечные толки, но, в сущности, все были за утвердительное разрешение вопроса; все соглашались в том, что ученое сословие мало способно к администрации. Разошлись мы в шестом часу. [Сегодня, наконец, получил я телеграмму от жены о благополучном переезде семьи из Ялты в Одессу.]

1 декабря. Воскресенье. После развода был в совещании у Валуева. Говорилось много, слишком много, но толку мало. Граф Толстой, по своему обыкновению, занимал нас очень долго многоречивыми рассказами, напоминающими сказки старой нянюшки; Валуев высокопарно сводил вопрос к отвлеченным принципам и общим взглядам.

Затронули предметы очень щекотливые: где корни современного настроения русской молодежи? Отыскивая эти корни, коснулись и духовенства, и семейного быта, и школьной дисциплины, и проч., и проч. Но к положительному выводу все-таки не пришли. Одно только выразилось довольно ясно: затаенное желание некоторых из министров воспользоваться случаем, чтобы поднять заветный вопрос об ограничении «массы» учащейся молодежи, о предоставлении высшего образования только привилегированным сословиям. Мужик должен оставайся мужиком; зачем ему тянуться за господами? Досадно и грустно слушать.

5 декабря. Четверг. Сегодня опять совещание у Валуева. После долгих рассуждений о стипендиях затронули самый трудный вопрос о том, какие отношения должны быть установлены между учащейся молодежью и заведениями, в которых они получают высшее образование. Я предложил на

обсуждение основной вопрос: как следует смотреть на студентов – единично ли, как на посетителей лекций в открытых для них аудиториях, или коллективно, как на совокупность юношей, которых не только образование умственное, но и воспитание нравственное возложены на попечение и ответственность заведения? От решения этого вопроса должно зависеть и разрешение другого, как последствия: следует ли преследовать всякий признак какой-либо корпоративной связи между посетителями лекций, или, напротив, следует сплотить учащихся организацией, какая необходима для поддержания авторитета и нравственного влияния начальства и преподавателей? Суждения по этим вопросам за поздним временем отложены до следующего заседания.

Наконец семья моя приехала из Крыма. Одна дочь Ольга не избавилась еще от лихорадки и снова слегла в постель.

Обедал сегодня у великой княгини Екатерины Михайловны.

9 декабря. Понедельник. Обедал в Зимнем дворце с генералом Баранцовым и адмиралом Лесовским.

11 декабря. Среда. Вчера и сегодня присутствовал в Академии Генерального штаба на чтениях офицеров дополнительного курса.

Сегодня же было совещание под председательством государственного канцлера с участием министров финансов и путей сообщения (Посьета), генерал-адъютанта князя Мирского (как уполномоченного от наместника кавказского) и меня – по вопросу о сооружении русским инженером Фалькенгагеном железной дороги в Тавриз. Финансовые соображения Рейтерна взяли верх, и так как персидское правительство выключило из представленного Фалькенгагеном проекта концессии главное условие – гарантию с обеспечением таможенными доходами, то постановлено объявить тегеранскому двору, что без этого условия русское правительство не может поддерживать предположение о постройке дороги. Такое решение, может быть, и весьма благоразумное, будет все-таки неудачей для нашей дипломатии и, без сомнения, обрадует англичан.

12 декабря. Четверг. Сегодня полковой праздник гвардейского Финляндского полка и 50-летний юбилей генеральства графа Дмитрия Ерофеевича Остен-Сакена. По этому случаю я был целый день в полной форме: в десятом часу ездил поздравить юбиляра, потом доклад у государя, в час пополудни церковный парад, с 2 до 5 часов – совещание у Валуева, а в 6 – обед в Зимнем дворце. Старик Остен-Сакен совсем впал в детство: считает себя обиженным тем, что получил алмазные знаки Святого Андрея; говорят, ожидал фельдмаршальского чина;

пристает ко мне просьбой о разрешении носить кавказский казачий мундир.

Совещание у Валуева было последнее; соберемся еще раз только для прочтения протокола. Опять говорили много, и, как всегда, благодаря искусству председателя все споры и разногласия приведены к нулю. Ровно никакого положительного результата, одни фразы и общие места.

13 декабря. Пятница. По заведенному порядку, государь распределял сегодня в одной из зал Зимнего дворца новобранцев по гвардейским полкам, но нынешнее распределение имело несколько новый характер: в первый раз в массе новобранцев среди тулупов и кафтанов стояли молодые люди во фраках и пиджаках. В числе их был только один, кончивший курс по 1-му разряду в училище правоведения, состоявший уже в гражданской службе; затем было до сотни молодых людей, кончивших курс в заведениях 2-го и 3-го разрядов. Только на немногих физиономиях выражалось некоторое смущение и неловкое положение, вообще же эта молодежь смиренно и простодушно подчинялась непривычной солдатской обстановке.

Опыт первого призыва по новому уставу о воинской повинности так удался, как трудно было даже ожидать. Самые закоренелые консерваторы, противники реформ, с боязнью относившиеся к нововведению, грозившему, в их глазах[44], распространением в целой армии заразы нигилизма, теперь замолчали и с улыбкой смотрят на этих мнимых революционеров в шеренгах между тулупами.

20 декабря. Пятница. Сегодня вторично государь распределял новобранцев по гвардейским полкам; было свыше 900 человек. Опять были фрачники.

Телеграмма из Мадрида заключает в себе совершенно неожиданное известие о падении республиканского правительства и провозглашении Альфонса XII королем Испании. Надолго ли?

23 декабря. Среда. Сегодня не мог явиться во дворец для обычного поздравления с праздником по весьма неожиданному обстоятельству: оказалось, что у меня украдены знаки Андреевского ордена (цепь). Такое открытие неприятно вдвойне: кроме чувствительного ущерба материального, покража эта из комода во внутренней комнате производит тяжелое нравственное впечатление, бросая подозрение на всю домашнюю прислугу. Полиция принялась усердно за розыски.

27 декабря. Пятница. Целое утро прошло в совещаниях с моими ближайшими сотрудниками о предстоящей Военному министерству обширной работе – нужно составить план

мобилизации армии. Для этого собрались у меня начальники главных управлений, до которых этот вопрос преимущественно относится, и некоторые другие лица, прикосновенные к делу. Толковали более пяти часов и, чем более входили в подробности, тем более убеждались в огромности предстоящей задачи и в неудобствах настоящего переходного положения нашей военной организации вследствие прошлогодних злополучных совещаний. Не имея возможности в короткое время осуществить все наши затеи при ограниченном нормальном бюджете, мы осудили себя на долгое бессилие: по всем частям готовятся новые положения, перерабатываются штаты, придумываются решения новых сложных вопросов военной администрации; нет ни одной части в законченном виде.

При таком положении дела мы лишены прочного основания, на котором могли бы построить полный план мобилизации, сколько-нибудь похожий на прусский *Mobilmachung*. Тем не менее необходимо во что бы то ни стало предпринять работу, хотя бы приближающуюся к немецкому образцу. Поэтому пришли мы к заключению, что следует ныне же образовать в составе Главного штаба особый отдел, который специально занялся бы разработкой нашего плана мобилизации армии, насколько окажется это возможным при настоящих условиях.

Затем было у меня другое, довольно продолжительное совещание с генералом Мордвиновым и доктором Козловым по вопросу о Медико-хирургической академии.

28 декабря. Суббота. После доклада нанес визит киевскому митрополиту Арсению: умный старик, с которым беседа может быть весьма разносторонней.

Чрезвычайное заседание Государственного совета для утверждения финансовой росписи и сметы земских расходов на 1875 год. Продолжительные и оживленные прения возникли по поводу годичного отчета государственного контролера за 1873 год. Грейг с обычной своей самонадеянностью и развязностью позволил себе обвинить *всех* министров поголовно в расточительности, основывая свой приговор на том лишь факте, что остатки от сметных ассигнований с каждым годом уменьшаются. Такое огульное и безосновательное обвинение вызвало энергичные протесты со стороны министров юстиции, народного просвещения, внутренних дел и других. Я также вынужден был сказать несколько слов. Председатель (великий князь Константин Николаевич) положил конец этой буре, угрожавшей обратиться в скандал.

Сегодня я должен был обедать у турецкого посла [Киамиль-паши], но вместо того получил перед самым обедом приглашение

в Зимний дворец. При всех встречах мне надоедают расспросами о случившейся у меня покраже. Известие о ней появилось уже в газетах.

1875 год

1 января. Среда. Наступивший год встречаю если и не радостно, то по крайней мере спокойнее духом, чем встретил год минувший. Если б не болезнь дочерей, из которых одна (Ольга) и до сих пор не поправилась после вынесенной в Крыму лихорадки, то я мог бы сказать, что домашняя обстановка улучшилась против прежнего. Положение служебное также изменилось к лучшему. С удалением графа Шувалова в Лондон враждебная мне партия укротилась, интрига заглохла; в Зимний дворец вступаю со спокойным настроением.

Сегодня представил я государю, по примеру прежних лет, кроме обширного официального отчета за 1873 год и краткие отчеты или «всеподданнейшие доклады» за два последних года: 1873-й и 1874-й. Доклад за 1873 год, хотя и составленный в свое время, не был мною представлен, как объяснено было в моем дневнике. Не знаю, прочтет ли теперь государь оба доклада подряд, но они в тесной связи между собой. В новом докладе объясняется снова, что Военное министерство так ограничено теперь нормальной сметой на пятилетие 1874–1878, что не имеет возможности покрыть самую даже незначительную часть расходов, которые требуются для исполнения утвержденных в начале 1873 года [громадных] предположений. Небольшой остаток, который можно ожидать (впрочем, весьма гипотетически) по смете наступившего 1875 года, может быть обращен только на единовременные расходы по заготовлению вещевых запасов.

Мысль эта была уже заявлена в прошлом году в особом докладе и одобрена государем; но тем не менее приходится снова повторить ее, дабы предупредить возобновление требований неисполнимых. Вопрос о том, к каким именно из предположенных новых мероприятий следует прежде всего приступить, обсуждался вчера собранными у меня начальствующими лицами разных частей министерства, и вслед за сим будет представлен особый по этому предмету всеподданнейший доклад.

Государя я видел сегодня только во время большого выхода, а потому все необходимые объяснения по поводу представленных отчетов должен отложить на завтрашний доклад.

2 января. Четверг. При докладе государю не было особого разговора по поводу представленных мною отчетов. Его величество заметил только, что с каждым годом размер картона с отчетами увеличивается. После доклада прошел я к великому князю Алексею Александровичу, чтобы поздравить его по случаю

дня рождения; потом было заседание Военного совета, а затем большой парадный обед в Зимнем дворце по случаю 25-летия назначения великого князя Алексея Александровича шефом лейб-гвардии Московского полка.

3 января. Пятница. Совещание у государственного канцлера по поводу предложенного Лесепсом химерического проекта соединения Индии с Европой железной дорогой через Гималайский хребет и среднеазиатские степи. Участвовали в совещании генерал-адъютанты Чевкин, Посьет, Кауфман (Константин Петрович), министр финансов, генерал Мельников и я. Все единогласно признали этот проект неосуществимым и самую мысль соединения Индии с европейской железнодорожной сетью более вредной, чем полезной для России. Один генерал Кауфман попытался поддержать предложение о соединении Туркестанского края с Европейской Россией, а генерал Мельников заговорил о несбыточных мечтах судоходства по старому руслу Аму-Дарьи, но оба эти вопроса были устранены как выходящие из задачи совещания.

23 января. Четверг. Три недели не открывал я своего дневника: ничего не было примечательного. При последнем моем докладе во вторник государь сказал, что окончил чтение моего краткого отчета за 1874 год и приступил к чтению доклада о финансовом положении Военного министерства. В тот же день я обедал в Зимнем дворце. Сегодня же государь, возвратив мне этот доклад, одобрил изложенные в нем соображения относительно видов на наступивший 1875 год, однако ж снова заявил свое желание не отлагать образование корпусов, хотя бы только в западных пограничных округах, а также формирование в гвардии четвертых батальонов.

Не возобновляя неприятных для государя возражений, я ограничился несколькими общими объяснениями и обещал представить дополнительные справки и соображения. Приведение в исполнение обеих указанных мер в наступившем году расстроило бы все расчеты Военного министерства и отозвалось невыгодно на последовательном ходе его деятельности, направленной преимущественно на то, чтобы привести армию в бóльшую готовность к войне. С установлением нормального бюджета министерству, безусловно, необходимо строго держаться предначертанного плана.

В этих видах я представил сегодня же государю два доклада: один – с расчетом комплектования войск в мирное и военное время, другой – об устройстве при Главном штабе особого комитета для сосредоточения всех работ по мобилизации армии. Государь остался доволен этими докладами и благодарил за них.

25 марта. Вторник. Совсем было забросил свой дневник: не раскрывал его два месяца! В продолжение этого долгого промежутка не произошло ничего, что выходило бы сколько-нибудь из обычного течения петербургской жизни. Затрудняюсь теперь и припомнить что-нибудь особенное, заслуживающее занесения в дневник задним числом. Но сегодня я должен отметить знаменательное событие: представление государю депутации от униатского населения Люблинской и Седлецкой губерний по случаю присоединения этого населения к православию. После обедни и молебствия (по случаю родившейся у цесаревича сегодня же утром дочери, названной Ксенией) государь принял депутацию в так называемой Арабской комнате; тут было до 12 духовных лиц (во главе их Попель) и человек 20 мирян. Попель произнес речь и подал адрес, а государь и императрица вручили депутатам несколько богатых икон для бывших униатских церквей.

Такая развязка униатского дела тем замечательнее, что в последнее время можно было скорее ожидать совершенно противного, то есть обращения униатов в католицизм. Они действительно близки были к тому вследствие бестактных распоряжений графа Толстого, имевших последствием открытое сопротивление, применение войск и кровопролитие. После того в течение нескольких месяцев в большей части униатских приходов церкви были пусты, новорожденные дети оставались некрещеными, не было браков – одним словом, несчастное это население было в самом безвыходном положении. Правительство со своей стороны стало в тупик. [Отступить было неудобно, настаивать – невозможно.]

Тут помог нам сам Ватикан. Прошлогодняя безрассудно резкая энциклика[45] папы, отлучение влиятельнейших лиц униатского духовенства, наглость иезуитских проделок заставили униатов окончательно отшатнуться от папизма и броситься в православие – в веру русского царя. Замечательно, что движению этому всячески препятствовал обер-прокурор Святейшего Синода граф Толстой, а орудовал им – протестант Коцебу.

Сегодня же обычным порядком отпраздновали полковой праздник Конной гвардии.

29 марта. Суббота. После поздравления двух юбиляров – генерал-адъютанта Веригина и генерала Назимова (Владимира Николаевича, члена Военного совета) – сидел я в Соединенных департаментах Государственного совета, где рассуждали о проекте образования новой губернии – Таганрогской. Я должен был отстаивать донских казаков и опровергать предположение министра внутренних дел об отделении от Донской области

Миусского округа с двумя станицами в гирлах Дона[46]. Вопрос этот возбудил горячие споры.

Члены Военного совета собрались на обед в честь юбиляра Назимова в ресторане Бореля.

1 апреля. Вторник. Вчера в Государственном совете рассматривалось положение о воинской повинности Донского казачьего войска; прошло без всяких споров.

Сегодня после моего доклада было у государя совещание по азиатским делам. Присутствовали наследник цесаревич, государственный канцлер князь Горчаков, посол в Лондоне граф Шувалов, генерал-адъютанты Кауфман и князь Мирский, тайный советник Стремоухов и я.

Поводом к этому совещанию стал приезд графа Шувалова, которые просил положительных указаний по некоторым вопросам, наиболее тревожащим англичан. После продолжительных объяснений по поводу отличия английской точки зрения от нашей на установленную по обоюдному соглашению «промежуточную зону», образуемую Афганистаном, и замеченной нашим послом чрезвычайной чуткости англичан ко всякому нашему шагу в Средней Азии, в особенности же в сторону города Мерв[47], государь постановил такое заключение: послу нашему в Лондоне поручается успокоить подозрительность англичан объявлением положительной воли русского царя не подвигаться вперед в крае, но вместе с тем не налагать на себя никаких обязательств на будущее, в случае каких-либо новых обстоятельств.

После совещания я должен был прямо перейти в Комитет министров, где обсуждалось представление министра путей сообщения о новых железных дорогах, постройка которых предполагается в первую очередь. Долго спорили о так называемых каменноугольных дорогах Новороссийского края и Донской области и на этом остановились, отложив дальнейшие прения до экстренного заседания, предположенного в воскресенье.

Вечером был во 2-й военной гимназии на концерте, ежегодно посещаемом мною. Только в прошлом году я не был по особым причинам.

2 апреля. Среда. С 10 часов утра был в Зимнем дворце по случаю осмотра государем топографических, картографических и гидрографических работ.

Две дочери мои (Надежда и Елена) и племянница окончили свои экзамены на звание учительницы. В последнее время они были очень озабочены, и я рад, что всё обошлось вполне удачно.

3 апреля. Четверг. После доклада у государя участвовал я в

совещании у князя Горчакова опять по вопросу о железных дорогах на Кавказе. В совещании этом принимали участие великие князья – наследник цесаревич и Константин Николаевич, Чевкин, граф Шувалов, князь Мирский, министры финансов и путей сообщения, барон Жомини и Стремоухов. После продолжительных прений о том, вести ли дорогу в Персию через Джульфу, или через Асландуз (то есть с западной или с восточной стороны от горной страны Малого Кавказа) и строить ли прежде дорогу к границе Персии, или от Тифлиса в Баку, первый вопрос решен был единогласно в пользу Джульфы, несмотря на то, что вначале очень горячо оспаривали это направление князь Мирский и великие князья. Таким образом, с помощью графа Шувалова, подробно объяснившего, какое впечатление произвело в Англии и в Берлине известие о намерении нашем вести дорогу на Таврис, нам (князю Горчакову и мне) удалось убедить прочих членов в том, что соединение с Персией может быть не иначе, как через Джульфу. Решение это противоречит постановленному в предыдущем нашем совещании, в котором князь Горчаков уступил настойчивости князя Мирского, поддержанной обоими великими князьями в угоду великому князю Михаилу Николаевичу.

Что же касается второго вопроса – которую линию строить прежде, то голоса разделились: пятеро высказались за Бакинскую дорогу, а четверо – за Джульфинскую. В числе последних, кроме нас двоих, были Чевкин и граф Шувалов. Засим последнее слово будет зависеть уже от высочайшей воли.

Вечером опять должен был слушать музыку воспитанников 1-й военной гимназии, конечно, не для удовольствия своего, а для поощрения юных виртуозов.

4 апреля. Пятница. Сегодня утром проводил на вокзал жену и двух старших дочерей, уехавших за границу из-за болезненного состояния Ольги, которая с самого возвращения из Крыма не может отделаться от лихорадки [и во всё это время не выходила из комнаты. Грустно видеть ее, и кто знает, поможет ли ей поездка за границу]. Прежний наш план – провести лето в Симеизе – расстроился, к тому же и постройка дома всё еще не окончена. [Дом всё еще не готов, и трудно сказать, когда можно будет войти в него. Прискорбнее же всего, что у некоторых из членов семьи поселилось с прошлой осени предубеждение против Крыма и опасение так называемой «крымской» лихорадки.]

6 апреля. Воскресенье. Вчера был я в заседании Соединенных департаментов Государственного совета: рассматривалось мое представление о введении земских учреждений в Область Войска Донского. Я ожидал упорных

прений по вопросу о том, должны эти новые учреждения оставаться в ведении Военного министерства или перейти под начало Министерства внутренних дел, как доказывали Тимашев и граф Пален. Однако же, к удивлению моему, вопрос этот совсем пройден молчанием. Позже узнал я, что пред самым заседанием Потапов доложил государю о предстоявшем споре и получил от его величества положительное заявление: он желает, чтобы земское дело в Области Войска Донского оставалось в руках Военного министерства. Таким образом, еще до начала заседания условлено было не поднимать спорного вопроса, заранее уже предрешенного. Тем не менее заседание продолжалось до 5 часов.

Сегодня утром представлял я государю разные интендантские образцы, в том числе новое шинельное сукно темно-серого цвета. После обедни представлялись его величеству офицеры, кончившие курс в Академии Генерального штаба.

Сегодня же, несмотря на Вербное воскресенье, было экстренное заседание Комитета министров, на котором в последний раз рассматривалось представление министра путей сообщения о новых линиях железных дорог. Опять пришлось мне выдержать жаркие прения. По одному из вопросов вышло разногласие: со мною подали голоса пятеро, все остальные 20 голосов – против меня. Впрочем, я уже привык к тому, что при суждениях о железных дорогах военные интересы не только не находят защитников, но вызывают прямое противодействие со стороны большинства моих коллег. Думаю, что ни в одном правительстве нет такой односторонности во взглядах на государственные нужды и интересы.

В особенности возмутительны лицемерные речи тех ораторов, которые стараются мнимыми экономическими и финансовыми соображениями маскировать закулисные побуждения, частные корыстные интересы. Удастся ли кому-либо из влиятельных лиц выхлопотать, чтобы выдали концессию на постройку железнодорожной линии, проходящей через его имение или его заводы, и вот эта линия провозглашается крайне необходимой для процветания целого края, для развития промышленности и т. д. Если при этом напомнишь о другой, соседней линии, более необходимой не для местных только интересов, а для целей общегосударственных, то возражают, что речь о той линии еще впереди; а когда через несколько времени напомнишь снова, без зазрения совести объявляют, что она сделалась уже невозможной за проведением той, на которую только что перед тем выдана концессия. Такова в общих чертах история всей нашей железнодорожной сети. Досадно и прискорбно. Я вышел сегодня из заседания в шестом часу, усталый и озлобленный.

8 апреля. Вторник. В Комитете министров обсуждались два представления министра государственных имуществ о продаже в частные руки двух казенных горных заводов – Богословского и Луганского. Последний из них чуть было не подал повода к новому скандалу, которого мы избегли только благодаря случайности. Когда Комитет уже пришел к окончательному заключению и председатель готов был прекратить заседание, неожиданно приехал великий князь Константин Николаевич. Председатель вышел к нему навстречу. Великий князь был крайне озадачен, узнав, что опоздал: он намеревался настаивать, чтобы в этом же заседании Комитет прямо решил продажу Луганского завода адъютанту великого князя Семечкину, без всякой конкуренции.

[К счастью, дело уже было решено в противном смысле. В городе давно уже говорили, что под именем Семечкина желает приобрести завод сам великий князь Константин Николаевич, что он же намерен приобрести и постройку Каменноугольной железной дороги, поскольку будто бы выгоднее, чтобы эта железная дорога была в одних и тех же руках с Луганским заводом, тогда железная дорога будет подвозить к заводу топливо от каменноугольных копей и руду от Кривого Рога. Говорят, что Семечкин и Киреев, другой адъютант великого князя, уже имели наглость предлагать на бирже акции этой железной дороги и приискивать капитал на приобретение Луганского завода.]

Не поспев к рассмотрению дела о Луганском заводе, великий князь все-таки желал, чтобы приезд его не был напрасным: он занялся другим делом, которое также затрагивает интересы некоторых высокопоставленных лиц, – вопросом о кавказских железных дорогах. Недовольный результатом последнего нашего совещания у государственного канцлера, великий князь домогался изменения составленного Стремоуховым протокола. Подстрекаемый князем Мирским и телеграммами из Тифлиса, Константин Николаевич настаивает, чтобы государю был поднесен на утверждение полный трактат о кавказских железных дорогах, разумеется, в том смысле, в каком желает кавказское начальство.

Князь Горчаков, оскорбленный резкими и бесцеремонными приемами великого князя, подстрекаемый, в свою очередь, Стремоуховым, объявил наотрез, что поднесет государю краткий протокол заседания в той форме, в какой он был составлен, – то есть как простой перечень действительно высказанного в совещании каждым из членов. [Не знаю, чем кончится это препирательство, но настойчивость и назойливость, выказываемые в этом деле великим князем Константином

Николаевичем, и отчасти поддержка, оказываемая наследником цесаревичем в пользу протежируемой Михаилом Николаевичем и князем Мирским Бакинской дороги, подтверждают слухи, прежде уже ходившие, о том, что в этом деле, к прискорбию, также есть своя корыстная подкладка: уверяют, что акции Бакинской дороги уже вперед разобраны и в числе акционеров – члены царской семьи. Говорят, великий князь Михаил Николаевич бомбардирует великих князей Константина Николаевича и наследника цесаревича телеграммами, в которых убедительно упрашивает их во имя *дружбы* отстоять Бакинскую дорогу.

Крайне прискорбно и грустно, что дух спекуляции и жажда наживы до такой степени обуяли всех не только государственных людей, но даже членов царской фамилии. Об этом говорят громко в публике, так же как об их любовных проделках, которые всем известны. Скандальные эти сплетни колеблют прежнее благоговение к царскому дому и то обаяние, которым он был окружен в представлении народном.]

13 апреля. Светлое воскресенье. Последние дни Страстной недели были отчасти заняты обрядами говенья, отчасти обычными делами. Из-за дела о кавказских дорогах чуть было не разыгралась открытая ссора между великим князем Константином Николаевичем и государственным канцлером. У них, говорят, произошла горячая стычка из-за журнала нашего совещания; однако же кончилось тем, что журнал дополнен аргументацией обеих сторон и в таком виде представлен вчера государю.

Эту ночь, по заведенному порядку, я был во дворце; после церковной службы и христосования разговлялся за царским столом в так называемой Золотой гостиной императрицы, которая по слабости здоровья не присутствовала в Большой дворцовой церкви, но вышла разговляться.

14 апреля. Понедельник. Полковой праздник лейб-гренадерского полка справлялся обычным порядком; обед во дворце.

15 апреля. Вторник. Обед у французского посла Ле Фло.

17 апреля. Четверг. Выход во дворце и крестины великой княжны Ксении Александровны.

18 апреля. Пятница. Сегодня утром государь собрал под личным своим председательством всех лиц, участвовавших в совещаниях у государственного канцлера по вопросу о закавказских железных дорогах. К сожалению, Чевкин отсутствовал по болезни. Государь предложил каждому из нас высказать, что нужно в дополнение к изложенному в журнале совещания.

Первым начал говорить князь Горчаков о политической стороне вопроса; после него я объяснил сравнительное значение обеих линий, насколько это было важно для суждения о том, которую из них следует строить прежде. Государь перебивал меня несколько раз; однако ж нельзя было еще заметить, на которую сторону он клонит, ибо, когда после меня заговорил министр финансов, государь также перебивал и его аргументы.

Затем говорили граф Шувалов и Посьет, несколько слов сказали князь Мирский и великий князь Константин Николаевич. Видно было, что государь колебался и затруднялся, на которую сторону склониться. К счастью, Посьет, говоривший, как всегда, очень нескладно[48] попал случайно на мысль, которую я поспешил поддержать: зачем спорить о том, которая из двух дорог важнее, нужнее и выгоднее, почему не решить теперь же строить обе дороги? Таким образом, политические наши цели относительно Персии и Англии будут достигнуты одним этим заявлением; для успокоения же министра финансов можем условиться, что приступим теперь к постройке Бакинской линии, а Джульфинскую будем изучать и подготовлять, чтобы персидское правительство видело, что мы не оставляем дела и не уклоняемся от обещания идти навстречу будущим персидским дорогам.

Такая мысль, видимо, понравилась всем, она давала выход из трудного положения. Государь поспешил одобрить предложенный способ решения и тем прекратил прения. Министрам финансов, путей сообщения и иностранных дел поручено сформулировать заключение: будет дана общая концессия на обе дороги, но капитал на первый раз будет определен по размеру одной Бакинской линии, а приступить к постройке Джульфинской условятся, когда правительство признает это возможным после надлежащих изысканий.

Постановленное решение успокоило и князя Мирского, и обоих великих князей, которые по окончании заседания очень любезно выразили мне свое удовольствие. [Засим останется следить за самым исполнением постановленного ныне решения, а именно: настаивать, чтобы Джульфинская линия не оставалась надолго величиной «мнимой», утвержденной только в теории, на бумаге.]

После совещания осматривал я в Соляном городке, в Педагогическом музее, выставку учебных пособий по части географии. Бóльшая часть выставленных предметов предназначается для отправления на Парижскую географическую выставку. В последние годы у нас вообще сделано много по части педагогии и учебных пособий, в особенности же по предмету географии. Можно сказать, что теперь в учебных пособиях по этой

части у нас почти роскошь.

19 апреля. Суббота. При докладе моем государь с удовольствием показывал мне ответную телеграмму великого князя Михаила Николаевича по поводу вчерашнего решения вопроса о закавказских железных дорогах. Кавказское начальство в восторге. Но оказывается, решение сформулировано министром финансов совсем не в том смысле, в каком вчера, по моему предложению, было постановлено в Совете министров. О Джульфинской дороге сказано только, что будет приступлено к изысканиям, тогда как вчера говорилось, что на обе дороги разом будет дана концессия. Таким образом, наша сторона, сделав вчера уступку, дала себя провести. Князь Горчаков сегодня повторил мне, что недоволен решением.

В час пополудни происходила в Георгиевском зале Зимнего дворца церемония прибивки нового штандарта, данного лейб-гвардейскому Казачьему полку по случаю завтрашнего торжества – 100-летнего его юбилея. После того я высидел до 5 часов в Соединенных департаментах Государственного совета по делу об изменении областного правления Донского войска, а затем был на дипломатическом обеде у германского посла принца Рейсса.

Прямо с обеда ездил на станцию Варшавской железной дороги встречать жену, которая возвратилась из-за границы, оставив больную дочь Ольгу в Висбадене на попечении старшей сестры ее.

20 апреля. Воскресенье. Бóльшая часть дня прошла на торжестве казачьего юбилея: утром парад на площадке перед дворцом, позже обед во дворце, в Гербовом зале. Казаки осыпаны милостями.

21 апреля. Понедельник. После общего собрания Государственного совета было продолжительное заседание Соединенных департаментов с Польским комитетом для обсуждения предложения Набокова о введении в Царстве Польском судебной реформы. Спорили много, потому что реформе этой, видимо, не сочувствует Министерство юстиции. С тех пор как тянется это дело, граф Пален всё время старается тормозить его, предвидя, вероятно, что всякая мера, отождествляющая судебную часть в Царстве Польском с устройством ее в империи, будет шагом к такому же отожествлению и в прибалтийских губерниях. [Не видя возможности сопротивляться реформе, он начал уклоняться от личного участия в деле и вместо себя прислал сегодня своего товарища Эссена, такого же, как он сам, остзейца.] Однако ж дело пошло благодаря настойчивости и твердому направлению председательствовавшего в заседании Чевкина; решено ввести

новый устав в Царстве Польском не позже, чем через год [и без малейшего поползновения к поддержанию сепаратизма].

После заседания я должен был ехать на большой обед, данный казаками атаману своему, наследнику цесаревичу, в доме графини Елизаветы Алексеевны Орловой-Денисовой. Обед был такой, как все обеды в подобных случаях: с музыкой, тостами [приторными выражениями поддельных чувств] и проч.

22 апреля. Вторник. Продолжительный доклад у государя. Утверждено предположение о переформировании кавалерии. Вновь возбужденный генерал-адъютантом Баранцовым вопрос о переформировании Конной артиллерии остался пока нерешенным.

В заседании Комитета министров читались выборки из доклада комиссии, рассматривавшей отчет министра народного просвещения за 1873 год. В среде самой комиссии возникла ожесточенная полемика по поводу отдельного мнения, поданного одним из членов, князем Оболенским. По своему обычаю, граф Толстой написал толстую тетрадь в опровержение замечаний князя Оболенского по поводу образ действий Министерства народного просвещения и, как всегда, наполнил свою записку искаженными фактами и неверными цифрами, чтобы оправдать себя и обвинить своего противника. И на этот раз он достиг своей цели: в резолюциях, положенных государем на обеих записках, обвинен князь Оболенский, а граф Толстой вышел с похвалой. Обе эти записки с резолюциями выслушали мы среди глубокого молчания; по окончании чтения безмолвно встали и только пожали плечами.

24 апреля. Четверг. Сегодня доклад мой был продолжителен и выходил из ряда обыкновенных. Между прочим, представлен был мною на высочайшее решение спорный вопрос о допущенных в практике Военного министерства долгосрочных подрядах провианта, против которых государственный контролер ежегодно восстает в своих всеподданнейших отчетах. Я прямо высказал, что не могу признать генерал-адъютанта Грейга или товарища его Островского более компетентными судьями в деле военного хозяйства, чем Военный совет в полном составе и лица, специально заведующие интендантской частью. Ныне, по случаю близкого окончания срока такого долгосрочного контракта, заключенного на петербургскую провиантскую поставку, предполагается опять внести в Военный совет предположение об устройстве подобной же долгосрочной поставки, открыв для того надлежащую конкуренцию между благонадежными торговцами или известными коммерческими фирмами. Но, прибавил я, прежде чем подвергнуть это предположение обсуждению

Военного совета, считаю необходимым заранее удостовериться, не противна ли личному мнению его величества означенная система долгосрочных договоров.

После моих объяснений государь сказал, что хотя ему и кажется, что я прав, однако ж он не считает себя довольно близко знакомым с делом, чтобы сказать решительное слово, и потому желал бы для устранения всякого сомнения, чтобы вопрос был рассмотрен в финансовом комитете, с приглашением главного интенданта. Я должен был подчиниться такому решению, сказав только, что рассмотрение в финансовом комитете не должно иметь гласности и формальности, дабы не подать повода к нарушению прав и компетенции Военного совета.

Я доложил государю также о ложных слухах, распущенных в городе по поводу найденного при аресте купца Овсянникова списка интендантских чиновников, которые будто бы брали взятки от его приказчика[49]. Действительно, в этом списке оказались почти все смотрители магазинов и даже три чиновника окружного интендантства; им уже предложено подать в отставку; но сплетники и злые языки выдумали, будто в этом списке оказались имена «высокопоставленных лиц», называли окружного интенданта Скворцова и генерал-адъютанта Мордвинова. Наглая эта ложь и клевета, разумеется, произвели сильное волнение в интендантской сфере и в канцелярии Военного министерства. Для прекращения этих слухов просили меня выхлопотать теперь же, в неурочное время, награды как Мордвинову, так и Скворцову, однако ж государь не согласился на это, а разрешил только напечатать в «Правительственном Вестнике» краткую заметку в опровержение распущенных ложных толков.

Кстати о толках: вчера, после разговора с туркестанским генерал-губернатором Кауфманом 1-м, государь приказал Потапову призвать к себе генерал-майора Черняева и намылить ему голову за неприличные генеральскому званию выходки в печати против всего управления генерала Кауфмана. Сомневаюсь, чтоб это объяснение Потапова с Черняевым имело какой-нибудь практический результат; думаю, Потапов разыграет роль повара в басне «Повар и кот».

Во время доклада государь говорил о странном слухе, будто Пруссия намеревается снова разгромить Францию и только ищет предлога к нападению. Князь Орлов сообщает, что Дерби предварил об этом Деказа (французского министра иностранных дел); в среде же французского правительства ходит слух, будто Пруссия намерена напасть на Австрию. Государь смущен этими слухами и, говоря об образе действий Бисмарка, сравнил его с Наполеоном I, который по окончании каждой войны сейчас же

искал предлога к началу новой. Странно слышать такое мнение из уст государя – друга и верного союзника императора Вильгельма.

Цесаревич вмешался в разговор и заметил, что всё дело заключается в католическом вопросе. Я воспользовался случаем и сказал, что за несколько дней перед этим генерал Обручев подал мне записку, в которой развивает ту же мысль – что затруднения, в которые Пруссия ныне поставлена борьбой с папизмом, должны повести к общей европейский войне, которая, по мнению Обручева, может оказаться ближе, чем мы думаем. Сначала я положил эту записку под спуд, думая, что Обручев фантазирует, но теперь решаюсь представить записку для прочтения государю.

После доклада моего было у государя совещание, в которое приглашены были министры внутренних дел и юстиции и шеф жандармов. Речь шла о том, военным или гражданским судом судить пойманных на днях в казармах лейб-гвардии Московского полка нескольких молодых людей, покушавшихся устроить пропаганду между нижними чинами. Уже несколькими днями ранее я объяснял государю, что при теперешнем устройстве судов гражданских и военных нет никакой цели отступать от общего порядка подсудности. То же самое объяснил и граф Пален. Решено вести дело законным порядком, но при этом были снова высказаны некоторые мысли относительно вредной пропаганды, производимой нашими нигилистами, о мерах к ограничению зла и т. д. Государь указал на необходимость скорейшего разрешения вопроса о том, как избегнуть рассеяния по всей России людей, высылаемых за вредный образ мыслей и противозаконные стремления. Поручено подлежащим министрам обсудить, нельзя ли образовать нечто вроде пенитенциарных колоний.

В час пополудни – большой парад на Царицыном лугу (Марсовом поле); погода прекрасная, и всё обошлось вполне удачно.

Вечером мой сын уехал на Дон.

25 апреля. Пятница. Был на экзамене в Артиллерийском училище, потом на смотру молодых солдат последнего призыва.

26 апреля. Суббота. При докладе государь опять заговорил о слухах, будто Пруссия ищет предлога к новой войне с Францией, и опять заметил, что Бисмарк, подобно Наполеону I, придирается ко всякому пустому предлогу, чтобы только затеять войну. Государь приводил слова Мольтке, который находил, что для Пруссии выгоднейший операционный путь во Францию – через Бельгию. Не совсем понятно, почему германской армии нужно искать какого-нибудь нового пути через нейтральную страну, когда у нее теперь такой превосходный базис, как Рейн от самого

Базеля до Кобленца, с несколькими первоклассными крепостями и, кроме того, с передовым сильным пунктом – Мецом. Государь закончил этот разговор, сказав: «Вот узнаем завтра в Берлине».

Вечером ездил я на станцию Варшавской железной дороги проводить государя. Он едет в Эмс и полагает возвратиться 23 июня.

5 мая. Понедельник. С отъезда государя не заглядывал в свой дневник. Дни текли в обычных занятиях, которые прерывались только хлопотами домашними. Остававшаяся еще в Петербурге часть моей семьи выехала по Николаевской железной дороге в прошлую среду, 30-го числа. Вчера же утром проводил я за границу сестру Мордвинову. Оставшись в совершенном одиночестве среди обширного пустого дома, не успеваю скучать за множеством разнообразных занятий. По утрам почти ежедневно бываю на экзаменах в учебных заведениях, затем в разных заседаниях и т. д.

Политические известия в последнее время успокоительнее; опасения войны, кажется, рассеялись. В значительной степени приписывают этот оборот свиданию нашего императора с германским. Посол наш в Париже, князь Орлов, в одной из последних своих депеш в Министерство иностранных дел пишет, что во Франции серьезно озабочены войной, а маршал Мак-Магон в разговоре с ним, князем Орловым, выражал надежду на заступничество нашего государя. «Je placela France sous la protection de l'Empereur»[50]. Такая фраза со стороны президента Французской республики выказывает вполне, в какое жалкое положение поставлено это государство, так недавно еще кичившееся своим первенством между всеми европейскими державами.

В газетах французских, так же как в немецких и английских, прославляют Россию и императора Александра, выставляют его миротворцем Европы; даже враждебные России органы печати сделались до приторности любезны к нам. Давно Россия не была в такой выгодной роли. Воспользуется ли ею наша дипломатия и поддержит ли такое положение? Невольно родится сомнение, когда видишь, что государственный канцлер, доехав с государем до Берлина, оттуда отправился в Баден и Швейцарию на всё лето, наслаждаться беззаботным *far niente*[51]; что при государе в Эмсе нет никого, кроме добродушного Амбургера, вся служебная деятельность которого состоит только в писании под диктовку князя Горчакова; здесь же во главе Министерства иностранных дел остается барон Жомини, не выучившийся даже говорить по-русски.

6 мая. Вторник. Сегодня в Комитете министров были

продолжительные и горячие прения о направлении Северной железной дороги. Под этим названием разумелась предлагаемая Министерством путей сообщения линия от Ярославля через Вятку и Пермь на Тюмень, в отличие от южного направления через Казань или через Самару. В совещаниях участвовали и члены прежнего железнодорожного комитета, в том числе четыре инженера путей сообщения: генерал Мельников, Герстфельд, тайный советник Кербетц и Шернваль. И, несмотря на это, представление министра путей сообщения, ратовавшего за северное направление, провалилось перед атакой почти всего комитета. Посьет выказался и тут крайне слабым[52]; за его представление подали голоса только Мельников (который один, собственно, и говорил в пользу северного направления), Герстфельд и Шернваль. Даже Кербетц подал голос против. Абаза в длинной и превосходной речи совершенно уничтожил эту странную линию, так что прочим членам мало оставалось прибавить к его аргументам. Великий князь Константин Николаевич, принявший участие в заседании, также высказался весьма решительно за южное направление.

Сегодня же были еще два непродолжительных заседания: Польского комитета – в квартире Чевкина (который серьезно болен), и Кавказского.

Обедал я у Александра Аггеевича Абазы.

7 мая. Среда. По официальным сведениям Министерства иностранных дел, император Вильгельм в разговоре с нашим государем положительно отрекся от всякого намерения начать снова войну с Францией. Бисмарк в беседе с князем Горчаковым разразился негодованием на клеветы и сплетни, распускаемые газетами и самим правительством французским. «Он решительно заявил, что приписывать ему агрессивные действия против Франции означает обвинять его в идиотизме, в отсутствии ума»[53]. «Маршал же Мольтке (по выражению Бисмарка) компетентен в вопросе будущей борьбы с Францией с точки зрения военного, но в политике он – просто молодой человек, лишенный всякого влияния».

В официальной депеше наших дипломатов говорится далее: «Из всех этих деклараций, заявленных в самых решительных выражениях, следует, что наш августейший монарх полностью достиг цели своего приезда в Берлин и его присутствие и тон утвердили основы, на которых зиждется мир. Среди правительств, озабоченных угрозой нападения Германии на Францию, более всего обеспокоен С. – Джеймский кабинет. В противоположность своим выступлениям, обычно сдержанным и даже несколько неясным, на этот раз лорд Дерби дал приказание лорду Одо

Русселю до последнего поддерживать усилия императора в отношении мира и представить в распоряжение его величества всю военную мощь Англии, если бы мы потребовали этого у английского посла. Дело нашего августейшего монарха было таким образом завершено, и у них не оставалось оснований предаваться тщеславию».

8 мая. Четверг. Утром был на экзаменах в Медико-хирургической академии и на Женских курсах. Нашел более порядка, чем бывало прежде.

Потом председательствовал в совещании, составленном из делегатов разных министерств и нескольких военных лиц для обсуждения основных начал военно-конской повинности[54]. Самое деятельное участие в прениях приняли сотрудники Министерства внутренних дел Беклемишев, Барыков и Семенов (Петр Петрович, статистик). Спорили почти до 6 часов; к счастью, совещание не осталось без результата.

Обедал у Елизаветы Павловны Эйлер с Грейгом и Гротом. Из рассказов Грейга о комиссии, обсуждающей под его председательством вопрос о передаче Медико-хирургической академии в Министерство народного просвещения, можно догадываться, что он клонит в пользу оставления Академии в военном ведомстве и что сам граф Толстой уже охладел к этому делу, которое прежде так горячо принимал к сердцу.

20 мая. Вторник. С высочайшего разрешения собираясь в продолжительную поездку по некоторым округам для осмотра военных учреждений, предполагал выехать еще 14-го числа, но с 9-го занемог бронхитом и рожистым воспалением на лице, так что не мог и думать о выезде в назначенный день. Врачи приговорили меня к заточению, ежедневно утром и вечером навещали меня профессора Боткин и Тарновский.

Выдержав 10-дневный карантин и не совсем еще оправившись, я решился, однако же, выехать вчера, чтобы воспользоваться приездом в город великого князя Константина Николаевича и откланяться ему здесь, взамен поездки в Павловск. К тому же на нынешний день назначено было в Комитете министров обсуждение злополучного дела о Медико-хирургической академии. Дело это тянулось так долго, что, казалось, не было уже и повода торопиться с решением его. Но сейчас многие из членов Комитета министров, не исключая и самого Грейга, а также председателя, генерал-адъютанта Игнатьева, готовятся покинуть столицу на всё летнее время; да и я только ожидаю выздоровления, чтобы также уехать. Приходилось или отложить дело до осени, или немедленно же разрешить его в нынешнем заседании Комитета.

Генерал Игнатьев и Грейг приезжали ко мне под предлогом визита к больному, но в действительности – чтобы предварить меня о предстоявшем заседании и получить мое согласие на немедленное внесение дела на обсуждение Комитета. Я изъявил согласие, хотя здоровье мое далеко еще не поправилось; но для меня слишком тягостна продолжительная неопределенность судьбы Академии, так же как и для нее самой.

Давно уже известно моим коллегам, что вопрос этот я считаю своим личным вопросом и в случае передачи Академии в Министерство народного просвещения не останусь военным министром. Поэтому сегодняшнее заседание имело исключительное значение. Посетившие меня еще вчера Игнатьев и Грейг предупредили, что в заседании примет участие великий князь Константин Николаевич.

Это крайне удивило меня, тем более что при вчерашнем моем свидании с его высочеством была речь о назначенном на сегодня заседании и ни малейшего с его стороны намека на намерение участвовать в заседании. Да и какой для него интерес могло представлять дело о Медико-хирургической академии? Теперь припоминаю, что уже гораздо ранее доходили до меня слухи, будто великий князь поддался влиянию одного врача из академических профессоров, горячо ратовавшего за передачу Академии. Умалчиваю о том случайном поводе, которому сплетни приписывают это влияние ученого врача на великого князя. [История несколько скандалезная: у любовницы Константина Николаевича (актрисы Кузнецовой) заболел ребенок; великий князь встревожился, рассылал ночью за докторами; двое отказались приехать, но третий, Флоринский, приехал, и хотя ребенок все-таки умер, однако же случай этот сблизил Флоринского с великим князем, и раз, находясь с ним в среде незаконной его семьи, доктор занялся внушением великому князю необходимости отделения Академии от Военного министерства. Константин Николаевич, легко увлекающийся посторонними влияниями и действующий всегда порывами, без сдержанности, исполнил обещание, данное Флоринскому, и совершенно неуместно явился в заседание Комитета министров.]

Как бы то ни было, появление в Комитете его высочества было невыгодным для меня предзнаменованием. Министр финансов Рейтерн, на которого я мог рассчитывать более, чем на других, не приехал в заседание, а прислал за себя Гирса. Также и представителями министерств внутренних дел и юстиции явились в заседание товарищи министров – князь Лобанов-Ростовский и Эссен. Напротив, Абаза приехал, несмотря на болезнь.

Перед открытием заседания я заявил коллегам, что постараюсь воздержаться от всякого участия в прениях и ограничиться представлением Комитету тех объяснений или справок, какие могут понадобиться. Граф Толстой, к удивлению моему, заявил то же самое в начале заседания. Комитет как будто готовился к сражению. Первым начал говорить Грейг как председатель комиссии, на которую было возложено предварительное разъяснение обстоятельств спорного дела; он являлся в качестве следователя, которого голос имел особенное значение; он один из всего Комитета изучил дело, выслушав в течение почти целого года бесконечные толки, показания и справки обеих сторон. Можно было думать, что он будет клонить на сторону графа Толстого, давнишнего своего приятеля и товарища по морскому министерству. Каково же было общее удивление [и, не скрою, мое удовольствие], когда Грейг начал положительно вести речь в пользу оставления Академии в военном ведомстве.

Длинная и дельная речь такого компетентного судьи дала вопросу решительный оборот; прочие члены Комитета – Валуев, Абаза, даже князь Сергей Николаевич Урусов – заговорили в том же смысле; даже сам граф Толстой и союзник его – представитель Министерства внутренних дел князь Лобанов-Ростовский – сделались уступчивыми и, казалось, готовы уже были отступиться от своего домогательства, как напоследок поднял голос великий князь Константин Николаевич в смысле диаметрально противоположном всему, что говорилось до него.

Тогда и Грейг, и я были вынуждены выйти из нашей сдержанной роли. Грейг выказал при этом много достоинства, вступив в живое, даже несколько резкое препирательство с великим князем, несмотря на свои близкие с ним отношения. Тем не менее граф Толстой и князь Лобанов-Ростовский снова оперились и заявили, что не видят причины отказываться от своего прежнего мнения. Председатель пустил вопрос на голоса; на сторону графа Толстого и князя Лобанова-Ростовского стали только трое: великий князь, адмирал Лесовский (тут же откровенно объявивший, что считает себя обязанным подать голос заодно со своим начальством) и Эссен; на моей же стороне оказались все прочие 20 голосов. Такой результат был для меня совершенно неожидан.

После заседания многие из коллег подходили ко мне с выражением своего удовольствия. Подошел и великий князь с вопросом, не сержусь ли я на него. «Сердиться не смею, – отвечал я, – но удивляюсь». «Почему же? Разве я мог говорить противно моему убеждению?» – «Этого никто не может требовать; но для

чего нужно было вашему высочеству внести в это дело ваши убеждения?

Вы знали, что это вопрос личный для меня; приехав нарочно, чтобы подать голос против меня, вы, может быть, способствовали моему удалению из министерства…»

Великий князь начал уверять меня в своем ко мне расположении и убеждал, чтобы я не связывал дела Академии с вопросом личным. Прощаясь со мной, великий князь сказал: «Надеюсь, мы будем еще многие годы идти вместе, рука в руку». На это я ответил, что теперь решение уже зависит не от нас.

Таким образом, сегодняшнее заседание прошло гораздо благоприятнее для меня, чем я мог ожидать; я доволен уже тем, что дело не было отложено; теперь буду с бóльшим спокойствием ожидать из-за границы окончательного решения. Утвердит государь заключение большинства – в таком случае вся история с Академией скоро будет забыта, как лихорадочный бред; утвердит мнение меньшинства – я перестаю быть министром и с удовольствием избавлюсь от всех забот и треволнений, не дававших мне в продолжение стольких лет ни отдыха ни покоя. Настоящее время самое удобное для меня в этом отношении: высочайшая резолюция будет получена в отсутствие мое из Петербурга; узнав о ней, я могу просто донести о своей болезни и просить увольнение за границу. В этих видах, готовясь к отъезду, привожу свои дела в такой порядок, чтобы оставляемыми в петербургской квартире бумагами и вещами можно было в случае надобности распорядиться заочно.

22 мая. Четверг. Происходившее во вторник заседание Комитета министров, со всеми его перипетиями, не оставило по себе следов на состоянии моего здоровья; на другой же день, то есть вчера, я чувствовал себя настолько удовлетворительно, что ездил прощаться с близкими своими знакомыми, а сегодня в Царское Село – откланяться находящимся там членам царского семейства. По возвращении в Петербург заехал к великому князю Николаю Николаевичу, а потом на Каменный остров к герцогу Георгу Мекленбург-Стрелицкому. Через час отправляюсь на Николаевскую железную дорогу.

24 мая. Суббота. Пароход на Волге. Вчера, в пятницу, в Москве провел я всё утро в военных гимназиях и Юнкерском училище; потом сделал несколько визитов, заехал к своей невестке Марии Аггеевне Милютиной, отобедал запросто у генерала Гильденштуббе и в 8 часов вечера был уже на станции Ярославской железной дороги.

Сегодня в седьмом часу утра прибыл в Ярославль, остановился в военной прогимназии у директора ее, полковника

Боголюбова. До двух часов осматривал это заведение, потом нанес визиты архиерею, губернатору (адмиралу Унковскому) и городскому голове (Шубину) и, наконец, осмотрел казармы. Ни в одном городе квартирующие войска не имеют такого удовлетворительного помещения.

В 8½ часов вечера я был уже на пароходе общества «Самолет» и отчалил от ярославской пристани «вниз по матушке по Волге».

Еду я с адъютантом моим полковником Араповым и поручиком фельдъегерского корпуса Даниловым. В Нижнем должен присоединиться еще инженер-полковник Покотилов, командированный от Главного управления военно-учебных заведений для объяснения мне некоторых вопросов по строительной части.

5 июня. Четверг. Станция Лозовая. В ожидании отхода железнодорожного поезда пользуюсь продолжительной остановкой на станции, чтобы внести в свой дневник отчет за целых двенадцать дней путешествия.

Плавание мое по Волге совершилось вполне удачно и быстрее, чем я рассчитывал. 26 мая (понедельник) рано утром прибыв в Нижний, отправился прямо в военную гимназию, где директор, генерал-майор Носович, приготовил мне пристанище. Это одна из лучших военных гимназий; я любовался превосходными отношениями, установившимися между воспитанниками и директором: это почти отношения детей к отцу. В течение дня я успел осмотреть город, помещения войск, лазареты, офицерское собрание, нанести визиты вице-губернатору барону Фредрихсу (за отсутствием губернатора), городскому голове (Губину) и начальнику дивизии генерал-лейтенанту Ганецкому; затем выдержал парадный обед, данный в мою честь городским обществом. Тут, разумеется, не обошлось без тостов и спичей. Городской голова выказал при этом много такта, взяв темой своей речи Сибирскую железную дорогу: вопрос этот, конечно, давал мне в глазах нижегородского купечества гораздо более права на его сочувствие, чем новый закон о воинской повинности, с которой Губин начал было свой спич. Вечер провел в среде воспитанников военной гимназии, которые угощали меня пением и музыкой.

27 мая (вторник) в 8 часов утра распростился я с приветливыми юношами, с их начальством и педагогами и продолжал путь на пароходе. После суточного плавания, в седьмом часу утра 28-го числа прибыл в Казань. Здесь пробыл я двое суток, осматривал помещения войск, госпиталь, юнкерское училище, интендантский склад, пороховой завод, лагерь 2-й пехотной дивизии и проч. Всюду сопровождал меня

командующий войсками Казанского округа генерал Бруннер. Это личность мало симпатичная, много слышал жалоб на его резкость и грубость, но, с другой стороны, надо отдать ему справедливость: он своей строгостью водворил между военными несколько более порядка и дисциплины, чем было до него. 29-го числа он дал большой обед, к которому были приглашены высшие военные начальники и губернатор Скарятин. В Казани, как и в других посещенных мною городах, старался я уладить дело постройки казарм для устранения крайних неудобств существующего ныне порядка размещения войск в частных домах по найму от города.

30 мая, в пятницу, выехав в 8 часов утра из Казани опять на одном из маленьких пароходов «Самолета», я успел в тот же день осмотреть в Симбирске военную гимназию и помещения местной команды. Гимназия представляется пока только в зачаточном виде: она временно помещена в тесном частном доме и не имеет собственного интерната; только небольшое число воспитанников (преимущественно иногородних родителей) помещено в соседнем доме, в пансионе, содержимом одним из преподавателей. Директор новоучрежденной гимназии полковник Альбедиль, к сожалению, человек болезненный.

Возвращаясь под вечер на пароход, я осмотрел место, назначенное для постройки гимназии по проекту, составленному полковником Покотиловым.

31 мая, в субботу, к часу пополудни прибыл я в Вольск, где меня особенно интересовала военная прогимназия, устроенная в виде исправительного заведения для тех воспитанников, которые удаляются из военных гимназий и прогимназий за какие-либо предосудительные наклонности или пороки. Заведение помещено в старинном ветхом доме, по возможности приспособленном к настоящему назначению; вся обстановка очень скудная, но местоположение прекрасное: большой сад, огород и всё, что нужно для занятий воспитанников физическим трудом. Директор, полковник Остелецкий, – отличный специалист по своей части, вполне преданный делу.

Воспитанников нашел я гораздо лучшими, чем ожидал: окончившие курс и только что сдавшие экзамен воспитанники были мне представлены с отличными отзывами начальника, двое из них были даже удостоены поступления в Московскую военно-учительскую семинарию, приготовляющую учителей и воспитателей для военных прогимназий. Приписать ли такой успешный результат умению и стараниям начальства и воспитателей Вольской военной прогимназии, или же тому, что заведения, из которых воспитанники переведены сюда для

исправления, не совсем основательно выбрасывают этих детей, – вопрос этот не мог я разъяснить в те немногие часы, которые провел в Вольске.

В ночь на 1 июня пароход тронулся далее, и часов в 7 утра в воскресенье я был в Саратове. На пристани встретили меня губернатор Галкин-Врасский (давнишний мой знакомый), начальник 40-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Шатилов, которого также я знал еще в Тифлисе, и прочее местное военное начальство. В числе встретивших меня лиц находился и зять мой Семен Александрович Мордвинов.

Приходилось мне оставаться в Саратове до четырех часов, в ожидании отхода поезда на Лозовую. День был праздничный (Троицын). В лагере под самым городом один из полков 40-й пехотной дивизии, Кутаисский, справлял свой полковой праздник. По приглашению генерала Шатилова я обещал принять участие в этом празднестве; но так как час был еще ранний, то я успел вместе с губернатором объехать и осмотреть в городе помещения войск, затем заехал на железнодорожную станцию, чтобы переодеться (в мундир), а в 11 часу отправился в лагерь, прямо к церковному параду. После продолжительной службы в лагерной церкви пригласили меня к завтраку, приготовленному в бараке офицерской столовой. Завтрак, как водится, сопровождался оживленными тостами и речами; искреннее радушие было выказано мне всем обществом офицеров полка, особенно же молодежью. Возвратился я на железнодорожную станцию как раз к отходу поезда.

2 июня (понедельник) приехал я в Воронеж в третьем часу дня. На станции, по обыкновению, встретило меня всё местное начальство; у здания же военной гимназии, где было приготовлено для меня помещение, выставили почетный караул (вопреки сделанному общему распоряжению). Несмотря на праздничный день, я нашел воспитанников гимназии в сборе, так что имел возможность, кроме осмотра помещений, также видеть работы воспитанников – письменные и рисовальные, причем некоторых проэкзаменовать, затем послушать пение и музыку.

В промежутке этих занятий успел я нанести визит вице-губернатору Левшину (за отсутствием губернатора), побывать с ним в военно-исправительной роте, осмотреть интендантский склад и переговорить с кем следовало по казарменному вопросу. Военную гимназию нашел я в полном порядке; директор ее, генерал-майор Тыртов, кажется, ведет дело хорошо, но, на мой взгляд, держит себя как-то важно и сухо. Тут уже совсем не те отношения, что в Нижегородской военной гимназии.

Из Воронежа выехал я 3 июня (вторник) в 10 часов утра на

Грязи, Елец, Орел, Харьков и сегодня, 5-го числа, добрался рано утром до Лозовой, где приходится сидеть целых четыре часа. [Пользуюсь этим досугом, чтобы внести в свой дневник отчет за последние двенадцать дней путешествия.] Воронежем закончилась официальная часть моего путешествия; оттуда отпустил я всю свою свиту и теперь еду уже частным человеком. Завтра утром рассчитываю быть на пароходе в Севастополе, а к вечеру – в Ялте или, может быть, в Симеизе.

18 июня. Среда. Симеиз. С 6-го числа живу я здесь с женой и одной из дочерей – Надеждой. Старшие две за границей, а две меньшие и племянница с Ольгой Ивановной Винтер проводят лето в Бессарабии, в имении моего шурина Евгения Михайловича Понсэ. Здесь мы поместились кое-как в двух комнатках верхнего этажа еще не отделанного дома. Кругом нас идет работа: стукотня, пыль, мусор, грязь. За неимением еще кухни мы должны ежедневно ездить или ходить обедать за три версты – в гостиницу Алупки. Погода жаркая. Много забот с постройкой дома, разведением сада и обзаведением новым хозяйством. [По временам бывают у нас посетители, которые напоминают поговорку: незваный гость хуже татарина. Но в особенности досаждают архитектор и строители. Работа дома подвигается крайне медленно, хотя все условленные сроки давно миновали; однако же архитектор (Голиков) не торопится и ведет дело спустя рукава.] Мечта наша – иметь с нынешнего же лета спокойное и уютное пристанище – не осуществилась, семье приходится оставаться еще разбросанной.

В продолжение моего здесь пребывания ожидал я с нетерпением известия о решении государя по делу Медико-хирургической академии. Я приготовился и к тому и другому исходу. Из Петербурга присылали ко мне двух фельдъегерей с маловажными бумагами, а рокового известия всё еще не было. Только вчера наконец пришла телеграмма от графа Гейдена, что государь решил согласно с мнением большинства, то есть оставить Академию в Военном министерстве. Таким образом, злополучный этот вопрос, тянувшийся почти два года, решен в пользу Военного министерства; вместе с тем отдаляется на неопределенное время и мое освобождение из петербургского омута интриг и треволнений.

[Не могу еще отдать себе положительного отчета в том, доволен я или нет полученным известием. С одной стороны, удовлетворено мое самолюбие, поддержан мой авторитет, дело военно-медицинского ведомства выиграно, целое, обширное учреждение спасено от когтей графа Толстого; с другой же стороны – упущен мною еще раз случай удалиться с арены, *tirer*

mon épingle du jeu[55]. Я мечтал уже о близкой свободе, спокойном отдыхе и вот снова обречен вертеть колесо еще, может быть, многие годы.

Отбрасывая, однако же, в сторону всякие эгоистические впечатления, должен сознаться, что в этом решении вопроса нахожу две немаловажные выгоды: во-первых, Военное министерство избегает общей пертурбации и в направлении дел, и в личном составе; во-вторых, семья моя не подвергается тем последствиям, которые отразились бы на ней в случае оставления мною министерского поста. Конечно, в том и в другом отношении дело только в отсрочке, но по крайней мере не ляжет на мою совесть и нравственную ответственность участь многих из моих сослуживцев и семьи.]

Итак, решено; я должен быть в Петербурге ко времени возвращения туда государя, то есть к 25-му числу. Выезжаю отсюда в пятницу, 20-го.

24 июня. Вторник. Петербург. На пути с юга на север останавливался в нескольких пунктах. В Севастополе осмотрел казармы и лазарет, обедал у генерала Рихтера (начальника 13-й пехотной дивизии). В Симферополе, в ожидании отхода поезда, пришлось довольно долго беседовать с губернатором, генералом Кавелиным. [Это человек ни к чему не способный и смешной.] Затем в Харькове провел полдня не без пользы: вместе с командующим войсками округа генерал-адъютантом Карповым осмотрел существующие жалкие помещения войск и места, где предполагается возводить новые казармы. Везде одни и те же жалобы и сетования военного начальства на то, что городские управления не заботятся о размещении войск; но Харьков в этом отношении может быть поставлен на первое место. Здесь жалуются даже на губернскую администрацию и на самого губернатора, который поставил себя во враждебные к военному ведомству отношения, хотя сам – военный, Свиты его величества генерал-майор (князь Крапоткин).

На всем пути до самого Курска слышал я сетования на засуху и опасения плохого урожая; только ближе к Туле нашел дождливую погоду. В Москве посетил невестку Марию Аггеевну Милютину, а сегодня утром прибыл в Петербург.

Только здесь узнал я довольно важные новости, не доходившие до меня в Крыму. Старый экс-император австрийский Фердинанд умер, и наследник цесаревич поехал в Вену на погребение. Волнения и неповиновение в Уральском казачьем войске принимают всё большие размеры: приходится выселять уже не сотни, а тысячи казаков, сопротивляющихся введению нового положения о военной службе Уральского войска[56].

Несчастные эти действуют по неразумию, под влиянием стариков-фанатиков.

После обеда еду в Петергоф повидаться со старшей дочерью, останусь там переночевать, чтобы завтра утром встретить государя.

25 июня. Среда. Встреча государя на станции железной дороги в Петергофе в 10½ часов утра. После того ездил расписываться в разных дворцах. Остальную часть дня провел в Петербурге за бумагами.

28 июня. Суббота. В прошлый четверг имел первый доклад у государя; доложив о результатах своей поездки, спросил, как велено мне будет поступить относительно председательствования в Комитете министров и других комитетах, так как я остаюсь старшим из министров в отсутствие председателя генерал-адъютанта Игнатьева, а между тем заседания в Комитете бывают по вторникам – то есть в день моего доклада. Я надеялся, что это совпадение избавит меня от новой временной обузы; однако же государь решил иначе, приказав переменить день доклада со вторника на понедельник.

Государь вообще был благосклонен ко мне; о деле Медико-хирургической академии заговорил только сегодня при втором докладе, заявив, что напрасно я полагал, будто вопрос о передаче этого учреждения в другое министерство был вызван недоверием[57] к Военному министерству. Оказывается, великий князь Константин Николаевич уже имел разговор с государем об этом деле; не знаю, от него ли, или через Потапова (которому писал Мезенцов), его величеству уже известно, что вопрос об Академии я считал своим личным вопросом.

Впрочем, объяснения по этому делу были непродолжительны; я нашел неуместным входить снова в существо дела, тем более что не было времени; доклад мой начался позже обыкновенного по случаю приезда из Лондона герцога Альфреда Эдинбургского с великой княгиней Марией Александровной, которых встретили мы на петергофской пристани.

30 июня. Понедельник. После доклада моего в Петергофе я возвратился в город на царском пароходе; государь ездил в Петропавловскую крепость на панихиду. В 2 часа отправились в Красное Село, где был назначен объезд лагеря. По окончании объезда государь совершенно неожиданно вызвал по тревоге все войска и произвел большое учение, окончившееся только к 7 часам вечера. Возвратился я в город поздно вечером [весь изломанный и почти больной от усталости].

1 июля. Вторник. Сегодня председательствовал я в Комитете министров; важных дел не было, но после заседания я попросил

некоторых из моих коллег остаться для обсуждения трех вопросов, по которым государь поручил мне с ними посоветоваться, а именно: о мерах к удержанию крымских татар от переселения в Турцию, о уральских казаках, оказывающих упорное сопротивление введению нового положения, и, наконец, о квартирном размещении войск и средствах к постройке казарм.

2 июля. Среда. Встреча короля Шведского Оскара на станции Николаевской железной дороги. Потом заседание в Военном совете.

3 июля. Четверг. Утром доклад в Петергофе. Большой обед там же в честь шведского короля. После обеда он разговаривал весьма любезно со многими из присутствовавших; я стоял рядом с бароном Жомини (который теперь, в отсутствие князя Горчакова, заведует делами Министерства иностранных дел); подойдя к нам обоим, король заговорил о Брюссельской конференции и выразил свое удивление слепоте некоторых государств, противодействующих человеколюбивому и великодушному предложению русского императора.

После обеда отправились все в Красносельский лагерь к парадной заре. Церемония эта совершилась безупречно заведенным порядком.

4 июля. Пятница. Сегодня на Красносельском военном поле происходил большой парад всем собранным в лагере войскам. Погода была прекрасная, парад – блистательный. Съехалось множество иностранцев всех национальностей.

Вечером в Петергофе – музыкальный вечер. Король Оскар – сам хороший музыкант и поэт.

5 июля. Суббота. Я поленился ехать на смотр флота и после доклада в Петергофе возвратился спокойно в город, чтобы заняться делами после трехдневного отсутствия из Петербурга.

Все эти дни при дворе было грустное настроение по случаю смерти князя Владимира Ивановича Барятинского. Его любили как человека благородного и честного. Сегодня отпевали его в Царском Селе перед отправлением тела для погребения в курское имение.

7 июля. Понедельник. Вчера вечером в Петергофе было устроено для шведских гостей празднество, блистательное в буквальном смысле слова. Весь парк был иллюминован, на одном из островков устроили сцену и представление (балет), на другом – хор цыган и угощения. Погода была как по заказу.

Сегодня государь с иностранными своими гостями ездил в Красное Село: был смотр учебного батальона и учение лейб-гвардии Конно-гренадерского полка по новому, только что проектированному уставу и одной из гвардейских конных

батарей. Король желал видеть подробности наших строевых уставов.

Вечером король Оскар уехал через Кронштадт в Швецию. Я находился в числе провожавших его на пристани. Он был постоянно весьма любезен со мной; прощаясь, извинялся, что не может лично возложить на меня свой орден Серафима, так как не взял с собой достаточно орденских знаков. Бедный король не мог предвидеть, что ему придется быть таким щедрым на свои ордена, он не приучен к нашим широким во всем размерам.

Вообще, король Оскар оставил по себе благоприятное впечатление. Наружность его весьма благообразна: он высокого роста, с черной подстриженной бородой, слегка смуглый, с умными глазами, обходительный, учтивый, любезный, всем интересуется и желает всё видеть. Он известен как поэт и музыкант, но изящные искусства не мешают ему заниматься и государственными делами: к примеру, он напечатал брошюру по проектированной в Швеции военной реформе. В разговоре со мной он сказал, что, несмотря на всё встречаемое сопротивление, настоит на введении в своем государстве обязательной воинской повинности.

13 июля. Воскресенье. Почти целую неделю не открывал своего дневника, что служит признаком отсутствия чего-либо заслуживающего быть вписанным. Неделя прошла обычным порядком. Только вчера, в условленный час, приехал шведский посланник Дуэ, чтобы лично вручить мне от имени короля знаки ордена Серафима. Разумеется, мы обменялись взаимными любезностями и расстались друзьями.

На этой неделе получил из Крыма известие о первых результатах моих распоряжений относительно постройки дома в Симеизе. Заведующий инженерной частью в Севастополе полковник Гемельман принял непосредственное участие в этом деле в ожидании прибытия в Крым одного из главных деятелей строительного общества Миллера, также бывшего военного инженера.

15 июля. Вторник. В то время как в Западной Европе льют беспрерывные дожди и жалуются на холодное лето, у нас небывалая засуха. В Южной России погибли все хлеба и плоды, а в окрестностях Петербурга такие лесные пожары, что в самом городе, особенно по вечерам, стоит густая мгла от дыма и гари. Вчера пожар пней и торфяных болот на поле нового артиллерийского полигона угрожал пороховым погребам и даже Охтенскому пороховому заводу. Командированы в разные стороны войска для тушения страшных пожаров.

В последних двух моих докладах окончательно решено

переформирование кавалерии и конной артиллерии. Отныне мы будем иметь кавказские дивизии в четыре полка с двумя батареями 6-орудийного состава.

При вчерашнем докладе моем государь заговорил о великом князе Николае Константиновиче – очевидно, под влиянием отца его, великого князя Константина Николаевича, который домогается восстановления репутации своего сына и возвращения ему прежнего служебного и общественного положения. [Возмутительное отсутствие всякого нравственного чувства и логики: можно ли так разыгрывать фарс, издеваясь над общественным мнением?]

Чему же надо верить? Если Николай Константинович признан психически больным, то может ли он пользоваться полной свободой, путешествовать, принимать депутации с хлебом-солью, осматривать заводы и т. д.? Такое умственное расстройство, какое может оправдывать кражи и всякого рода бесчестные поступки, не излечивается в несколько недель. Если ж болезнь его фиктивная, то как же вводить снова вора и негодяя во все права особ императорской фамилии?!

Хотя я поставил себе правилом сколь можно далее держаться от дел такого рода и остаюсь в стороне от всего, что совершается при дворе, однако же когда сам государь заговорил со мной о подобном щекотливом предмете, я не мог не высказать откровенно своего мнения о том, что слишком еще рано забыть случившееся с этим несчастным молодым человеком.

19 июля. Суббота. В среду, четверг и сегодня утром был в Красном Селе, а вчерашний день провел в городе по случаю заседания Особого присутствия по воинской повинности в Мраморном дворце. Сегодня вместо назначенных учений государь поднял ночью по тревоге все войска лагерного сбора и произвел общий односторонний маневр.

Пожары продолжаются; сгорел город Брянск, опасность угрожала тамошнему арсеналу.

26 июля. Суббота. Вся неделя прошла в беспрерывных передвижениях между Петергофом, Царским Селом и Петербургом. 22-го числа, в день именин императрицы и трех великих княгинь, происходил в Петергофе красивый бал на открытом воздухе, на берегу моря, у павильона Монплезир. В этот вечер императрица была почему-то более обыкновенного ко мне внимательна.

Среду, четверг и утро пятницы провел в Красном Селе и после корпусного учения (в пятницу), на котором присутствовали императрица и много дам, возвратился к обеду в Петербург. Сегодня ездил к докладу в Петергоф, завтра опять придется ехать

туда же, по случаю дня рождения императрицы.

28 июля. Понедельник. Три дня сряду пришлось быть в Петергофе: вчера – по случаю дня рождения императрицы, а сегодня – для обычного доклада и по случаю приглашения к царскому обеду.

4 августа. Понедельник. Почти всю неделю провел в Гатчине и на маневрах. В огромном гатчинском замке собралось многочисленное общество: кроме особ императорской фамилии и придворной и военной свиты – много иностранных гостей и посторонних приглашенных. После утренних ратных зрелищ многочисленное общество собиралось к общему столу, а потом вторично – к вечернему чаю. Тут придумывались всякие развлечения и забавы: шарады, живые картины, танцы; два раза были балетные представления, на которые привозили генералов и офицеров из окрестностей, с разных биваков.

Присутствие большого числа иностранцев (французских офицеров – 6 или 7, румын – 5, итальянцев – 2, сербов – 2, не говоря уже о немцах) придавало обществу наружную пестроту, но не способствовало оживлению его; даже молодежь забавлялась как будто по приказанию.

Самые маневры шли не совсем удачно, по крайней мере с придворной точки зрения. Два раза вывозили императрицу и дам в экипажах, и оба раза им не удалось видеть войска. Противными сторонами начальствовали наследник цесаревич и великий князь Владимир Александрович; ни с той ни с другой стороны не было выказано искусства. Диспозиции ежедневно писались умно, но не исполнялись на деле: встречи противников выходили совершенно случайные, иногда довольно неудачные. Маневры наши, вообще, выходят более похожими на игру, чем на серьезное обучение войск. Неопытным офицерам они могут дать превратные понятия о военном деле. Сегодня маневры закончились у Красного Села, откуда все и разъехались немедленно по домам.

5 августа. Вторник. Председательствовал в Комитете министров. Заседание длилось до 6 часов, более всего спорили по двум представлениям Министерства путей сообщения: о передаче Либавской железной дороги обществу Ландварово-Роменской и о постройке Бакинской линии.

6 августа. Среда. Половину дня провел в Красном Селе, где справлялся полковой праздник лейб-гвардии Преображенского полка и Гвардейской артиллерии. После раннего обеда под большим шатром все разъехались, распростившись тут же с иностранными гостями.

7 августа. Четверг. Доклад в Царском Селе.

8 августа. Пятница. Ездил в Кронштадт с генерал-

адъютантом Баранцовым и генерал-лейтенантом Зверевым. Осматривал форты и крепостную артиллерию, но стрельбу боевыми зарядами не было возможности производить по причине сильного ветра и волнения на рейде. Много сделано в Кронштадте в последние 15 лет как по инженерной части, так и по артиллерийской, но много еще остается доделать по обоим ведомствам.

Получена телеграмма о том, что, по случаю возмущения коканцев[58] против своего хана (Худояра), генерал Кауфман собирает отряд [и, кажется, военные действия неизбежны].

В Герцеговине народное восстание принимает серьезные размеры.

10 августа. Воскресенье. Ездил в Царское Село в неурочный день, по случаю представления императрице бывших камер-пажей, произведенных в офицеры, и вновь произведенных в камер-пажи. После представления был приглашен к царскому завтраку.

11 августа. Понедельник. Три дня сряду пришлось ездить в Царское Село. Сегодня во время доклада государь, читая вслух письмо, полученное им от великого князя Михаила Николаевича, сказал, что некоторые затронутые в письме вопросы намерен обсудить при личном свидании с его высочеством в Ливадии. После доклада я должен был остаться на весь день в Царском Селе, получив приглашение к царскому столу. За обедом императрица также спросила, когда я поеду в Крым; вероятно, государь слышал этот разговор и после обеда спросил о моих намерениях. Я воспользовался случаем, чтобы испросить разрешения ехать в Крым вслед за отъездом его величества в Москву. На вопрос государя, не желаю ли я доехать туда с его величеством, я, конечно, ответил выражением благодарности за такое предложение, причем напомнил, что с 1872 года не имел случая видеть армейские войска, бывшие на высочайших смотрах. Тогда государь предложил мне находиться при его величестве и на смотрах в Москве.

Телеграммы от генерала Кауфмана продолжают оставаться тревожными. Дела в Герцеговине также расстраивают государя; но сегодня ему приятно было узнать, что английский посол в Константинополе Элиот присоединился к послам русскому, германскому и австрийскому для совместного воздействия на турецкое правительство в видах умиротворения восставшего населения и вообще улучшения положения христиан в Европейской Турции.

16 августа. Суббота. Сегодня я остался после доклада в Царском Селе, ездил верхом с дочерью; обедал у Шторха в

Павловске, в небольшом приятельском кружке. Возвратился домой только вечером и едва справился с накопившимися делами.

Из Симеиза наконец получил письма несколько успокоительные. Кажется, постройка пошла на лад благодаря вмешательству полковника Гемельмана.

18 августа. Понедельник. Москва. Вчера был полковой праздник лейб-гвардии Егерского полка. Обычный парад на сей раз ознаменовался особенным эпизодом. Государь торжественно вручил полку лоскут, уцелевший от старого знамени, утраченного 2-м батальоном лейб-егерского полка в несчастном деле 10 сентября 1828 года под Гасан-Ларом. Случайно этот лоскут отыскался после смерти одного из тогдашних офицеров Сабанина, который спас, сберег его на себе во время плена и потом хранил, как святыню, живя в глуши своей деревни. Государь воспользовался этим случайным открытием, чтобы восстановить знамя 2-го батальона с прежней надписью за 1812 год. Праздник получился оживленным, несмотря на дождливую погоду.

В 6 часов вечера я выехал из Петербурга в царском поезде, на который государь сел в Колпине. В Москву прибыли сегодня в 9½ часов утра.

Уже в вагоне облеклись мы в парадную форму, чтобы не опоздать к выходу, назначенному в 11 часов в Большом Кремлевском дворце. После обычного обхода соборов государь поехал на Ходынское поле, где был смотр всем собранным в лагере войскам. Смотр удался вполне, погода была очень хорошая, а после смотра всё начальство пригласили к обеду в Петровском дворце.

Чувствуя себя утомленным и не совсем здоровым, я остался дома, то есть в Петровском же дворце, пока государь и вся свита наслаждались балетом в Большом театре. Было у меня и дело. Утром перед приездом в Москву я имел довольно продолжительный доклад в вагоне и между прочим прочел государю телеграмму, полученную в Клину от генерала Кауфмана. Он извещал, что коканские толпы, вторгнувшиеся в наши пределы, везде понесли поражение и наши отряды гонят их к границе. К этому успокоительному известию Кауфман прибавляет, что последствием преследования должно стать окончательное занятие ханства Коканского, для чего он и просит дополнительные войска. Дело довольно серьезное – новое осложнение в нашей азиатской политике, новые против нас крики в Англии!

Государь принял это известие совершенно равнодушно, как

ожидаемое, и, не колеблясь, разрешил готовить войска для отправления в Туркестанский край. Таким образом, в пять минут, без всяких рассуждений решился вопрос о присоединении к империи новой области – ханства Коканского.

Сообщив немедленно генералу Кауфману по телеграфу высочайшее разрешение, я счел, однако же, не лишним предварить его[59], что просимые им подкрепления могут подойти нескоро; что до лета будущего года ему придется изворачиваться имеющимися у него средствами и он должен иметь это в виду, решаясь на новое завоевание.

Нынешняя путевая свита государя гораздо симпатичнее мне, чем прежняя: вместо графа Адлерберга исполняет обязанности министра двора и гофмаршала граф Баранов (Эдуард Трофимович) – человек в высшей степени благородный, обходительный, достойный полного уважения; место интригана и честолюбца графа Шувалова занял Потапов – человек бесцветный, но не гоняющийся за влиянием и властью; затем – чиновники Главной квартиры и военно-походной канцелярии.

В Москве мы застали герцога Эдинбургского с его свитой (адмирал Попов, флигель-адъютант граф Ламсдорф и несколько англичан); он только что возвратился с Нижегородской ярмарки, где его чествовали свыше[60] меры. Англичане остались очень довольны приемом.

Москва пуста; кроме начальствующих лиц, нет никого из тузов. У меня также не нашлось близких знакомых, и потому приходится все пять дней пребывания здесь проводить исключительно в военной среде. Это будет продолжением красносельской лагерной жизни.

21 августа. Четверг. Три дня проведены в беспрерывном движении и суете. Во вторник было назначено учение кавалерии, но по случаю дождливой погоды отменено; к тому же в ночь получено по телеграфу известие о родах великой княгини Марии Павловны. По этому случаю было молебствие в дворцовой церкви Кремлевского дворца. После того я сделал несколько визитов и заехал в 3-ю военную гимназию, еще не совсем отстроенную и не доведенную до полного состава. После парадного обеда в Петровском дворце я опять ездил в город и провел вечер в Русском театре.

На другой день, в среду, погода разгулялась; государь произвел общее учение всем войскам, собранным в Ходынском лагере, и остался очень доволен. После учения я завтракал у государя, имел доклад и затем ездил в город на закладку Исторического музея, основание которому положено по инициативе генерал-адъютанта Зеленого; потом осматривал

Архив Министерства иностранных дел, вновь устроенный с большими затеями директором его, бароном Бюллером. К обеду возвратился в Петровский дворец, а вечер вторично провел в Русском театре.

Сегодня утром стрельба в цель, завтрак в Петровском дворце, доклад у государя; затем отправился в город, побывал в Донском монастыре, чтобы взглянуть, как установлен памятник графу Павлу Дмитриевичу Киселеву; потом осматривал строящийся еще Храм Спасителя, был на парадном обеде у князя Долгорукова (генерал-губернатора), а вечер провел опять в театре. Таким образом, три вечера сряду я любовался превосходной здешней русской труппой. Наслаждение это для меня – редкость, в Петербурге мне не случается бывать в театре по целым годам.

23 августа. Суббота. Вчера после утреннего маневра и доклада объехал я некоторые из московских заведений военного ведомства; обедал у государя; в 8 часов вечера назначен выезд из Москвы.

26 августа. Вторник. Петербург. Приехал сюда в субботу утром, на другой день ездил в Царское, чтобы представиться императрице по случаю приезда и поздравить великого князя Владимира Александровича. Возвратился оттуда вместе с дочерью Лизаветой; обедали дома в маленьком кружке хороших приятелей.

Вчера, в понедельник, провел всё утро в военно-учебных заведениях, которые посещаю всегда с удовольствием.

Сегодня ездил в Царское по случаю доклада и годовщины коронации. Государь очень обрадован вчерашней телеграммой генерала Кауфмана о поражении, нанесенном им коканцам 22-го числа. Судя по телеграмме, дело необыкновенно удачное: неприятеля было будто бы до 30 тысяч, потеря его неисчислима, трофеями осталось 39 пушек и фальконетов, у нас же убитых всего 1 штаб-офицер и 5 нижних чинов. С трудом верится таким легким победам. Барон Жомини справедливо заметил, что подобные победы приносят вред войскам, которые при встрече с серьезным противником бывают озадачены непривычным отпором.

Государь слишком поддается обаянию таких успехов и спешит расточать награды, не дождавшись даже обстоятельного донесения о бывшем деле. Поспешность эта не раз вводила в ошибочную и несправедливую оценку оказанных заслуг. Но государю доставляет удовольствие награждать и оказывать милости, особенно за военные отличия.

30 августа. Суббота. Доклад в вагоне, на пути из Царского Села в Петербург. Затем обычное торжество в Александро-

Невской лавре. [В четверг я счастливо избег серьезной опасности: приехав в Царское Село, едва я вошел в коляску и прежде чем сел, лошади дернули и я полетел из коляски головою вниз, ударился о мостовую лбом, одним коленом и кистью руки. К удивлению, не было других последствий, кроме ссадин, которые, конечно, не помешали мне немедленно явиться к государю с докладом.]

По возвращении домой принимал я кашгарского посланца Якуб-хана, приехавшего в Петербург через Константинополь. Этот азиатский дипломат показался мне человеком разумным, без того коварного и хитрого выражения, которое присуще большей части азиатцев.

9 сентября. Вторник. Симеиз. Вот опять я в своем тихом приюте, вдали от треволнений официальной и придворной жизни.

В самый день отъезда государя из Царского Села, 31 августа, совершилось с обычной торжественностью крещение новорожденного великого князя Александра Владимировича. Я возвратился в Петербург только в 3 часа пополудни, а в 6 часов вечера был уже на станции Николаевской железной дороги. От Колпина, куда прибыл государь, поезд тронулся в 7 часов; на другой день утром мы проехали через Москву, не останавливаясь, и к 2 часам пополудни были в Туле. Здесь сделали остановку. Государь быстро обошел оружейный завод, которому разрешил присвоить наименование «императорского».

С Тулы нас преследовала дождливая погода; 2 сентября, когда мы приехали в Конотоп и оттуда в экипажах в Батурин, всё время шел проливной дождь; пришлось отменить назначенный на тот день смотр собранной в лагере под Батурином 5-й пехотной дивизии с ее артиллерией. На другой день погода прояснилась, смотр состоялся совершенно удачно, и вслед за тем произведен небольшой маневр, а в 4 часа мы были уже опять в Конотопе на железной дороге.

В тот же день, 3 сентября, царский поезд прибыл в 10 часов вечера в Киев, где государь оставался три дня. Утреннее время проходило в смотрах, учениях и в объезде разных заведений; затем парадные обеды во дворце; вечера же заканчивались в опере, весьма удовлетворительной для провинциального города.

6-го числа вечером государь выехал из Киева, 7-го, в воскресенье, к 7 часам утра мы были уже в Одессе, на пароходе. После обычных встреч государь посетил собор, слушал обедню в институте, присутствовал при открытии нового городского сада, названного Александровским, и, наконец, произвел смотр собранным в лагере войскам. В 3 часа пароход снялся с якоря, и, после довольно спокойного плавания, мы были 8-го числа в 7

часов утра в Ялте.

В течение всей недели, проведенной в пути, не произошло ничего замечательного, кроме, разве, телеграфных известий, получаемых по нескольку раз в день от генерал-адъютанта Кауфмана о ходе дел в Кокане. На занятие Кокана нашими войсками уже последовало предварительное высочайшее соизволение, но сам Кауфман воздержался пока от такой меры; он предпочел возвести на Коканское ханство одного из сыновей прежнего хана Худояра. Тем не менее решено в подкрепление войскам Туркестанского округа сформировать новые два батальона и командировать четыре сотни оренбургских и уральских казаков.

Свиту государя в настоящую поездку составляют, кроме меня, генерал-адъютант Потапов, генерал-адъютант Посьет (в качестве министра путей сообщения), Амбургер как чиновник Министерства иностранных дел и лица постоянного путевого персонала: генерал-адъютант Рылеев, генерал-майор Воейков, Салтыков, доктор Карель, генерал-майор Вердер, прусский агент, и проч. Кроме того, присоединялись временно: в пределах Киевского округа – генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков (киевский генерал-губернатор), а на пароходе от Одессы до Ялты – генерал-адъютант Семека (командующий войсками Одесского округа). [Таким образом, общество наше было мало интересно.]

По приходе парохода в Ялту я просил у государя позволения отдохнуть среди своей семьи и получил отпуск на два месяца. Однако же прежде чем отправиться к семье, я должен был бóльшую часть дня сперва заезжать в парадной форме к великим князьям Михаилу Николаевичу и Константину Николаевичу, поселившимся в Ай-Тодоре и Орианде, а потом встречать на ялтинской пристани императрицу, прибывшую из Севастополя на пароходе «Эреклик». Только к 8 часам вечера добрался я до Симеиза.

Сегодня произведен мною общий осмотр нашего обзаведения. Работы в доме продолжаются по-прежнему довольно вяло, многое еще недоделано. К устройству сада только что приступили. К сожалению, недавние ливни и сильные ветры причинили много повреждений и на дорогах, и в саду, и даже в самом доме. В постройке выказались многие серьезные недостатки, требующие исправления.

Семью свою застал в тесном помещении, в нескольких маленьких комнатках верхнего этажа, однако же все-таки несколько удобнее прежнего, по крайней мере теперь уже не приходится ежедневно ездить обедать в Алупку.

9 октября. Четверг. Ровно месяц наслаждался я полным

отдыхом в своей семье. День за днем протекали незаметно в прогулках, чтении, надзоре за постройками и другими работами. По временам фельдъегеря из Ливадии и Петербурга привозили бумаги, письма, газеты. Посещали нас соседи, которым приходилось отдавать визиты. Раза три ездил я в Ливадию, навещал приехавшую из-за границы старшую дочь мою, которая встревожила нас своим падением с лошади, оставившем по себе довольно серьезные следы.

Почти во всё время погода была холодная и дождливая. Несколько раз случались даже сильные ураганы; в горах, к общему удивлению, выпал снег. Впрочем, не у нас одних замечается в нынешнем году что-то ненормальное в природе; везде холода, ливни, во многих местностях большие наводнения.

С возвращением старшей моей дочери из-за границы, другая дочь, Ольга, осталась в Бадене с близкими нашими друзьями – Марией Николаевной Вельяминовой и молодой княжной Лидией Дмитриевной Вяземской, больной племянницей ее. Еще в прошлом месяце получил я от дочери письмо, в котором она просила, чтобы я приехал за нею и отвез назад в Россию. Тогда же приготовился я к поездке за границу. Теперь получаю известие, что дочь вместе с княгиней Вяземской и княжной Вельяминовой уже переехала в Ниццу, куда и приходится ехать теперь мне. Со мною едет и дочь Надежда, очень дружная с бедной больной княжной Лидией.

Сегодня покидаем мы свой безмятежный приют. Заеду еще раз в Ливадию проститься со старшей дочерью, переночую в Ялте, а завтра утром сядем на пароход.

13 октября. Понедельник. Вена. В пятницу, 10-го числа, переночевав в Ялте, отправился с дочерью Надеждой на пароходе «Михаил» в Одессу. Переход морем был сносный. В Одессе пробыли несколько часов, которые потратили на разные покупки и справки; в 9 часов вечера (11-го числа) выехали по железной дороге на Волочиск. Погода была скверная, а с переездом через границу нашли в Галиции настоящую зиму: всё кругом покрыто снегом; мы могли вообразить, что едем в окрестностях Петербурга, да не в октябре месяце, а в ноябре или декабре. Только с приближением к Вене увидели поля, свободные от лежавшего недавно снега; однако же и здесь дождь, слякоть, холодный ветер. Остановились на один день в гостинице «Hôtel Impérial». Завтра намерены осмотреть город и сделать кое-какие покупки.

21 октября. Вторник. Ницца. Пробыв в Вене весь день 14-го числа (вторник) и утро следующего дня, мы выехали в среду (15 октября) во втором часу пополудни по железной дороге через

Зиммеринг в Венецию, куда прибыли 16-го в третьем часу дня. По всему пути преследовало нас ненастье; в Венеции же за несколько часов до нашего приезда город был наводнен морской водой, которая поднялась так высоко, что мы нашли еще лужи на мозаичном полу базилики Святого Марка. В пятницу погода поправилась, и мы любовались красотами Венеции, насколько было возможно в короткое время до отхода поезда в Милан.

Железные дороги в Италии не отличаются исправностью движения, каждый день испытывали мы невыгоды беспорядочной эксплуатации их: вместо 11 часов вечера приехали в Милан в 2 часа ночи, так что едва достучались в «Hôtel Cavour». В Милане пробыли весь день субботы, осмотрели кое-что из наиболее замечательного в городе и провели вечер у наших приятелей Прянишниковых.

В воскресенье, 19-го числа, выехали в 7 часов утра по дороге в Ниццу, через Геную. В этот день опять мы испытали неприятности неисправного движения на итальянских дорогах, а также неудобства таможенного устройства на французской границе. Поезд наш опоздал на 4 часа, в Ниццу прибыли около часа ночи и опять не достучались в гостинице («Hôtel de Nice»). Только тогда отворили нам дверь, когда дочь моя, услышав наши голоса, вскочила с постели и разбудила прислугу.

Свидание мое с дочерью после 7 месяцев разлуки было, конечно, большой радостью для нас обоих. Я нашел здоровье ее в удовлетворительном состоянии. Живет она в семье Вельяминовых и Вяземских как среди близких родственников. Грустно мне было увидеть бедную княжну Лидию Вяземскую, которая вынесла столько страданий, что сделалась более похожей на мертвеца, чем на молодую, красивую девушку, какой была несколько месяцев назад. С трогательной заботливостью ухаживают за больной тетка, брат и дядя. В течение целого дня вся семья только и занята больной.

2 ноября. Воскресенье. Прожив здесь ровно две недели, покидаю сегодня Ниццу. Обе дочери, Ольга и Надежда, остаются здесь в семействе Вяземских и Вельяминовых. Было бы рискованно для Ольги подвергаться перемене климата в теперешнее время года. Если б не грустная обстановка, среди которой я провел время в Ницце, можно сказать, у кровати умирающей, то двухнедельное пребывание в этой благословенной местности было бы для меня истинным наслаждением.

9 ноября. Воскресенье. Петербург. Вот я снова у себя дома. В одну неделю резкий переход: от температуры $+22^{\circ}$ в тени к полной зиме с -10° мороза, снегом, обледеневшей рекой, санями, шубами, от полного *dolce far niente*[61] к непрерывной и

напряженной обязательной работе.

В Париже я пробыл двое суток; много ходил по городу, много видел знакомых и, усталый, выехал из Нового Вавилона в среду вечером; проехал Берлин не останавливаясь и вечером в субботу, то есть вчера, возвратился к своим пенатам. Сегодня же – уже был в Царском Селе, представился наследнику и цесаревне.

В Петербурге главный предмет разговора со вчерашнего дня – высылка Числовой – любовницы великого князя Николая Николаевича. Сам он вызван был внезапно в Ливадию, откуда ему велено ехать на Кавказ и там провести некоторое время, пока возлюбленная его будет удалена из Петербурга. Арбитральное это распоряжение признано необходимым для прекращения открытого скандала и предохранения великого князя от разорения. Сегодня был у меня генерал Трепов, который рассказал мне всю эту драму. Потапов, с которым я ехал в Царское Село, прислан сюда из Ливадии со словесным высочайшим повелением по этому делу.

Из Крыма получил сведения не совсем успокоительные относительно здоровья старшей дочери, которая до сих пор не может оправиться от ушиба при падении с лошади. Однако ж вечером получил я от государя следующий ответ на мою телеграмму, которой спрашивал высочайшего соизволения на вступление в должность: «Разрешаю вступить в должность. Радуюсь новым молодецким успехам Скобелева (в Кокане). Дочери твоей, благодаря Бога, лучше. Надеюсь воротиться 22-го утром».

22 ноября. Суббота. Две недели провел я спокойно, в служебных занятиях. 20-го числа приехали из Крыма сын и младшая дочь, а сегодня утром встречал на станции Николаевской железной дороги их величества и приехавшую с ними старшую мою дочь.

Немедленно по приезде государя я был приглашен к его величеству с докладом. Государь находился в хорошем расположении духа, выражал удовольствие по поводу последних военных действий в Кокане и довольно равнодушно выслушал мои доклады о некоторых не очень приятных случаях и вопросах. Между прочим я представил государю письма генерала Кауфмана, который, по совершенно расстроенному здоровью, настоятельно просит об увольнении его от должности. Государь согласился на эту просьбу, но отложил окончательное решение до ожидаемого приезда Кауфмана в Петербург. Немедленно же я телеграфировал генералу о дозволении прибыть сюда.

Сегодня было в Государственном совете довольно тяжелое заседание Соединенных департаментов по выработанному особой

комиссией (под председательством статс-секретаря Сельского) проекту изменений в паспортных правилах. Дело это вызвало продолжительные прения, в которых и я принял участие, указав на многие слабые стороны проекта; меня поддержали многие члены, но заседание, длившееся до 5 часов, не привело к окончательному заключению. Положено продолжать прения в будущую субботу.

23 ноября. Воскресенье. Репетиция предстоящего парада георгиевских кавалеров в Михайловском манеже.

25 ноября. Вторник. Вчера была встреча на станции железной дороги прусского принца Карла (с принцессой Марией-Луизой-Александрой), а сегодня – австрийского эрцгерцога Альбрехта. Оба приехали как георгиевские кавалеры.

26 ноября. Среда. Празднование дня Святого Георгия совершилось с обычной торжественностью. За обедом государь и эрцгерцог провозглашали тосты и произносили речи в смысле дружественных отношений между тремя соседними империями. Невольно вспомнил я и сказал своей соседке за столом, что перед самой Крымской войной Наполеон III произнес пресловутую фразу: «L'empire c'est la paix»[62].

27 ноября. Четверг. После доклада у государя я заехал к государственному канцлеру, который только недавно возвратился из-за границы. Каждый год он дает себе отдых в продолжение почти 7 месяцев и возвращается к посту в конце ноября с обновленными силами. Такое продолжительное отсутствие казалось несколько странным в нынешнем году, при затруднительных политических обстоятельствах. Князь Горчаков во всё пребывание свое за границей не занимается делами. Говорят, он всё ожидает, чтобы его вызвали как спасителя, без помощи которого обойтись нельзя; но он ошибся и ныне, как ошибался в прежние годы при подобных же обстоятельствах: государю приятно показать, что он сам лично ведет дипломатические дела без помощи советников.

Так велось до сих пор лично государем и сложное дело по поводу восстания в турецких областях (Герцеговине и Боснии). При первом моем свидании с князем Горчаковым после продолжительного отсутствия его, разумеется, речь зашла прежде всего об этом деле. Я спросил мнение государственного канцлера о том, можно ли надеяться, что герцеговинские дела разрешатся без военного вмешательства других держав. Князь Горчаков, как и следовало ожидать, дал понять, что без него дело было несколько испорчено, но теперь, взяв его в свои руки, он надеется всё уладить и не довести до военного вмешательства.

Государственный канцлер с самодовольством говорил о своих

беседах в Веве с Тьером и Деказом (французским министром иностранных дел, нарочно приезжавшим туда для свидания с князем Горчаковым), а потом в Берлине с Бисмарком. Я не догадался спросить, правда ли то, что рассказывают в городе: будто князь Горчаков, расставаясь с Бисмарком (который, как известно, иногда заявлял, что считает себя учеником князя Горчакова), отпустил такую остроту: «J'éspère que mon cher Raphaël n'oubliera pas son Peruggino»[63].

Сегодня был назначен большой парад войскам на Марсовом поле, но его отменили по случаю сильного мороза.

29 ноября. Суббота. Сегодня я не имел доклада по случаю охоты, на которую государь пригласил своих иностранных гостей. Соединенное присутствие департаментов Государственного совета имело вторичное заседание по делу о паспортной системе; сидели мы опять до пятого часа, но дело подвигается туго.

Получено из Харькова печальное известие о смерти генерал-адъютанта Карпова после тяжелой болезни. Карпов был один из немногих остающихся в живых товарищей моих по Гвардейскому генеральному штабу. Мы были дружны с ним и с его семьей более 30 лет, иногда живали вместе. В молодых летах он был преподавателем тактики, учил в разных учебных заведениях и в Академии Генерального штаба, давал уроки великим князьям, а в 60-х годах был назначен на место генерала Филипсона начальником Главного штаба на Кавказе. Впоследствии, принужденный оставить тот край, был членом Военного совета и, наконец, командующим войсками Харьковского округа. Это был прежде всего человек честный, правдивый, здравого ума. Грустно видеть, как мало-помалу сходят в могилу один за другим сверстники мои, с которыми связаны воспоминания молодых лет.

30 ноября. Воскресенье. При докладе государю перебирали разных кандидатов для замещения генерала Карпова в Харькове. Выбор государя остановился на графе Сумарокове-Эльстоне, давно жаждущем назначения.

Сегодня был большой парадный обед во дворце по поводу праздника в честь ордена Святого Андрея. Приглашены были андреевские кавалеры и иностранные гости.

2 декабря. Вторник. После доклада у государя я зашел к эрцгерцогу Альбрехту, желавшему видеться со мной. Едва мы разговорились о некоторых подробностях военного дела, как вошел наследник цесаревич, и я поспешил удалиться.

3 декабря. Среда. В 10 часов утра я представлял эрцгерцогу Альбрехту начальника и профессоров Академии Генерального штаба по случаю поднесения ему звания почетного члена Академии. Генерал-лейтенант Леонтьев прочел составленный на

французском языке адрес, в котором вспоминалось о заслугах отца эрцгерцога Альбрехта – известного полководца эрцгерцога Карла, числившегося также почетным членом нашей прежней Военной академии. Эрцгерцог Альбрехт отвечал французской же речью и был очень любезен; в тот же день около 2 часов он сам посетил Академию и пробыл в ней более часа.

С эрцгерцогом Альбрехтом можно вести серьезный разговор обо всех предметах военного дела, но сегодня наша беседа несколько вышла из военной сферы и перешла на политику. Мы коснулись щекотливого вопроса о нынешнем восстании славян в Турции. Эрцгерцог выразил полную надежду на поддержание единства в действиях трех императорских кабинетов, а вместе с тем и на сохранение мира в Европе.

Вечером получил я телеграмму из Крыма с прискорбным известием о вчерашней страшной буре, которая сорвала с нашего дома почти всю крышу. Бедная жена должна быть крайне озабочена и огорчена. Невзгода эта может еще надолго задержать ее в Крыму.

7 декабря. Воскресенье. В пятницу, 5-го числа, мы простились с эрцгерцогом Альбрехтом, который уехал в Вену.

Вчера опять заседание Соединенных департаментов Государственного совета по делу о паспортах, и опять те же бесплодные споры, то же толчение воды. Не решаются прямо сказать, что проект, составленный государственным секретарем Сольским, никуда не годится. Однако ж когда я позволил себе выразить нечто близкое к этому, оказалось, что почти все были того же мнения.

Известия из Крыма успокоительны; приняты меры к исправлению повреждений в доме, но продолжаются жалобы на небывалый холод.

18 декабря. Четверг. Сегодня было заседание Совета министров для окончательного решения вопроса о направлении Сибирской железной дороги. Наш добродушный министр путей сообщения Посьет с помощью своего союзника Мельникова прилагал все усилия, чтобы защитить северное направление (от Ярославля на Вятку и Пермь), но в Совете никто не поддержал их; даже патриарх бывшего железнодорожного комитета граф Строганов, приглашенный в Совет как авторитет в таком деле, стал на сторону южной линии. После объяснений Рейтерна, Абазы, Валуева и моих государь объявил, что остается при прежнем своем мнении и утверждает окончательно южную линию. Решение это вызовет общее удовольствие в публике.

20 декабря. Суббота. Второй день празднуем юбилей – 50 лет, протекшие со времени назначения государя шефом лейб-

гвардии Павловского полка. Вчера утром была сначала прибивка знамени, данного вновь сформированному 4-му батальону этого полка, причем государь обратился к собравшимся служащим и служившим в полку с прочувствованной речью; затем молебствие и парад в манеже, а потом большой обед в Зимнем дворце. Сегодня же государь посетил казармы Павловского полка, где приготовлен был обед нижним чинам, служащим и служившим в полку, а также завтрак для офицеров. Мы обошли все казармы при оглушительных криках «ура!», а затем за роскошным завтраком провозгласили обычные тосты. Само собой разумеется, были щедрые награды, в том числе назначение разом четырех флигель-адъютантов.

Торжества этого рода отнимают много времени от серьезного дела, они повторяются слишком часто и потому обратились в какую-то формальность. Несмотря на это, для войска они все-таки имеют свое значение – как средство, которым пользовались с давних времен наши государи и члены царской семьи для поддержания нравственной связи с войсками (конечно, преимущественно гвардейскими).

27 декабря. Суббота. Только на днях (24-го числа) приехала наконец из Крыма моя жена с одной из дочерей и племянницей. Они много натерпелись и в Крыму, и на пути от необычайных холодов, бурь и непогод.

В самое Рождество приехал из Варшавы фельдмаршал князь Барятинский. Как ни желал бы я избегнуть встречи[64] с ним, однако ж должен был соблюсти внешнее приличие и сегодня, после доклада, пошел в занимаемое им во дворце помещение с намерением расписаться в книге посетителей. Но попал я неудачно: фельдмаршал был у себя и принял меня. Встреча с ним для меня крайне тяжела, мне даже неприятно подавать руку человеку, который из каких-то своих личных затей не устыдился писать пасквили на того, кто был в продолжение нескольких лет его правой рукой[65]. К счастью, мы не были с глазу на глаз, я застал у него князя Горчакова, так что после нескольких минут общего разговора смог уйти без всяких объяснений. Для чего он приехал в Петербург – никто не знает. Не затевает ли опять какой-нибудь интриги?

29 декабря. Понедельник. Вчера был у нас в доме спектакль; молодежь забавлялась от души, и после представления затеяли экспромтом танцы, продолжавшиеся до трех часов ночи.

31 декабря. Среда. Вот и 1875 год канул в вечность. Завтра вступаем в новый год: каков он будет? Лучше или хуже прожитого? Вот обычные вопросы, которые задает себе каждый, переходя этот условный рубеж времени. Лично для меня

истекший год не представляет ничего выдающегося; я не могу назвать его ни особенно благополучным, ни несчастливым. С одной стороны – продолжительная разлука с семьей, болезни дочерей, мелкие невзгоды хозяйственные; с другой же стороны – большее, чем в прежние два года, спокойствие душевное, что, конечно, имеет в жизни первостепенное значение.

1876 год

1 января. Четверг. По заведенному порядку, явился я сегодня к государю с громоздким багажом разных отчетов. Представляя краткий свой отчет за 1875 год, я доложил, что будущий, 1876 год начинается для Военного министерства при благоприятных в финансовом отношении условиях, потому что от предыдущих смет открылись значительные и совершенно неожиданные сбережения, позволяющие исполнить в наступившем году многие из предположенных мер для развития наших вооруженных сил, но подробный доклад по этому предмету будет представлен особо. Государь был явно доволен таким заявлением и вообще в последнее время был в отношении ко мне любезен и внимателен.

Объехав все дворцы с поздравлениями, то есть записав свое имя у всех швейцаров, я должен был еще поздравить юбиляра – князя Суворова, который сегодня празднует 50-летие службы. Я застал у него множество посетителей; небольшая зала его квартиры была набита битком; депутации от разных учреждений, обществ, городов одна за другой подносили ему адресы, и он с самодовольствием обнимался то с одним то с другим. Казалось, в самом деле чествуют мужа государственного, оказавшего важные услуги. Можно ли после того придавать серьезное значение всем подобным манифестациям в нашей официальной жизни?

4 января. Воскресенье. Опять военные торжества и церемонии, повод к тому – выдача нового знамени вновь сформированному 4-му батальону лейб-гвардии Финляндского полка. Вчера была прибивка знамени во дворце великого князя Константина Николаевича, шефа полка, а сегодня – освящение знамени с обычным по этому случаю молебствием и парадом в Манеже.

Новый год начался погребальными церемониями. Почти в одно время скончались граф Армфельд (министр – статс-секретарь Великого княжества Финляндского), генерал-адъютант Краббе и граф Модест Андреевич Корф. Первые два долго страдали, и смерти их ожидали ежедневно. Особенно для Краббе надобно было желать скорейшей кончины, потому что под конец жизни он впал в идиотическое состояние, едва узнавал людей, не мог произнести ни одного слова, а между тем по временам приходил в ярость и с последними остатками прежней силы вымещал свою злобу на прислуге и врачах. Напротив, граф Корф умер тихо, как будто заснул, от старческой слабости.

Эти два человека – Краббе и Корф – были две

противоположности в нравственном отношении: один – топорный, малообразованный, другой – с высокой культурой и государственным умом; один – грубый до цинизма, шутник, сквернослов, другой – олицетворение деликатности, приличия в формах и речах. Краббе прикрывал свою хитрость и изворотливость постоянным юмором и паясничанием; никто не говорил с ним серьезно, а между тем он сумел забрать в свои руки всё морское ведомство, сделаться правой рукой генерал-адмирала Константина Николаевича и пользовался расположением всех членов императорской фамилии.

Граф Корф всю жизнь провел за кабинетной работой; много важных дел государственных прошло через его руки и по званию государственного секретаря, и по заведыванию II Отделением Собственной е. в. канцелярии, и по председательству в Департаменте законов; он был человек тонкий, обладал способностью хорошо говорить и писать; но, воспитываясь в школе Сперанского и Блудова в эпоху Николая I, барон Корф, как и все современные ему государственные люди, отличался ловкостью в ведении дела, прилаживанием к чужим взглядам и неустойчивостью собственных убеждений. До высших чинов и званий он оставался ловким чиновником и потому не пользовался тем уважением, которого заслуживал по своим способностям, образованию и уму.

[Никогда не забуду фразы, сказанной им раз в Государственном совете. Когда по какому-то делу, поступившему в Общее собрание через департамент законов, барон заметил, что председатель, великий князь Константин Николаевич, не одобряет заключения департамента и некоторые члены также говорят против него, то он спокойно встал и своим мягким голосом объявил: «Всё, что до сих пор я слышал, не убеждает меня… в необходимости остаться при моем мнении». Это отречение от своего мнения было высказано так плавно и спокойно, что многие из членов Совета, не имеющие привычки скоро схватывать смысл слышанных слов, не поняли настоящего значения высказанных Корфом слов и почти готовы были удивиться его гражданскому мужеству.]

5 января. Понедельник. Сегодня состоялось погребение графа Корфа в Александро-Невской лавре. Государь был утром на выносе из дома, а в лавру не приехал; от этого отпевание происходило без особенной торжественности; съехалось не много народу, и мне казалось, что тень государственного мужа, целую жизнь искавшего почестей, обижена невниманием к почившему. Даже товарищ графа Корфа по выпуску из лицея князь Горчаков не почтил покойника своим присутствием.

7 января. Среда. Каждый день что-нибудь заставляет терять время и отвлекает от дела. Вчера по случаю праздника Крещения бóльшая часть утра проведена во дворце; обычный выход на иордань обошелся благополучно благодаря довольно теплому времени (градуса 2 мороза). Сегодня же весь день был занят разными церемониальными обязанностями: утром погребение адмирала Краббе и поздравление князя Николая Сергеевича Голицына с 50-летним юбилеем, а вечером – свадьба молодого офицера гвардии Финляндского полка Иванова, пасынка моего брата Бориса.

Генерал-лейтенант князь Голицын[66] – почтенный, высоконравственный человек. Я знаю его с 1835 года, когда учился в Военной академии, он же был тогда адъюнкт-профессором по кафедре стратегии и военной истории и составлял по лекциям барона Медема записки, отличавшиеся сухостью и длинностью.

По выходе моем из Академии я принимал некоторое время участие в составлении князем Голицыным полного курса военной истории, от древнейших времен до наших дней. На мою долю досталась Тридцатилетняя война; но я недолго оставался участником этой работы: уезжая на Кавказ, я предоставил подготовленную мною статью в полное распоряжение главного редактора и позабыл совсем о предпринятом составлении Курса военной истории; да и сам князь Голицын должен был покинуть эту пенелопину работу, получив место директора Училища правоведения.

Лет пять тому назад, то есть по прошествии более 30 лет после прекращения работы, князь Голицын задумал вернуться к ней и докончить ее единоличным трудом. Когда он заявил мне об этом намерении, признаюсь, я усомнился в осуществлении такого обширного предприятия. И что же? С тех пор он ежегодно печатает по нескольку томов, так что теперь уже появилось томов 8 или 9. Читать эту сухую компиляцию, конечно, невозможно; но труд добросовестный и по крайней мере может служить справочной книгой. Не могу не преклониться перед такой выдержкой и усидчивостью.

Сегодня, приехав к князю Николаю Сергеевичу с поздравлением, я с удовольствием припоминал ему давнопрошедшие времена и выражал с искренностью удивление мое его постоянству и терпению. Замечательно, что он с тех же времен не только не изменил своего образа жизни, но даже живет в той же самой квартире, в доме Анненской церкви. Это тип своего рода. Последние 10 или 12 лет он добросовестно исполнял обязанность председателя в учрежденной мною Комиссии для

раздачи пособий отставным военнослужащим и семействам их.

9 января. Пятница. Бóльшую часть утра провел в клинике баронета Вилье, составляющей часть Медико-хирургической академии. Слушал лекции Красовского, Боткина и Корженевского, обходил их больных и присутствовал при операции Красовского над женщиной, у которой посредством прокола выпущено из живота громадное количество жидкости. Вильевская клиника выстроена уже при мне; это прекрасное лечебное заведение, устроенное со всеми удобствами и для больных, и для профессоров.

Перед обедом было у меня совещание с генерал-адъютантом Кауфманом, Крыжановским, графом Гейденом и генерал-лейтенантом Богуславским по делам туркестанским: о средствах к усилению войск в том крае ввиду необходимого занятия всего ханства Коканского. Последние известия оттуда подтверждают неизбежность этой меры, несмотря на всё сопротивление со стороны Министерства иностранных дел.

После совещания участвовавшие в нем остались у меня к обеду.

10 января. Суббота. Утром доклад, потом заседание Соединенных департаментов Государственного совета по делу о новом положении найма рабочих и прислуги. По всему видно, что дело это протянется долго и потребует немало заседаний. Решено собираться по два раза в неделю. Не знаю, откуда я возьму время. Мне не удалось устранить себя от этого дела, мало касающегося военного ведомства.

Вечером был приглашен к генералу Баранцову на бал, а после того ездил к новому турецкому послу Кабули-паше, у которого назначен был официальный прием. Я приехал, когда уже никого не было; вообще, говорят, съезд был не блестящий.

15 января. Четверг. Получена телеграмма из Ташкента о новом успехе наших войск против коканцев: генерал-майор Скобелев овладел Андижаном, где сосредоточились враждебные нам скопища кипчаков[67] Абдурахмана Автобачи. Судя по телеграмме, наши войска овладели городом без больших потерь; штурм был подготовлен продолжительным бомбардированием.

С этой телеграммой явился я к государю вместе с генералом Кауфманом. Пользуясь случаем, я доложил государю представление Кауфмана о необходимости окончательного занятия всего ханства Коканского и выработанное вместе с ним предположение о средствах к усилению войск Туркестанского края. Государь изъявил согласие на занятие Кокана предстоящей весной и поручил нам, мне и Кауфману, объявить об этом решении государственному канцлеру, который постоянно

противился и противится всякому распространению наших владений в Азии. Меры к усилению войск также утверждены.

Я имел сегодня еще затруднительный доклад относительно военно-судной части, на которую повторяются по временам нападки со стороны строевых начальников, поддерживаемых в этом отношении молодыми великими князьями. Такие же нападки выдерживает и гражданское судебное ведомство; на военный суд жалуются с точки зрения мнимого нарушения дисциплины; из-за этого готовы поколебать все основания нового суда. При последнем моем докладе, во вторник, государь прочел мне письмо великого князя Михаила Николаевича, который пишет, что всё было бы на Кавказе благополучно и прекрасно, если б не военный суд, который навлек на себя неудовольствие августейшего главнокомандующего двумя своими решениями.

По этим-то двум делам я и должен был представить объяснения, а также еще по третьему делу, которое еще в 1874 году производилось в Петербурге над одним гвардейским солдатом и возбудило негодование наследника цесаревича и великого князя Владимира Александровича. Рассмотрев все эти три дела, я не нашел в них ничего неправильного или ошибочного и вынужден был в этом смысле объяснять всё государю, в присутствии обоих великих князей, которые вмешались в дело очень горячо и заставили также и меня погорячиться. Они не имеют ни малейшего знания о юридической постановке вопросов, хотя Владимир Александрович несколько лет заседал в Сенате. Государь скорее усваивает представляемые ему объяснения и, несмотря на свое предубеждение против нового военного суда, не настаивал на своем прежнем взгляде. Тем не менее все эти препирательства явно были ему неприятны.

Уже был 1-й час, когда мы с Кауфманом приехали к государственному канцлеру. По обыкновению своему, он принял нас любезно, с шуточками, даже без неудовольствия выслушал привезенное нами известие о решении государя относительно Кокана и, не слишком внимательно войдя в наши объяснения, предпочел прочесть вслух отправленную им на днях в Вену инструкцию нашему послу Новикову относительно турецких дел, в особенности же Черногории.

В час пополудни приехал я в Государственный совет, в заседание Соединенных департаментов по делу о найме рабочих. Заседание это имело особый характер: приглашены были в качестве экспертов некоторые из лиц, принимавших участие в разработке проекта под председательством Валуева. От них мы должны были выслушать объяснения по основным вопросам, постановленным в предшествующем заседании. В числе этих

экспертов были: петербургский предводитель дворянства граф Андрей Павлович Шувалов, московский предводитель граф Бобринский, известный строитель мостов и заводчик инженер-полковник Струве, московский гласный Наумов и еще несколько других. Показания этих лиц были довольно интересны; почти все говорят складно и толково. Вообще, сегодняшнее заседание выходило из ряда обыкновенных сухих заседаний департаментов Государственного совета.

16 января. Пятница. Сегодня на Дворцовой площади был смотр большей части войск Петербургского гарнизона. После смотра все начальствующие лица были приглашены во дворец к завтраку.

Киевский генерал-губернатор князь Дондуков-Корсаков (который некогда был в числе коноводов враждебной мне партии) вошел ко мне крайне взволнованный, бросился мне на шею, рыдая и с трудом высказывая свое горе. Я был крайне удивлен такому патетическому состоянию его, пока не понял, в чем дело. Оказалось, старший сын его, которого он и жена его обожали, едва только произведенный в офицеры Кавалергардского полка, на 22 году, тайно женился на какой-то певице, десятью годами старее его, и вследствие того должен был выйти в отставку. Отец и мать в отчаянии, не хотят видеть сына, хотя и сознают, что он поступил как легкомысленный и слабохарактерный мальчишка, которого провела хитрая и ловкая женщина. Князь Дондуков приехал ко мне прямо от государя, у которого он просил помилования сыну за противозаконное вступление в брак на службе и определения его снова на службу в армию.

Тяжело было видеть огорченного отца; я обещал ему всё содействие, какое от меня зависит в этом щекотливом деле.

17 января. Суббота. В числе дел, о которых я докладывал сегодня государю, было проектированное особой комиссией положение о воинской повинности в Финляндии. Проект этой комиссии, состоявшей исключительно из одних финляндцев, прислан был на мое заключение. В заготовленном отзыве моем я должен сделать много замечаний и возражений, но в особенности восстать против общего направления этого проекта, создающего новую армию, совершенно независимую от центрального правительства империи и не имеющую ничего общего с Русской армией. Такой отзыв я не решился подписать, не удостоверившись в том, что смысл его согласен с взглядом государя. Он одобрил его безусловно и даже сказал, что сам не раз высказывал финляндцам те же самые мысли.

После доклада я поспешил навестить князя и княгиню Дондуковых, чтобы объявить им об окончательном разрешении

государя определить снова на службу сына их, не ожидая истечения годичного срока, и не поднимать дела о противозаконной женитьбе.

Сегодня было опять заседание Соединенных департаментов Государственного совета по делу о найме рабочих, с участием тех же экспертов.

20 января. Вторник. Опять горячие прения в Комитете министров по поводу представленного государственным контролером во всеподданнейшем отчете обвинения Военного совета в неправильных решениях по одному пустому подрядному делу (в Виленском округе, в период 1867–1870 годов). Не в первый раз поставленный в необходимость отстаивать права Военного совета и опровергать универсальную компетентность Государственного контроля, я старался быть сколько можно хладнокровным и спокойным; однако ж не выдержал роли и, по мере того как говорил, чувствовал сам, что невольно горячусь и не достигаю своей цели. И нынешний контролер (Грейг), и прежний (Абаза), а также Рейтерн упорно отстаивали неограниченные права Государственного контроля во всё вмешиваться и быть судьей во всех делах и распоряжениях кого бы то ни было. Валуев попробовал вмешаться в прения в смысле примирительном. Кончилось тем, что дело, подавшее повод к этим прениям, было отложено до другого заседания.

Сегодня происходили похороны рижского генерал-губернатора князя Багратиона. Я не был на этой церемонии, так как имел доклад у государя, а потом следовало быть в Комитете. Во время доклада государь заговорил о князе Багратионе и сказал: «Теперь надобно подумать, кем заменить его». Я позволил себе отвечать на это: «Не изволите ли признать своевременным оставить место незамещенным?» Государь не согласился с этим мнением, которое уже не раз высказывал и министр внутренних дел Тимашев. Об этом была речь еще при назначении князя Багратиона (на смену Альбединского); тогда прежний Рижский военный округ был упразднен, и можно было рассчитывать, что такое распоряжение по военной части наведет на соответственную меру и по гражданскому управлению в Прибалтийском крае; но на представление Тимашева не последовало высочайшего согласия.

Как объяснить систематическое потворство стремлениям прибалтийских немцев к сепаратизму? Неужели объяснение это заключается в одном личном сочувствии немецкому элементу, властвующему до сих пор в финском крае, завоеванном русской кровью? Надобно сознаться, что немецкие бароны так называемого «Остзейского» края, чувствуя за собой опору

германского императора, умеют хитрее и искуснее вести свои дела, чем польские иезуиты и паны, которым папа мало может оказать помощи.

Сегодня я обедал у герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого; обед был парадный, в честь гостя его, старшего брата [Фридриха-Вильгельма-Карла], совершенно слепого. Хозяева очень любезны и хорошо кормят, но до крайности скучны.

22 января. Четверг. Государь был на охоте вместе с приехавшим новым гостем – великим герцогом Мекленбург-Шверинским. Поэтому я, вместо обычного доклада, потратил свободное утро на объезд военно-учебных заведений; но потом должен был снова сидеть в заседании Соединенных департаментов по делу о найме рабочих. Заседание это происходило без участия экспертов.

23 января. Пятница. Сегодня был второй высочайший смотр на Дворцовой площади тем войскам петербургским, которые не были на первом смотру в прошлую пятницу. Погода была теплая, около 0°. Присутствовали на смотру великий герцог Мекленбург-Шверинский и принц Александр Гессенский. Всё обошлось удачно, к концу смотра были внезапно вызваны по тревоге полки Кавалергардский и Конногвардейский.

В 6 часов был большой парадный обед в Зимнем дворце. Не знаю, с какой целью и в честь кого был этот обед. Ни иностранные принцы, ни королева Ольга Николаевна не присутствовали, а приглашены были послы, все министры и некоторые высшие сановники с их женами.

Тимашев с торжеством объявил мне, что ему удалось наконец убедить государя не замещать должности генерал-губернатора прибалтийских губерний. Известие это обрадовало и удивило меня. Немцы опять поднимут тревогу.

24 января. Суббота. Доклад сегодня был продолжительнее, чем обыкновенно, за пропуском четверга. Потом было опять заседание по вопросу о найме рабочих; мы должны были выслушивать многоречивых экспертов относительно введения рабочих книжек: одни доказывали необходимость обязательного введения этого документа, другие опровергали это мнение. В окончательном выводе оказалось разногласие только в практическом применении предположенной книжки.

27 января. Вторник. В воскресенье, после развода, было у меня совещание по вопросу об устройстве железнодорожной части в военное время. Вопрос этот уже несколько лет не подвигается вперед из-за того, что Главный штаб и инженерное ведомство препираются между собой, в чьем ведении должна быть эта часть, а в последнее время еще заявило притязание и

ведомство путей сообщения. Так или иначе, приходилось рассечь узел: предложенная мною комбинация, кажется, удовлетворила все три стороны. [Железнодорожные батальоны будут в составе саперных бригад, и назначение их будет исключительно строительное; для эксплуатации железных дорог в военное время, в районе действий армии, будут формироваться в ведении инспектора военных сообщений особые команды, приготовление которых в мирное время будет возложено на попечение Главного штаба и непосредственно на состоящих при железных дорогах офицеров штаба. Ведомство же путей сообщения при мобилизации армии откомандирует требуемое число инженеров и техников в распоряжение инспектора военных сообщений, а кроме того, обязано будет устанавливать непосредственно от себя эксплуатацию железных дорог в тылу армии.] Разработка на постановленных основаниях подробного проекта распределена между Главным штабом, Главным инженерным управлением и Главным военно-кодификационным комитетом.

Сегодня после доклада я осматривал в здании Соляного городка некоторые из коллекций, предназначенных Военным министерством для филадельфийской выставки. Наше время можно назвать эпохой выставок; кроме универсальных, открываемых периодически то в одной стране, то в другой, устраиваются в течение года в разных пунктах специальные выставки. Так, в нынешнем году готовятся выставки: в Лондоне – педагогическая, в Брюсселе – санитарная, в Берне – выставка обуви! Наше Военное министерство не отстает от других и везде является экспонентом.

В Комитете министров происходило довольно продолжительное заседание: главными предметами прений были – представление министра внутренних дел об ограничении празднования юбилеев, размножившихся в последнее время до смешной мании, и представление министра путей сообщения по вопросу о концессии на Сумскую железную дорогу. Я ожидал возобновления препирательства моего с Грейгом по делу, оставшемуся нерешенным в предыдущем заседании, но об этом деле не было речи, может быть, вследствие вчерашнего моего разговора с Грейгом *a parte* в Государственном совете.

К обеду я был приглашен к их величествам.

29 января. Четверг. После доклада, продолжавшегося опять довольно долго (по случаю полученных генералом Кауфманом телеграмм о новых успехах Скобелева в Кокане), я осматривал в здании Главного артиллерийского управления предназначенные к отправлению на выставку предметы по артиллерийской части. Затем сидел опять в присутствии Соединенных департаментов

Государственного совета. На этот раз по крайней мере пришли хоть к какому-то заключению: о значении, которое следует придать в новом законодательстве «рабочей книжке». В этом спорном вопросе пришли неожиданно к единогласному мнению: рабочая книжка необязательна ни для нанимателя, ни для работника, но книжке этой следует присвоить значение документа на случай возникновения каких-либо недоразумений или столкновений между двумя сторонами, так чтобы обе они находили выгодным для себя пользоваться таким документом. В чем именно должно выражаться это полезное для обеих сторон значение рабочей книжки – об этом речь впереди, и, вероятно, предстоит еще много долгих прений по этому вопросу.

Обедали у меня сегодня генерал Драгомиров, Константин Дмитриевич Кавелин и еще кое-кто.

Возвратившись домой перед обедом, я нашел у себя на столе знаки Мекленбургского ордена Вендской короны[68]. Потом узнал, что орден этот привезен генерал-адъютантом гроссгерцога Мекленбург-Шверинского Цюловым.

30 января. Пятница. Утро провел в клиническом госпитале и на лекциях Медико-хирургической академии. Потом ездил к гроссгерцогу Мекленбург-Шверинскому благодарить за оказанный мне знак внимания. Затем принимал доклады по разным частям министерства.

31 января. Суббота. Утром было торжество 50-летнего юбилея II Отделения Собственной е. в. канцелярии; впрочем, довольно скромное.

Вечером раут у австрийского посла барона Лангенау.

3 февраля. Вторник. Вчера был на балу у наследника цесаревича.

Получены довольно важные известия из Кокана: смуты и раздоры дошли до такого предела, что обе соперничающие партии оказались вынуждены сложить оружие перед русской силой. Предводитель кипчаков Абдурахман Автобачи сдался Скобелеву; претендент на ханство Фулат-бек бежал в горы, а шайка его разбита флигель-адъютантом ротмистром Меллером-Закомельским у подошвы Каратегенских гор. В то же время из Кокана пришло приглашение Насреддин-хану вступить снова на престол; но когда он подошел к Кокану, враждебная партия напала на него, так что он едва спасся. Депутации от разных городов просят о принятии ханства в подданство русского царя.

Генерал Кауфман приехал ко мне с этими известиями, и мы согласились между собой ныне же по телеграфу испросить высочайшего дозволения разрешить генералу Колпаковскому лично ехать в Кокан и объявить народу, что Белый Царь, снисходя

к его просьбе и желая положить конец бедствиям, принимает его в свое подданство. Прежнее ханство Коканское присоединяется к Российской империи под названием области Ферганской (древнее название страны в верховьях Оксуса[69] – Фергана).

Государь одобрил наше предположение, и телеграмма вчера же отправлена к Колпаковскому. Министерство иностранных дел уже не возражает и само пришло к убеждению в неизбежности присоединения Кокана к империи. Но что скажут англичане? Уже и теперь английская пресса злобствует; надобно ожидать еще большего ожесточения.

Между тем общие дела политические запутываются. Сегодня при докладе государь говорил, что, несмотря на советы наши, сербский и черногорский князья вошли в соглашение между собой и отправили агентов в Грецию, чтобы заключить с нею оборонительный и наступательный союз. По-видимому, инсургенты не намерены слагать оружие, и с весною может вспыхнуть война на всем Балканском полуострове. Русское правительство заявило обоим князьям, что все последствия падут на их ответственность и они могут не рассчитывать на помощь России.

При таком обороте дела, угрожающем весьма серьезными осложнениями, я спросил государя, не полагает ли его величество нужным приступить к каким-нибудь предварительным приготовлениям по военной части. Государь положительно выразил, что не видит никакой надобности, прибавив, что уже и без всяких с нашей стороны приготовлений не перестают распускать слухи о том, будто мы вооружаемся.

Сегодня в Комитете министров опять было горячее заседание, продолжавшееся до шести часов. Вопрос о добавочном отпуске сумм из облигационного капитала на Лозово-Севастопольскую дорогу возбудил довольно оживленное и резкое препирательство между Посьетом и Грейгом. На этот раз министр финансов изменил своему союзнику, приняв сторону министра путей сообщения. Под конец же заседания назначено было обсуждение внесенного мною, по особому высочайшему повелению, вопроса о том, выгодны ли для заготовления провианта долгосрочные поставки, подобные, например, 9-летней операции петербургской (1867–1876 годов). Вопрос этот возбужден мною вследствие ежегодно повторяющихся в отчетах Государственного контроля нападок на эту операцию. Ввиду близкого истечения срока заключенного контракта необходимо разъяснить положительно, кто ошибается: Военное министерство или Государственный контроль.

По моей просьбе в заседание был приглашен главный

интендант генерал-адъютант Кауфман (Михаил Петрович). Прения продолжались более двух часов; Грейг, как всегда, был беззастенчив до нахальства. Разъяснения, данные Кауфманом дельно и спокойно, не укротили ярого судью всех министров. На сей раз даже оба союзника – Рейтерн и Абаза – не поддержали его и высказались в смысле умеренном и примирительном. В том же смысле говорил и Валуев; совершенно в пользу Военного министерства заявили мнения Тимашев, Потапов и принц Ольденбургский.

На беду, когда уже почти приходили к соглашению, вдруг сам председатель Игнатьев поднимает голос против Военного министерства. Он прямо напоминает, что уже много лет назад, председательствуя в комиссии, разбиравшей по высочайшему повелению годичные отчеты Военного министерства, он являлся противником новой системы долгосрочных поставок, но тогда мнение его не было уважено. Вследствие того теперь он предлагает поместить в журнале что-то вроде порицания долгосрочности всяких поставок.

Услышав это, Грейг, который совсем было утих, опять заартачился, и буря едва не возобновилась; но час был уже поздний, решили составить журнал в смысле большинства, к которому и я охотно присоединился, с тем, однако же, чтобы председатель и Грейг имели возможность, смотря по тому, как будет редактировано мнение большинства, согласиться с ним или высказать в журнале свои отдельные мнения. Таким образом, надобно ожидать, что будущее заседание Комитета начнется с тех же желчных и раздражительных прений, которыми закончилось нынешнее.

Сколько времени и сил тратится на подобную бесполезную борьбу в самой среде министров!

5 февраля. Четверг. Состояние великой княгини Марии Николаевны возбуждает опасения; государь и императрица вчера были у нее поздно вечером, она едва узнала их. Приехав сегодня во дворец, я узнал, что назначенный на завтрашний день большой бал во дворце отменен.

Перед докладом я был у государственного канцлера, который болен, не выезжает и желал со мною видеться, чтобы условиться по некоторым вопросам, касающимся как турецких дел, так и среднеазиатских. Порта с покорностью приняла ноту, предъявленную ей тремя императорскими кабинетами и поддержанную прочими государствами; но теперь задача – склонить самих инсургентов к прекращению военных действий и привести в исполнение требуемые Европой от Турции реформы в восставших областях. Об этом идет теперь дипломатическая

переписка. С другой стороны, получены из Лондона депеши графа Шувалова, возбуждающего некоторые новые вопросы по поводу назначения Лито генерал-губернатором Индии.

По тому и другому предмету я доложил государю соображения государственного канцлера и, получив одобрение его величества, заехал опять к князю Горчакову, чтобы передать ему слова государя.

Сегодня было опять заседание в Государственном совете по делу о найме рабочих. Дело подвигается медленно, каждая статья проекта подает повод к бесконечным прениям.

8 февраля. Воскресенье. Вчера после доклада присутствовал в Николаевском кавалерийском училище на просмотре сочинений юнкеров по темам из военной истории и тактики; при этом находился капитан Клепш, австрийский второй агент. Потом был в заседании Государственного совета; дело о рабочих тянется невыносимо тяжело.

Сегодня утром осматривал в Интендантском музее вещи, отправляемые на филадельфийскую выставку. Обычный воскресный развод был отменен по тому случаю, что государь и императрица немедленно после обедни поехали к великой княгине Марии Николаевне; говорят, она приобщалась (уже вторично).

9 февраля. Понедельник. В прошедшую ночь скончалась великая княгиня Мария Николаевна после продолжительной и мучительной болезни. Эта женщина совершенно выделялась из той среды, в которой родилась и выросла: страстная и своеобычная натура ее не могла подчиниться условному, стесняющему, лишенному внутреннего содержания формализму дворцовой жизни и царской семьи. Еще в царствование отца своего, несмотря на тогдашнюю суровую дисциплину, она одна решилась сбросить с себя путы, увлеклась любовными своими наклонностями и вышла замуж за графа Григория Строганова. С тех пор великая княгиня держала себя почти как обыкновенная смертная; тон ее, речи, обращение были крайне развязны и бесцеремонны; жила она большей частью за границей, позволяла себе разные эксцентричности; только профиль ее напоминал, что она дочь императора Николая. В молодости она была красива, но и тогда этот профиль придавал ее облику некоторую жесткость и строгость.

В последние годы она вдруг сильно опустилась и так исхудала, что трудно было узнать ее. Муж ее, граф Григорий Строганов – личность весьма типичная: в молодости он был красавец, всегда добрый малый и кутила. Несмотря на свою связь с царской семьей, он всегда держал себя чрезвычайно просто, без

принуждения и остается до сих пор прежним добрым малым и кутилой.

Утром, во время моего обычного (по понедельникам) приема в канцелярии Военного министерства, дали мне знать, что в час пополудни назначена панихида во дворце великой княгини Марии Николаевны у Синего моста, а заседание Государственного совета начнется только в 2 часа. Едва поспел я на панихиду; по окончании же ее поехал в Государственный совет, где пришлось немного поспорить по делу об улучшении положения врачей, служащих в разных ведомствах, преимущественно в военном и по Министерству внутренних дел. К сожалению, дело это не получило окончательного разрешения; пришлось ограничиться полумерой и обещаниями на будущее, более благоприятное время. Авось когда-нибудь и наступит то время, когда министр финансов, государственный контролер и другие влиятельные члены правительства будут шире понимать интересы государственные.

10 февраля. Вторник. После доклада был в Инженерном замке, где показывали мне вещи, предназначенные к отправлению на филадельфийскую выставку по инженерной части. Кстати обошел Инженерную академию и училище. Затем был на панихиде по великой княгине Марии Николаевне, а потом в заседаниях трех комитетов, происходивших один за другим – Комитете министров, Кавказском и Польском.

В Комитете министров между прочим читался журнал прошлого заседания по делу о долгосрочных поставках. Грейг опять покушался вставлять свои наглые нападки против Военного министерства; но так как никто не поддерживал его и общее настроение в Комитете было примирительное, то строгий цензор укротился и отказался от всех своих претензий. Заключение Комитета вышло более в пользу Военного министерства, хотя и с разными оговорками: существенно важно то, что Комитетом признаны некоторые преимущества и выгоды за подрядами, заключаемыми на несколько лет, наперекор государственному контролеру, который в своих всеподданнейших отчетах не переставал заявлять о мнимых убытках, наносимых казне долгосрочной провиантской операцией в Петербурге. Контролер до конца продолжал настаивать, что ежегодные поставки выгоднее, однако ж решил подписать журнал, составленный в противоположном смысле.

12 февраля. Четверг. Доклад обыкновенным порядком, а потом процессия перевозки в крепость тела покойной великой княгини Марии Николаевны. Погода теплая, градуса два мороза. Государь сел верхом в 12½ часов у Зимнего дворца, откуда мы

проехали галопом по фронту войск, расставленных шпалерами до дворца покойной великой княгини. Около часа пополудни шествие тронулось по обычному церемониалу, а в 2 часа тело было уже внесено в Петропавловский собор (в крепости).

13 февраля. Пятница. Погребение великой княгини Марии Николаевны происходило с обычным обрядом в соборе Святых Петра и Павла.

14 февраля. Суббота. Получено по телеграфу известие из Ниццы о кончине княжны Вяземской. Бедняжка много настрадалась, и для нее смерть была избавлением от мучительной болезни; но окружавшие и сердечно любившие ее будут в отчаянии, в том числе и дочери мои, особенно же Надя, которая была с нею очень дружна. Теперь тревожит нас вопрос – как устроить Ольгу и Надю, которые с отъездом Вяземских и Вельяминовых останутся в Ницце совершенно одни.

16 февраля. Понедельник. Вместо общего собрания Государственного совета назначено было заседание Соединенных департаментов опять по делу о найме рабочих. На этот раз заседание заключалось в том, что разыграна была пьеса, заранее сочиненная в домашнем совещании у великого князя Константина Николаевича: убедившись в невозможности продолжения споров по каждому пункту объемистого проекта, великий князь вместе с князем Урусовым и некоторыми другими членами Соединенных департаментов уговорили Валуева и Тимашева отказаться от дальнейшего рассмотрения проекта в настоящем его виде и передать в канцелярию Государственного совета для извлечения из него некоторых только основных статей, подлежащих утверждению в законодательном порядке; а разработку всей прочей мелочной регламентации предоставить подлежащим министерствам.

Такой оборот дела, конечно, не мог быть приятен для самолюбия Валуева, неприятен был также и Тимашеву и даже составителю первоначального проекта П. Н. Игнатьеву. Тем не менее они должны были покориться необходимости и, как говорят французы: *faire bonne mine a mauvais jeu*[70]. Притом же представление было разыграно в таких ловких формах, с такими заранее условленными речами, что не было и предлога обижаться. И всё же мы назвали нынешнее заседание похоронами проекта, похоронами с церемонией и почестями.

Из Ниццы получена телеграмма, несколько успокоившая нас относительно положения моих дочерей: Мария Николаевна Вельяминова решилась там остаться на 2 месяца ради своего брата, страдающего легкими. Таким образом, нам уже нечего заботиться о том, с кем останутся Ольга и Надя.

19 февраля. Четверг. Во вторник, на 9-й день по смерти великой княгини Марии Николаевны, отслужена была по ней панихида в Петропавловском соборе. Прямо из крепости отправился я в Комитет министров, где происходило опять очень продолжительное заседание.

Сегодня после доклада остался я во дворце, выстоял обедню и молебствие. 19 февраля будет надолго великим днем в памяти русского народа[71]. Но государь обыкновенно в этот день неохотно принимает поздравления, а сегодня в особенности он показался мне сумрачным и грустным. Впрочем, он в таком настроении уже несколько дней. Все замечают сильную перемену в его лице, он как будто разом постарел на несколько лет. Напротив, императрица, несмотря на недавнюю еще простуду, имеет вид более оживленный и здоровый, чем привыкли мы видеть.

Сегодня при докладе моем окончательно последовало высочайшее повеление о присоединении к империи бывшего ханства Коканского под именем области Ферганской. Губернатором назначен генерал-майор Скобелев, завоевавший с ничтожными силами эту новую территорию.

22 февраля. Воскресенье. Обычный наш воскресный вечер принял сегодня необычную форму: молодежь моя давала представление, в котором отличались Василий Евдокимович Давыдов (полковник, состоящий при начальнике Главного штаба), Александра Петровна Арапова, Павел Николаевич Попов, маленькая Алека Гейден, племянница моя Паша Милютина, брат ее Юрий и сын мой. Гости разъехались далеко за полночь.

23 февраля. Понедельник. В Особом присутствии Государственного совета по воинской повинности рассматривался проект положения об ополчении; окончательные заключения отложены до получения письменного отзыва от министра финансов.

Обедал в Зимнем дворце.

25 февраля. Среда. Вчера в Комитете министров; окончательно решена железная дорога от станции Ворожбы (Курско-Киевской дороги) до Мерефы (Азовской дороги) через Сумы.

Обед у принца Петра Георгиевича Ольденбургского.

26 февраля. Четверг. После доклада был с поздравлением в Аничковом дворце по случаю дня рождения наследника цесаревича.

27 февраля. Пятница. Совещание у министра финансов Рейтерна касательно результатов экспедиции полковника Сосновского, который был командирован для исследования

торгового пути из северо-западных областей Китая к границам Семипалатинской области. Сосновский прошел по этому пути с доктором Пясецким и заключил в Лан-Чеу[72] с китайским генерал-губернатором договор, на основании которого обязался доставить для его армии известное количество продовольствия по баснословно высокой цене. Нам предстояло обсудить значение этой спекуляции и сообразить, можно ли извлечь из нее пользу для установления на будущее время постоянных торговых сношений с этой частью Китая. В совещании участвовали, кроме Рейтерна и меня, Гирс (товарищ министра иностранных дел), Казнаков (генерал-губернатор Западной Сибири), граф Гейден, Бутовский и Ермаков.

28 февраля. Суббота. При докладе моем государь заговорил о теперешнем положении дел в Герцеговине и Боснии и прочел телеграмму, полученную из Вены от нашего посла Новикова, о том, в каком смысле Андраши дал поручение генералу Родичу к князю Черногорскому Николаю. Телеграмма эта возбуждает некоторые темные опасения насчет политики Австрии: не хочет ли она опять разыграть двуличную роль. В таком смысле пишет и наш посол Игнатьев из Константинополя.

Государь, как мне показалось, не так спокойно смотрит на эти дела, как прежде. Очевидно, нота Андраши, поддержанная почти всеми европейскими кабинетами, и вынужденная уступчивость Порты не поведут к спокойному разрешению турецкого вопроса. Инсургенты не верят никаким обещаниям турок, да и не могут удовольствоваться никакой полюбовной сделкой со своими исконными притеснителями. Со своей стороны и турки, даже при самом искреннем желании примирения, не могут исполнить своих обещаний. Уладить запутанные дела Турции невозможно одной лишь доброй волей султана и его министров. Тут в основе лежат такие затруднения, присущие самому организму мусульманской державы, которых нет возможности преодолеть иначе, как полным государственным и социальным переворотом. Надобно рассечь мечом гордиев узел.

С этими размышлениями поехал я после доклада к князю Горчакову, который заболел и не мог приехать во дворец с докладом. Однако ж я нашел государственного канцлера на ногах, в кабинете, в длиннополом сюртуке его и туфлях. По обычаю своему, он ходил по комнате и что-то диктовал Амбургеру. После первых же слов канцлер выложил предо мной свою последнюю переписку с Игнатьевым и Новиковым. Заметно, что и князь Горчаков начинает смотреть на теперешнее положение дел с меньшей самоуверенностью, чем прежде. Да чего же и мог он ожидать от одного «дипломатического давления» на

Порту? Разве можно было рассчитывать на магическое действие султанского ираде[73]?

Государственный канцлер уже понимает, что европейской дипломатии не удастся удержать Сербию, Черногорию, а быть может, и Румынию от явного вмешательства в борьбу. Если весной все славянские области Турции возьмутся за оружие, то наш канцлер полагал бы оставить обе стороны на произвол судьбы: пусть оружие решит, которая сторона одолеет, а которая погибнет. Чтобы эта местная борьба не превратилась в общую европейскую войну, нужно только удержать от всякого вмешательства Австрию. Князь Горчаков ссылается на какой-то «безмолвный» уговор свой с Андраши (*convention tacite*[74]); но что может значить подобная загадочная сделка, когда и формальные, самые торжественные договоры не обеспечивают точного исполнения.

В заседании Соединенных департаментов Государственного совета снова рассматривалось предположение Министерства внутренних дел об образовании новой губернии – Таганрогской. В марте прошлого года по этому же делу случились разногласия: я был в меньшинстве, с 6 другими членами, против большинства из 15 голосов, поданных тогда в пользу учреждения этой безобразной губернии. Так как мысль о включении в новую губернию Миусского округа Донской области была уже признана окончательно устраненной, то в новом проекте Таганрогской губернии вышла еще бóльшая, чем ныне, чересполосица. Присоединяемые к Ростовскому уезду три других уезда Екатеринославской губернии – Мариупольский, Бахмутский и Славяносербский – были бы отрезаны казачьими землями от предполагаемого губернского города.

Я решил сегодня восстать сильнее прежнего против этого нелепого проекта: первым поднял голос и с радостью увидел, что многие из членов прежнего большинства объявили тут же, что отступают от своего мнения. Защита проекта Тимашевым была крайне слаба, в моем же смысле говорили барон Николаи и Грейг, и кончилось тем, что все единогласно забраковали проект.

Положено новой губернии не учреждать, а предоставить министру внутренних дел придумать другие меры для устранения местных неудобств, встречаемых в Ростове-на-Дону и в Таганроге от чересполосного географического положения этого оторванного от Екатеринославской губернии уезда.

Сегодня приехала в Петербург великая княгиня Мария Александровна со своим супругом герцогом Альфредом Эдинбургским.

2 марта. Вторник. После доклада заехал к государственному

канцлеру, который всё еще не выезжает из дому по болезни. Дела герцеговинские запутываются. Из секретных телеграмм, получаемых от консулов в Белграде и Цетинье, от послов в Константинополе и Вене, можно предположить, что затевается какой-то закулисный план, а наши братья-славяне нас морочат. Сербия с Черногорией ведут тайные переговоры о войне против турок. Намерения Венского кабинета также не совсем ясны. Можно опасаться, что с весной разыграется кровавая драма и наше положение в отношении славян будет самое фальшивое.

В Комитете министров сегодня в присутствии великого князя Константина Николаевича обсуждался вопрос о том, на каких основаниях продолжать правительственную субсидию «Русскому обществу пароходства и торговли на Черном море» по истечении в будущем году 20-летнего срока договора. Вопрос этот давно уже составляет предмет горячей журнальной полемики. Общественное мнение сильно раздражено против Общества, которое злоупотребляет своим привилегированным положением как самый бесцеремонный монополист. Однако ж надобно было ожидать, что в Комитете министров Общество найдет сильную поддержку. Всем известно, что в числе его акционеров есть высокопоставленные особы, начиная с самого великого князя Константина Николаевича. Так и оказалось.

Долго и горячо рассуждали и препирались, но в результате вышло, что Обществу и на будущее время сохранена почтенная субсидия в форме помильной платы за дальние рейсы. Нам удалось выторговать только незначительные изменения в проекте, составленном особой комиссией под председательством Грейга: ввести несколько обязательных для Общества рейсов из Севастополя, чтобы хотя сколько-нибудь поддержать этот воскресающий город, и постановить некоторые условия, чтобы хоть сколько-нибудь ограничить произвол управления Общества.

6 марта. Суббота. Сегодня был у меня датский генерал *Raasloff*, бывший военным министром, а теперь возвратившийся в Европу из Японии и Китая, куда был послан датским правительством для приведения в лучшее положение телеграфного сообщения, устроенного Датским обществом через всю Россию и Сибирь до японских и китайских портов. Генерал Рааслоф – человек умный и энергичный.

На этой неделе (3-го числа) сын мой отправился за границу, куда командирован для изучения паровозов, двигающихся без рельсов (*routières*) и, как кажется, весьма пригодных для военных целей. В Италии уже решено ввести их в употребление в обширном размере.

9 марта. Вторник. Доклад мой вместо вторника был вчера,

по случаю поездки сегодня государя на охоту. После доклада присутствовал я в Военно-топографическом училище на экзамене, а потом в Государственном совете. После общего собрания было заседание Особого присутствия по воинской повинности. Пришлось мне поспорить по делу о выкупе квитанций[75], однако ж решено противно моему мнению.

Сегодня было опять бурное заседание в Комитете министров. Из-за журнала о прошлом заседании по делу Общества я был выведен из спокойного состояния систематическим устранением любого предложения, которое имеет в виду интересы военного ведомства. У некоторых из наших государственных мужей вошло в привычку подниматься на дыбы, лишь только касается дело военных надобностей; *c'est un parti pris*[76]. К числу их в особенности принадлежат Рейтерн и Грейг. По поводу сделанного мною замечания о необходимости выговорить, чтобы войска перевозились по уменьшенному тарифу, Рейтерн позволил себе отвечать таким тоном, что я вспылил и потребовал в случае отказа со стороны Комитета занести мое особое мнение в журнал.

Эта стычка стала только прелюдией к другой, более продолжительной баталии по делу о виленской провиантской поставке 1868–1870 годов, по которому состоялось уже в одном из прежних заседаний Комитета министров, несколько недель тому назад, весьма горячее объяснение между мною и Грейгом. Я надеялся, что доставленные мною в Комитет обстоятельные разъяснения по этому делу укротят нападки государственного контролера на решения Военного совета; однако ж надежда моя не сбылась: Грейг по-прежнему доказывал правильность нападок и, несмотря на общее согласительное настроение Комитета, упорствовал в обвинении Военного совета в неправильных решениях, имевших будто бы последствием ущерб казны.

Председатель наш на сей раз склонял суждения Комитета в пользу Военного министерства и затронул вопрос о компетентности Комитета министров в делах, окончательное решение которых предоставлено Военному совету. Кончились прения составлением заключения в такой неопределенной редакции, которая казалась совершенно безобидной для той и другой стороны.

10 марта. Среда. Большой парадный обед во дворце по случаю дня рождения германского императора. В первый раз явился в своей роли новый посол генерал Швейниц, заместивший недавно принца Рейсса. Лет шесть тому назад Швейниц был здесь прусским военным агентом; тогда он был в чине полковника, держал себя скромно и более походил на школьного учителя, чем на дипломата. И действительно, начал он свою службу учителем;

это человек весьма образованный, даже ученый; никому тогда не могло прийти в голову, что он будет послом.

С поста военного агента в Петербурге он сначала был назначен послом в Вену; здесь он выказал свои дипломатические способности и, как говорят, обнаружил в некоторых случаях не совсем дружественное расположение к России, где столько лет пользовался радушным гостеприимством. В начале текущего года принц Рейсс женился на одной из принцесс Саксен-Веймарского дома, родственного с нашим императорским домом, вследствие чего признано было неудобным оставить его послом в Петербурге. И вот перевели его в Вену, а на место его в Петербург – Швейница. Последний заметно постарел и изменился с тех пор, как оставил Петербург.

11 марта. Четверг. Вчера после обеда во дворце принц Петр Георгиевич Ольденбургский сказал мне, что имеет надобность переговорить со мною о каком-то серьезном деле; я обещал приехать к нему сегодня в пятом часу, недоумевая, какой может быть предмет нашего разговора. Полагал, что он возобновит прерванные переговоры о подчинении ему наших женских медицинских курсов. Вышло не то: он завел речь о давнишнем предмете своей мании – о вечном мире и необходимости разоружения Европы, о том, что государь должен при настоящих обстоятельствах взять на себя великую роль примирителя, а для этого немедленно собрать в Петербурге конгресс. Всё это говорилось до такой степени нескладно, несвязно, перепутывалось самыми нелепыми суждениями о посторонних предметах, чтением собственных сочинений и даже своей эпитафии, что можно было усомниться в нормальном состоянии его рассудка. С полчаса продолжался этот бред больного мозга; я молчал всё время и вышел от него с таким чувством, какое выносишь из больницы умалишенных.

12 марта. Пятница. В Большой церкви Зимнего дворца отслужена в присутствии государя панихида по умершем генерал-адъютанте Витовтове, который пользовался особой милостью государя как потому, что 14 декабря 1825 года командовал гвардейским саперным батальоном, с которым явился одним из первых на защиту дворца и царской фамилии, так и потому, что был начальником штаба гвардейского корпуса, когда нынешний государь был корпусным командиром. Витовтов был человек малообразованный, но добрый, честный и здравого ума. Он уже многие годы сошел со сцены и жил в Москве, в постоянных страданиях от водяной.

15 марта. Понедельник. Сегодня я имел доклад у государя вместо завтрашнего дня. Это не помешало обычному моему

приему в канцелярии Военного министерства. Затем было заседание в Государственном совете, весьма короткое, а после него – совещание по амурским делам, под председательством великого князя Константина Николаевича. Совещание это продолжалось до пятого часа; долго не могли сойтись во мнениях, но спор велся в пределах приличия и без раздражения.

Признаюсь, я готовился к более горячим прениям, зная по прежним совещаниям, как великий князь мечтает о том, чтобы всю приморскую полосу по берегам Восточного океана[77] подчинить исключительно морскому начальству, изъяв из ведения восточно-сибирского генерал-губернатора. Я был постоянным противником этой комбинации, не обещающей ничего хорошего для благосостояния и развития края. Притом же я убежден, что в подобной отдаленной окраине невозможно оставить рядом два независимых друг от друга начальства: одного – в приморской полосе, подчиненного непосредственно Морскому министерству, другого – в Благовещенске, подчиненного иркутскому генерал-губернатору. Нахожу непрактичными заявленные предположения о переделе Азиатской России с уничтожением генерал-губернаторств. Проект комиссии, существовавшей в 1874 году под председательством действительного статского советника Деспот-Зеновича, был совершенно несообразный.

К счастью, Тимашев почему-то отступился от прежних своих предположений и, к удивлению моему, явился сегодня моим союзником. Мы оба предложили принять проект теперешнего иркутского генерал-губернатора барона Фредрихса. К нам присоединился и Потапов. Рейтерн искал только, как бы уладить дело в угоду великому князю, но сознавал несообразность его предположений. Посьет путал дело, придумывая то одну, то другую комбинацию, всегда невпопад. Гирс говорил мало и неудачно.

Мы уже отчаивались прийти к какому-либо заключению; наконец остановились на том, чтобы области Амурскую и Приморскую оставить в теперешних границах, но отделить их от Восточно-сибирского генерал-губернаторства, образовав особое генерал-губернаторство в Благовещенске; губернатора Приморской области перевести в Хабаровку, отделив эту должность от командира морской станции во Владивостоке, заведующего только морской частью и Владивостокским портом с ближайшей его окрестностью, на правах градоначальника.

Такое решение, конечно, устранило все затруднения и несообразности прежних предположений, но сопряжено со значительным увеличением расходов, и я не мог не подивиться

сговорчивости министра финансов, который обыкновенно так горячо отстаивает интересы государственного казначейства.

16 марта. Вторник. Погребение генерал-адъютанта Витовтова происходило обычным порядком, в присутствии государя.

В Комитете министров опять была у меня схватка с Грейгом. Не могу равнодушно выносить нахальный тон этого человека и, к крайнему своему сожалению, выхожу иногда из пределов подобающей в официальных заседаниях сдержанности. Потом сам упрекаю себя в излишней горячности. Особенно сегодня досадую на себя потому, что не было прямого повода к возобновлению препирательств. Читались выборки из всеподданнейшего отчета государственного контролера за 1875 год, и общее внимание обратили на себя, с одной стороны, чрезмерные и неуместные восхваления, воздаваемые Министерству государственных имуществ, а с другой – нападки на Министерство путей сообщения.

Некоторые из министров поставили вопрос: не имел ли в виду государственный контролер восхвалением одного ведомства косвенно сделать упрек всем другим? Тогда я не вытерпел и высказал всё, что у меня давно накипело по поводу неподобающей роли судьи, присваиваемой себе государственным контролером в отношении к министрам. Посьет, со своей стороны, также вышел из обычной своей флегмы и горячо сцепился с Грейгом.

Вот на что тратятся и время и силы министров. Не было бы ничего подобного, если б государственный контролер держался в пределах своей компетентности, ограничиваясь проверкой *правильности и законности* расходования казенных сумм. Но в таком случае, какие же заслуги мог бы он выставлять в своих ежегодных всеподданнейших отчетах? [Роль государственного контролера такова, что ему нет другого средства выказать свои заслуги в отчетах, как выставляя вкривь и вкось всё, что только может выкопать сомнительного в делах министерств; причем он бесцеремонно и нахально постановляет свои приговоры, набрасывающие тень на действия и распоряжения то одного, то другого министра. И всё это прикрывается маской спартанской добродетели – говорить всю правду царю и помимо всех личных соображений оберегать казенные интересы!]

Дело именно в том, что в эти отчеты включаются преждевременные заключения контроля по вопросам спорным, еще не разъясненным, и суждения не об одной правильности расходов, но вообще об образе действий управлений, министерств, даже высших коллегиальных учреждений,

пользующихся по закону правом окончательного решения. Вот эти-то притязания Государственного контроля на универсальную компетентность, на высшую авторитетность и подают повод к беспрестанным пререканиям между министрами и государственным контролером.

18 марта. Четверг. Перед докладом заехал к канцлеру, который желал переговорить со мной о двух заботивших его предметах: во-первых, по случаю приезда генерал-майора Франкини, которого великий князь Михаил Николаевич прислал сюда, чтобы лично настоять на проведении задуманной кавказским начальством новой экспедиции от Красноводска к текинцам, на что не последовало высочайшего соизволения в прошлом феврале; а во-вторых, по делам Герцеговины. Князь Горчаков очень опасается, чтобы государь не поколебался в прежних своих решениях: всякое наше движение в сторону Мерва встревожило бы опять английское правительство; опасно было бы растравлять эту больную рану англичан, и приехавший на днях из Лондона наш посол граф Шувалов весьма прямо выражал по этому предмету свои опасения. Осторожный и сдержанный лорд Дерби в разговоре с графом Шуваловым сказал, что движение наше к Мерву есть *casus belli*[78].

Канцлер убедительно просил меня при докладе государю отстоять прежнее решение, сообщенное мною великому князю Михаилу Николаевичу в письме от 19 февраля. Я исполнил желание канцлера и через час обрадовал и успокоил его, привезя известие, что государь остается твердо при прежнем своем приказании, чтобы кавказское начальство в точности руководствовалось инструкцией, данной в начале прошлого года относительно образа действий в Закаспийском крае.

Что касается герцеговинских дел, то князя Горчакова тревожила мысль, вынесенная им из последнего разговора с императрицей: по ее представлениям, дипломатия наша не довольно энергично действует в пользу христианского населения Турции. Этот взгляд может иметь влияние и на самого государя. Канцлер прочел мне последние свои инструкции нашим послам в Вене и Константинополе (Новикову и Игнатьеву), в которых развивалась та основная мысль, что нам нет повода не доверять австрийской политике, пока во главе ее стоит Андраши; что враждебные ему партии стараются раздуть славянский вопрос в надежде сломить шею Андраши, которому, по чувству самосохранения, необходимо искренно и решительно вести дело в том именно смысле, в каком мы желаем.

Я старался успокоить князя Горчакова, так как при всех разговорах во время моих докладов о современном положении

дел на театре восстания замечал в государе самое твердое, непоколебимое желание не допустить общего разгара войны на Балканском полуострове.

Сегодня был я на экзамене в Артиллерийском училище, а вечером – в 1-й военной гимназии на годичном музыкальном вечере.

19 марта. Пятница. Утром присутствовал на разборе практических задач у выпускных офицеров Академии Генерального штаба, потом на практических упражнениях с судопроизводством в Военно-юридической академии, а затем было у меня совещание по делам азиатским, по вопросу о нашем дальнейшем образе действий относительно Китая и Кашгара. В этом совещании участвовали три генерал-губернатора – туркестанский, западно-сибирский и оренбургский – со своими начальниками штабов, товарищ министра иностранных дел Гирс с директором Азиатского департамента Мельниковым и чиновником Вейнбергом и некоторые лица от Главного штаба.

22 марта. Понедельник. В субботу получено из Берлина печальное известие о кончине Юрия Федоровича Самарина. Проездом через этот город, на возвратном пути из Парижа в Россию, он попал в какую-то больницу, где ему провели хирургическую операцию на руке, вопреки предостережениям парижских врачей. Говорят, после этой опасной операции сделалась у него гангрена, от которой он и умер в самое короткое время. Жаль этого умного и даровитого человека; горячо преданный России, он был замечательный писатель и необыкновенно остроумный собеседник.

Незадолго до смерти он отпечатал за границей последнюю, 6-ю книжку своих «Окраин России» – издания, из-за которого Самарин приобрел несметное множество врагов. Немцы Прибалтийского края ненавидели его за то, что он беспощадно изобличал их антирусские тенденции. Благодаря им же он прослыл в высших сферах либералом, человеком задорным, крайним славянофилом. В действительности же Самарин был далек от этой репутации. Он отличался редкой диалектикой, блестящей способностью вести спор о предметах самых разнообразных; выражался изящно на многих языках: по-немецки и по-французски говорил с такой же легкостью, как по-русски. Эта личность сохранится неизгладимо в памяти многочисленного кружка его приятелей и почитателей. Вчера и сегодня повсюду не было другого разговора, как о кончине Юрия Федоровича.

23 марта. Вторник. После доклада был в Академии Генерального штаба, где молодой великий князь Николай Николаевич читал решение последней заданной ему

стратегической задачи. При этом чтении и разборе решения присутствовали отец молодого великого князя Николай Николаевич, принц Петр Георгиевич Ольденбургский и много других лиц. Решение задачи признано весьма удовлетворительным, и, после сделанных поочередно профессорами частных замечаний, начальник Академии генерал-лейтенант Леонтьев очень ловко высказал общее заключение о занятиях и работах великого князя в продолжение трехлетнего пребывания его в Академии. Заключение это было так лестно для молодого великого князя, что не только он сам, но и отец его прослезились и бросились в объятия друг другу. Остается пожелать, чтобы познания, приобретенные великим князем в Академии, дали ему серьезное направление в дальнейшей жизни и службе и вышел из него человек дельный, не похожий на двоюродного его брата Николая Константиновича, также кончившего довольно успешно курс Академии несколько лет тому назад.

Во всяком случае, пример двух великих князей, прошедших курс Академии Генерального штаба, имеет в моих глазах особенное значение: далеко ли то время, когда и Академия, и весь Генеральный штаб были в загоне, когда каждый офицер, носивший мундир Генерального штаба, считался бесполезным теоретиком, скучным педантом, самонадеянным либералом?.. Я помню, как великий князь Михаил Павлович, удостаивавший меня милостивым вниманием в первые годы моего офицерства, огорошил меня, когда в первый раз увидел в мундире Генерального штаба.

Впрочем, надобно сказать, что в то время и Генеральный штаб стоял совершенно иначе, чем теперь: офицеры штаба ограничивались в своих знаниях и служебных обязанностях самой узкой специальностью – расстановкой «жалонеров»[79], ведением маневров, составлением планов учений и т. п. В войсках их прозывали то «планщиками», то свитскими чиновниками и давали им всякие *sobriquet*[80]. Как изменилось всё это в настоящее время! Счастливому этому изменению более всего содействовала Академия, получившая в последние лет 15 практическое и разностороннее развитие.

В Комитете министров сегодня обсуждалось опять дело «Черноморского пароходного общества»; но я должен был уйти из заседания ранее конца, чтобы предварительно осмотреть размещение картографических работ, приготовленных к завтрашнему осмотру государем.

Закончил день на музыкальном вечере во 2-й военной гимназии.

24 марта. Среда. С 10 часов утра и до четвертого часа был на ногах в залах Зимнего дворца по случаю высочайшего осмотра картографических и других работ. В нынешнем году выставка была обширнее, чем обыкновенно: целая Георгиевская зала была занята китайскими вещами и картинами, привезенными подполковником Сосновским и доктором Пясецким. Государь был очень доволен выставленной массой разных работ.

25 марта. Четверг. В числе докладов сегодня взял я с собой составленную генералом Обручевым записку о том, какие политические соображения и данные следует принять в основание плана мобилизации нашей армии в случае войны. После неоднократных наших бесед по этому предмету мы с Обручевым пришли к заключению, что необходимо приготовить несколько планов мобилизации на разные, наиболее вероятные случаи при тех или других политических обстоятельствах и ясно определить эти различные комбинации прежде, чем приступить к сложной и копотливой работе. Но подобная постановка основных задач, конечно, должна быть указана теми, кто ведет внешнюю нашу политику, а потому мы и решились просить предварительно указаний у государственного канцлера и самого государя.

Едва я завел об этом речь, полагая оставить государю записку Обручева для прочтения, его величество прервал меня приблизительно такими словами: «Могу тебе сказать только, что признаю войну в близком будущем невозможной, и совершенно уверен, что мы избегнем ее». Меня несколько удивил самоуверенный, почти торжественный тон этих выражений; я позволил себе сказать, что если можно иметь подобное положительное убеждение, то нужно ли нам и составлять какие-нибудь планы мобилизации, даже нужно ли продолжать в таких размерах и с такими громадными пожертвованиями приготовления на случай войны?

Тогда государь сказал: «Так я тебе открою то, что никому не известно, кроме меня, князя Горчакова и наследника. – (Цесаревич присутствовал при этом разговоре, так же как и великий князь Владимир Александрович.) – Только я прошу вас всех троих отнюдь не открывать никому того, что я скажу». Затем государь рассказал такие обстоятельства, которые совершенно изменяют общие соображения и взгляды на европейскую политику. Дав обещание хранить тайну, не считаю себя вправе сказать что-нибудь лишнее даже в своем дневнике, хотя веду его не для публики. Сожалею, что через это умолчание лишаю себя возможности сохранить для истории некоторые любопытные данные. Конечно, сущность дела рано или поздно сделается известной, но жаль будет, если утратятся некоторые подробности,

характеризующие личные отношения.

Выказанное мне сегодня государем доверие тронуло меня и навело на мысли, которые во многом изменяют мои убеждения и взгляды. К сожалению, мне трудно входить в дальнейшее развитие этих размышлений, не касаясь самого существа дела, о котором писать не считаю себя вправе. Скажу только, что высоко ценю этот знак царского доверия, эту откровенность в столь важном деле. До сих пор, то есть до поздней ночи, остаюсь еще под впечатлением утреннего знаменательного разговора, несмотря на всю внешнюю суету нынешнего дня.

Сегодня полковой праздник Конной гвардии; по заведенному и неизменному порядку надобно было ехать в час к церковному параду, происходившему в полковом манеже, убранном еще наряднее, чем в прежние годы. Из манежа прошли вслед за государем через все казарменные помещения полка до квартиры полкового командира, полковника барона Фредрихса; здесь ожидал роскошный завтрак; а в 6 часов вечера обед в Зимнем дворце.

Сегодня же утром узнал о смерти нашего хорошего приятеля Захара Николаевича Мухортова, пострадавшего целую зиму. Жаль бедную вдову и детей.

Вчера забыл записать любопытный разговор с графом Шуваловым, послом нашим в Лондоне. В ожидании выхода государя для осмотра картографических работ мы довольно долго расхаживали по приемной комнате и беседовали о современных настроениях в Англии и Берлине. Шувалов со свойственной ему болтливостью пересказал мне разговоры с князем Бисмарком во время двух вечеров, проведенных у него проездом через Берлин. Германский канцлер прикинулся простодушным добряком и развивал мысль, что настоящая эпоха есть самая выгодная для России, чтобы распорядиться Турцией совершенно по своему усмотрению. Бисмарк говорил, как он поступил бы на месте русского императора, и ручался за то, что ни Австрия, ни Германия не помешают нам.

Что касается Англии, то граф Шувалов сам отзывался о нынешних ее государственных людях почти иронически: англичане, говорил он, не имеют другой точки зрения, кроме денежной; по их понятиям, человеку можно простить самые ужасные преступления, кроме одного – если он не платит по своим счетам. Сказать о человеке, что он не платит по счетам или не дает знакомым обедов, есть самый обидный отзыв.

Такой взгляд британцев отражается и на политических делах: давно ли Англия была горячей заступницей Турции и поддерживала все безобразия, все бесчинства, какие только ни

творились под властью султана над угнетенными райями[81]. Но вот Турция обанкротилась, перестала платить по своим счетам – и общественное мнение всей Великобритании перевернулось: теперь уже не слышно в Англии ни одного голоса за Турцию; даже Россия никогда не была так беспощадна в своих требованиях к туркам в пользу христиан, как ныне английское общественное мнение.

Граф Шувалов высказал и князю Горчакову, и самому государю впечатления, вынесенные им из Лондона и Берлина; но, – прибавлял он, – «кажется, в Петербурге настроение иное, на слова мои не обращается внимания». Я же прибавлю, что было бы крайне прискорбно, если б придавалось значение словам такого легкомысленного человека, каков граф Петр Шувалов. Теперь, после того что слышал сегодня утром, я убедился, что не только в Лондоне, но и здесь, в Петербурге, на посла нашего не смотрят серьезно. Странно, что наша дипломатия вверена таким личностям, которым само высшее правительство не доверяет и от которых скрывает существенные начала своей политической системы. Посла в Лондоне остерегаются как болтуна, который часто проговаривается за стаканом вина, а посла в Константинополе признают лгуном и хвастуном.

26 марта. Пятница. Утром был на экзамене в Артиллерийской академии и в училище, а в час пополудни представлял императрице выставленную в Георгиевской зале китайскую коллекцию. Императрица была любезна, внимательно рассматривала картины доктора Пясецкого и вещи Сосновского.

Заехал к бедной Александре Николаевне Мухортовой. Вечером был на большом обеде у французского посла Ле Фло.

27 марта. Суббота. Несколько дней тому назад, при одном из моих докладов, государь заговорил о статьях в газете «Русский мир», исполненных злобных нападок на наши военно-учебные заведения. Хотя государю хорошо известно, что эта газета имеет специальную цель извергать хулы на Военное министерство и лично на меня, однако ж помещаемые[82] в ней почти ежедневные клеветы и порицания, доводимые добрыми людьми до высочайшего сведения, не проходят бесследно, и мне казалось, что статьи в нескольких последних номерах действительно произвели некоторое впечатление. Иначе государь не стал бы и говорить о них.

Между прочим «Русский мир» порицал и занятия музыкой в военных гимназиях, выставляя их в том смысле, будто занятия эти отвлекают учеников от серьезного учения и ведутся только напоказ, чтобы давать перед публикой концерты. Такое толкование очевидным образом лишено всякого основания, тем

не менее заметно было, что у государя зародилось сомнение.

Так как мною принято за непременное правило не входить в полемику с враждебными Военному министерству газетами, то ничего другого не остается, как представлять опровержения статей «Русского мира» в записках, составляемых собственно для государя. Такую записку, написанную генералом Исаковым, и представил я сегодня, при докладе. Через несколько часов, еще до возвращения моего домой, записка эта была возвращена мне со следующей собственноручной резолюцией: «Дай Бог, чтобы и впредь военно-учебные наши заведения приносили ту пользу, которую они приносят и о которой свидетельствуют почти все начальники строевых войск». Конечно, я поспешил отослать эту резолюцию к генералу Исакову, чтобы успокоить его и достойных его помощников, так усердно и разумно потрудившихся, чтобы довести наши военно-учебные заведения до настоящего их превосходного состояния.

Между этими заведениями низшее место занимают военные прогимназии, которые были учреждены с весьма малыми средствами на развалинах прежних батальонов кантонистов. Батальоны эти еще в 1857 году были переименованы в «училища военного ведомства»[83]. Военные прогимназии, естественно, унаследовали много нехорошего от прежнего уродливого учреждения кантонистов, и нужно было много усилий, много настойчивости, чтобы искоренить прежний дух и характер этих солдатских училищ.

Петербургская прогимназия и до последнего времени удерживала этот характер, несмотря на частые с моей стороны внушения. Только с прошлого года, с увольнением прежнего начальника (полковника Гарина), зачерствевшего в старой школе, и с назначением на его место полковника Генерального штаба Рудановского Петербургская военная прогимназия начала принимать другой вид, так что я стал уже охотно посещать это заведение. Затронутое самолюбие Рудановского дало очевидные результаты: сегодня я имел удовольствие в этом удостовериться. Рудановский пригласил меня послушать составленный из воспитанников прогимназии хор и оркестр; я был удивлен успехами, достигнутыми в несколько месяцев. Конечно, тут для меня имела важность вовсе не музыка, а та перемена, которую я нашел в воспитанниках сравнительно с недавним еще временем: они облагорожены, смотрят весело, смело, а не имеют вида забитых и осолдаченных кантонистов. Мы с Исаковым предполагаем пойти далее: некоторые из теперешних военных прогимназий обратить в гимназии, а другие – слить с последними в виде вспомогательных отделов их, собственно для малоспособных детей.

Сегодня же после доклада представлял я государю топографические работы, произведенные в Азиатской Турции офицерами Кавказского округа. Ими пройдены многие пути по разным направлениям, и снятые маршруты составляют уже богатый материал для карты. При этом представлялся государю генерал Франкини, которому его величество лично объявил свою непременную волю: в Закаспийском крае ни под каким предлогом не предпринимать никаких движений к Мерву.

Во втором часу назначена была панихида на станции Николаевской железной дороги по умершем Самарине. Тело его перевозят в Москву. На панихиду собралось довольно большое число его родных, приятелей и почитателей. Известный проповедник и профессор богословия Янишев сказал перед панихидой речь не совсем удачную, а по окончании панихиды отец Горчаков, профессор богословия в здешнем университете, произнес короткое, но сильное надгробное слово. В обеих речах преобладала, разумеется, религиозная сторона характера и жизни покойного Юрия Федоровича: ему воздавалась хвала как бойцу за православие в тех окраинах империи, где оно было подавлено иноземным влиянием.

Вечером был на панихиде по Захару Николаевичу Мухортову.

28 марта. Воскресенье. Утром был на отпевании покойного Мухортова, а потом на разводе.

30 марта. Вторник. Посещая сколь возможно чаще военно-

учебные заведения уже много лет сряду, я постоянно твержу начальству их и преподавателям, что в этих заведениях, более чем в каких-либо других, по специальному их характеру и назначению, необходимо обратить особенное внимание на два предмета: 1) в классах русского языка и словесности приучать воспитанников к толковому, правильному и сжатому изложению на темы научного или практического характера; развивать в них не столько фантазию и воображение, сколько логичность мышления и систематичность изложения; и 2) в курсе математики не ограничиваться теоретическим заучиванием теорем и формул, но сколь можно более упражнять в механизме вычислений и в применении теории к решению разнородных задач.

К сожалению, до сих пор я замечаю мало успеха в обоих этих требованиях; указания мои остаются без исполнения. Учителя словесности продолжают задавать темы на сюжеты, заимствованные из сочинений Гоголя и Грибоедова, теряют дорогое время на пустую болтовню под фирмой «разбора образцов»; а учителя математики не уделяют довольно времени механизму вычислений и графическим решениям задач.

В прошлом году в журнале Министерства народного просвещения обратила мое внимание статья об испытаниях выпускных воспитанников гимназий; в этой статье между прочим были указаны и темы, которые задавались по разным предметам преподавания и решение которых обусловливало получение свидетельства зрелости. Мне пришла мысль провести опыт в военных гимназиях и выяснить, насколько наши воспитанники развиты, чтобы удовлетворительно решать такие же задачи.

Для этого я распорядился, чтобы из старшего (VII-го) класса 1-й и 2-й военных гимназий и Пажеского корпуса отобрали четвертую часть воспитанников, лучших по баллам, в назначенный мною день и час собрали их в одном из заведений и чтобы в моем присутствии они решили одну и ту же задачу из каждой части гимназического курса математики. Я сам придумал задачи, которые дали бы возможность испытать, насколько воспитанники усвоили пройденное из математики, насколько находчивы они для приложения своих знаний к вопросам совершенно для них новым и, наконец, насколько приучены к механизму вычислений.

Это сравнительное испытание происходило вчера, 29-го числа, в библиотеке 2-й военной гимназии. Собрано было 35 воспитанников от всех трех названных заведений. Темы были нелегкие, и потому бедные мальчики с трудом справились с ними. Я не мог дождаться конца их работы и приказал дать им

время до 5 часов, после чего отобрать тетради, хотя бы и недоконченные. Вчера же вечером мне были доставлены эти работы, и сегодня немало стоило мне труда пересмотреть целую пачку испещренных цифрами и фигурами листков. Я имел терпение исполнить сам эту скучную работу и написать подробную рецензию.

Произведенный опыт убедил меня в верности прежних замечаний моих: даже лучшие воспитанники оказались очень слабыми в механизме вычислений, многие не решили даже арифметической задачи. Сравнительно более успеха заметно в 1-й военной гимназии; воспитанники же 2-й гимназии, вопреки моим ожиданиям, оказались самыми слабыми. Такой результат, конечно, прискорбен для меня, но я воспользуюсь настоящим опытом, чтобы побудить преподавателей и начальников исполнить давнишние мои требования. Я объявил, что на будущее время буду повторять подобные испытания.

Сегодня же назначено было воспитанникам тех же заведений писать сочинение на данную мною тему: «Географическое и историческое значение Средиземного моря». Они должны были исполнить это в своих заведениях, в присутствии начальников; тема была послана мною прямо в каждое заведение к тому часу, который назначили для сбора воспитанников. Сегодня же вечером получил я толстый пакет с полусотней тетрадей. Я, конечно, не успел еще рассмотреть их, да едва ли и найду время, чтобы внимательно исполнить такую работу; однако ж, сколько можно судить по поверхностному взгляду, мне кажется, что этот опыт дал результат более утешительный, чем вчерашний по математике. В особенности произвели на меня хорошее впечатление работы пажей.

Вчера опять возобновились в Государственном совете заседания Соединенных департаментов по вопросу о найме рабочих. На рассмотрение предъявлен уже новый, сокращенный проект, выработанный в Государственной канцелярии. Он наполовину короче прежнего; однако все-таки не обошлось без продолжительных споров по каждой статье.

Сегодня я[84] пропустил заседание Комитета министров; никакого не было дела, для которого мое присутствие было бы нужно.

31 марта. Среда. По случаю говенья был сегодня два раза в церкви, вечером исповедовался. Однако ж заседание Военного совета прошло своим порядком.

1 апреля. Четверг. После обедни и причащения в Большой церкви Зимнего дворца имел, по обыкновению, доклад. Государь заговорил о делах герцеговинских и выразил сомнение в том,

чтобы можно было ожидать успешного исхода дела на основании предложенного в ноте Андраши соглашения. По мнению государя, следовало бы прямо требовать полной автономии областей, населенных христианами, наподобие Сербии. Когда я заметил, что на такое предположение едва ли согласится Австрия, государь сказал, что надеется уладить это дело с Андраши лично, во время предстоящего проезда своего через Берлин, куда приглашен к тому же времени и австро-венгерский министр иностранных дел.

После доклада был у меня барон Жомини, привез переделанный проект международной конвенции относительно прав и обязанностей воюющих сторон. В разговоре с ним я узнал, что от Андраши уже получен ответ: он с радостью принял приглашение; но в нашем Министерстве иностранных дел несколько озабочены тем, что предположенное в Берлине соглашение между тремя империями может возбудить неудовольствие и претензии в других кабинетах, не призванных к участию в соглашении.

2 апреля. Пятница. Утром осматривал во всей подробности вновь возведенное здание для военной тюрьмы. Постройка громадная, со всеми современными усовершенствованиями, но стоила дорого – до 650 тысяч рублей.

3 апреля. Суббота. После доклада заехал к государственному канцлеру для объяснения с ним по одному делу. Князь Горчаков показал мне последнюю дипломатическую переписку по делам Герцеговины и Боснии и говорил о затруднительности настоящего политического положения, о том, что не по силам оно 80-летнему старику. Фраза эта часто повторяется, собственно для того, чтобы вызвать комплимент. На сей раз, однако ж, старика тревожило предположенное совещание в Берлине, где в один или два дня пребывания государя, среди суеты и треволнений, трудно вести серьезное дело с Бисмарком и Андраши, не возбудив ревности представителей Франции, Англии и других. Наш государственный канцлер надеется, что Австрия заодно с нами пойдет к предположенной цели, то есть к дарованию автономии Герцеговине и Боснии; но ему не хотелось бы допустить Бисмарка разыграть любимую им роль посредника и примирителя, вершителя судеб Европы.

Я спросил канцлера, считает ли он возможным, добившись от турок автономии христианским областям, предоставить затем этим областям полную свободу устраиваться собственными своими средствами и по своему разумению? Могут ли они организоваться сами в самостоятельные государства, без постороннего материального вмешательства? Князь Горчаков

сказал мне, что государь не прочь допустить вступление австрийских войск в Боснию на определенных, точных условиях.

После этого разговора, возвратившись домой, я застал у себя полковника Кишельского, родом болгарина, поступившего в русскую службу после Крымской войны и с тех пор деятельно игравшего роль нашего секретного поверенного по делам христианских областей северной Турции. Настоящие обстоятельства заставляют его покинуть русскую службу, чтобы принять непосредственное участие в событиях, готовящихся на Балканском полуострове.

Согласно желанию князя Горчакова и самого государя, я отклонил Кишельского от намерения выйти в отставку, но при этом выслушал от него крайне печальные известия о современном положении Болгарии. Положение ее еще труднее других областей потому, что христианское население обезоружено, а мусульманское (меньшинство) всё вооружено. Кишельский говорит, что там ежедневно опасаются поголовного истребления христиан. Я советовал ему, для блага его земляков, предостеречь их от неосторожной, преждевременной вспышки и выждать еще несколько времени, ввиду неизбежного близкого разъяснения дел в Боснии и Герцеговине. Если суждено решить вопрос оружием, то Болгария должна последней примкнуть к общему вооружению.

Заезжал к барону Жомини, чтобы сообщить ему замечания на составленную им новую редакцию статей Брюссельской конференции. Он безусловно принял все мои указания.

6 апреля. Вторник. Первые дни праздника Пасхи прошли обычным порядком: заутреня на Светлое Воскресенье во дворце, потом розговенье в Белой зале, утром разъезды по дворцам, семейный обед и т. д. Сегодня после обыкновенного доклада представлял я государю офицеров, окончивших курс в Академии Генерального штаба; в числе их, третьим по экзаменационному списку, стоял великий князь Николай Николаевич (младший), уже в мундире Генерального штаба.

8 апреля. Четверг. После моего доклада происходило в кабинете государя совещание по поводу случившейся на днях уличной демонстрации при похоронах бывшего студента Медико-хирургической академии Чернышева, высидевшего 2 года в крепости и тюрьме, освобожденного на поруки и по прошествии нескольких дней кончившего жизнь в сильнейшей чахотке (в клинической больнице Вилье). Так как в похоронной процессии участвовали некоторые студенты Академии и, как говорили, слушательницы состоящих при Академии женских курсов, то, вероятно, именно по этому поводу я был приглашен в совещание.

Участвовали в нем, кроме великих князей, наследника

цесаревича и Владимира Александровича, министры внутренних дел и юстиции, шеф жандармов, статс-секретарь князь Урусов и петербургский градоначальник Трепов. Государь выразил мнение о необходимости принятия мер, чтобы на будущее время полиция имела возможность не допускать уличных демонстраций, подобных означенной похоронной процессии. Граф Пален первый просил слова и объяснил, что, по его мнению, необходимо установить законодательным порядком то, что уже существует во всех государствах: предоставить полицейскому начальству право устанавливать и объявлять правила или запрещения касательно соблюдения внешнего порядка и благочиния и чтобы в законе были установлены и наказания за нарушение полицейских распоряжений.

С этим мнением согласились все, но Тимашев и Потапов подняли другой вопрос, не относящийся прямо к предмету совещания: они настаивали, чтобы лица, арестованные по политическим делам, не освобождались от ареста на поруки до окончания дела. Граф Пален, к чести его, возражал довольно настойчиво, князь Урусов, по своему обыкновению, извернулся общей фразой, а Трепов настаивал на одном: чтобы всех сколько-нибудь скомпрометированных лиц высылать из Петербурга. На это возразили граф Пален и я, и вследствие этого государь сказал, что в этом вопросе есть и *pro* и *contra* и на сей раз ничего не решается окончательно, но министрам внутренних дел и юстиции поручается войти в ближайшее между собою соглашение по затронутым вопросам и обратиться с представлениями в установленном порядке.

Я порадовался тому, что совещание имело спокойный и безличный характер, что не было вовсе никаких нареканий Медико-хирургической академии, несмотря на то, что первоначально на нее сваливали всю вину случившейся демонстрации. Приученный уже к нападкам по всякому поводу, я ожидал, что не обойдется без них и сегодня. Однако ж не было сказано ни слова. Вообще, сегодня было заметно со стороны государя более обыкновенного любезное ко мне расположение. По выходе из совещания я получил приглашение к царскому столу.

Пользуясь часом промежутка между совещанием и назначенным сегодня же, в час пополудни, осмотром графических работ Корпуса путей сообщения, я заехал к генеральше Ермоловой, инспектрисе женских курсов при Академии. Эта почтеннейшая, благородная личность, принявшая на себя безвозмездно тяжелую ответственность за слушательниц женских курсов, была встревожена дошедшими до нее слухами об участии

в бывшей уличной демонстрации некоторых из ее «студенток» (как их называют в обыкновенном разговоре) и желала увидеться со мною. Я успокоил ее, но воспользовался случаем, чтобы предостеречь на будущее время от справедливых нареканий на поведение «студенток».

В час пополудни государь вышел вместе с императрицей в зал, где были разложены работы Корпуса путей сообщения. Императрица пожелала видеть некоторые из топографических работ военного ведомства. Эти работы и были выложены в концертном зале; подобрали, разумеется, только то, что могло заинтересовать императрицу. Более всего внимание ее величества остановилось на карте Турции, показывавшей нынешнее распределение турецких войск, направленных против Боснии, Герцеговины и Сербии. Императрица близко к сердцу принимает нынешние дела турецких славян и не скрывает своего негодования тем, что наша дипломатия держится в этом вопросе такой пассивной роли. Государыня выражалась в этом смысле при многих офицерах Генерального штаба и при других лицах, присутствовавших во время осмотра карт; в том же смысле возобновила она разговор со мною и позже, перед обедом. С глубокой скорбью говорила императрица о страшном кровопролитии, которое именно теперь происходит на театре войны. По последним телеграммам, инсургенты четыре дня дрались с сильными турецкими войсками и, не имея уже боевых припасов, бились на ятаганах. Когда я сказал, что надобно возлагать надежды на лучший оборот дел, если государь поедет за границу, императрица со вздохом заметила: «А до тех пор?.. Сколько бедствий вынесут эти несчастные!»

За обедом я сидел между императрицей и великой княгиней Марией Александровной. К обеду были приглашены великий князь Николай Николаевич, принцесса Баденская Мария Максимилиановна, княгиня Мария Васильевна Воронцова и граф Ламберт как дежурный генерал-адъютант. Кроме того, обедали фрейлина великой княгини Марии Александровны и брат ее, молодой офицер английской конной гвардии. Они уезжают завтра в Англию, и по этому случаю сегодня для них дали прощальный обед. За обедом много было разговора о картографических работах, представленных утром императрице; великая княгиня Мария Александровна также выразила желание видеть завтра некоторые из означенных работ, обратившие на себя особенное внимание императрицы.

9 апреля. Пятница. Утром осматривал Николаевский военный госпиталь, в котором не бывал уже несколько лет. Главной целью моего посещения было сообразить, как

приспособить верхний этаж госпиталя к предположенному перемещению туда женских курсов из клинического госпиталя. Перемещение это признано необходимым для того, чтобы завести более порядка на женских курсах и устранить нарекания по поводу сближения слушательниц с академическими студентами.

В 1½ часа был у великой княгини Марии Александровны с полковниками Штубендорфом и Жилинским. Первый объяснял ее высочеству устройство голубиной почты, а второй – работы по нивелировке и осушению Припятских болот. Молодая герцогиня Эдинбургская выслушала эти объяснения с большим вниманием и любезностью.

10 апреля. Суббота. Я нашел государя озабоченным более обыкновенного вчерашней телеграммой из Константинополя от посла Игнатьева о том, что в диване взяла верх партия воинственная и решено объявить войну Черногории. Если это справедливо, то, по-видимому, турки ставят последнюю свою карту; надобно полагать, что нападение их на черногорцев будет сигналом войны для Сербии, а может быть, и Дунайских княжеств и Болгарии. Европа не может остаться равнодушной зрительницей этого общего кровопролития и предоставить случаю будущие судьбы Балканского полуострова.

Вместе с тем посол наш в Берлине Убри сообщает, что день, назначенный по маршруту государя для приезда в Берлин, очень неудобен для берлинцев: это церковный праздник, который проводится обыкновенно в молитве и уединении. Государь сказал, что, быть может, изменит день отъезда своего, назначив его ранее или позже 25-го числа. Я воспользовался случаем, чтобы отпроситься в отпуск, сначала за границу, а потом в Крым, на всё время отсутствия государя. На это он сказал мне, что «согласен, разумеется, если только политические обстоятельства не воспрепятствуют».

После доклада ездил поздравить великого князя Владимира Александровича.

13 апреля. Вторник. Известия из Константинополя о воинственных решениях Порты оказались преувеличенными; последние известия успокоительнее, хотя все-таки мало еще вероятия, чтобы дела в Турции уладились мирным путем. Ожидают приезда государя в Берлин, чтобы рассечь гордиев узел; но, к сожалению, отъезд его не только не ускорен, но даже замедлен на два дня и назначен на 27-е число. Эта перемена заставляет и меня выехать за границу несколько позже, чем я рассчитывал.

При докладе моем государь объявил свое решение по спорному вопросу о штыках. Он давно уже склонился к мнению

герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого, чтобы в пехоте нашей, по примеру прусской, был принят вместо нашего прекрасного трехгранного штыка немецкий тесак-штык (*sabre-bayonette*) и стрельба производилась без примкнутого штыка. Великий же князь Николай Николаевич и почти весь генералитет (за исключением стрелковых) отстаивали наш штык и стрельбу с примкнутым штыком. Я был того же мнения и старался, по возможности, отклонить государя от предположенного изменения.

По настоянию герцога вопрос этот был снова возбужден в последнее время и по моему предложению подвергнут обсуждению в многочисленном собрании компетентных военных лиц под председательством великого князя Николая Николаевича. Участвовали в этом совещании и наследник цесаревич, и великий князь Владимир Александрович. Вопрос был решен почти единогласно в пользу стрельбы с примкнутым штыком. Только два стрелковых генерала и великий князь Владимир Александрович подали отдельное мнение. Наследник, склонявшийся прежде на их сторону, отступился от этого мнения, убедившись доводами большинства.

Все протоколы совещания, с приложением отдельных записок, были представлены мною государю, который принял среднее решение, приказав ввести новые штыки-тесаки и стрельбу без примкнутых штыков только в стрелковых батальонах и в гвардии; во всей же армии – оставить всё по-прежнему. Таким образом, является новое усложнение, новая пестрота; опять отсутствие единства и единообразия, столь важных в деле организации и образования войск. Тем не менее решение это все-таки предпочитаю тому, которого опасался и к которому государь заметно склонялся до сего времени.

Сегодня полковой праздник Лейб-Гренадерского полка. Я уклонился от парада под предлогом двух заседаний – Комитета министров и Польского (в последнем я председательствую), но должен был явиться на обычный в дни полковых праздников парадный обед во дворце.

15 апреля. Четверг. Вчера государь смотрел на дворцовой площадке молодых солдат гвардии, поступивших в последний призыв. Новобранцы возбуждают общее удивление: так скоро они принимают солдатскую осанку и усваивают строевое образование.

Сегодня при докладе государь прочел две полученные вчера от посла нашего в Вене телеграммы. Он сообщает о новом предложении Андраши относительно условий замирения Герцеговины и Боснии. Предложение это не имеет никакого практического значения, и если б турки согласились, то оно

осталось бы мертвой буквой. В таком смысле заготовлена ответная депеша от государственного канцлера. Видно, в Вене очень легко смотрят на настоящее положение дел и не видят еще необходимости обратиться к более радикальным мерам лечения больного.

После доклада заехал я к князю Горчакову, чтобы узнать подробнее настоящее положение дел. Застал его одного и просидел у него часа полтора; разговор был весьма интересный. Князь Горчаков вошел в самые откровенные объяснения своих соображений относительно программы предстоящих совещаний в Берлине и дал мне прочесть секретную записку, составленную им по этому предмету для государя. В этой записке он разбирает различные предположения для дальнейшего направления дела, сознавая важность настоящего момента для решения судьбы Турецкой империи в Европе. Государственный канцлер рассчитывает на безусловную поддержку нашей политики со стороны Пруссии; графу Шувалову поручено было, при проезде его через Берлин на обратном пути в Англию, выразить князю Бисмарку благодарность за его открытое положительное заявление готовности Германии идти заодно с Россией, даже служить ей всей своей армией в случае надобности.

Продолжительные дружеские беседы Бисмарка с графом Шуваловым в оба проезда последнего через Берлин возбудили ревность в нашем после при берлинском дворе. Убри написал князю Горчакову, что чувствует себя оскорбленным, так как Бисмарк не удостаивает его почти никогда прямых объяснений, тогда как с графом Шуваловым проводит целые вечера в конфиденциальных беседах обо всех вопросах современной политики. Убри просит увольнения от должности. Князь Горчаков в ответе своем, весьма ловко редактированном, старался успокоить посла и считает дело улаженным.

Князь Горчаков не в первый раз рассказывает мне о своих разговорах с императрицей, которая ставит его в неприятное положение, говоря с упреком о нашей примирительной и сговорчивой политике. Но государь твердо держится этого направления и не поддается женским влияниям. Князь Горчаков рассказал мне несколько очень характерных анекдотов о государе и о некоторых своих с ним столкновениях. У государя часто проявляется прекрасная черта характера: он великодушно делает уступки, жертвуя своим самолюбием, когда признает это нужным для пользы государственного дела. У него много мягкости и гибкости в характере и образе действий. Я вспомнил 1873 год, когда сам имел случай испытать это лично на себе.

16 апреля. Пятница. Экстренное заседание Военного совета

для рассмотрения некоторых законодательных дел по военно-учебным заведениям. Горячие прения возбудило представление Главного управления о распределении малолетних по разрядам для приема на казеннокоштные вакансии в военных гимназиях[85]. Кроме генерал-адъютанта Непокойчицкого, все прочие члены согласились на новые правила.

Вечером проводил на Николаевскую железную дорогу жену, которая с младшими дочерьми отправилась на лето в Крым.

22 апреля. Четверг. Целую неделю не заглядывал в свой дневник; время было хлопотливое; собираясь вскоре в путь, заканчиваю дела, которые как-то особенно плодятся. В политическом мире мало примечательного: то телеграмма из Константинополя возвещает блистательную победу Мухтар-паши и занятие им Никшича, то из Рагузы приходит опровержение мнимых успехов турок и, наоборот, известие о торжестве инсургентов. Все ожидания и надежды сосредоточиваются на близком свидании императоров и канцлеров в Берлине.

Назначенный сегодня парад войскам отменен по случаю холодной погоды. Врачи оберегают здоровье государя.

29 апреля. Четверг. Париж. Последние дни минувшей недели провел в прощальных визитах, откланивался особам императорской фамилии, имел в субботу последний доклад у государя, а в воскресенье, 25-го числа, утром выехал из Петербурга. Не останавливаясь нигде, прибыл в Париж утром 28-го числа; на станции железной дороги встретили меня сын и адъютант мой барон Фредрихс, проживающий в Париже уже несколько лет в должности второго военного агента. Немедленно по приезде поехал я к графине Ольсуфьевой, у которой остановились дочери мои, выехавшие ко мне навстречу из Ниццы. До Парижа доехали они вместе с Марией Николаевной Вельяминовой при гробе покойной княжны Вяземской.

Утром мы навестили графа Муравьева-Амурского, обедали вместе с графиней Олсуфьевой и Арапетовым в ресторане, а вечер закончили у Олсуфьевых за чайным столом.

Здесь узнал я новость о том, что консулы германский и французский в Салониках убиты турками и европейские эскадры отправлены к берегам Турции. Этот случай может послужить для более решительной развязки турецкого вопроса в Берлине. Сегодня наш государь должен приехать туда, и через несколько дней, может быть, в газетах начнут толковать о результате самых секретных дипломатических совещаний.

Вчера, по приезде в Париж, нашел записку ко мне от княгини Трубецкой, известной под именем Лизы Трубецкой. Она живет здесь уже несколько лет и старается играть роль в политической

жизни; в гостиной ее собираются политические фигуры разнообразных оттенков из Франции и со всей Европы. Княгиня Трубецкая возымела странную идею – познакомить меня с Гамбетта́[86]. Я уклонился от этой встречи, которая неизбежно была бы истолкована в неблаговидном смысле, так как я, находясь в Париже только проездом, ни у кого из политических лиц не буду и даже, может быть, не увижу нашего посла князя Орлова, которого сегодня утром не застал.

8 мая. Суббота. В прошедшую пятницу, 30 апреля, утром был у нашего посла князя Орлова, завтракал у него с советником посольства Фонтоном, секретарем Бутеневым и консулом Кумани. Главным предметом разговора, конечно, были турецкие дела и свидание императоров и канцлеров в Берлине.

В тот же день, отобедав у Олсуфьевых, вечером выехал из Парижа вместе с обеими дочерьми. 2 (14) мая, в воскресенье, рано утром прибыли мы в Вену, где наш военный агент полковник Фельдман приготовил нам помещение в «Hôtel Impérial». Везде преследовала нас холодная погода; мы зябли даже в комнатах и по случаю дурной погоды бóльшую часть дня провели в гостинице. На другой день, едва успев сделать кое-какие закупки, выехали из Вены в 11 часов утра через Краков и Львов и ровно через сутки были в Волочиске, где для нас ждал особый вагон.

В среду, 5 мая, в 9½ часа утра мы были в Одессе. На станции встретил меня генерал-адъютант Семека с главными лицами Военно-окружного управления и войск. Евгений Михайлович Понсэ приготовил нам помещение в гостинице «Швейцарской», но, к сожалению, мои вещи из Петербурга получены были только на другой день утром, так что весь день среды, не имея военного костюма, я не мог никуда выйти из гостиницы. В четверг посетил я генерала Семеку и вместе с ним осмотрел новые постройки юнкерского училища и госпиталя, а затем самое училище, где застал экзамены. Училище это, так же как и все другие юнкерские училища, поставлено весьма удовлетворительно и успешно выполняет свое назначение.

В 3 часа пополудни мы вышли из одесской гавани на пароходе «Коцебу»; до ночи имели самое спокойное плавание, но утром следующего дня (в пятницу) нас несколько покачало между Евпаторией и Севастополем. В Севастополе я не выходил на берег, но виделся на пароходе с тамошними властями и полковником Гемельманом. В шестом часу вечера мы прибыли в Ялту, где уже ожидала нас жена с экипажем, и мы все немедленно отправились в Симеиз.

С любопытством ждал я встречи с нашим жильем в

оконченном и благоустроенном виде. Однако ж сегодня утром, к великой нашей досаде, не удалось вполне насладиться прелестями нашего скромного, но живописного приюта: поднялся страшный ветер с дождем и к полудню обратился почти в ураган, так что трудно было удержаться на ногах вблизи дома. Таким образом, мы должны были целый день оставаться в комнатах, занимаясь приведением в порядок своей домашней обстановки.

Проездом через Одессу узнал я о последних политических новостях. В Болгарии решительно готовится восстание; в Константинополе – волнения, уличная толпа осмелилась даже остановить султана и заставила его выйти из кареты – случай небывалый. Послы и посланники, по слухам, переезжают на ночь на пароходы, считая опасным оставаться в городе; однако ж генерал Игнатьев, как говорят, решил переехать, по обыкновению, в место загородного пребывания посольства – Буюкдере.

В газетной телеграмме из Берлина говорится, что на конференции, по соглашению между тремя империями, постановлено «возложить на Россию принятие энергичных мер для приведения в исполнение решений Конференции по турецким делам». Телеграмма эта несколько встревожила меня; не совсем еще отдаю себе отчет в значении ее, не зная, в чем именно заключается постановленное в Берлине разрешение турецкого вопроса. Если под словом «энергичные меры» можно подразумевать применение оружия, то, вероятно, мне не удастся воспользоваться своим двухмесячным отпуском и придется поспешить обратно в Петербург ранее срока.

14 июня. Понедельник. Более месяца не заглядывал в свой дневник, предавшись полному *far niente* в своем безмятежном уединении. А между тем было что записывать в дневнике за это время. Неожиданная для всех революция в Константинополе, свержение одного султана и возведение на престол другого, потом подозрительное самоубийство свергнутого калифа, убийство новых министров; в то же время проделки английского правительства, разыгравшего в Константинополе комедию для усиления своей популярности, с высылкой сильной английской эскадры в Безикскую бухту в видах поддержания распадающегося государства и наперекор последним стараниям пяти больших континентальных держав уладить мирным путем дела на Балканском полуострове – всё это составит любопытную главу в истории нашего времени. Вся Европа пришла в тревожное состояние; заговорили о неизбежной войне; уже толковали о том, что Англии удастся снова, по примеру Восточной войны 1853–1855 годов, восстановить всю Европу против России; опять поднялась враждебная нам газетная полемика.

Обо всем этом я узнавал частью из газет, частью из письменных сообщений генерала Семеки из Одессы; из Петербурга же сведения приходили редко. Однако я ни на минуту не терял уверенности в сохранении мира, с тех пор как узнал в общих выражениях о результате бывшего месяц тому назад берлинского совещания. После того что я слышал от самого государя об установившемся секретном соглашении между тремя императорами, я не имел до сих пор повода усомниться в прочности этого союза. Ни переворот в Константинополе, ни самодурство англичан не представляют пока достаточных причин к изменению политики трех империй.

Поэтому, несмотря на получаемые животрепещущие новости, я спокойно оставался в своем Симеизе, занимаясь устройством библиотеки и стараясь позабыть о делах, ожидающих меня по возвращении в Петербург. Однако ж в продолжение этого времени ко мне присылали двух фельдъегерей с деловыми бумагами и письмами; навещали меня, кроме некоторых ялтинских старожилов, проезжавшие случайно генерал Семека, генерал Кауфман (Михаил Петрович), Данилевский (Николай Яковлевич) из Мшатки.

Припоминаю еще, что получил письмо от сербского военного министра Николича, который просит моего ходатайства в том, чтобы русское правительство не препятствовало доставке в Сербию всего нужного ввиду предстоящего разрыва с Турцией. Письмо это я отправил государственному канцлеру в Эмс. С подобной же просьбой обращались ко мне болгары; приезжал полковник Кишельский, чтобы лично просить о выпуске из одесской таможни конфискованного оружия, предназначавшегося для болгар несколько лет тому назад; а также о снабжении болгар старым русским оружием и о дозволении самому Кишельскому окончательно выйти в отставку, чтобы открыто принять деятельное участие в восстании.

Возвращение государя из-за границы отсрочено до 28 июня, однако ж я все-таки считаю своей обязанностью быть в Петербурге не позже 25-го или 26-го числа, то есть к сроку моего отпуска. Поэтому мне остается наслаждаться отдыхом еще одну неделю. В будущий понедельник выеду из Ялты на пароходе в Одессу, завезу младшую дочь Лёлю и племянницу Аню к графине Гейден, в деревню в Киевской губернии, и затем направлюсь через Киев и Москву к своему рабочему месту.

30 июня. Среда. Петербург. Пароход «Юнона», на котором я должен был отправиться 21-го числа из Крыма в Одессу, задержан бурей у кавказских берегов и вышел из Ялты сутками позже назначенного по расписанию. Поэтому я должен был отказаться

от своего намерения заехать в имение графа Гейдена, где предполагал провести день; вместо того на ближайшей от этого имения станции Гнивань я расстался с моими спутницами, передав их на попечение графини Елизаветы Николаевны Гейден, встретившей нас на станции с обычным своим радушием.

Приехав в Петербург в прошлую субботу, 26 июня, был встречен на станции старшей моей дочерью и адъютантами. С первого же дня меня завалили бумагами. В воскресенье утром поехал я в Петергоф представиться императрице и другим членам царской фамилии и оставался там до вторника. В понедельник встречали государя, а вчера, во вторник, я имел первый доклад у его величества и затем должен был остаться у обедни и на завтраке по случаю дня Святого Павла (именины великого князя Павла Александровича). К обеду вернулся в город и нашел здесь сына, только что возвратившегося из поездки за границу и в разные губернии.

В Петергофе, так же как и здесь в Петербурге, исключительные предметы разговоров и толков – здоровье государя и восточный вопрос. До приезда государя ходили самые зловещие слухи о расстроенном здоровье и нравственном упадке; с прибытием его несколько успокоились, однако нашли его сильно исхудавшим. Доктор Боткин (осмотревший государя во вторник) говорил мне, что не нашел никаких опасных симптомов [и намекнул, что истощение его может отчасти происходить от излишеств в отношении к женщинам. Говорят, что, кроме постоянных сношений с княжной Долгорукой, бывают и случайные любовные «авантюры». Рассказывают, что, например, в Эмсе, где государь бóльшую часть времени проводил у княжны Долгорукой, за ним бегали стаи женщин разного сорта. Впрочем, мне кажется, что тут есть некоторое преувеличение: не всякая встреча в саду, не всякая беседа с глазу на глаз имеют значение любовной связи. Можно даже приписывать эти рассказы о любовных похождениях государя более назойливости самих женщин, чем его похотливости.]

Возвращения государя ожидали с нетерпением, чтобы узнать что-нибудь верное о настоящем положении дел. В последние дни телеграммы с театра войны не заключали в себе никаких примечательных известий. С объявления войны Сербией и Черногорией (о чем я узнал только в Одессе) и с перехода сербских войск через границу прошло уже 9 дней; по первым телеграммам о наступлении Черняева в обществе уже составилось представление о победоносном его шествии прямо к Константинополю. Но в последующих телеграммах видно, что наступление сербов не имеет такого решительного характера, и

теперь можно догадываться, что оба противника выжидают, пока стянутся их силы.

При этом фазисе войны, как всегда бывает, получаемые с той и другой стороны известия нередко противоречат друг кругу. Вчерашние телеграммы дают повод думать, что западная колонна сербов имела успех в Боснии и Герцеговине и вошла в связь с черногорцами. Из этого можно также заключить, что Мухтар-паша с войсками своими потянулся из Боснии к главной армии в Нише. По имеющимся в Главном штабе сведениям кажется, что силы обеих сторон почти уравновешиваются, с малым разве перевесом на стороне турок. В Болгарии восстание пока в малых размерах. Бедняки эти не имеют оружия, а потому турки и черкесы производят везде возмутительные жестокости, тысячами истребляя безоружное и беззащитное население. Никто не приходит на помощь болгарам, а, напротив, говорят, что шайки мадьяр, переходя из Венгрии в Турцию, помогают туркам.

При таком положении дел, естественно, возникает вопрос: неужели Европа, и в особенности Россия, могут продолжать твердо сохранять принцип невмешательства, особенно ввиду явного и гласного сочувствия, оказываемого туркам Англией и Венгрией? Любопытно было бы узнать, на чем же остановились союзные императоры после последних свиданий в Эмсе и Рейхенберге. В понедельник, когда я мимоходом спросил барона Жомини (приехавшего с государем и князем Горчаковым), он, конечно, не дал мне определенного ответа, а вместо того кинул какую-то странную фразу о нашей неготовности к войне.

Так как я замечал уже, что и в публике слышались смутные толки о том, будто бы Россия *не может* воевать и вынуждена во что бы ни стало избегать войны по расстройству военных сил, то я счел нужным при первом же моем докладе государю взять с собой работы, подготовленные Мобилизационным комитетом при Главном штабе, чтобы объяснить государю и великим князьям истинное положение дел и устранить в них по крайней мере ту тревожную мысль, будто мы теперь уже вовсе не можем вести войны. Из означенных работ ясно видно, что, несмотря на многие еще остающиеся в нашей военной организации недостатки, никогда армия наша не была в такой готовности к войне, как теперь. Конечно, мы находимся в переходном положении, всё у нас еще в разработке, и мы не можем выставить армию в том идеальном составе и устройстве, которое проектировано; но все-таки можем выставить несравненно бóльшие и лучше устроенные силы, чем когда-либо в прежние времена, и в особенности в несравненно более короткие сроки.

Всё это я доложил вчера государю, присовокупив, что если в

скорой мобилизации армии в нынешнем ее составе можно ожидать серьезных затруднений, то, разве, со стороны финансов и, кроме того, по неразрешению Государственным советом давно уже разработанного проекта закона о военно-конской повинности.

Государь выслушал мои объяснения без особенного внимания, как бы оставаясь по-прежнему в убеждении, что войны не будет. Он прочел, разумеется, под условием соблюдения строгой тайны, составленный после Рейхенбергского свидания протокол, в котором подтверждалось желание трех императоров воздерживаться от вмешательства в происходящую на Балканском полуострове борьбу, однако ж уже не безусловно, а с оговоркой, что такой образ действий будет соблюдаться только до тех пор, пока можно будет смотреть равнодушно на эту борьбу. При этом предусматриваются два случая: решительного перевеса турок над христианами или христиан над турками. На тот и другой случай установляются на сей раз уже более определенно намерения трех императорских кабинетов: если восторжествует мусульманство, то Европа потребует восстановления *quo ante bellum*[87]; в противном случае намечены в общих выражениях следующие предположения: расширение пределов Сербии и Черногории, возможность образования отдельных государств Болгарии, Румынии и Боснии и присоединения Фессалии и Македонии к Греции, образование вольного города в Константинополе, присоединение некоторых клочков турецкой территории к Австрии (на берегу Адриатического моря и в северо-западной Боснии), а также возвращение России отторгнутой части Бессарабии на левом берегу Дуная и присоединение Батумского порта.

Таким образом, теперь по крайней мере выяснилось, чего можно ожидать или на что надеяться в будущем. Однако ж по выслушании этого любопытного акта я позволил себе сделать некоторые замечания: во-первых, что система невмешательства возможна лишь при условии, что и другие европейские державы будут строго соблюдать ту же систему и не будут даже косвенно помогать одной из сторон; а во-вторых, что уже в настоящее время совершаются в Болгарии и в других частях Турции такие возмутительные жестокости над беззащитным христианским населением, что христианские державы едва ли могут оставаться равнодушными зрительницами. Вместе с тем я коснулся и двусмысленного отношения Австро-Венгрии к настоящей борьбе славян с турками: если даже и не сомневаться в чистосердечии и твердости самого императора Франца-Иосифа и Андраши, то остается еще вопрос, в какой мере их личные виды и желания могут служить гарантией будущего в конституционном

государстве при существующем дуализме и известном настроении Венгрии.

В разговоре государь коснулся еще некоторых частностей, которых я уже не припомню; но общее впечатление, вынесенное мною из государева кабинета, было таково: сохраняя по-прежнему надежды на продолжение мира в Европе, он уже не так спокойно смотрит на близкую будущность. Между прочим государь говорил о предложении Игнатьева собрать под видом учебного лагеря сильный корпус в Закавказье, на турецкой границе; с негодованием отзывался о поступке Черняева, которому через Потапова объявили высочайшее воспрещение уезжать в Сербию; упомянул о какой-то записке Фадеева (вероятно, той, которую он подал недавно наследнику), о занятии нами Дарданелл и проч. Замечательно, что о последнем химерическом предположении государь упомянул с некоторым сочувствием – и это в то время, когда в Безикской бухте стоит сильный английский флот и в Англии сделаны все приготовления к высадке, в случае надобности, 27 тысяч войска на любом пункте Архипелага.

Прежде выезда из Петергофа я посетил князя Горчакова и имел с ним продолжительный разговор. Он несколько раздосадовал меня своими бессмысленными упреками военному ведомству: зачем оно, издерживая ежегодно до 180 миллионов рублей, не имеет там, где оказывается нужным, ни одной части войск в полной готовности к войне? Зачем, например, три дивизии в Одесском округе находятся в слабом численном составе и зачем нужны особые денежные средства для приведения этих войск на военное положение? Как ни пытался я объяснить великому нашему дипломату всю несообразность его упреков и требований, он, как и всегда, не хотел слушать, говоря, что не понимает моих объяснений и не его дело входить в наши военные вопросы. Напрасный был бы труд настаивать, так как мне уже хорошо знакомо легкомыслие, с которым наш знаменитый канцлер говорит обо всех предметах, сколько-нибудь выходящих из тесных рамок дипломатической канцелярии. Впрочем, мы и на сей раз расстались друзьями. Я успел переговорить с ним о просьбах болгар относительно пропуска оружия через наши таможни, хотя мало ожидаю успеха в этом деле для несчастных.

1 июля. Четверг. Доклад в Петергофе. Ничего нового по делам политическим. Телеграммы с театра войны неопределенны и противоречивы. По-видимому, обе стороны стягивают свои силы. Сербы организуют партизанские отряды и народную войну. Румыния, как кажется, намерена держаться в стороне; может быть, до тех пор, пока не выкажется явный перевес в пользу той или другой партии.

Сегодня государь мало говорил о делах политических; у меня в докладе было много мелких дел, занявших всё время. После меня вошел в кабинет князь Горчаков, но оставался у государя не более 10 минут; мы вышли с ним вместе, и я подвез его в своем экипаже до его квартиры.

Он говорил мне о стараниях сербов сделать заем или получить пособие от России; князь отклоняет всякое официальное содействие славянскому делу.

Посетив летнее помещение воспитанников военных гимназий и прогимназий, я возвратился в Петербург к обеду. Со мною ехал Валуев, и всю дорогу мы проговорили о положении дел. Валуев видит всё в мрачном цвете, критикует нашу дипломатию; досталось и графу Шувалову, с которым во время оно Валуев шел рука в руку. На станции я познакомился с новым итальянским послом Нигрой.

От генерал-майора Горлова я получил письмо (из Лондона) о том, что англичане не на шутку заняты военными приготовлениями.

Завтра государь с императрицей отправляются в Финляндию дней на пять. Я полагал, что не избегну этой поездки, тем более что имеются в виду смотры войск Финляндского округа. Однако же и на этот раз меня оставляют в покое; ни слова не было мне сказано о предстоящей поездке. Всё больше и больше склоняюсь к тому предположению, что присутствие мое во время «высочайших путешествий» неприятно для графа Адлерберга. Я же, конечно, не стану плакать, оставаясь спокойно дома.

8 июля. Четверг. Ничего замечательного в течение целой недели. Можно, разве, упомянуть о побеге из Николаевского военного госпиталя одного из главных политических арестантов, обвиняемых в революционной пропаганде среди народа, – князя Кропоткина. Обстоятельства этого побега явно выказывают искусно замышленную подготовку.

Восточный вопрос в каком-то застое: ни сербы, ни турки ничего решительного не предпринимают; по-видимому, обе стороны чего-то поджидают. Только черногорский князь продолжает двигаться в северную часть Герцеговины и уже подошел к Мостару. Турки оказывают ему слабое сопротивление; кажется, Мухтар-паша пошел на помощь главным турецким силам против Черняева. Из Главной же сербской квартиры получаются неутешительные известия: Черняев уже успел перессориться со своими подчиненными. Один из них, Стратимирович, напечатал в иностранных газетах статью, в которой упрекает Черняева в нерешительности, колебаниях и бестолковости. Да чего же ждали от него? На чем была основана громкая его слава? Вероятно,

увидим еще развенчанный кумир.

В прошедший вторник государь возвратился из Финляндии. Сегодня я был с докладом в Петергофе. У государя флюс и маленькая лихорадка. Сегодня же состоялся официальный прием турецкого посла с новыми верительными грамотами. Говорят, что новый султан в полном идиотизме и в Константинополе уже поговаривают о том, не следует ли опять сменить повелителя правоверных. Все признаки конечного разложения империи Османов. Румыния заявила Порте требования, похожие на ультиматум перед объявлением войны. Вмешательство Румынии даст христианам заметный перевес.

В прошедший понедельник, 5 июля, я закончил последние расчеты с Миллером по крымской постройке.

10 июля. Суббота. Весь день провел в Петергофе. Утром доклад и визиты, потом большой парадный обед во дворце для итальянского наследного принца и, наконец, вечер с цыганами в Александрии у наследника цесаревича. К обеду были приглашены, кроме свиты итальянского принца, и другие иностранные генералы и офицеры, прибывшие на красносельские маневры: французы, австрийцы и германцы. Вечер был устроен для принцессы Маргериты, которая особенно желала видеть и слышать цыган. Не знаю, какое вынесла она впечатление, прослушав всю коллекцию бессмысленных романсов и пошлых солдатских песен, гнусливым голосом распеваемых цыганками и цыганами. Мне всегда совестно, что мы угощаем иностранцев такими безобразиями.

При докладе моем государь заговорил о неблагоприятном для сербов ходе дела; в высшем петергофском обществе я также слышал общее сокрушение о том, что славянам не везет; начинают осыпать Черняева упреками и только теперь спрашивают, на чем же основана была вся его громкая слава. Впрочем, в газетных телеграммах я не нахожу еще ничего такого, что оправдывало бы тревогу; ничего решительного до сих пор еще на театре войны не произошло, и вольно же было публике по первым телеграммам вообразить, что Черняев так и пойдет вперед триумфатором прямо в Константинополь. Худо только то, что он перессорился с людьми, на которых должен был опираться; худо, что начались раздоры в славянском стане.

С другой стороны, я узнал сегодня под строгой тайной, что государственный канцлер несколько отступил уже от своей системы безусловного нейтралитета и согласился на то, чтобы смотреть сквозь пальцы на провоз оружия сербам и болгарам. Государь разрешил министру финансов дать соответственные секретные инструкции нашим таможням. Императрица

усугубляет свое сочувствие к балканским славянам, посылает от общества Красного Креста врачей и госпитальные вещи.

12 июля. Понедельник. Вчера вечером в Красном Селе был объезд лагеря и обычная парадная заря, а сегодня утром состоялся большой смотр. Не знаю, какое впечатление произвели оба эти угощения на итальянских гостей. Погода благоприятствовала, и войска представились во всем блеске. Прямо с парада итальянские принц и принцесса отправились в Петербург; улицы на пути их были разукрашены флагами. Они пробудут здесь весь завтрашний день.

13 июля. Вторник. Сегодня доклад мой был очень продолжителен (полтора часа), так что пришлось некоторые дела отложить до другого раза. Получив приглашение к обеду у их величеств, я должен был остаться в Петергофе почти на весь день. Кроме меня, за обедом присутствовали барон Жомини и граф Григорий Александрович Строганов. Императрица с особенной скорбью говорила о неблагоприятном для турецких славян ходе дел, о последних неудачах, о новых пособиях, приготовляемых по санитарной части как в Петербурге, от общества Красного Креста, так и в Москве.

14 июля. Среда. Приглашение на спектакль и иллюминацию, приготовленные сегодня вечером в Петергофе, пришло так поздно (по возвращении моем из заседания Военного совета), что я воспользовался этим предлогом, чтобы совсем не ехать туда, и, спокойно оставшись дома, имел время приготовиться к завтрашнему докладу.

15 июля. Четверг. Приехав в Петергоф в обычный час (с первым поездом), я узнал, что сегодня, в 10 часов утра, итальянские принц и принцесса уезжают из Петергофа на пароходе в Петербург и вся царская фамилия съехалась в Большой дворец, чтобы проститься с гостями. К тому же сегодня именины великого князя Владимира Александровича, а потому должна быть обедня. Доклад назначен мне после обедни.

Я воспользовался свободным временем, чтобы повидаться с государственным канцлером и поговорить с ним о настоящем положении дел. Передав ему сведения, полученные в Военном министерстве из Лондона, я навел разговор на возможность разрыва с Англией и крайнее возбуждение общественного мнения в этой стране против России. Князь Горчаков хотя и возражал мне, что, напротив, теперь заметна в Англии сильная реакция против воинственных затей Дизраэли, который уже рассорился с министром иностранных дел Дерби и, быть может, близок к падению, однако же выражал опасение, что при всем нашем твердом намерении избегнуть войны могут возникнуть такие

случайные, непредвидимые обстоятельства, которые сделают войну неизбежной для нас.

Для примера он указал на возможность оскорбления нашего посла в Константинополе и радовался тому, что отъезд Игнатьева в Россию устранил на время хотя бы эту случайность. Вообще, я заметил, что взгляд государственного канцлера теперь уже не совсем тот же, какой был у него в первые наши с ним свидания: он уже иначе говорит о допущении неофициальной помощи турецким христианам, о пропуске к ним оружия и военных запасов под видом транзитного товара. В довершение князь признался, что виделся с Ростиславом Фадеевым и даже принял от него записку, которую тут же и дал мне прочесть. По всему видно, что этот краснобай обладает талантом пускать пыль в глаза; наш канцлер признал его человеком умным, хотя и не заслуживающим доверия[88]. Фадеев хвастался, будто имел огромное влияние на египетского хедива[89] Измаил-пашу и вел его к тому, чтобы он воспользовался нынешними трудными обстоятельствами Турции для приобретения новых для себя выгод. По-видимому, и в записке, поданной Фадеевым наследнику цесаревичу, проводилась та же мысль – будто по милости его, Фадеева, хедив поможет христианским подданным султана освободиться из-под ига мусульманского и доконает Блистательную Порту.

Князь Горчаков, впрочем, находит, что совершившиеся уже факты не подтверждают мечтательных надежд Ростислава Фадеева. Тем не менее заметно, что этот нахал все-таки несколько заморочил престарелого канцлера.

Перед концом обедни я отправился в Александрию, дождался возвращения из церкви всей царской фамилии, поздравил именинника, позавтракал и затем потребован был в кабинет государя с докладом. После первых незначительных предметов доклада пришлось, конечно, коснуться нынешних политических отношений, и тогда у государя невольно вырвались слова о затруднительности настоящей минуты. Давно уже не случалось мне слышать от него такого искреннего, откровенного излияния мыслей и задушевных забот. «Постоянно слышу я упреки, зачем мы остаемся в пассивном положении, зачем не подаем деятельной помощи славянам турецким. Спрашиваю тебя, благоразумно ли было бы нам, открыто вмешавшись в дело, подвергнуть Россию всем бедственным последствиям европейской войны? Я не менее других сочувствую несчастным христианам Турции, но ставлю выше всего интересы самой России».

Тут государь обратился к воспоминаниям Крымской войны; слезы навернулись на глаза его, когда он заговорил о тогдашнем

тяжелом положении покойного императора Николая, об упреках, которыми осыпали его друзья и недруги за то, что он вовлек Россию в бедственную войну. Затем государь, отвечая на мои вопросы, сказал: «Конечно, если нас заставят воевать, мы будем воевать; но я не должен сам подать ни малейшего повода к войне. Вся ответственность падет на тех, кто бросит вызов, и пусть тогда Бог решит дело. И потом не надо забывать, что секретный союз, заключенный мною с Германией и Австрией, есть исключительно союз оборонительный; союзники наши обязались принять нашу сторону, если мы будем атакованы; но они не сочтут себя обязанными поддерживать нас в случае инициативы с нашей стороны, в случае наступательных наших предприятий, и может выйти то же, что было в Крымскую войну – опять вся Европа опрокинется на нас…»

В таком смысле разговор, или, лучше сказать, монолог государя продолжался с полчаса, так что мне трудно припомнить все его слова; он был растроган, минутами не мог говорить. Он сознался, что эти именно заботы и беспокойства постоянно гложут его и расшатывают его здоровье. «Может быть, внешне я кажусь спокойным и равнодушным, но именно это и тяжело – показывать лицо спокойное, когда на душе такие тревожные заботы. Вот отчего я и худею, отчего и лечение мое в Эмсе не пошло впрок».

Это искреннее излияние, этот скорбный голос, вырвавшийся так неожиданно из глубины сердца, растрогал меня и оставил сильное впечатление. Доклад нынешнего дня останется у меня всегда в памяти.

Замечательный этот разговор не помешал, однако же, мне докончить мой доклад, и государь выслушал его со вниманием до последнего дела. После меня еще были другие доклады: Посьета, барона Шернваль-Валлена (по делам Финляндии) и т. д.

Возвратившись в Петербург в 5 часов, я как-то неохотно принялся после обеда за текущие дела и поехал развлечься на Аптекарский остров к Андрею Парфеновичу Заблоцкому. Он показывал мне свои работы по жизнеописанию графа Павла Дмитриевича Киселева и прочел несколько отрывков. Уже прежде он присылал мне некоторые главы, относящиеся к пребыванию графа в Париже в качестве посла. Судя по поверхностному обзору этих отрывков, можно надеяться, что сочинение, за которое взялся Заблоцкий, будет в высшей степени интересно в историческом отношении. Это будет не только изображение одной замечательной личности, но и материал для изучения целой эпохи.

16 июля. Пятница. Утром заехал в Зимний дворец

расписаться у принца Гумберта, который сегодня же в 9 часов вечера уезжает в Москву. Весь остальной день сидел дома за бумагами, в полном одиночестве.

17 июля. Суббота. Утром, по обыкновению, был в Петергофе с докладом. Государь был сегодня бодрее и в лучшем расположении духа, чем прежде. Он рассказал мне во всех подробностях, как вчера ночью нежданно приехал в Красное Село, поднял войска по тревоге и затем произвел общий маневр. Сегодня ожидали прибытия датских и греческих королевских особ с датской принцессой Тирой. Но я не остался в Петергофе для встречи их.

Известия с театра войны очень неутешительны. Черногорцы, кажется, побиты Мухтар-пашой. Но прискорбнее всего то, что князь Николай оказался плохим полководцем: при первой неудаче он растерялся, бросился поспешно отступать, и храброе его воинство несколько упало духом. У сербов дела идут не лучше. Зато в самом Константинополе страшный ералаш: уже открыто заявляют, что Мурад V не может долее оставаться султаном и вскоре предстоит новая перемена царствования.

18 июля. Воскресенье. Напрасно съездил утром в Красное Село. Назначенный там церковный парад и лагерный развод отменены по случаю дождя.

19 июля. Понедельник. В Петергофе парадный обед для королей и королев датских и греческих[90]. После обеда сам государь представлял им министров и других приглашенных к обеду. Король Георг узнал меня.

Поздно вечером я отправился из Петергофа в Красное Село.

21 июля. Среда. Весь вчерашний день и сегодняшнее утро провел я в Красном Селе. Вчера два раза был на учении, сегодня опять часа три сидел верхом. Верховая езда начинает отзываться на здоровье моем; кроме большой усталости, сегодня почувствовал сильнее, чем когда-либо, геморроидальные страдания.

В последние дни получены с театра войны довольно благоприятные для славян телеграммы: черногорцы (судя по всему) сильно побили Мухтар-пашу под Билечей.

В понедельник в Петергофе я виделся с Игнатьевым (Николаем Павловичем), только что вернувшимся из Константинополя. После обеда он приехал ко мне, и мы проговорили с ним часа полтора. По его рассказам, разумеется, всё дело на Балканском полуострове пошло бы совсем иначе, если б послушались его, а не передали в руки Андраши. Игнатьев рассказал мне много интересных подробностей; жаль только, что, слушая его, не знаешь, сколько в словах его правды и сколько

хвастовства.

Вчера были наконец прения в обеих английских палатах по восточному вопросу. По телеграммам трудно составить верное понятие о характере этих прений; надобно дождаться подробных отчетов.

22 июля. Четверг. После обычного доклада в Петергофе и принесения поздравлений императрице, цесаревне и герцогине Эдинбургской возвратился в город, уклонившись от приглашений к министерскому столу и на бал к наследнику цесаревичу. Мне так нездоровилось, что я даже отпросился у государя на некоторое время от учений в Красном Селе.

Впрочем, кроме физического расстройства, и настроение душевное как-то не гармонирует ни с придворными обиходами, ни с пустотой красносельских упражнений. Мне показалось, что и при дворе какое-то мрачное настроение; императрица удостоила меня выражениями скорби о бедственном положении дел в Сербии; государственный канцлер, обыкновенно лучезарный и шутливый, сегодня говорил как-то шепотом, нахмурившись; все, до самой молодой фрейлины, спрашивают, нет ли новых телеграмм с театра войны.

Но главное дело не в том, сербы ли вчера атаковали турок, или турки вторглись на сербскую территорию и разорили несколько деревень, а в том, что вообще европейский политический горизонт явно омрачается. У нас начинает колебаться прежнее безграничное доверие к непоколебимости тройственного союза и даже к немецкой дружбе. Кажется, у самого государя уже нет полной уверенности в сохранении европейского мира, и появляется опасение, что нас вовлекут в войну даже против нашей воли.

В таком же смысле выражался князь Черкасский, приехавший из Москвы и навестивший меня перед обедом. Он является как бы представителем общественного мнения в Москве и, по-видимому, приехал на самое короткое время, только для того, чтобы понюхать, что делается у нас в высших правительственных сферах. Он передал мне толки, которые ходят в публике, недовольной безучастным отношением правительства к делу турецких славян; говорил, что и мне как военному министру достается сильно.

Хотя я пробовал опровергать эти суждения, выставляя их неосновательность и легкомысленность, однако ж поневоле, увлекшись приятельским разговором, не мог сам не сетовать на полное расстройство нашей административной машины, на непростительную апатию и бездействие правительства в общей его совокупности. Приведу маленький образчик: на Южном

берегу Крыма давно уже жалуются на то, что под предлогом ловли рыбы и дельфинов турецкие промышленники нахально пристают к берегу, выходят на взморье и распоряжаются как у себя дома. В прошлом году и в нынешнем бывали даже примеры насилия и грабежей.

Ровно год тому назад, возвратившись из Крыма, я докладывал государю о бессилии там русских властей; тогда же, по высочайшему повелению, обсуждали этот вопрос в особом совещании подлежащих министров; мне казалось, что объяснения мои произвели на них впечатление; признали нужным принять разные меры по министерствам: иностранных и внутренних дел, финансов, морскому, по корпусу жандармов и т. д. Началась переписка, обменялись значительным числом бумаг – и в течение целого года ровно ничего не сделано ни по одному министерству. Теперь же вдруг встрепенулись: министр внутренних дел и шеф жандармов одновременно получают официальные донесения о недавних происшествиях на берегу; вооруженные турки начинают уже открыто нападать на жителей. Об этих происшествиях пишет мне и жена в последнем письме, к которому приложено письмо к ней от нашего хорошего знакомого, Николая Яковлевича Данилевского, из Мшатки, где произошел один из случаев грабежа.

И вот, тот же министр внутренних дел, который не признавал нужным принять какие-либо меры к усилению полиции, тот же министр финансов, который не хотел подкрепить таможенную стражу, тот же министр иностранных дел, который затруднялся возбудить вопрос о пересмотре законов о правах иностранцев в отношении рыбной ловли, – все разом обращаются к военному министру и заявляют о необходимости военных мер к охранению берега. Хотя и не дело войск исполнять обязанности полиции и таможенной стражи, однако ж я воспользовался случаем и принял на себя распоряжения: сегодня же испросил высочайшего повеления учредить по всему берегу кордон из пехоты и казаков и уже отправил соответствующие приказания начальству Одесского округа.

Другое распоряжение, с высочайшего дозволения, сделано по Кавказскому округу: предписано войска, собранные в лагере под Карабулаком, немедленно передвинуть к Александрополю. Давно уже генерал Игнатьев и полковник Зеленый писали из Константинополя, что было бы полезно устроить со стороны Закавказского края демонстрацию, чтобы удержать в Азиатской Турции хотя часть войск турецких и тех полудиких орд, которые нахлынут на Балканский полуостров против несчастных славян. Лагерь под Александрополем мог бы держать турок в недоумении

относительно наших намерений.

Однако же мысль эта до сих пор оставалась без исполнения. Великий князь Михаил Николаевич за границей объяснил государю, что и лагерь под Карабулаком не далек от границы (Карабулак в 70 верстах от Александрополя). Таким образом, упустили много времени, и вся сволочь азиатская уже выброшена на Балканский полуостров.

Я снова поднял вопрос о лагере под Александрополем, и хотя государь сначала полагал это ненужным, однако потом согласился дождаться приезда Игнатьева, который, разумеется, поддержал свою прежнюю мысль. Таким образом, дано наконец по телеграфу приказание князю Мирскому исполнить предположенное передвижение войск.

24 июля. Суббота. Утром ездил в Красное Село с докладом, но не был на учениях и возвратился в город с намерением оставаться здесь спокойно и завтра, и в понедельник, хотя в эти дни государь находится в Красном Селе. Я почти рад, что имею предлог (расстройство здоровья) уклониться от красносельской суеты и скачки.

27 июля. Вторник. По случаю дня рождения императрицы был выход в Большом Петергофском дворце. Государь принял мой доклад перед выходом, в том же дворце. Я был немало удивлен, услышав от его величества, что он открыто объявил в Красном Селе разрешение офицерам выходить временно в отставку, чтобы ехать на театр войны, с обещанием, что каждый возвратится потом в свой полк, не потеряв своего старшинства. Таким образом, то, что до сих пор допускалось только негласно, на что смотрели сквозь пальцы, обратилось теперь в открытое, официальное разрешение непосредственно от самого императора. Говорят, что множество охотников воспользуется этим дозволением; даже из царского Конвоя несколько мусульман вызываются ехать в Сербию, и во главе их второй сын Шамиля, уверяющий, что соберет шайку черкесов для действий *против* турок. Можно ли тому поверить?

Пока шла обедня, я вел в одной из зал дворца разговоры с князем Горчаковым и с Игнатьевым (послом) – разумеется, с каждым отдельно. Первый положительно отвечал на мой вопрос, что не намерен брать на себя инициативу каких-либо новых дипломатических переговоров; Игнатьев же, разумеется, осуждает все действия Министерства иностранных дел. Теперь он опять настаивает на усилении войск наших, выдвинутых к Александрополю, куда уже перемещен лагерный сбор Кавказской гренадерской дивизии из Карабулака. После обедни, при *baisemain* императрица подошла ко мне и высказала свое удовольствие по

поводу отправления в Сербию многочисленного санитарного персонала, снаряженного обществом Красного Креста.

После выхода было совещание под председательством великого князя Константина Николаевича, в занимаемых им комнатах в Большом дворце. Участвовали в этом совещании князь Горчаков, Рейтерн, Игнатьев (посол), Лесовский, Грейг и я. Речь шла об усилении денежных средств, ассигнуемых Морскому министерству на кораблестроение, дабы ныне же воспользоваться выгодным случаем и, по предложению Игнатьева, купить три судна, заказанные в Англии турецким правительством: за неимением финансовых средств оно отказалось от уплаты за эти суда.

Строитель судов продает их со скидкой 40% от условленной им с Портой цены. Однако же и с этой уступкой все-таки требуется за все три судна до 6 или 7 миллионов рублей, а за одно из них, самое большое, приходилось бы уплатить около 3½ миллионов.

Суждения по этому вопросу, как и следовало ожидать, привели к отрицательному заключению: министр финансов объявил, что при настоящем положении финансов он признает решительно невозможным перевод за границу какой-либо значительной суммы, как бы расход ни был полезен. Когда же перешли затем к другому вопросу – о добавочном чрезвычайном ассигновании по нескольку миллионов ежегодно сверх нормальной сметы Морского министерства (20½ миллиона), собственно на постройку броненосных судов для Балтийского и Черного морей, – то Рейтерн, с поддержкой своего постоянного союзника Грейга, указал на нерациональное расходование Морским министерством отпускаемых ему сумм по нормальной смете и привел к заключению, что для увеличения кораблестроительных расходов можно найти средства в самой смете. Решено доложить государю с тем, чтобы для изыскания этих средств образована была особая комиссия.

По окончании совещания я обратил внимание генерал-адмирала и Лесовского на два общих дела обоих министерств – военного и морского: во-первых, об охранении крымского берега и, во-вторых, о взаимном содействии ведомств в укладке, в случае надобности, подводных мин в наших портах и приморских крепостях.

Я не остался в Петергофе ни к министерскому обеду, ни на вечерний праздник на Ольгином и Царицыном островах и возвратился к обеду в Петербург. Чувствую себя не в силах прикидываться спокойным и веселым среди пустого общества придворного и пестрой кучки иностранных гостей. Мне даже

противно видеть в других это напускное благодушие, эту поддельную беззаботность в такое время, когда у каждого порядочного человека сердце обливается кровью при мысли о событиях на Востоке, о бессовестной, презренной политике европейской, об ожидающей нас близкой будущности.

Мрачному моему настроению немало содействует и личная досада, причиняемая беспрестанно доходящими до меня толками о том, что мы будто бы не готовы к войне, что у нас нет ни армии, ни пороха, ни ружей… Почему и кем распускаются подобные толки – не берусь доискиваться; но разве не больно слышать подобные речи не только в праздной и легкомысленной толпе, но даже от высших государственных сановников, которые распускают эти вредные и ложные сведения даже за границей? Мне случается получать анонимные письма, наполненные самыми грубыми, площадными ругательствами, и всё это после 16-летних тяжелых забот об устройстве и усилении наших военных сил. Никогда еще Россия не имела в готовности такой силы, со всеми материальными средствами, как теперь; никогда и не могло быть прежде такой подготовки к быстрой мобилизации.

Досадно, что на все превратные толки, клевету и ругательства приходится отвечать молчанием. Не публиковать же наш план мобилизации, цифры наших сил, наших запасов. Да если б и публиковали – ничему не поверили бы, когда атмосфера пропиталась уже зловредными миазмами недоверия, подозрений и порицания. Одна война может фактически выказать, насколько мы готовы к ней. Но ужели для своего оправдания, для удовлетворения своего оскорбленного самолюбия желать бедствия России? А по моему убеждению, война была бы для нас неизбежным бедствием, потому, что успех и ход войны зависят не от одной лишь подготовки материальных сил и средств, но и от подготовки дипломатической, а с другой стороны – от способности тех лиц, в руках которых будет самое ведение военных действий. К крайнему прискорбию, должен сознаться, что в обоих этих отношениях мало имею надежд: дипломатия наша ведется так, что в случае войны мы неизбежно будем опять одни, без надежных союзников, имея против себя почти всю Европу; а вместе с тем в среде нашего генералитета не вижу ни одной личности, которая внушала бы доверие своими способностями, стратегическими и тактическими. У нас подготовлены войска и материальные средства, но вовсе не подготовлены ни главнокомандующие, ни корпусные командиры. Мне даже неизвестно, есть ли в потаенном ящике государевого письменного стола список генералов, которым он намерен, в случае большой войны, вверить свои армии.

30 июля. Пятница. В нескольких газетах одновременно появились наконец статьи по поводу распространившихся толков о нашей неготовности к войне. Статьи эти явно написаны лицами невоенными и не имеющими никакого отношения к военному ведомству. Это дало мне повод написать князю Горчакову, чтобы он прочел одну из таких статеек в «Новом времени». При этом я высказал ему несколько элементарных понятий о том, что значит быть *готовым* к войне и быть *подготовленным*. «Смело могу сказать, что никогда еще военные силы России не были так подготовлены к войне, как теперь, – писал я и в конце прибавил: – Мне казалось нелишним, чтоб всё это было известно русскому государственному канцлеру».

Кроме того, я поручил редакции «Русского инвалида» собрать некоторые данные о нынешних наших военных силах и средствах сравнительно с эпохой 1853 года и предложить этот материал редакции одной из газет, например, «Голоса». Надобно же наконец хоть что-нибудь сказать в опровержение ложных и крайне невыгодных для нашей политики толков.

Дела у сербов положительно идут плохо: они уже вынуждены покинуть оборонительную линию по Тимоку; турки жгут, режут и опустошают в пределах Сербского княжества. Общественное мнение в России всё громче и громче выказывает неудовольствие бездействием нашей дипломатии. Популярности и славе нашего государственного канцлера грозит опасность.

Сегодня ездил я в Красное Село по случаю общего корпусного маневра. Ровно неделю я не садился верхом. Первый опыт обошелся удачно; учение было непродолжительно, большой скачки не случилось. Маневр был более похож на спектакль, приготовленный для дам: греческая королева, цесаревна и сестра ее, принцесса Тира, с обоими королями и многочисленной свитой любовались зрелищем под приготовленными навесами на возвышенных местах. Государь вспомнил, что в этот самый день, ровно 50 лет тому назад, когда ему было 8 лет от роду, в первый раз надели на него мундир Павловского полка и поставили в строй, рядом со старыми гренадерами. В память такого события будущего наследника российского престола, старшего сына нынешнего наследника цесаревича, облекли сегодня в первый раз в форму лейб-гвардейского Павловского полка, и, когда в заключение всего маневра Павловский полк бросился с криком «ура!» на штурм высоты, на которой стоял царский навес, государь сам вывел своего внука вперед, поставил его в ряды и заставил взбежать с ротой на высоту. Ребенку также 8 лет от роду.

При одном из последних моих докладов государь завел речь о том, что пора бы этого ребенка взять из женских рук и дать ему в

дядьки дельного и честного человека, в том роде, каков был Кавелин. Государь поручил мне подумать и рекомендовать такого человека. Задача нелегкая.

После маневра я осматривал привезенные из Англии по заказу сына два дорожных локомотива. Они ходили в гору и под гору, и по дороге, и по кочковатому, изрытому полю. Полагаю, что можно будет во многих случаях применять их с пользой для военного дела.

1 августа. Воскресенье. Утром ездил в Николаевский военный госпиталь. Хотя меня там никак не могли ожидать, однако же я нашел всё в порядке. Остальное утро прошло в совещаниях и докладах. Генерал-адъютант Лесовский приезжал с контр-адмиралом Пилкиным, чтобы условиться, что делать по вопросу о скорейшей, в случае надобности, укладке подводных мин в наших портах. Затем было длинное совещание с вызванными из разных округов офицерами Генерального штаба относительно временных мер к скорейшему, в случае нужды, снабжению войск лошадьми. Среди этих совещаний заезжал ко мне Валуев, чтоб ответить на вчерашний мой визит к нему.

3 августа. Вторник. При докладе сегодня государь опять говорил о настоящем настроении общественного мнения в России, о подстрекательных статьях русской печати и при этом высказал предположение, что агитаторы пользуются случаем для своих зловредных видов; «но, – прибавил он, – я твердо надеюсь, что последствия выкажут выгоды того сдержанного отношения, которое мы приняли в восточном вопросе». Мне показалось сегодня, что государь смотрит на вещи гораздо спокойнее, чем случалось мне замечать раньше. По удачному выражению Сергея Петровича Боткина (с которым я встретился перед докладом в приемной), государь имеет такой вид, будто держит в кармане загаданную карту. Между прочим он выразил намерение командировать кого-нибудь из наших офицеров в Главную квартиру сербской армии, чтоб иметь там официальное лицо, подобно тому как полковник Боголюбов назначен при черногорском князе и на том же основании, на каком при турецкой армии состоит английский генерал Кемпбель. Однако ж государь приказал мне остаться после доклада, чтоб узнать мнение князя Горчакова, который отсоветовал посылать официальное лицо, потому что сербский князь как вассальный не может быть поставлен в один ряд с черногорским, пользующимся политической независимостью. Решено вместо командирования особого лица возложить доставление официальных донесений из Сербии на кого-либо из офицеров, оставляющих службу и отправляющихся в Сербию в качестве добровольцев, – на

полковника Генерального штаба Дохтурова и на ротмистра Кавалергардского полка графа Келлера.

Государь говорил о программе своего пребывания в Варшаве и спросил меня, не желаю ли ехать туда, так как давно не видел тамошних войск. Разумеется, я принял приглашение с удовольствием, хотя в душе и не очень радуюсь. Кроме нерасположения моего вообще к суетливой придворной жизни, ко всяким церемониям и торжествам, которыми будет преисполнена целая неделя пребывания в Варшаве, еще ожидает меня частная неприятность – встреча с фельдмаршалом князем Барятинским. Мне придется соблюсти в отношении к нему все приличия, а между тем мне крайне претит надевать маску хоть на одну минуту.

Сейчас надобно собираться на железную дорогу в Красное Село, где государь ночует. Завтра первый день больших маневров.

8 августа. Воскресенье. Почти всю неделю провел на маневрах между Красным Селом, Гатчиной, Царским Селом и Усть-Ижорой. Праздник Преображенского полка и Гвардейской артиллерии 6 августа справили обычным порядком в Усть-Ижорском лагере. Маневры этого года отличались тем, что были связаны с осадными работами. В ночь на 6 августа государь осматривал сапные[91] работы, а в течение 6-го числа присутствовал при стрельбе осадных батарей боевыми зарядами. В этот же день представляли мы государю в первый раз применение дорожных локомотивов.

Вчера в Царском Селе был спектакль, а сегодня провожали короля и королеву Датских, но я был так утомлен после нескольких дней маневров, что уехал в город и отдыхаю; вечером же опять еду в Царское Село: завтра и послезавтра последние дни маневров.

Государь следит с видимым интересом за ходом маневров, хотя в то же время ежедневно приходят весьма неблагоприятные политические известия. Дела сербов идут плохо. Наоборот, черногорцы, если верить телеграммам, опять одержали блестящую победу над турками у Подгорицы. Консулам союзных держав в Белграде поручено убеждать князя Милана, чтобы он пошел на примирение; но, кажется, это не удалось. Да и как сербам просить мира в теперешних, невыгодных для них обстоятельствах? На помощь к ним из России стремятся в большом числе и офицеры, и врачи, и сестры милосердия; даже много волонтеров из простонародья. Трудно было ожидать такого одушевления, такого порыва. В этом отношении явление утешительное. Государь, по-видимому, поощряет всё, что делается в пользу балканских славян со стороны частных лиц и

общества, но остается в твердом намерении не оказывать никакого вмешательства официального.

В числе желающих ехать на театр войны явился ко мне сегодня и знаменитый наш художник Микешин. Я взялся доложить о его желании государю. Цель его – увековечить посредством рисунков подвиги славянских героев. Микешин принадлежит к числу горячих славянофилов.

На днях получил я странное письмо на бирманском языке от тамошнего министра иностранных дел. К подлинному письму приложен французский перевод, из которого видно, что император Бирманский предлагает свою дружбу российскому императору и желает, чтобы молодые бирманцы присылались в Россию учиться военному делу и, наоборот, русские специалисты приезжали в Бирманию устраивать войско, заводы, крепости. Письмо это я передал князю Горчакову, на его усмотрение.

11 августа. Среда. Еще вынес два утомительных дня маневров – понедельник и вторник. Маневры были очень удачны; государь совершенно доволен; погода также благоприятствовала. Вчерашний маневр кончился только в четвертом часу пополудни, так что доклад мой пришлось отложить до нынешнего дня.

Сегодня опять должен был съездить в Царское Село. При докладе государь неожиданно предложил мне ехать с ним из Варшавы в Крым, что вовсе не входило в мои планы.

Вчера, по окончании маневров, на лужайке, где приготовлен был походный завтрак, собрались все начальники частей войск; государь, по заведенному порядку, высказывал им свои замечания, выражал несколько раз благодарность и в заключение произнес несколько слов в том смысле, что в случае надобности войска сумеют поддержать честь русского знамени и достоинство русского имени. Слова эти, намекавшие на современное политическое положение, были высказаны с одушевлением; государь был так растроган, что голос его дрожал от слез. Не знаю, слышали ли, поняли ли сказанное присутствовавшие при этом иностранные офицеры. В числе их был и французский посол генерал Ле Фло. Германский посол генерал Швейниц был на маневрах накануне и простился по случаю отъезда в Берлин.

12 августа. Четверг. Возвращаюсь домой с большого дипломатического обеда у французского посла Ле Фло. За обедом я сидел между хозяином дома и бароном Зеебахом, старым дипломатом, игравшим некогда роль в высшем кругу Петербурга. В первый раз случилось мне сойтись с ним и вести разговор. После обеда меня отвел в сторону новый итальянский посол Нигра; он завел речь о настоящем политическом положении дел на Балканском полуострове и высказал опасение, чтобы русское правительство, при всем своем желании удержаться в нейтральном положении, не было увлечено общим возбужденным настроением и сочувствием турецким христианам. По мнению итальянского дипломата, лучшим способом для предохранения Европы от опасных усложнений был бы созыв конференции, которая нашла бы возможность уладить дело. Итальянский посол думает, что даже Англия легко склонилась бы к предоставлению

славянскому населению Турции необходимых гарантий; противодействия в этом случае можно опасаться разве только со стороны Австрии; но, к сожалению, прибавил он, князь Горчаков не сочувствует созыву конференции, признавая эту меру пока несвоевременной.

После этого разговора я подошел к французскому генералу Корнб, чтобы проститься с ним и пожелать счастливого пути. Он воспользовался случаем, чтобы заговорить со мной о необходимости установления братства между армиями русской и французской. По его словам, французское правительство весьма желало бы, чтобы русские офицеры приезжали во Францию на маневры, подобно тому как ездят они в Германию и Австрию; но республиканское правительство не может быть так щедро в своем гостеприимстве, как императорское; оно не имеет на то широких денежных средств и потому не считает для себя возможным *приглашать* гостей; когда же они приедут, то примет их радушно и с удовольствием. Когда я сказал, что русские офицеры, командируемые за границу, вполне обеспечены в своем содержании русским правительством, то он признался, что есть еще другая причина, почему французскому правительству неудобно приглашать русских, – тогда пришлось бы также приглашать и немцев.

В разговоре этом принял участие и сам посол Ле Фло, подтвердив, что французское правительство давно уже выражало желание видеть русских офицеров на маневрах французских войск и примет их радушно. В заключение было условлено, что французский посол телеграммой спросит, в какие пункты и к каким срокам могли бы прибыть русские офицеры. Вообще, французы очень с нами любезничают.

14 августа. Суббота. Прежде моего доклада государь принял князя Горчакова, который вышел из кабинета с озабоченным видом и мимоходом сказал мне, что известия неутешительные. От государя же я узнал, что получены две телеграммы от Черняева от одного и того же дня, 12 августа, совершенно противоположные: утренняя извещала о поражении сербов и бегстве их перед неприятелем, вторая же, вечерняя, напротив, возвещала совершенную победу сербов и поражение турок. Думаю, что в той и другой было некоторое преувеличение, довольно естественное при характере Черняева. В обеих телеграммах выставляется геройское поведение русских офицеров, бóльшая часть которых (31 из 40) сложили головы. После успешного боя князь Милан мог смело заговорить о перемирии и мире. Вот почему наши дипломаты и пришли снова в движение. Черняев в своей телеграмме просит не посылать

более русских офицеров на театр войны, поэтому и приказано приостановить отставки впредь до разъяснения обстоятельств.

Не успев докончить моего доклада в Царском Селе, я поехал в Петербург с государем; но и на железной дороге не удалось сделать доклада: я уступил место Грейгу и Потапову, а свой доклад докончил уже в Зимнем дворце. Государь ездил в Петропавловскую крепость: таков обычай его перед всяким путешествием. Он принял меня в комнатах, называемых «половиною Ольги Николаевны», потому что весь фас дворца, занимаемый собственными покоями государя, капитально ремонтируется.

15 августа. Воскресенье. Весь день провел в Царском Селе: после обедни представлялись государю вновь произведенные офицеры и камер-пажи (императрица не могла выйти по болезни); потом был большой обед на 200 человек для военных начальников – по поводу окончания красносельских лагерных занятий. Общий и исключительный разговор – о последней победе сербов; много толков о погибших русских офицерах. Дипломаты (в том числе Игнатьев) таинственно рассуждают о предстоящих переговорах.

Возвратился я домой в десятом часу вечера.

16 августа. Понедельник. Весь день оставался дома, чтобы в последний раз перед отъездом увидеться со всеми своими помощниками. Газетная телеграмма извещает о возобновлении боя под Алексинацом 14-го (24-го) числа.

Стало быть, турки не потерпели такого поражения, как можно было думать по телеграмме Черняева.

23 августа. Понедельник. Варшава. Вот ровно неделя, что я не мог ни разу заглянуть в свой дневник. В прошедший вторник после доклада я остался в Царском Селе, откуда и выехал с государем в Варшаву. Сюда приехали на другой день в 11 часу вечера; несмотря на поздний час и дождь, толпы народа наполняли улицы. Мне отвели помещение в Мысловице – одном из флигелей Лазенковского дворца; в самом же дворце помещены великий князь Николай Николаевич и фельдмаршал князь Барятинский.

В четверг к 10 часам утра вся свита государя и начальство варшавское собрались в Бельведерском дворце, где поместились государь, наследник цесаревич с цесаревной и младшие великие князья. При въезде моем во двор Бельведера я прямо наткнулся на стоявших среди двора великого князя Николая Николаевича и князя Барятинского. Не было возможности избегнуть встречи с князем, который поздоровался со мною так, как будто между нами никогда ничего не было неприятного; он сказал, что

намерен был ехать ко мне, чтобы пригласить к себе в воскресенье в Скерневицы на обед, спектакль и ужин. Приглашение это ошеломило меня; прямо отказаться было невозможно, и я начал придумывать предлог, чтобы уклониться от поездки. Предлог скоро отыскался: мне непременно хотелось побывать в Новогеоргиевске, а единственный свободный день для этого – воскресенье.

При первом докладе моем я прямо попросил у государя разрешения избавить меня от поездки к фельдмаршалу, и государь без затруднения и любезно обещал мне сам объяснить князю Барятинскому причину моего отсутствия. Как камень свалился с плеч.

Возвращаюсь к последовательному рассказу с утра четверга. В 10 часов государь и за ним вся свита поскакали в русский собор. На улицах опять толпы народа; погода несколько прояснилась. Из собора возвратились в Бельведер и оттуда в 12½ часов поехали верхом на Макатовское[92] поле, где назначен был смотр всем собранным под Варшавой войскам. В свите государя опять было много иностранцев: кроме красносельских наших гостей австрийских и прусских, приехал в Варшаву приветствовать государя от имени австро-венгерского императора генерал Нейперг, командующий войсками в Галиции; с ним приехали еще несколько офицеров; также прибавилось несколько пруссаков, саксонец и один англичанин из Бенгальской армии. Смотр был удачен. После того я сделал несколько нужнейших визитов, отобедал один в своей комнате, а вечером, после церемонии прибивки нового штандарта, данного лейб-гвардейскому Уланскому его величества полку, высидел в театре, в ложе графини Коцебу, два акта какого-то бессмысленного балета.

Следующий день (пятница) был очень утомительный: сначала на Уяздовском плаце церемония освящения нового штандарта лейб-гвардейского Уланского е. в. полка, потом учение всей кавалерии на Макатовском поле; в 2 часа приехал ко мне, по моему приглашению, начальник местных войск Варшавского округа генерал-лейтенант Соболевский, с которым я поехал сперва в Уяздовский госпиталь, обошел это огромное здание, затем поехал в Александровскую цитадель, где осмотрел тамошний госпиталь и всё прочее, что помещается в цитадели, как и самые укрепления. Домой возвратился на исходе шестого часа, так что едва-едва успел переодеться и поспеть к большому обеду в Лазенковском дворце. Устав до изнеможения, я, однако же, должен был вечером ехать на бал к генерал-губернатору графу Коцебу. Впрочем, оставался там недолго и в первом часу ночи был уже дома.

В субботу доклад у государя; назначенная в этот день стрельба пехоты была отменена по случаю дождя. Я воспользовался удобным случаем, чтобы осмотреть еще несколько военных учреждений. Заехав за генерал-адмиралом Минквицем, помощником командующего войсками, я с ним посетил Военно-окружной суд во время заседания, помещение Юнкерского училища, военную тюрьму и военную хлебопекарню. В 6 часов обед в Бельведере. Вечер провел дома за бумагами.

В воскресенье, 22-го числа, в 8 часов утра у подъезда моего уже стояла четверка почтовых лошадей. В сопровождении генерал-майора Деппа, начальника инженеров Варшавского округа, съездил я в Новогеоргиевск.

Мне было весьма интересно ознакомиться лично с этой огромной крепостью и осмотреть в окрестностях ее те пункты, где предположено возводить передовые отдельные форты. Более 8 часов потратил я на осмотр крепости; с одного из фронтов производилась прицельная стрельба и примерная установка на валганге[93] нескольких орудий. Все огромные склады, госпиталь, разные хозяйственные учреждения найдены в порядке.

К 7 часам вечера, когда уже начало темнеть, я посетил солдатскую чайную и потом офицерское собрание, где меня угостили обедом. Выехав из крепости почти в 9 часов вечера, возвратился домой уже в 12 часу, не чувствуя под собою ног. Несмотря на крайнюю усталость, я должен был заняться привезенными бумагами – зато спал таким крепким сном, что сегодня утром меня разбудили в 10 часу, так что едва поспел на учение, назначенное в 11 часов утра на Повонзковском поле.

Сегодня была стрельба артиллерии. Тут увидел я прусского фельдмаршала Мантейфеля, присланного с особым дипломатическим поручением. Он прибыл еще вчера в Скерневицы; мне пока неизвестно, в чем именно заключается его миссия; знаю только, что князь Горчаков был сильно озабочен ожидаемым ответом Германии относительно созыва конференции по турецкому вопросу. Наш государственный канцлер настаивает, чтобы в конференции участвовали главные политики каждого государства и инициативу в этом деле приняла на себя Германия; но граф Бисмарк отказывается от личного участия в конференции.

Между тем дело славян в настоящее время идет весьма худо; последние известия с театра войны очень неблагоприятны; пришла телеграмма об отступлении сербов из Алексинаца; значит, они понесли поражение. При таких обстоятельствах трудно надеяться на выгодные для славян условия перемирия или мира.

С Мантейфелем обменялись мы на учении только несколькими фразами обычной учтивости, но серьезного разговора, конечно, вести не могли. Заметно только, что государь был с ним ласков, как всегда бывает он с пруссаками. Стало быть, можно полагать, что по крайней мере дурных известий Мантейфель из Берлина не привез.

После артиллерийской стрельбы государь смотрел работы саперов, преимущественно же – кавалерийских команд, обучавшихся при саперной бригаде порче и исправлению железных дорог и мостов. Когда всё было кончено и несколько мостов взлетело на воздух, я поехал с генерал-лейтенантом Соболевским в Белянский лагерь гренадер, чтоб осмотреть устроенную в Белянах санитарную станцию.

По дороге остановился я в лагере Фанагорийского гренадерского полка, где сегодня рано утром случилось необыкновенное происшествие. Во время сильной грозы (которую, впрочем, я и не слышал, так крепко спал) удар молнии поразил в нескольких палатках до 70 солдат. Из них 7 человек убиты во сне, до 40 – более или менее сильно пострадали. Я видел тела убитых, ожоги и контузии живых и, осмотрев места, где ударила молния, решительно не могу себе объяснить, как могла она *одним* ударом попасть в такое большое число точек. Пораженные лежали не только в нескольких соседних палатках, но даже в разных ротах и батальонах. Только в одном месте видел явный след молнии, ударившей в тесак и ружье в одной палатке, пробившей затем отверстие в земляном валике и попавшей в людей, лежавших в другой, соседней, палатке.

По возвращении из Белян, около 4 часов, я остался дома в ожидании некоторых желавших видеться со мною посетителей. К тому же я чувствовал себя не совсем здоровым и рад был провести спокойно остальную часть дня.

31 августа. Вторник. Ливадия. Более недели не имел я возможности заглянуть в свой дневник. Последние два дня пребывания государя в Варшаве были такие же суетливые и утомительные, как и предыдущие. Во вторник, 24-го числа, я имел продолжительный доклад перед смотром стрельбы стрелков и кавалерии. Между смотром и обедом посетил архиепископа Леонида; обед в Бельведере. Вечер провел дома за работой.

В среду, 25-го, всё утро прошло в маневре на Повонзковском поле; затем большой обед в Лазенках, а вечером спектакль. Я уехал рано, после первой пьесы, чтобы покончить все дела перед отъездом из Варшавы.

В четверг в 9 часов утра, после молебствия в Бельведерском дворце, выезд из Варшавы по железной дороге на Брест и Одессу,

куда прибыли в пятницу в 8 часов вечера и прямо с железной дороги переехали на императорскую яхту «Ливадия», на которой при совершенно тихой погоде прибыли в субботу, 28-го числа, в 2 часа дня в Ялту.

В последние дни пребывания в Варшаве и затем в продолжение всего переезда до Ялты мне пришлось часто быть с князем Горчаковым, слушать его разъяснения современного положения дипломатических сношений по восточному вопросу и читать получаемые с разных сторон депеши и телеграммы. Из этих разговоров и чтений я мог вывести заключение, что настоящее положение дел вовсе не внушает доверия к успешному результату нашей дипломатии. Присылка фельдмаршала Мантейфеля не имела другого значения, как только личное от императора Вильгельма удостоверение в сохранении благодарности к нашему государю; то же, как намерена Германия держаться при дальнейшем ведении дела, еще не разъяснено. Спокойно проживающий в Варцине немецкий канцлер не высказался до сих пор, ограничиваясь, как пифия, неопределенными ответами. Англия и Франция неохотно идут на предлагаемую конференцию; Италия охотно вызывается на участие, даже на инициативу в этом деле, но у нее свои расчеты и надежды: ей хочется поживиться за счет Австрии, предоставив последней вознаграждение в спорных славянских областях Турции. Сама же Австрия не может действовать откровенно, не может искренно идти с нами заодно.

Князь Горчаков смотрит на нынешнее положение дел уже не в розовом цвете, уже произносит слово: «изоляция», к которой Россия должна быть готова; а это весьма близко от войны. Между тем князь опять показывает странное нежелание вникнуть в соображения военные, повторяет прежнюю бессмыслицу, что мы должны быть готовы вести войну, не требуя особых финансовых средств сверх обыкновенного мирного бюджета. Трудно верить, что государственный человек может серьезно, не шутя, говорить такую нелепость. Но у князя Горчакова конек – экономия, сбережение финансов. Он хвастается тем, что одни его дипломатические депеши ограждают интересы России, без помощи войск и без расстройства финансов. Когда же дипломатическая переписка чуть начинает принимать характер резкий, сомнительный, тот же князь кричит, как это у нас армия не готова во всякую минуту прийти к нему на помощь. Теперь он пока настаивает только на усилении наших войск, собранных при Александрополе под видом лагерного сбора.

Наслушавшись от дипломатов (с нами ехали барон Жомини, Амбургер и Фредрихс) всяких неутешительных известий о

восточном вопросе, я счел уже невозможным оставаться в стороне и при докладе государю, заведя речь о возможности войны. Государь удивил меня своим спокойным и почти равнодушным взглядом на военную сторону возбужденного дела; он одобрял все мои предложения, соглашался на всё, что я говорил относительно приготовлений к войне, но всё это имело вид, как будто и теперь он вполне убежден в сохранении мира *quand-même*[94].

В продолжение поездки приходили известия с театра войны; на одной из станций нашли мы князя Цертелева, дипломатического чиновника, ездившего в Болгарию, чтобы доставить положительные сведения о совершавшихся там турецких зверствах. Присланный из Константинополя навстречу государю и государственному канцлеру, он получил приказание ехать в Крым. Рассказы его дополнили то, что было уже известно из телеграмм и газетных статей.

Вообще, переезд от Варшавы до Ливадии оставил невеселое впечатление. Это впечатление еще усилилось, когда, прибыв в Одессу (27-го числа вечером), мы перешли с железной дороги на яхту «Ливадия». При самом отходе яхты от берега, в виду всей одесской публики, толпившейся на пристани, вдруг приключился у генерала Потапова сильный нервный пароксизм. С трудом увели его в каюту, но всю ночь он кричал страшным голосом, так что никому не дал спать. Утром генерал успокоился, но со всеми признаками умственного расстройства.

По приезде в Ливадию его сначала поместили было в свитском флигеле, но потом нашли необходимым перевезти в Ялту, чтобы при первой возможности отвезти в Петербург.

По приезде в Ялту (28-го числа в 2 часа дня) я узнал, что для меня отведено помещение в том же флигеле, из чего заключил, что мне предстоит оставаться в Ливадии, при государе.

Вот четвертый день, что я веду жизнь по установленным здесь порядкам и обычаям. Три раза в день всё общество собирается в столовой (она же и зала): к завтраку (в 12 часов), к обеду (в 7 часов) и на вечернее собрание (в 9½ часов). С первых же дней уже заметна написанная на всех лицах скука. Сам государь мрачен и озабочен; императрица нездорова, не выходит из комнаты и не принимает; между лицами свиты, особенно женского пола, – разлад. Для меня, впрочем, есть некоторое утешение – присутствие дочери. В самый день нашего приезда в Ливадию жена моя приезжала сюда повидаться со мной, так как я не мог отлучиться накануне торжественного дня 30 августа. Только сегодня, в день доклада моего, я отпросился навестить свою семью; сейчас отправляюсь в Симеиз, где надеюсь пробыть до пятницы, то есть до следующего дня доклада.

3 сентября. Пятница. Пробыв два дня в Симеизе, среди своей семьи, я возвратился в Ливадию вчера вечером и нашел здесь прежнее мрачное настроение. Во дворце за обедом и на вечернем собрании, как передавали мне, толковали о неизбежности войны; сам государственный канцлер говорил это всем направо и налево; при этом громко сетовал о моем отсутствии и поручал сказать мне, что имеет крайнюю надобность увидеться со мной прежде моего доклада государю.

Однако ж я не мог исполнить желания канцлера: он помещен в Орианде, во дворце великого князя Константина Николаевича; ехать туда я не решился, опасаясь опоздать к докладу. Только что вошел я в кабинет государя, его величество с удовольствием сказал мне, что в мое отсутствие дипломатическая переписка приняла очень благоприятный оборот, что английское правительство само предложило весьма удовлетворительные условия для будущего мира, такие условия, на которые мы сей же час дали свое согласие. От Франции и Италии также получено согласие; от Германии было уже предварительное одобрение, и только со стороны Австрии английские предложения встретили какое-то недоверие. Кажется, чего же лучше? И почему же в эти два-три дня заговорили о войне?

Государь передал мне свои разговоры с князем Горчаковым по этому предмету; я понял, что вопрос о войне возбужден был не государем, который судит о возможной войне совершенно правильно, опровергая суждения государственного канцлера, имеющего о военных вопросах понятия самые смутные, совершенно детские. Он думает, что начать войну и вести ее можно с такой же легкостью, как сочинить дипломатическую ноту. Сколько раз уже приходилось мне опровергать взгляд князя Горчакова!

Из разговора с государем я догадался, что речь шла о том, что будем делать в случае решительного несогласия Порты на перемирие и на предложенные шестью державами условия мира? Спрашивается, почему же в таком случае обязанность побуждения Порты к большей сговорчивости ляжет на одну Россию? Неужели, в случае отказа Порты, сама Англия, предложившая условия перемирия, сочтет это посторонним для себя делом?

После длинного доклада у государя я поехал к князю Горчакову в Орианду, а потом заехал к Игнатьеву, который поместился там же, в отдельном домике, «адмиральском». Государь пожелал, чтобы я все-таки лично переговорил с канцлером и послом. Из разговоров с первым я вынес снова печальное убеждение, что все его действия и речи вертятся около одного слова – я. Что ж оказалось? Он получил на днях

анонимное письмо, в котором восхвалялась прежняя его блестящая деятельность, доставившая ему громкую славу и популярность, а затем выставлялась настоящая его старческая дряхлость, не соответствующая трудной задаче современной политики, и советовалось ему добровольно уступить место другому, более молодому и энергичному министру иностранных дел.

Такое послание, хотя и безымянное, живо затронуло больное место его; князь стал на дыбы, заговорил перед фрейлинами и флигель-адъютантами о достоинстве и чести России, о сочувствии славянам – о войне! У французов есть особое выражение – *poser*; наш государственный канцлер, при всем его уме и способностях, имеет огромный недостаток – всегда «позировать»; по выражению же покойного моего брата – он всегда пускает фейерверки. К прискорбию, эти фейерверки могут быть иногда опасной игрой.

При мне получена была канцлером шифрованная телеграмма из Константинополя о том, что турки и слышать не хотят о перемирии, ставят условия мира совершенно невозможные. Князь Горчаков просил меня передать эту телеграмму государю, что я и исполнил. Государь призвал меня и прочел уже написанную им карандашом резолюцию о том, что после такого ответа Порты ничего другого не остается, как прервать дипломатические сношения, а затем объявить войну.

Такая поспешность в решении столь важного дела испугала меня. Я передал государю свой разговор и с князем Горчаковым, и с Игнатьевым, стараясь при этом выставить все невыгоды нашего положения, когда море во власти наших противников и когда мы не знаем еще намерений Австрии. Я возвратился к мысли, затронутой при утреннем докладе моем, – о том, что было бы всего выгоднее, если б удалось убедить Австрию действовать совместно с нами в занятии северных областей Европейской Турции. В этом отношении я случайно сошелся во мнении с генералом Игнатьевым, который, как оказалось, сам вызывался ехать через Вену, чтобы убедить Андраши действовать заодно с нами. Игнатьеву очень не хочется теперь ехать прямо в Константинополь, как он говорит – с пустыми руками, не имея никакой положительной программы. И мне кажется даже опасным появление его в Константинополе при настоящем положении дел; оно может стать сигналом преждевременной развязки, подобно тому как случилось в 1853 году с посольством князя Меншикова[95].

Когда я выходил из кабинета государева, мне показалось, что он счистил резиной свою резолюцию на телеграмме. Я поспешил домой, чтобы приготовить бумаги к отправлению с

фельдъегерями в Петербург и на Кавказ. Начальнику Главного штаба посылаю длинное письмо, в котором извещаю его о современном положении дел и тех предположениях, которые следует принять в основание при разработке планов на случай войны.

Спешу вписать это утро в свой дневник, собираясь сегодня же вечером отправиться в Керчь для осмотра крепости и решения на месте некоторых вопросов по приведению ее в оборонительное положение в особенности относительно укладки подводных мин.

5 сентября. Воскресенье. Сегодня утром возвратился из Керчи. Поездка эта совершилась весьма удобно и спокойно; в распоряжение мое был предоставлен пароход «Эльбрус», на котором я отправился из Ялты в пятницу, в 9 часов вечера, а на другой день в 8 часов утра вышел на пристань крепости Керчь. В течение всего дня, до наступления темноты, обходил и объезжал крепостные верки, произвел смотр расположенным в лагере крепостным батальонам, смотрел укладку подводных мин, а к 5 часам пригласил на совещание в квартиру строителя крепости инженерного генерал-майора Седергольма и начальников разных отделов управления крепостного и частей войск.

Я высказал им, как необходимо в настоящее время быть вполне готовым к ежеминутному появлению турецкого флота в Черном море и для того принять ныне же самые энергичные меры; указал, как мало еще сделано в этом отношении в крепости, какие именно распоряжения наиболее необходимы, и предложил немедленно по отъезде моем собраться на совещание под председательством коменданта генерал-майора Олохова, чтобы составить подробную ведомость всем таким мерам и прислать эту ведомость мне для надлежащих распоряжений.

В 8 часов вечера было другое совещание на пароходе «Эльбрус» с лицами, составляющими минную комиссию: генерал-лейтенантом Вансовичем, контр-адмиралом Пилкиным, полковником Боресковым, капитаном 1-го ранга Казнаковым, капитаном 2-го ранга Дьяковым и подполковником Афанасьевым. При этом присутствовал и генерал-майор Седергольм. Обсудив составленные комиссией предположения относительно скорейшей укладки, в случае надобности, мин в Керчи, Севастополе, Балаклаве и Очакове, мы условились насчет плана дальнейших действий по этому предмету. По окончании совещания некоторые из названных лиц возвратились в Керчь, а прочие вместе со мной отправились на «Эльбрус», который снялся в 10 часов вечера.

Поездка в Керчь убедила меня в необходимости поездок и в другие пункты Черноморского берега: Очаков с Николаевом и

Севастополь. Я ужаснулся, увидев, как мало думали начальства инженерное и артиллерийское о готовности приморских крепостей к обороне и о защите других неукрепленных пунктов. При таком положении на море едва ли благоразумно быть слишком задорными.

Приехав сегодня утром в Ливадию, я видел государя при выходе его из церкви; он спросил меня, доволен ли я своей поездкой, но я ответил коротко, что должен доложить подробно; государь ничего на это не сказал; видимо, его мало интересуют подробности наших приготовлений на случай войны; он озабочен лишь ходом политических дел, как кажется, не очень удовлетворительным. Из Константинополя получено известие, будто Англия потребовала от турок, взамен месячного перемирия, приостановки наступательных действий на 10 дней. Такое требование похоже на насмешку; однако же наши дипломаты ободрились. Тем не менее все заметили сегодня, что государь едва мог выстоять обедню; он имел вид болезненный и утомленный.

6 сентября. Понедельник. Наши дипломаты так успокоились после известий, привезенных от сэра Генри Эллиота племянником его, командиром парохода «Антилопа», что уже начинают строить проекты о действиях на Черном море и в Турции заодно с англичанами. Генерал Игнатьев предложил даже допустить английский флот в Босфор, с тем только, чтобы сделать возможным отправление части наших войск морем, на пароходах Товарищества, в Варну или Бургас, пока другие войска пойдут сухопутно на Дунай. Государственный канцлер с обычной своей легкостью вообразил, что для занятия Болгарии достаточно послать одну бригаду!

Верно только то, что общественное мнение в Англии возымело сильное влияние на образ действий британского правительства. При всем том я сомневаюсь, чтобы Дизраэли (новый граф Биконсфильд) вдруг сделал полный поворот и вступил в союз с нами против Турции. Думаю, что благоразумнее и осторожнее для нас продолжать готовиться к войне с Турцией без союзников, а для этого не оставляю своих забот о нашем Черноморском побережье.

Сегодня я имел у государя специальный доклад по этому предмету, подробно изложил ему всё, что нашел в Керчи, какие распоряжения сделал и какие еще считаю нужным сделать безотлагательно; а также и о других прибрежных пунктах. Государь всё одобрил, всё разрешил, хотя слушал как-то рассеянно, без особенного внимания. Видно было, что в мыслях у него совсем другое. Его встревожило новое сумасбродство

Черняева, который вздумал провозгласить князя Милана сербским королем. Если Милан примет этот титул и объявит себя независимым от Порты, то этим станет вразрез с нынешним направлением политических переговоров; этот эпизод крайне затруднит нашу дипломатию. Соглашаясь на восстановление для Сербии *status quo ante bellum* и добиваясь этого скромного условия, вопреки нахальным требованиям Порты унизить Сербию, мы могли еще рассчитывать на содействие в этом деле других держав; теперь же условие это уже покажется низвержением Сербии, отнятием у нее того, что она уже присвоила себе. Тем не менее мне кажется, что государь придает слишком большую важность безумной затее Черняева; он даже сказал мне, что предвидит намерение Черняева свергнуть князя Милана и провозгласить республику, приготовляя себе звание президента.

Бóльшую часть дня провел я за бумагами. Сделав все распоряжения касательно Керчи и приготовив завтрашний доклад по текущим делам, намереваюсь завтра же, после доклада, отправиться снова на пароходе «Эльбрус» в Очаков, Николаев и Севастополь.

10 сентября. Пятница. В прошедший вторник, при докладе государю, состоялся разговор о современных политических делах. По окончании же доклада государь приказал мне остаться с князем Горчаковым, чтобы выслушать составленный им проект письма к австрийскому императору. [Редакция очень хороша.] В письме категорически ставится вопрос о дальнейших планах Австрии: хочет ли она идти заодно с нами, на основании английских предложений, и ввести свои войска в Боснию, когда мы введем свои в Болгарию, а союзный флот вступит в Босфор? Тон письма твердый, хотя и дружественный. Предполагается послать письмо с генерал-адъютантом графом Сумароковым-Эльстоном, которого приказано вытребовать по телеграфу из Харькова. Князь Горчаков и слышать не хочет о командировании Игнатьева, которого Андраши считает личным своим врагом.

После доклада, покончив со всеми бумагами, я отправился в 2 часа пополудни на «Эльбрус», на котором в течение трех дней совершил предположенную поездку в Очаков, Николаев и Севастополь. В Очакове, куда прибыл в среду в 8 часов утра, я нашел генерал-адъютанта Семеку и Аркаса с инженерами, артиллеристами и моряками; мы осмотрели места для батарей и минных заграждений, потом поднялись по Бугу до батарей перед Николаевом, произвели стрельбу с одной из них; затем, оставив моряков в Николаеве, мы с генерал-адъютантом Семекой пошли обратно в Очаков и оттуда в Севастополь. Туда пришли в четверг, в 11 часов утра, осмотрели «поповку», места, предназначенные

для минных заграждений и для постройки новых батарей. Сговорившись обо всех подробностях, я расстался с генералом Семекой и возвратился в Ливадию около 8 часов вечера.

Здесь нашел я массу бумаг; сегодня утром докладывал их государю; при этом опять велись разговоры о политике: о двуличности Австрии, о ненадежности Лондонского кабинета; была речь о мобилизации войск в некоторых округах. После доклада поехал в Орианду к князю Горчакову. Вместе с Игнатьевым пробовал я снова объяснить нашему канцлеру, что при ведении дипломатических дел, особенно когда они принимают такой острый характер, не может он пренебрегать условиями военными и игнорировать материальные средства для ведения войны. Но все старания наши вразумить князя остались напрасными; он не хотел вникнуть в наши объяснения, горячился и твердил свое – что всё это детали, до него не касающиеся. Граф Сумароков-Эльстон уже приехал, получил инструкции и завтра отправляется отсюда через Одессу в Вену.

Государь сказал мне, что завтра я могу съездить к своей семье, если до утра не будет получено ничего нового, что могло бы задержать меня.

Сегодня был большой обед во дворце. Государь и императрица вчера и сегодня обедали за общим столом. Императрица поправилась в здоровье, но похудела и постарела. Вечером герцог Эдинбургский с принцем Баттенбергом и адъютантом отправился на пароходе «Антилопа» в Безикскую бухту.

15 сентября. Среда. Прошлые субботу, воскресенье и часть понедельника провел спокойно в своей семье, в Симеизе. По возвращении в Ливадию узнал, что последние известия из Лондона были неблагоприятны; Лондонский кабинет, подавший было надежды на сближение с русской политикой, опять колеблется и потакает мерзостям константинопольским.

Вчера, во вторник, я при докладе государю испросил разрешения сообщить министру финансов о настоящем положении дел, дабы он мог приготовить финансовые средства на случай, если мы будем вынуждены мобилизовать войска.

Вчера же утром приехал с Кавказа начальник окружного штаба генерал-майор Павлов, присланный великим князем Михаилом Николаевичем для словесного разъяснения некоторых вопросов по настоящему положению дел и по сосредоточению войск на кавказско-турецкой границе. Павлов – способный и прекрасный офицер. Я представил его государю по окончании обедни и потом имел с ним продолжительное совещание.

Сегодня утром государь выслушал доклад генерал-майора

Павлова, в присутствии посла генерал-адъютанта Игнатьева и моем. Давнишняя мысль Игнатьева: в случае разрыва с Портой самое больное ее место – Азиатская Турция, а потому наши главные наступательные действия должны быть направлены из Закавказья. Поддерживая настойчиво эту мысль, Игнатьев постоянно оказывал усердную помощь кавказскому начальству в собирании точных сведений об этом театре войны. И теперь он с любовью, как детище свое, ободряет кавказское начальство в его планах наступательных действий, хотя бы даже с не приведенными еще на военное положение войсками.

Результатом нашего доклада было высочайшее разрешение на первый раз усилить запряжку артиллерии и обозов, о чем и посылаю с тем же Павловым уведомление главнокомандующему Кавказской армией. Все сделанные им распоряжения о сосредоточении и расположении войск на границе утверждены государем. Кроме того, в собственноручном ответе своем на собственноручное же письмо великого князя я изложил общие соображения о значении настоящего сбора войск и о необходимости на будущее время некоторых изменений в организации и дислокации Кавказской армии.

Сегодня же вечером, когда всё ливадийское общество было в сборе, доложили государю о приезде в Ялту бразильского императора дона Педро II и принесли от него письмо. Письмо это было прочитано государем вслух и возбудило общий смех оригинальностью содержания и языка. Император дон Педро приглашен завтра к императорскому завтраку.

16 сентября. Четверг. Сегодня ливадийское общество имело развлечение; оно занято было исключительно бразильскими гостями, которые своей оригинальностью, простотой и развязностью произвели резкий диссонанс с натянутым, сдержанным тоном наших придворных нравов. Бразильский император путешествует до того скромно и неприхотливо, что, приехав в Ялту, не имел при себе шляпы и, чтобы приехать сюда, взял в гостинице чью-то чужую. Дон Педро II имеет вид старца (хотя ему с небольшим 50 лет) с седой окладистой бородой, он высокого роста и довольно тучный. Он напомнил мне нашего крымского соседа и приятеля Н. Я. Данилевского не только наружностью, но и манерами. С государем и императрицей он обращался как с близкими, давнишними друзьями, чуть не трепал по плечу.

Свита состоит из гофмаршала Буэн-Ретиро – толстого[96] смуглого человека, который беззастенчиво болтал всё время за завтраком и за обедом на каком-то уродливом языке – полуфранцузском, полупортугальском. Другой спутник

императора – французский ориенталист Гобино, занимающий место посланника французского в Стокгольме; наконец, присутствует молодой, довольно благообразный секретарь. Все эти личности возбуждали в среде придворной челяди насмешки и были предметом всяких острот и шуток. Тем не менее своеобразность и добродушие императора, путешествующего простым туристом, не подчиняющегося общепринятым при европейских дворах формам этикета, не могли не внушать некоторого уважения даже и в нашем пошлом кружке.

После обеда, когда всё общество с обычной чопорностью расположилось в гостиной вокруг царственных хозяев, бразильский император, пожелав переговорить о чем-то со своим министром и другом, бесцеремонно взял его под руку и отвел в соседнюю, неосвещенную комнату – кабинет императрицы. Затем гости распростились с хозяевами, не торопясь забрали свои пледы и все четверо уселись в извощичью двухместную коляску, чтобы возвратиться в ялтинскую гостиницу. Завтра рано утром они уезжают в Одессу и оттуда в Константинополь.

В политике нет ничего нового, кроме телеграммы из Вены, извещающей о приеме, оказанном императором генерал-адъютанту графу Сумарокову-Эльстону. Франц-Иосиф, прочитав письмо государя, ограничился фразами в смысле непоколебимой дружбы и согласия, но вместе с тем прибавил, что, по важности дела, ему нужно несколько дней на размышления, прежде чем дать ответ на письмо. Отъезд Игнатьева в Константинополь задержан.

22 сентября. Среда. В прошедшую пятницу и субботу при докладах моих государю было много говорено о современных политических делах. Последние известия вообще не очень благоприятны, и когда я уехал в субботу из Ливадии в Симеиз, то оставил всё ливадийское общество в мрачном настроении. Воскресенье и утро понедельника провел спокойно в Симеизе и возвратился в Ливадию в понедельник к обеду.

Меня встретил генерал Игнатьев; он привел ко мне некоего Пороховщикова, богатого москвича, известного антрепренера, владельца Славянского базара, а в последнее время самого ретивого воротила в Славянском комитете. Он приехал в Ливадию с намерением пожаловать об участи Сербии, дошедшей, по его мнению, до последней крайности и близкой к окончательной гибели. Пороховщиков принадлежит к числу тех личностей, которые расплодились в последнее время под названием «общественных деятелей». Они обыкновенно составляют как бы оппозицию правительственной власти, которую называют «бюрократией», и принимаются за то или

другое дело с намерением вести его «силами общества», помимо правительственной администрации. Большей частью это люди, одаренные от природы живым воображением, чувствуют неодолимую потребность деятельности; люди иногда и способные, и образованные, но почти всегда увлекающиеся созданиями собственного воображения и почти всегда многоречивые. Они говорят больше, чем делают.

Пороховщиков так же много, очень много говорит, так же не без способностей, очень ретивый [но и много делающий]. По собственным его словам, он был главным в Москве вербовщиком добровольцев, отправленных Славянским комитетом в Сербию. Он рассказывает, как ежедневно тысячи человек всякого звания толпились у него в доме, на лестнице, на улице, чтобы получить билет и пособие для отправления в Сербию. Поэтому-то преимущественно у него на совести судьба этих тысяч людей, теперь обреченных, может быть, на гибель, в случае подавления сербского восстания. Он хлопочет, чтобы правительство снова оказало поддержку Сербии и приняло какие-либо меры, чтобы спасти славянское дело от печальной развязки. При этом Пороховщиков много говорил о настроении русского народа, об опасности, угрожающей, по его мнению, правительству в случае, если будет продолжаться видимое бездействие и равнодушие к славянскому делу.

В этом смысле Пороховщиков говорил и Игнатьеву, и графу Адлербергу, и мне, и всем, кого только здесь встречал; сегодня он должен быть у князя Горчакова и даже надеется быть принят государем. Мыслимо ли было в прежнее время, чтобы частное лицо, которого имя даже не было известно в правительственных сферах, осмелилось прямо явиться с советами высшему правительству, самому государю и заявлять требования от имени всего русского народа. При настоящем настроении можно вперед сказать, что рассказы и фразы Пороховщикова произведут впечатление.

Между тем вчера утром получена из Вены успокоительная телеграмма насчет ответа австро-венгерского правительства. По словам Новикова, император Франц-Иосиф при прощальной аудиенции графа Эльстона вручил ему ответное письмо, в котором выражает полное согласие на предложение русского императора о совместном вооруженном вмешательстве. Из Лондона еще нет положительного ответа; только сегодня назначено там совещание министров по вопросу о русских предложениях.

Несмотря на это, государь вчера же решил приступить к мобилизации войск Одесского, Харьковского и частью

Кавказского округов, чтобы в случае надобности ввести наши силы одновременно с австрийскими как в Европейскую Турцию, так и в Азиатскую. Государь озабочен тем, чтобы наши войска были готовы к наступлению не позже австрийских. Я предложил теперь же приступить к тем распоряжениям, которые требуют больше времени (к покупке лошадей и заготовлениям интендантским), не произнося пока слова мобилизация. Князь Горчаков и Игнатьев одобрили это мнение мое; после обедни (по случаю дня рождения великого князя Павла Александровича) и завтрака государь вторично потребовал меня, вместе с князем Горчаковым и Игнатьевым, и тут окончательно было решено приступить к распоряжениям в предложенном мною порядке, имея в виду окончательно объявить о мобилизации войск тогда только, когда не будет уже сомнения в необходимости вооруженного вмешательства.

Я несколько раз обращал внимание государя и дипломатов на крайне невыгодные условия предпринимаемой кампании в позднее осеннее время года и при совершенной беззащитности черноморских берегов, если Англия откажется от содействия своим флотом. На беду нашу, распоряжения, сделанные мною при поездках в Керчь, Очаков и Севастополь для защиты этих пунктов, не могли еще быть приведены в исполнение; хотя работы и начаты, при побуждениях с моей стороны, однако же нужно много времени на перевозку больших орудий из Кронштадта и Петербурга и мин для одесского порта, который решено также привести в оборонительное положение.

Для приведения в исполнение нового высочайшего повеления я должен был работать целый день: рассылать телеграммы, писать во все части Министерства, так как вчера же вечером отправили очередного фельдъегеря, с которым нужно было послать и обыкновенные, текущие бумаги. Очень некстати пришлось вчера же празднество в честь великого князя Павла Александровича; после фейерверка, когда начали сбираться к танцам, я скрылся и проработал до поздней ночи. Эти увеселения вовсе не клеились с общим настроением духа и опасениями за будущее.

23 сентября. Четверг. Вчера вечером опять пришел ко мне Пороховщиков, чтобы передать мне разговор, который он имел с самим государем, разговор, длившийся полтора часа. По словам Пороховщикова, государь принял его до такой степени милостиво, что вошел с ним в самые задушевные объяснения, два раза даже заплакал и как будто оправдывал свои действия. Я не поверил бы такой неуместной со стороны государя откровенности и доверчивости к человеку, которого он видел в первый раз и

которого имени даже не знал, если б в рассказе Пороховщикова не узнавал выражений, прежде слышанных мною. Пороховщиков является каким-то трибуном народным, он заявляет ожидания и надежды от имени народа, и верховный владыка 80 миллионов подданных считает нужным поведать перед этим самозваным представителем народа сокровенные свои мысли, заботы и предположения!

Пороховщиков после разговора с государем обратился снова ко мне с домогательствами о разрешении набрать из бессрочно-отпускных солдат 10-тысячный отряд для Сербии, об отпуске оружия и т. д. Я объяснил ему снова невозможность удовлетворения этих просьб. Сегодня же утром, явившись опять ко мне, чтобы проститься, он уже сам отказывается от прежних своих домогательств, признавая возможным обойтись одними отставными солдатами и тем оружием, которое куплено в Германии.

Появление Пороховщикова в Ливадии выказало рельефно некоторых господ. Престарелый наш канцлер, назначив этому приезжему «аудиенцию», чтобы *выслушать* его заявления, сам говорил целый час о себе, так что Пороховщиков на вопрос государя относительно князя Горчакова отвечал прямо, что не мог ничего высказать ему, а только слушал самого канцлера. Сегодня князь Горчаков после доклада у государя зашел ко мне и в присутствии Игнатьева завел речь о Пороховщикове, придавая серьезное значение его россказням. Я подумал про себя – как-то Пороховщиков будет отзываться о князе Горчакове, когда, возвратившись в Москву, станет трезвонить о своем посещении Ливадии. Если б даже он и не был болтуном, проникнутым колоссальным самомнением, и тогда он имел бы полное право хвастаться своим успехом и глумиться над всеми нами. Жалкое понятие он должен был вынести отсюда о так называемой «высшей власти».

Сегодня получены неблагоприятные телеграммы из Лондона о результате вчерашнего совещания британских министров. Они согласны требовать от Порты перемирия на один месяц, согласны и на занятие Боснии Австрией, но не хотят и слышать о вступлении наших войск в Болгарию или союзного флота – в Босфор. Очевидно, что между Австрией и Англией существует тайная сделка и Андраши действует двулично. Игнатьев торжествует; сам канцлер уже сознался, что на прежнего его друга полагаться нельзя.

Государь сегодня еще более мрачен, чем когда-либо; он прочел мне лондонские телеграммы, одобрил представленный мною проект распределения войск и начальников на случай

войны с Турцией, но не вошел ни в какие разговоры и даже словом не упомянул о вчерашнем своем свидании с Пороховщиковым. Думаю, что ему самому неловко вспомнить о нем.

Сегодня при докладе опять я должен был спросить приказа относительно тех офицеров, которых отставки были приостановлены, но которые, не дождавшись формального увольнения, уехали в Сербию и давно уже там воюют. Государь разрешил им всем дать отставки и как-то неохотно согласился лишь на мое предложение произвести расследование, каким образом офицеры эти могли получить заграничные паспорта, не получив предварительно ни отставки, ни отпуска за границу. Ясно, что во всем этом деле движения волонтеров в Сербию сам государь действовал двойственно и отчасти сам способствовал распространению убеждения, что правительство поощряет это движение.

Всем известно, что и наследник цесаревич принимал и продолжает принимать самое деятельное участие в славянском деле. К сожалению, к нему втираются в доверие такие пройдохи, каков, например, Ростислав Фадеев и ему подобные. Исходящая из Аничкова дворца агитация идет совершенно вразрез с принятой официально политикой; государь это знает и смотрит сквозь пальцы. При такой двойственности может ли быть какая-либо определенная система в действиях, какой-нибудь ясный план!

Краснобайство Пороховщикова, несомненно, повлияет на настроение государя; а вслед за сим ожидают приезда наследника цесаревича. Говорят, будто государь давно уже под влиянием странного предчувствия, что его ожидает такой же конец, как и отца его, если он начнет войну; что ныне, видя неизбежность войны, он потребовал сюда наследника цесаревича, на плечи которого может пасть развязка начинаемой драмы.

25 сентября. Суббота. Вчера при докладе моем государь был неразговорчив и в мрачном настроении. Сведения из Лондона и Константинополя неблагоприятны. К вечеру приехал граф Сумароков-Эльстон с ответным письмом императора Франца-Иосифа. Государь долго держал Эльстона у себя в кабинете – и перед обедом и после обеда, а на вечернем собрании имел грустный вид. Мне он не сказал ничего о впечатлении, произведенном письмом австрийского императора, но передал для прочтения телеграмму из Константинополя, в которой Нелидов (оставшийся за отсутствием генерала Игнатьева старшим в посольстве) извещает, что Порта, поддерживаемая Эллиотом, показывает крайнюю несговорчивость и, по мнению

его, Нелидова, разрыв или по крайней мере отозвание посольства неизбежны.

Сегодня прибыл наследник цесаревич; всей свите приказано ехать навстречу ему в Ялту, около полудня.

До этого часа я имел продолжительное свидание с генералом Семекой, вызванным сюда из Одессы; потом, в назначенный час, был у государя, чтобы доложить ему некоторые спешные телеграммы, полученные вчера и сегодня утром. Государь прочел мне ответное письмо императора Франца-Иосифа и несколько телеграмм из Лондона. Письмо императора, весьма длинное, полное любезных фраз и уверений в неразрывной дружбе, вместе с тем заключало в себе признание в том, что он, как государь конституционный, не может действовать так свободно, по внушению собственных своих чувств, как монарх российский; потому он не считает себя вправе принять участие в предлагаемом государем с полным бескорыстием занятии войсками северных, славянских областей Балканского полуострова. По мнению австро-венгерского правительства, военное вмешательство в предположенных Россией пределах не вознаградится результатами, так как поставленная задача заключается не в окончательном решении восточного вопроса, а лишь во временном улаживании. Затем император Франц-Иосиф прямо заявляет, что в случае, если Россия решится одна занять Болгарию, то Австрия не будет тому препятствовать, но сохранит за собой право свободы действий и право ввести войска в Боснию и Герцеговину для достижения собственных целей и интересов.

Такое откровенное, хотя и циничное, признание составляет весьма важный фазис в продолжающемся уже так долго дипломатическом *imbroglio*[97]. Дело становится ясным: Австрия не прочь действовать вместе с Россией, если ей обещают добычу – присоединение Боснии, но не хочет впутываться в дело бескорыстно, из-за того только, чтобы славянам доставить автономию, которая вовсе ей не по вкусу.

С другой стороны, также сделалось ясным, что Лондонский кабинет, выступив вдруг с предложениями весьма похвальными, вполне одобренными Россией, Германией, Францией и Италией, имел при этом в виду только успокоить раздражение и негодование в английском обществе, нисколько не намереваясь действительно привести в исполнение свои предложения и рассчитывая заранее на отказ со стороны Австрии, чтобы прикрыть свой двуличный образ действий. Нет сомнения в том, что послу британскому в Константинополе Генри Эллиоту указывалось исподволь ободрять турок в их упорстве, обнадеживая поддержкой Великобритании.

Государь спросил, полагаю ли я возможным при такой обстановке остановить войну. Сам он уже потерял надежду на коллективное решение вопроса и с прискорбием видит необходимость изолированных действий. Я откровенно сказал, что не предвижу успеха дальнейших дипломатических переговоров, что Англия и Австро-Венгрия, видимо, хотят втянуть нас в войну и на нас одних свалить всю ответственность, что поэтому мы должны готовиться к войне, но у дипломатии еще остается обязанность сделать всё возможное, чтобы война началась при наименее для нас неблагоприятных условиях. В этом отношении важно, чтобы Турция по крайней мере не имела открытой поддержки какой-либо державы и, напротив, следует заручиться сочувственным отношением хотя бы некоторых держав. Затем я снова обратил внимание государя на неблагоприятное для начала войны время года.

Государь в заключение сказал, что при настоящем фазисе будет уже недостаточно ввести в Европейскую Турцию только два корпуса, то есть 4 пехотных и 2 кавалерийских дивизии, как прежде предполагалось, а необходимо добавить еще хотя бы один корпус. Вследствие этого предложено мною мобилизовать и войска Киевского округа.

Беседа была прервана докладом камердинера о том, что пароход «Ливадия» уже близок и через 20 минут наследник цесаревич будет в Ялте. Поэтому государь поехал на пристань, и я вслед за ним. По заведенному порядку, мы все в парадной форме встретили наследника в павильоне на пристани. Возвратившись в Ливадию, сейчас же все собрались к завтраку, по окончании которого государь позвал к себе на совещание наследника цесаревича, государственного канцлера, генерала Игнатьева и меня, а потом еще был призван и граф Сумароков-Эльстон.

Государь сначала объяснил в кратком очерке, собственно, для сведения наследника цесаревича, ход предшествовавших переговоров по восточному вопросу и, дойдя до настоящего положения дела, прочел часть ответного письма императора Франца-Иосифа. Государь явно был взволнован; когда князь Горчаков начал высказывать свои соображения и прочел проектированную им ответную телеграмму, государь резко возразил ему и вместе с тем отозвался с горечью о печальных результатах поднятой славянофилами агитации, о бесплодных жертвах, принесенных в помощь славянам.

При этом государь припомнил свои разговоры с Пороховщиковым и упрекнул государственного канцлера в том, что он, поддержав предположение об отправлении в Сербию 10 тысяч солдат из запаса, противоречил своим же стараниям

добиться прекращения военных действий.

В этих упреках государь был не совсем прав; но, видимо, говорил не столько в укор государственному канцлеру, сколько в косвенное назидание наследнику цесаревичу. Он даже упомянул об излишнем и неуместном усердии некоторых гвардейских начальников, которые побуждали молодых офицеров выходить в отставку, чтобы отправляться в Сербию.

Совещание, продолжавшееся более часа, не привело ни к какому определенному практическому заключению. Государь принял на себя составление проекта ответной телеграммы императору Францу-Иосифу. Относительно же дальнейшего ведения дела положил разъяснить окончательно намерения других кабинетов по вопросу о перемирии и об условиях мира. В случае положительного отказа Порты в ответ на наши крайне умеренные требования – прервать дипломатические сношения, отозвать посольство и в то же время мобилизовать войска. В случае же заключения перемирия – принять участие в предположенных конференциях, но все-таки готовиться к войне с тем, чтобы в случае неудачного исхода конференции взяться за оружие и вести войну самостоятельно, уже не связывая себя прежними условиями и договорами. Впрочем, всё это было выражено в виде предварительного соображения, а не положительного плана действий.

Вскоре после совещания, покончив с некоторыми спешными делами, я уехал из Ливадии, чтобы отдохнуть хоть один день в своей семье – в Симеизе.

27 сентября. Понедельник. Вчерашний день провел в Симеизе. Под вечер неожиданно заехал генерал Тотлебен на пути из Севастополя в Ливадию, куда он вызван, чтобы заняться обороной берега. Вечером и я возвратился в Ливадию в то время, когда во дворце разыгрывалась какая-то пьеса, сочиненная нашими дипломатами.

Сегодня утром мы все ездили в Ялту провожать великую княгиню Марию Александровну. Жаль было смотреть на бедняжку, покидавшую родительский кров, чтобы поселиться на скучном острове Мальта, среди англичан, проникнутых враждой к России. Герцог Альфред Эдинбургский служил в английской Средиземноморской эскадре. Государь, проводив свою дочь до яхты «Ливадия», на возвратном пути сделал вторично смотр расположенным здесь двум ротам. По-видимому, он был спокойнее духом, чем прежде, даже имел иногда веселый вид; однако же полагаю, что веселость эта напускная. Завтра, при докладе, вероятно, узнаю содержание проектированного ответа императору Францу-Иосифу.

Между тем во время вечернего собрания государь показал мне телеграмму из Лондона, в которой граф Шувалов извещает, что лишь только распространился слух о нашем предположении занять Болгарию, немедленно же общественное мнение повернуло против нас. Поворота этого следовало ожидать. Возможно ли было рассчитывать на то, что Англия благодушно поможет нам ввести наши войска в пределы покровительствуемой ею Турции!

28 сентября. Вторник. Сегодня имел я длинный доклад в присутствии наследника цесаревича. У государя новая мысль: поручить командование действующей армией Тотлебену, в таком случае Семека останется в Одессе; начальство же в Крыму возложить на князя Воронцова, со званием корпусного командира. Мысль эта явилась вследствие случайного обстоятельства: Тотлебен, на пути своем в Крым, читал присланный бывшим его адъютантом Шильдером русский перевод сочинения Мольтке о войне 1828 и 1829 годов и в разговоре с государем упомянул об этом сочинении, заключающем в себе рассуждения знаменитого немецкого стратега о театре войны в Европейской Турции. Из этого разговора государь заключил, что генерал Тотлебен не только специалист по инженерной части, но вместе с тем и авторитет в военном деле вообще. В пользу назначения его командующим действующей армией его величество приводил, кроме личных достоинств Тотлебена, также и *prestige* его имени. Я не возражал, однако же не мог не заметить, что тяжелый характер и щепетильность могут быть большим неудобством в командовании армией.

После моего доклада государь призвал в кабинет графа Адлерберга и советовался с ним относительно выбора Тотлебена. Граф Адлерберг не выразил никакого мнения. Затем были приглашены Тотлебен, Семека, Аркас и Игнатьев. Речь была уже только о мерах, принятых для обороны приморских пунктов.

После завтрака – новое совещание с князем Горчаковым, Игнатьевым и графом Адлербергом, в присутствии наследника цесаревича. Говорили вообще о политическом положении; прочли составленный наконец проект ответного письма к императору Францу-Иосифу и разошлись под тем впечатлением, что на успешный исход дипломатических переговоров нечего рассчитывать и что если даже и добьемся перемирия и открытия конференции в Константинополе, то благоприятного результата от этих конференций ожидать нельзя и все-таки дело кончится войной, в которой против нас будет не одна Турция.

29 сентября. Среда. Утром государь прислал мне для

прочтения телеграмму от Нелидова из Константинополя: он извещает, что завтра Порта даст ответ представителям шести держав в том смысле, что согласна на перемирие до будущего марта; Нелидов предостерегает, что в этом неожиданном предположении, внушенном, без сомнения, Эллиотом, кроется намерение Турции выиграть время, чтобы оправиться и к весне приготовить против нас целую коалицию. Игнатьев разделяет это мнение.

Государь приказал мне с графом Адлербергом прочитать депеши, полученные от Нелидова за последнее время. В этих депешах весьма живо рисуется печальная картина нынешнего настроения в Константинополе, объясняются замыслы разных держав, с которыми приходится нам сговариваться, [безнадежность единогласного разрешения восточного вопроса] и почти отчаянное положение турецкой армии, которая, по словам Нелидова, не будет иметь возможности держаться даже против сербов в течение осени и зимы.

Сегодня представлялась государю депутация от Румынии, состоящая из президента кабинета Братиану и военного министра Сланичану[98], гофмаршала и адъютанта князя. Они приглашены к обеду. Братиану наговорил мне много комплиментов; по всему видно, что Румыния хочет нам угодить; Игнатьеву он говорил, что войска румынские готовы служить авангардом русской армии.

Был у меня сегодня утром главный военно-медицинский инспектор тайный советник Козлов. Мы переговорили с ним о распоряжениях по военно-медицинской части на случай войны. Тотлебен уехал в Севастополь, Николаев и Одессу.

1 октября. Пятница. Каждый день государь сзывает к себе государственного канцлера, графа Адлерберга, Игнатьева и меня; прочитываются полученные телеграммы и депеши, обсуждаются ответы, и почти всякий раз расходимся в полном недоумении – как выйти из ловушки, в которую мы попали. Вчера и сегодня подтвердилось решение Порты предложить 6-месячное перемирие; выдумке этой радуются в Лондоне и Вене, несмотря на наши возражения.

Сегодня приехали в Ливадию министр финансов и генерал-лейтенант Обручев. С первым я успел только обменяться несколькими словами перед обедом; с Обручевым же просидел несколько часов. Он привез массу всяких сведений и соображений касательно театра предстоящей войны. Первоначально я прочил его в начальники штаба предполагаемой действующей армии, но если главнокомандующим будет Тотлебен, то Обручев не пойдет к нему в начальники штаба и, в свою очередь, Тотлебен не пожелает Обручева: они давно уже в отношениях неприязненных,

с тех пор как Обручев, руководя ежегодными стратегическими поездками офицеров Генерального штаба в районе Варшавского округа, откровенно высказал свои суждения о недостатках наших крепостей. Тотлебен не может допустить, чтобы кто-либо, а тем более офицер Генерального штаба, смел вмешиваться в его владения – в сферу инженерного ведомства. Тотлебен до крайности самолюбив и обидчив.

4 октября. Понедельник. В последние два дня всё ожидали чего-нибудь положительного из Вены, Лондона и Берлина; получались телеграммы, сходились мы на совещания у государя, но дело всё еще нисколько не выяснялось. Вчера, перед обедней, государь принял генерала Обручева, который представил в сжатом очерке соображения о плане кампании в Европейской Турции.

Вчера же приглашена была к обедне и завтраку моя жена с дочерьми. Она приехала с двумя младшими и провела в Ливадии бóльшую часть дня.

Министр финансов представил государю записку, в которой изобразил в черных красках невыгодные для России последствия ожидаемой войны. Государь по прочтении этой записки назначил совещание, в котором, кроме наследника цесаревича, приняли участие князь Горчаков, Игнатьев, граф Адлерберг, Рейтерн и я. С самого начала государь напал на Рейтерна за его записку, из которой, по словам государя, можно заключить, что совершившиеся в его царствование великие реформы испортили положение России, так что в случае войны последствия ее будут гораздо тяжелее, чем были бы до этих реформ 20 лет назад. Если в этом заключалась главная тема записки, то, конечно, нельзя не признать, что вопрос был поставлен неудачно, и хотя Рейтерн старался объяснить иначе свои мысли, однако же государь возвратил ему записку, сказав, что вызвал его не для того, чтобы узнать его мнение, а чтобы изыскать средства к покрытию издержек, которые вызовет война.

После того начал говорить князь Горчаков; но прежде какого-либо заключения он выразил желание услышать соображения «министра военных сил» (так он имеет привычку называть военного министра). Вызванный государственным канцлером, я должен был обстоятельно изложить свой взгляд на затеянную войну: сначала я объяснил собственно военную сторону вопроса, указал, сколько времени нужно на мобилизацию, на сосредоточение войск и движение их в пределы Турции, насколько все расчеты изменяются по времени года; описал затруднения зимней кампании, но вместе с тем не отвергал и возможности ее, даже в некотором отношении выгоды, которую

мы имеем зимою над турками и в действиях на море. Но затем я перешел к политической стороне вопроса и старался обратить внимание государя и канцлера на необходимость ясного, точного определения цели и предмета военных действий и на опасные последствия могущего быть столкновения с европейской коалицией.

Князь Горчаков прерывал меня не раз восклицаниями, что нельзя же ставить гипотезы только неблагоприятные, на что я ответил, что гораздо опаснее действовать всегда в надежде на счастливые случаи. Я ставил гипотезы наиболее правдоподобные, однако же закончил тем, что желал бы, прежде дальнейшего объяснения моих мнений, выслушать, на чем именно сам канцлер основывает свои успокоительные комбинации.

Тогда он начал чтение длинной записки, составленной бароном Жомини, о предполагаемом ходе дальнейших переговоров, о необходимости немедленного отправления Игнатьева в Константинополь, об ожидаемом влиянии на конференцию угрожающего положения России и закончил тем, что, в случае неуспеха этой конференции, останется силой оружия принудить Турцию к уступкам.

Выслушав всё это длинное чтение, я просил позволения снова объяснить возбуждаемые этой запиской во мне сомнения и недоумения. В записке канцлера предусмотрены разные случайности, но в числе их я все-таки не вижу тех именно, на которые я указывал и которые кажутся мне наиболее вероятными. На все эти случайности надобно теперь же приготовить план действий: например, что будем мы делать, если перемирие вовсе не состоится, ни на 6 месяцев, ни на 6 недель? Если же состоится по нашему желанию на 6 недель, но на конференциях все державы, кроме России, придут к единогласному заключению, которое мы принять не можем, то не придется ли тогда объявить войну уже не Турции одной, а целой Европе?

К удивлению моему, государь не только не показывал неудовольствия, слушая мои довольно горячие возражения на план канцлера, но даже поддерживал меня и, по возможности, старался сам ответить на мои вопросы, хотя и не вполне категорично.

Совещание было прервано молебствием и парадом по случаю праздника Собственного е. в. конвоя. После обычного прохождения церемониальным маршем казаки пошли к накрытым для них столам (у здания оранжерей); туда же отправились и мы все, а затем возвратились во дворец к завтраку, по окончании которого возобновилось совещание. Государь резюмировал высказанные соображения: 1) Игнатьев завтра же отправится в

Константинополь; 2) в 2 или 3 недели должно обнаружиться – можно ли ожидать какого-либо результата от конференций; в случае [ожидаемой] неудачи, Игнатьев устранится от дальнейшего в них участия и тогда же будет приступлено к мобилизации войск, что произойдет примерно около 1 ноября; 3) мобилизация не будет еще объявлением войны; только в случае крайней необходимости мы решимся ввести наши войска в пределы Турции, что следует пригнать примерно к началу декабря; 4) кампания должна быть сколь можно быстрая; прежде перехода через границу должна быть заключена конвенция с Румынией.

На этом остановились, и хотя я попробовал снова обратить внимание на опасные последствия, которых можно ожидать от перехода нашего через границу, подобно примеру 1853 года, на возможность немедленного против нас вооружения большей части Европы, однако же часы уже показывали время прогулки и совещание было прекращено.

Я не имел случая сегодня же понять, какое впечатление оставило в государе всё высказанное мною в совещании. Но вот уже несколько дней замечаю, что чем-то навлек на себя неудовольствие императрицы, которая до того времени была, напротив, очень любезна и внимательна ко мне. Чему приписать эту перемену – не придумаю. Опять какие-нибудь сплетни? Вечером я не пошел в «собрание».

5 октября. Вторник. Сегодня была обедня в дворцовой церкви по случаю дня рождения великой княгини Марии Александровны (герцогини Эдинбургской), от которой уже есть известия с Мальты. Перед обедней был я у государя с докладом, а после завтрака – на обычном совещании. Главным предметом был отъезд Игнатьева в Константинополь, назначенный окончательно сегодня вечером. Князь Горчаков прочел длинную записку, составленную в виде сырого материала, из которого генералу Игнатьеву предоставляется по собственному усмотрению составить род меморандума для предъявления представителям европейских держав в Константинополе. Посол наш едет неохотно, не ожидая ничего хорошего от своего появления в столице Турции. Он не раз высказывал неудобство прибытия как раз к началу Байрама. Но старый канцлер настойчиво торопит его с отъездом.

В совещании сегодня я поставил вопрос: какой будет наш образ действий, если перемирие вовсе не состоится? Не возможно ли в таком случае все-таки предложить открытие конференции об условиях мира? На этот вопрос последовал ответ: перемирие не составляет безусловной необходимости для открытия

конференций. Впрочем, если не могли сойтись даже на определении срока перемирия, то можно ли ожидать единогласия в условиях мира? Никто и не ожидает от конференций успешного результата.

После совещания я отпросился к своей семье в Симеиз и предложил генералу Обручеву поехать туда со мной.

7 октября. Четверг. Вчера провел весь день в Симеизе, совершил большую прогулку в Алупку; вечером посетил нас сосед, князь Воронцов. Много толковали о том, что делать обитателям Южного берега в случае войны: кто советовал теперь же убираться поживу-поздорову, кто – замуровать окна и двери дома и т. д. Жена моя решительно объявила, что останется на месте, и для ограждения дома от хищничества просила только оружия для своей прислуги и рабочих.

К ночи мы с Обручевым возвратились в Ливадию.

Сегодня нашел я здесь настроение еще более мрачное, чем было прежде. Английская королева, не получив согласия своих министров на предположение отправить собственноручное письмо нашему государю, предложила государю по крайней мере лично объясниться с послом английским лордом Лофтусом. Государь изъявил на это полное согласие, хотя не усматривает большой пользы от этого свидания. Другое известие из Лондона – что Англия решилась, в случае нашего вмешательства, занять своими войсками и флотом Константинополь. С другой стороны, более успокоительное известие – о разномыслии, обнаружившемся в Совете министров, между Дизраэли и Дерби: первый предлагал прямо разрыв с Россией, последний – не согласился.

Из Германии получены сведения крайне бесцветные: Берлинский кабинет «не видит препятствия» в том, чтобы согласиться на предлагаемое нами 6-недельное перемирие, однако же и не берется поддерживать наши требования, чтобы не поссориться с другими своими «друзьями». Если таков будет окончательный ответ Германии, то, спрашивается, какую же выгоду извлекает Россия из своей пресловутой дружбы и тесного союза с Германией? Кажется, сам государь начинает разочаровываться насчет этого друга; относительно же Австрии разочарование – уже совершившийся факт.

Сегодня государственный канцлер сказался больным и не приехал из Орианды в Ливадию, так что обычное совещание прошло в его отсутствие. Государь прочел нам последние телеграммы, в числе которых было первое известие о прибытии Игнатьева в Буюкдере, об отказе Сербии и Черногории на предложение перемирия и проч. После совещания я пошел

пешком в Орианду и навестил князя Горчакова; застал его в постели (но, полагаю, не по болезни, а после обычного послеобеденного сна). Он опять оспаривал мои опасения относительно коалиции, даже сомневался в намерениях Англии довести дело до разрыва с нами; однако ж заметно, что он поддерживает свой тезис только из самолюбия, сам не вполне веря себе. В голосе его слышится сомнение и сознание неудачи своей.

Приготовления наши к войне идут деятельно: в Петербурге всё подготовляется к мобилизации войск, назначенных для охранения Черноморского прибрежья и для наступательных действий в Турции, Европейской и Азиатской; в приморских пунктах строятся батареи, подвозятся орудия, приготовляются мины. Недели через три можно будет спокойно ожидать появления неприятельского флота не только перед Керчью и Очаковом, но и перед Севастополем и Одессой.

8 октября. Пятница. Утренние телеграммы сегодня несколько успокоительнее прежних: из Вены уведомляют, что последнее письмо нашего государя произвело на императора Франца-Иосифа очень хорошее впечатление; будто бы он изъявляет полное согласие на наши предложения. Игнатьев телеграфирует из Константинополя, что имел весьма дружелюбные объяснения с представителями Австрии и Италии, что оба они обещали поддерживать его и не противиться 6-недельному перемирию. Государь прочел мне эти телеграммы при моем обыкновенном докладе; совещания же не было. Князь Горчаков не приехал в Ливадию по причине дурной погоды.

После вечернего собрания государь позвал меня в кабинет вместе с графом Адлербергом и прочел вновь полученные телеграммы. Англия не настаивает на 6-месячном перемирии и готова согласиться на наши предложения, предоставляя нам самим войти в соглашение с Портой. Таким образом, Игнатьеву открывается свободное поле действий. Французский посол Бургоэн в объяснениях своих с Игнатьевым высказался совершенно в нашем смысле. «Je suis prêt à vous servir de tampon dans vos rapports avec sir Elliot»[99], – сказал он Игнатьеву.

Известия эти вдруг изменили настроение государя и императрицы. *Il ya un revirement*[100]. Лорд Лофтус должен выехать из Петербурга завтра или в воскресенье. Князь Горчаков уже начинает заботиться об инструкции Новикову для заключения с Австрией конвенции. Не слишком ли рано? Странная торопливость для восьмидесятипятилетнего старца! Барон Жомини и другие дипломаты наши не разделяют очарованности канцлера и предусматривают в ожидаемом из Вены ответе новые

козни и хитрости. Увидим.

10 октября. Воскресенье. Полученные вчера утром новые телеграммы подтверждают предшествующие благоприятные известия. Канцлер думает, что повороту в английской политике могли способствовать наши серьезные военные приготовления.

Бывший на нашей службе полковник Кишельский возвратился с театра войны с самыми грустными сведениями о положении дел в Болгарии; все мечты болгарских деятелей разлетелись в прах. Оказывается, и в этом случае одной из причин неудач стали опять раздоры между нашими русскими деятелями, которые ведут дело славянское в угоду себе самим, сообразуясь с личными видами и честолюбивыми прихотями. Дело в том, что Черняев замышлял притянуть болгарские вооружения под свою руку; уверяют даже, что он мечтал сделаться господарем болгарским; между тем болгары имели неловкость связаться с Фадеевым, который напомнил о своем старшинстве в чине над Черняевым. Отсюда злоба Черняева на болгар и расстройство планов их.

Все частные письма из Сербии подтверждают, что за дрянь эти мелкие честолюбцы и окружающие их клевреты. Они ссорятся между собой, интригуют, сваливают друг на друга неудачи. Отставной генерал Новоселов пишет мне, что, приехав в Сербию, нашел невозможным служить славянскому делу с Черняевым и хотел уже уехать обратно, но, уступив просьбам князя Милана и его министров, принял командование над Ибарской армией, которую нашел в весьма затруднительном, почти бедственном положении. Новоселов просит «советов» и помощи.

Вчерашний вечер и нынешний день провел я в Симеизе, в своей семье. Погода не позволяла наслаждаться прогулками. Сегодня опять приехал сюда, в Симеиз, генерал Тотлебен, на возвратном пути из Одессы и Севастополя в Ялту. Такое неожиданное посещение явилось совсем лишним; в свидании нашем не было особенной спешности; дело нисколько не потерпело бы, если б его отложили до завтрашнего утра, в Ливадии.

11 октября. Понедельник. В первом часу было у государя совещание: наследник цесаревич, князь Горчаков, граф Адлерберг и я. Прочитаны были полученные телеграммы и донесения послов; на одной из телеграмм государь сделал отметку, что признает полезным снова пригласить европейские кабинеты поддержать наше требование о кратковременном перемирии на 6 недель и не более 2 месяцев. Князь Горчаков начал было возражать, признавая это ненужным; государь вспылил и обошелся с канцлером очень резко; однако ж потом попросил у

него извинения и обнял его.

После завтрака я был опять у государя, сначала один, а потом вместе с Тотлебеном, который доложил государю о мерах, принимаемых для защиты приморских пунктов, а также о предложении американца Лея продать нам изобретенные им самодвижущиеся подводные торпедо.

После обеда государь подошел ко мне и сказал на ухо, что, вследствие нашего утреннего разговора о генерале Тотлебене, решает командование Дунайской армией поручить не ему, а великому князю Николаю Николаевичу, которого уже и вызвал сюда. Он приедет вместе с цесаревной, которую ожидают в субботу.

14 октября. Четверг. В последние три дня полученные дипломатические сведения были довольно успокоительны. Германия наконец заявила положительно, что будет поддерживать не только в Константинополе, но и при других кабинетах наше предложение короткого перемирия. Италия также присоединяется к русскому предложению; Франция заявляет, что вовсе не имеет в виду действовать заодно с Англией и, напротив, желает сохранить свою независимую политику, основанную на твердом желании заниматься своими внутренними делами.

Сегодня утром приехал в Ялту из Петербурга английский посол лорд Лофтус, с чем – неизвестно еще. Завтра же ожидается и письмо султана Абдул-Гамида, отправленное с пароходом «Ливадия», и ответ из Вены. Таким образом, завтрашний день будет важным моментом в настоящей нескончаемой путанице восточных дел…

Несмотря на примирительный, по-видимому, оборот последних дипломатических депеш, мы не рассчитываем на мирный исход дел и деятельно продолжаем приготовления на случай войны. Военным судам нашим, находившимся в Средиземном море и уже собравшимся в итальянских портах под предлогом сопровождения герцогини Эдинбургской, дано секретное повеление в случае войны спешить к океану и действовать в качестве каперов для нанесения возможного вреда английской торговле. В числе этих судов и «Светлана», которой командует великий князь Алексей Александрович; с ним же плавает великий князь Константин Константинович.

По этому поводу я был сегодня свидетелем трогательного эпизода: во время обычного нашего совещания государь приказал графу Адлербергу прочесть полученное им письмо адмирала Лесовского, который просил доложить государю, что, по его мнению, крайне неудобно посылать в крейсерство царского сына, так как действия этого рода сопряжены с большой опасностью и

часто подвергают суда риску захвата в плен. Возможно ли допустить, – писал старый моряк, – чтобы два великих князя попали в плен к врагам.

Когда письмо это прочитали, князь Горчаков хотел было поддержать мнение Лесовского, но государь не дал ему высказаться и обратился к наследнику цесаревичу с вопросом: «Скажи прежде других: как ты смотришь на это?» Цесаревич, нимало не задумавшись, обычным своим спокойным тоном ответил, что брату его было бы обидно, если б у него отняли команду над фрегатом при таких обстоятельствах. Государь обнял наследника, расцеловал его и заплакал. «Спасибо тебе, – сказал он, – что ты так судишь; такое же и мое мнение. Я не сомневаюсь, что все мои дети сказали бы то же. Как ни тяжело отцу подвергать сына опасности, но я уверен, что каждый из моих детей исполнит свой долг честным образом и с радостью. Они должны подавать пример…»

Государь был так растроган, что несколько времени не мог прочесть отрывки из писем великого князя Алексея Александровича, который, описывая неудовлетворительное состояние наших судов, вместе с тем, однако же, восхвалял дух офицеров и матросов и замечал, что больно с таким молодецким экипажем служить на таких плохих судах.

16 октября. Суббота. Бурная погода на море замедлила прибытие и яхты «Ливадия» из Константинополя, и срочного (пассажирского) парохода из Одессы; поэтому вместо вчерашнего дня получены только сегодня собственноручные письма и турецкого султана, и императора Франца-Иосифа. Английский посол также запоздал, и хотя уже ранее пронесся слух о его приезде, однако же в самом деле прибыл он в Ялту только вчера и до сих пор не виделся еще с канцлером; говорят, вещи его, отправленные из Севастополя на пароходе, еще не получены за дурной погодой.

Сегодня собрались мы, по обыкновению, у государя, после завтрака, чтобы выслушать полученные известия. По лицу государя уже можно было догадываться, что известия неудовлетворительные; государь имел вид расстроенный, как будто после слез, щеки впалые. И действительно, нечему было радоваться. Письмо султана заключало в себе только обычные фразы учтивости и приязни; в депешах же Игнатьева изображена жалкая картина происходящего в Константинополе. Само правительство как на мине, султан не имеет никакой силы и значения; министры признаются, что и рады были бы сделать уступки, да не смеют; они не скрывают отчаянного положения турецкой армии и бедствия страны.

Письмо императора пропитано иезуитством. Так же, как и в первом письме, он предоставляет России действовать одной и вступить в Болгарию, но не считает возможным обещать какое-

либо содействие со стороны Австрии, кроме только сохранения нейтралитета, и в этом смысле предлагает заключить секретный договор, причем довольно ясно дает понять, что Австро-Венгрия и без всяких в отношении к нам обязательств воспользуется вступлением нашим в Болгарию, чтобы втихомолку прихватить себе Боснию.

По прочтении письма императора Франца-Иосифа и комментариев Новикова начались препирания между государем и канцлером. Последний не видел ничего худого в австрийском ответе и заботился только о том, каким порядком заключить предлагаемую секретную конвенцию, для которой материалы должны быть доставлены от Военного министерства. Государь же находил циничным ответ своего союзника и указывал на изолированное наше положение. Мы принимаем на себя всю ответственность, начиная войну, рискуем поднять против себя целую коалицию и не домогаемся никаких выгод, никаких вознаграждений; Австрия же, ничем не рискуя, свалив на нас всю ответственность, заберет себе Боснию, округлит свои границы и предоставит Англии львиную долю в наследии покровительствуемой ею Турции.

Государь горячо говорил против увлекающихся симпатиями к братьям-славянам, прямо указывая на императрицу и наследника цесаревича. В заключение сказал, что по важности обстоятельств отлагает дальнейшие суждения и заключения до завтрашнего дня.

В пятом часу приехали в Ливадию (сухим путем от Севастополя) цесаревна с детьми и великий князь Николай Николаевич. Последний немедленно же по приезде имел длинный разговор с государем, а после обеда пришел ко мне, и до 11 часов мы толковали о предстоящей войне. Великий князь, чуждый всяких политических соображений, хотел бы, чтобы немедленно была решена мобилизация войск. С военной точки зрения он совершенно прав: чем позже, тем мобилизация и передвижения войск будут труднее и тем менее останется времени для зимней кампании, которая при всех своих затруднениях выгоднее для нас, чем отсрочка до весны. Притом следует иметь в виду, что с конца ноября начнется усиленная работа железных дорог для перевозки новобранцев.

Перед отъездом Игнатьева была заявлена ему необходимость разрешения вопроса о войне или мире до конца текущего месяца с тем, чтобы, в случае надобности, мобилизация могла быть начата не позже 1 ноября. С этим сроком он должен сообразовать свои дипломатические переговоры. Но, к сожалению, ему не удастся в такой короткий срок добиться чего-нибудь положительного; турки вместе с Эллиотом будут тянуть сколько

можно долее. Если даже решится по-нашему вопрос о перемирии, то сколько еще времени пройдет, пока договор этот приведен будет в исполнение; а конференции?.. Еще только начинают переписку о том, удобно ли вести переговоры в Константинополе и даже есть ли надобность в конференции. День за днем проходит, а суровая зима приближается большими шагами. В горах уже и теперь холод и непогода.

После разговора с великим князем я все-таки успел побывать на вечернем собрании. Чтение вслух романа «Богатыри» кончилось, и приступили к чтению отрывков из моей «Истории войны 1799 года». За отсутствием Озерова читает граф Адлерберг.

17 октября. Воскресенье. После обедни и завтрака было продолжительное совещание, в котором принял участие (или, лучше сказать, присутствовал) и великий князь Николай Николаевич. Речь шла о том, чтобы определить наконец срок, к которому дипломатические переговоры должны быть приведены к ожидаемому неизбежному результату – мобилизации войск. Срок этот необходимо определить не позже 1 ноября; даже и при этом сроке мобилизация и передвижения войск могут совпасть с призывом новобранцев; поэтому призыв этот решено отсрочить до 1 декабря. Князь Горчаков прочел длинную записку, выясняющую настоящее положение дел. Государь не совсем удовлетворен постановкой вопроса, и опять был жаркий спор между ним и канцлером.

После совещания великий князь Николай Николаевич долго сидел у меня, и мы перебрали множество вопросов, касающихся будущей Дунайской армии.

18 октября. Понедельник. Получено печальное известие из Белграда о поражении сербов; Тимоко-Моравская армия сбита со своих позиций; сербы бежали; половина (?) русских добровольцев погибла; Алексинац должен скоро сдаться. Генерал Черняев умоляет о немедленном заключении перемирия; князь Милан также просит спасти Сербию.

Между тем в Константинополе продолжаются одни проволочки и пустые разговоры; турки торгуются о сроке перемирия, о конференции же и речи нет.

Такое положение дел не может быть долее терпимо. Надобно принять решительный тон. Игнатьеву телеграфировано, чтобы он назначил Порте двухдневный срок для принятия нашего предложения о перемирии на 6 недель и до 2 месяцев, и если Порта не даст в эти два дня удовлетворительного ответа, то прервать дипломатические сношения и выехать из Константинополя.

Отрицательный ответ Порты даст нам повод к немедленной мобилизации войск. Целое утро мы совещались с великим князем Николаем Николаевичем о предстоящих военных распоряжениях. Государь дал окончательное приказание о формировании корпусов и назначении начальствующих лиц. Теперь настало время заключить конвенции с Австрией и Румынией. Государственный канцлер прочел нам проект инструкции послу в Вене Новикову.

Князь Горчаков поднял хвост, как петух, и послал в «Правительственный Вестник» известие о данном Игнатьеву энергичном приказании. «Теперь будут мной довольны», – говорит он дамам, как будто в том единственно и заключается вопрос: что говорят о Горчакове?

Приезжие удивлены спокойствию, царствующему в Ливадии, в противоположность возбужденному состоянию умов в Петербурге, Москве и других местах России.

20 октября. Среда. Вчера и сегодня известия из Константинополя в смысле примирительном. Хотя турки еще не дали окончательного ответа на предъявленный им ультиматум, однако же по всему видно, что они уступят. Сам Эллиот приехал к Игнатьеву и объявил, что Порта согласится на требование наше. Несмотря на это, у нас поддерживается воинственное настроение; великий князь Николай Николаевич, с поддержкой наследника, торопит начать мобилизацию. Государь уже хотел было сегодня же подписать указ о мобилизации; но я доложил, что прежде следует царской фамилии оставить Ливадию; во время мобилизации уже не будет возможности пустить ни один экстренный поезд. Поэтому после моего доклада и панихиды по покойной императрице Александре Федоровне провели совещание, в котором решено: выезд из Ливадии – в воскресенье, пребывание в Москве 3 дня, в продолжение этого времени – повеление о мобилизации.

Решение это произвело в ливадийском обществе сильное впечатление. Сегодня же приезжала сюда жена моя с сыном, мы обсуждали вопрос о том, как удобнее будет выбраться семье из Крыма. Решили всех дочерей, кроме одной, отправить с сыном неотлагательно; жена же с Надей останется в Симеизе сколько окажется возможным.

Сегодня государь принимал прусского посла Швейница; мне еще неизвестно содержание привезенных им заявлений Берлинского кабинета. Прием Лофтуса отложен на завтрашний день.

В полночь великий князь уехал отсюда в Петербург. Бóльшая часть назначений на разные должности в Дунайской армии уже

решена; Главному штабу дано знать, чтобы представлены были статьи приказа и указы.

21 октября. Четверг. Погода разгулялась, выглянуло солнце – и в то же время получено окончательное извещение из Константинополя, что Порта безусловно согласилась на двухмесячное перемирие и вчера же дано приказание прекратить по всей линии военные действия.

Жаль стало покидать Крым; отъезд отложен до вторника. Побуждением к такому решению послужило замечание, сделанное мною при утреннем нашем совещании, что было бы непоследовательно, если б мобилизация была объявлена вслед за сделанной Портой уступкой нашему требованию и прежде чем подан турками новый повод к такому распоряжению с нашей стороны, тем более что послу нашему Игнатьеву указан был крайний срок для разрыва дипломатических сношений лишь 1 ноября.

Сегодня государь имел вторично длинный разговор с Швейницем, который, по-видимому, не привез из Берлина ничего положительного. Бисмарк продолжает держать себя сфинксом и ограничивается лишь заявлением, что Германия ни в каком случае не будет действовать враждебно против России. Только того бы еще недоставало! Государь и канцлер ожидали другого от берлинского двора.

Сегодня же была наконец дана аудиенция лорду Лофтусу; государь остался очень доволен разговором с ним. Выходя из государева кабинета, Лофтус дружелюбно со всеми беседовал и сказал мне, что всё обойдется мирно, что нечего и думать о войне. Он был приглашен к обеду; сидя возле императрицы, он убеждал ее оставаться дольше в Крыму.

Однако ж государь уже не поддается на эти любезности. Как прежде он неизменно стоял за мир, так теперь он уже решил, что войны не миновать; в мыслях его укоренилось одно решение – скорее провести мобилизацию и вступить в пределы Турции. При этом уже устраняются все политические соображения: какой же предлог к неотлагательному разрыву? Во имя чего вступим мы в Болгарию?

А между тем еще ничего не сделано для заключения конвенций с Австрией и Румынией. Канцлер ограничился сочинением инструкции Новикову; однако же я настоял, чтобы генерал Обручев был послан в Вену, хотя бы в качестве частного путешественника, чтобы негласно помочь нашим дипломатам выработать серьезный проект конвенции.

Относительно же Румынии князь Горчаков нисколько не заботится. Сегодня мы чуть не сцепились с ним по этому делу в

присутствии государя: ему почему-то казалось, что конвенция с Румынией не есть прямое дело Министерства иностранных дел. Насилу мог я добиться, чтобы он по крайней мере телеграфировал Игнатьеву об отправлении Нелидова через Одессу в Бухарест и дана была этому последнему необходимая инструкция относительно политической стороны конвенции. Что же касается специально военных пунктов, которые предполагалось включить в конвенцию, то я предложил воспользоваться проездом генерала Обручева через Одессу, поручив ему по всем означенным пунктам войти в ближайшее обсуждение с генералом Семекой, который и передаст их с необходимыми пояснениями Нелидову, в проезд его через Одессу. Старик горячился, не давая себе труда вникнуть в дело, но кончил тем, что всё сделал, как я предложил. Обручев отправится завтра на пароходе в Одессу. С тем же пароходом едет и Тотлебен.

Известие об отъезде царской фамилии из Ливадии произвело, разумеется, тревогу в Ялте и окрестностях. Все бросились также вон оттуда; «Эреклик» сегодня отправился нагруженный множеством пассажиров.

24 октября. Воскресенье. Возвратился из Симеиза, где отдохнул ровно сутки после двух недель постоянных треволнений в Ливадии. Семья моя, не разделяя общей паники, решилась остаться в Крыму на всё время мобилизации войск, хотя в продолжение этого времени пассажирское движение по железной дороге будет прервано. Не полагаясь на полицейскую охрану, послал я в Симеиз на всякий случай несколько ружей и револьверов, а генерал Рихтер обещал жене поставить в нашем имении маленький пост.

Пробыв около суток вне Ливадии, я уже отстал от современного течения дел; знаю только то, что было получено в пятницу и утром в субботу. Из Константинополя отправлены в Сербию приказания турецким войскам прекратить военные действия; комиссары также едут для определения демаркационной линии между воюющими. Наши полковники Зеленый и Боголюбов примут участие в этом деле. Государь заявил непременное требование, чтобы турки очистили занятую ими часть сербской территории; из этого вопроса он снова намеревался сделать *casus belli* и вторично предъявить *ultimatum*. Однако ж князь Горчаков уговорил не злоупотреблять этим крайним средством, только что испробованным с успехом. В этом случае и я, и граф Адлерберг поддержали канцлера. Действительно, нельзя же чуть не каждый день прибегать к новому ультиматуму, после каждой уступки со стороны турок

сейчас же требовать с поднятым кулаком новой уступки.

Вчера государь показал нам с негодованием телеграмму, полученную от Черняева, который с нахальством спрашивает, может ли приехать в Ливадию представиться государю. Ему дан ответ, что не только не разрешается, но и воспрещается возвращение в Россию. В глазах государя Черняев поступил и бесчестно, и противозаконно: бесчестно – потому, что обещал генералу Потапову исполнить волю государя, запретившего ему ехать на театр войны; противозаконно – потому, что без разрешения оставил подданство русское и вступил в службу иностранного государства. По русским законам Черняев подлежал бы суду и уголовному наказанию.

В пятницу уехал на пароходе генерал Вердер с письмом государя к императору Вильгельму. Перед самым отъездом он зашел проститься со мной, и в первый раз мне случилось войти с ним в серьезный разговор. Я старался разъяснить ему, в каком именно смысле государь находит неудовлетворительным положение, в которое стала Германия в восточном вопросе, и в чем именно заключается ожидаемая ныне от Берлинского кабинета услуга. Вердер между прочим признался, что из объяснений своих с князем Горчаковым не мог понять, чего требуют от Германии, тогда как объяснения государя вполне понятны.

Теперь сущность дела заключается в том, чтобы скорее открыть конференции и, категоричнее поставить вопрос об основаниях, на которых возможно замирение или, лучше сказать, будущее устройство судьбы балканских христиан. От большей части кабинетов уже даны по телеграфу полномочия представителям их в Константинополе; к сожалению, французский посол Бургоэн, действующий обыкновенно в смысле примирительном и честном, счел нужным в эту важную минуту отправиться в Париж за инструкциями. Отсутствие его неминуемо замедлит открытие совещаний.

29 октября. Пятница. Москва. Во вторник, 26-го числа, их величества с их высочествами выехали из Ливадии на паровой яхте до Севастополя, а далее по железной дороге. В пути получались телеграммы не совсем приятные. Англия не соглашается выпустить слова «*территориальная* неприкосновенность Оттоманской империи» и заранее заявляет, что не допустит занятия Болгарии какими-либо иностранными войсками. Сама Порта уклоняется от конференций в Константинополе. По моему предложению сочинен был во время пути проект циркуляра от государственного канцлера во все посольства русские при иностранных дворах для объяснения

побудительных причин предстоящей мобилизации. Сочиненный бароном Жомини проект переделывался несколько раз. Много рассуждали о том, в который день отправить этот циркуляр и в который объявить мобилизацию. Государь желал подписать указ в Москве, на другой день по приезде. Я выражал мысль, что распоряжение о мобилизации, хотя и требует указа Сенату, не есть, однако же, акт, подлежащий формальному обнародованию; в большей части случаев бывает даже необходимо мобилизацию производить сколько можно с меньшей оглаской. Притом приступить к самой мобилизации нельзя прежде 1 ноября.

Князь Горчаков, со своей стороны, высказывал, что подписание указа о мобилизации в Москве может быть истолковано в том смысле, что мера эта принята как бы под давлением московских крикунов[101]. Вследствие тех или других соображений, но государь сегодня объявил, что отлагает подписание указа о мобилизации и обо всех назначениях на должности по действующей армии до возвращения своего в Царское Село 1 ноября.

В Москву приехали мы вчера вечером. Уже в дороге нашли снег и санный путь; в Москве – полная зима. Сегодня в полдень во дворце происходил заведенным порядком большой выход. Перед тем было у государя обычное совещание; канцлер прочел полученные телеграммы и окончательную редакцию циркуляра.

Выход был многолюден. В Георгиевском зале, где стояли представители разных сословий города, государь остановился и произнес речь, которая вызвала одушевленные крики «ура!». Затем была исполнена обычная церемония поклона с Красного крыльца и шествие в Успенский собор и Чудов монастырь.

К обеду во дворец были приглашены городские власти и сановники; вечером царская фамилия и свита наслаждались в театре превосходной русской труппой.

31 октября. Воскресенье. Вчера утром, до смотра, был я с докладом у государя и представил на подпись его указы о мобилизации войск и приказы о формировании армии, корпусов и о главных назначениях на должности по полевому управлению. Всё это было подписано и утверждено с пометкой «1 ноября, в Царском Селе»; первым же днем мобилизации назначено 2 ноября и положено в этот же день разослать циркуляры государственного канцлера.

Смотр войскам Московского гарнизона происходил в полдень на Театральной площади; государь был весьма доволен всеми частями. После смотра начальников пригласили во дворец к завтраку, а затем было у государя обычное совещание. Известия из Лондона и Константинополя становятся с каждым днем всё

хуже, и надежды на мирное разрешение вопроса уменьшаются.

К обеду во дворце опять пригласили несколько лиц высшей московской иерархии, а вечером был раут у генерал-губернатора.

При утреннем докладе я прочел государю письмо, полученное мною вчера от князя Черкасского, который выражает желание при нынешних чрезвычайных обстоятельствах посвятить свои труды и способности пользе общего дела. Государь принял это заявление с особенным радушием и, несмотря на все интриги, которыми в былое время умели восстановить его против князя Черкасского, выразил сожаление, что он так долго остается вне служебной деятельности[102]. Государь вполне ценит блестящие способности князя и вспоминает услуги, принесенные им в польском деле при покойном моем брате Николае[103].

Так как государь говорил перед тем о необходимости приискания лица, которое могло бы облегчить заботы главнокомандующего по гражданским делам в занятом крае, а также о том, что желательно установить официальную связь между правительством и разными славянскими комитетами, то я воспользовался случаем, чтоб указать на князя Черкасского как на человека наиболее способного именно к подобной деятельности.

Вечером, на рауте, государь, увидев князя Черкасского, довольно долго беседовал с ним, представив его императрице, и тогда я уже мог прямо войти в соглашение с ним о приведении в исполнение возникшей мысли. Князь был явно обрадован такому предложению и обещал привезти в Петербург записку об учреждении при главнокомандующем особой должности заведующего гражданскими делами.

Сегодня утром зашел я к государю и доложил о вчерашнем объяснении моем с князем Черкасским. Государь вполне одобрил мое предположение. После обедни был прием депутаций с адресами: одной – от московского дворянства, другой – от города. Адресы эти, без сомнения, поднимут страшный переполох в Европе. Уже и теперь во всех столицах произвела громовое впечатление речь, произнесенная государем в пятницу в Кремлевском дворце. Точно скажут, что теперь Россия сбрасывает с себя маску миролюбия, что она-то и будет виновницей общей европейской войны.

В час пополудни был обычный развод в манеже (по-московски «экзерцир-гаузе»).

В 3 часа принимал я представителей от Славянского комитета; во главе депутации был Аксаков, депутатами – купцы Третьяков и Морозов. С ними приехал и генерал-майор Столетов, на которого возлагается формирование болгарского ополчения. Беседа наша продолжалась более часа; мы условились о плане

действий по болгарскому вооружению.

Вслед за тем я должен был принять Ростислава Фадеева, который письмом просил свидания. Встреча с этим человеком, злобно ратовавшим несколько лет против меня лично и против Военного министерства в газетах, брошюрах, на разных сходках и пирах, не могла быть для меня приятна. Всегда имел я невысокое понятие о нравственных свойствах этого болтуна и интригана; однако же не ожидал, чтобы он мог с таким цинизмом отречься от всего прошедшего. Начал он с того, что объявил о совершенном изменении своего образа мыслей относительно нашей теперешней системы военной администрации и организации войск; затем перешел к болгарским делам и с хвастовством уверял, что ему на роду написано сделаться известным и влиятельным во всем славянском мире «от Чехии до Салоник».

Речь эта клонилась к тому, чтоб определить его снова на службу и использовать или для формирования болгарского ополчения, или для поддержания войны в Черногории. Хвастливые эти выходки были в особенности потешны после только что слышанной мною, за несколько минут перед тем, убедительной просьбы представителей Славянского комитета не допускать участия Фадеева в делах Болгарии и славян вообще.

Сегодня обед назначен в дорожной форме; прямо с обеда едем на станцию железной дороги и завтра в первом часу дня будем в Петербурге.

7 ноября. Воскресенье. Петербург. Прошла целая неделя с приезда сюда, и во всё это время не нашлось ни одной свободной минуты, чтобы заглянуть в дневник. Множество дел, накопившихся в мое отсутствие; тысячи вопросов по поводу мобилизации войск и военных приготовлений; в то же время поездки в Царское Село, большой смотр войскам на Царицыном лугу, а вчера и сегодня церемонии и обеды в Царском Селе (по случаю гусарского праздника, присяги великого князя Николая Николаевича (младшего) и крестин новорожденного великого князя Кирилла Владимировича) наполняли и даже переполняли все дни.

Первого числа объявлены в приказе назначения главных лиц в полевом управлении Южной армии; 2-го числа началась мобилизация и поставка лошадей, и в тот же день опубликован циркуляр государственного канцлера, объясняющий причины мобилизации. В первые же два-три дня почти повсеместно все силы запаса собраны и переданы в распоряжение военного начальства для отправления по железным дорогам; в то же время выставлены лошади, во многих местностях добровольно; по железным дорогам исполнено общее распределение подвижного

состава, с прекращением при этом товарного движения.

Хотя этот первый опыт мобилизации со времени последних реформ в нашей армии начался при условиях наименее благоприятных (зимой), однако ж слышатся отовсюду одобрительные отзывы. Авось теперь наглядно, на деле убедятся в том, что Военное министерство знало, что делало; авось рассеются предубеждения и сомнения насчет произведенных реформ. Слышу, что даже прежние противники мои уже изменили свои мнения и начинают сознавать громадный успех, достигнутый в устройстве нашей армии и готовности ее к войне. Заметно, что настоящий ход распоряжений по военной части имел влияние и на государя, которого обращение со мной значительно изменилось к лучшему.

В Европе, по-видимому, поняли, что Россия не шутит и серьезно готова к решительному образу действий. Слова государя в Москве и циркуляр государственного канцлера о мобилизации армии произвели благоприятное впечатление. Вчера генерал Вердер возвратился из Берлина с ответными письмами от императора Вильгельма и от Бисмарка, вполне успокоительными и дружественными; Австрия и Турция изъявили наконец согласие на открытие конференций; наш государственный канцлер опять питает надежды на сближение с Англией… А между тем в Вене дело о конвенции с Австрией подвигается туго; с Румынией переговоры, кажется, до сих пор и не начинались; в английских арсеналах и Адмиралтействе работа кипит…

Сегодня в Царском Селе после церемонии крестин происходило, по высочайшему повелению, совещание у князя Горчакова по поводу записки, составленной князем Черкасским об устройстве гражданской части при полевом управлении армии. Участвовали, кроме самого канцлера, великий князь Николай Николаевич, его начальник штаба генерала Непокойчицкий, министры внутренних дел и финансов, князь Урусов, князь Черкасский и я. Не обошлось без раздражительных прений, особенно между князем Горчаковым и мной. Тут выказалось уже начало интриг против Черкасского: Тимашеву не по нутру это назначение; он не может переварить, что Черкасский опять всплывает, что он имел на днях продолжительную аудиенцию у государя, причем совершилась полная мировая. Вчера уже я заметил из нескольких слов князя Горчакова, а потом из разговора с Тимашевым, что против Черкасского готовится заговор.

Однако ж я убежден, что эти интриги не удадутся; прошли уже времена шуваловские. Личность князя Черкасского является ныне очень кстати: если нашим войскам суждено вступить в

славянские земли за Дунаем, то одно присутствие Черкасского при армии придаст движению ее тот именно характер, то значение, которые оправдают в глазах Европы наше вооруженное вмешательство в турецкие дела. Вот чего не понимают или не хотят понять князь Горчаков, Тимашев и компания.

13 ноября. Суббота. Неделя прошла без замечательных эпизодов. В дипломатии – какой-то антракт, выжидательное положение. В Константинополе ожидают приезда второго английского уполномоченного лорда Солсбери[104] и обоих французских – Бургоэна и Шотарди; турки окончательно согласились на конференцию; в Англии общественное мнение приняло мирный оттенок. Солсбери, в проезд свой через Париж и Берлин, в беседах с Деказом и Бисмарком выказал настроение спокойное и благонамеренное. В ожидании открытия конференций Игнатьев приготовил программу требуемых Россией реформ в христианских областях Турции. Наш престарелый канцлер – опять в иллюзиях, опять питает надежды на мирный исход.

Отъезд великого князя Николая Николаевича несколько отсрочен. Однако ж приготовления по военной части продолжаются с прежней деятельностью. Батареи в Одессе, Севастополе, Очакове окончательно вооружены, укладываются мины. Приведение войск на военное положение исполнено успешно, несмотря на время года и жалкое состояние железных дорог. Нераспорядительность ведомства путей сообщения проявилась на опыте: пришлось приостановить всё военное движение на три дня, чтобы дать время окончить перемещение подвижных средств с одной дороги на другую. Через это сосредоточение войск к театру войны, конечно, замедлится, но, к счастью нашему, первый опыт мобилизации производится при таких обстоятельствах, что подобное замедление есть еще не большая беда. Мы воспользуемся этим уроком для усовершенствования системы мобилизации на будущие, более серьезные случаи. Авось к тому времени укротится теперешний антагонизм между военным ведомством (или, точнее говоря, генералом Анненковым) и Министерством путей сообщения.

В пятницу в Царском Селе было опять совещание об устройстве гражданской части при действующей армии за Дунаем. На сей раз оно проходило уже под председательством самого государя; присутствовали великие князья – наследник цесаревич и Владимир Александрович. Цель совещания, очевидно, состояла в том, чтобы рассеять личные предубеждения против князя Черкасского со стороны государственного канцлера и Тимашева. Достиг ли государь своей цели – не знаю; по крайней

мере на вид оба противника Черкасского и сочувствующий им Мезенцов (заведующий III Отделением) вышли из заседания как будто успокоенные. Но прекратится ли в действительности скрытая интрига?

На этой неделе я был на двух обедах в честь князя Черкасского: во вторник – у Александра Аггеевича Абазы, а в пятницу – у Константина Карловича Грота.

Вчера только узнал, что еще в сентябре президент Французской республики удостоил меня ордена Почетного легиона (*Grand-croix*).

15 ноября. Понедельник. Вчера опять ездил в Царское Село по случаю дня рождения цесаревны. Пока шла обедня, мы с Грейгом пошли в мою комнату и беседовали о современной политике. Грейг не понимает, из-за чего может быть война и как вести ее зимой. Он поклонник Англии; убежден, что она вовсе не имеет враждебных против нас намерений, лишь бы не шли мы на Константинополь.

Заем (внутренний) в 100 миллионов, как говорят, не дал блестящих результатов. Финансисты наши даже сомневаются в том, покрыт ли он сполна. А между тем 100 миллионов – ничтожная цифра, если в виду большая война.

Вчера, в воскресенье, вечером собрались у меня несколько приятелей, обычным порядком.

Сегодня, после приема в канцелярии Министерства, отдал я визит австрийскому послу барону Лангенау. Обыкновенно он смотрит как-то мрачно, недружелюбно; теперь же, напротив, сделался очень любезен; беседа наша продолжалась добрых полчаса; австрийский посол верит в мирный исход восточного вопроса, рассыпается в похвалах нашему государю и уверяет, что Англия вовсе не имеет желания ссориться с нами. По словам его, на речи и действия Биконсфильда (Дизраэли) не стоит обращать внимания: он романист, а не государственный человек; наделавшая недавно столько шума речь его в парламенте – ничего больше, как болтовня легкомысленного человека после обильной обеденной выпивки… и т. п. Вообще, теперь преобладает и в дипломатии, и в обществе надежда на соглашение. Возлагают большие упования на благоразумие и спокойствие лорда Солсбери. Увидим.

16 ноября. Вторник. Сегодня в Царском Селе после моего доклада было опять у государя совещание. Кроме великих князей были приглашены: государственный канцлер, министр финансов, граф Адлерберг, генерал-адъютант Непокойчицкий, князь Черкасский, белградский консул Карцов и я. Главным предметом обсуждений были привезенные Карцовым и бывшим сербским

министром Мариновичем известия о настоящем положении Сербии. Маринович привез письмо князя Милана к государю и данную князем собственноручную инструкцию Мариновичу. Из обоих этих документов видно, что Сербия находится в отчаянном положении; князь Милан раскаивается в том, что ослушался благих советов русского императора, и прямо заявляет, что без сильной помощи России Сербия не в состоянии продолжать войну и вынуждена будет подчиниться всем турецким требованиям. Князь Милан выражает готовность свою вступить лично в ряды русских войск.

После довольно разнообразных рассуждений решено было: 1) помочь Сербии деньгами и послать туда лицо для организации сербских военных сил; 2) помочь Черногории доставкой патронов и 3) ускорить по возможности ход переговоров как в Константинополе, так в Вене и в Бухаресте.

Относительно конвенции с Румынией я получил вчера любопытные сведения от полковника Золотарева, который только что возвратился из Бухареста. Из разговоров его с Братиану видно, что первый министр румынский заметно изменил свои взгляды со времени посещения Ливадии; он уклоняется от всяких положительных заявлений относительно заключения конвенции и как будто боится компрометировать и себя, и Румынию преждевременной сделкой с Россией.

19 ноября. Пятница. Дипломатические известия продолжают быть успокоительными, хотя в самом Константинополе господствует настроение воинственное и самонадеянное. В последние дни у нас главным предметом забот были разные вопросы, относящиеся к устройству полевого управления действующей армии. Сегодня же главнокомандующий с многочисленной своей свитой отправился в экстренном поезде по Николаевской железной дороге. Проводы были торжественные и одушевленные: на улицах толпы народа кричали «ура!», на вокзале – другая толпа генералов и офицеров, во главе их – наследник цесаревич и другие великие князья. От войск гвардии и армии поднесены главнокомандующему иконы. Возгласы «ура!» умолкли только тогда, когда поезд ушел со станции.

Из Вильны вызван генерал-лейтенант Никитин, начальник штаба округа. Я указал на него как на человека наиболее способного для предположенного отправления в Сербию, чтобы помочь тамошнему правительству в устройстве вооруженной силы. Он едва застал великого князя перед самым отъездом его. Надеюсь, что Никитин хорошо исполнит крайне трудное поручение. Одно из главных затруднений встретит он в личности Черняева – самолюбивого до смешного. Трудно объяснить, почему

и государь, и великий князь Николай Николаевич щадят и балуют человека, который во всякой другой стране был бы осужден заочно на вечное изгнание.

20 ноября. Суббота. Сегодня в последний раз ездил я с докладом в Царское Село. Завтра царская фамилия переселяется в Зимний дворец. При докладе, когда речь коснулась настоящего хода мобилизации войск, государь сказал мне, что его истинно радует, что дело это идет так хорошо и в настоящем случае выказалось на деле, сколько сделано для благоустройства армии. «Даже противники твои, – прибавил он, – теперь вынуждены отдать справедливость тому, что тобою сделано». Государь протянул мне руку и[105] сердечно обнял меня.

Государь недоволен ходом дипломатических дел. Несмотря на успокоительные сведения о свиданиях лорда Солсбери с дипломатами в Берлине, Вене и, наконец, в Риме, в Константинополе по-прежнему продолжаются проделки Эллиота. Благодаря его внушениям решено провозгласить в Турецкой империи комическую конституцию, в которую никто не верит, начиная с султана и самого Эллиота. В Афинах перемена правительства; в Бухаресте можно опасаться того же, а в случае удаления Братиану встретится затруднение в заключении конвенции. Румынское правительство торгуется, желая выговорить себе политические гарантии, что, впрочем, весьма естественно.

Но всего хуже известия из Белграда… Государь торопит отъезд генерала Никитина. Однако трудно вести дела, когда главное лицо – государственный канцлер – ничего знать не хочет, кроме редактирования дипломатических депеш и телеграмм. Главная забота его – вписывать эти депеши и телеграммы, даже самые ничтожные по содержанию, в заведенную им книгу, получившую прозвище «горчаковского альбома». Всё, что вне этой редакторской работы, государственный канцлер считает посторонним для него делом. Сегодня он даже уклонился от сношения с сербским правительством относительно командировки генерала Никитина. Министерство иностранных дел не принимает на себя никакой инициативы и ограничивается ответами на запросы послов. К сожалению, и в этом не всегда удачно.

23 ноября. Вторник. В прошлое воскресенье, между парадом лейб-гвардии Семеновского полка и обедом в Зимнем дворце по случаю полкового праздника, было у меня совещание на предмет сербских дел и командирования туда генерал-лейтенанта Никитина. В совещании участвовали Гирс, князь Черкасский, консул Карцов, князь Васильчиков (председатель петербургского

отдела Славянского комитета), граф Гейден и генерал Никитин. Пришлось обсуждать и разрешать такие вопросы, которые прямо подлежали бы Министерству иностранных дел; но оно как будто в стороне. Вчера же оказалось, что оно даже не сочло нужным позаботиться об отпуске из Министерства финансов предположенной субсидии сербам в 1 миллион рублей; пришлось мне же взять на себя инициативу в этом деле: я написал министру финансов, который сегодня уже уведомил меня об испрошенном им высочайшем разрешении на отпуск этого пособия.

Сегодня, после доклада моего, было у государя совещание по дипломатическим делам. Речь шла о переговорах, которые ведутся Новиковым в Вене и Нелидовым в Бухаресте относительно секретных конвенций с Австрией и Румынией. В этих переговорах Австрия выказывает рельефно всегдашнюю свою политику: никаких обязательств принимать на себя не хочет, а желает получать выгоды чужими руками. Румынские же министры боятся себя компрометировать и виляют, тем более что само министерство чувствует непрочность своего положения; а Нелидов, в свою очередь, избегает затрагивать сущность дела, находя, что прежде объявления войны нельзя сговариваться о том, какое содействие русская армия может найти в чужой стране по переходе через границу.

По всему видно, что нам не удастся заключить конвенции ни с Австрией, ни с Румынией в том смысле, как мы с Обручевым проектировали в Ливадии. Видя, как наши дипломаты нетверды, как они боязливы и осторожны, я не настаивал на заявленных требованиях по военной части, а просил только об одном – скорее что-нибудь заключить, хотя бы весьма недостаточное, но лишь бы не очутиться вовсе без всяких соглашений с обоими соседями в момент начала военных действий. Князь Горчаков прочел проектированные им инструкции Новикову (которые, впрочем, редактированы искусно) и снова выражал уверенность свою в благоприятном исходе конференций. Эта вера в мирный результат одна может объяснить медлительность наших дипломатов. Они как будто и позабыли о наших приготовлениях к войне, поглотивших уже многие десятки миллионов рублей.

Сегодня мой доклад и совещание кончились так поздно, что я счел себя вправе освободиться от заседания Комитета министров. Впрочем, дела теперь так много, а времени так мало, что с самого приезда своего в Петербург я ни разу еще не показывался ни в Государственном совете, ни в комитетах.

Перед обедом были у меня консул наш в Рагузе Ионин и князь Черкасский. Толковали о Черногории и средствах оказания ей помощи. Обедал я у их величеств.

27 ноября. Суббота. В последние три дня получены из Константинополя и Лондона успокоительные телеграммы: лорд Солсбери и генерал Игнатьев с первого свидания остались очень довольны друг другом; после того каждый день они имеют совещания между собой по нескольку часов. Игнатьев дает надежды на соглашение, хотя до сих пор британский уполномоченный упорно противится предположению об «оккупации» Болгарии русскими войсками. Он предлагает, в виде «гарантии исполнения», комбинации странные, невозможные, ребяческие: например, назначение для управления и устройства Болгарии голландца, бельгийца или швейцарца с полицейской стражей от какого-либо из тех же государств! Конечно, на таком предположении нельзя остановиться; или англичане должны сдаться и отступить от своего упрямого предубеждения против занятия Болгарии русскими, или кончится все-таки войной. А между тем время уходит. Срок перемирия истекает. Известия о положении дела в Сербии самые печальные…

Консул наш в Рагузе Ионин привез также печальные сведения о жалком положении черногорцев, у которых нет ни хлеба, ни одежды, ни патронов. Решено отпустить 1 миллион рублей на покупку хлеба и патронов.

С Румынией конвенция заключена, и Нелидов везет ее сюда, для утверждения. При этом, однако же, румыны также выпрашивают себе помощь деньгами и ружьями. С Австрией же переговоры идут туго; Андраши заявляет домогательства непозволительные, так что, несмотря на полученную вчера государем любезную телеграмму от императора Франца-Иосифа, наш канцлер сегодня уже выражался в том смысле, что лучше прервать все переговоры и обойтись без всякой с Австрией конвенции. Неужели наши дипломаты рассчитывали на искреннее и бескорыстное дружество к нам Австро-Венгрии? Могли ли они сомневаться в том, что Венский кабинет и на сей раз, так же как во все прежние времена, позаботится только о своих собственных выгодах и постарается приобрести для себя сколько можно более чужими руками? На долю России она оставляет тяжелую войну, затрату сотен миллионов рублей, а на свою – захват всей Боснии и Герцеговины.

Вчера в Лондоне было замечательное собрание в антитурецком смысле, под председательством лорда Вестминстерского. Судя по телеграммам, собрание это выразило полное осуждение политики графа Биконсфильда и требование, чтобы британское правительство действовало в согласии с Россией. В тот же день наш курс на бирже поднялся значительно.

Вчера же мы праздновали обычным порядком праздник

Святого Георгия. Утром выход, молебствие, потом обед для нижних чинов, а затем обед в Николаевском зале. Число кавалеров уменьшается с каждым годом; из нижних чинов почти исключительно сохранились кавалеры в корпусе жандармов и в городской полиции.

Сегодня, после моего доклада, приглашены были в кабинет государя князь Горчаков, Рейтерн и граф Адлерберг. Читали последние телеграммы, уклонились от обсуждения просьб Румынии и решили послать к Новикову письмо русского канцлера, не совсем любезное в отношении австро-венгерского канцлера.

29 ноября. Понедельник. Во время обычного (по понедельникам) приема в канцелярии Военного министерства получил от государя приказание быть во дворце в первом часу на совещании с государственным канцлером в присутствии наследника цесаревича и графа Адлерберга. Пришли телеграммы из Константинополя и Лондона: между Игнатьевым и лордом Солсбери почти достигнуто соглашение о программе автономии не только для Болгарии, но и для Боснии и Герцеговины. Остается все-таки разномыслие относительно средств выполнения этой программы: англичане настаивают на своей нелепой идее о формировании вооруженной стражи в 3 тысячи человек из голландцев, бельгийцев и швейцарцев. Князь Горчаков и Игнатьев, кажется, склонны к уступке и в этом пункте. Но, по всем вероятиям, если бы даже мы и показали вид согласия на чудовищную комбинацию, самый опыт исполнения укажет несообразность ее, и тогда, может быть, конференция вынуждена будет обратиться к более серьезным мерам, ныне упорно отвергаемым.

В одной из телеграмм Игнатьева упоминается о воинственном настроении турок, которые будто бы сами готовы объявить нам войну. По этому поводу государь напомнил о прежней, заключенной между тремя императорами секретной конвенции, на основании которой в случае нападения на кого-либо из них прочие двое должны прийти на помощь. Канцлер возразил, что в настоящем случае не стоит прибегать к помощи союзников, поскольку Россия достаточно сильна, чтобы одной справиться с турками. Притом князь Горчаков выразил сомнение в практическом значении этой конвенции.

Возражения эти явно не понравились государю, который придает конвенции какую-то особенную важность. В первый раз, когда он объявил мне, под величайшим секретом, о существовании этой конвенции, я также выразил сомнение в практической ее применимости, указав на ту же слабую сторону,

которую сегодня выставил и канцлер, а именно: в конституционных государствах секретное обязательство, данное лично монархом, может остаться мертвой буквой.

Сегодня был у меня Маринович, уполномоченный от сербского князя. Мы довольно долго и откровенно беседовали о настоящем положении дел, и мне показалось, что он сам мало надеется на успешный для Сербии исход борьбы; он разочарован и пал духом. Заезжал я к бухарскому посольству с визитом; и сыновья эмира, и посол рассыпались в учтивостях и выражениях благодарности.

После продолжительного перерыва в сношениях с Южным берегом Крыма наконец получил сегодня телеграмму от жены, которая извещает, что должна еще повременить с выездом из Крыма. Только через несколько дней восстановится движение по железной дороге.

2 декабря. Четверг. Во вторник происходил во дворце парадный обед для андреевских кавалеров. В Петербурге оказалось шестнадцать кавалеров, из коих половина – больные.

В среду провел утро в учебных заведениях на Выборгской стороне, а потом – в заседании Военного совета.

Сегодня после своего доклада присутствовал при докладе князя Горчакова, а потом заехал к нему, чтобы прочесть некоторые вновь полученные бумаги, преимущественно из Вены. Переговоры Новикова с Андраши о конвенции приняли весьма раздражительный характер; Андраши ставит условия невозможные. И канцлер, и сам государь уже приходят к тому заключению, что лучше совсем прервать эти переговоры и учтивым образом заявить австрийцам, что мы обойдемся без всякой конвенции. Такое решение может быть несколько рискованно, ибо, в случае вступления нашей армии в Турцию без предварительного соглашения с Австрией, мы будем всегда в тревожном ожидании какой-нибудь с ее стороны злостной проделки. На охрану со стороны Германии – также плохая надежда.

Все толкуют о мирном обороте дел; почти уверены, что войны не будет. Что касается меня, то я вовсе не обольщаюсь сговорчивостью лорда Солсбери и первыми удовлетворительными результатами предварительных совещаний в Константинополе. Если даже и сойдутся в программе местной автономии, несмотря на оппозицию Австрии, то еще впереди два камня преткновения: во-первых, поддастся ли сама Порта решению Европы, а во-вторых, какие примут меры для исполнения решений конференции, с согласия ли Порты или даже вопреки ее воле. На этом-то и произойдет *fiasco*. Можно ли, в самом деле, серьезно

верить, что Болгария будет организована и устроена каким-нибудь бельгийским или швейцарским генералом с 3 тысячами вооруженной стражи из бельгийцев?! Неужели лорд Солсбери и все его коллеги сами верят успешному результату такой нелепой комбинации?

Вечером был первый парадный прием у германского посла генерала Швейница; съезд был большой. Все почти, с кем только ни случилось мне обменяться несколькими словами, неизменно начинали разговор с вопроса, что думаю я о войне или мире, и затем восхваляли успешный ход мобилизации армии. Как будто все дивятся чему-то неожиданному. Многие откровенно и простодушно замечают: да как же говорили, будто всё так дурно у нас по военной части, а теперь оказывается, напротив, всё в порядке и готовности. Некоторые добродушно подходят ко мне с поздравлениями.

6 декабря. Понедельник. Всякий день продолжаются у государя совещания по политическим делам. В Константинополе Игнатьев ведет дело удачно: во всех главных пунктах программы достигнуто соглашение, несмотря на противодействие со стороны Австрии и безучастие германского уполномоченного. Отношения наши с Австрией сделались очень натянутыми; государь недоволен и Германией, которая не оказывает того давления на Австрию, которое было обещано.

Сегодня, после поздравлений в Аничковом дворце (Николин день), сошлись мы опять на совещание у государя; на этот раз участвовал и великий князь Константин Николаевич. Государь был не в духе: несмотря на последние успокоительные телеграммы Игнатьева, он потерял надежду на мирный исход дела, так как уже усвоил себе мысль, что без занятия Болгарии русскими войсками не может быть удовлетворительного решения вопроса. Все другие предлагаемые на конференциях комбинации представляются государю не только вздорными фантазиями, но даже посягательством на честь и достоинство России.

Князь Горчаков старается удерживать государя от слишком поспешных решений в воинственном смысле, но возражения канцлера только раздражают его величество. Сегодня коснулись вопроса о продлении перемирия, которое истекает через две недели; а между тем в Сербии ничего еще не сделано для устройства обороны. Генеральный консул в Белграде Карцов, только что возвратившийся туда, телеграфирует, что нашел лишь полное расстройство и возмущен обращением сербского правительства с нашими добровольцами. Со своей стороны, Игнатьев в одной из вчерашних телеграмм убеждает не ставить вопроса о занятии Болгарии русскими войсками как *conditio sine*

qua non[106], он предостерегает от больших трудностей и риска зимней кампании.

Присутствие великого князя Константина Николаевича в нынешнем совещании объясняется тем, что в числе обсуждавшихся предметов был вопрос о заказе в Америке судов для крейсерства под русским флагом в случае войны с Англией. На днях в особом совещании у генерал-адмирала обсуждался вопрос о каперстве и крейсерстве: каперство было положительно отвергнуто, но крейсерство признано полезным. Мысль о постройке для этого судов в Америке одобрена. Вследствие этого решения и ведется теперь переписка с нашим посланником в Вашингтоне о заказе судов; но канцлер не сочувствует этому предположению и полагает, что североамериканское правительство не решится дать свое согласие на снаряжение русских крейсеров.

В 11 часов вечера меня потребовали во дворец; к тому же времени приглашены были наследник цесаревич и князь Горчаков. Обсуждали последнюю телеграмму Игнатьева и решили послать ему в ту же ночь, телеграфом, полное одобрение плана действий, то есть согласие России на предложение всех других держав: потребовать от Порты безусловного введения в трех христианских областях административной автономии под руководством европейской комиссии и под охраной смешанной, общеевропейской же стражи («жандармерии»); но с предварительным заявлением, что в случае отказа Порты Россия прекращает всякие дальнейшие сношения и требует у Турции подчиниться общему решению Европы.

Таким образом, дело приняло именно тот оборот, который я находил самым выгодным для нас; опасение преждевременного решения со стороны государя устранено. Однако же я счел нужным напомнить о положении Сербии, которая, в случае отказа Порты и разрыва между нею и Россией, могла бы сделаться первой жертвой еще до того, как наши войска успели бы прийти к ней на помощь. Предложение о перемирии можно сделать только теперь, пока Порте не предъявлен ультиматум. Если ж упустим текущую неделю, то позже не будет уже возможности предохранить бедную Сербию от погрома.

Мнение мое было принято, и тут же князь Горчаков набросал проект телеграммы Игнатьеву о том, чтобы он не упустил из виду настоящего беспомощного положения Сербии.

Ночное наше совещание кончилось не ранее 12½ часов; вопрос был так важен, что отвлек внимание государя от случившегося в Петербурге сегодня же утром происшествия. По окончании обедни, при выходе народа из Казанского собора,

толпа каких-то молодых людей и женщин вздумала произвести бессмысленную демонстрацию: один из молодых людей, подняв красный флаг, начал произносить речь, другие раздавали какие-то прокламации. Полицейские не в состоянии были справиться; их побили; но тогда народ бросился на нарушителей порядка и помог полиции арестовать нескольких из них.

При первых допросах многие назвали себя студентами Медико-хирургической академии; но чего они хотели, во имя чего затеяли этот фарс – еще ничего не известно. Можно предполагать, что эти несчастные безумцы – не иное что, как орудия закулисных агитаторов, может быть, даже скрывающихся далеко за границей. Завтра узнаю что-нибудь обстоятельнее. Сегодня по крайней мере государь не очень встревожен этой уличной проделкой и говорил о ней довольно спокойно.

11 декабря. Суббота. Предварительные совещания в Константинополе сверх всякого ожидания привели к единогласному заключению; надобно отдать справедливость ловкости Игнатьева, а вместе с тем спокойствию и уступчивости государя, который отказался даже от занятия Болгарии, лишь бы достигнуть единогласия в предварительных совещаниях. Политические действия России, очевидно, получат твердую почву, когда она не в одиночестве, но со всей Европой предъявит Порте требования относительно христианских областей. Однако ж и при этом внушительном единогласии все-таки есть повод сомневаться в том, что Порта подчинится приговору Европы.

Вчера за обедом во дворце государь был озабочен последними телеграммами из Константинополя и Лондона. Турецкие министры в частном свидании с лордом Солсбери и Шотарди с первого раза объявили, что Порта не может принять постановленных шестью державами требований. Первое официальное предъявление этих требований Порте должно состояться только сегодня. В предвидении отказа, естественно, является вопрос: что же будут делать державы, постановившие свое решение? Россия заранее объявила, что в таком случае русский посол выедет из Константинополя и затем Россия предоставляет себе право принять решительные меры; но последуют ли ее примеру другие? Из Лондона телеграфируют, что Биконсфильд заявляет свое неудовольствие на действия лорда Солсбери и что Англия, даже в случае отказа Порты, не может покинуть ее. Берлинскому и Венскому кабинетам сделаны запросы насчет того, как они намерены поступить.

Сегодня после моего доклада было у государя обычное совещание. Поставили вопрос, должны ли мы в случае отказа Порты начать войну неотлагательно, или, ввиду необходимости

продлить перемирие для спасения Сербии от неминуемого разгрома, протянуть дело до весны. В первый раз так прямо ставился вопрос, и, мало того, государь сам положительно высказался в пользу отсрочки; он настойчиво доказывал невозможность зимней кампании при том обороте, который приняли дела. Я был изумлен совершенно новым настроением государя. До сих пор замечалось в нем нетерпеливое желание скорее взяться за оружие; приходилось мне вместе с князем Горчаковым умерять его нетерпение и предостерегать от слишком быстрого решения под влиянием какого-нибудь случайного впечатления.

На образ мыслей государя, быть может, повлияло известие из Кишинева о болезни великого князя Николая Николаевича. С ним случился такой же болезненный припадок, какому подвергся он во время пребывания в Варшаве в августе. Вчерашние телеграммы очень встревожили государя, и хотя сегодня утром известия несколько успокоительнее, однако ж государь пожелал, чтобы доктор Боткин немедленно отправился в Кишинев.

Сегодня высказывались также суждения о том, как поступить в отношении Черняева. Государь уже готов был, позабыв все его проделки, снова определить его в русскую службу и поручить командование в действующей армии. Однако ж вследствие возражений князя Горчакова предположение это было оставлено и ограничились разрешением Черняеву водвориться с семейством в Одессе. Популярность его улетучилась; в Сербии и слышать не хотят о его возвращении туда.

13 декабря. Понедельник. Вчера приехал из Вены генерал-лейтенант Обручев[107]. На параде гвардии Финляндского полка государь сказал мне, что привезенные Обручевым сведения благоприятнее, чем мы предполагали. Утром мне не случилось с ним увидеться: после парада я собирался посетить больного Александра Алексеевича Баранцова, у которого назначено было совещание по поводу доставки патронов черногорцам. Возвратившийся из Вены капитан фон дер Ховен описал нам разные затруднения, которые он и генерал-майор Ган встретили в Австрии при покупке патронов и в особенности при провозе их в Черногорию.

Возвратившись от Баранцова, я должен был собираться на обед во дворец, опять по поводу полкового праздника. Только вечером в числе обычных воскресных моих гостей приехал и Обручев. Он рассказал мне подробности переговоров Новикова с Андраши относительно конвенции; встреченные затруднения и медленность объяснял он щекотливым положением австро-венгерского канцлера, поставленного в необходимость

действовать весьма осторожно, чтобы не компрометировать себя ни перед мадьярами, ни перед будущим сеймом; с другой же стороны – нервным, сангвиническим темпераментом русского посла. Обручев полагает, что выработанная после столь долгих прений и взаимных уступок конвенция вполне удовлетворительна, и советует как можно скорее утвердить ее.

Сегодня после обычного моего приема (по понедельникам, в канцелярии Военного министерства) я был приглашен к государю на совещание. Князь Горчаков прочел нам привезенные Обручевым бумаги: очень любезное письмо императора Франца-Иосифа, депешу Новикова и проект конвенции. После непродолжительного обмена мыслями решено принять конвенцию без всяких изменений.

Между тем известия из Константинополя очень неудовлетворительны. Митхад-паша разыграл свою комедию, или, лучше сказать, фарс: в пятницу, 10-го числа, было открыто первое заседание полной конференции, то есть с участием представителей Турции, под председательством турецкого министра иностранных дел Савфет-паши – в то самое время, когда раздавались пушечные выстрелы по случаю провозглашения фантастической турецкой конституции. Игнатьев телеграфирует, что в Константинополе сильное возбуждение; турки как опьянелые хвастаются, что пойдут против всей Европы. Солсбери предвидит большие затруднения; Эллиот намерен выехать из Константинополя до окончания конференции.

Государь озабочен и последствиями конференции, и болезнью великого князя Николая Николаевича. Снова речь шла о продлении перемирия до апреля месяца. Я пробовал затронуть вопрос о том, какое объяснение будет дано нашему бездействию: мы с упорством и негодованием отвергли предлагавшееся турками 6-месячное перемирие; поставили армию на военное положение; объявили, что Россия не может перенести оскорблений, если Порта отринет решение Европы. И после всего этого ограничимся выездом нашего посла из Константинополя и останемся спокойно на границе в ожидании весны? Правда, мы будем стоять, по выражению нашего канцлера – *l'arme aux bras*[108]; но какое впечатление произведет это смиренное наше бездействие и на русский народ, и на Европу, и на турок? Не истолкуют ли наше воздержание как признак бессилия?

Вопросы мои, как всегда, вызвали только вспышку со стороны нашего старца-канцлера; ему всегда кажется, что бы я ни сказал, что я хочу критиковать и порицать его действия. Однако ж на государя замечания мои произвели впечатление; присутствовавший при этом великий князь Константин

Николаевич также нашел мои замечания основательными и припомнил их потом, когда мы встретились в заседании Государственного совета. Что ни говори канцлер, а надобно придумать, как бы прикрыть благовидным предлогом нашу ретираду.

14 декабря. Вторник. Полученные вчера вечером и сегодня утром телеграммы от Игнатьева подтвердили то, что я сказал вчера утром на совещании. В одной из этих телеграмм наш посол пишет: «После вашего отказа принять перемирие на более длительный срок и нашего ультиматума о перемирии в два месяца мы не можем взять на себя инициативу в прекращении военных действий до весны, не подвергнувшись упрекам в непоследовательности и не подав повода к критике и подозрениям в Европе. Мы только что предложили туркам продлить перемирие на две недели, и я затрудняюсь тотчас же изменить это предложение без видимого мотива».

В другой телеграмме Игнатьев выражается еще сильнее:

> «Должен вас предупредить, что если австрийцы и особенно турки заметят ослабление наших позиций и решат, что мы не готовы к войне, будет очень трудно избежать ее, чего я крайне желаю, потому что высокомерие и упрямство турок возрастают и мы не можем ослабить своих сил».

На эти сильные и убедительные представления государственный канцлер отвечал: «Reçu télégrame du 13. Avons raisons puissantes pour désirer prolongation d'armistice jusqu'au 1 avril. Faites de votre mieux pour réussir»[109].

По заведенному порядку, князь Горчаков послал проект этой ответной телеграммы на высочайшее утверждение. Государь не одобрил; но канцлер, не дождавшись возвращения проекта с обычной надписью «быть по сему», велел отправить свою телеграмму и сам лег спать.

Сегодня утром, когда я пришел с докладом к государю, разумеется, разговор коснулся вечерних телеграмм Игнатьева. Каково было удивление и неудовольствие государя, когда он увидел у меня копию с отправленной ночью телеграммы князя Горчакова, не одобренной его величеством! После моего доклада, когда вошли князь Горчаков, великий князь Константин Николаевич и граф Адлерберг, государь довольно строго выразил канцлеру свое неудовольствие, и тот должен был признаться, что лег спать прежде возвращения от государя проекта телеграммы.

Государь прямо высказал князю, что телеграммы Игнатьева почти слово в слово совпадают с моими замечаниями,

высказанными вчера и в воскресенье. Князь прямо в глаза мне свалил всю вину на меня же: без зазрения совести он уверял, будто настаивал на отсрочке перемирия вследствие заявленных мною требований по военным соображениям… Старик или спутал, или просто клеветал на меня: два дня кряду я описывал в совещаниях все невыгоды продолжительного перемирия, особенно в том случае, если инициатива будет исходить от нас. Кроме того, я прочел полученную сегодня же телеграмму от Непокойчицкого, который находит крайне неудобным, что конвенция с Румынией до сих пор не подписана и ратификация ее князем Карлом последует только за 24 часа до объявления войны. С разрешения государя я ответил Непокойчицкому, что ратификация не должна останавливать распоряжений для подготовки в Румынии на случай движения нашей армии; но в душе сам сознавал, как трудно распоряжаться в соседнем государстве, пока конвенция хранится в тайне.

Сегодня же прочитаны были проекты ответного письма нашего государя к императору Францу-Иосифу и новых инструкций Новикову, разрешающих ему подписать с Андраши конвенцию. Разошлись мы, не разрешив главного вопроса о том, в каком же смысле должен действовать Игнатьев и что будем мы делать, если перемирие, истекающее через 6 дней, не будет продолжено.

Я отправился из дворца в Комитет министров и во время заседания получил от канцлера копию новой телеграммы Игнатьева следующего содержания: «Положение с каждым днем становится всё серьезнее. Турки стараются выиграть время и откладывают заседание на четверг. Ослепленные конституцией, они жаждут войны с Россией. Уверяют, что отвергнут не только сделанное Европой предложение, но даже малейшее продление перемирия. Они готовы напасть и разгромить Черногорию и Сербию. Если мы действительно потребуем перемирия до 1 апреля, сомнительно, что турки согласятся. Мы объявили бы таким образом оккупацию сербской территории турками до весны и помогли бы Эллиоту безотлагательно заключить мир порознь с Сербией и Черногорией, чтобы отложить до дальнейшего решения вопрос об автономии трех провинций.

Я жду инструкций в отношении Сербии и Черногории. Солсбери сожалеет, что кабинет не уполномочивал его применять принуждение, необходимость которого он признает. Я говорил ему о совместных действиях – как средстве избежать войны между нами и Турцией».

Телеграмма эта произвела на меня сильное впечатление; я не в состоянии был слушать разглагольствования о пустяках в

Комитете и надеялся, что государь пришлет за мной, чтобы еще раз обсудить, что делать. Однако же я ошибся; вечером приехал из дворца фельдъегерь с докладом о том, что государь изволил уехать на охоту!

Еще один эпизод: министр финансов уже два раза отвечал отказом на требование великого князя Николая Николаевича об отпуске полевому казначейству хотя 50 тысяч рублей золотом. На днях опять получено из Кишинева от великого князя письмо, в котором он настоятельно требует звонкой монеты для расплаты за границей, объясняя, что в противном случае наши кредитные билеты потеряют всякую ценность и придется даже в Румынии, то есть в союзной земле, забирать всё нужное реквизицией. Письмо великого князя было доложено государю и копия с него сообщена министру финансов.

Сегодня в Комитете я подошел к Рейтерну, чтобы спросить, что намерен он делать по поводу заявления великого князя. Рейтерн с обычной своей грубоватостью ограничился ответом: «Ничего». Таким образом, министр финансов 80-миллионной империи объявляет открыто, что не в состоянии достать даже несколько тысяч рублей золотом!

Здоровье великого князя Николая Николаевича продолжает возбуждать опасения. Государь уже раз задал мне вопрос, что мы будем делать, если брат не будет в состоянии командовать армией.

17 декабря. Пятница. В среду не было обычного совещания у государя по случаю отъезда его на охоту. Между тем получена вновь от генерала Непокойчицкого телеграмма, из которой видно, что начальство армии крайне озабочено неопределенностью положения: срок перемирия близок; в случае решения перейти границу необходимо иметь хотя десять дней для приготовительных распоряжений.

Телеграмму эту я доложил вчера государю, так же как и другую, в которой Непокойчицкий настаивает на отпуске хотя некоторой суммы золотом. Государь послал за князем Горчаковым, а затем прочли телеграммы Непокойчицкого. Канцлер, как всегда, вспыхнул и начал упрекать военное ведомство, будто оно само заявило, что войска «не готовы» к походу и именно поэтому предложено продлить перемирие до апреля; а значит, настоящий вопрос Непокойчицкого есть *une inconséquence*[110]. Услышав опять подобное извращение истины, я не мог сохранить спокойствия и довольно резко спросил канцлера: откуда взял он, что войска не готовы к походу? Тут князь Горчаков совсем запутался в рассуждениях, так что вызвал опять со стороны государя строгий упрек. В этих случаях, как ни

досадно, становится жаль старика, который не злопамятен и скоро забывает подобные стычки.

В четверг должно было происходить в Константинополе второе формальное собрание конференции с участием турок; в ожидании сведений об этом важном моменте переговоров никакого решения принять было нельзя, и мы разошлись вчера довольно спокойно. Я ответил Непокойчицкому, что в любом случае о переходе армии через границу главнокомандующий будет извещен своевременно, за несколько дней.

Весь вечер четверга прошел без всяких известий из Константинополя. Сегодня, когда я собирался ехать в военно-учебные заведения, пользуясь единственным на неделе свободным утром, потребовали меня к государю. Я нашел во дворце князя Горчакова и министров финансов и внутренних дел. Тут узнали мы, что со вчерашнего дня все телеграфные сообщения с Константинополем прерваны. Подводное сообщение с Одессой продолжалось дольше сухопутного, но и то прекратилось около трех часов дня.

Войдя в кабинет государя, мы нашли его озабоченным: по всем вероятиям, произошел в Константинополе какой-нибудь кризис, может быть, даже кровавая катастрофа.

Первые известия о случившемся вчера утром могут дойти, разве, с пароходом в Одессу, не прежде завтрашнего дня.

Главная цель нынешнего совещания состояла в том, чтобы в присутствии министра финансов (у которого доклад по пятницам) обсудить требование главнокомандующего об отпуске золота. Рейтерн прочел приготовленную записку, в которой доказывал, что ни под каким предлогом нельзя трогать имеющийся фонд звонкой монеты, предназначенный для обеспечения нашего кредита за границей. В этом, конечно, никто с ним и не спорил; но вопрос был в том, действительно ли Министерство финансов лишено всякой возможности, не трогая запасного фонда, снабдить главнокомандующего хотя бы самым незначительным количеством денег. Рейтерн уступил, и решили отправить в армию 50 тысяч золотом и до 200 тысяч серебром. Суммы эти, конечно, ничтожны сравнительно с размером всех предстоящих расходов; но и не предполагалось все расходы на содержание армии за границей производить золотом.

Со среды изменилась домашняя моя обстановка, с приездом семьи из Крыма.

19 декабря. Воскресенье. Оказывается, мы напрасно встревожились перерывом сообщения с Константинополем: действительной причиной перерыва была сильная буря, повалившая столбы на всех телеграфных линиях. Уже 17-го числа

открылось сообщение между Константинополем и Одессой. Из полученных телеграмм видно, что турки, без сомнения, подученные Эллиотом, не отказываются наотрез выполнять требование Европы, а торгуются и предлагают принять на себя, в течение годичного срока, исполнение реформ в христианских областях. Между тем перемирие продолжено до 1 марта по новому стилю. Таким образом, мы успокоились на два месяца, Сербия спасена. Но что будет потом?.. Если, как по всему видно, нам все-таки не удастся достигнуть мирным путем заявленных требований, то придется, продержав армию всю зиму на военном положении, все-таки объявить войну, и, вероятно, без союзников. Единогласие, достигнутое так искусно на конференциях, к тому времени расстроится, и нам придется начинать военные действия в самое невыгодное время года. Между тем турки с помощью англичан успеют организовать сильную оборону, а мы не извлечем никакой выгоды из быстроты нашей мобилизации.

Сегодня на разводе государь сказал мне, что от графа Шувалова получена телеграмма о том, что английское правительство уже начинает сознавать недостойный образ действий Эллиота, который во всё время предварительных конференций вел за кулисами совещания с Митхадом. Говорят, будто сам Дизраэли показывает неудовольствие своим излюбленным посланником.

24 декабря. Пятница. Неделя прошла в ожидании решительной развязки константинопольских конференций. Во вторник получено известие, что уполномоченные дали туркам на размышление сроку до четверга; что лорд Солсбери, несмотря на невыгодное давление из Лондона, продолжает вести себя с достоинством и не потворствует туркам. С нетерпением ожидали известия о заседании вчерашнего дня. Сегодня я получил приказание прибыть во дворец к 1½ часа; в совещании, кроме обычного состава его, принимали участие великий князь Константин Николаевич и министр финансов. Из прочитанных новых телеграмм узнали мы, что вчерашнее заседание конференции к решению не пришло; туркам еще раз дана отсрочка на размышления до понедельника. Между тем Игнатьев намерен собрать уполномоченных, чтоб условиться о коллективном заявлении Порте на случай окончательного ее отказа. Посол наш предполагает затем немедленно выехать из Константинополя; посланный за ним пароход «Эреклик» уже стоит в заливе Золотой Рог. Обсуждали, какого плана следует держаться в дальнейшем ведении дела; решено употребить все силы, чтобы до конца сохранить единство в действиях всех шести больших держав, поэтому не торопить отъезда Игнатьева ранее

других уполномоченных.

Канцлер прочел проект циркулярной депеши, с которой он намерен обратиться ко всем участвовавшим в конференции кабинетам, чтобы поставить им категорический вопрос: что же полагают они предпринять после встреченного со стороны Порты упорного сопротивления всем требованиям Европы?

По случаю возвращения из Черногории полковника Боголюбова пригласил я вчера к обеду его, консула Ионина, князя Черкасского, Обручева и Анненкова. Само собою разумеется, что исключительным предметом разговора были Черногория и теперешнее положение дел на Балканском полуострове. Приехал также и полковник Зеленый, но я еще не видел его.

На этой неделе приехал к нам брат жены, Евгений Михайлович Понсэ, с дочерью, которая некоторое время гостила у него в деревне, в Бессарабии. С ее возвращением состав нашей семьи окончательно пополнен: все члены ее налицо. Сегодня встретили праздник Рождества совершенно тихо, у постели больной Ольги.

29 декабря. Среда. Еще 5 дней прошло – и всё еще нет решительных известий из Константинополя. Заключительное заседание конференции отсрочивается в надежде, что Порта сделает наконец такие уступки, которые дадут Европе возможность благовидно выйти из натянутого положения, не доводя Россию до необходимости воевать. Игнатьеву весьма трудно удержать до конца полное единогласие между уполномоченными шести держав; для этого он должен постепенно идти на новые уступки.

Сегодня прошло торжество в Академии наук по случаю 150-летнего юбилея ее существования. На торжестве была вся императорская фамилия. Государь вспоминал, что 50 лет тому назад присутствовал на праздновании столетия той же Академии 8-летним ребенком, и пожелал, чтобы теперь здесь присутствовал 8-летний сын наследника цесаревича Николай Александрович. Так же, как тогда, и государь, и наследник, и сын его были в мундирах лейб-гвардии Павловского полка.

31 декабря. Пятница. Вчерашнее заседание константинопольской конференции должно было быть последним и решительным. Однако же вышло иначе: опять дали туркам отсрочку до следующего понедельника. До сих пор между уполномоченными европейских держав сохраняется единодушие; лорд Солсбери держит себя твердо и последовательно. Но получена странная телеграмма от графа Шувалова о том, будто бы сам Биконсфильд дал знать Митхад-паше, что, в случае отказа его на предложения конференции, он не должен рассчитывать на

помощь Англии. Мне что-то не верится, чтобы Дизраэли настолько переменился в своих отношениях к восточному вопросу.

Другое известие, также требующее подтверждения: будто бы Вертеру дана из Берлина инструкция не делать новых уступок туркам и не соглашаться на их контрпроекты. Если это известие верно, то оно послужит новым подтверждением моего подозрения: берлинский двор желает втянуть Россию в войну с Турцией. Сам князь Горчаков начинает уже разделять это предположение.

Таким образом, заканчиваем мы 1876 год в том же положении выжидания и колебания, в каком находились во всё почти течение его. Встречая новый год, каждый вопрошает: что-то принесет он России? Восстановление ли спокойствия и обычного течения дел или войну со всеми ее бедствиями и грозными последствиями?

1877 год

2 января. Воскресенье. Вчера, в первый день года, приехал я во дворец с обычным грузом годичных отчетов и докладом. Прежде всего я должен был испросить указания его величества по вопросу великого князя Николая Николаевича: как следует поступить, если до объявления войны турки сами перейдут на левую сторону Дуная в низовьях его? Можно ли в таком случае нашим войскам перейти границу, отбросить турок, занять Измаил, Галац и Браилов? Точно так же, можно ли перейти неотлагательно в наступление в случае, если начнется резня в Бабадагской области или неистовства турок над христианским населением других частей Болгарии?

Государь дал на оба случая ответы утвердительные, однако ж согласился предварительно спросить мнения государственного канцлера. Поэтому после обедни я снова вошел в кабинет государя вместе с князем Горчаковым, который также признал, что никакого не может быть опасения относительно нейтрального положения Румынии в случае, если турки первые нарушат этот нейтралитет. В таком смысле и дан ответ великому князю главнокомандующему.

Кроме этого эпизода, не было ничего нового по части политической, но канцлер доложил государю, что следовало бы провести совещание с министром финансов по поводу изменения одной статьи конвенции с Румынией – касательно денежных знаков, которыми полагается оплачивать расходы наши в Румынии в случае перехода наших войск через границу.

С этой целью сегодня, после обедни, собрались у государя наследник цесаревич, великие князья Константин Николаевич и Владимир Александрович, князь Горчаков, Рейтерн, граф Адлерберг и я. Вопрос финансовый не занял много времени, но потом довольно долго (около полутора часов) продолжались рассуждения о настоящем политическом положении и предстоящем нам образе действий. Новая отсрочка до будущего четверга, данная туркам европейскими уполномоченными, должна быть последней. Почти не подлежит уже сомнению, что Порта не уступит, а следовательно, все уполномоченные уедут из Константинополя. Что же потом? Канцлер наш уже проектировал вперед два циркуляра, которые он разошлет один вслед за другим ко всем представителям России при иностранных дворах. Циркуляры редактированы, как всегда, безукоризненно, но сущность их всё та же, что и прежних циркуляров. Говоря простым языком, можно передать их содержание в коротких

словах: вот уже более года турки издеваются над Европой; все большие державы признали необходимым потребовать от них известных уступок; Порта нахально отвергла эти требования; послы выехали из Константинополя. Что же теперь вы все, великие державы, намерены сделать, получив такую пощечину? Если вы намерены перенести ее стоически, то Россия вынуждена будет одна образумить турка силой оружия.

Прекрасно; но что же далее? Ни одна из пяти держав не намерена браться за оружие; многие из них только того и хотят, чтобы Россия одна втянулась в неблагодарную борьбу с полуварварским государством; в случае успеха ей не дадут воспользоваться плодами, а между тем она сделается на известное время неспособной вмешиваться в дела Европы.

Сегодня сам канцлер наконец решился высказать весьма категорически предположение, что более всех других желает нас ослабить именно та держава, которая считается лучшим нашим другом, – Германия. Давно уже прусские дипломаты и генералы внушают нам необходимость войны с Турцией и стараются уверить, что нам следует направить против нее большие силы. Сам Бисмарк развивал то же мнение в последних личных разговорах своих с Убри. Дружеские эти советы всегда казались мне подозрительными, но канцлер только теперь начинает сомневаться в искренности наших друзей и в первый раз решился высказать это государю, который выслушал его без возражений. Князь вел речь к тому, чтобы доказать, как необходимо России избегнуть войны и остаться сколь возможно долее в согласии с остальной Европой по восточному вопросу.

Государь с некоторой досадой спросил князя Горчакова, для чего считает он нужным доказывать то, в чем сам государь убежден более всякого другого. Разве не доказал он и не продолжает доказывать свое долготерпение, свое искреннее желание предотвратить войну? Но может ли он остаться равнодушным, когда будет затронута честь его и достоинство России? На эту тему государь говорил довольно долго, с одушевлением; он был сильно взволнован. Припомнив в беглом очерке ход дела с самого начала восстания Герцеговины и Боснии, государь еще раз воспользовался случаем, чтобы дать строгий урок наследнику и всем тем, кто поддались увлечению во имя славянского дела. Совершенно нежданно для меня государь вдруг перешел к ложным толкам, распускаемым насчет наших военных сил и готовности к войне. Полагаю, что при этом имел он в виду косвенно пожурить князя Горчакова – и заключил свою речь самым лестным отзывом о деятельности Военного министерства, результат которой выказала исполненная столь

удачно мобилизация.

По окончании совещания я попросил позволения прочесть заготовленное мною ответное письмо к генералу Непокойчицкому. Когда мы остались вдвоем в кабинете, государь снова начал говорить об удовольствии, которое доставляют ему отзывы по поводу отличного исполнения мобилизации и блестящего состояния сосредоточенной на юге армии. Тут государь припомнил все прошлые враждебные против меня интриги, прибавив, что не поддался этим злостным внушениям и теперь видит, что не ошибался в своем неизменном ко мне доверии. Он был растроган, обнял меня и сказал между прочим: «Знаешь ли, кто вернее всех ознакомил меня с твоим характером и правилами? Человек, с которым ты часто расходился в убеждениях, – покойный Яков Иванович Ростовцев».

Я был глубоко тронут и сказал, что государь может быть вполне уверен в том, что во всю мою жизнь и во всех действиях я не имел другой цели, как только пользу дела, и руководствуюсь исключительно искренними своими убеждениями, устраняя всякие личные виды. В исполнении служебных обязанностей нет у меня ни родства, ни дружбы, ни вражды.

6 января. Четверг. Сегодня, после обедни и крещенской церемонии (государь не выходил на иордань), было обычное совещание; читались вновь полученные телеграммы, из которых видно, что на мирный исход конференций в Константинополе уже нет надежды; послы всех шести держав готовятся к выезду оттуда в воскресенье или понедельник. Сегодня должно происходить совещание большого совета турецких сановников о том, подчиниться требованиям Европы или отвергнуть их. Между тем начались уже между кабинетами предварительные сношения о последствиях дерзкого сопротивления Порты. Граф Шувалов пишет, что Дизраэли старается оторвать Австро-Венгрию от дальнейших совместных действий с другими державами; а князь Бисмарк продолжает вести странные разговоры с Убри, развивая мысль о том, что восточный вопрос не представляет для Германии непосредственного интереса. Государь по этому поводу два раза лично беседовал со Швейницем, который выражался в том же смысле. Князь Горчаков теперь убедился в том, что мы не можем рассчитывать ни на одного союзника.

Братиану соглашается ныне же подписать военную конвенцию, но торгуется: просит материальной помощи для Румынии деньгами, орудиями, лошадьми, торпедо и т. д.

8 января. Суббота. Вчера получено было из Константинополя известие, что собранный Митхад-пашой большой совет из двухсот членов единогласно решил отвергнуть

требования европейских держав, а сегодня утром происходило последнее собрание конференции. В вечерней телеграмме генерал-адъютанта Игнатьева сказано: «Конференция, предложенная нами, расстраивается. Солсбери, Вертер и я уезжаем в понедельник, другие выедут в течение недели. Условлено дать идентичные инструкции советникам, предписав им не заниматься политикой. Турок отошлют, если они станут делать новые предложения кабинетам».

13 января. Четверг. Несколько дней не имел возможности открыть свой дневник по множеству дел. Почти ежедневные совещания у государя продолжаются. До сих пор Игнатьев не мог выехать из Константинополя по причине бури; лорд Солсбери первый перешел на пароход и сразу же отплыл в Афины; прочие послы намеревались выехать в течение недели. В последних совещаниях у государя не раз затрагивался вопрос о дальнейшем плане наших действий; канцлер продолжает говорить и вести переписку в смысле прежней ultra-мирной политики: ему хочется во что бы ни стало держаться заодно с Европой. Но примечательно, что теперь и сам государь начал склоняться к той же цели. Сегодня я даже вынужден был задать вопрос: будем ли мы, вместе с остальной Европой, спокойно ожидать приведения в исполнение пресловутых турецких реформ и неопределенное время держать наши армии на военном положении? Будем ли разделять с остальной Европой самоуничижение, с которым она намерена перенести турецкую «оплеуху»? Из полученных ответов я только удостоверился в полном отсутствии общего плана действий в нашей внешней политике. Напрасно было бы с моей стороны настаивать на разъяснении моих сомнений, тем более что не было времени на серьезное обсуждение, а между тем мне предстояло изложить свои замечания на присланный Новиковым проект политической конвенции с Австро-Венгрией.

В конвенции этой (как в дополнении к военной конвенции) только сформулированы более четко те самые условия, которые были постановлены на Рейхенбергском свидании. Я принес карту и справки, чтобы выказать цинизм Австрии, которая, предоставляя России вести войну и оставаясь спокойной зрительницей, выговаривает себе львиную долю – всю Боснию и Герцеговину, то есть страну с населением в 1 400 000 человек, тогда как нам предоставляет возвратить узкую полосу земли в низовьях Прута и Дуная с населением едва в 200 тысяч и в дополнение к тому эквивалент на азиатской границе!

Князь Горчаков, по обыкновению своему, вспыхнул, горячился, как будто я хотел уничтожить весь его проект; но после совещания, едва возвратившись домой, получил я от него

цидулу[111] с просьбой сообщить мои замечания на австрийский проект.

Сегодня я обедал у их величеств. Перед обедом императрица заговорила об утреннем совещании, содержание которого, очевидно, было уже ей известно. Государыня[112] с сожалением отзывалась о старческой слабости нашего канцлера, с которым она уже избегает входить в разговоры. Это не мешает, однако же, старику почти после каждого совещания у государя заходить к императрице.

18 января. Вторник. В последние дни не было никаких важных известий. Игнатьев, не имея возможности отправиться в Одессу и тяготясь продолжительной стоянкой перед Константинополем, решил отплыть на юг, к Архипелагу; но будет ли продолжать путь на Триест или возвратится опять через Босфор в Черное море – еще неизвестно. Между тем турки ведут свои дела очень ловко; они показывают перед Европой вид полной кротости и миролюбия и предложили Сербии и Черногории заключить сепаратный мир, о чем и начались уже переговоры. Наш канцлер решается на днях отправить один из заранее приготовленных циркуляров, о которых я уже прежде упоминал. В нем ставится вопрос кабинетам: как намерены они далее действовать после полученного нахального отказа турок на требования конференции? Можно наверное предсказать, что в ответ на этот циркуляр все кабинеты, со своей стороны, тоже предложат вопрос, а что намерена делать сама Россия, более всех заинтересованная в восточном вопросе. Что тогда будем отвечать?

Государь всё более и более делается склонным к уступчивости, к мирной развязке. Полагаю, что этому настроению отчасти содействовало зародившееся в его уме в последнее время недоверие к политике Германии. Разговоры Бисмарка с Убри и запросы, делаемые по телеграфу Швейницу, поколебали наконец и в государе прежнюю неограниченную веру в искреннюю дружбу и верность союзника. Сам государь уже говорит, что ни на одного из союзников полагаться нельзя. Давно ли подобную мысль никто не смел высказать перед ним?..

Сегодня после своего доклада присутствовал я при докладе канцлера, и речь шла о странном положении, принимаемом берлинским правительством относительно России. Невольно мне вспоминались недавние еще совещания наши в Ливадии, когда мрачные мои опасения касательно образования такой же коалиции, какая была в Крымскую войну, принимались и канцлером, и самим государем за несбыточные предположения. Сколько раз слышал я от князя Горчакова, что ныне нет ничего

похожего на ту эпоху; а тройственный союз императоров является незыблемым основанием нашей политики и обеспечением мира во всей Европе!.. Сегодня государь сам повторил замечание, сделанное, кажется, графом Шуваловым в одной из последних его депеш: странно, что на бывших конференциях в Константинополе противодействовали нам те именно, кого мы считали своими союзниками, тогда как помогали нам те, на содействие кого менее всего могли мы рассчитывать.

25 января. Вторник. Ровно неделю не заглядывал я в свой дневник. Не было ничего замечательного ни в ходе политики, ни в петербургской общественной жизни. Вчера на балу у наследника в Аничковом дворце главным предметом разговоров было полученное известие о новом перевороте в Константинополе: Митхад-паша свергнут под предлогом будто бы заговора его против султана; преемником его назначен Эдхем-паша, тот самый, который был турецким посланником в Берлине и вызван оттуда для участия в конференциях. Никто не знал еще о подробностях и поводах этого неожиданного кризиса.

Сегодня утром, после моего доклада, состоялось обычное дипломатическое совещание; разумеется, старались разъяснить, какое значение может иметь переворот и какое влияние произведет он на ход восточного вопроса. Настроение нашего канцлера и самого государя делается с каждым днем миролюбивее; в публике также свыкаются с мыслью, что войны не будет. В этом смысле говорил со мной и Нигра, итальянский посол, с которым вчера на балу случилось мне иметь довольно любопытный разговор. Он доказывал, что Россия не имеет необходимости вести войну: хотя никто не помешает ей в случае войны с Турцией, однако же для самой России не предвидится никакой цели или выгоды даже от самой удачной кампании. Однако же Нигра должен был сознаться, что нужен какой-нибудь особенно счастливый выход из того положения, в которое мы поставили себя, мобилизовав армию и приняв грозный вид при самом открытии конференций. Нельзя же теперь, после нахального отказа Порты, вдруг, без всякого удовлетворения с ее стороны, разоружиться и замолчать…

Сегодня обедал я в Зимнем дворце. Во время всего обеда императрица вела разговор о женских врачебных курсах, учрежденных первоначально при Медико-хирургической академии, а теперь перемещенных в Николаевский военный госпиталь. Кроме меня, были приглашены Баранов, граф Адлерберг, Тотлебен и Крыжановский.

28 января. Пятница. Вчера на большом балу в Зимнем дворце ходили разные слухи о новых переворотах в

Константинополе: будто бы Митхад-пашу утопили, Эдхем-пашу прогнали и т. п. Всё это потом оказалось выдумками праздных вестовщиков. Важнее известия из Лондона: вчера открылись заседания парламента; в тронной речи королевы нет ничего определенного по восточному вопросу; первые два заседания бесцветны, хотя говорили речи и Биконсфильд, и Дерби, и Солсбери.

Сегодня происходило торжество в Морском училище; праздновали 50-летний юбилей офицерских классов, которым ныне присвоено наименование Николаевской морской академии.

29 января. Суббота. После моего доклада был доклад князя Горчакова, в присутствии наследника цесаревича, великого князя Владимира Александровича и в моем. Канцлер, рассуждая о теперешней политической обстановке, об ожидаемых и предполагаемых ответах на его циркуляр, о переворотах в Константинополе, выводил из всего заключение, что ни в каком случае нам не следует вести дело к войне. Он прямо высказал свое опасение по поводу возможного образования нового тройственного союза между Германией, Австрией и Англией. Куда же девался наш непоколебимый союз трех императоров?!

Сам государь очень явственно клонит дело к мирному исходу и одобрительно отзывается о прочитанной вслух депеше графа Шувалова, который прямо утверждает, что Россия должна продолжать во что бы ни стало держаться вместе с другими пятью державами и вместе дать время Порте самой распорядиться у себя для осуществления громких либеральных обещаний Митхада. Вместе с тем граф Шувалов находит возможным распустить собранную армию.

Государь, обратившись ко мне, спросил, что я думаю. Я отвечал, что, при всем моем желании мирного выхода из настоящего затруднительного положения, я нахожу невозможным вместе с другими государствами спокойно выжидать, чтобы турки сами сделали что-нибудь хорошее для христианского населения. Митхада уже нет; что будут делать преемники его – неизвестно; нельзя же нам неопределенное время держать армию на военном положении; уже и до сих пор мобилизация нам стоит до 70 миллионов. Как же распустить армию, не добившись ничего? Из-за чего мы решились мобилизовать эту армию? Какой же будет благовидный повод, чтобы нам, без ущерба собственному своему достоинству, вложить в ножны уже обнаженный меч? Даже и в прежние кризисы в восточном вопросе, когда Порту вынуждали давать Европе формальные обещания, она потом смеялась над Европой и оставляла все свои обещания без исполнения. Чем же теперь успокоится Европа и в особенности Россия? Чтобы

распустить нашу армию и объявить возникшее столкновение улаженным, нужно же иметь какое-нибудь, хотя бы для виду, формальное разрешение вопроса.

При этом я напомнил об одной телеграмме генерала Игнатьева, в которой было упомянуто, будто Порта намеревалась после закрытия конференций прислать в Петербург особое посольство. Канцлер подхватил это указание и сказал, что, само собою разумеется, это будет задачей дипломатии, что весьма можно возвратиться к мысли Игнатьева о посольстве. При этом наследник цесаревич вставил мысль о том, что было бы желательно воспользоваться случаем и окончательно упразднить трактат 1856 года, открыв свободный проход русским военным судам через проливы.

Беседа эта окончилась тем, что признали нужным еще подождать разъяснений: ответов на циркуляр князя Горчакова, хода прений в лондонском парламенте, направления нового правительства в Константинополе, а может быть, и новых сюрпризов на берегах Босфора; наконец, приезда генерала Игнатьева, которого ожидают в понедельник.

1 февраля. Вторник. В воскресенье приехал в Петербург дон Карлос, знаменитый претендент на испанский престол, виновник стольких бедствий, кровопролитий и зверств[113]. В тот же день он представился государю, а вчера в честь его дан в Белой зале Зимнего дворца парадный обед с музыкой, хотя приглашенных было немного. Претендент имеет красивую наружность, он высокого роста, на вид лет тридцати; но во взгляде его есть что-то не внушающее доверия. Государь подвел меня к нему и представил; но разговор наш был непродолжителен; личность эта мне несимпатична. Вечером опять я видел его на балу у великого князя Владимира Александровича.

Сегодня имел я непродолжительный доклад у государя и не остался до приезда канцлера. Но, судя по присылаемым мне из Министерства иностранных дел копиям с полученных телеграмм и депеш, видно, что за последние два дня не произошло ничего рельефного. Сегодня приехал Игнатьев; появление его, как надобно надеяться, хоть несколько оживит нашу дипломатию.

2 февраля. Среда. Пользуясь свободным утром, я поехал к Игнатьеву, но, к сожалению, не застал его дома. Возвратившись к себе, я узнал, что он также был у меня в мое отсутствие. Получив приглашение к обеду у их величеств, я догадался, что встречусь там с Игнатьевым, в чем и не ошибся. Кроме него и меня, приглашен был еще генерал Альбединский. Само собою разумеется, что Игнатьев *faisait les frais de la conversation*[114]; он описывал разные эпизоды из заседаний, впрочем, большей частью

уже известные. Из моих с ним разговоров *a parte* заметно, что ему хотелось бы теперь вести лично переговоры в Берлине, Лондоне и Париже. Может быть, действительно было бы ведено им успешнее, чем ведется на бумаге нашим престарелым канцлером.

3 февраля. Четверг. Сегодня присутствовал на балу в Зимнем дворце (в концертном зале). Внимание публики более всего было обращено на дона Карлоса и Игнатьева. Последний, передавая мне свои разговоры с канцлером, насмехался над ним и его выходками против меня.

6 февраля. Суббота. После моего доклада государь при мне же принял князя Горчакова. По мнению государя, последние известия неутешительны; по всему видно, что Англия хочет опять затянуть дело. Наш канцлер со своей стороны, желая *la paix à tout prix*[115], старается отнять у государя всякую надежду на союзников и при всяком случае предостерегает от предательских замыслов не только венского правительства, но и берлинского. Князь очень настаивал, чтобы государь потребовал у министров письменного изложения мнений о настоящем положении дел и предстоящем нам образе действий, особенно же от министров финансов и военного. Он говорил, что в его лета слишком тяжело одному нести ответственность в столь серьезный момент; и в то же время требовал, чтобы я предъявил сведения о положении наших военных сил и расходах – как уже произведенных по случаю мобилизации, так и предстоящих в случае войны. Я ответил, что сведения эти не затрудняюсь ему доставить хоть сейчас.

Государь не придал особенного значения заявлению канцлера и сказал, что желает в будущий вторник выслушать словесные наши объяснения, предполагая пригласить к совещанию и генерала Игнатьева.

Постараюсь ко вторнику приготовить две записки: одну – в виде справки для наших дипломатов, которые позволяют себе порочить наши военные силы, не имея о них ни малейшего сведения и не понимая вовсе существа дела; другую – собственно мое мнение о настоящем политическом положении нашем и плане действий. Редактирование этих записок поручил генерал-лейтенанту Обручеву и полковнику Лобко.

8 февраля. Вторник. Вчера и сегодня заезжал в Академию Генерального штаба и присутствовал на испытании оканчивающих курс офицеров. Испытания эти состоят в решении стратегической задачи, которую каждый офицер должен устно объяснить; затем следует выслушать критические замечания профессоров.

Обручев и Лобко быстро исполнили порученную им работу;

обе записки готовы были уже вчера утром, а сегодня при своем докладе я предупредил государя, что к назначенному сегодня же совещанию приготовлены, согласно с желанием канцлера, две записки. Всё вышло очень кстати. Уже вчера Игнатьев, приехав ко мне, чтобы выведать мой взгляд, сказал, что князь Горчаков приготовил свою записку к нынешнему совещанию. Сколько известно Игнатьеву, канцлер, желая *lla paix à tout prix*, клонит к демобилизации войск, по возможности безотлагательной, в чем поддерживает его сильно Рейтерн. Игнатьев высказывался, напротив, в том же смысле, в каком изложена моя записка: что демобилизовать армию невозможно, не достигнув никакой, хотя бы для вида, уступки со стороны Турции и торжественного с ее стороны выражения желания примириться с Россией.

Совещание было назначено на час и выходило из ряда обыкновенных наших совещаний: присутствовали, кроме всегдашних лиц, еще великий князь Константин Николаевич, министр финансов и Игнатьев. Перед заседанием великий князь Константин Николаевич начал было меня убеждать в необходимости во что бы ни стало устранить войну, а в начале совещания и князь Горчаков, и сам государь заговорили в том же смысле. Однако же государь пожелал, чтобы я прочел свою записку о военных наших силах – преимущественно в назидание канцлеру. Выслушав мое чтение, князь Горчаков, явно озадаченный приведенными в записке громадными цифрами наших сил, сознался, что не знал, в каком размере мы уже развернули их. Он попробовал обратить и эту справку в пользу своего тезиса, сказав, что при таких грозных силах нам нечего опасаться, а уступка с нашей стороны может быть приписана нашей слабости.

Затем говорил Рейтерн, разумеется, в том смысле, что Россия окончательно погибнет не только в случае войны, но даже если долго будет держать армии на военном положении. Тема его была нетрудной, но он как-то особенно неудачно развивал ее: пустился в подробности, заговорил о хлопчатобумажных фабриках, о том, что мужики русские будто бы перестали покупать рубашки, отчего фабрики одни за другими закрываются, и т. д.

Затем канцлер прочел свою довольно длинную записку, в которой доказывалось, что ни в каком случае нет надобности держать наши войска на военном положении: если мы убедимся в нежелании держав побудить Порту к уступкам, тогда объявим, что перестаем действовать заодно с Европой, и сами… распускаем армию и предоставляем Турцию собственной ее судьбе!..

По выслушании такого чудовищного мнения моя записка пришлась как нельзя более кстати; можно было бы подумать, что

она сочинена прямо в ответ на только что прочитанную меморию. Первая половина моей записки очень пришлась по вкусу и князю, и Рейтерну, и всем другим, так что князь Горчаков несколько раз вполголоса замечал, что сам готов подписать всё слышанное. «Не спешите, – сказал я, – заключение мое будет совсем не в вашем духе». Вот в чем состояла сущность моей записки: как ни бедственна война для России, однако же избегнуть ее можно не иначе, как добившись мира почетного; распустить наши войска прежде, чем добьемся такого мира, мы не можем; а добиться его можем, только подняв голос и опираясь на нашу военную силу.

Мысли эти были развиты Обручевым мастерски, и чтение мое произвело сильное впечатление. Государь слушал с напряженным вниманием; князь Горчаков, Рейтерн и великий князь Константин Николаевич явно были озадачены. После меня начал было говорить Игнатьев, стараясь перейти на практическую почву дипломатии и как бы желая примирить воззрения министерств иностранных дел и военного; но, к сожалению, запутался в подробностях, и государь, не дав ему досказать, прервал совещание, заявив, что дело слишком важно, он соберет нас вторично в субботу и к тому времени каждый из присутствующих еще обдумает вопрос или сам положит свои мысли на бумагу. Уходя из комнаты, государь взял у меня из рук обе записки. Мы разошлись в разные двери, как будто умышленно избегая всяких разговоров.

10 февраля. Четверг. Лишь только я вошел с докладом к государю, он заговорил о моей записке, прочитанной в прошлом совещании (во вторник), отозвался о ней чрезвычайно благосклонно, как о выражении собственного его взгляда на настоящее положение дел, и выразил надежду, что сам канцлер изменит свое мнение. «Я нарочно прервал совещание и не дал договорить Игнатьеву, чтобы не поставить вопроса слишком резко против князя Горчакова, а с другой стороны, чтобы самого Игнатьева избавить от затруднительной необходимости противоречить своему шефу».

Несколько спустя, среди моего доклада о текущих делах, когда оба великих князя вышли на несколько минут из кабинета, чтобы поздороваться с императрицей, государь, оставшись со мною с глазу на глаз, снова заговорил о моей записке, подал мне руку, благодарил за образ мыслей, за откровенное выражение их и прибавил, что давал мою записку прочитать государыне императрице, которая также вполне одобрила мои мнения.

Перед обедом приехал ко мне Игнатьев, чтобы сговориться относительно предстоящего в субботу совещания. По его словам, князь Горчаков будет стараться дать другое толкование своему

мнению. Барон Жомини, редактировавший записку, прочитанную во вторник, говорит в свое извинение, что записка эта выбрана была самим канцлером из числа четырех приготовленных бароном вариантов. Какое наивное признание! Почему бы не прочитать и остальные три записки? Нельзя ли было бы выбрать из них более удачную? Игнатьев готовит к субботе письменное изложение своих мнений.

11 февраля. Пятница. Сегодня был отпразднован 50-летний юбилей всеми уважаемого генерал-адъютанта Баранцова. Многочисленные сослуживцы и подчиненные его собрались к 11 часам утра в здании Главного артиллерийского управления; наследник цесаревич встретил юбиляра на правом фланге почетного караула от 2-й батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Александр Алексеевич Баранцов назначен шефом этой батареи. При входе его в первую залу я вручил ему рескрипт государя и прочел его; потом представлялись разные депутации, читались адресы, подносились медаль, альбом и проч., и проч. Почтенный друг мой был растроган до слез.

Сегодня же ездил поздравить другого юбиляра – генерал-адъютанта Яфимовича, который по этому случаю произведен в полные генералы и назначен членом Комитета раненых[116].

12 февраля. Суббота. Утром был во дворце, сначала для поздравления их величеств и их высочеств по случаю причащения, потом с докладом и, наконец, в совещании по делам политическим. Сверх всегдашних участников этих совещаний приглашены были министры финансов, внутренних дел и государственных имуществ и Игнатьев. Двум последним министрам, не участвовавшим в предыдущем совещании, государь давал прочесть мою записку и с каждым беседовал по вопросу, предлежавшему обсуждению.

Когда все собрались в приемной комнате, я увидел ясно, что все три министра уже предварительно стакнулись с канцлером и пели его голосом; на меня же смотрели косо, избегали со мною разговора и как будто приготовили против меня грозный союз. Однако ж ничего такого не вышло. После прочтения нескольких новых телеграмм государь сам заговорил о нашем теперешнем положении и прямо объявил, что прочитанная мною в предыдущем совещании записка вполне выражает его собственный взгляд и убеждения. После того прочитаны были записки Рейтерна и Игнатьева.

В первой из них не сказано ничего нового – всё та же песнь о финансовом и экономическом расстройстве России; в записке же Игнатьева были разобраны разные предположения о предстоящем

плане действий и выказана вся несообразность того предположения, которое обозначено в записке канцлера. Князь сильно морщился и дулся, а когда Игнатьев окончил чтение, не выдержал и колко заметил, что, выслушав «инструкцию», он, однако же, не может во всем с ней согласиться. Государь заметил князю, что в записке Игнатьева нет никакой инструкции, а изложены его мысли по требованию самого же канцлера.

В новой записке князя Горчакова, весьма, впрочем, короткой, повторялась прежняя мысль о том, что в случае отказа Европы от принуждения Порты Россия должна объявить, что прекращает дальнейшие совместные действия с другими державами, предоставляет себе полную свободу действий… и распускает свою армию. Такое заключение шло совершенно вразрез со всем, что перед тем было читано и говорено, вразрез с убеждением, высказанном категорически самим государем. Но его величество не возразил канцлеру и, сказав еще несколько слов, прекратил совещание.

Таким образом, ни Валуев, ни Тимашев не имели случая произнести ни единого слова, к крайнему прискорбию их, особенно Валуева, который, выходя из кабинета государя, иронически сказал обычным своим баритоном: «Кажется, сегодня нельзя пожаловаться на мое многоречие».

Казалось, эти два продолжительных совещания не привели ни к какому положительному результату. Действительно, не было сформулировано никакого заключения. Однако ж в сущности вопрос значительно разъяснился. Государь признал и ясно заявил, что как ни желательно избегнуть войны, однако ж надобно добиваться мира не какого-нибудь, не во что бы ни стало, а мира почетного, сообразного с достоинством России. Затем в записке Игнатьева намечен и некоторый план действий для нашей дипломатии с целью достигнуть результата, который дал бы нам уважительный повод к демобилизации армии. Во всяком случае, мысль о неотлагательной демобилизации была отвергнута. Такой результат можно считать уже довольно важным. Есть надежда, что мы избегнем позорного роспуска армии перед нахальством турок.

14 февраля. Понедельник. Вчера сослуживцы и приятели генерала Баранцова, числом более ста человек, собрались к обеду у Бореля; говорено немало спичей в честь юбиляра; вспоминали старину; старики как бы помолодели на несколько часов.

Сегодня же хоронили генерала Ушакова, председателя Главного военного суда; это был также человек почтенный [хотя и не обширного ума]; его уважали за благородство характера и прямоту. Я присутствовал только при выносе гроба из дому;

в Невский же монастырь на отпевание не мог ехать, чтобы поспеть в заседания Государственного совета и Особого присутствия по воинской повинности. Обедал у германского посла Швейница.

15 февраля. Вторник. После доклада моего опять было совещание, к которому сверх всегдашних участников были приглашены Игнатьев и Валуев. Государь имел целью, собственно, решить вопрос о поездке Игнатьева в Берлин и Лондон для личного разъяснения дела обоим кабинетам. Канцлер оспаривал это предположение, но остался совершенно один. Государь окончательно решил, чтобы Игнатьев выехал не позже пятницы, и приказал сегодня же известить о его прибытии наших послов в Берлине и Лондоне.

Между совещанием и заседанием Комитета министров присутствовал я еще на одном из чтений офицеров Академии Генерального штаба. Обедал у их величеств.

17 февраля. Четверг. В совещании, происходившем сегодня после моего доклада, опять присутствовали Игнатьев и Валуев. Канцлер прочел составленный в Министерстве иностранных дел проект инструкции для Игнатьева. В этом проекте излагалась программа соглашения, которое могло бы привести к мирному исходу восточного вопроса, – программа очень умеренная, даже крайне скромная: мы удовольствуемся чрезвычайно малым, чтобы только иметь благовидный предлог для демобилизации армии. Надобно надеяться, что Игнатьев будет настолько ловок и искусен, что выторгует что-нибудь побольше, чем эта жалкая программа князя Горчакова.

Между тем приходят отовсюду известия благоприятные для достижения столь желаемой канцлером цели – *la paix à tout prix*. Не только Бисмарк начал опять говорить о полном содействии видам нашего кабинета, но даже злой наш враг Биконсфильд вдруг переменил тон и заговорил с графом Шуваловым о своих дружеских чувствах к России. Ключ к этой загадочной перемене заключается в том, что Берлинский кабинет неосторожно обратился к Лондонскому с предложением довольно рискованным – действовать заодно против Франции. Тайные замыслы Бисмарка обнаружились; вот для чего он нас втягивал в войну с Турцией и кокетничал с Австро-Венгрией. Однако ж Лондонский кабинет отверг предложение, и можно думать, что эта неудача заставила Бисмарка возвратиться к прежней роли – друга России, а Биконсфильда – быть осторожнее и больше прежнего оберегать Европу от войны.

Порта, со своей стороны, продолжает доискиваться благорасположения Европы заключением мира с Сербией и Черногорией, обещанием реформ и уверениями в желании своем

распустить войска, содержание которых становится слишком уже не по силам ей. Мир с Сербией уже почти заключен; черногорские делегаты прибудут завтра в Константинополь. Граф Шувалов уведомляет, что идет речь о посылке турецкого чрезвычайного посольства в Петербург. Всё это факты, которые облегчают мирный исход восточного вопроса, и теперь я начинаю верить тому, что мы действительно избегнем войны, хоть и не достигнув никакого существенного обеспечения на будущее. Мы демобилизуем армию, успокоимся на некоторое время, но никто не поручится за продолжительное спокойствие на Балканском полуострове, и восточный вопрос может вспыхнуть снова, при обстоятельствах еще менее благоприятных для нас. Сама Англия уже начинает предвидеть близкий распад Турецкой империи; Биконсфильд уже заводит речь о необходимости соглашения между державами на такой случай. Есть ли тут действительная перемена во взглядах первого британского туркофила, или же это только удочка, на которую он хочет поймать русскую дипломатию?

19 февраля. Суббота. Поездка Игнатьева в Лондон встревожила и нашего посла, и английских министров. Уже прежде граф Шувалов телеграммой отклонял неудобное для него прибытие Игнатьева; теперь же сам Игнатьев перед выездом из Петербурга получил от лорда Солсбери убедительную просьбу отказаться от приезда в Лондон, потому что, по его мнению, приезд этот может более повредить делу, чем уладить его. Вследствие такого опасения решено, чтобы Игнатьев из Берлина ехал не в Лондон, а в Париж, куда выедет граф Шувалов для личных с ним объяснений. (Канцлер наш торжествует. Я встретил его, выходя после доклада из государева кабинета.)

Сегодня в приказе объявлено о сформировании штабов остальных корпусов – гренадерского и восьми армейских – в дополнение к сформированным уже в ноябре шести; также назначены и корпусные командиры. Выбор этих лиц показывает, до какой степени мы бедны хорошими боевыми генералами; между этими лицами есть такие, которые едва годны и в начальники дивизии.

20 февраля. Воскресенье. Утром был на выносе тела умершего генерала Аничкова. В свое время это был замечательно способный офицер, отличный редактор. В первые годы моего управления Военным министерством он был одним из главных моих помощников в деле предпринятых реформ: на нем лежала преимущественно редакционная работа. К сожалению, он рано сошел с поприща: последние семь лет жил в отставке, в болезненном состоянии, близком к умопомешательству. Давно

уже я не виделся с ним; сегодня, взглянув на него в гробу, перенесся мыслями за пятнадцать лет назад, к эпохе кипучей деятельности нашей военной администрации, к началу всего длинного ряда преобразований, приведшего к настоящему нашему военному устройству.

22 февраля. Вторник. В происходившем сегодня совещании у государя читались сведения, полученные из Берлина и Вены. Игнатьев имел продолжительные разговоры с Бисмарком, который сулил полную поддержку России в восточном вопросе, не только дипломатическую, но и материальную – войском и деньгами, – если только мы предоставим Германии возможность беспрепятственно расправиться с Францией. Не остается никакого сомнения в том, что Бисмарк точит зуб на ненавистную ему Францию; хочет доконать ее, пока еще она не окрепла и в Германии еще не остыл воинственный пыл. Наш канцлер отвечал нашему послу, что Россия не может сочувствовать враждебным замыслам Германии против Франции, но, с другой стороны, и с Францией не входит ни в какие соглашения. После этого ответа неизвестно, захочет ли Бисмарк выполнить данное Игнатьеву обещание – принять на себя почин соглашения между державами для подписания общего протокола по восточному вопросу приблизительно в том виде, в каком он был проектирован нашей дипломатической канцелярией.

Из Вены получены ответы Андраши на предложения наши относительно некоторых изменений в проектированной политической конвенции между Россией и Австро-Венгрией на случай распада Турции. Перемены эти более касаются редакции, чем существа дела; но в этих диалектических тонкостях проглядывает задняя мысль Венского кабинета – пользоваться любыми случайностями для захвата всей Боснии и Герцеговины. Австрия всегда любила чужими руками жар загребать.

Вместо того чтобы ехать в заседание Комитета министров, я навестил больного Александра Аггеевича Абазу. Разговор наш от общих вопросов политических, естественно, перешел на финансы. Абаза, хоть и дружен с Рейтерном, но не скрывает, что наш министр финансов впал в какое-то нравственное расслабление; он в таком нервном состоянии, что не может серьезно заниматься делом. Когда я завел речь о том, что нет никого, кто мог бы быть предложен кандидатом для замещения Рейтерна, то из некоторых слов Александра Аггеевича заключил, что он сам не отказался бы от места министра финансов, если б его несколько настойчивее попросили.

24 февраля. Четверг. По окончании моего доклада государь удержал меня и принял в моем присутствии графа Палена,

министра юстиции. Поводом к тому было желание государя, чтобы все министры, в ведении которых имеются высшие учебные заведения, снова собрались для обсуждения мер противодействия распространению так называемого нигилизма между учащейся молодежью. А так как из всех министров я старший, то совещание должно быть под моим председательством. По этому поводу граф Пален доложил государю о ходе происходящего в настоящее время судебного процесса о политической пропаганде[117].

Я вполне присоединился к мнению министра юстиции о том, что гласность была бы лучшим средством для противодействия зловредному направлению нашей молодежи и антисоциальным учениям, увлекающим множество легкомысленных людей. Таинственность придает какой-то интерес и заманчивость самым нелепым и безобразным замыслам; полное раскрытие этих замыслов лучше всяких преследований нанесет удар зловредным учениям.

5 марта. Суббота. Более недели не было ничего, стоившего внесения в дневник. Политическое положение дел мало изменилось. С одной стороны, английское правительство склоняется к подписанию коллективного протокола, предложенного нашим кабинетом через генерала Игнатьева (торгуются только из-за редакционных тонкостей, не имеющих существенного значения); с другой же стороны – в Константинополе положение дел обещает мало хорошего: хотя между Турцией и Сербией мир заключен, однако же с Черногорией переговоры не имели успеха; турки нахально заявляют, будто Черногория считается *partie intégrante de l'Empire Ottoman*[118], и отказывают в уступках территориальных, выговоренных на конференции. В Боснии и Герцеговине возобновляется восстание; мериды[119] угрожают туркам. Правительство турецкое не считает себя прочным, и в Константинополе ежедневно ожидают какого-нибудь нового сюрприза. Истые мусульмане и софты[120] грозят призванием снова Митхад-паши из ссылки. При такой обстановке можно ли придавать какое-нибудь значение обещаниям Порты, даже если бы они были вполне искренни? Сегодня при докладе канцлера государь выражал опасение, что, несмотря даже на подписание протокола шестью державами, восточные дела не разрешатся без кровопролития. Уже нет речи о близкой демобилизации нашей армии.

Сегодня в ночь скончался старший сын великого князя Владимира Александровича Александр Владимирович, после продолжительной болезни. Хотя ребенку было всего полтора года, однако же государь очень огорчен.

7 марта. Понедельник. Вчера вечером тело покойного великого князя перевезено с обычной церемонией в Петропавловскую крепость, а сегодня утром прошло погребение. Вся царская семья погружена в печаль. К тому же получены весьма тревожные сведения о болезни старшего брата императрицы, принца Карла Гессен-Дармштадтского. Императрица намерена даже немедленно отправиться в Дармштадт; к завтрашнему вечеру велено приготовить поезд для ее величества.

8 марта. Вторник. Императрица отменила свой отъезд за границу; больной брат ее в таком положении, что едва ли она застала бы его в живых. После своего доклада я присутствовал при докладе канцлера. Из Вены получено известие, что конвенция подписана; по этому случаю император Франц-Иосиф в трогательной телеграмме сообщает нашему государю свою радость. Из Лондона еще нет известия о том, как приняты предложенные нами редакционные поправки в протоколе. В Константинополе вчера происходила комедия открытия парламента. Турки нахальны более чем когда-либо; они заранее заявили английскому правительству, что не дадут своего согласия на какой бы то ни было протокол. И всё это Англия переносит со стоическим смирением.

Сегодня великий князь Николай Николаевич (младший), только на днях приехавший из действующей армии, и генерал-адъютант Тотлебен отправились в Берлин для поздравлений императору Вильгельму по случаю наступления 81 года его жизни.

Генерал-адъютант Павел Николаевич Игнатьев (отец), по случаю смерти дочери, княгини Енгалычевой, не мог сегодня председательствовать в Комитете министров и в Кавказском комитете; я должен был, как старший, занять место председателя в обоих заседаниях.

9 марта. Среда. Возвратившись из утренней поездки в клинику Вилье и в военную тюрьму, я собирался ехать в заседание Военного совета, но получил приглашение во дворец, к часу пополудни, на совещание. Присутствовали все лица, участвовавшие в прежних совещаниях, в том числе Рейтерн и Валуев. Канцлер прочел последние депеши из Лондона и Берлина, из которых видно, что ни Берлинский кабинет, ни Лондонский не действуют искренно и прямодушно в отношении к нам. Бисмарк, уверявший Игнатьева и продолжающий уверять Убри в полной готовности Германии помогать России как в достижении мирного исхода, так и в случае войны, между тем в своих инструкциях Мюнстеру (послу германскому в Лондоне) ни

одним словом не побуждает его поддержать нашего посла в переговорах с английскими министрами.

В совещании сегодня опять высказали мысль, что в образе действий германского канцлера по-прежнему проглядывает постоянное желание втянуть нас в войну с Турцией (желание это так велико, что Бисмарк даже предлагает помочь нам в заключении займа в 100 или 200 миллионов рублей в Германии; более того – обещает даже ссуду из германского военного фонда); поэтому он не сочувствует ничему, что предпринимается нами с целью миролюбивого разрешения дела.

Английские же дипломаты думают только о том, как бы скорее склонить Россию к демобилизации армии, и в этих только видах соглашаются подписать предложенный нами протокол; но, имея в то же время твердое намерение не делать ни одного шага, понуждающего Порту к уступкам, англичане торгуются из-за редакционных мелочей.

Теперь главная задача – определенно постановить условия, на которых мы можем согласиться на демобилизацию армии. В этом отношении наш канцлер не имеет отчетливого плана; как он сам, так и его орудия за границей, желая во что бы ни стало покончить дело мирным путем, ограничиваются в своих многоречивых объяснениях с англичанами лишь общими выражениями, не заключающими в себе никакой конкретной мысли. Вдобавок граф Шувалову крайне неприятен приезд Игнатьева в Англию; в последних своих депешах он прямо взводит на Игнатьева обвинение в ложных показаниях, будто он был приглашен в Англию лордом Солсбери и Биконсфильдом.

Государь недоволен ходом дипломатического дела, видит настоящее положение вещей в мрачном свете и начинает сомневаться в возможности мирного исхода. Он прямо и резко высказывал эти мысли канцлеру, который продолжает верить и надеяться.

Совещание кончилось в исходе третьего часа, так что я приехал в Военный совет только к концу заседания.

11 марта. Пятница. Сегодня опять было совещание с участием Валуева, Рейтерна и Тимашева. Предметом обсуждений были условия, на которых мы можем обещать Англии демобилизацию армии. Я должен был опять стать вразрез с мнениями, высказанным князем Горчаковым, Валуевым, Рейтерном и Тимашевым; на сторону их стали также граф Адлерберг и великий князь Константин Николаевич. Все они снова говорили, какие бедственные последствия для России может иметь война с Турцией, и потому признавали необходимым согласиться безусловно на предложенную

английскую редакцию протокола, с обязательством с нашей стороны демобилизовать войска.

Мое же мнение – что мы не должны отнюдь обещать демобилизацию прежде достижения каких-либо положительных результатов, чего трудно ожидать при настоящем положении Турции. Мнение это вполне разделяют государь и наследник цесаревич. То же мнение прекрасно выражено в письме, только что полученном от Нелидова и прочитанном в совещании. Государь весьма сильно и горячо высказал свои опасения, что в случае демобилизации немедленно после подписания бесцветного лондонского протокола мы очутимся совершенно в том же положении, в каком были в 1875 году и летом 1876-го; что через короткое время нам придется опять мобилизовать войска, опять нести те же громадные растраты, какие уже сделаны нами бесплодно, и тогда, быть может, придется вести войну при еще менее выгодной политической обстановке.

Совещание, однако же, кончилось тем, что государь утвердил проектированный канцлером телеграфический ответ графу Шувалову и Игнатьеву о согласии нашем на принятую в Лондоне редакцию протокола, как и на условия, на которых мы можем приступить к демобилизации.

Откровенно говоря, я не придаю никакого существенного значения всем этим прениям о той или другой редакции протокола, о тех или других соглашениях между кабинетами. Вся эта дипломатическая «бумажная» кампания, уже так долго и так бесплодно продолжающаяся к позору Европы, не изменит рокового хода событий на Балканском полуострове; факты могут расстроить все тонкие соображения дипломатов. Лондонский протокол останется пустым клочком бумаги. История с равным презрением отзовется о двух фарсах, разыгранных в одно и то же время в Лондоне и Константинополе: подписание шестью большими державами протокола, ни к чему и никого не обязывающего, столь же комично, как и открытие турецкого парламента, закончившееся обращением Савфет-паши к дипломатической трибуне.

14 марта. Понедельник. В субботу и воскресенье не было получено ничего важного о ходе переговоров по восточному вопросу; ожидаемая от графа Шувалова разъяснительная телеграмма о придуманной им новой комбинации получена только вчера вечером, а сегодня утром прочитана в совещании у государя (опять с участием министров финансов, государственных имуществ и внутренних дел). Предложение графа заключается в том, чтобы не упоминать в протоколе о демобилизации, а предоставить ему, русскому послу, при

подписании протокола заявить лично и устно, без подписи, что если будет заключен мир Турции с Черногорией, «si la Porte accepte les conseils des cabinets et se montre prête à se replacer sur le pied de paix et à entreprendre sérieusement les réformes mentionnées dans le protocole»[121] то она *может* отправить в Петербург посла для переговоров по вопросу о разоружении с обеих сторон.

Такой оборот дела, если на него последует согласие англичан, конечно, был бы благовиднее для чести и достоинства России. В таком смысле и высказались все участвовавшие в совещании. Но затем все-таки вопрос оставался бы за решением самой Турции, а при теперешнем ее настроении весьма мало можно рассчитывать на благоразумие и податливость с ее стороны. Примирение с Черногорией, кажется, не состоится, а без этого и протокол лондонский останется без последствий.

Вообще, в последние дни у нас в публике распространилось мнение о безнадежном положении восточного вопроса: как прежде все уверовали, без всякого основания, в мирный результат, так ныне все, столь же безотчетно, заговорили о неизбежности войны. К тому же большое впечатление произвела нескромная речь, сказанная в Московском славянском комитете председателем его Иваном Сергеевичем Аксаковым. В этой речи он осуждает весьма резко весь ход нашей внешней политики и опять бьет в набат для спасения русской чести. Речь эта, конечно, не нравится государю и не может нравиться; она не только резка, но и несвоевременна. Жаль, что подобными нескромными речами Аксаков вредит и своему личному положению и кредиту представляемого им общества. Последствием будут, несомненно, новые административные меры для обуздания Славянского комитета.

Процесс пропагандистов в народе должен кончиться сегодня приговором суда.

В субботу был я на выставке картин в Академии художеств и смотрел между прочими новую картину Семирадского, изображающую мучеников-христиан во времена Нерона. Картина производит большое впечатление, говорят о ней много.

Вчера был у меня сенатор Половцев, близкий человек великого князя Владимира Александровича и отчасти наследника цесаревича; он приехал в назначенный мной час, чтобы прочесть свою записку о нынешнем ведении государственных дел; основная его мысль: все беды наши проистекают от единоличного решения дел государем по докладам министров. Для устранения этого недостатка необходимо дать иную организацию и иное значение высшим правительственным органам: Государственному совету, Сенату, Комитету, Совету министров и проч.

Основную мысль этой записки отвергать нельзя, но предлагаемые способы исправления во многом можно оспаривать. Недоумеваю только, может ли в настоящее время подобная записка вести к какому-нибудь практическому результату. Сам автор сомневается в своевременности возбуждения подобного вопроса.

16 марта. Среда. Сегодня было примечательное заседание Совета министров. Государь собрал нас для личного объявления своей воли: приказано было в особой комиссии рассмотреть вопрос о мерах, какие следует принять для противодействия революционной пропаганде. Тимашев предложил образовать для этого комиссию из второстепенных лиц разных ведомств, с приглашением в совещания губернаторов, предводителей дворянства, жандармских чинов и т. д. Граф Пален представил курьезный схематический чертеж, на основании произведенных доселе судебных расследований изображающий, какими путями пропаганда идет из Петербурга (как центра) в разные местности России. Князь Горчаков попробовал поднять вопрос в высшую политическую сферу; но так как он по-русски говорить не умеет, то речь его не была понята.

Я, в свою очередь, развил мысль канцлера, объяснив, что для составления программы нужно сначала получить высочайшее указание относительно объема предлежащей задачи. Имеется ли в виду только обсудить еще раз одни репрессивные, так сказать, полицейские меры против пропагандистов, или угодно разобрать дело глубже, раскрыть самые причины, способствующие пропаганде, и указать меры к тому, чтобы враждебные влияния, приходящие извне, не находили у нас благоприятной почвы?

Пока я говорил, казалось, и государь, и некоторые другие лица слушали сочувственно, а принц Петр Георгиевич Ольденбургский и Павел Николаевич Игнатьев даже отозвались полным согласием. Но со стороны наших истых консерваторов слова мои вызвали целый поток возражений. Тимашев нашел в моих указаниях опасность для всего государственного строя и даже вклеил слово «конституция»; граф Толстой нашел, что ради «нескольких сот нигилистов» не стоит поднимать такие вопросы; к ним присоединился, конечно, и граф Пален, а Грейг пошел далее: он начал снова развивать мысль, что не следует всякого бедняка допускать к высшему образованию.

Весь этот хор, конечно, произвел свое действие: государь строго произнес приговор, что ему одному принадлежит право возбуждать важные государственные вопросы, а не какой-нибудь второстепенной комиссии, которая должна ограничиться только обсуждением мер, необходимых для прекращения пропаганды. Я

решился, однако же, заметить еще раз, что подобной узкой постановкой вопроса невозможно разрешить задачу, что зло имеет глубокие корни и органическая болезнь не излечивается наружными пластырями. Никакого нет сомнения в том, что и новая комиссия будет так же бесплодна, как была прежняя, заседавшая несколько лет тому назад под председательством Валуева.

Из дворца я переехал в заседание Военного совета. И тут были продолжительные и горячие прения об изменении приема малолетних в военные гимназии. И тут нашли политическую сторону дела: сословные права дворянства и обязательность распространения благотворительного значения военно-учебных заведений на детей гражданских чинов. Пробило 5 часов – и мы еще не пришли к положительному результату, так что решили отложить дело до следующего заседания.

17 марта. Четверг. При докладе моем государь прочел полученные вчера вечером телеграммы из Лондона: англичане согласились подписать протокол, принять заявление графа Шувалова относительно условий, на которых мы можем войти в прямые с Портой соглашения о демобилизации и в то же время, со своей стороны, заявить, что в случае разрыва с Турцией протокол утратит свою силу. Последняя оговорка была предложена самим Шуваловым, чтобы успокоить опасения английского правительства, что на него, в случае безуспешности протокола, падут обвинения в напрасном подписании такого документа, а с другой стороны, чтоб и России, в случае разрыва с Портой, протокол не связывал рук. Комбинация эта была вполне одобрена государем; в час пополудни было обычное совещание для прочтения новых телеграмм и депеш и заготовленного канцлером ответа графу Шувалову.

19 марта. Суббота. Генерал Игнатьев возвратился; он заехал ко мне, с обычным самодовольствием рассказывал о своих успехах во всех четырех столицах и глумился над промахами графа Шувалова, который, по словам Игнатьева, до его приезда в Англию чуть не испортил дела, допустив без крайней надобности изменения в редакции протокола и связав подписание его с условием нашей демобилизации.

Сегодня вечером из Лондона получена телеграмма, что протокол подписан. Теперь развязка будет в Константинополе.

20 марта. Воскресенье. На прошедшей неделе в Берлине праздновался день рождения императора Вильгельма, которому минуло 80 лет. В этот день обыкновенно и у нас бывает торжественный обед во дворце, но на сей раз по случаю траура обед отложен до нынешнего дня. Кроме обычного тоста в честь

80-летнего императора, обед ничем другим не ознаменовался.

28 марта. Понедельник. В продолжение всей Страстной недели нечего было вписывать в дневник. Говенье и некоторые семейные заботы отвлекали меня от обычных забот служебных. Впрочем, во всё это время и не произошло ничего примечательного в ходе политических дел. Неделя прошла в ожидании известий о том, как приняты в Константинополе заявления больших держав после лондонского протокола и нашей декларации. Порта упорствует в отказе на все требования Черногории. Из Лондона получен вопрос: не согласится ли наш кабинет принять турецкого посла, не ожидая заключения мира между Портой и Черногорией? И на это наши дипломаты согласились. Но все уступки их ни к чему не ведут, а только более подстрекают нахальство и дерзость Порты.

Сегодня утром было у государя обыкновенное совещание, в котором уже и сам канцлер признал, что на мирный исход дел мало надежды. Из полученных вчера телеграмм видно, что турки решительно готовятся к войне, намереваются атаковать меридитов и не иначе соглашаются прислать в Петербург посла, как одновременно с присылкой нашего посла в Константинополь. Государь выразил негодование свое на такую дерзость и признал невозможным дольше выносить тяжелое и неопределенное положение, в котором мы находимся уже столько месяцев.

Я обратил внимание государя на необходимость такого расчета времени, чтобы в случае объявления войны можно было успеть предварительно сделать все распоряжения к переходу войск через границу одновременно с объявлением войны. Решено телеграфировать обоим главнокомандующим, чтобы они теперь же приступили ко всем приготовительным мерам, независимо от повеления о предположенной дополнительной мобилизации войск. Телеграммы эти уже отправлены мною в Кишинев и Тифлис.

Сегодня был семейный обед у Александра Аггеевича Абазы по случаю дня рождения и совершеннолетия племянника нашего Юрия Милютина.

29 марта. Вторник. Полковой праздник лейб-гвардии Конного полка справлялся сегодня, вместо 25-го числа (так как день Благовещения пришелся на Страстную пятницу). Поэтому я провел бóльшую часть дня в полной форме, а в промежутках между докладом и парадом и между парадом и обедом во дворце разбирал шифрованные телеграммы, полученные от обоих главнокомандующих в ответ на вчерашние мои телеграммы.

В ответе из Кишинева великий князь Николай Николаевич уже торопится определить самый день перехода армии за

границу; через 10 дней всё будет готово к началу действий. Великий князь Михаил Николаевич считает возможным начать около 12 апреля, и то с оговорками: по его мнению, можно открыть наступательные действия только к стороне Кобулети; главные же силы – в Александрополе и Эриванский отряд – хотя могли бы немедленно перейти через границу, но по времени года и по недостаточности сил не могут пока действовать решительно.

Кроме того, великий князь Николай Николаевич в телеграмме прямо на имя государя снова настойчиво требует отпуска золотой монеты для заграничных расходов. По приказанию государя я лично ездил к министру финансов и передал ему положительное повеление об отпуске 3 миллионов золотом; однако же Рейтерн и на этот раз попробовал отказать и прислал государю записку о невозможности исполнения его повеления. Государь настоял, чтобы отпущено было хотя бы два миллиона. По этому предмету я имел довольно резкое объяснение с Грейгом. Грейг постоянно держит сторону Рейтерна, принимая с комической самонадеянностью вид знатока в финансовом деле.

В то время как главнокомандующие уже заботятся о немедленном назначении дня перехода через границу и в понятиях государя война должна быть объявлена уже через несколько дней, наш маститый канцлер продолжает по-прежнему замасливать и улаживать, как будто всё еще надеясь на мирное решение вопроса. Вечером приехал ко мне барон Жомини, правая рука князя Горчакова; даже он возмущен образом действий своего шефа и ко мне обратился, чтобы побудить канцлера действовать энергичнее в предвидении неизбежной войны. Князь Горчаков склоняет Черногорию к новым уступкам для заключения мира с Портой, и это в то время, когда мы собираемся объявить ей войну! Видно, мало еще того промаха, что мы допустили турок задавить Сербию и лишились подмоги с ее стороны для нашей армии; наш канцлер как будто нарочно делает всё возможное, чтобы в случае войны поставить нас в невыгоднейшее положение.

30 марта. Среда. Совещание сегодня было в большем составе, чем обыкновенно: к числу всегдашних участников присоединились Рейтерн, Валуев, Н. П. Игнатьев, Тимашев и князь Лобанов-Ростовский (исправлявший в продолжение нескольких дней должность министра внутренних дел по смерти сына генерала Тимашева). Канцлер прочел полученный секретным путем циркуляр Порты ко всем большим державам по поводу лондонского протокола. Циркуляр этот, отлично и умно написанный, заключает в себе полное отрицание права Европы вмешиваться во внутренние дела Турции; Порта с негодованием

отвергает протокол и декларацию графа Шувалова. Документ этот окончательно указывает невозможность мирного исхода дела; не остается более сомнения в том, что Порта решилась на войну; поэтому и нам уже невозможно долее колебаться и уступать.

Сам канцлер, который еще вчера хлопотал о примирении Черногории с Портой, который, вопреки мнению всех окружающих его, думал только об устранении войны, теперь вдруг ободрился и торжественно заявил, что, видя окончательно неизбежность войны, намеревается отныне вести политику энергично, без колебаний и полумер! Увидим, что будет на деле.

Государь, решившись на войну, предложил на обсуждение вопрос о том, в какой срок и каким порядком должен совершиться разрыв. Положено начать с 3 апреля дополнительную мобилизацию войск, заранее уже предположенную и подготовленную; затем отправить всем большим дворам циркулярную ноту, объясняющую причины разрыва; 12 апреля назначено днем формального объявления войны; этим числом пометить манифест о войне; в тот же день одновременно во всех столицах предъявить означенную выше ноту, а войскам нашим перейти границу как в Бессарабии, так и в Закавказье. В заключение совещания прочитан проект манифеста, подготовленный общими силами графа Адлерберга, Валуева и князя Урусова.

Возвратившись домой из совещания, я должен был потратить бóльшую часть дня на составление и шифровку телеграмм в Кишинев, Одессу, Тифлис и другие места для предварительного извещения начальствующих лиц о постановленном решении. Работа моя была прервана посещением Н. П. Игнатьева, Гирса и Ионина, которые, по-видимому, сговорились съехаться ко мне, чтобы через мое посредничество провести некоторые спешные распоряжения, от которых князь Горчаков уклонялся, как непослушный ребенок. Речь шла о некотором увеличении денежного пособия, назначенного Черногории, о доставке 10 тысяч ружей греческим инсургентам, посылке военного агента в Персию, снабжении инструкциями нашего посланника в Тегеране и т. п. Я должен был обещать им завтра же доложить обо всех этих предметах государю, хотя и сознаю, что беру на себя чужое дело.

31 марта. Четверг. Государь объявил мне при моем докладе, что намерен выехать из Петербурга в действующую армию в половине будущей недели, так чтобы прибыть в Кишинев за день до перехода войск через границу. Там же будет подписан и манифест о войне. Я еду с государем.

Обедал я у их величеств. Разговор почти исключительно вращался вокруг исторических воспоминаний. И государь, и императрица обладают необыкновенной памятью и любят припоминать прошлое. Головы их – живые хроники.

Сегодня турецкий посланник [Кабули-паша] передал Министерству иностранных дел полученный им от Порты циркуляр, содержание которого было уже вчера нам прочитано. Игнатьев опять заехал ко мне и передал несколько записок по предметам, которые князь Горчаков сваливает на Военное министерство. Наш канцлер, как говорят, ликует: уверяет всех, что теперь дело его кончено и дальнейшие заботы переходят на Военное министерство. Вот каков взгляд его на роль дипломатии.

5 апреля. Вторник. В последние дни было у меня много работы, так что не имел ни минуты свободной, чтобы заглянуть в свой дневник. Впрочем, и не было ничего замечательного за это время. С тех пор как война решена, всем как будто стало легче; в городе настроение довольно воинственное, хотя, разумеется, люди желчные ворчат. Сам государь, хотя озабочен, но менее нервен, чем прежде. Отъезд его назначен в ночь на 8 апреля; смотры войскам действующей армии предположены 10, 11 и 12 апреля в Жмеринке, Бирзуле, Тирасполе, Кишиневе и Унгене.

По сведениям, о предположенном движении за границу, полученным из Кишинева, оказывается, что бóльшая часть войск будет направлена пешим порядком, ввиду слабой провозоспособности румынских железных дорог. Но при этом выступление войск эшелонами растянуто на такое продолжительное время, что не могу не подивиться чрезмерной медлительности, зная энергичный характер нашего главнокомандующего. Я счел необходимым даже телеграфировать ему в этом смысле, но получил ответ, что сделанного расчета изменить уже невозможно. Крайне будет прискорбно, если с самого начала действий мы не покажем энергии и решительности. Сегодня я докладывал об этом государю, но отсюда трудно направлять распоряжения главнокомандующего; приходится отложить разъяснение вопроса до прибытия нашего в Кишинев.

Сегодня получено известие, что конвенция с Румынией наконец подписана. Со вчерашнего же дня началась дополнительная мобилизация наших войск. К сожалению, отовсюду приходят известия о прекращении сообщений то от разлива рек, то от повреждения железных дорог, ледохода и т. д.

12 апреля. Вторник. Кишинев. Сегодня совершилось историческое событие: объявлена война Порте, и в прошлую ночь войска наши уже перешли границу как европейскую, так и

азиатскую. Подписанный сегодня в Кишиневе манифест появится в завтрашних газетах.

Государь с наследником цесаревичем выехал из Петербурга в ночь на 8 апреля (с четверга на пятницу). Сопровождали его в поезде, кроме меня, генерал-адъютанты граф Адлерберг, Игнатьев, Мезенцов, Рылеев, Воейков, граф Воронцов-Дашков, генерал-майор Свиты Салтыков, из флигель-адъютантов князь Долгоруков, затем прусский и австрийский военные агенты (генерал-адъютант Вердер и флигель-адъютант барон Бехтольсгейм), два адъютанта наследника и чины военно-походной канцелярии. Независимо от этой свиты отправлено вперед, в Кишинев, большое число флигель-адъютантов, генералов свиты и три генерал-адъютанта: князь Меншиков, Чертков (Михаил) и Левашов.

Ехали мы безостановочно до самой Жмеринки, и почти на всем пути провожала нас сквернейшая погода: снег и вьюга. Первый смотр войскам был в Жмеринке, утром 10-го числа (воскресенье). Несмотря на холодную и сырую погоду, на непролазную грязь, 5-я пехотная дивизия представилась в превосходном виде. Точно так же и вечером в Бирзуле 31-я пехотная и 9-я кавалерийская дивизии показали себя в отличном состоянии. Даже прежние пессимисты, сомневавшиеся в существовании армии после всех реформ последних 15 лет, должны были успокоиться. В особенности замечателен был бодрый, смелый вид теперешнего солдата сравнительно с прежним забитым, запуганным страдальцем.

Государь после каждого смотра собирал около себя офицеров и говорил им несколько слов, на которые они отвечали взрывом восторженных «ура!». Как на первых двух смотрах, так и на последующих выказалось возбужденное состояние духа во всех войсках; тут не было ничего искусственного, поддельного, а выражался на всех лицах искренний энтузиазм.

Вечером 10-го числа прибыли мы в Тирасполь. Здесь на станции железной дороги встретил государя главнокомандующий армии великий князь Николай Николаевич с частью своего штаба и русский генеральный консул в Бухаресте барон Стюарт. Этот последний выехал навстречу государю, чтобы убедить его величество, по просьбе румынского князя Карла, замедлить на несколько дней объявление войны и открытие военных действий.

Князь Карл признавал это необходимым не столько потому, что Румыния вовсе не приготовилась к войне (да и не могла приготовиться, так как, по словам барона Стюарта, казна ее была совершенно пуста), сколько по соображениям внутренней политики: подписав конвенцию, князь Карл убоялся последствий

нарушения конституции и решился собрать 15-го числа сенат, чтобы легализовать заключенный акт.

По этому предмету происходило в императорском вагоне совещание. Великий князь главнокомандующий и генерал Левицкий объяснили сделанные ими распоряжения на предстоявшую ночь на 12-е: всё было уже готово к переходу через границу. При этом было особенно важно начать движение неожиданно для турок, дабы хоть передовым отрядам успеть занять Галац и Браилов и прикрыть Барбошский мост на Серете.

Игнатьев и я старались отклонить мысль об отсрочке начала войны. Подобная перемена накануне дня, заранее назначенного, могла произвести крайне прискорбные замешательства, тем более что кавказские войска на границе Азиатской Турции могли и не получить своевременно извещения об отсрочке. Во всяком случае, мы лишились бы выгоды внезапности нападения. По всем этим соображениям и несмотря на настойчивые убеждения барона Стюарта, государь решился не изменять сделанных распоряжений, а барону Стюарту приказал немедленно отправиться обратно в Бухарест, объяснить князю Карлу невозможность исполнения его желания и вместе с тем вручить ему на первый раз миллион франков золотом, в счет ссуды, которую князь просил для покрытия самых неотложных расходов. Так и было сделано: барон Стюарт в ту же ночь уехал с экстренным поездом и проездом через Кишинев получил из полевого казначейства золото.

11-го числа, в понедельник, в 9 часов утра, происходил у самой станции Тираспольской смотр 9-й пехотной дивизии и 9-й бригаде 32-й дивизии. Погода была сносная; войсками государь был очень доволен и немедленно после смотра продолжал путь далее, без остановки в Кишиневе, до Унгени, последней станции железной дороги по сию сторону Прута. Во время проезда через Кишинев государь принял князя Гику, присланного румынским князем с подписанной конвенцией; ему же, князю Гике, поручили войти в переговоры о займе. Румынский посланец остался в императорском поезде на всем пути до Унгени и обратно в Кишинев.

Во время этого переезда погода опять изменилась, термометр опустился ниже нуля, пошел снег, поднялся ветер, и потому смотр войскам в Унгени происходил при самых неблагоприятных условиях. Тут были собраны 12-я пехотная и 8-я кавалерийская дивизии с 7-м саперным и железнодорожным батальонами. Войска эти стояли биваком, имея при себе только легкие походные палатки. Дождь и снег так и хлестали в лицо; на поле грязь была невообразимая. И все-таки войска были бодры,

стройны и столько же одушевлены, сколько и все другие, бывшие до сих пор на смотрах; даже, кажется, еще несколько более других, может быть, под впечатлением местных условий: войска эти стояли на самой границе и первые переступят ее; железнодорожный батальон и саперы уже работали на мосту через Прут.

В Кишинев вернулись мы уже в двенадцатом часу ночи. Как обыкновенно, станция была переполнена начальствующими лицами, депутациями и публикой. Нас развезли по квартирам, отведенным в разных частных домах. Меня поместили в красивом доме некоего господина Семиградова, по-видимому, богатого помещика Бендерского уезда и тамошнего предводителя дворянства. Госпожа Семиградова, как кажется, молдаванка или гречанка, очень любезно указала отведенные мне комнаты. Через несколько минут навестил меня мой сын, приехавший сюда на несколько дней ранее в числе присланных вперед флигель-адъютантов.

Сегодня, 12-го числа, к 9 часам утра, приехав к государю в губернаторский дом, я узнал, что манифест о войне подписан и дано знать по телеграфу о распубликовании его. Я также отправил телеграммы в Одессу, Тифлис и Петербург. В 9 часов государь поехал в собор; при входе встретил его архиерей Павел красноречивой речью, которая была бы очень хороша, если б была покороче и если б не попали в нее некоторые неуместные политические намеки.

После краткого молебствия государь поехал за город, на поляну, на которой выстроены были войска: 14-я пехотная и 11-я кавалерийская дивизии, с частью саперной бригады, Собственным е. в. конвоем и 2-мя только что сформированными болгарскими дружинами. Вся дорога к этой поляне, грязная и гористая, была запружена множеством еле тащившихся экипажей всякого рода и пешеходами. Моя тяжелая коляска, запряженная парой кляч, совсем завязла в грязи, так что подвезли меня ехавшие за мной добрые люди. Погода в это утро поправилась: выглянуло солнце и термометр поднялся до 10°.

Пока государь объезжал шагом обе длинные линии войск, перед фронтом их поставлен был налой и подоспело духовенство. Мы сошли с лошадей, и сам архиерей прочел перед войсками манифест, после чего началось молебствие с коленопреклонением. Архиепископ Павел снова сказал речь, обращаясь уже «к воинам», и затем благословил образами как великого князя Николая Николаевича, «нашего архистратига», так и генерала Драгомирова, начальствовавшего расположенными в Кишиневе войсками. В этой церемонии было столько

торжественности и глубокого значения, что многие из присутствовавших, начиная с самого государя, были растроганы до слез; да и сам архиепископ едва договорил сквозь слезы последние слова.

После того войска прошли мимо государя, и в числе их обе болгарские дружины, имевшие вид весьма внушительный. Когда же государь, проехав сквозь массу собранных войск, окруженный офицерами, сказал им несколько теплых, задушевных слов, вся толпа офицеров и солдат одушевилась таким энтузиазмом, какого еще никогда не случалось мне видеть в наших войсках. Они кричали, бросали шапки вверх, многие, очень многие навзрыд плакали. Толпы народа бежали потом за государем с криками «ура!». Очевидно, что нынешняя война с Турцией вполне популярна.

По возвращении в город у государя была домашняя панихида, собственно для семьи, по случаю годовщины смерти покойного наследника Николая Александровича. Мне говорили, что 12-го же апреля была объявлена война с Турцией в 1828 году.

Во время завтрака у государя я читал ему полученные утром телеграммы и дипломатические депеши. В Константинополь прибыл новый английский посол Лейярд с надеждой сделать еще одну попытку к устранению войны; он предлагал Порте послать в Кишинев посла для приветствования государя. Турки отказались; тогда Лейярд, как пишут, объявил им, чтоб они не ждали поддержки от Англии.

11-го числа, то есть вчера, вечером, Нелидов объявил Порте, что прерывает все дипломатические с нею сношения, и посольство наше выехало из Константинополя в Одессу, оставив дома в Пере и в Буюкдере на попечении германского посольства. В Европе окончательно убедились, что война между Россией и Портой сделалась неизбежной.

Нанеся до обеда несколько визитов, я потом принимал у себя лиц полевого управления армии; обедал за свитским столом, а вечером занялся привезенными из Петербурга бумагами, писал письма к жене в Крым и дочерям в Петербург.

От жены получил телеграмму со станции Александровской с извещением о перерыве сообщения по Лозово-Севастопольской дороге. Жена, бедная, должна ожидать на плохой станции исправления дороги, подмытой разливом Днепра. Отовсюду приходят подобные же прискорбные сведения: разлив рек и дожди прервали многие линии сообщений не только на железных дорогах, но и на простых, грунтовых. Так же как и прошлой осенью, мобилизация производится при самых невыгодных условиях. Несмотря на то, из многих губерний получены

известия, что сбор запасных и комплектование войск производятся с полным успехом.

13 апреля. Среда. Утром имел доклад у государя; потом сделал визит архиерею, заехал опять к великому князю главнокомандующему и к румынскому агенту князю Гике; в 6 часов большой обед у государя.

Получены известия от передовых отрядов: казаки, перейдя границу около 5 часов утра по направлению от Кубей к Рени, были уже в 6 часов вечера в Галаце и у Барбошского моста; вслед за ними подошла к Галацу и пехота, сделав в одни сутки более 70 верст. Другие отряды дошли до Ясс, и хотя румынское железнодорожное управление отказывалось дать поезда для войск, однако же сегодня движение к Галацу продолжается.

Князь Гика сказал мне, что румынское правительство крайне оскорблено нашим внезапным вступлением в пределы Румынии без предварения князя и местных властей; не менее обижены они и прокламацией, сочиненной в Министерстве иностранных дел и разосланной румынскому населению от имени великого князя главнокомандующего. Чтобы несколько сгладить это невыгодное для нас впечатление, решено послать в Бухарест письма от государя и от великого князя с флигель-адъютантом князем Николаем Долгоруковым.

Из Тифлиса получено известие о переходе наших войск через границу на всех пунктах. Турецкие пограничные посты захвачены врасплох. На иных пунктах случились ничтожные перестрелки.

Телеграмма из Москвы извещает, что Городская дума, по первому известию об объявлении войны, положила открыть на счет города 1000 кроватей для раненых и сверх того поднести 1 миллион рублей в распоряжение ее величества для расходов по обществу Красного Креста.

К сожалению, погода сегодня опять испортилась: целый день льет дождь; дороги и улицы опять обратились в какую-то густую кашу. Какое затруднение для движения войск!

15 апреля. Пятница. Вчера продолжалась ненастная погода; сегодня дождя нет, но холодно и ветрено. От передовых войск нет ничего нового. В Измаиле приняли их с восторгом. На азиатском театре войны еще были стычки, на границе Аджарии. Вчера два турецких броненосца бомбардировали пост Святого Николая.

Сегодня приехал сюда действительный статский советник Нелидов, остававшийся в Константинополе после отъезда Игнатьева в качестве поверенного в делах. Государь принял его в присутствии Игнатьева, графа Адлерберга и моем. По рассказам его, турки никак не ожидали такого скорого и внезапного открытия военных действий. При выезде посольства из

Константинополя толпы народа провожали его сочувственно и почтительно, а когда поверенный в делах отчалил от берега на каике, многие христиане в толпе сняли шапки и крестились. Можно ожидать еще бóльших переворотов в Константинополе; положение нынешнего султана непрочно, он живет в постоянном страхе, окруженный вооруженной стражей.

Между тем получены из Парижа телеграммы о том, будто Порта уже заявила желание принять лондонский протокол, но ей отвечали: *tropo tardo*[122].

Московское купечество пожертвовало еще миллион рублей на раненых и семейства убитых.

16 апреля. Суббота. По случаю завтрашнего дня рождения государь приказал мне приготовить рескрипт на имя великого князя Николая Николаевича и приказ о назначении его шефом Волынского пехотного полка, а также приказ о назначении генерал-адъютанта Непокойчицкого шефом Минского пехотного полка; генерал-адъютанту графу Адлербергу предназначена награда – орден Святого Владимира 1-й степени, которого он еще не имеет, хотя уже несколько лет тому назад получил орден Святого Андрея Первозванного.

Перед обедом, после смотра вступившим в Кишинев войскам 9-й пехотной дивизии, я поднес все приготовленные приказы, рескрипт и грамоту на высочайшее утверждение. За обедом же государь, совершенно неожиданно для нас, провозгласил тост за трех новых шефов полков; в числе этих троих поздравил и меня шефом 121-го пехотного Пензенского полка и при этом сказал, что выбрал этот полк потому, что это первый полк 31-й пехотной дивизии – одной из новых, сформированных уже в мое управление Военным министерством и блестящим образом представившейся на первом высочайшем смотру в Бирзуле. Назначение шефом полка считается самой почетной и высшей наградой, особенно когда полку придается название по имени шефа.

На днях приехал сюда, в Кишинев, генерал Черняев. Изумляет меня оказываемая ему необыкновенная снисходительность: государь всё прощает ему и как будто сам желает, чтобы этот самодур был снова на службе. Сегодня утром государь сказал мне, что согласен на определение Черняева, но полагает отправить его в Кавказскую армию.

Я просил позволения предварительно телеграфировать об этом великому князю Михаилу Николаевичу, от которого вечером же получил ответ, что ему нежелательно назначение Черняева на Кавказ. Между тем получаю сейчас записку от государя, чтобы внести в завтрашний же приказ определение Черняева на службу,

с зачислением по Генеральному штабу.

17 апреля. Воскресенье. По случаю торжественного дня рождения государя была служба в соборе и большой парадный обед в зале клуба. Перед обедом государь смотрел еще одну проходящую через Кишинев пехотную бригаду. Вечером город иллюминован.

Получено известие из Бухареста, что палата огромным большинством голосов одобрила заключенную между Румынией и Россией конвенцию. Сегодня должно происходить по тому же предмету заседание сената.

Других примечательных новостей не получено. Турецкие броненосцы вторично обстреливали пост Святого Николая.

Черняева государь решил отправить на Кавказ, несмотря на нежелание великого князя Михаила Николаевича. Говорят, что приехал сюда и Ростислав Фадеев.

26 апреля. Вторник. Петербург. В последние два дня пребывания в Кишиневе и в продолжение всего путешествия через Одессу, Киев и Москву до Петербурга не было ни минуты свободной, чтобы заглянуть в дневник. А между тем неделя эта была обильна фактами и впечатлениями.

14-го числа государь смотрел еще один проходивший через Кишинев эшелон войск. Из Бухареста получены удовлетворительные сведения о решении сената относительно нашей конвенции. Однако же румынский князь все-таки не решился сам приехать в Кишинев, а прислал депутацию, которая прибыла только вечером 19-го, когда государь уже входил в вагон. В этот последний день пребывания государя в Кишиневе состоялся обед у великого князя главнокомандующего. К полуночи мы все съехались на станцию железной дороги, где государя провожали толпы народа с нескончаемыми криками «ура!».

Еще накануне отъезда из Кишинева меня неожиданно посетила моя невестка, Фредерика Михайловна Понсэ, которая приехала в Кишинев на несколько часов из своей усадьбы под Бендерами. Сын мой отдал ей визит в среду: он доехал до Бендер вместе со мною и предполагал, пробыв у тетки несколько часов, проехать потом в Одессу для некоторых закупок перед отправлением в поход.

Князь Сербский Милан прислал в Кишинев полковника Катаржи, своего дядю, чтобы получить указания государя относительно образа действий Сербии в предстоящую войну; вместе с тем князь Милан снова просил субсидии в один миллион. Предположено было немедленно командировать в Белград генерал-майора Свиты е. в. князя Имеретинского, чтобы

разъяснить действительное состояние Сербии и определить, насколько можно рассчитывать на ее содействие. Однако же впоследствии командировка эта была отменена; признали более удобным, по крайней мере на первое время, чтобы Сербия оставалась нейтральной полосой, как условлено конвенцией с Австрией. Да к тому же нет у нас и лишних денег. Румыния настоятельно просит субсидии в 5 миллионов франков аванса в счет будущих наших расплат за всё, что будет необходимо для армии во время прохода ее через румынскую территорию. Дело это должно было решиться в Петербурге, куда и уехал генерал Гика.

20 апреля, в среду, приехали мы в Одессу; погода разгулялась, и в первый раз мы почувствовали теплый весенний воздух. У самой станции железной дороги, на Куликовом поле, государь осмотрел два полка 15-й пехотной дивизии с артиллерией и двумя дивизионами кавалерии, местный полк и запасный батальон. Войска эти представились в отличном виде; только что сформированный местный полк, так же как и запасный батальон, ничем не отличались от полевых войск.

После смотра проехали мы вдоль морского берега, чтобы осмотреть батареи, возведенные прошлой осенью для защиты Одессы. Батареи эти имели грозный вид, с огромными 9- и 11-дюймовыми орудиями. Спустившись к гавани, государь переехал на катере на «поповку», вооруженную двумя 12-дюймовыми орудиями, и по данному сигналу открыта была пальба со всех батарей; миноносные пароходы двинулись вперед, к линии минного заграждения. При ярком солнце и огромном стечении народа на бульваре у гавани зрелище было внушительное. Одесса вовсе не имела вида города, ожидающего бомбардирования; паника, сначала овладевшая населением, преимущественно еврейским, скоро прошла; улицы, по которым проезжал государь, кишели народом.

Пробыв в Одессе всего 2½ часа, мы поехали далее в Киев, куда прибыли на другой день, 21-го числа, в полдень, и также пробыли там 2½ часа. Здесь государь был встречен еще бóльшими толпами народа, одушевленными неподдельным энтузиазмом. Погода была ясная, хотя и холодная. Сначала государь заехал в лавру, а потом произвел на эспланаде смотр войскам, которыми остался чрезвычайно доволен, так же как и во всех других пунктах, где происходили смотры. Присутствовавшие на этом смотру были особенно поражены отличным составом лошадей в приходивших за войсками обозах и парках. Во время всего путешествия государь много раз вслух замечал, какое удовольствие доставляет ему превосходное состояние армии.

Во время пути до Москвы приходили частые политические и военные известия. Из Вены, Берлина, Парижа, Рима сведения были вполне благоприятные. Неприятно было государю только решение германского правительства теперь же отправить в Константинополь послом принца Рейсса, бывшего посла в Петербурге. Австрия сочла необходимым последовать примеру Германии, отправив послом в Константинополь графа Зичи. Берлинский кабинет оправдывал свое распоряжение тем, что прибытие германского посла в Константинополь принесет пользу действительному покровительству русским подданным, оставшимся в Турции, и послужит противодействием британскому послу Лейярду, который, оставаясь в Константинополе единственным представителем Европы, получал полный простор в своих туркофильских происках.

Вопрос о принятии под покровительство Германии русских подданных, оставшихся в Турции, а под покровительство Англии – турецких подданных в России был предметом переписки в течение двух-трех дней. Сначала Порта объявила, что вовсе не дозволит русским подданным оставаться в Турции; но потом, вероятно, по совету той же Англии, уступила и согласилась на протекторат Германии. Новый британский посол в Константинополе хотя гласно заявлял, что Англия не намерена поддерживать Турцию в начатой войне, а в разговоре с Нелидовым (перед отъездом его из Константинополя) даже выражался в том смысле, что Англия в восточном вопросе преследует собственные интересы, однако же в действительности поддерживает по-прежнему самоуверенность Порты. На последний циркуляр князя Горчакова до сих пор ответила одна Англия; ответ этот неприязненный и резкий. Хотя Лондонский кабинет официально объявил, что намерен сохранять строгий нейтралитет, однако же английский флот усиливается в Средиземном море, у Корфу собирается эскадра; по-видимому, что-то замышляется относительно Египта, Дарданелл или Греции. Лондонский двор проникнут нерасположением к России; королева противится предполагавшейся поездке великой княгини Марии Александровны в Петербург, что причиняет крайнее огорчение государю и императрице.

22 апреля, в 10 часов вечера, прибыли мы в Москву. На всем пути преследовала нас ненастная и холодная погода; по сторонам дороги видны следы недавних разливов и наводнений; во многих местах еще лежали глыбы снега. Москва встретила государя, как и надобно было ожидать, с неописуемым энтузиазмом. Несмотря на накрапывавший дождь, все улицы до самого Кремлевского дворца были запружены народом. Но что было на другой день

утром в залах дворца и на площади между соборами – трудно описать. Когда в Александровской зале государь, выслушав приветственные речи дворянского предводителя и городского головы, отвечал им в кратких, но полных значения и чувства словах, то вся толпа, наполнявшая залу, пришла в какое-то восторженное состояние; всё бросилось к государю, так что с большим трудом можно было оградить его, императрицу, наследника и цесаревну; бóльшая же часть свиты была оттиснута. Когда государь вышел на Красное крыльцо, вся площадь огласилась громкими криками неподдельного энтузиазма. Обычным порядком государь прошел в Успенский собор, оттуда в Чудов монастырь и через Николаевский дворец возвратился к себе. Экипаж его едва мог двигаться среди густой толпы.

В час пополудни назначен был смотр войскам Московского гарнизона на Театральной площади; государь со всей свитой проехал верхом от Кремлевского дворца и до места смотра. Опять несметные толпы народа встречали и провожали его громкими криками. Войсками государь был очень доволен.

Между смотром и обедом во дворце я сделал несколько визитов и побывал в 3-м Александровском училище. Вечером был раут у генерал-губернатора князя Долгорукова.

На другой день, 24-го числа, после обедни в дворцовой церкви государь с прочими членами царской семьи и частью свиты отправился в Троице-Сергиеву лавру. К сожалению, опять погода была дождливая. Мне пришлось в первый раз быть в лавре, но не удалось осмотреть как бы следовало ее достопримечательности. Возвратились из лавры прямо на станцию Николаевской железной дороги, и в 6 часов вечера тронулся поезд.

25 апреля, в 10 часов утра, прибыли в Петербург. И здесь весь Невский проспект до Зимнего дворца был запружен толпами народа; на всем протяжении стояли войска шпалерами. Но какая разница между этим приемом и теми встречами, которые так недавно видели в Москве, Киеве, даже в Одессе. Всё чинно, сдержанно, смирно.

В тот же день, в час пополудни, было молебствие во дворце. Затем весь остальной день провел я частью в приеме начальствующих лиц министерства, частью в разборке накопившейся массы бумаг.

Сегодня явился я к докладу в мундире Пензенского пехотного полка. Государь с удовольствием увидел меня в этой форме и снова благодарил за всё, что видел в армии и на пути. Не в первый раз уже высказывал он мне в присутствии наследника, а иногда и других лиц, что теперь я должен быть вполне

удовлетворен за все несправедливые суждения и порицания, которые столько времени слышались в публике и даже в среде военных по поводу реформ, произведенных в мое управление Военным министерством. Успешная мобилизация значительной части армии, превосходное состояние войск, обильно снабженных по всем частям материального устройства, – всё это казалось чем-то неожиданным и служило фактическим, очевидным опровержением распущенных насчет нашей армии зловещих толков, которые до того уже успели укорениться в массе публики, что слухи о блестящем состоянии действующей армии произвели всеобщее удивление. Мне случалось много раз слышать поздравления с успехом; говорили, что Военное министерство выдержало экзамен блистательно; отъявленные враги замолкли, а некоторые даже покаялись и признали себя неправыми. Наконец, и европейская дипломатия выведена была из того заблуждения, в которое ввели ее неосновательные донесения некоторых легкомысленных агентов, передававших отголоски фрондеров петербургского яхт-клуба или статей «Русского мира».

После доклада моего было у государя совещание с канцлером и министром финансов. Тут решили вопрос о предстоящем образе действий Сербии, о просимой Румынией ссуде и, наконец, об отпуске денег для заграничных расходов действующей армии.

Работы так много, что и в несколько дней не справлюсь с накопившимися бумагами. Нечего было и думать о заседании Комитета министров. Я заперся в своем кабинете и никого не видел из посторонних.

27 апреля. Среда. Утром ездил в Аничков дворец с поздравлением по случаю дня рождения маленького Георгия Александровича. Потом было длинное заседание Военного совета. Телеграммы, полученные с обоих театров войны, не представляют ничего важного.

Сегодня утром приехал ко мне сербский агент Протич, чтобы вручить рескрипт князя Милана и грамоту на орден Такова 1-й степени. До сих пор наше правительство не признавало этого ордена и получившим его русским офицерам не разрешалось носить его. Теперь же, когда Россия находится в открытой войне с Портой, кажется, не существуют уже те политические соображения, по которым наше Министерство иностранных дел воздерживалось от формального признания за сербским князем права учреждать и жаловать ордена[123].

28 апреля. Четверг. Большой парад удался блестящим образом; погода ясная, теплая. Лишь кончился смотр снова – дождь и слякоть.

29 апреля. Пятница. По случаю совершеннолетия великого

князя Сергея Александровича происходила обычная торжественная церемония присяги. После того было у государя совещание относительно находящейся ныне в американских портах нашей флотилии. Еще в прошлом году осенью флотилию эту отправили из Средиземного моря, чтобы в случае войны с Англией угрожать ее торговле посредством крейсеров. Ныне, по-видимому, смелый этот план оставлен, как и намерение нашего генерал-адмирала идти с Балтийской эскадрой в Средиземное море. Появление наших судов в океане, конечно, не испугало бы Великобританию, а, напротив, послужило бы лакомой приманкой, которая могла даже ускорить объявление войны с ее стороны.

Между тем из Америки получено известие, что суда наши не могут рассчитывать на безопасное убежище в американских портах; правительство Соединенных Штатов заявило уже, что пребывание наших военных судов в портах было бы нарушением нейтралитета. Таким образом, разлетелись надежды наши и на заатлантических наших друзей.

После некоторых объяснений канцлера, великого князя Константина Николаевича и генерал-адъютанта Лесовского государь приказал, чтобы эскадра наша из Америки немедленно возвратилась в Балтийское море; он надеялся, что она успеет дойти до Кронштадта, пока Англия еще остается нейтральной. Судам же, находящимся в Сан-Франциско, велено идти в сибирские гавани Восточного океана. Решение это не понравилось только наследнику цесаревичу, который с досадой заметил, что таким образом мы отказываемся от единственного остававшегося способа применить в дело наши морские силы и нанести вред или по крайней мере угрожать Англии. Не берусь судить, в какой мере он прав; но так или иначе выходит, что мы вовсе бессильны на море и имеющиеся у нас кое-какие плавучие средства скорее составляют для нас обузу, чем подмогу.

Кроме того, решено сегодня же произвести великого князя Алексея Александровича в контр-адмиралы и приказать ему немедленно покинуть фрегат «Светлана», ввиду предполагаемого назначения его на Дунай.

Вечером получено по телеграфу известие, что на Дунае взорван выстрелами нашей батареи и пошел ко дну один из крупных турецких броненосцев.

30 апреля. Суббота. Сегодня при докладе государь сказал, что вчерашнее решение относительно великого князя Алексея Александровича отменено; он остается на эскадре и возвращается в Россию на своем фрегате.

Телеграммы из армии поясняют вчерашнее радостное известие об уничтожении турецкого броненосца: он погиб от

бомбы 6-дюймовой мортиры с береговой батареи.

3 мая. Вторник. После доклада ездил я на станцию Николаевской железной дороги, чтоб осмотреть первый санитарный поезд.

Решено, что государь около 21-го числа едет в Дунайскую армию; я сопровождаю его величество. Делаются большие приготовления: для конвоя при Императорской главной квартире формируются сборный батальон и сборный эскадрон из команд всех гвардейских полков; кроме того, отправляются на театр войны 4 эскадрона гвардейских казачьих полков. Опасаюсь, что пребывание государя в армии с огромной свитой, обозом, конвоем будет большим стеснением для главнокомандующего и затруднит его распоряжения.

4 мая. Среда. Заехал в Пажеский корпус на экзамены, потом председательствовал в Военном совете. Туда приехал граф Адлерберг – для некоторых совещаний со мною относительно предстоящей поездки государя в армию. Обедал у их величеств.

5 мая. Четверг. Осмотр государем топографических работ военного ведомства. Перед обедом был у меня французский посол Ле Фло с целью оправдать английского военного агента Велеслея, которого петербургское общество обвиняет в ложных и враждебных донесениях своему правительству о состоянии нашей армии. Распустили слух, будто бы генерал Ле Фло, как всегдашний приверженец России, имел крупное объяснение с Велеслеем и лордом Лофтусом; узнав об этом, Велеслей просил генерала опровергнуть распущенный слух.

6 мая. Пятница. Утром государь потребовал меня во дворец из-за доклада министра финансов о сделанных им новых распоряжениях относительно размера отпускаемого золота. На днях было секретное совещание у государя по поводу устроенной Рейтерном странной финансовой операции. Несмотря на возражения Абазы, решившегося наконец прямо отступиться от солидарности с Рейтерном, несмотря и на то, что Абазу поддержал Валуев, предложенная Рейтерном операция, почти унизительная для России, была утверждена.

Из Зимнего дворца заехал в Аничков дворец по случаю дня именин старшего сына наследника цесаревича. Позже был на смотру части артиллерийских парков, отправляемых отсюда в Киевский округ.

Был у меня граф Шувалов, только что приехавший из Лондона. По его словам, раздражение англичан теперь несколько уменьшилось; он даже считает возможным, по прошествии еще некоторого времени, войти с ними в соглашение относительно возможных результатов нашей войны с Турцией. Он думает, что

только этим путем можно устранить вмешательство Великобритании в войну.

Сегодня получены с Кавказа два известия: одно – благоприятное – об удачной атаке наших войск двух передовых укреплений Ардагана, другое – весьма прискорбное – об отступлении наших войск из Сухума и занятии его турками. Курьер привез наконец некоторые письменные объяснения кавказского начальства, которое до сих пор ограничивалось одними телеграммами. Но и полученные объяснения крайне поверхностны; видно одно – неуверенность и трусливость как в самом главнокомандующем, так и в помощнике его, князе Мирском. Оба они видят одни затруднения, жалуются на недостаточность сил (теперь на Кавказе всего до 212 тысяч человек) и, как по всему видно, помышляют более о самосохранении, чем о решительных действиях в Азиатской Турции.

7 мая. Суббота. По случаю двух успешно исполненных операций мобилизации государь поручил мне редактировать благодарственный рескрипт министру внутренних дел. Когда сегодня я поднес проект рескрипта на подпись государю, он объявил мне, что уже подписал рескрипт также на мое имя. Через несколько времени получил я рескрипт этот через графа Адлерберга.

Доклад мой сегодня был прерван совещанием, назначенным с государственным канцлером и графом Шуваловым. Последний прочел ноту, полученную им перед отъездом из Лондона от лорда Дерби; в ней в довольно умеренной форме изложены условия, при которых Великобритания может воздержаться от вооруженного вмешательства. Заявление это я нахожу весьма важным и разделяю мнение графа Шувалова, что оно может быть принято исходной точкой для дальнейших объяснений с Сент-Джеймским кабинетом в видах успокоения его подозрений и устранения вмешательства Англии в нашу войну с Турцией.

Из всех пунктов означенной ноты только один имеет для нас действительное значение: сохранение *status quo* относительно проливов и Константинополя; всё остальное – как, например, вопросы о Суэцком канале, о Персидском заливе и прочее – не имеет для нас в настоящее время ровно никакого значения, и непонятно, как английские сановники могут предполагать какие-нибудь с нашей стороны посягательства на эти отдаленные, недосягаемые для нас точки. Видно, у страха глаза велики и что у кого болит, тот о том и говорит.

Канцлер не дал высказаться графу Шувалову и начал было речь об автономии Болгарии, об устьях Дуная и т. д. Государь

перебивал его и горячо говорил, что не хочет принимать на себя никаких обязательств перед Англией в отношении Константинополя и проливов иначе, как разве при обязательстве Англии не вводить своего флота в проливы. Впрочем, в этом продолжительном разговоре не было существенного разномыслия; но, к сожалению, не было и логической системы; оттого разговор и остался без заключения.

После этого дипломатического совещания я продолжал свой доклад и окончил его так поздно, что опоздал не только к встрече жены на железной дороге (по возвращении ее из Крыма), но и в заседание Департамента законов, куда я был приглашен по трем делам и между прочими по давнишнему делу – о правилах призыва войск для усмирения народных волнений и беспорядков.

После вчерашнего прискорбного известия с Кавказа о занятии турками Сухума сегодня мы были обрадованы известием о взятии нашими войсками Ардагана. Занятие этого укрепленного пункта весьма облегчает наше положение на театре войны и дает возможность усилить главный корпус, направленный к Карсу.

8 мая. Воскресенье. Во дворце после обедни прошло благодарственное молебствие по случаю взятия Ардагана, с пушечной пальбой из крепости; потом развод на площадке перед дворцом, а затем у государя совещание с князем Горчаковым и Рейтерном. Предметом совещания были новые требования румынского правительства о субсидиях и разных с нашей стороны гарантиях. Решено было все подобные домогательства отклонить. Затем канцлер прочел проект ответной ноты на привезенные графом Шуваловым заявления Лондонского кабинета.

В 3 часа их величества, вся царская фамилия и многочисленная публика собрались на станции Николаевской железной дороги по случаю отправления санитарного поезда, устроенного попечениями общества Красного Креста. Поезд этот (который я видел уже на прошлой неделе) был осмотрен их величествами и после молебствия отправился на театр войны.

16 мая. Понедельник. Работы у меня столько, что в продолжение целой недели не имел я возможности заглянуть в свой дневник. К тому же с переездом в прошлое воскресенье царской фамилии в Царское Село приходится мне опять ездить туда через день и возвращаться только к трем часам.

В субботу после моего доклада было опять у государя совещание с канцлером и с графом Шуваловым. Читался проект ответной ноты английскому правительству и инструкции нашему послу в Лондоне для дальнейших объяснений по поводу заявленных лордом Дерби условий английского нейтралитета. Теперь главная забота канцлера состоит в том, чтоб успокоить

британскую щепетильность и раздражительность, а для этого князь Горчаков с графом Шуваловым готовы наложить строгую узду на наши собственные действия. Государь, напротив, ревниво противится давать какие-либо обещания, которые преждевременно связали бы наши военные действия и лишили бы нас всякой надежды на плоды наших успехов. При этих совещаниях каждый раз выказывается, как смутно канцлер понимает вопросы восточной политики и как мало выработаны планы Министерства иностранных дел.

С обоих театров войны приходят сведения довольно благоприятные, однако же и не без теней. На Дунае удалось взорвать еще один турецкий монитор[124]; моряки наши показали себя молодцами; войска подвигаются, хотя и медленно; но продолжающиеся сильные дожди причиняют повсюду громадные повреждения: мосты на румынской железной дороге рушатся, движение беспрестанно прерывается.

С Кавказского театра войны после взятия Ардагана получены только сведения о возвращении главных сил Лорис-Меликова к Карсу; но в то же время весьма грустные известия приходят из Абхазии и Черноморского округа. Отряд генерал-майора Кравченко с трудом открыл себе путь к отступлению, понес потери и перешел на левый берег Кодора у села Наа. Тут уже присоединился он к подошедшим подкреплениям.

Несколько тысяч черкесов, прежних переселенцев с Кавказа, вышли на берег около Адлера; стоявший тут пластунский батальон[125] с большим трудом отступил горами на соединение с отрядом полковника Шелковникова у реки Сочи. Из Кубанской области выдвинуты части войск для преграждения неприятелю путей на северную сторону Кавказского хребта.

18 мая. Среда. Рассчитывая иметь сегодня всё утро в своем распоряжении, я поехал в военные училища, чтобы проститься с выпускниками, но среди этих разъездов случайно наткнулся на фельдъегеря, который объявил, что меня ищут по всему городу и государь ждет меня во дворце. Я вспомнил, что государь имел намерение приехать в город, но не был предупрежден, что будет совещание по политическим делам.

Приехав во дворец, я нашел в кабинете за большим столом, кроме государя и канцлера, также и трех послов – графа Шувалова, Новикова и Убри. Читали опять инструкцию, составленную для графа Шувалова в предстоящих ему объяснениях с британским правительством. Государь очень горячо восставал против некоторых мест проекта, находя, что мы слишком уж уступчивы и, начиная войну, связываем себе руки только ради успокоения Англии. Места эти были изменены, хотя

граф Шувалов очень упорно отстаивал необходимость некоторых ограничений в наших планах и предположениях. Государь с горечью говорил о наших государственных людях, которые доводят боязнь войны до того, что сами кричат о нашем бессилии; он прямо указал на министра финансов и припомнил записку, поданную им в Ливадии прошлой осенью. Толки и пересуды в петербургских салонах причинили нам немало вреда, и чем более мы показывали смирения и кротости перед иностранцами, тем они становились нахальнее. Те же слова повторил государь, когда по окончании совещания мы остались вдвоем в кабинете; он прибавил, что высказанное им в совещании послужит полезным уроком для наших трех послов.

26 мая. Четверг. Плоешти. В прошедшую субботу, 21-го числа, было в Царском Селе напутственное молебствие, после которого я возвратился в город, распростился со своей семьей, а в 9 часов вечера опять выехал в императорском поезде по Варшавской железной дороге. До Царского Села доехал я со старшей дочерью Лизой. Государь с наследником цесаревичем и с великим князем Сергеем Александровичем сели в поезд в 11 часов вечера. В свите были, кроме графа Адлерберга, князь Горчаков, князь Суворов, Амбургер, Посьет (до границы), а затем чины военно-походной канцелярии. Доктор Боткин заболел, и вместо него ехал с нами доктор Головин.

Путешествие совершалось обычным порядком. Попеременно присоединялись к поезду местные генерал-губернаторы и командующие войсками (Альбединский, граф Коцебу, князь Дондуков-Корсаков, Дрентельн, Семека). Чем далее подвигались к югу, тем становилось жарче, так что в последние дни мы совсем раскисли.

24 мая вечером переехали границу в Унгени. Здесь государя встретил румынский министр иностранных дел Когэлничану. Сам князь Карл намеревался выехать на границу, но государь отклонил эту встречу, и условлено было, что румынский князь приедет в Плоешти на другой день по приезде туда государя.

Первая встреча на румынской земле, в Яссах, была блистательна: толпа народа приветствовала криками «ура!»; военная музыка – русская и румынская – гремела, ей вторил хор певчих; митрополит говорил речь. Затем в зале станционного дома, украшенной на этот случай лучшими картинами из местной галереи, представились государю прибывшие для встречи его величества первый министр Братиану, бывший военный министр, а ныне начальник Главного штаба полковник Сланичану и генерал Флореску (побывавший два года тому назад в Петербурге), а также местные власти и иностранные консулы.

Отъезд из Ясс сопровождался трагическим случаем. При выходе на платформу государь заметил в толпе раненого русского офицера Кузминского, известного многими своими беспутными проделками: несколько раз был он под судом, разжалован, снова выслуживался, получил в Туркестане Георгиевский крест и напоследок, в прошлом году, снова попав под суд, бежал в Сербию и не являлся в полк, так что наконец последовало повеление отыскать его и, арестованного, прислать в Варшаву, к суду. Судьба хотела, чтобы он попал прямо на глаза государю, который, узнав его, сейчас же приказал арестовать и отправить в Кишинев. Едва государь отошел к вагону и общее внимание обратилось на отходивший царский поезд, как сумасбродный Кузминский тут же на месте заколол себя кинжалом.

Из Ясс выехали мы в 11 часов вечера – ровно через трое суток по отъезде из Царского Села. На следующий день, 25-го числа, подъезжая утром к Барбошскому мосту на Серете, мы увидели следы опустошений, причиненных разливом вод: железная дорога во многих местах была совсем затоплена; сообщение восстановлено только усиленными трудами наших войск.

На станции Барбошской опять была шумная встреча; тут в толпе большинство составляли уже русские генералы и офицеры. В числе их встретился я с моим сыном, который прикомандирован к казачьему отряду в Галаце. Тут только я узнал, что ему довелось быть в смелом поиске за Дунай для осмотра дорог на правой стороне реки. Он и несколько других офицеров были посланы с небольшим числом казаков. Турки, заметив их, выдвинули войска из Матчина; мониторы стреляли по ним при обратной переправе. Наши смельчаки поплатились только тем, что выкупались, как говорят, по пояс в водах Дуная.

В Браилове – опять блистательная встреча государя. Здесь ожидал великий князь главнокомандующий со своим начальником штаба и некоторыми близкими лицами.

Далее на всем пути, почти на всех станциях – такие же встречи, с музыкой, с почетными румынскими караулами, букетами, спичами и проч. День был невыносимо жаркий. Мы все порядочно осовели и рады были, когда добрались до Плоешти. Здесь мы немедленно разбрелись по отведенным квартирам. Меня поместили в нескольких шагах от дома, занятого государем; встретили меня приехавшие вперед адъютант мой полковник Лярский и полковник Генерального штаба Лобко.

Сегодня утром, несколько отдохнув и оправившись от вчерашнего утомительного дня, пошел я к государю и попал прямо к молебствию, после которого имел короткий доклад, а в

полдень приехал румынский князь Карл. У крыльца дома, занятого государем, выставлен был почетный караул из гвардейских казаков. Его величество встретил князя Карла весьма дружественно, представил ему находившихся при этом лиц своей свиты и вместе с князем вошел в свои покои. Но свидание их было непродолжительно: в то самое время вступал в город только что прибывший по железной дороге гвардейский отряд. Государь и румынский князь сели верхом и с частью свиты выехали навстречу гвардейцам. После завтрака князь уехал обратно в Бухарест.

Потом государь говорил, что разговором своим с князем Карлом остался вполне доволен и убедился, что не он, а его министры придумывают разные затруднения и каверзы, начавшиеся с первого нашего шага в Румынии.

Великий князь Николай Николаевич заехал ко мне и пробыл с полчаса. Его очень озабочивает приезд государя и неизвестность намерений его величества. Оказывается, в одном из собственноручных писем к великому князю государь упомянул о предположении своем вступить лично в командование армией, с предоставлением в таком случае великому князю роли начальника штаба. Предположение это, разумеется, встревожило не одного великого князя, но и его штаб и всех окружающих его. Это было бы крайне неудобной, даже несчастной комбинацией. Я советовал его высочеству не заговаривать самому об этом щекотливом вопросе и ожидать разъяснения.

Обедал я у государя; после обеда пили кофе в саду, под тенью большого орешника.

Получены две приятные телеграммы: одна – о благополучном прибытии нашей эскадры и с нею великого князя Алексея Александровича из Америки в Брест, а другая – об успешных действиях наших войск в Азиатской Турции. Последняя эта телеграмма подтвердила полученные еще утром частные телеграммы из Константинополя о полном отчаянии Мухтар-паши и расстройстве его войск.

Сегодня вечером, 26-го числа, отправлен отсюда в Петербург первый фельдъегерь. Писал с ним к жене.

27 мая. Пятница. В 10 часов утра государь со всеми здесь находящимися членами царской семьи отправился в Бухарест; сопровождали его князь Горчаков, граф Адлерберг, генерал-адъютанты Мезенцов, Стюрлер и я. День был очень жаркий. На пути на нескольких станциях крестьянские девушки осыпали императорский вагон множеством цветов, в особенности роз. В Бухарест прибыли в 11¾ часов; на станции встретили государя румынские князь и княгиня с многочисленной свитой,

министрами и другими высшими чинами. Митрополит сказал приветственное слово; городской голова (мэр) произнес весьма сочувственную речь, называя Россию освободительницей Румынии, что было особенно замечено в устах одного из корифеев ультра-либеральной партии.

Со станции провезли нас в придворных экипажах по лучшим улицам города до дворца; эскорт, экипажи, ливреи, – всё было более великолепно, чем можно было ожидать от такого маленького двора. Улицы переполнял народ, и прием был самый радушный. С балконов и окон сыпались цветы; всюду флаги, гирлянды, крики «ура!». У дворца выставили почетный караул от стрелкового батальона, в обмундировании по образцу итальянских берсальеров. Во дворце после непродолжительного представления князю и княгине лиц императорской свиты нас пригласили к завтраку за гофмаршальским столом, а в 2 часа мы уже ехали обратно на станцию железной дороги, с той же торжественностью.

Вообще, прием в Бухаресте произвел на нас приятное впечатление. Государь по-прежнему вполне доволен своими беседами с князем Карлом. Княгиня [Елизавета], урожденная принцесса Нойвид, близкая к нашему царскому дому, жила даже некоторое время в Петербурге, у покойной великой княгини Елены Павловны, и сохранила благоговение к своей тетке. Заметив меня, она сейчас же вспомнила, что видела меня у великой княгини и я был тогда в числе лиц, пользовавшихся особенным ее благоволением. Фрейлина княгини, девица Розетта, рядом с которой довелось мне сидеть за завтраком, также подтвердила, что не раз слышала обо мне от княгини, которая всегда вспоминает с удовольствием о своем пребывании в Петербурге.

На возвратном пути, в вагоне, я читал вслух государю реляцию о взятии Ардагана, только что привезенную офицером Нижегородского драгунского полка Панчулидзевым.

Возвратились мы в Плоешти к четырем часам, порядочно утомленные. Сегодня утром приехал из Галаца навестить меня мой сын. Вечером собрались у меня несколько лиц: начальник болгарского ополчения генерал-майор Столетов, командующий 2-й бригадой ополчения флигель-адъютант князь Леонид Дмитриевич Вяземский и состоящий при ополчении пока без должности подполковник Павел Николаевич Попов.

30 мая. Понедельник. После поездки в Бухарест живем мы в Плоешти, в постоянной транспирации от жара. Вчера только порадовались хорошему летнему дождю. Жизнь наша однообразна. Каждый день по утрам государь встречает один из

проходящих эшелонов войск; вчера, в воскресенье, были у обедни в одной из городских церквей, а к обеду приехали князь и княгиня румынские. Но посещение их было совершенно семейное; никто из нас даже не был при встрече, к царскому столу никто, кроме императорской семьи, приглашен не был; прибывшие с князем два гофмаршала и два флигель-адъютанта обедали с русской свитой за гофмаршальским столом.

В последние дни окончательно обдуман план переправы через Дунай. Чтобы вернее скрыть истинный пункт переправы, предположено сначала сделать ложную переправу около Браилова, куда намерен ехать и сам государь. Вода в Дунае еще очень высока; всё нужное для настоящей переправы может быть подвезено не ранее 15 июня, поэтому и демонстрацию у Браилова положено произвести не ранее 6-го числа.

Генерал Игнатьев поднял весьма щекотливый вопрос по поводу данной графу Шувалову секретной инструкции, в которой заключалось несколько крайне неудобных для ведения предстоящей кампании пунктов. Игнатьев указал на эти пункты великому князю главнокомандующему, который вчера из-за этого приехал советоваться со мной. Я подал мысль, чтобы его высочество предложил государю собрать совещание, что и было сделано сегодня утром.

Бедный наш канцлер разыграл роль зайца, травимого несколькими борзыми, особенно по вопросу о будущей участи Болгарии. Уже при совещаниях в Царском Селе и Петербурге, в присутствии графа Шувалова, я не раз настойчиво объяснял невозможность разделения Болгарии на Придунайскую и Забалканскую и объявления, в случае мира, совершенно различных условий для той и другой части. Мне казалось, что государь со мною соглашался и граф Шувалов и канцлер не оспаривали, а между тем в окончательной редакции оказалось резкое различие в предполагаемых условиях. Против этого преимущественно и восстали сегодня князь Черкасский и Игнатьев; в особенности первый высказал свой взгляд весьма положительно и настойчиво. Дело было так ясно, что наш престарелый канцлер вынужден был сделать уступку и тут же проектировал телеграмму к графу Шувалову об изменении означенного пункта инструкции.

Поразительно, как подобные важные вопросы трактуются легко и поверхностно нашим канцлером. И кто знает, не сделан ли уже графом Шуваловым промах в его многоречивых беседах с британскими дипломатами. По донесению Убри, в Берлине не могли скрыть удивления, услышав от него о наших скромных заявлениях, которыми мы при самом начале войны заранее и

добровольно связываем себе руки.

3 июня. Пятница. Продолжаем свое однообразное житье в Плоешти. Князь Карл еще раз приезжал сюда повидаться с государем, совершенно частным образом. В последние дни были опять политические совещания, в которых, кроме обычных лиц, принимали участие генерал Игнатьев, Непокойчицкий и князь Черкасский.

Телеграмма насчет судьбы Болгарии, отправленная в понедельник графу Шувалову, поставила, конечно, в весьма затруднительное положение нашего посла, который, как оказалось, по приезде в Лондон не замедлил выболтать лорду Дерби всё, что было сказано в секретной инструкции. Поэтому граф Шувалов ответил, что затрудняется отменить сделанное уже им заявление и предпочитает прервать переговоры по поводу какого-нибудь другого пункта. Во вчерашнем совещании положено было подтвердить графу Шувалову, что мы, не желая прерывать начатых с лондонским двором объяснений, но и не придавая им значения формальных негоциаций, находим, однако же, необходимым заранее заявить наши соображения в отношении Болгарии, дабы потом не вышло опять каких-нибудь сомнений насчет нашей искренности и честности.

Сегодня получен на это ответ Шувалова в том смысле, что лорд Дерби, выслушав новое наше заявление, полагает, что оно не будет принято Портой и *поэтому* теперь нет никакого смысла продолжать переговоры по этому вопросу. Все участвовавшие в совещании, не исключая и самого канцлера, нашли такой ответ благоприятным: стало быть, Лондонский кабинет сам устраняется от предварительного решения вопроса о Болгарии, предоставляя это соглашению нам с Портой, и на этом начатые переговоры могут быть прерваны.

Конечно, не того желали канцлер и граф Шувалов. Они надеялись уладить дело с Англией так, чтобы избегнуть войны, не допустив даже перехода нашей армии за Дунай. В таком смысле заговорили во всех петербургских салонах; в таком же смысле говоруны в военных мундирах распространили слух в самой армии; наконец, в таком же смысле начали толковать и в Константинополе, где вообразили, что мы вовсе и не намерены переходить за Дунай и еще менее за Балканы, а ограничимся наступательными действиями в Азиатской Турции. Вследствие этого, как пишут, велено прекратить работы по укреплению Адрианополя и балканских проходов.

Между тем наши войска почти уже все дошли до назначенных им пунктов; еще перевозятся по железной дороге понтонные парки и другие тяжести, а затем ожидаются войска 4-го корпуса.

Главнокомандующий надеется совершить переправу через Дунай 12-го числа; место переправы держится в строгой тайне, хотя в иностранных газетах и указываются разные пункты в средней части течения. К сожалению, до сих пор вода в низовьях Дуная не спадает, стоит на 16 футов выше ординара; поэтому мысль о демонстрации в Браилове прежде настоящей переправы уже оставлена.

Сегодня велись рассуждения о поездке государя на место переправы; вопрос этот крайне озабочивает главнокомандующего. Нелегко государю перемещаться с громадной свитой и обозом. Поэтому предполагается, что на первый раз государь отправится только с небольшой частью свиты, налегке; но понятия эти относительные: по расчету выходит все-таки 10 экипажей, которые должны быть заблаговременно отправлены по железной дороге в Слатину. Графу Адлербергу приходится ломать голову, как уладить дело так, чтобы никто не жаловался на отсутствие привычного комфорта. При этом он мне сказал, что Императорская главная квартира ныне состоит из шестисот лиц, не считая конвоя и гвардейского отряда.

Из Главной же квартиры главнокомандующего многие начали уже разъезжаться.

Несколько дней тому назад получены по телеграфу известия о новых попытках парохода «Константин» взорвать турецкие броненосцы в устье у Сулина, но, кажется, опять неудача. Пароход возвратился в Одессу благополучно, но не досчитался одного катера (лейтенанта Пущина), для разыскания которого послан пароход «Аргонавт»; однако же никаких следов не найдено.

4 июня. Суббота. Сегодня приехал князь Сербский Милан с многочисленной свитой; в числе ее были Ристич (министр иностранных дел), Протич, Хорватович, Лешанин, затем полковник Катаржи (который приезжал уже в Кишинев) и другие. Князь Милан приехал в полдень по железной дороге; великий князь Николай Николаевич встретил его на станции и привез к государю.

Свита государева собралась у подъезда; мы были запросто, в сюртуках и фуражках, но в шарфах. Государь встретил князя в первой комнате и сейчас же представил ему всю свою свиту, а затем князь Милан представил свою. Государь с князем Миланом и великим князем Николаем Николаевичем вошли в кабинет, а обе свиты отправились к завтраку, в дом префектуры.

Встреча была холодная; князь Милан явно чувствовал себя неловко; государь даже не подал руки Ристичу. О разговоре его величества с князем узнал я позже от самого государя: с первых же слов князь Милан заявил, что предоставляет себя и свое

княжество в полное распоряжение императора и просит у него указаний, как сын у отца. Государь отвечал, что будет говорить с ним с такой же откровенностью, как отец с сыном; что, доверяя чистосердечию и честности самого князя Милана, напротив, не имеет никакого доверия к его правительству и в особенности к Ристичу. Князь Милан не защищал Ристича, но сознался, что держал и держит его единственно потому, что не имеет человека, который мог бы его заменить.

Затем, оставив в стороне всякие укоры за прошлое, государь объяснил князю Милану настоящее положение дел и тот образ действий, который предстоит Сербии: на первое время держаться спокойно и смирно, но готовиться к тому, чтобы по переходе нашей армии за Дунай примкнуть к нашему правому флангу и тогда действовать не иначе, как по указаниям нашего главнокомандующего. Князь Милан принял все эти наставления беспрекословно, но вышел из кабинета государева смущенным.

Государь сказал мне, что увидит перед обедом Ристича и намерен высказать ему строго всю правду. В чем именно заключался этот разговор, я пока не знаю; но за обедом, к которому были, разумеется, приглашены все сербские гости, я видел, что Ристич сидел как приговоренный к смерти.

После обеда я возобновил знакомство свое с Ристичем, Протичем и Лешаниным, которые все трое бывали в Петербурге, а также познакомился с прочими; но не было ни времени, ни случая завести с ними какие бы то ни было разговоры. Некоторые из них даже затрудняются говорить на иностранных языках, а по-русски или по-сербски разговор не совсем удобопонятен для обеих сторон.

После обеда Игнатьев (который всегда очень охотно издевается над своим начальством) рассказывал мне, что князь Милан поставлен в большое затруднение и недоумение: будто бы канцлер в разговоре с ним говорил ему совершенно другое, чем то, что слышал он от государя. Дело странное, но вполне возможное.

Сербские наши гости остаются и на завтрашний день. Сам князь и его свита заезжали ко мне, и, конечно, я отдал им визиты.

Сегодня же утром, во время утреннего чая, государь обсуждал свои предположения о поездке к месту переправы. Несмотря на попытки великого князя Николая Николаевича, графа Адлерберга, Непокойчицкого и мои отклонить государя от преждевременного прибытия к месту переправы, он все-таки остался при своем решении – приехать туда 11-го числа, к самому началу действий, то есть к открытию огня с батарей, а прежде того сделать поездку в Браилов и Галац. Завтра утром уже

отправляется передовой легкий обоз. Остальная часть Главной квартиры двинется отсюда только по отъезде государя, прямо к Журжеву (по железной дороге).

7 июня. Вторник. Отъезд государя отсюда сначала в Галац и Браилов, а затем через Бухарест и Слатину к месту главной переправы откладывается день за днем по причине задержек в приготовлениях к переправам. Сегодня от генерала Циммермана из Браилова получена телеграмма, что он может начать действия в Галаце и Браилове только в пятницу и субботу, поэтому предположенный на завтра отъезд государя отложен до четверга. К тому же ожидают в четверг приезда великого князя Алексея Александровича. Главнокомандующий намерен завтра же отправиться к месту главной переправы.

Между тем дипломатия наша не перестает копошиться и противодействовать военным планам. Граф Шувалов, недовольный последними повелениями государя относительно Болгарии, извещает, будто эта именно перемена в инструкциях возбудила снова воинственное настроение в Лондонском кабинете и в Англии решили приготовить десантный корпус. Дипломаты наши делают как будто нарочно всё, что может преждевременно и совершенно напрасно встревожить другие кабинеты. В английской ноте нас спрашивали только о вопросах, которые специально затрагивают морские интересы Англии и в которых мы, со своей стороны, могли вполне успокоить опасения ее, не делая даже никаких уступок. Мы же, в ответ на это, выложили всю нашу программу и затронули вопросы о будущем устройстве христианских областей Турции. Мало того, те соображения, которые после долгих обсуждений заявлены были для сведения нашего посла в Лондоне в *секретной* инструкции, немедленно и целиком объявлены английским дипломатам и в то же время берлинскому и венскому правительствам.

Клевреты нашего канцлера разгласили, будто Россия вовсе и не намерена вести серьезную войну, а канцлер для того и сопровождает государя, чтобы заключить мир при первой возможности и уж во всяком случае не переходя Балкан, и что всё дело разыграется в течение лета конгрессом где-нибудь в Швейцарии. Весьма правдоподобно предположение, что, действительно, у нашего престарелого канцлера преобладает давнишняя мечта о конгрессе и он даже во сне видит, какую роль будет сам играть на этом конгрессе, чтобы закончить с блеском свое дипломатическое поприще.

От семьи получил я известия, что все разъехались в разные стороны: жена с двумя дочерьми (Надеждой и Еленой) на Друскеникские воды, дочь Ольга – в Подмосковье к графине

Олсуфьевой, Маруся с племянницей – в Бессарабию, в имение Евгения Михайловича Понсэ; осталась в Царском Селе только старшая дочь Елизавета.

9 июня. Четверг. Отъезд опять отложен на один день. Утром, во время моего доклада, приехал из Браилова прикомандированный к Генеральному штабу поручик Гершельман, курьером от командира 14-го корпуса генерал-лейтенанта Циммермана, который уведомляет начальника штаба армии, что из-за недостатка в средствах к переправе и в особенности по причине продолжающегося обширного разлива он должен исполнить предположенные действия в Галаце и Браилове сутками позже и считает всё это предприятие крайне рискованным. За отъездом начальника штаба генерал-адъютанта Непокойчицкого вместе с главнокомандующим конверт был распечатан самим государем, который и приказал немедленно отложить наш отъезд.

В последние дни несколько раз являлись ко мне известные евреи-аферисты Варшавский и Поляков с предложением быстрой, в три месяца, постройки военной железной дороги от Бендер до Галаца, сокращающей наш путь сообщения чуть не на 250 верст. Дело само по себе полезное; государь сочувствует ему и приказал спросить мнения министров финансов и путей сообщения. По вызову моему сегодня приехал сюда заведующий военными сообщениями армии инженер Горчаков; с его помощью надеюсь привести дело в такой вид, чтобы можно было отправить проектированный договор на обсуждение названных министров.

11 июня. Суббота. Полученные в течение вчерашнего дня телеграммы от генерала Циммермана показывают, что он не имеет окончательного плана действий и колеблется. Одной из этих телеграмм он извещал, что решился уже в ночь на 10-е произвести переправу на судах в Галац, а предприятие из Браилова в Мачин отлагает до воскресенья; другой же – что переправа у Галаца исполнена удачно, хотя с потерями; переправу же в Браилове невозможно произвести и в воскресенье. Государь уже колебался, ехать ли ему туда или совсем отказаться от этой поездки; однако же решил все-таки ехать, и вчера, в 9 часов вечера, мы отправились по железной дороге, а сегодня, еще до свету, прибыли в Браилов, где не нашли генерала Циммермана. Расспросив тех, кого нашли там из военного начальства, продолжали путь до Галаца, куда приехали около 5 часов утра. Оказалось, что мы разъехались с генералом Циммерманом, который в то же время проехал на пароходе в Браилов.

Оставалось только взглянуть на раненых, привезенных с поля сражения в галацкий госпиталь; их было уже до 90 человек, но

прибывали еще вновь привозимые. Из привезенного капитаном Гершельманом донесения генерал-майора Жукова видно, что бой накануне был горячий. Государь обошел все палаты, ободряя раненых ласковым словом, одного офицера наградил Георгиевским крестом, потом осмотрел лагерь Московского пехотного полка и поехал обратно в Браилов, куда мы прибыли около 9 часов утра. В Браилове осмотрели бивак расположенных тут войск, а потом батарею, построенную против выхода из Мачинского рукава, ту самую, выстрелы с которой потопили первый турецкий броненосец. С этой батареи отлично видна вся местность за Дунаем до Мачина и возвышенности, на которой вчера бригадой генерал-майора Жукова занята позиция.

Против того места, где мы стояли, на возвышенном берегу Дуная наведен мост на козлах. К сожалению, мостом этим невозможно пользоваться, так как на правом берегу местность до гор и Мачина еще под водой. Вот почему генерал Циммерман и находит большие затруднения в исполнении предположенной тут переправы, а между тем положение отряда Жукова за Дунаем не совсем безопасно.

В самом Браилове не было положительных сведений о том, занят Мачин турками или оставлен; кто-то утверждал, будто этот городок уже занят нашими войсками; но откуда же они могли взяться? Сам генерал Циммерман сознался, что ничего наверное не знает и только намеревается еще произвести разведку, а затем сообразит, можно исполнить предположенное движение к Мачину по камышам или придется совсем отложить его. В таком положении оставили мы дело в Браилове, уехав оттуда в 11 часов утра. В Плоешти возвратились к 4½ часам.

В Галаце я только несколько минут видел своего сына, для которого приезд наш стал совершенным сюрпризом.

Поздно вечером получили от генерала Циммермана телеграмму о том, что он, узнав об оставлении Мачина турками, прибыл туда на судах с Бородинским пехотным полком и занял город без выстрела. Духовенство и жители-христиане вышли навстречу с иконами, хоругвями и пением по-русски многолетия русскому царю. Бородинский полк расположился в городе; генералу Жукову приказано двинуться туда же. Известие это успокоило государя, который был доволен тем, что первый неприятельский город за Дунаем занят полком имени его величества.

13 июня. Понедельник. Вчера и ночью получено несколько телеграмм с разных пунктов Дуная. Турки, по-видимому, очистили весь правый берег нижнего Дуная; генерал Циммерман уже занимает Тульчу, Исакчу, посылает отряды к Бабадагу и

намеревается вводить управление в Бабадагской области. На среднем Дунае предпринято нашими моряками несколько новых попыток против турецких пароходов; но теперь эти смелые предприятия как-то не удаются: мины не действуют; несколько офицеров и художник Верещагин ранены.

Сегодня утром было довольно хлопот и суеты: следовало телеграфировать Циммерману и великому князю главнокомандующему, в то же время разбирать и докладывать государю бумаги, привезенные срочным курьером из Петербурга, а в промежутках – смотр проходившей колонны 13-го корпуса и приезд дона Карлоса, который, впрочем, должен сейчас же уехать обратно в Бухарест.

Мы выезжаем сегодня же в 4 часа дня через Бухарест в Слатину, где ночью пересаживаемся в экипажи для дальнейшей поездки к Дунаю.

15 июня. Среда. Драча. Около полуночи 14-го доехали по железной дороге до Слатины и здесь простояли почти до 3½ часов утра в ожидании прибытия экипажей, перекладки вещей и разборки полученной от князя Горчакова из Бухареста шифрованной телеграммы. Канцлер выехал из Плоешти в одном поезде с государем, но вагон его отцепили на последней станции перед Бухарестом, где канцлер и должен остаться. С государем поехал из дипломатов один Амбургер, который и разобрал телеграмму; она оказалась довольно важной. Новиков сообщает, что венское правительство, не считая себя вправе ныне вмешаться в борьбу между Черногорией и Турцией, объявит, однако же, что в случае, если турки будут угрожать независимости Черногории или позволят себе жестокости с населением края, Австро-Венгрия сочтет своим долгом действовать не только дипломатически, но и оружием. Вместе с тем, по донесению Новикова, Венский кабинет в ответ на английскую ноту советовал Лондонскому кабинету признать удовлетворительными заявленные графом Шуваловым условия, на которых Россия согласилась бы заключить мир с Турцией, не исключая даже и предложения нашего о срытии крепостей между Дунаем и Балканами.

От Слатины помчались мы в десяти экипажах по дороге, ведущей вдоль левого берега Алуты[126] к Турну и Никополю. Не доезжая до этих пунктов, повернули влево, к высокому кургану, с которого открывается обширный вид на всю долину Дуная от устья Алуты до Систова и далее. На этом-то протяжении должен совершиться переход через Дунай.

На кургане была уже заранее разбита государева палатка; здесь встретил государя великий князь Николай Николаевич со своим штабом и присланной заранее частью императорского

Конвоя. С высоты этого кургана государь мог видеть действия наших батарей, устроенных от устья Алуты до Фламунды и еще накануне открывших сильный огонь против Никополя и турецких батарей, под огнем которых должны проходить наши понтоны, суда, паромы и мостовые материалы, приготовленные на реке Алуте. Часть понтонов уже прошла в ночь на 14-е, несмотря на присутствие двух неприятельских канонерок у Никополя. В то же время производились маневры в Ольтенице, где несколько уже дней делали вид, что готовятся к переправе.

Пробыв на кургане часа три или более, государь и вся свита продолжали путь к селению Драча. Здесь в простеньком доме приготовили помещение для государя; для нас уже разбиты палатки; обед был готов в обыкновенное время; вся обстановка более напоминала красносельские маневры, чем настоящую войну. Сам государь, окруженный почти всей своей семьей, сделал то же замечание. Однако ж в душе он не был так спокоен, как на маневрах: большую часть ночи не спал от волнения в ожидании решительных действий на следующее утро.

Сегодня поднялись мы ранее 5 часов; государь потребовал меня к себе; пришел и сам главнокомандующий. Государь сознался в тревожном состоянии духа и сказал, что несколько раз уже случалось ему накануне важных событий видеть во сне отца своего; он видел такой сон в ночь на 12 апреля, то есть перед объявлением войны, и тот же сон видел опять этой ночью: покойный отец, император Николай, нежно прижимал к груди своего сына и благословлял его. Государь прослезился и был так растроган, что мы вышли из комнаты, чтобы дать ему успокоиться.

Вслед за тем мы все опять помчались в экипажах на вчерашний курган, хотя знали, что уже прошлой ночью должна была начаться настоящая переправа в другом пункте – от Зимницы к Систову. План этот держался в такой тайне, что даже никто из свиты не подозревал о нем. Маневры, производимые в разных пунктах, в особенности у Никополя и Ольтеницы, по-видимому, обманули и турок. Лишь только прибыли мы на курган, там же, в карете полевого телеграфа, прочли телеграмму: генерал-майор Драгомиров с большей частью 14-й дивизии уже переправился на судах и после небольшой перестрелки занял высоты правого берега Дуная, к востоку от Систова.

Мы оставались на кургане напротив Никополя с 7 часов утра до 2 часов дня, и пока смотрели на действия наших батарей, бомбардировавших Никополь, пока перед нашими глазами начал гореть этот город, беспрестанно приходили телеграммы из Зимницы о продолжавшейся переправе. Часть переправившихся

войск сдвинута влево для прикрытия переправы со стороны Рущука, а с другой частью генерал Драгомиров обратился на Систово, но, кажется, еще не завладел городом, поджидая прибытия полевой артиллерии, так как с передовыми войсками переправились только две горных батареи. Известия эти успокоили и государя, и главнокомандующего. Очевидно, турки не ожидали переправы в этом пункте. Между тем все почти понтоны и суда с Алуты уже успели в прошлую ночь пройти в виду никопольских батарей. Полагают, что батареи эти сбиты нашими выстрелами;

но можно думать, что турки потеряли голову и поспешат очистить весь правый берег Дуная, кроме крепостей.

В четвертом часу возвратились мы в Драчу. С переправы приходили частые телеграммы об успешном ходе дела. Во время обеда государю пришло известие о том, что почти вся 14-я дивизия уже переправилась, город Систово занят и турки окончательно ушли. При этом известии государь, подняв бокал, возгласил «ура!» главнокомандующему и тут же вручил ему Святого Георгия 2-й степени. Крики «ура!» повторились в лагере, а после обеда к домику государя прибежала вся толпа, составляющая штаб и свиту его высочества. Опять раздались оглушительные крики, принялись качать главнокомандующего, а затем сам государь с новым кавалером ордена пошел к его ставке. По пути через весь лагерь – те же крики, бросание шапок и проч. Бывшие тут два иностранных корреспондента изумлялись, видя эти свободные, безыскусственные изъявления энтузиазма и привязанности к великому князю, который действительно умел приобрести любовь всех своих подчиненных.

Поздно вечером приехал с переправы начальник штаба генерал Непокойчицкий. Государь собственноручно надел на него орден Святого Георгия 3-й степени. Тот же орден назначен командиру 8-го корпуса Радецкому и начальнику 14-й дивизии Драгомирову.

16 июня. Четверг. Зимница. В 6 часов утра выехали в экипажах из Драчи. Проездом через Пьятру государь осмотрел госпиталь, в котором было до трехсот раненых, привезенных с переправы. В числе их находился командир гвардейского отряда полковник Озеров. По собранным доселе сведениям, во вчерашнем бою потери наши составляли приблизительно 150 убитых и до 400 раненых. Главные потери были в Волынском полку, а затем в Минском. Гвардейцы не уступали армейцам в рукопашном бою. Один солдат гвардии Павловского полка, замечательно здоровый и сильный, поднял на штык 6 турок и жаловался, что рана в руку помешала ему покончить еще с

седьмым. В числе раненых в госпитале было и несколько турок, но, кажется, их не щадили; солдаты наши дерутся с каким-то озлоблением. Рассказывают, что когда к одному тяжело раненному турецкому солдату подошел фельдшер, чтобы подать ему помощь, тот застрелил фельдшера в упор. Госпиталь в Пьятре устроен хорошо; вся работа врачей и уход за больными вполне удовлетворительны.

Из Пьятры отправились далее в Зимницу, где расположен 12-й корпус. Государь начал с осмотра главного перевязочного пункта, где еще находилось до сотни раненых, которых нельзя было перевезти в Пьятру. Здесь же устроен маленький лазарет от Красного Креста. Государь поместился в хорошем доме, расположенном над обрывом левого берега, откуда открывается вид на Систово, на место переправы и на значительное протяжение вправо и влево.

Переправа войск продолжается; приступили к постройке моста. Около трех часов государь сел верхом и поехал на переправу. Через Дунай перевезли нас на двух понтонах; на противоположном берегу была выстроена гвардейская команда, участвовавшая во вчерашнем деле. Отсюда до Систова около пяти верст. Мы поехали туда верхом, между двумя сплошными стенами войск. Волынский и Минский полки и стрелковая бригада пропустили нас с непритворными выражениями восторга и радости. На всех лицах видно было одушевление. Встречая начальников частей, государь благодарил их и лично роздал кресты как Радецкому и Драгомирову, так и бригадным командирам Иолшину и Петрушевскому, а позже и полковым командирам.

С приближением к городу увидели мы толпы вышедших из него жителей; у самого же въезда в город государя встретило духовенство с Евангелием, крестом и хоругвями. Государь объявил свое намерение прямо проехать в православный храм. Духовенство пошло впереди русского царя; на всем пути государя и ехавшую за ним свиту осыпали цветами; женщины и дети радушно и радостно улыбались, старики и старухи крестились. Государь вошел в церковь, набитую толпой народа; иные целовали ему руки, другие, по местному обычаю, аплодировали. Из церкви государь поехал в квартиру, занятую командиром корпуса Радецким; опять толпы народа, восторженные возгласы и выражения радости. Некоторые дома на пути нашем стояли полуразрушенными, с выбитыми стеклами, пустые: это были дома, принадлежавшие туркам, которые все бежали с приближением наших войск. Около мечети улицу засыпали обрывки мусульманских книг.

Пробыв несколько минут в доме, с балкона которого открывается вид на Дунай, освежившись легким местным вином, похожим более на квас, мы продолжали путь за город на позицию, занятую к западу Подольским пехотным полком и батареей. [Батарея стояла на выгодной позиции.] Между тем послали приказание, чтобы к городской пристани прибыл паровой катер с понтоном, тогда государь мог бы переправиться прямо из Систова к Зимнице, не возвращаясь на прежнее место переправы. В ожидании судов государь вошел в дом «Австрийского пароходного агентства» на пристани, и здесь пришлось остаться часа два. Нас развлекали и хозяин дома (агент «Общества»), выдававший себя за болгарина, и еще более семья его. Старшая дочь, красивая блондинка, одетая по-европейски, кокетничала с государем и великими князьями, угощала их вином, вареньем и разговорами то по-болгарски, то по-немецки. Вообще, физиономия города более европейская, чем азиатская.

Наконец прибыли катера и баркасы, и мы переправились обратно на левую сторону Дуная. Все были очень утомлены, оставаясь весь день без пищи, в постоянном движении, под жгучим солнцем. Возвратившись в Зимницу, сели за обед уже в девятом часу вечера; палатки были уже разбиты, и все поспешили на покой.

День этот был полон разнообразных ощущений. Государь, несмотря на усталость, находился в отличном расположении духа. Нельзя было ожидать более счастливого и удачного исполнения трудного дела – переправы армии через Дунай. Оно обошлось нам необыкновенно дешево, особенно если сравнить с теми потерями, которые, к несчастью, понесены в последних делах в Азиатской Турции и о которых сегодня же вечером получены телеграммы.

17 июня. Пятница. Сегодня мы имели отдых, однако же не полный: в 3 часа состоялось благодарственное молебствие за победу 15-го числа. Почти весь 12-й корпус, гвардейская рота и болгарские дружины построились огромным квадратом, в средине которого, на кургане, совершили церковный обряд, а потом государь раздавал георгиевские кресты и другие награды.

21 июня. Вторник. Почти ежедневно государь ездит то на переправу, то в лазареты. Постройка моста весьма замедлилась бурей в ночь на 18-е число; ветер сорвал несколько понтонов, так что переправа по мостам могла начаться только в ночь на 20-е. Прежде всего следовало переправить обозы находившихся уже на правом берегу частей войск, а также немного кавалерии.

Вчера государь и за ним вся свита сделали довольно дальнюю и утомительную поездку: переехав по мосту за Дунай, взяли

налево к деревне Вардин – месту расположения 9-й пехотной дивизии. От страшной пыли, мешавшей видеть под ногами лошади, я был опрокинут и мог быть растоптан скакавшими сзади, в той же пыли. Отделался счастливо, ни одна лошадь не коснулась меня, но сильно чувствую ломоту во всех костях.

Между тем, в ожидании перехода большего числа войск за Дунай, составляются предположения о дальнейшем направлении и распределении их. При этом, к сожалению, руководствуются не совсем похвальными видами. Раздробили две кавалерийские дивизии на 4 отдельные бригады, чтобы две из них поручить двум братьям Лейхтенбергским: Николаю и Евгению. Первый из них никогда в строю не служил, а последние 10–12 лет жил спокойно за границей и позабыл даже то, что мог знать в юности. Евгений Максимилианович – *bon vivant*, ни в чем не показавший своих военных способностей. Затем предполагается дать назначения [даже] наследнику цесаревичу и великому князю Владимиру Александровичу. Опять невольно вспомнишь красносельские маневры.

Между тем последние сведения с Кавказа не совсем благоприятны. Турки получили значительные подкрепления, и нашим войскам пришлось остановить наступление и даже отступить. Великий князь Михаил Николаевич снова требует присылки дивизии; делать нечего: сегодня решено направить на Кавказ 40-ю пехотную дивизию, только что приведенную на военное положение и собиравшуюся в лагерь под Чугуевом.

Вчера пришел сюда весь обоз Императорской главной квартиры и с ним явилась вся толпа праздного люда, составляющего свиту государя.

23 июня. Четверг. Вчера государь с частью свиты ездил опять в Систово показать город принцу Гессенскому, присланному сюда для объявления о восшествии на престол нового великого герцога Гессен-Дармштадтского. В поездке этой я не участвовал, чувствуя себя не совсем здоровым от усталости, жара и образа жизни.

Во время обеда послышался в соседней румынской церкви похоронный звон. Государь, узнав, что в эту церковь принесли тело утонувшего при переправе молодого офицера гвардейской артиллерии, встал из-за стола и пошел в церковь; разумеется, все пошли за ним. Погребение было трогательное: в ветхой, полуразвалившейся темной церкви служил старик-священник; гвардейские саперы по приказанию государя выкопали во время отпевания могилу под самым перистилем церкви.

Возвратившись с печальной церемонии, докончили обед. В это время привели пленных турок, человек до сорока; в числе их

было несколько здоровых, в обмундировании, то есть принадлежавших низаму[127]; прочие – оборванцы, башибузуки; двое или трое – даже переселенцы из Крыма.

Сегодня же после обеда принесли в лазарет Красного креста двух изувеченных турками болгар. Государь пошел взглянуть на них и повел с собой английского агента Велеслея, сказав ему, чтобы он сам понаблюдал за образом действий «les protégés de votre gouvernement»[128]. Когда мы пришли в лазарет, один из болгар уже умер, его несли в церковь хоронить; бедная вдова стояла тут же со свечой, рыдая.

Кавалерия наша ушла уже далеко от Дуная и встретила только небольшую шайку черкесов, с которыми и посчиталась. Вчера приехал генерал-лейтенант Гурко, начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, вытребованный сюда для начальствования всей кавалерией, пущенной вперед к Балканам. Он имеет репутацию наиболее способного и разумного из кавалерийских генералов.

27 июня. Понедельник. Государь рвется вперед, за Дунай; он в большом волнении и сердится, когда ему доказывают, что присутствие его при передовых войсках неуместно, что оно стеснит главнокомандующего, что перемещения с громоздким обозом Главной квартиры сделаются невозможны в Балканах. С тех пор как великие князья – главнокомандующий, наследник цесаревич и Владимир Александрович – переместились вперед, государь ежедневно собирается сам переехать туда, но великий князь Николай Николаевич под разными предлогами отклоняет его намерение.

Вчера генерал Непокойчицкий прислал графу Адлербергу длинное письмо по этому предмету. Последний сделал новую попытку уговорить государя не ехать за Дунай; но попытка опять не удалась. К тому же вечером получена от великого князя Николая Николаевича из Царевицы телеграмма о новом подвиге наших войск: 25-го числа одна кавалерия (драгуны и казаки с конной батареей) атаковала Тырново, выбила из него до 3 тысяч турецкого низама и завладела городом. Государь пришел в восторг, созвал всю свою свиту и сам пошел в лагерь гвардейской конвойной роты, чтобы прочитать телеграмму.

Я уже собирался лечь спать, когда услышал, что государь зовет меня по имени. В деле отличился между прочими и гвардейский конвойный полуэскадрон, поэтому известие было принято с восторженными криками «ура!». Сейчас же государь телеграфировал великому князю главнокомандующему о награждении генерал-лейтенанта Гурко орденом Святого Георгия 3-й степени, а Евгения Максимилиановича Лейхтенбергского,

которому поручено командование сводной драгунской бригадой, производят в генерал-майоры.

Через некоторое время опять зовут меня к государю, который объявляет, что намерен завтра же, в 6 часов утра, отправиться за Дунай, в Царевицы. Между тем ночью приходит от великого князя главнокомандующего известие, что он выезжает из этого пункта на рассвете; государь в первую минуту хотел было отменить поездку, но вслед за тем снова решил ехать и телеграфировал великому князю Николаю Николаевичу, чтобы он дождался его приезда.

Сегодня мы выехали ровно в 6 часов утра, в экипажах до переправы, а потом верхом, и к 8 часам въехали уже в Царевице. Великий князь был уже совсем готов к отъезду; государь вместе с ним вошел в домик, служивший до того помещением главнокомандующего, и тут в несколько минут переговорили они о дальнейшем плане действий. Я не был приглашен к этому свиданию и узнал только потом о результате его.

Великий князь решает не останавливаясь идти вперед к Тырнову и далее через Балканы, не приступая [даже] к осаде Рущука, как до сих пор предполагалось. Войска 12-го и 13-го корпусов под началом наследника цесаревича будут пока удерживать позицию на реке Янтре, а 9-й корпус барона Криденера будет охранять правый фланг операционной линии.

Совещание продолжалось с полчаса, после чего великий князь главнокомандующий со своей свитой уехал, а мы, позавтракав под открытым небом, возвратились в Зимницу, где было отслужено благодарственное молебствие по случаю победы 25-го числа. Великий князь, как оказалось, уговорил государя не торопиться с переездом за Дунай; условились исполнить это только 2 июля, с последним эшелоном 11-го корпуса, который должен составить общий резерв за Дунаем, вместе с ожидаемым еще 4-м корпусом.

29 июня. Среда. Вчера государь поехал верхом на бивак двух прибывших в Зимницу дивизий: 31-й пехотной и 13-й кавалерийской. Не поспев выехать с государем, я спешил догнать его скорой рысью напрямик, по полю, изрытому ямами и рвами; лошадь моя споткнулась, упала, и я порядочно ушибся; однако ж сел опять на лошадь и подъехал к стоявшему на правом фланге 31-й дивизии Пензенскому пехотному полку, носящему мое имя. В первый раз с назначения меня шефом этого полка довелось мне видеть его. Встретил меня, как водится, полковой командир, полковник Конаржевский; обычным порядком поздоровавшись с полком и сказав несколько приветственных слов, я проехал по фронту батальонов, после чего мне начали представляться

офицеры. Всё это заняло столько времени, что я не мог уже присоединиться к свите государя и скорее возвратился в свою палатку, чтобы примочками и льдом отделаться от синяков и опухоли.

По мере того как доходят до Главной квартиры частные сведения о тырновском деле, начинают всё более понимать, что оно вовсе не имело той важности, которую ему сгоряча придали по первой телеграмме. Сам государь остановился в назначении наград, уже заявленных в ответной телеграмме главнокомандующему. Поздно вечером я прочел государю полученную от генерала Непокойчицкого записку, заключающую в себе расчет движения разных колонн и законченную собственноручной припиской его о том, что великий князь Николай Николаевич просит подкрепить его армию еще одной или двумя дивизиями. Заявление это совершенно неожиданное [и невыполнимое].

Я воспользовался случаем, чтобы представить государю некоторые соображения относительно составленного великим князем плана действий, по моему мнению, крайне рискованного и даже безрассудного. Видно, мои объяснения произвели свое действие, потому что государь вчера же написал в этом смысле письмо к главнокомандующему. В то же время получена прискорбная телеграмма от великого князя Михаила Николаевича о снятии осады Карса и об общем отступлении всех колонн, доселе победоносно подвигавшихся вперед. Такой печальный оборот возможен и на Дунайском театре войны, если мы будем действовать очертя голову, пренебрегая противником и не соображаясь с расположением его сил.

Сегодня при утреннем докладе я воспользовался случаем, чтобы еще раз объяснить государю свои опасения. Государь вполне согласился с моими соображениями: безрассудно было бы идти за Балканы с частью армии, когда в тылу остаются справа и слева от пути сообщения огромные неприятельские силы. Известно, что Порта со всех сторон собирает войска на Дунайский театр действий. Она даже оставила в покое Черногорию, которую почти готова была уже раздавить; и войска Сулейман-паши, и войска, занимавшие Герцеговину, направлены против нашего правого фланга. Необходимо сперва нанести удар армии противника и, пользуясь нашим настоящим центральным расположением, стараться всеми силами разбить турок по частям, а затем уже идти вперед к Балканам.

При такой постановке вопроса я надеюсь убедить государя и в том, что в настоящее время, пока не разъяснились обстоятельства, пока еще только ожидаются серьезные встречи с

противником, пока последний может сделать попытку захватить единственный путь сообщения нашей армии, было бы преждевременно и неосторожно самому императору лично выдвигаться вперед, подвергая себя не только опасности в бою, но и гораздо худшему – необходимости поспешного возвращения на Дунай. Не знаю, удастся ли мне убедить в этом государя после всех тщетных попыток графа Адлерберга и самого великого князя Николая Николаевича.

Сегодня перед обедом приехал из Тырнова офицер лейб-гусарского полка Бенкендорф с донесением генерала Гурко о деле 25-го числа; он привез торжественно взятое при этом знамя. Но из самой реляции видно, что Тырново занят почти без боя; потеря состояла у нас только из двух солдат конно-артиллерийской батареи. Турки очистили город сами и после первых выстрелов артиллерии бежали. Привезенное «знамя» оказалось простым значком башибузуков, найденным в их лагере. Однако ж государь велел мне прочесть вслух привезенную реляцию перед всей собравшейся к обеду свитой и прибежавшими солдатами гвардейского конвоя.

Поздно вечером государь снова призвал к себе меня и графа Адлерберга и с радостью прочел нам телеграмму, полученную с Кавказа, об освобождении генералом Тергукасовым блокированного толпами турок в продолжение 23 дней слабого нашего гарнизона Баязетской цитадели. Тергукасов с 8-ю батальонами разбил 20 турецких батальонов, взял 4 пушки, но вывел из Баязета гарнизон, мотивируя тем, что город почти весь разрушен и потерял всякое значение. Известие это успокоило государя; но опять придана этому успеху излишняя важность и торжественность. Сейчас же решено дать Тергукасову Георгия 3-й степени, и на завтрашний день назначено благодарственное молебствие.

30 июня. Четверг. Редкий день проходит без молебствий по тому или другому поводу. Сегодня утром перед строем я должен был громогласно прочесть телеграмму Тергукасова; затем последовали обычные крики «ура!» и молебствие. После того ездил я за государем на встречу прибывшей к Зимнице 11-й кавалерийской дивизии, а в заключение государь обошел шатры открытого здесь военно-временного госпиталя.

Перед обедом получил я письмо от генерала Непокойчицкого, который, отвечая на некоторые вопросы, требовавшие разъяснения сделанных по армии распоряжений, снова выражал в *poste-scriptum*'е все затруднения и неудобства преждевременного прибытия государя к передним частям армии. Я прочел это письмо государю и попробовал подкрепить аргументы

Непокойчицкого, но всё было тщетно: государь, как упрямый ребенок, резко закончил свои возражения: «Я так хочу – и так будет».

4 июля. Понедельник. Болгарское село Павло. В последние три дня нашего пребывания в Зимнице перешли через Дунай почти все эшелоны 11-го корпуса. С последним эшелоном 32-й пехотной дивизии назначено было 3 июля идти и Императорской главной квартире. В этот день мы выехали из Зимницы в 5 часов утра и ранее 8 часов были уже в Царевице, где нашли палатки, разбитые в красивом месте, среди садов. Во время всего переезда и позже слышались дальние выстрелы со стороны Никополя. С трепетным вниманием прислушивались мы к каждому выстрелу, зная, что в этот день 9-й корпус (генерала барона Криденера) должен атаковать турок под Никополем. Еще накануне государь выезжал через Систово к Никополю, чтобы видеть, не начал ли Криденер движения; однако же мы ничего не видели и не слышали, а вечером 2-го узнали, что генерал просил с рассвета 3-го числа участить огонь с батарей левого берега против Никополя, дабы отвлечь внимание неприятеля.

Понятно, что 3-го числа, прибыв в Царевицы, государь с большим нетерпением ожидал известий от Криденера, но ничего не получая до самой ночи, начинал уже беспокоиться. Взамен того получили из Тырнова телеграмму е. в. главнокомандующего о том, что генерал Гурко успел благополучно и без выстрела перейти главный Балканский хребет и спустился к деревне Ханкиой, где 300 человек низама были захвачены совершенно врасплох. Другой отряд пошел на Шипку, где, однако ж, по имеющимся сведениям, неприятель приготовил сильную оборону.

Известие это о переходе передового отряда через Балканы очень обрадовало государя; по обыкновению, он сам пошел возвестить эту радость своему конвою и гвардейской роте; раздались обычные «ура!», поздравления и проч., недоставало только молебствия. Кроме того, внимание государя занял присланный от великого князя главнокомандующего из Тырнова генерал-майор князь Имеретинский, который подробно объяснил виды и предположения главнокомандующего. Государь долго разговаривал с ним и дал ему поручения к главнокомандующему, как потом я узнал, в том самом смысле, в каком я не переставал убеждать государя, – что необходимо, прежде всякого движения вперед, принять меры к прочному утверждению и охранению нашего тыла с обоих флангов. В особенности указывалось на недостаточное обеспечение единственной переправы через Дунай.

Не дождавшись донесения от генерала Криденера, мы легли спать с тем, чтобы завтра, в 5 часов утра, тронуться в дальнейший

путь к селу Павло с той же бригадой 32-й пехотной дивизии. Но в 3 часа ночи прискакал из Систова казак с запиской от начальника телеграфной станции к генерал-майору Щелокову (военно-походному начальнику императорских телеграфов) следующего содержания: «Турки у Систова; в городе бьют тревогу, страшный хаос; действие телеграфа прекратилось; закрываю станцию». Генерал-адъютант Рылеев (комендант Императорской главной квартиры) вбежал с этой запиской ко мне в палатку и, разбудив меня, спросил, что делать. Сказав ему, что следует немедленно разбудить государя, я сам наскоро набросил на себя сюртук и пошел к государю, который уже вставал с постели.

Известие было крайне тревожное. Тут мгновенно обрисовалась в воображении каждого страшная картина катастрофы, возможность которой постоянно пугала меня и заставляла уговаривать государя не торопиться переездом за Дунай. Турки в Систове! Значит, Криденер потерпел неудачу, отбит от Никополя, отброшен; неприятель захватывает и уничтожает переправу и через несколько минут может достигнуть Главной квартир императора! Можно ли вообразить себе что-либо более несчастное, более ужасное?

Тем не менее каждый чувствовал в эту минуту обязанность не терять голову. Государь в особенности старался выказать спокойствие и хладнокровие. Я вышел из палатки его с приказанием послать немедленно за командиром 11-го корпуса князем Шаховским (Алексеем Ивановичем) с тем, чтобы приостановить движение всех эшелонов этого корпуса, а находившуюся в Царевице бригаду с двумя эскадронами и тремя батареями двинуть вперед к Систову. Все эти распоряжения были немедленно же сделаны в темноте; всюду разосланы гонцы; полуэскадрон Собственного государева конвоя двинут немедленно короткой дорогой к Систову, чтоб узнать, что там происходит.

В 4 часа мы все были уже на конях. Странно было только, что со стороны Систова вовсе не слышно выстрелов. Это [значительно успокаивало всех нас и] возбуждало некоторое сомнение в основательности дошедшего известия. Когда рассвело, посланные возвратились с донесением, что в Систове всё спокойно. Государь решил продолжать путь к Павло со своим казачьим конвоем, а генерал-лейтенанту князю Шаховскому приказал все-таки пододвинуть бригаду ближе к Систову и выждать разъяснения обстоятельств. Еще смущало нас неполучение известий от барона Криденера. Было уже около 6 часов утра, когда мы двинулись быстрым шагом к Павло.

На пути получены две записки от великого князя Алексея

Александровича, оставшегося на переправе. Записки эти были вполне успокоительны; происшедшая в Систове тревога объяснялась тем, что ночью заведующий переправой генерал-майор Рихтер (начальник 3-й саперной бригады), вообразив, что бой, продолжавшийся целый день под Никополем, будто бы начал приближаться к Систову и, стало быть, к мосту, дал знать об этом в Систово генерал-майору Брандту, который сейчас же забил в барабан и вывел войска на позиции. Жители подняли страшную кутерьму, среди которой телеграфист и потерял голову. К утру увидели, что турок нет, и роты гарнизона спокойно возвратились на свои места.

Когда таким образом вся тревога разъяснилась и все успокоились, государь сказал мне: «Ты видишь, что я не теряю голову», на что я ответил, что уже не раз имел случай это видеть на деле.

Так доехали мы к 10 часам утра до Павло, где находилась Главная квартира наследника цесаревича. Там нашли мы полное спокойствие. Однако ж и оно ни на чем не было основано; от Криденера все-таки не было никаких известий. Около полудня, пока разбивались палатки и подтягивались обозы, мы были приглашены завтракать к наследнику цесаревичу. Жар был невыносимый; мы все были в мрачном расположении духа.

Среди завтрака приносят наконец телеграмму от барона Криденера: «Никополь у ног вашего величества. Упорный бой продолжался вчера с 4 часов утра до ночи; сегодня же на рассвете город сдался, с двумя пашами, шестью тысячами гарнизона, множеством пушек и запасов». Можно представить себе, какой был взрыв «ура!»; переход от отчаянного положения к блестящей победе был так быстр, так резок, как бывает только на сцене. Государь был в восторге; полетели всюду телеграммы; в лагере тоже раздались крики «ура!».

Вечером же приехал от генерал-майора Криденера со словесным донесением находившийся при его корпусе генерал-майор Свиты Илларион Николаевич Толстой. Он был так взволнован и нервен, что жаль было на него смотреть, когда он пытался рассказать подробности вчерашнего боя и нынешней сдачи города. С Толстым прислан был и один из взятых пашей.

5 июля. Вторник. Павло. В 10 часов утра государь поехал в лагерь 1-й пехотной дивизии, перед которой на высоком холме разбит шатер походной церкви. Кругом шатра на скатах холма расставлены все расположенные у Павло войска, и отслужено как молебствие по случаю Дня Святого Сергия, так и благодарственное за победу при Никополе. Затем был завтрак у наследника цесаревича. Перед завтраком привели пленного

турецкого пашу – ферика Гассан-пашу[129]. При этом вторичном представлении его государю обстановка была несколько приличнее, чем вчера; пленный паша держал себя с достоинством, а ироническая улыбка придавала ему даже несколько нахальный вид. Сегодня же он отправлен в Россию.

Посланный вчера из Царевицы для открытия сообщения с генералом Криденером генерал-майор Свиты е. в. Веймарн возвратился и привез сведения гораздо более ясные и положительные, чем привезенные вчера Толстым. С другой стороны, от е. в. главнокомандующего получены сведения об успешных действиях передовых отрядов генерала Гурко у Балкан и на южном спуске их между Сельви и Казанлыком.

Главнокомандующим сделаны распоряжения для начала наступательных действий войсками 11, 12 и 13-го корпусов к реке Лом и городу Осман-Базар. Поэтому наследник цесаревич должен завтра же двинуться вперед за Янтру, а князь Шаховской с 11-м корпусом идет в направлении к Осман-Базару. Государь намерен остаться здесь, в Павло, до прибытия 4-го корпуса (генерала Зотова), который должен составлять общий резерв в селе Бела. С прибытием его государь предполагает переехать в Тырново.

8 июля. Пятница. Бела (на реке Янтре). В Павло пробыли мы всего два дня; оставаться долее на месте не хватило терпения. Утром 7-го числа государь объявил, что на другой день переедет в Белу, вместо Тырнова. Сегодня мы поднялись с места в 6 часов утра и двинулись под прикрытием бригады 1-й пехотной дивизии. На пути получено несколько известий из Тырнова от главнокомандующего: одно – о лихом наезде казаков на Сельви и Ловчу, другое – об успехах генерала Гурко в Балканах. Пока князь Мирский, начальник 9-й пехотной дивизии, с Орловским пехотным полком пытался безуспешно пробиться через Шипкинский проход, занятый и укрепленный турками, Гурко, после нескольких стычек на южном склоне Балкан, завладел Казанлыком и, заняв деревню Шипку, обошел турецкие войска, защищавшие горный проход. Войска эти, взятые между двух огней, бежали, побросав оружие, знамена и пушки. Государь был в восторге и послал генералу Гурко орден Святого Георгия 3-й степени, несмотря на полученную так недавно высокую награду (звание генерал-адъютанта).

Дорога от Павло в Белу довольно живописна; она переходит через Янтру прекрасным каменным мостом. По эту сторону моста, в караван-сарае, нашли нескольких раненых гусар, офицеров и солдат, следовавших из передовых отрядов в госпиталь, открытый в Павло. Государь остановился, осмотрел раненых, говорил с ними и потом переехал через мост, у которого встречен был

духовенством с крестом и хоругвями и толпой жителей местечка Бела. Предшествуемый этой процессией, он поехал прямо в церковь, где пропели несколько молитв гнусливыми голосами, а затем какой-то школьный учитель вздумал было произнести длинный спич. Государь, не дождавшись конца его речи, вышел из церкви.

Помещение государю и части свиты отвели в полуразрушенном доме богатого турка, бежавшего, разумеется, из города с прочим мусульманским населением. Везде, куда вступали наши войска, все принадлежавшие туркам дома были уже пусты, разорены, с выбитыми стеклами и отбитыми дверьми. Во дворе означенного турецкого дома разбиты были палатки для государя и некоторых лиц свиты; некоторые же предпочли поместиться в самом доме.

Несмотря на полученные радостные вести, почему-то всё общество в невеселом настроении. Свита государя значительно уменьшилась в числе. Некоторые из флигель-адъютантов и генералов свиты были по корпусам и отрядам; в числе их и все лица царской фамилии. Последним уехал вчера великий князь Сергей Александрович – к наследнику цесаревичу, который перешел вперед, ближе к Рущуку.

Присоединение к свите графа Владимира Соллогуба, явившегося вдруг в самый день переезда нашего из Зимницы в Царевицы, не оживило общества; присутствие этого краснобая, так же как и другого – князя Эмиля Витгенштейна, не клеилось с общей обстановкой. Шутовство их было как бы фальшивой нотой в хоре. Граф Соллогуб навязался, чтобы писать, якобы, дневник похода государева; он уже читает вслух начало своего творения, такого же пустозвонного, как и бóльшая часть литературных его произведений.

Главнокомандующий прислал своего адъютанта Попова для доклада государю о плане наступательного движения войск 12-го и 13-го корпусов (подчиненных наследнику цесаревичу) к реке Лом и Рущуку. Но приведение этого плана в исполнение могло начаться только по выяснении расположения неприятельских сил, о которых нет до сих пор никаких верных сведений. К тому же безрассудно было бы искать решительного боя, не дождавшись войск 4-го корпуса, голова которого уже подходит к Зимнице.

Сегодня граф Адлерберг еще раз попробовал заговорить с государем о дальнейших намерениях его и неуместности его стремления вперед, к войскам передовой линии. Государь опять рассердился и на этот раз уже не скрыл своего намерения принять личное участие в бою. Все доводы графа Адлерберга против подобного намерения, не оправдываемого никакой пользой, остались без последствий. И какой же аргумент против этих доводов? Принимал же участие в бою император Вильгельм!

Если суждено нам на днях выдержать решительную битву с неприятельскими силами, битву, которая может повлиять на весь ход кампании, а следовательно, на разрешение всего восточного вопроса, то нельзя не пугаться, когда подумаешь, в чьих руках теперь это решение: бой ведут наследник цесаревич и великий князь Владимир Александрович – оба неопытные в военном деле, генералы Ган и князь Шаховской – хорошие люди, но не заявившие ничем своих военных способностей, и прочие столь же мало надежные генералы, начальствующие дивизиями! Присутствие же самого государя не только не устраняет опасений, но даже усиливает их.

Остается одна надежда на то, что мы имеем против себя турок, предводимых еще более бездарными вождями.

10 июля. Воскресенье. Вчера утром на грязном дворе турецкого дома, занятого Главной императорской квартирой, происходило опять молебствие по случаю одной из последних побед, не знаю даже которой. На сей раз менее, чем когда-либо, можем мы торжествовать: в одно время с неважными успехами передовых отрядов в балканских проходах войска наши (три

полка 5-й пехотной дивизии генерала Шильдер-Шульднера) потерпели неудачу под Плевной и понесли большие потери. После молебствия государь со всей свитой ездил верхом на место бивачного расположения бригады, охраняющей Главную квартиру.

Вчера приехал Гершельман с первым после перехода через Дунай донесением генерал-лейтенанта Циммермана.

Только теперь мы узнали официально о занятии 14-м корпусом Бабадагской области и области Добруджа до Троянова вала. Сегодня же возвратился из Тырнова подполковник Лавров, приезжавший из Одессы с поручениями от генерал-адъютанта Семеки; затем приезжали один за другим Генерального штаба полковник князь Кантакузен с приказаниями войскам 4-го корпуса, великий князь Николай Николаевич (младший), адъютант главнокомандующего Струков и офицер конно-гренадерского полка Карандеев с рассказами о подробностях перехода через Балканы. Из Тырнова возвратился генерал-майор князь Имеретинский с устным докладом о новых планах и соображениях главнокомандующего и, наконец, от наследника цесаревича получено донесение о разведке, произведенной войсками 12-го корпуса за реку Лом, близ Рущука, причем великий князь Владимир Александрович был в огне в первый раз.

Кровопролитный бой 3-го числа под Никополем, затем неудача под Плевной, а вместе с тем получаемые известия о прибывающих со всех сторон турецких силах отрезвили нашего молодого главнокомандующего; он увидел, что успех нашей армии вовсе не так обеспечен, как с первого взгляда казалось, что надобно вести дело осторожнее. Поэтому он нашел нужным сделать некоторые изменения в движении 11-го и 4-го корпусов и приостановить слишком рискованное, эксцентрическое наступление, а через князя Имеретинского возобновил речь об усилении армии новыми войсками.

На сей раз желание главнокомандующего уже предупреждено: еще утром я вторично предложил государю направить на присоединение к армии войска Киевского округа – 2-ю и 3-ю пехотные и 2-ю Донскую казачью дивизии и 3-ю стрелковую бригаду. Все эти части уже вполне мобилизованы. Государь одобрил эту мысль, и шифрованные телеграммы были уже отправлены в Петербург и Тырново, когда один за другим начали приезжать посланцы главнокомандующего, беспрестанно отрывавшие меня от работы.

Вместе с тем государь телеграфировал главнокомандующему, что, находя неудобным отдельное пребывание двух главных квартир, предоставляет ему выбрать место для совместного

пребывания, притом более центральное, чем Тырново. В ответ на эту телеграмму главнокомандующий уведомил, что пришлет сюда начальника штаба Непокойчицкого для личных объяснений. Желательно, чтобы соединение двух главных квартир, несмотря на представляемые неудобства, осуществилось. Опыт показал, что отдельное пребывание государя представляет еще бóльшие неудобства.

Сегодня же прибыли два фельдъегеря: один – из Петербурга, другой – с Кавказа, с письмом великого князя Михаила Николаевича к государю. Главнокомандующий Кавказской армией объясняет неблагоприятный оборот дел на Азиатском театре войны; но в объяснениях этих нет ничего для нас нового. Замечательно в этом письме лишь то место, где великий князь, как бы оправдывая свой отъезд из действующего корпуса, выставляет разные неудобства и невыгоды своего личного пребывания при войсках. Всё, что пишет он, буквально относится и к пребыванию государя при здешней армии.

12 июля. Вторник. Сегодня я ездил с государем в Обертник – место пребывания наследника цесаревича, верстах в 18 от Белы. В то же время бывший адъютант великого князя Николая Николаевича (а со вчерашнего дня генерал-майор Свиты е. в.) Струков привез от главнокомандующего предписание наследнику цесаревичу энергично действовать против Рущука. Такое предписание вовсе не согласовалось ни с настоящим положением дел, ни с предшествующими соображениями самого главнокомандующего. После краткого совещания в палатке наследника цесаревича (государь, наследник цесаревич, генерал Ванновский и я) пришли к заключению, что теперь было бы крайне неосторожно что-либо предпринимать против крепости, не имея ни резерва, ни особого наблюдательного корпуса. Решили в таком смысле и написать главнокомандующему.

Но когда, позавтракав, мы выехали в обратный путь, то встретили казака из Белы с телеграммой от главнокомандующего, который сам отменял вчерашнее свое предписание и признавал необходимым повременить со всякими наступательными предприятиями до окончания дела под Плевной и до сосредоточения 11-го и 4-го корпусов на предназначенных им местах.

Возвратились мы в Белу около четырех часов. Получены известия об удачных действиях наших береговых батарей на Дунае и катеров против турецких пароходов и мониторов, а вечером пришла телеграмма от генерал-адъютанта Аркаса, извещавшая о неравном бое нашего парохода «Веста» с большим турецким броненосцем, который принужден был спасаться от

нашего плохого пассажирского судна.

Вопрос о переезде государя в Тырново всё еще не решается. Выжидают окончания дела под Плевной.

14 июля. Четверг. Вчера приехали в Белу два ординарца с известиями: один – от генерала Криденера, другой – от Циммермана. Оказывается, неудача наша под Плевной была серьезнее, чем сначала думали: потеря простирается до 2800 человек; некоторые полки совсем расстроены, Костромской потерял все свои ранцы. Криденер думает, что теперь в Плевне до 50 тысяч турок. Для поддержания Криденера назначена целая 30-я дивизия из 4-го корпуса и 1-я бригада из 11-го корпуса.

Известия от Циммермана заключаются в том, что по занятии линии Кюстенжи – Черноводы посланы передовые отряды к Силистрии и Мангалии. К последнему этому пункту послан сын мой с тремя сотнями 29-го Донского полка.

Великий князь главнокомандующий наконец сам начал с опасением смотреть на свои фланги. Он дал приказание наследнику цесаревичу передвинуть 13-й корпус к Церковице, чтобы в случае движения турок от Осман-Базара к Тырнову напасть на их правый фланг. С этим перемещением восстановится связь между войсками, расположенными в Тырнове, и 12-м корпусом, направленным к Рущуку.

18 июля. Понедельник. Граф Воронцов-Дашков, которому великий князь наследник поручил командование передовыми кавалерийскими частями, 14-го числа ввязался в дело близ Разграда и понес порядочные потери. Сегодня привезено в здешний госпиталь до 160 раненых, в том числе несколько тяжелых. Потери турок неизвестны, но в числе убитых найден труп Азис-паши, который, по словам Игнатьева, считался у турок одним из самых способных и образованных генералов и был начальником штаба Дунайской армии. Надо полагать, он выдвинулся к Разграду с отрядом для рекогносцировки.

С трепетом ожидаем нового дела под Плевной; до сих пор приходилось ждать подкреплений 9-му корпусу (Криденера). Наконец сегодня должно было произойти сражение, но о результате узнаем, разве, ночью или завтра утром.

Сегодня австрийский и английский военные агенты уехали из Главной квартиры. Барон Бехтольсгейм получил, как он говорит, приказание от своего правительства приехать в Вену всего дня на два или на три, для каких-то личных объяснений. Велеслей, напротив, сам поднял вопрос о поездке в Лондон. Вчера после обедни он завел со мною разговор о политическом положении, выразил готовность оказать всякую услугу, какую наш государь признал бы возможной, и между прочим предложил съездить в

Лондон для личного разъяснения некоторых обстоятельств, по которым правительство английское, может быть, имеет неточные сведения.

Я доложил об этом разговоре государю, который сегодня призвал к себе Велеслея и изъявил согласие на предположенную поездку. Не знаю, выйдет ли из нее какой-нибудь прок. Между тем в иностранных газетах англо-турецкая партия продолжает разглашать самые нелепые клеветы на русские войска, приписывая им небывалые жестокости с мусульманским населением. Возмутительна подобная бессовестная ложь.

19 июля. Вторник. С нетерпением ожидая известий из-под Плевны, я просыпался в прошлую ночь при малейшем шуме. Около трех часов ночи приехал – не из Плевны, а от наследника цесаревича – адъютант князь Оболенский с конвертом на имя е. в. главнокомандующего, переданным на аванпостах парламентером от имени нового турецкого главнокомандующего Мехмета-Али. Немедленно я оделся и разбудил государя, который и распечатал конверт; но в нем оказалось не более чем заявление паши об установлении у турок, взамен «красного креста», своего особого знака – «красного полумесяца» и предложение обоюдного соблюдения Женевской конвенции. Бумага эта казалась смешной шуткой со стороны турок после того, как поступали они с попадавшимися им нашими санитарами и носильщиками и после всех бесчеловечных жестокостей с нашими ранеными, пленными и мирными жителями.

Известие от генерала Криденера пришло только в 10 часу утра, в виде короткой телеграммы, извещавшей, что после упорного боя, продолжавшегося целый день, ввиду огромного превосходства противника в силах, он опять отступил к селу Булгарени. Известие это поразило нас и огорчило; государь на этот раз не мог скрыть своего смущения. Он телеграфировал великому князю главнокомандующему, который ответил (из Тырнова), что решил сам ехать к войскам генерала Криденера и, подкрепив их новыми частями, в третий раз повторит атаку. На пути в Булгарени он обещал заехать в Белу.

Немедленно государь написал наследнику цесаревичу, чтобы он также прибыл в Белу. К вечеру оба великих князя съехались; приехал и генерал Непокойчицкий. Вчерашняя неудача под Плевной, по-видимому, не смутила их; они по-прежнему судят о положении дел с самоуверенностью, однако ж распоряжения их уже менее рискованны. Великий князь даже согласился не предпринимать новой атаки ранее прибытия по крайней мере головных эшелонов новых подкреплений (3-й стрелковой бригады).

Я описал великому князю то, что требовало его внимания; Непокойчицкий же, по обыкновению своему, замкнулся в своем флегматическом молчании. Наследник цесаревич вечером уехал к себе в Обертник, а главнокомандующий остался переночевать.

20 июля. Среда. Государем решено двинуть на подкрепление Дунайской армии всю гвардию, за исключением Кирасирской дивизии. В тот же день его величество телеграфировал об этом в Петербург, а я (также по телеграфу) сделал надлежащие распоряжения.

21 июля. Четверг. В ночь на 21 июля приехали в Белу два ординарца от барона Криденера: Козлов и Лярский; рассказы их, хотя крайне несвязные, произвели самое печальное впечатление. Оказывается, бой 18-го числа провели крайне бестолково, как бы для истребления войска, и кончился он полным поражением и с громадными потерями. Только по выслушании этих рассказов великий князь Николай Николаевич понял, до какой степени дело становится серьезным, и поспешил уехать из Белы в Булгарени.

Вскоре после отъезда его приехал генерал-майор Свиты князь Имеретинский; несмотря на усталость и волнение, он описал весьма толково всё, что происходило под Плевной, и этот рассказ еще усилил тяжкое впечатление, произведенное первыми известиями. По словам князя Имеретинского, от всех войск, бывших под Плевной под началом барона Криденера и князя Шаховского (до 38 батальонов при 180 орудиях), уцелело только несколько батальонов, прибывших после боя, ночью, или не успевших ввязаться в бой; от всех же остальных частей сохранились лишь кучки людей. Хотя не потеряно ни одного орудия, ни одного знамени, однако же в течение целых суток после боя еще нельзя было собрать и разобрать уцелевших людей, приходивших поодиночке на места расположения войск.

Невыразимо тягостны были вчерашний и нынешний дни. Утром отслужена панихида по убитым, вместе с панихидой по императрице Марии Федоровне, великим княгиням Марии Павловне и Марии Николаевне. Я занимался всё утро составлением записки о настоящем положении дел на театре войны и предстоящем образе действий. Государь одобрил мои соображения и взял у меня записку для пересылки ее главнокомандующему.

Между тем со всех сторон приходят самые тревожные сведения о намерении турок перейти в наступление. Силы их явно возрастают.

22 июля. Пятница. По случаю Царского дня была обедня в здешней деревенской церкви; я остался в палатке, чтобы разобрать полученные телеграммы. Великий князь

главнокомандующий по приезде к войскам генерала Криденера телеграфирует, что нашел войска в отличном настроении и в полном порядке; что в несчастном бое 18-го числа не потеряно ни одного знамени, ни одного орудия; что потеря еще неизвестна, но полагают, что простирается от 5 до 6 тысяч человек. Как ни велика эта цифра, все-таки телеграмма великого князя успокоительна;

неприятель пока не трогался из Плевны, так что наши кавалерийские посты остаются на поле сражения.

Во время обедни приехали из Обертника великие князья наследник цесаревич и Сергей Александрович. Государь приказал мне прочесть наследнику вчерашнюю мою записку, после чего завязался спор: наследник приводил свои соображения, показывавшие, что он не понимает всей опасности настоящего нашего критического положения. После завтрака он уехал, но вечером приехали от него генерал Ванновский, исправляющий должность начальника штаба, и генерал Депп, начальник инженеров армии. С ними легче было разъяснить дело и прийти к положительным заключениям о предстоящем расположении и образе действий 12-го и 13-го корпусов. Я настаивал, чтобы особенное внимание обратили на устройство переправы через Дунай, ближе к Рущуку.

Вечером же приехал адъютант главнокомандующего Бибиков с донесениями от генерала Гурко. Он обстоятельно рассказал о последних действиях наших войск за Балканами и оставлении ими Эски-Загры и Казанлыка.

После обеда государь со всей свитой ходил смотреть деревенский праздник. Огромный хоровод топтался на месте под скрипучие мелодии двух музыкантов; несколько девок вышли вперед и пропели перед государем заунывную песню. Вообще, народ здесь некрасивый и неграциозный.

27 июля. Среда. Все последние дни мы оставались в томительном ожидании прибытия главнокомандующего, чтобы решить, какие меры принять для ограждения нашего левого фланга, угрожаемого главной турецкой армией от Шумлы. Но великий князь Николай Николаевич не торопится: продолжает заниматься устройством дел на западе и даже не дает сведений о том, как именно распорядился с той стороны. А что касается войск, растянутых на огромном протяжении от устья Лома до осман-базарской дороги, малыми частями, без определенных инструкций, то главнокомандующему как будто нет и дела до них. Государь надеялся, что великий князь приедет сюда в день рождения свой и императрицы (то есть сегодня); но он дал знать, что не поспеет, и теперь ожидают его только 29-го числа.

А между тем каждый день можно опасаться нападения со стороны турок, которые, куда бы ни бросились, везде будут иметь громадный перевес в силах. Одно, что может сколько-нибудь успокаивать нас – это неспособность турок драться в открытом бою и боязнь атаковать нас. Вероятно, они считают наши войска сильнее, чем они есть на самом деле; иначе давно уже могли бы сбить их и прорвать нашу линию обороны.

Приезжавший сегодня из-под Рущука великий князь Владимир Александрович высказывал резко жалобы на несообразность получаемых из Главной квартиры распоряжений, на совершенное бездействие интендантской части и опасения за будущий ход дел. Я нашел нужным уговорить великого князя высказать всё это самому государю, чтобы вывести его из пассивного спокойствия, с которым он остается в ожидании событий.

Мы продолжаем вести обычную жизнь точно так же, как если б мы были в Красном Селе. Каждый день всё делается в определенные часы, не отступая от привычек и обычаев; в праздничные дни присутствуем у обедни, в особых случаях служим молебствия; ездим гулять; а сегодня по случаю торжественного дня присутствовали вторично на народном празднике, делая вид, что забавляемся монотонными хороводами и песнями болгарской молодежи.

Доктор Боткин каждый день заводит речь о необходимости перемещения отсюда в какое бы ни было другое место; продолжительное бивакирование среди селения, в долине, стесненной со всех сторон высотами, должно вредно действовать на здоровье. Этому местному влиянию доктор Боткин приписывает появление в последнее время лихорадок; число больных в свите государя и среди прислуги всё увеличивается. Но перемещение наше отлагается до приезда главнокомандующего, который предполагает обе главные квартиры расположить у Горнего Студеня, верстах в 35 отсюда, по дороге в Плевну. Там же предполагается сосредоточивать и прибывающие постепенно подкрепления.

30 июля. Суббота. Наконец вчера приехал сюда наш главнокомандующий, которого ожидали с величайшим нетерпением, в надежде, что личное с ним объяснение выведет нас из тревожного опасения новых катастроф. К приезду главнокомандующего прибыл сюда и наследник цесаревич, который, впрочем, вчера же до обеда уехал обратно к себе в Широкое (на реке Лом). Главнокомандующий со своим начальником штаба и его помощником (генерал-майором Левицким) переночевал здесь и уехал сегодня утром обратно в

Горний Студень.

Не знаю, вышло ли что-нибудь серьезное из разговоров великого князя с государем наедине; но тот разговор, который происходил в моем присутствии, не привел ни к какому положительному заключению. Мы останемся и впредь в том же ежедневном опасении за наш левый фланг, где в случае нападения неприятельской армии встретим ее не более чем с одной дивизией или с тремя бригадами. Главнокомандующий намерен сначала покончить с Плевной, дождавшись для этого прибытия 2-й пехотной дивизии. Пройдет довольно времени, пока можно будет чего-либо достигнуть с этой стороны, а между тем на левом фланге, откуда мы должны ожидать главные силы противника, мы останемся в том же раздробленном и слабом расположении.

Когда я заметил это в разговоре с главнокомандующим и Непокойчицким, то получил два ответа: во-первых, что турки не решатся перейти в наступление; во-вторых, что никаких нет свободных войск для подкрепления левого фланга. Казалось бы, прежде всего следовало отправить на позицию при деревне Папкиой по крайней мере ту бригаду, которая отделена от 1-й дивизии и остается здесь, в Беле; для этого стоило бы только Императорской главной квартире переместиться как можно скорее на новое место; почему бы не перейти туда немедленно, хоть бы сегодня или завтра. Но нет: переход отложен до вторника. Спрашивается: для чего? Завтра воскресенье, необходимо выстоять обедню; следующий день – понедельник, дурной день, да к тому же 1 августа, а следовательно, надобно опять молиться и вывести гвардейскую роту на церковный парад. И вот из-за каких пустых поводов отлагается день за днем столь необходимое подкрепление войск!

Вчера в первый раз пошел сильный дождь с грозой; зной сменился сыростью и грязью; в палатках всё измокло, а для перехода от одной палатки к другой пришлось прибегать к доскам, камням и т. д. Государь перебрался из своей палатки в дом, в котором до сих пор помещались некоторые лица свиты и прислуга.

2 августа. Вторник. Наконец сегодня покинули Белу и верхом прибыли к Горнему Студеню, где государь был встречен войсками, расставленными шпалерами: прибывшей вновь 3-й стрелковой бригадой и частями 11-го корпуса (1-й бригадой 11-й кавалерийской дивизии и 1-й бригадой 32-й пехотной), участвовавшими в сражении под Плевной. Бригада 32-й пехотной дивизии понесла в этом сражении большие потери, но теперь совсем оправилась, солдаты смотрят бодро. Завтра эти войска

(11-го корпуса) выступают к Осман-Базару, к Чаркиою, где войдут в непосредственную связь с 11-й пехотной дивизией. Завтра же подойдет к войскам, занимающим передовую позицию у Папкиоя, 2-я бригада 1-й дивизии, находившаяся в Беле для охранения Императорской главной квартиры.

Таким образом, с нашим перемещением сюда войска левого крыла получают в подкрепление целую пехотную дивизию и кавалерийскую бригаду. Я начинаю смотреть спокойнее на положение дел: если до сих пор турки не успели воспользоваться нашей слабостью и раздроблением, то можно надеяться, что мы выйдем из этого опасного положения, как бы они ни усиливались войсками, прибывающими (по газетным известиям) в Шумлу и Разград. Есть известия, что турки должны были отделить войска на юг, ввиду разрыва с Грецией и готовящегося восстания в Фессалии и Эпире. Сербия, получив от нас миллион рублей, обещала начать наступательные действия сообразно с указаниями, данными нашим главнокомандующим. Туда опять едет наш пресловутый агитатор Ростислав Фадеев; ему разрешено отправиться совершенно частным лицом, но он все-таки счел нужным побывать сперва в Беле и на днях являлся ко мне.

По прибытии в Горний Студень мы расположились вне деревни (занятой уже Главной квартирой главнокомандующего): на открытой площадке, отделенной от деревни оврагом, нашелся небольшой особняк, бывший, по-видимому, корчмой; в нем государь занял три маленькие комнатки, а в других трех поместились граф Адлерберг, князь Суворов и я. Комнатку в подвале занял доктор Боткин, а вся остальная громадная свита разместилась частью в сараях и под навесами около самого дома, частью же в палатках, разбитых на открытом поле. Вид нашего расположения – с огромным обозом и целым табуном лошадей – совершенно напоминает деревенские ярмарки. Сегодня мы все обедали у главнокомандующего. Вечером сделалось свежо, почти холодно. Я доволен своим помещением, несмотря на то, что окна без рам. Без малого два месяца я провел в палатке, так что успел уже отвыкнуть от комнаты.

6 августа. Суббота. Несмотря на открытую и возвышенную местность нашего нового бивака, число больных у нас не уменьшается; почти все страдают расстройством желудка, не исключая и самого государя. Сегодня ему сделалось дурно во время обедни в походной церкви (по случаю праздника Преображенского полка и гвардейской артиллерии), так что он удалился до окончания службы.

Совместное пребывание обеих главных квартир уже выказывает свое успокоительное влияние. Есть возможность

неотлагательно разъяснять всякие сомнения, опасения, недоумения. К сожалению, однако же, и слабые стороны полевого управления армии еще заметнее вблизи. За что ни возьмись, с кем ни заговори – одна общая жалоба на бессвязность распоряжений, инерцию и бессилие главного начальства, у которого, по-видимому, не хватает сил, чтобы обнять весь служебный механизм большой армии. Под видом секрета полевой штаб ни о чем и никому не дает указаний; ни один из главных органов полевого управления не знает плана действий и намерений главнокомандующего. Начальник полевого штаба глубокомысленно отмалчивается.

Сегодня приехал сюда румынский первый министр Братиану вместе с полковником Сланичану. Их ожидали уже несколько дней. После обедни и завтрака Братиану представился государю, который, побеседовав с ним недолго на балконе, под моими окнами, затем привел его в мою комнату с тем, чтобы я переговорил с ним окончательно. Братиану долго изливал мне претензии румынского правительства на действия наши. Кроме невыдачи тех сумм, которые Румыния просила в ссуду на военные расходы (до сих пор выдано всего 3 миллиона франков вместо просимых 5), речь шла о патронах, торпедах и проч. Во всех этих нуждах румынам отказывали…

Мне удалось получить разрешение на два главных пункта: выдать еще один миллион франков и просимое количество патронов. Румынские министры были приглашены к обеду, за которым государь возгласил тост в честь императора Австрийского (по случаю дня его рождения), а потом – Преображенского полка и гвардейской артиллерии. После обеда собрались, по обыкновению, под галереей занимаемого государем дома и слушали пение солдат и казаков. Тут я объявил румынскому министру о полученных от государя разрешениях и предоставил ему об остальном прямо объясниться с великим князем главнокомандующим. Не знаю, уедет ли он вполне довольным, но во всяком случае будет менее недовольным, чем когда приехал.

8 августа. Понедельник. Сегодня неожиданно приехал мой сын, курьером от генерала Циммермана, который встревожен получаемыми сведениями о намерении турок атаковать Кюстенжи с моря и сухого пути. Генерал Циммерман уже помышляет об оставлении Добруджи и отступлении 14-го корпуса на левый берег Дуная. Известие это, конечно, было весьма неприятно и для государя, и для главнокомандующего. Немедленно отправили Циммерману телеграмму, чтобы он держался и не отступал иначе, как разве что после сильного боя.

С другой стороны приходят тревожные сведения о начале наступательных действий турок: значительные силы их показались у Шипки; горные проходы охраняются небольшими нашими отрядами, которые необходимо подкрепить. В то же время передовые наши посты оттеснены к Беброву. По газетным известиям, часть войск Сулейман-паши прошла на северную сторону Балкан для совместного наступления с армией Мехмета-Али на Тырново. План этот начинает подтверждаться полученными сегодня донесениями с передовых постов.

Государь и великий князь главнокомандующий встревожены. Решено 2-ю пехотную дивизию немедленно выдвинуть от Акчаира к Мардеге, откуда она может подоспеть и к Тырнову, и к Сельви. Дивизия эта прошла сегодня через Горний Студень, и здесь государь сделал ей смотр, после которого она продолжала свое движение. Немедленно после смотра начальство дивизией принял генерал-майор Свиты е. в. князь Имеретинский, который сменил генерал-майора Мацнева, назначенного начальником 1-й резервной дивизии, расположенной на пути сообщения армии.

10 августа. Среда. Вчера Сулейман-паша атаковал нашу позицию на Шипке. Турецкие войска с необыкновенной настойчивостью возобновляли атаки до ночи и даже ночью при свете полной луны. Весь день мы были в тревожном ожидании известий с Шипки; между тем 2-я дивизия поспешно направлена против турецких войск, вышедших из Ловчи против Сельви. Государь, сильно взволнованный, с нетерпением ожидал телеграмм из Габрова.

Однако ж сегодня уже несколько спокойнее, чем вчера: атаки турок на Шипку хотя и возобновлялись, но уже гораздо слабее; видно, они сильно потерпели. Радецкий с последним своим резервом из 8 батальонов сам пошел на помощь передовому отряду, но придет на перевал не ранее завтрашнего дня. Между тем войска, занимающие передовую позицию, третью ночь не спят, остаются почти без воды и горячей пищи. Со стороны же Сельви получено известие, что приблизившаяся от Ловчи турецкая колонна отбита еще до прихода 2-й пехотной дивизии. Надобно полагать, что наступление турок с этой стороны не более чем демонстрация.

14 августа. Воскресенье. Бой на Шипке всё еще продолжается. Вот уже шестой день прошел, а обе стороны держатся приблизительно на одних и тех же позициях. К нашим передовым войскам постепенно подходили подкрепления, которые, по-видимому, сейчас же вводились в дело и таяли от большой потери. Убит генерал-майор Дерожинский, ранены генерал-майор Драгомиров и большое число офицеров, в том

числе флигель-адъютант князь Вяземский [впрочем, говорят, легко, в ногу навылет.]

Донесения от генерала Радецкого приходят лаконические и редко; мы знали бы еще менее, если б не было в Габрове смышленого начальника телеграфной станции, беспрестанно передающего сюда всё, что до него доходит с Шипки. Вчера приехал оттуда англичанин Форбс, корреспондент газеты «Daily News»; он рассказал государю всё, что видел, и отзывался о русских войсках с восторгом. Сегодня же приехал оттуда прусский офицер Лигниц; этот очевидец представляет дело несколько в новом свете. Оказывается, наши войска не только не имеют преимуществ сильной, укрепленной позиции, но, напротив, сами находятся под перекрестным огнем неприятеля, занимающего командующую и гораздо более выгодную позицию. Мы до сих пор имели совершенно неверное понятие о положении обеих сторон. И как не подивиться тому, что ни главнокомандующий, ни его начальник штаба не позаботились разузнать точнее, какова наша позиция, как она укреплена. Сам государь, день и ночь ожидающий с трепетным волнением телеграмм из Габрова, до сих пор не отдавал себе ясного отчета о положении дел на Шипке.

Сегодня вечером я не мог воздержаться от откровенного выражения удивления: каким образом в течение целого месяца главное начальство армии не позаботилось о том, чтобы обеспечить оборону занятых нами балканских проходов, и даже не полюбопытствовало узнать, как именно заняты эти проходы? Но не в первый уже раз приходится убеждаться в полной инерции и неспособности полевого штаба армии.

Прискорбно, что и в самой армии начинают понимать слабые стороны начальства, относятся к нему с осуждением и ропотом. Не говорю уже о свите государевой: досадно слышать ежедневно, с утра до вечера, самонадеянные толки людей, не занимавшихся во всю жизнь ничем серьезным и ничего не понимающих в военном деле. Когда эти люди пристают ко мне со своими вопросами, мнениями, советами, я не отвечаю им или говорю, что армией командуем не мы, а великий князь Николай Николаевич. Как ни худо он распоряжается, а все-таки будет еще хуже, если начнут распоряжаться многие.

14 августа. Понедельник. Положение дел на Шипке начинает разъясняться; относительное расположение наших и турецких войск представляется совсем в ином виде, чем прежде воображали. Только приезжающие с поля битвы дали несколько более ясное понятие об этом упорном бое и государю, и самому главнокомандующему, и его штабу.

Наконец сегодня утром государь признал необходимость более серьезного обсуждения наших дальнейших действий. Генерал Радецкий дал знать, что единственный способ сбить турок состоит в обходном движении большими силами, например целым корпусом, направленным по какому-либо из горных проходов. Легко сказать – целым корпусом; но где его взять, когда мы разбросали наши силы и оказываемся везде слабыми. Боимся и за положение наследника, в случае наступления Мехмета-Али; боимся и ослабить войска, наблюдающие за Плевной и Ловчей. В центре же, под Тырновом, уже нет более ничего, кроме стрелковой бригады.

В совещании, бывшем сегодня утром, решено, что генерал Непокойчицкий сам поедет к генералу Радецкому для решения вопроса, какие войска и по какому направлению еще возможно направить так, чтобы заставить Сулейман-пашу сняться с занятой им сильной позиции, обстреливающей даже тыл нашей позиции. Непокойчицкий уехал вечером; между тем части 3-й пехотной дивизии, только еще подходящей сюда, будут направляться на Сельви, дабы освободить всю 2-ю пехотную дивизию для движения на Шипку.

Румыны начали строить мост на Дунае, выше Никополя; кавалерия румынская уже переправилась на правый берег. Завтра ожидаем приезда сюда князя Карла.

17 августа. Среда. С Шипки доносят, что в последние три дня неприятель ничего не предпринимал и даже прекратил стрельбу; заключают из этого, не двинулся ли он к какому-либо другому из проходов. Между тем от Непокойчицкого и Радецкого еще нет никаких предположений о дальнейших действиях. До сих пор потерю нашу на Шипке в течение восьми дней полагают до 90 офицеров и 2600 нижних чинов.

Князь Карл приехал вчера вечером с довольно большой свитой, а сегодня после завтрака уехал обратно. Здесь решено было для единства действий в отношении Плевны, на первое время, пока великий князь главнокомандующий не примет начальства над войсками 4-го и 9-го корпусов и румынскими, поручить общее над ними начальство князю Карлу, а генерал Зотов (командир 4-го корпуса) будет считаться его начальником штаба. Комбинация крайне неудачная; начальство над значительной частью армии и на важнейшем стратегическом пункте возлагается на иностранного принца, не имеющего опыта в военном деле, окруженного мелкими честолюбцами, вроде полковника Сланичану, желающими разыграть исторические роли! В довершение странности, князю Карлу придан негласным ментором французский военный агент полковник Гальяр. Что из

этого всего выйдет – трудно предвидеть.

Князь Карл изъявил желание увидеться и поговорить со мной наедине; я пришел к нему в палатку в 9 часу утра. Разговор был очень поверхностный, в том роде, в каком обыкновенно принцы ведут разговоры, когда желают быть с кем-нибудь любезными.

20 августа. Суббота. Дела на Шипке окончились благополучно; неприятель прекратил свои настойчивые атаки, и генерал Непокойчицкий, прибыв 18-го числа на позицию наших войск, нашел уже полное спокойствие. Таким образом, нашим войскам удалось отстоять этот проход, опять-таки благодаря своему самоотвержению и стойкости, но отнюдь не искусству своих вождей. 2-я пехотная дивизия возвращена к Сельви; опять начали заниматься приготовлениями к атаке Осман-паши в Плевне.

Между тем турки в последние дни начали тревожить наши боковые отряды и с западной стороны, и с восточной. Вчера, в годовщину восшествия на престол нынешнего султана, Мехмет-Али-паша атаковал войска наследника цесаревича, а Осман-паша предпринял из-за укреплений Плевны внезапное нападение на войска генерала Зотова. Всё утро мы были в тревожном ожидании. Только вечером и даже ночью узнали, что с одной стороны турки, сбив наши отряды с передовых позиций на правой стороне Черного Лома, прекратили свои действия и, по обыкновению, начали укрепляться на занятых пунктах; со стороны же Плевны, по донесению Зотова, вылазка произведена турками в числе около 25 тысяч и, несмотря на превосходство наше в силах на этом пункте, бой длился с 6 часов утра до 4 пополудни, причем мы потеряли до 600 человек и одно подбитое орудие. Таким образом, и на этот раз, когда неприятель осмелился наткнуться с 25 тысячами на наши два корпуса, наши стратеги не сумели воспользоваться благоприятным случаем и побить противника, а удовольствовались тем, что *отбили* его нападение.

Упустив возможность нанести поражение Осман-паше в поле, наш главнокомандующий должен будет в третий раз брать в лоб укрепления, значительно усиленные после 18 июля. Приготовления к новому бою совершаются секретно; однако же многие иностранные офицеры, видно, обладая чутьем, устремились к войскам Зотова. Великому князю Сергею Александровичу приказано отправиться обратно в Рущукский отряд.

Нынешний день везде прошел спокойно.

21 августа. Воскресенье. Оказывается, однако, вчерашний день был не так спокоен, как мы думали. Турки снова сделали

попытку обойти шипкинскую позицию со стороны деревни Зелено древо, но наши подошедшие своевременно войска заставили их отступить. С другой стороны, получено известие, будто бы турки построили мост от Силистрии к Каларашу. Известие это встревожило генерал-адъютанта Дрентельна, который, вступив в должность начальника военных сообщений армии и находясь в Бухаресте, уже распорядился было приостановить проходящие по железной дороге эшелоны. Однако же в средине дня, когда мы возвратились от обедни, получено было донесение о том, что турки сняли мост. Дело это требует еще разъяснения: как могли они так скоро навести мост, что стоящие в Калараше казаки не успели заблаговременно известить, и почему опять мгновенно развели? Во всяком случае, войскам, двигающимся по железной дороге, приказано продолжать следование безостановочно.

В штабе главнокомандующего занимаются приготовлениями к атаке Плевны, но по разным причинам вынуждены отсрочивать, так что теперь предполагается 23-го числа предпринять атаку на Ловчу 2-й дивизией князя Имеретинского, а затем уже 25-го – на самую Плевну. Генерал-майор Левицкий поехал к Зотову для совещаний о плане атаки. Никто не имеет доверия к искусству и распоряжениям этих двух личностей. В армии и в Главной квартире говорят о Левицком с негодованием и раздражением.

22 августа. Вторник. Князь Имеретинский нашел возможным двинуться к Ловче уже 21-го числа и атаковать турецкую позицию 22-го. Вчера целый день мы были в тревожном ожидании известий о результате; но только сегодня, в восьмом часу утра, получена лаконичная телеграмма генерала Зотова из Порадима, что Ловча взята. Уже позже начали получать постепенно более обстоятельные сведения, и, наконец, в седьмом часу вечера приехали флигель-адъютант граф Голенищев-Кутузов и ординарец главнокомандующего Андреевский, которые рассказали некоторые подробности вчерашнего дела. На сей раз по крайней мере не было ребяческих ликований; на успех под Ловчей смотрят как на предисловие гораздо более серьезного дела против главных сил Осман-паши под Плевной. К этому предприятию делаются приготовления, и генерал Зотов уже просил разрешение начать наступательные действия сегодня же. Однако сам отказался от этой мысли, видя утомление войск как бывших в бою под Ловчей, так и участвовавших сегодня в рекогносцировке под Плевной. Князь Карл прибыл лично в Порадим, но войска его, перешедшие Дунай в Никополе (а не у Корабии, как предполагали румыны), еще не подтянулись и не вступили в линию с русскими войсками.

Вчера я имел продолжительный и откровенный разговор с

главнокомандующим, в присутствии его начальника штаба – по поводу бездействия и беспечности полевой администрации армии. Великий князь, не отрицая справедливости упреков, приводил только отговорку, что трудно сделать всё, как было бы желательно. Разговор коснулся предполагаемого осенью похода за Балканы; главнокомандующий настаивал на необходимости этого движения, сознавая в то же время, что до сих пор не делалось ничего для подготовки к нему. [«Стало быть, – сказал я ему, – ваше высочество, если и будете сознавать, что погубите всю армию за Балканами, все-таки пойдете?» Категорического ответа я не получил.]

24 августа. Среда. Бивак в Чауш-Магале. Сегодня утром государь вместе с великим князем главнокомандующим выехал из Горнего Студеня в экипаже, а за ними последовал и я. Императорская главная квартира переместилась в Чауш-Магалу, в 15–20 верстах от Горнего Студеня по направлению к Плевне, а Главная квартира главнокомандующего – на несколько верст далее, в Раденицу. Погода изменилась, гроза освежила воздух; к концу дня сделалось даже свежо.

По приезде в Чауш-Магалу было совещание в палатке государя. Сведения из-под Ловчи весьма неопределенны и загадочны. Вчера слышны были выстрелы с той стороны; в ночь на 23-е турецкая колонна прошла из Плевны к Ловче; можно предположить, что князь Имеретинский был неожиданно встречен этими войсками. Никаких нет донесений от него самого. При таком положении дел признано неосторожным сегодня же начинать наступательные действия против Плевны. Поэтому решено не торопиться; великий князь главнокомандующий отправился вперед до Порадима, чтобы узнать там от Зотова, нет ли каких-нибудь известий о положении дел под Ловчей и о силах неприятельских в Плевне. Государь предоставил великому князю самому решить, когда и в каком порядке начать действия под Плевной.

Бивак наш здесь расположен среди самой деревни; помещение нельзя признать приятным. Над деревней возвышаются горы, с вершин которых открывается обширный вид, но сегодня нельзя насладиться этой панорамой, так как всё кругом заволокло густыми тучами.

Между тем в Рущукском отряде ежедневно происходят столкновения с турецкими войсками, пробующими то в одном, то в другом месте оттеснить наши войска на Ломе. Вчера было довольно горячее дело у Кадикиоя, под Рущуком. По-видимому, турки желали бы что-нибудь сделать с этой стороны, но не осмеливаются действовать решительно.

29 августа. Понедельник. Раденица. Главнокомандующий, прибыв 24-го числа в Раденицу, имел там совещание с принцем Карлом и генералом Зотовым. От князя Имеретинского получены наконец вполне благоприятные сведения об исходе боя под Ловчей. Несмотря на посланные туркам из Плевны подкрепления, Ловча осталась в наших руках, занята одной бригадой, а с остальными силами князь Имеретинский двинулся на Плевну и 25-го прибыл в Богот. Таким образом, не было уже причины откладывать долее атаку неприятеля под Плевной, и решили 25-го числа сделать все нужные приготовления, чтобы в ночь на 26-е приступить к постройке и вооружению батарей, назначенных для обстреливания неприятельских укреплений кругом Плевны.

Получив об этом известие 25-го в Чауш-Магале, государь решил перенести свою Главную квартиру в Раденицу на всё время действий под Плевной. 26 августа, выехав из Чауш-Магалы в 6 часов утра, прибыли в Раденицу около 10 часов и вскоре отправились далее к Плевне, вместе с главнокомандующим. От Раденицы до Плевны около 30 верст. На этом пути мы видели по сторонам дороги множество болгарских семейств, бежавших из разных мест, занятых турками, и кочевавших живописными таборами в ожидании исхода предстоящего боя.

На пути узнали мы, что первые действия наши против плевненской позиции начались успешно: неприятель не препятствовал в течение ночи постройке батарей и вооружению их. С рассветом 26-го с батарей открыт огонь. Северную сторону нашего расположения занимают румынские войска, южную – 4-й и 9-й корпуса, 2-я дивизия (князя Имеретинского) и летучий отряд генерал-майора Скобелева; бóльшая же часть кавалерии нашей и румынской, под началом генерала Лошкарева, направлена на левую сторону реки Вид, чтобы угрожать путям сообщения и отступления Осман-паши на Софию.

Государь и великий князь главнокомандующий со свитами своими расположились на горе, возвышающейся к востоку от Плевны, несколько южнее селения Гривица; отсюда можно было хорошо видеть всю южную сторону нашей и неприятельской позиций; видны были и некоторые части северной позиции, а в отдалении располагались возвышенности левого берега Вида.

Так просидели мы в нашей обсерватории до пятого часа вечера и к обеду возвратились в Раденицу. В продолжение дня получены тревожные известия от наследника цесаревича, который доносит о своем отступлении на Янтру. Первые эти телеграммы очень встревожили и огорчили государя; можно было полагать, что Рущукский отряд сбит неприятелем и потерпел поражение; опасались, что великий князь Владимир Александрович с 12-й

дивизией отрезан и приперт к Дунаю; недоумевали, что будет с осадной артиллерией, часть которой была подвезена к городу Пиргосу.

По приезде в Раденицу государь собрал в своей палатке великого князя главнокомандующего, его начальника штаба Непокойчицкого, его помощника генерал-майора Левицкого и меня. Полученные вечером телеграммы несколько ослабили первоначальное впечатление; видно было, что наследник цесаревич решил отвести свои войска от Лома не вследствие напора неприятеля, а по своим соображениям: из опасения, что турки при своей многочисленности могли обойти оба фланга 13-го корпуса на Ломе. Получена также телеграмма от князя Шаховского, который со своим 11-м корпусом остается спокойно на прежних позициях по дорогам от Тырнова на Осман-Базар.

В совещании нашем я старался обратить внимание главнокомандующего на то, что с отступлением Рущукского отряда от Лома неприятелю открывается путь к Тырнову и при слабости войск у князя Шаховского наступление турок в этом направлении представляет для нас наибольшую опасность. Того же мнения был и государь. Решено было прибывающие новые войска, 26-ю пехотную и Донскую казачью дивизии, стягивать на пути между Белой и Тырновом, чтобы, смотря по надобности, поддержать или войска 12-го и 13-го корпусов в низовьях Янтры (для прикрытия систовской переправы), или 11-й корпус – для прикрытия Тырнова.

27 августа снова отправились мы на позицию под Плевной; опять сидели долго на той же горе, которую уже окрестили Царским курганом; объезжали расположение некоторых резервов и перевязочных пунктов и возвратились в Раденицу около 8 часов вечера, когда было уже совсем темно. Главнокомандующий вместе с принцем Карлом остался в деревне Порадим, чтобы находиться ближе к месту боя.

Сведения от наследника цесаревича продолжали оставаться успокоительными. Неприятель не преследовал отступавшие войска, которые остановились на полпути от Лома к Янтре.

28-го и 29-го числа опять ездили на позицию. Дело подвигается медленно; выпускают множество снарядов, а результат незаметный. Вчера румынские войска дебютировали удачным движением вперед и занятием позиции ближе к неприятельским укреплениям. Государь послал флигель-адъютанта благодарить румын и отвезти им несколько солдатских крестов.

Князь Имеретинский атаковал три батареи на оконечности неприятельского правого фланга. Две батареи были успешно

взяты, но против третьей атаку отразили; потери составили около 600 человек. Кавалерия генерала Лошкарева преградила выход из Плевны по дороге к Софии. Но турки держатся стойко; по ночам исправляют поврежденные укрепления и даже возводят новые. Хотя наши батареи подвинулись вперед и действуют удачно, однако же положительного результата еще не заметно, а между тем начальник артиллерии князь Масальский уже жалуется на неумеренное расходование зарядов и затруднительность своевременного их пополнения. Летучие и подвижные парки едва успевают подвозить.

Крайне утомительно ежедневно ездить отсюда на позицию и обратно и сидеть там целый день под палящими лучами солнца, без всякого дела. Но государя как будто тянет туда; быть может, он даже спокойнее, находясь в виду войск и батарей. Ему хотелось бы[130] самому быть под выстрелами. Говорят, что вчера и сегодня просвистело несколько пуль картечной гранаты близко от нашего места наблюдения, но я не заметил их; да и рассудительно ли повелителю восьмидесяти или ста миллионов народа подвергать себя подобной случайности без всякой надобности и пользы.

31 августа. Среда. Вчерашний день не был днем торжества и радости. Планировали произвести решительную атаку на позицию перед Плевной. К полудню государь приехал на Царский курган и здесь, при громе пушек с наших и турецких батарей, совершено молебствие. Не дождавшись трех часов – времени, назначенного для общего наступательного движения, – некоторые войска преждевременно завязали дело и пошли в атаку. Мы следили за их движением и с замиранием сердца выслушивали привозимые адъютантами донесения. С правой стороны приходили неутешительные сведения: самые настойчивые атаки румынских и наших войск (1-й бригады 5-й пехотной дивизии) на главный редут над Гривицей были три раза отбиты турками; на левом фланге генерал Скобелев первоначально имел успех, выдвинулся вперед, но атака 30-й дивизии на редут также была отбита. На обоих пунктах потери наши были громадны. Когда уже совсем стемнело и бой, по-видимому, затих, мы возвратились в Раденицу в самом грустном настроении. На государя жаль было смотреть.

Однако же сегодня рано утром приехал с позиции флигель-адъютант Чингис с известием, что вчера, в самый час отъезда государя с позиции, Гривицкий редут наконец был взят совокупными силами 5-й дивизии и румын. Известие это возродило в нас новые надежды и бодрость, так как редут этот считался ключевой позицией. Но когда мы снова приехали на

позицию, то были несколько удивлены, увидев вытянувшиеся лица главнокомандующего и его свиты. Они не радовались взятию редута, как оказалось, потому, что после понесенных огромных потерь признавали невозможным продолжать атаку неприятельской позиции. Целый день опять просидели мы на горе, смотря в бинокли вдаль, на левое наше крыло, где всё время кипел жестокий бой. Турки сами перешли в наступление; пять раз они возобновляли нападения на Скобелева, и пять раз нападения отражали. Но в шестой раз им удалось оттеснить наше левое крыло.

Гривицкий редут оставался за нами, но турки успели возвести против него новые укрепления, тогда как наши, засев в редут, во весь день ничего не сделали, чтобы прочно в нем утвердиться, и даже не ввезли в него артиллерии. Во всё время государь сидел рядом с главнокомандующим, по временам подзывал к себе начальника штаба Непокойчицкого; я же держался в стороне, поодаль.

Душевная скорбь моя усугублялась лихорадочным состоянием, головной болью и упадком сил. Я прилег на траву, под деревом. Уже близко было к закату солнца, когда кто-то сообщил мне, подойдя, что государь спрашивает меня. Я встал и подошел к государю, который вполголоса, с грустным выражением сказал: «Приходится отказаться от Плевны, надо отступить…» Как громом пораженный таким неожиданным решением, я горячо восстал против него, указав неисчислимые пагубные последствия подобного исхода дела. «Что ж делать, – продолжал государь, – надобно признать, что нынешняя кампания не удалась нам». – «Но ведь подходят уже подкрепления», – возразил я. На это главнокомандующий заметил, что пока эти подкрепления не прибыли, он не видит возможности удержаться перед Плевной, и с горячностью прибавил: «Если считаете это возможным, то и принимайте команду; а я прошу меня уволить».

Однако после этой бутады[131] и благодаря печальному настроению государя начали обсуждать дело спокойнее. «Кто знает, – заметил я, – в каком положении сами турки? Каковы будут наши досада и стыд, если мы потом узнаем, что отступили в то время, когда турки сами считали невозможным долее держаться в этом котле, обложенном со всех сторон нашими войсками?» Кажется, этот аргумент подействовал более всех других. Решено было, что войска останутся пока на занятых ими позициях, прикроются укреплениями и не будут предпринимать новых наступательных действий. В таком смысле разосланы были приказания.

Мы возвратились в Раденицу к 8 часов вечера, в настроении

еще более мрачном, чем накануне. Никогда еще не видал я государя в таком глубоком огорчении: у него изменилось даже выражение лица.

1 сентября. Четверг. Сегодня мы недолго оставались на позиции перед Плевной. Никаких действий не предпринималось ни с нашей стороны, ни турками; раздавались только редкие выстрелы, преимущественно с наших батарей. Убыль в войсках в последние три дня была огромная, но еще не приведена к точным цифрам. Некоторые полки обратились в батальоны, а от стрелковой бригады осталось, как говорят, всего от 200 до 300 человек. Впоследствии оказалось гораздо более: собралось до 1600 человек. Когда мы утром ехали на позицию, а потом обратно, то встречали и обгоняли вереницы раненых, на повозках и пешком.

Во время нашего пребывания на обычном наблюдательном пункте государь пожелал еще обсудить вопрос о предстоящем образе действий. На совещание призваны были, кроме великого князя главнокомандующего, его начальника штаба Непокойчицкого и меня, еще начальник артиллерии генерал-адъютант Масальский, генерал-лейтенант Зотов и генерал-майор Левицкий. Все мы собрались кругом государя и поочередно должны были высказывать свое мнение. Великий князь и Непокойчицкий по-прежнему признавали невозможным удержаться на занятых под Плевной позициях; князь Масальский и Зотов склонялись к тому же мнению; только Левицкий имел мужество высказаться в противном смысле и весьма дельно привел доводы в пользу мнения, которое было вчера выражено мною.

Выслушав всех, государь ясно объявил свое решение – держаться и укрепиться на прежних позициях до прибытия ожидаемых подкреплений и затем предпринять постепенную атаку неприятельских укреплений. Предоставив великому князю обсудить с главными его помощниками все подробности первоначальных распоряжений, государь вместе с тем решил вытребовать сюда генерала Тотлебена, которому я и телеграфировал немедленно по возвращении нашем в Раденицу.

3 сентября. Суббота. Вчера и сегодня всё тихо около Плевны, изредка только постреливают наши батареи. Турки сделали ночью попытку против занятого нашими войсками редута, но, кажется, не очень серьезную. Сегодня утром приехали сюда, в Раденицу, великий князь главнокомандующий и румынский принц Карл, чтобы отдать государю отчет об изменениях в расположении войск, блокирующих Плевну. Меня не пригласили выслушать их доклад, и я снова умываю руки во всем, что

делается в нашей несчастной армии.

Государь, по своему счастливому характеру, уже смотрит на дело с благодушным спокойствием, раздает награды, оказывает большое внимание и заботливость раненым, провозимым из-под Плевны. Вчера и сегодня роздано множество крестов и золотых сабель, в том числе большей части флигель-адъютантов, вся заслуга которых ограничивается тем, что им случилось проскакать в пределах неприятельских выстрелов. Государю приятно видеть перед собой довольные лица. Самому румынскому князю пожалован крест Святого Георгия 3-й степени.

Вчера государь ездил в Булгарени, где открыт временный военный госпиталь. Обгоняя по дороге раненых, он некоторых из них, шедших пешком, посадил к себе в коляску и довез до госпиталя. Крайне грустное впечатление произвел на государя вид огромного числа скопившихся тут страдальцев.

Госпиталь, устроенный всего на 600 кроватей, не имел, конечно, достаточных средств, чтобы удовлетворить потребности свезенных в него нескольких тысяч раненых. Отвозить их далее также было затруднительно по недостатку потребного для того непомерного числа подвод.

5 сентября. Понедельник. Горний Студень. Вчера государь и вся свита его возвратились в Горний Студень. По дороге вторично посетили военный госпиталь в Булгарени, нашли еще большее, чем в первую поездку, число раненых, не имевших помещения в шатрах и ожидавших дальнейшего отправления. Многие из них лежали на земле, открыто, под палящими лучами солнца, ожидая очереди для перевязки или операции. Государь раздавал офицерам присланные императрицей мелкие подарки, а подъезжая к Горнему Студеню, остановился у бивака только что прибывшей гвардейской стрелковой бригады.

Сегодня и главнокомандующий со своим штабом также переехал в Горний Студень. Говорят, что под Плевной строятся укрепления – и нами, и турками. Перед обедом получена телеграмма от генерала Радецкого о том, что турки возобновили нападение на Шипку. После девятичасового упорного боя атаки неприятеля были отбиты, с большим уроном для обеих сторон.

В Горнем Студене я занял прежнюю свою комнату рядом с помещением государя. Перемещение под крышу оказалось очень кстати, потому что весь вчерашний вечер я пролежал в пароксизме лихорадки, обнаружившейся у меня еще 31-го числа на позиции перед Плевной.

7 сентября. Среда. Вчера под Плевной румыны сделали попытку выйти из своих траншей, чтоб овладеть неприятельским укреплением, беспокоящим войска в занятом нами большом

редуте. Атака была отбита, с уроном до двухсот человек.

Сегодня отслужена панихида в память покойного наследника Николая Александровича и по убитым в последнее время трем флигель-адъютантам: Шлиттере, Териеве и князе Мещерском. Последний убит два дня тому назад на Шипке.

Потом был смотр гвардейской стрелковой бригады.

Вчера у государя устроили совещание с великим князем главнокомандующим, в присутствии генерала Непокойчицкого, Левицкого и меня. Оно еще раз подтвердило, что у начальства армии нет плана будущих действий, даже и по прибытии всех подкреплений. Разговор более касался распоряжений на ближайшее время, так сказать, на завтрашний день; решено, что генерал-майор Левицкий съездит в отряд наследника цесаревича, чтобы разъяснить расположение этих войск и положение дел на левом нашем крыле. Но когда государь возбудил вопрос о зиме, ни у кого не оказалось определенной мысли о том, что нам предстоит. Вытребованный сюда из Петербурга главный интендант генерал-адъютант Кауфман (Михаил Петрович) старается выяснить потребности армии на будущее время собственно по интендантской части, на которую все в армии жалуются; но едва ли удастся ему в несколько дней исправить и направить эту крайне расстроенную часть полевого управления армии.

10 сентября. Суббота. Вчера получены были с двух сторон тревожные сведения: из-под Плевны телеграфируют, будто Сулейман-паша с 40 тысячами войска идет на выручку Осман-паши и находится уже в трех часах пути от Плевны; с левого же крыла – что Мехмет-Али-паша атаковал войска Рущукского отряда на Ломе и в селе Чаркиой. Атака эта была отбита, но подтвердила постоянное мое мнение о важности дороги от Новачи через Чаркиой к Тырнову. Генерал-майор Левицкий, ездивший к наследнику цесаревичу, чтобы выяснить, почему стоявшая у Чаркиоя бригада 11-го корпуса (князя Шаховского) была притянута к Церковне, возвратился с объяснениями не вполне убедительными. Сегодня неприятель не возобновлял атаки, и у нас несколько отлегло. Известие о близости Сулейман-паши не подтвердилось, хотя, согласно телеграмме, полученной сегодня, кавалерия наша на левой стороне Вида участвовала в схватке; слышны были выстрелы.

Дня два холодной и дождливой погоды расстроили здоровье государя, он опять без голоса. Однако же это не помешало ему сделать сегодня смотр прибывшей в Акчаир бригаде 3-й гвардейской пехотной дивизии, а потом съездить в здешний госпиталь и снова раздавать раненым присланные из Петербурга

от имени императрицы подарки.

11 сентября. Воскресенье. За утренним кофеем, на галерее, государь, по обыкновению прочитав мне и графу Адлербергу полученные новые телеграммы, сказал нам, под условием хранения в тайне, что получил письмо от наследника цесаревича, который со всей откровенностью описывает существующее в армии неудовольствие в отношении главного начальства, потерявшего всякое доверие войск. Наследник убеждает государя принять лично командование армией, назначив меня своим начальником штаба.

Государь, читая это письмо, прослезился. Мысль не новая; она высказывалась уже многими и доходила до самого государя. Казалось даже, что мысль эта улыбалась ему. Однако же мы оба, граф Адлерберг и я, сочли долгом совести откровенно представить невыгодные стороны предположения, чтобы государь принял на себя лично исправление испорченного дела и всю нравственную ответственность за дальнейший ход кампании. Да и на чем основано предположение, что дело пойдет лучше с переменой главного начальства армии? [Напротив того, насколько мне известен характер государя, я уверен, что он не может командовать армией. Во всяком случае, я, со своей стороны, не взял бы на себя трудной обязанности начальника штаба при таком главнокомандующем.] Вопрос этот, конечно, не мог быть приведен в числе высказанных государю доводов; но я уверен, что в глубине мыслей графа Адлерберга не менее, чем у меня, лежало сильное сомнение.

Государь был очень смущен духом, его здоровье совершенно расстроено. За обедней он не мог стоять и часто садился, чего никогда до сих пор не бывало. После завтрака приехал великий князь Владимир Александрович из Абланова и имел с отцом продолжительный разговор. Догадываюсь, что речь шла опять о вопросах командования армией. По крайней мере после обеда, когда государь сел на свое обычное место под галереей и около него не было никого, кроме графа Адлерберга и меня, он сказал нам вполголоса, что наследник цесаревич примет начальство гвардейским корпусом, великий князь Владимир Александрович – 1-й гвардейской пехотной дивизией, а вместо генерала Гана предполагается назначить командиром 13-го корпуса генерал-адъютанта князя Дондукова-Корсакова, который по старшинству примет и общее начальство Рущукским отрядом. Вследствие этого возник вопрос о временном замещении князя Дондукова-Корсакова в Киеве; я указал на генерал-адъютанта Черткова, остающегося здесь в свите в полном бездействии.

К вечернему чаю государь не вышел в большую палатку.

12 сентября. Понедельник. За утренним кофеем, в присутствии великого князя Владимира Александровича, государь снова завел речь о принятии им на себя командования армией. Видно было, что великий князь с тем и приехал, чтобы словесными убеждениями подкрепить письменное заявление наследника цесаревича. Мне пришлось опять возражать против мнения обоих царевичей, будто стоит только государю облечься титулом главнокомандующего, и всё пойдет как по маслу. Великие князья легко смотрят на вещи и не сознают всей затруднительности настоящего положения. По их мнению, нетрудно будет отбросить Мехмета-Али к Шумле и в нынешнюю же осень покончить кампанию. Государь, однако же, не поддается пока соблазнительным убеждениям своих сыновей; он не отверг их доводы окончательно, но сказал, прощаясь с сыном, что до прихода всех подкреплений есть еще более месяца, а значит, есть время подумать и сообразить.

Сегодня же окончательно решено вызвать сюда князя Дондукова-Корсакова, киевского генерал-губернатора, чтобы поручить ему командование 13-м корпусом вместо Гана, чувствующего свою старость и бессилие; он же, князь Дондуков-Корсаков, примет и начальство Рущукским отрядом как старший из корпусных командиров. Исправление должности его в Киеве временно поручается генерал-адъютанту Черткову.

Государь чувствует себя хуже прежнего; у него был настоящий пароксизм лихорадки, так что после утреннего кофея он лег в постель и уже не выходил в течение дня.

17 сентября. Суббота. По возвращении великого князя Владимира Александровича в Главную квартиру Рущукского отряда наследник цесаревич снова написал длинное письмо государю, доказывая необходимость решительных действий; по письму видно, что Владимир Александрович не совсем верно передал старшему брату соображения государя, дав повод наследнику заключить, что на всю осень предполагают оставаться в пассивном положении. Наследник повторял, что берет на свою ответственность покончить с Мехмет-Али-пашой, если только ему дадут гвардейский корпус.

Государь не ответил на это письмо, а вызвал сюда наследника лично. Его ожидали в среду (14-го числа); но в это утро получена была из-под Чаркиоя странная телеграмма от полковника Бискупского, начальника штаба 11-го корпуса. Согласно этой телеграмме, армия Мехмета-Али вдруг отступила со всех занятых ею позиций, по-видимому, за реку Черный Лом, и притом так поспешно, что даже не сняла телеграфной проволоки и побросала ящики с патронами. Мы ломали голову, чтоб объяснить себе

причину такого неожиданного отступления турок.

Вслед за тем получено известие, что наследник отложил свой приезд в Горний Студень до другого дня. Мы приписали это решение неожиданному отступлению турок и желанию наследника выяснить, куда и почему они отступили; однако ж потом оказалось, что отсрочка эта вызвана была просто дурной погодой и грязной дорогой.

Между тем из-под Плевны также приходили странные известия. Генерал Зотов доносил, что уже несколько дней не имеет известий от генерала Крылова, который действовал с кавалерией на левой стороне Вида. Не раз слышны были выстрелы по софийской дороге; но потом всё утихло. Телеграмма эта дала повод к предположению, что кавалерия наша имела встречи с турецкими колоннами и транспортами на пути к Плевне и что, по всем вероятиям, мы ошибались, воображая, что блокируем Плевну кругом и отрезали Осман-пашу от его сообщений. Теперь оказывается, что колонна из 20 таборов, откинув нашу кавалерию, действительно прошла в Плевну и провезла туда транспорт с продовольственными и военными запасами.

Еще получены известия о том, что в Силистрии турки снова наводят мост, хотя очень медленно. Телеграмма из Вены предупреждала, будто они намерены переправить через Дунай несколько тысяч башибузуков и черкесов, чтобы мешать сообщениям нашей армии и навести страх в Румынии. С Шипки также приходили сведения неутешительные: наши войска там бедствовали, не только от неудобной позиции, находясь постоянно под неприятельскими выстрелами со всех сторон, но также и от холода и непогоды; в горах уже выпал снег, а наши бедные солдаты совершенно оборваны.

В четверг, 15-го числа, около полудня, приехал наследник с великим князем Сергеем Александровичем. В этот же день прибыли в Горний Студень генерал-адъютанты Мещеринов и Тотлебен. Государь, не совсем еще оправившись от болезни, так устал от разговоров с приезжими, что отложил предположенное совещание до следующего дня. Приезд начальника Рущукского отряда с начальником его штаба генералом Ванновским нисколько не разъяснил нам причин и обстоятельств неожиданного отступления Мехмета-Али.

В пятницу утром государь сел верхом и пропустил перед собой всю 3-ю гвардейскую пехотную дивизию. В это же утро приехал ко мне с бивака гвардейской кавалерии племянник мой Юрий Милютин, поступивший вольноопределяющимся в гвардейский Уланский полк.

В 4 часа было у государя совещание, в котором участвовали, кроме великих князей Николая Николаевича и наследника, генералы Непокойчицкий, Тотлебен, Ванновский, Левицкий и я. Государь изложил весьма разумно настоящее положение дел и поставил вопрос, с чего нам выгоднее начать действовать по прибытии подкреплений: с выручки ли отряда, бедствующего столько уже времени на Шипке, с довершения атаки Плевны и нанесения поражения Осман-паше или, наконец, с нападения на Мехмета-Али?

Великий князь главнокомандующий дельно изложил свои соображения в том смысле, что прежде всего следует покончить на правом фланге с Осман-пашой. Соображения эти дополнил Непокойчицкий; затем Тотлебен пустился в подробности, мало разъясняющие поставленный вопрос. Я, со своей стороны, просил позволения сначала выслушать мнения великого князя наследника и его начальника штаба, не разделявших мнений главнокомандующего и желавших прежде всего покончить с Мехметом-Али.

Тогда Ванновский высказал свои соображения, весьма шаткие и неубедительные, а наследник почти ничего не прибавил в подтверждение своего плана. Не оставалось сомнения в том, что при настоящих обстоятельствах, особенно после загадочного отступления Мехмета-Али, всего важнее для нас разрешение вопроса на правом нашем крыле – в Плевне. Поэтому я не мог колебаться и присоединился к мнению великого князя главнокомандующего, но присовокупил, что для окончательного решения самого плана действий необходимо выждать результата подробных рекогносцировок и соображений генерала Тотлебена, поскольку и с большими силами нелегко будет выбить Осман-пашу из созданного им нового Севастополя. Окончательно принят план главнокомандующего с теми дополнениями, которые должны выясниться после рекогносцировки Тотлебена.

Сегодня утром наследник и великий князь Сергей Александрович уехали к себе, в Дальний монастырь. Государь сделал смотр гвардейской кавалерии, проходившей через Горний Студень на Липницу, где ей назначено пробыть некоторое время, до разъяснения обстоятельств.

Завтра утром сам главнокомандующий отправляется под Плевну вместе с генералом Тотлебеном.

Погода поправилась, но свежо, особенно по ночам.

21 сентября. Среда. Великий князь главнокомандующий вместе с Тотлебеном осматривает местность под Плевной. Между тем государь озабочен сведениями о постройке турками моста через Дунай у Силистрии. К Каларашу направлена одна бригада

24-й дивизии, следующей пешим порядком к Зимнице. По желанию государя главнокомандующий сегодня дал приказание удержать временно на левой стороне Дуная всю эту дивизию и 1-ю кавалерийскую. От наследника получены сведения, что армия Мехмета-Али расположилась за Черным Ломом, главными силами ближе к Рущуку.

Сегодня утром приехал сюда из Петербурга великий князь Павел Александрович, как раз в день своего рождения. Великий князь Сергей Александрович также приехал из Главной квартиры Рущукского отряда, чтобы повидаться со своим братом.

24 сентября. Суббота. Вчера государь выезжал встречать Финский стрелковый батальон и вместе с ним доехал до бивака Гвардейской стрелковой бригады, где, по обыкновению, был окружен массой офицеров и солдат, бежавших за ним с криками «ура!». Сегодня выступила к Плевне и 1-я гвардейская пехотная дивизия. Государь, пропустил мимо себя эти войска, прощался с начальниками, говоря всем «до скорого свидания». Погода отвратительная, холодная, с резким ветром, а к ночи пошел дождь и термометр чуть не спустился до нуля.

Вчера возвратился из-под Плевны великий князь главнокомандующий. Он объяснил государю настоящее положение дел и свои предположения. Решено 1-ю и 3-ю гвардейские пехотные дивизии расположить на линии, занимаемой ныне 4-м корпусом, который должен перейти за реку Вид и вместе с кавалерией преграждать пути к Плевне неприятельским подкреплениям и транспортам. Таким образом, отказываясь от атаки на укрепленную позицию турок, мы вынуждены довольствоваться блокадой Осман-паши, пока он в состоянии держаться в своем укрепленном лагере.

С переходом 4-го корпуса за реку Вид вместо генерала Зотова решили назначить генерала Тотлебена ментором к князю Карлу, с титулом помощника его, а начальником штаба – генерал-майора князя Имеретинского. Перемену эту нельзя не одобрить; князь Карл не сходился с Зотовым, назначение которого с самого начала меня удивило, так как я знаю его с молодых лет, еще с Кавказа: при всех его достоинствах, он наименее пригоден для той щекотливой роли, которая была на него возложена. Тотлебен, хотя крайне тяжел и едва ли будет приятен для князя Карла, по крайней мере будет иметь авторитет как по своей боевой репутации, так и по опытности в том именно деле, к которому теперь призван. Молодой же князь Имеретинский, развитой и бойкий офицер с большим тактом, сумеет ладить и с румынским князем, и с Тотлебеном, и с окружающими их.

Что касается Рущукского отряда, то решено в отмену

прежнего предположения, что наследник цесаревич останется еще некоторое время командующим этим отрядом, пока приехавший вчера князь Дондуков-Корсаков, по вступлении в должность командира 13-го корпуса (вместо генерала Гана), успеет осмотреться и освоиться с новым делом, от которого давно уже отстал, занимая около двадцати лет административные должности. Об этом просил сам князь Дондуков. К тому же признается не совсем благовидным для наследника цесаревича покинуть Рущукский отряд и принять начальство над двумя гвардейскими дивизиями именно в то время, когда, по всем признакам, турки готовятся к решительному бою на Ломе. Великому же князю Владимиру Александровичу предназначается принять начальство своей 1-й гвардейской пехотной дивизией и, временно, всем гвардейским корпусом.

Что выйдет изо всех этих перестановок? Произведет ли прибытие гвардии благоприятный перелом в ходе военных действий? Это вопросы будущего; а между тем осеннее время уже и теперь дает себя чувствовать. Войска не падают духом; однако же слышится отовсюду ропот против начальства. В России этот ропот принимает характер общего неудовольствия; громко порицают и начальство армии, и самого государя. Не скрывают негодования тем, что должности в армии розданы великим князьям и принцам, как будто вся кампания ведется для того только, чтобы доставить случай членам царского дома украситься георгиевскими крестами. Этот боевой почетный знак, так высоко ценившийся в общественном мнении, раздается теперь с такой щедростью, достается так легко, что начинает терять прежнее высокое значение. Злые языки даже в свите государя громко говорят, что война ведется по образцу красносельских маневров. Ходят слухи, будто в России, в самом Петербурге, намереваются подать государю адрес для убеждения его возвратиться в свою столицу.

Князь Дондуков-Корсаков уехал сегодня в Рущукский отряд вместе с моим сыном, приезжавшим сюда на два дня с казачьих аванпостов, выставленных вдоль Черного Лома.

27 сентября. Вторник. Продолжается сквернейшая погода; по ночам термометр спускается чуть не до нуля; сильный ветер с дождем, страшная грязь. А войска всё еще не получают теплой одежды, не исключая и отряда на Шипке, который бедствует в лохмотьях, без крова и даже без огня на позиции. Гвардейские дивизии с трудом дотащились до Порадима, откуда предполагается направить их уже не на плевненскую позицию, для замещения 4-го корпуса, а прямо за реку Вид. Оказывается, войска 4-го корпуса чуть не босые. Перевозка по железным

дорогам и передвижение по грязным румынским и болгарским дорогам сопряжены с крайними затруднениями.

В газетах пишут, что Мехмет-Али-паша сменен, на место его назначен Сулейман-паша – как человек известный своей энергией и решительностью. Отсюда выводят предположение, что в скором времени турки начнут решительную атаку со стороны Черного Лома на войска наследника цесаревича. Главные силы их стянулись ближе к Рущуку и, стало быть, намерены перейти Лом в низовьях его. Наследник также стянул свои силы ближе к Дунаю.

Вчера приехал сюда молодой баварский принц Арнульф, племянник короля. Удачно выбрал время! Вместе с ним приехал и адъютант мой Арапов, на смену уехавшего из армии Лярского.

Сделано распоряжение об осмотре и приготовлении квартир в Систове для размещения обеих главных квартир.

30 сентября. Пятница. По-прежнему отвратительная погода; в моей сквозной комнате не только холодно, но протекает потолок, так что среди комнаты поставлены лохани. Гвардейские дивизии с трудом двигаются через Ласкар к реке Вид.

Получены по телеграфу два известия: одно о смелом наступлении нашей речной флотилии совместно с сухопутными войсками по Сулинскому рукаву Дуная к самому Сулину, причем один большой турецкий военный пароход потоплен минами, а у броненосца взорван паровой котел; другая телеграмма извещает о проходе через австрийскую границу в Малую Валахию шайки в 1500 вооруженных людей. Несколько дней тому назад австрийской полиции удалось расстроить подобное же покушение в другом пункте границы – около Кронштадта; на сей раз, видно, полиция австрийская прозевала. Трудно, однако же, предположить, чтобы подобная шайка могла предпринять что-нибудь значительное.

Нелидов представил государю записку, в которой излагает свой взгляд на положение дел в настоящий момент и ведет к тому, что нам следовало бы, в случае предложения посредничества со стороны других держав, согласиться на мир, хотя бы на самых скромных условиях. Прочитав эту записку, я высказал государю свое мнение, а именно: прежде всего было бы необходимо нам самим точнее формулировать, в чем состоит тот *minimum* уступок со стороны Турции, при котором для нас возможен мир; только после того можно судить о том, есть ли вероятие, что Турция, которая еще до начала войны отвергла с такой самонадеянностью предложенные ей от имени всех шести держав крайне умеренные условия, согласится теперь на какие-либо уступки, при настоящем положении дел на театре войны.

Государь вполне согласился с этим мнением и сказал, что по переезде в Систово можно будет пригласить туда канцлера для совещания с ним. На это я позволил себе заметить, что было бы желательно, чтобы инициатива этих совещаний шла не от главнокомандующего (при котором Нелидов занимает пост начальника дипломатической канцелярии), дабы не подать повода к новым толкам о нашем военном бессилии, будто бы вынуждающем призвать на выручку дипломатию. Странным покажется такое соображение: как будто военная сила стоит в антагонизме с дипломатией, вместо того чтобы служить ей орудием. Но, к сожалению, таков взгляд нашего канцлера, у которого всегда на первом плане его собственное «я». Тщеславие его заслоняет даже государственные интересы. Во всяком случае, едва ли можно ожидать какой-либо пользы от приезда канцлера в Систово. Не придется ли опять вызвать сюда Игнатьева, который еще из Белы, где он схватил сильную лихорадку, уехал в свое киевское имение?

1 октября. Суббота. Телеграммы с разных пунктов театра войны неутешительны. Удостоверились, что и после 10 сентября Осман-паша получал в Плевне подкрепления и транспорты, которых не могла остановить [одна] наша кавалерия. Есть сведения, будто на днях прошло даже до 50 таборов; трудно доверять подобным показаниям. Между тем Тотлебен дал знать, что опасается двинуть две гвардейские дивизии на другую сторону Вида, пока не подойдут еще две дивизии (2-я гвардейская и 3-я гренадерская). Но дивизий этих пришлось бы дожидаться чуть не до 20 октября, дав во всё это время Осман-паше полную свободу получать новые подкрепления и транспорты. Притом ожидаемые дивизии прежде всего необходимы для поддержания Рущукского отряда, который ежедневно ожидает нападения превосходящих сил Сулейман-паши.

Государь очень тревожится за левое наше крыло, однако сегодня же приказал великому князю Сергею Александровичу возвратиться в Главную квартиру наследника цесаревича. Вчера вечером и сегодня у государя вырывались выражения: «Я сам распоряжусь», «Я сам туда поеду». По всему видно, что у него поколебалось доверие к главнокомандующему и его начальнику штаба; он видит ясно их несостоятельность и, к крайнему прискорбию своему, не находит уже возможности поправить дело.

Сегодня перед завтраком и после него были у государя совещания с ними, в моем присутствии. Между прочим зашла речь о записке Нелидова, которую великий князь намеревался препроводить при своем письме к канцлеру. Государь, согласно с высказанным мною вчера мнением, признал неудобным, чтобы

инициатива обращения к дипломатическому вмешательству шла от главнокомандующего. После ухода великого князя и генерала Непокойчицкого, оставшись наедине с государем, я высказал ему со всей откровенностью соображения относительно ведения этого щекотливого дела. Объяснив некомпетентность князя Горчакова и его ближайших советников (без участия Игнатьева), я позволил себе прямо заявить, что наши дипломаты не справятся с задачей, что, вообще, такое дело вести официальным дипломатическим путем невыгодно и в настоящий момент, более чем когда-либо, представляется нам случай воспользоваться существующими личными отношениями дружбы и родства между двумя императорами, чтобы вызвать на помощь императора Вильгельма и его энергичного канцлера. Как нельзя более кстати приехал в Главную квартиру из Берлина состоящий в качестве нашего военного агента генерал-адъютант Рейтерн, под тем предлогом, что император Вильгельм желает ближе узнать истинное положение дел на театре войны. Такое поручение как раз нам на руку: почему бы не поручить Рейтерну привезти в Берлин словесное заявление нашего императора, что настало время, когда Германия может оказать нам дружескую услугу.

Государь заметил, что вмешательство дипломатии может быть допущено только в виде нашего официального вызова; я же думаю, наоборот, что официальный призыв на помощь дипломатического вмешательства более унизителен, выказывая явно бессилие наше справиться с Портой силой оружия. Государь заключил разговор словами: «Я подумаю еще об этом».

3 октября. Понедельник. Ничего замечательного; всё то же томительное ожидание турок со стороны Рущука, то же бездействие под Плевной, то же тяжкое положение войск на Шипке. Подошедшие первые два полка 2-й гвардейской и один полк 3-й гренадерской дивизий прибыли в Павло; наследник цесаревич требует, чтобы эти полки, не ожидая хвоста дивизий, пошли к Беле. Погода поправилась, и дороги быстро высыхают.

В Главную квартиру приехал государственный контролер Грейг. Не знаю, с какой целью.

4 октября. Вторник. Наконец первая значительная победа: утром получена с Кавказа телеграмма о совершенном поражении армии Мухтар-паши в ее сильной позиции на горе Аладжа. Первая краткая телеграмма была дополнена вечерней, более подробной. Из нее можно заключить, что успех полный, какого только можно желать: сам Мухтар едва ушел в Карс с небольшой частью левого своего крыла; всё же правое крыло, состоявшее из трех дивизий, сложило оружие с 7 пашами и 36 орудиями.

Известие это произвело, конечно, большую радость у нас в

Главной квартире. Государь, по своему обыкновению, сейчас же вышел на крыльцо и перед случившимися тут лицами свиты прочел вслух телеграмму. Затем он отправился в лагерь лейб-гвардии Казачьего полка, празднующего сегодня свой полковой праздник. Объехав фронт полка, государь приказал мне перед полком прочесть телеграмму. По обыкновению, отслужено молебствие в походной церкви, оригинально устроенной из дубовых ветвей; потом все офицеры полка были приглашены к завтраку и при этом снова прокричали «ура!» кавказским победителям.

5 октября. Среда. По случаю дня рождения великой княгини Марии Александровны, герцогини Эдинбургской, опять были у обедни, а после завтрака встречали и провожали два полка 2-й гвардейской пехотной дивизии (Павловский и Финляндский), проходившие от Павло к Плевне, а потом третий полк той же дивизии, Гренадерский, направленный туда же прямо из Царевицы. Все три полка имели вид бодрый, молодцеватый, несмотря на дальний поход.

Вчерашнее известие с Кавказа было общим предметом разговора. Поражение Мухтара представляется как бы первым признаком поворота в ходе кампании. Всякому приходит мысль – что, если б теперь и на здешнем театре войны совершилось что-нибудь подобное! Почему бы Осман-паше не разделить судьбу Мухтара!

Между тем по сведениям с левого крыла (от наследника) видно, что и Сулейман-паша, несмотря на прославленную энергию его и решимость, после произведенной 3-го числа рекогносцировки на левый берег Лома, не решился, однако же, атаковать нас. Говорят, будто часть его войск потянулась к югу.

8 октября. Суббота. Вчера вечером, за чаем у государя, мы были обрадованы телеграммой румынского принца Карла, извещавшего, что румынами взят второй турецкий редут; вслед за тем и генерал Тотлебен телеграфировал о мерах, принимаемых для удержания редута. Каково было наше разочарование, когда следом другая телеграмма Тотлебена известила, что турки опять отняли редут.

Делаются приготовления к началу наступления гвардейских войск за Видом. Великий князь главнокомандующий намерен туда отправиться, но боится, что вслед за ним поедет туда же и сам государь. Сегодня великий князь прямо жаловался на свое стесненное положение, лишающее его свободы распоряжений. И действительно, сегодня же, вопреки предположениям главнокомандующего, государь *приказал* прибывшие уже полки 3-й гренадерской дивизии, не ожидая хвоста, отправить за Янтру в

распоряжение наследника цесаревича. Трудно сказать, кто теперь настоящий главнокомандующий и на ком лежит ответственность.

10 октября. Понедельник. Великий князь главнокомандующий отложил до завтрашнего дня свою поездку под Плевну вследствие просьбы генерала Тотлебена, который опасается, что приезд его высочества и самого государя укажет туркам намерение наше возобновить решительные действия. Понятно, что генерал Тотлебен желает иметь простор в своих приготовлениях и распоряжениях. Присутствие государя неизбежно стеснило бы его и даже отняло бы много времени. Сколько ни представляли государю все затруднения и неудобства его переезда, намерение его не поколебалось. Свиты генерал-майор Тучков послан для осмотра и приготовления помещений, где именно – неизвестно.

13 октября. Четверг. Решено, что мы перемещаемся завтра в Порадим, где помещение для государя назначено в доме, занимаемом до сего дня принцем Карлом. Великий князь главнокомандующий отправился под Плевно 11-го числа и оттуда прислал телеграмму, в которой объяснил план действий на следующий день. Войска должны начать движение ночью, одновременно и за реку Вид, под началом генерала Гурко, и на высоты левее Кришинского редута, и, наконец, с севера румыны должны от селения Рибен поддержать нашу кавалерию за Видом. Телеграмма эта получена государем только вчера утром, то есть когда движение уже началось. Целый день он был в тревожном ожидании известий из-под Плевны; но получено было только с левого нашего крыла, от наследника цесаревича, печальное известие о смерти князя Лейхтенбергского, Сергея Максимилиановича, который в одной из рекогносцировок на Ломе убит наповал.

Только сегодня утром наконец получены известия о вчерашних действиях под Плевной; сначала пришли неясные телеграммы, а позже приехал полковник Генерального штаба Фрезе со словесным донесением. Оказывается, предположенное Тотлебеном по эту сторону Вида занятие высот и устройство новых батарей исполнено было успешно и почти без сопротивления. Возведенная ночью сильная батарея заставила турок покинуть редут, выдвинутый ими в недавнее время на так называемой Зеленой горе. На левой же стороне Вида произошло кровопролитное сражение: две гвардейские пехотные дивизии (1-я и 2-я) со стрелковой бригадой и гвардейской кавалерией атаковали укрепленную позицию турок и Телиша. После 10-часового упорного боя турецкие войска у Горнего Дубняка были сбиты, окружены и забраны в плен с пашой и четырьмя орудиями; также взят в плен целый кавалерийский полк. Из другой же позиции, у Телиша, выбить турок не удалось. В этом первом бою гвардия понесла очень большие потери, в особенности много раненых начальников: командиры бригад Зедделер и Розенбах, полковые командиры Лавров, Любовицкий и другие. Государь был глубоко опечален этим известием, так что несколько раз навертывались у него слезы. Отслужена панихида по князе Сергее Максимилиановиче и по всем другим убитым.

Великий князь главнокомандующий признал необходимым притянуть к Плевне еще одну дивизию и просил обратить туда 3-ю гренадерскую, уже поступившую в распоряжение наследника цесаревича. Государь предпочитает направить к Плевне 2-ю гренадерскую, но так как она приходит позже, то он спросил наследника, находит ли тот возможным до прихода этой дивизии

отделить 3-ю гренадерскую дивизию, поскольку Сулейман-паша, как заметно, не намерен пока действовать наступательно.

14 октября. Пятница. Порадим. Переехав сюда, расположились по плохим избам и землянкам. Государь занял дом, где жил доселе князь Карл, который переселился в другой домик, весьма неказистый. Мне отвели помещение в бывшем кабаке: не нарядно, но близко от государя и со вставленными стеклами, хотя отчасти и разбитыми. Часам к трем приехал великий князь главнокомандующий; он описал подробно ход сражения 12-го числа. По всему видно, что гвардия в этом первом своем бою поплатилась за увлечение и неопытность. Более всех пострадал лейб-гвардии Егерский полк, тогда как его назначение состояло лишь в том, чтобы наблюдать за неприятельской позицией у Телиша, а вовсе не брать укрепления. Другие полки бросались на штурм большого редута у Горнего Дубняка открыто, не дав артиллерии времени подготовить атаку.

Великий князь прочел список убитых и раненых офицеров; государь заплакал, слыша имена стольких людей, которых привык видеть перед полками и ротами своей гвардии. Полагают, что вся потеря убитыми и ранеными простирается от 2 до 3 тысяч человек. Говорят, что потери громадные и у турок; взятые редуты были завалены трупами. В шести таборах пехоты и одном полку кавалерии, защищавших позицию, должно было состоять по крайней мере 5–6 тысяч человек; в плен взято около двух тысяч стало быть, остальные 3–4 тысячи погибли.

К сожалению, впереди предстоят не менее кровопролитные дела. В тылу занятой нами и укрепленной новой позиции у Горнего Дубняка мы имеем неприятеля в еще более сильной позиции – у Телиша; тут турки могут каждый день получать подкрепления из Орхание. Уже в последние два-три дня, на глазах наших, позиция у Телиша значительно усилена вновь возведенными укреплениями.

Таким образом, две наши гвардейские дивизии будут иметь неприятеля и спереди и сзади. Главнокомандующий сделал распоряжение о поддержании их частью 3-й гвардейской пехотной дивизии и повторяет свою просьбу о скорейшем отправлении туда же 3-й гренадерской. По расчету его, дивизия эта, хотя и находится уже между Янтрой и Ломом, может, однако же, прибыть под Плевну четырьмя-пятью днями ранее хвоста 2-й гренадерской.

Великий князь главнокомандующий не остался к обеду в Порадиме и уехал обратно в Богот. К обеду у государя приглашен князь Карл с его генерал-адъютантами.

Погода среди дня была прекрасная, даже жаркая, но утро и

вечер – холодные. Слышен по временам гул плевненских батарей.

15 октября. Суббота. Государь ездил сегодня из Порадима в деревню Сгалевицу, где осмотрел военно-временный госпиталь, а потом в Богот, где находится Главная квартира великого князя главнокомандующего, военно-временный госпиталь и лазарет, устроенный под покровительством великой княгини цесаревны. Государь прежде всего навестил двух раненых генералов Зедделера и Розенбаха (оба бригадные командиры во 2-й гвардейской пехотной дивизии); они лежали в войлочной кибитке в ожидании отправления в Систово. Тут был знаменитый наш хирург Николай Иванович Пирогов, только что приехавший из своего киевского поместья.

После завтрака у великого князя происходило в палатке совещание о дальнейших действиях. Все были одного мнения: следует всячески избегать новых открытых атак на турецкие укрепления и потому завтра следует попробовать выступить против позиции турок у Телиша исключительно сильным артиллерийским огнем. Так как наследник цесаревич согласился на отправление 3-й гренадерской дивизии под Плевну, то решено направить ее за Вид с северной стороны, дабы усилить блокадную линию с той стороны, именно в Дольнем и Горнем Нетрополях, занятых теперь только восемью румынскими батальонами и кавалерией. Впрочем, 3-я гренадерская дивизия может прибыть сюда не ранее 22-го числа.

После совещания государь обошел шатры, наполненные ранеными гвардейцами. По обыкновению, он разговаривал с ними и некоторым солдатам навесил георгиевские кресты.

Возвратились в Порадим в шестом часу вечера.

16 октября. Воскресенье. С утра отправились на плевненскую позицию. Проехав в экипажах через Тученицу, сели верхом и приехали на крайнюю левофланговую батарею 4-го корпуса, слева от Радишева. Отсюда, несмотря на туманную и серую погоду, видна была значительная часть наших и неприятельских позиций. По сделанному заранее общему распоряжению, с целью отвлечь внимание турок от действий гвардии за рекой Вид, открыли усиленную пальбу со всех наших батарей. Турецкие батареи почти не отвечали. Государь просидел сначала на одной, а потом на другой батарее, смотря в подзорную трубу до трех часов, и затем возвратились мы в Порадим.

17 октября. Понедельник. Рано утром, прежде чем я встал, пришел ко мне по приказанию государя молодой поручик гвардейской артиллерии Воронович со словесным донесением о вчерашнем деле под Телишем. После двухчасового сильного бомбардирования неприятельских укреплений 72 орудиями

гвардейской артиллерии туркам было предложено сдаться. Они приняли предложение, и, таким образом, позиция у Телиша, стоившая так дорога Егерскому полку, теперь занята почти без потерь. Говорю – почти, потому что и тут не обошлось без увлечения. Гвардейские уланы наткнулись на пехоту, засевшую в кукурузе, и даром потеряли до 50 человек. Не знаю, не попал ли в это число мой юный племянник.

Известие о занятии Телиша государь принял с особенной радостью именно потому, что на сей раз, по его настоянию, цель достигнута без атаки открытой силой, а потому и без потерь. Государь оставался сегодня дома, был весел и спокоен; к завтраку пришел румынский принц, чтобы поздравить с успехом. Узнав, что через Порадим провозят раненых гвардейцев, государь выехал встретить их.

20 октября. Четверг. Дождь снова испортил дороги, и потому предполагавшаяся вчера поездка на позицию была отменена. Государь, однако же, ежедневно выезжает то в госпиталь в Сгалевицу, то навстречу полкам 3-й гренадерской дивизии, проходившим верстах в двенадцати отсюда по направлению на Рибен.

На нынешний день назначено было обложить неприятельскую позицию у Дольнего Дубняка и с утра открыть по укреплениям огонь; но турки, увидев с вечера приближение наших гвардейских войск, сами в ночь очистили позицию и ушли в Плевну. Таким образом, позиция эта досталась нам совсем даром; на левой стороне Вида уже нет турок.

Сегодня утром была в здешней деревенской церкви отслужена заупокойная обедня по случаю годовщины смерти императрицы Александры Федоровны. Принц румынский присутствовал со своим штабом. К обеду приехали великие князья Сергей Александрович и Константин Константинович. Погода поправилась; ветер скоро высушивает дороги.

24 октября. Понедельник. В прошедшую пятницу великий князь главнокомандующий приезжал сюда, в Порадим, чтобы объяснить государю настоящее положение дел, и между прочим заявил, что теперь и государю можно предпринять поездку за Вид, чтобы увидеть гвардейские войска и лично поблагодарить их за боевые подвиги. Несмотря на дождливую погоду, сделаны были все приготовления к этой поездке на 23-е число, то есть на вчерашний день. К счастью нашему, погода в этот день прояснилась, и хотя дороги очень грязны, однако ж предположенная поездка была исполнена вполне удачно.

Выехав из Порадима в 8 часов утра и проехав Богот, прибыли к полудню в Медован – деревню, лежащую в долине Вида. Здесь

нашли главнокомандующего с его штабом, позавтракали и затем, переехав через Вид вброд в экипажах, поднялись к лагерю 2-й гвардейской пехотной дивизии перед Горним Дубняком. Здесь были приготовлены верховые лошади. Само собою разумеется, государь был встречен гвардией с восторженными криками «ура!»; он останавливался у каждого батальона, разговаривал с офицерами, а затем поехал далее через Дольний Дубняк к биваку 1-й гвардейской пехотной дивизии. Здесь опять те же крики «ура!», те же приветствия и в заключение благодарственное молебствие, среди поля, в виду турок, высыпавших из Плевны на ближайшие к Виду высоты, откуда они могли ясно видеть диковинное зрелище.

Возвратились мы в Медован около пяти часов; тут был приготовлен для нас ночлег. Для государя нашлась в одном домике порядочная, теплая комната; примыкавшие к дому конюшни и сараи для скота были обращены в общую столовую и буфет. Небольшая свита государя разместилась в плохих крестьянских избах, в которых окнами служат небольшие отверстия без стекол и ставен, а широкая, прямая труба над очагом открывает доступ во внутренность дома холоду, дождю, снегу и т. д.

Переночевав в этих примитивных помещениях, сегодня утром поехали опять за Вид, к биваку стоящей у самого берега реки 1-й бригады 3-й гвардейской пехотной дивизии, откуда возвратились в Медован и в Порадим. На пути позавтракали в Боготе у главнокомандующего, который, однако же, сам отсутствовал: он поехал осмотреть позиции, вновь занятые на высотах к югу от Плевны бригадой генерала Бремзена и войсками генерала Скобелева.

Пока мы находились вчера за Видом, наблюдали оттуда происходившую на означенных высотах перестрелку и потом узнали, что небольшая часть турецкой пехоты попробовала подойти к нашим батареям, но была прогнана и рассеяна огнем нашей артиллерии.

Сегодня на возвратном пути в Порадим мы обогнали большую колонну пленных турок. Они составляли пеструю, разнообразную толпу. За завтраком в Боготе читали вслух только что полученное донесение от начальника 3-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Карцова об успешном набеге, исполненном небольшой группой из Ловечского отряда, отправленной к Тетевеню. Городок этот оказался укрепленным и занятым шестью сотнями турок. Атакованные внезапно с двух сторон, турки бросили свою позицию и рассеялись. Можно полагать, что последние действия наши за Видом произвели сильное

впечатление на турок, которые везде при встрече с нашими войсками теперь обращаются в бегство.

Генерал Гурко, командующий всеми войсками за Видом, подстрекаемый этими легкими успехами, намерен совершить нападение на Орхание, где турки имеют укрепленный лагерь и склад запасов. Орхание – это как бы ворота для дебуширования турецких войск от Софии к Плевне. Конечно, было бы очень выгодно запереть эти ворота, но потому именно надобно ожидать и со стороны турок упорного противодействия в этом пункте. Боюсь, чтобы опять Гурко не увлекся и не наткнулся на новую Эни-Загру. Можно также опасаться излишнего разбрасывания сил: в то время, когда одни авангарды выдвинуты в горы к стороне Орхание, бóльшая часть кавалерии опять брошена к Рахову. Гвардейская кавалерия будет столь же изнурена и расстроена, сколько и армейская кавалерия за время командования ею генерала Крылова.

26 октября. Среда. Вчера и сегодня получены известия о новых успехах на Азиатском театре войны: генералы Гейман и Тергукасов разбили Мухтар-пашу, соединившегося с Измаил-пашой под самым Эрзерумом; в то же время под Карсом несколько рот, отразив вылазку турок, бросились вперед и ворвались в один из передовых фортов, называемый Хафиз-паша-Табия. По этому случаю сегодня утром было молебствие перед конвойным гвардейским отрядом. Князь Карл присутствовал при молебствии и обедал у государя. Великий князь главнокомандующий также был при молебствии; он приезжал со своим начальником штаба, чтобы получить разрешения государя на предположенные генералом Гурко движения к Орхание. Провели непродолжительное совещание, после которого предоставлено генералу Гурко с двумя гвардейскими дивизиями и гвардейской стрелковой бригадой, частью 3-й пехотной дивизии и частью кавалерии произвести нападение на Орхание и, в случае успеха, перейти даже за Балканы, чтобы не дать собраться новой турецкой армии около Софии. Для блокады же Плевны с западной стороны положено притянуть сюда же последний резерв – 2-ю гренадерскую дивизию. План весьма смелый, несколько даже рискованный.

Вечером получена от генерала Гурко телеграмма о том, что передовые его отряды уже заняли оба выхода из ущелья реки Верхний Искер – Яблоницу и Осиково; один из отрядов подошел даже к Правцу, верстах в десяти от Орхание. Можно полагать, что завтра будет что-нибудь решительное около этого пункта. Говорят, будто во всем крае к западу от Вида мусульманское население в паническом страхе бежит за Балканы.

Между тем расспросы плевненских дезертиров не подтверждают предположения, будто бы в войсках Осман-паши истощены продовольственные запасы; надежда на скорую сдачу Плевны поколебалась.

30 октября. Воскресенье. Вчера вечером получена телеграмма об атаке, произведенной тремя полками гвардейской кавалерии на город Врацу, защищаемый восьмью сотнями пехотинцев и двумя сотнями черкесов. Наша кавалерия, спешившись, выбила неприятеля из его траншей и захватила до тысячи повозок, нагруженных продовольствием и запасами разного рода.

Ночью, около двух часов, государь прислал за мной; меня разбудили и я застал его величество на балконе, слушающего с беспокойством сильную пальбу со стороны Плевны, не только артиллерийскую, но и ружейную. Государя преследовала мысль, что турки совершат вылазку против румын, на стойкость которых нельзя слишком полагаться. В продолжение почти часа не умолкал грохот выстрелов, и по временам черный горизонт освещался наподобие зарницы. На исходе третьего часа всё утихло, мы разошлись спать, а сегодня утром узнали, что поводом к ночной пальбе действительно было нападение турок на вновь занятую генералом Скобелевым позицию на Зеленой горе. Турок отбили ружейным и артиллерийским огнем; потерь у нас не было вовсе.

Сегодня опять государь ездил на позицию. Я не всегда сопровождаю его в этих ежедневных поездках, не имеющих другой цели, кроме прогулки. Перед обедом приехал с Кавказа генерал Обручев. Государь украсил его Георгиевским крестом 3-й степени за участие в сражении 3 октября. Можно было и прежде догадываться, что Обручеву принадлежит значительная доля влияния на тот блестящий оборот, который дела наши приняли в последнее время на Азиатском театре войны. Привезенные им бумаги подтверждают эту догадку. Остается радоваться тому, что мне пришла мысль командировать Обручева на Кавказ.

1 ноября. Вторник. Вчера государь со свитой своей ездил на позицию перед Плевной, на так называемые Радишевские батареи; ничего любопытного не видели. Сегодня же ездили в Богот и версты на четыре далее для смотра 2-й гренадерской дивизии на пути ее за рекой Вид. В Боготе нашли всех в некотором волнении по случаю ожидаемого от Осман-паши ответа на сделанное ему вчера предложение сдаться. Чиновник Министерства иностранных дел Мокеев был послан с письмом к турецкому полководцу, который по прошествии некоторого времени объявил, что на другой день (то есть сегодня) в 2 часа

пришлет ответ или приедет сам. Однако же весь день прошел, и никакого еще нет известия о том, получен ли ответ и в каком смысле.

Присланная из Бухареста телеграмма извещает, будто собранный в Константинополе военный совет решил послать к Осман-паше приказание уйти из Плевны. Из Лондона граф Шувалов уведомляет, что Порта обращалась к английскому послу Лейярду с вопросом, не примет ли Англия на себя посредничество в заключении мира, на что английское правительство ответило, что до решения дела под Плевной было бы несвоевременно возбуждать вопрос о мире. На такое же предложение турок принцу Рейссу Берлинский кабинет ответил, что Порта, если желает мира, может прямо обратиться с предложениями к русскому главнокомандующему. По всем получаемым сведениям, в Константинополе большое волнение: партии мира и войны борются между собой. Особенно сильное впечатление произвели успехи наши в Азиатской Турции.

2 ноября. Среда. Осман-паша в ответном своем письме сдаться отказался наотрез, объявив, что намерен драться до последней крайности.

3 ноября. Четверг. Утром получена телеграмма: в эту ночь произошла довольно серьезная схватка с турками на позиции Скобелева. Турки атаковали наши траншеи, были отбиты, но потери у нас до ста человек, а Скобелев слегка контужен. Известие это встревожило государя; он сейчас же телеграфировал главнокомандующему, что приедет к нему в Богот. В 10 часов утра все экипажи были заложены, и мы покатили по знакомой дороге, которая после ночного дождя оказалась очень тяжелой.

Здешняя почва мгновенно разжижается: еще вчера мы любовались, как дороги были укатаны проходящими по ним бесконечными обозами и парками. Целый день тянутся они в несколько рядов.

В Боготе мы ничего не узнали нового. На позициях всё смолкло; но у государя и у главнокомандующего возникла мысль, что Осман-паша после вчерашнего своего отказа вознамерится прорваться через нашу линию обложения. Несколько времени они совещались, призвали к себе Непокойчицкого; я же, к удовольствию моему, оставался в стороне. Хотя я и слышал уже упреки в том, что устраняюсь от влияния на распоряжения военными действиями, однако же упреки эти едва ли основательны. Командовать армией должен кто-нибудь один; у семи нянек дитя без глаза; вмешательство самого государя слагает ответственность с главнокомандующего, и если я не могу помешать этому вмешательству, то по крайней мере сам желал бы

не быть соучастником его.

После завтрака, когда мы собирались уже в обратный путь в Порадим, государь вспомнил, что я не был призван к совещанию и спросил у великого князя, сообщал ли он мне состоявшееся решение. Разумеется, сообщать мне что-либо не было времени; только в ту минуту, когда мы садились уже в экипажи, его высочество что-то сказал мне вскользь о предположенных действиях генерала Гурко – в таких неопределенных словах, что, в сущности, я остался в таком же неведении, как и прежде. Одно, что мог разобрать, – генералу Гурко будет приказано не предпринимать атаки на Орхание, если там собрались значительные турецкие силы.

По возвращении в Порадим государь объявил о своем намерении завтра «ехать на позицию». Видимо, он волнуется в ожидании чего-нибудь решительного.

4 ноября. Пятница. Утром получена телеграмма, что в ночь была опять сильная перестрелка на Зеленой горе; Скобелев ранен, впрочем, легко. После завтрака государь отправился на прежнюю позицию – на батарею у Радишева. При нас сделано было несколько залпов с наших батарей, и больше ничего не видели. Погода пасмурная, слегка моросит. Всё толкуют о намерении Осман-паши покинуть Плевну.

В течение дня два раза был у меня румынский первый министр Братиану. Мы имели длинный разговор о том, какие выгоды Румыния может для себя ожидать от нынешней войны. На днях открывается сессия румынской палаты; правительство ожидает бурных прений и затруднительных запросов со стороны оппозиции. Братиану объяснял мне, что ему необходимо, чтобы вывернуться, указать палате на какие-нибудь осязаемые успехи оружия, обещающие выгодные условия при замирении. С самого начала войны его план состоял в том, чтобы применить румынские войска для постепенного овладения турецкими укрепленными пунктами на правом берегу Дуная: Никополем, Раховом, Лом-Паланкой, а впоследствии даже и Видином. Эти пункты были бы в руках румын материальным залогом для достижения желаемых уступок от Порты.

К сожалению, до сих пор ничего не удалось сделать в этом отношении вследствие упорного сопротивления со стороны великого князя главнокомандующего. Хотя теперь он согласился на отдельные наступательные действия румынских войск против Рахова, но румынский министр желал бы получить удостоверение, что и впредь не будут препятствовать дальнейшему выполнению его плана. При этом Братиану снова высказывал, хотя в весьма мягких и дружелюбных формах,

жалобы на обращение русского военного начальства (не исключая и самого главнокомандующего) с румынами, на фальшивое положение, в которое поставлен князь Карл, на самодурство генерала Столыпина в Никополе и проч., и проч.

Разговор коснулся возвращения под власть России отторгнутой от нее в 1856 году южной части Бессарабии, с вознаграждением Румынии участком на правой стороне Дуная. Разумеется, я не раз напоминал, что мы ведем эту беседу совершенно как частные лица, «академически», и что я высказываю только личные свои мнения; причем заметил, что отторжение от России в 1856 году означенного клочка Бессарабии составляет для всякого русского человека чувствительную рану, которую настоящая война должна залечить.

Братиану очень уклончиво отвечал на это, что лично он нисколько бы не сожалел о возвращении нам этого клочка земли, с населением, не сочувствующим Румынии;

но что большинство нации судит иначе и подобное со стороны России требование может произвести весьма тяжелое впечатление, тогда как для самой России всего важнее привязать к себе население Румынии. Вообще, утверждение нравственного влияния России на христианское население Балканского полуострова гораздо важнее для существенных интересов России, чем приобретение какого-либо клочка земли. Мы касались еще многих других вопросов и разошлись совершенно дружественно.

Вслед за этой политической беседой мы опять сошлись с Братиану за обедом у государя; также приглашен был и князь Карл. После обеда я счел долгом передать весь свой разговор государю; это было тем необходимее, что утром Братиану, представляясь государю, коснулся было тех же предметов, но так поверхностно и кратко, что государь понял его совсем превратно. Опасаюсь, чтобы не вышло впоследствии каких-либо недоразумений: главнокомандующий и его штаб будут продолжать вести дело в отношении наших союзников так же неловко, как и до сих пор. Братиану между прочим подтвердил мне, что канцлер наш наотрез отказался входить в какие-либо объяснения, повторяя, что не хочет вмешиваться в дело, пока оно в руках военных.

6 ноября. Воскресенье. Сегодня великая радость: телеграмма великого князя Михаила Николаевича о взятии Карса! Это весьма важный результат победы 3 октября. В краткой телеграмме сказано только, что бой длился с 8 часов вчерашнего вечера до 8 часов утра; стало быть, атака начата была при свете луны. Других подробностей пока нет. Теперь можно надеяться и на сдачу Эрзерума, хотя вчера еще была телеграмма о том, что

генерал Гейман, за дурной погодой и поздним временем года, признал необходимым отказаться от дальнейших наступательных действий и расположиться на зимовку, укрепив позицию свою на горе Деве-Бойну. Государь еще до получения известия о взятии Карса отвечал великому князю Михаилу Николаевичу, что сожалеет о таком решении, опасаясь, что наше бездействие под Эрзерумом даст возможность туркам собрать новую армию и поставить в большое затруднение наш отряд, так смело бросившийся вперед.

С падением Карса всё дело принимает новый оборот; погода и время года не остановят наших войск, воодушевленных таким успехом, тогда как можно рассчитывать на упадок духа в турецких войсках и панический страх среди населения. Если б вслед за падением Карса удалось овладеть и Эрзерумом, то можно бы надеяться, что такой, чувствительный удар отрезвит Турцию, сломит ее самонадеянность и высокомерие.

Газетные толки о склонности султана к миру, о попытках его прибегнуть к посредничеству Англии, Германии и других кабинетов всё более усиливаются. Но султан и министры его находятся под постоянной угрозой нового переворота. Интриги сераля и фанатизм толпы не позволяют еще партии мира действовать открыто.

Не раз я имел разговор с Нелидовым о том, что нам было бы необходимо подготовить, хотя было в общих чертах, соображения об основных условиях, на которых мы могли бы при первом удобном случае войти в переговоры о мире. Мы оба того мнения, что было бы желательно в этом отношении сговориться с Берлинским кабинетом. Приступ к этому должен быть сделан теперь же, ранее, чем наступит момент, когда нам придется уже формально дать ответ на предложения противника.

Тут, конечно, дело прямо подлежало бы компетенции государственного канцлера; но если этот выживший из ума эгоист продолжает артачиться, объявляя во всеуслышание, что не хочет ни во что вмешиваться, пока продолжаются военные действия, то по необходимости приходится приступить к делу помимо Министерства иностранных дел. Я просил Нелидова составить записку в смысле наших неоднократных бесед, чтобы представить ее государю. Быть может, письменное мнение будет иметь более силы, чем неоднократные словесные мои напоминания.

Еще сегодня я имел случай возобновить этот вопрос при докладе государю присланного Фадеевым из Черногории плана совместных наступательных действий черногорцев и сербов в районе Старой Сербии. План этот, крайне поверхностный, составлен Фадеевым, очевидно, с личной целью – найти себе

самому какую-либо роль в настоящей войне. Однако же план этот читан им черногорскому князю Николаю и нашему консулу Ионину, и обоими ими одобрен. Князь Николай снова выказал полную готовность подчиниться воле русского императора, как он сам выражается – «действовать в качестве русского корпусного командира». В этом нельзя сомневаться; но другой вопрос – можно ли рассчитывать на единодушные действия сербов с черногорцами. Конечно, не такому авантюристу и пройдохе, каков Фадеев, служить соединительным между ними звеном.

Впрочем, предположения о наступательных действиях сербов и черногорцев ныне преждевременны; если суждено войне продолжаться в будущем году, то подобные действия можно иметь в виду к весне. Так и решено отвечать. Затем остается все-таки неразрешенным вопрос о личности самого Фадеева: какое можно дать ему безвредное положение?

7 ноября. Понедельник. В первом часу было совершено благодарственное молебствие по случаю взятия Карса – на высотах перед Плевной, при залпах всех наших батарей боевыми зарядами. Обстановка была грандиозная. Вероятно, турки приняли этот адский огонь за предтечу новой атаки. Некоторые из их фортов отвечали, но слабо. С наших же батарей залпы продолжались и после отъезда государя с позиций. Они слышны отсюда до позднего вечера. Ночь светлая, лунная, хотя и холодная. Днем же была восхитительная погода.

Утром приходил ко мне австрийский военный агент барон Бехтольсгейм с объяснениями по поводу дипломатической переписки о нейтрализации Сулинского рукава Дуная. Когда Австрия и Англия встревожились из-за того, что в этом рукаве сделаны были генералом Циммерманом заграждения в виде затопленных барок с камнями, мы же первые предложили мысль о нейтрализации этого рукава, чтобы никакое военное судно не могло уже входить в Сулинское гирло. Англичане подхватили это предложение, но с переменой, внешне незначительной, а в сущности весьма важной для нас: они предлагают нейтрализовать часть рукава только выше Сулина.

Венский кабинет, со своей стороны, прикинулся непонимающим важности этого изменения. Однако же я объяснил Бехтольсгейму, что предложение английское клонится к тому, чтобы дать туркам, а может быть, впоследствии и самим англичанам, пользоваться спокойно Сулинским портом под защитой международной комиссии, а нам связать руки, так чтобы мы больше уже не могли угрожать Сулину и стоящей там турецкой броненосной эскадре. Вопрос этот обсуждался и позже, на позиции, с великим князем главнокомандующим и

Нелидовым; решено наотрез отвергнуть предложенную англичанами перемену.

Во время обеда получена дополнительная телеграмма о взятии Карса. Оказывается, нами взято до 300 орудий и 10 тысяч пленных, не считая найденных в госпитале 4500 раненых и больных. Наши потери – около 2500 человек. В то же время получены и неутешительные известия о восстании в Южном Дагестане, где оно приняло даже более значительные размеры, чем в других частях края. Мятеж распространился и на Закатальский округ. Остается надеяться не столько на укрощение восстания оружием, сколько на нравственное влияние, которое должны произвести в крае наши успехи над турками. Желательно, чтобы на сей раз по усмирении мятежа не сделали новой ошибки и не упустили случая окончательно обезоружить горцев.

8 ноября. Вторник. По случаю Михайлова дня опять было молебствие перед фронтом гвардейского отряда; князь Румынский и принц Баварский присутствовали при молебствии и потом за завтраком у государя.

Вчера было довольно жаркое дело в Рущукском отряде: в то время как торжественно открывали вновь построенный мост через Дунай у Петрошани, турки со стороны Рущука атаковали наш левый фланг у Пиргоса и сожгли эту деревню, но потом были оттеснены обратно за Лом.

9 ноября. Среда. Румынам удалось завладеть Раховом; хотя атака их была отбита с большим для них уроном, однако же в ночь турки сами ушли из города, и сегодня утром румынские войска заняли его.

Утром приезжал великий князь главнокомандующий. Он предупрежден через газеты, что Мехмет-Али-паша намерен наступать от Софии через Берковицу к Плевне, между тем как бóльшая часть нашей гвардии притянута к Орхание и расположена в горном ущелье от Яблоницы до Осикова. Однако ж разъезды наши, доходившие почти до Берковицы, до сих пор никакого движения турецких войск не замечали. Не будет ли вынужден Мехмет-Али обратиться против сербов, которые обещают через 10 дней сосредоточить до 68 батальонов на Тимоке и у Алексинаца?.. Румыны также намерены продолжать свои действия вверх по правому берегу Дуная к Лом-Паланке и Видину.

11 ноября. Пятница. Несмотря на густой туман, не позволявший видеть что-либо в десяти шагах, все-таки назначено было утром ехать «на позицию». Конечно, мы ничего не видели, да нечего было и смотреть, так что поездка эта была названа пикником: позавтракали на батарее с главнокомандующим и его

свитой и затем разъехались по своим местам. Усиливаются толки о близкой сдаче Плевны. Два офицера 3-й гвардейской пехотной дивизии, заблудившиеся в тумане, наткнулись на турецкие аванпосты; не потеряв присутствия духа, они вынули белый платок и выдали себя за парламентеров. Их приняли очень учтиво, даже любезно, проводили далеко в средину расположения, не завязав глаз, и отпустили. Офицеры уверяют, будто в говоре окружавших их турецких солдат и офицеров они слышали слова «царь», «мир» и проч. Турки спрашивали, что происходило 8-го числа на позициях наших. Офицеры не решились сказать правду – что праздновали взятие Карса.

Нелидов представил записку, составленную им вследствие неоднократных наших с ним разговоров; в ней развивается мысль, что теперь было бы полезно заявить негласно императору Вильгельму и Бисмарку условия, на которых мы могли бы говорить о мире с Портой, дабы тем предупредить инициативу со стороны Лондонского кабинета. Нелидов очень хорошо изложил как соображения, приводящие к такому заключению, так и самые основания возможного примирения.

Мы с Нелидовым полагали передать это заявление помимо официальных дипломатических органов, через находящегося здесь временно генерал-адъютанта Рейтерна. Но государь, позвав меня после обеда в кабинет, чтобы переговорить о записке Нелидова, сказал, что, одобряя вообще содержание записки, находит, однако же, невозможным в таком важном деле обойти канцлера и нашего посла в Берлине. Я выразил опасение, что в случае направления дела обычным дипломатическим путем оно получит уже совсем другой характер и притом не только разгласится ранее, чем дойдет до ушей императора Вильгельма, но даже, по всем вероятиям, будет встречено неприязненно князем Горчаковым только потому, что инициатива идет из Главной квартиры армии, а не от него. Тем не менее трудно мне было и настаивать на оставлении в стороне государственного канцлера и его клевретов. Государь решил пригласить Нелидова, чтобы еще посоветоваться с ним и затем отправить его самого с запиской в Бухарест, куда вызвать к тому же времени и Игнатьева. Я немедленно же телеграфировал и тому и другому – в Богот и Казатин.

12 ноября. Суббота. В совещании у государя по записке Нелидова участвовали, кроме него самого, граф Адлерберг, Амбургер и я. Решено, что Нелидов отправится в Бухарест под видом передачи канцлеру словесных приказаний самого государя; по соглашению с Игнатьевым и под руководством князя Горчакова должны быть редактированы проекты писем от имени

его величества к обоим императорам. Нелидову поручено передать при этом желание государя, чтобы это дело велось в строгой тайне и не приняло характера официального дипломатического сношения. Нелидов предполагает выехать в понедельник.

Получено от генерала Гурко донесение о двухдневных делах, происходивших у Правеца, на пути к Орхание. Наша гвардия сбила наконец турок с крепкой позиции посредством обхода с фланга по едва доступной горной тропе. Говорят, потери незначительны.

Известие это, при всей маловажности успеха, обрадовало государя. Он сам пошел пешком на бивак гвардейского конвойного отряда, чтоб объявить новую «радость». Услышав издали крики «ура!», я вообразил, что в самом деле случилось что-нибудь важное, но скоро разочаровался и не имел духа поздравить государя с «новой победой». Я ограничился поздравлением его с новорожденным внуком – Борисом Владимировичем.

13 ноября. Воскресенье. Еще победа, такая же, как и вчерашняя: гвардейские войска выбили турок из Этрополе. После обедни и завтрака назначено было благодарственное молебствие перед гвардейским конвойным отрядом. Князь Карл присутствовал как у обедни, так и за завтраком и у молебствия. Во время обедни приехал великий князь главнокомандующий. Он доложил государю, в присутствии румынского князя и моем, о сделанных распоряжениях с целью открытия и задержания неприятеля в случае его движения со стороны Берковицы. Румынский отряд из Рахова должен продолжать движение к Лом-Паланке под прикрытием кавалерии, выдвинутой в направлении Берковицы.

Во время обеда адъютант главнокомандующего Дерфельден привез подробное донесение о действиях при Правеце. К концу обеда государь позвал гвардейских офицеров, обедавших в общей столовой (в шатре), для выслушания реляции, которую я прочел вслух. Реляция подтвердила мое предположение, что в этом деле не было никакой важности; главный подвиг заключался в том, что обходная колонна генерала Рауха должна была преодолеть большие природные трудности, разрабатывая себе дорогу через горы. В реляции вовсе не упомянуто о силе неприятельского отряда.

16 ноября. Среда. Турки ежедневно тревожат войска Рущукского отряда и 11-го корпуса. 14-го числа они повели серьезную атаку на 12-й корпус у Мечки и Тростеника. Бой продолжался с 9 часов утра до темноты. Турки отражены с

уроном, но и с нашей стороны потеря от 600 до 700 человек. Командующий корпусом великий князь Владимир Александрович награжден орденом Святого Георгия 3-й степени. С этим орденом отправлен вчера в Главную квартиру 12-го корпуса великий князь Сергей Александрович.

Получены более подробные сведения о действиях генерала Гурко в горах у Орхание и Этрополе. Войска преодолевали чрезвычайные местные затруднения; каковы же были против них силы неприятеля – и теперь не разъяснено. Оказывается, не на всех пунктах обошлось благополучно. Часть гвардейского драгунского полка, направленная Орхание, встретила у Новачина отпор со стороны черкесов и, попав в чрезвычайно гористую местность, едва спаслась, бросив с кручи два конных орудия и потеряв до половины всего состава. Если гвардейскую кавалерию будут так безжалостно расточать в горных трущобах без крайней необходимости, то можно опасаться, что вскоре не будет у нас ни армейской, ни гвардейской кавалерии.

Сегодня опять ездили завтракать «на позицию». После дождей дорога очень тяжелая, но погода ясная. Никто не может понять цели этих поездок. Сведения, получаемые из Плевны через турецких дезертиров, весьма противоречивы. Прежде мы верили безнадежному положению Осман-паши и считали, сколько дн ей может он еще продержаться; теперь как-то менее доверяем этим расчетам. Сам государь, так недавно еще допускавший возможность празднования Георгиевского праздника (26 ноября) в Петербурге, теперь уже говорит о том, что и столетний юбилей со дня рождения императора Александра I вместо 12 декабря придется, *может быть*, отпраздновать в Рождество. А кто поручится, что хоть к Новому году удастся нам возвратиться восвояси? Вообще, настроение в Главной квартире подавленное; никто уже не предается розовым надеждам, и все завидуют доктору Боткину, который прямо объявил, что не в силах долее выносить нашу здешнюю жизнь, и отпросился уехать в Петербург.

18 ноября. Пятница. Вчера приехал мой сын из Рущукского отряда; он привез словесные описания боя у Мечки и Тростеника, который прошел 14-го числа. Говорят, турки атаковали в числе до 40 таборов и оставили на поле сражения от 1500 до 2000 человек. Но примечательно, что почти всё начальство, не исключая и самого корпусного командира, не участвовало в деле: все были за завтраком в Брестовеце у наследника цесаревича по случаю дня рождения цесаревны и прискакали на место боя только к концу.

Получено известие, будто турки отошли от Берковицы за Балканы, оставив Лом-Паланку, которую и заняли румыны. С нетерпением ожидаем известий от генерала Гурко.

20 ноября. Воскресенье. От Гурко получены сведения о том, что турки не только отступили от Берковицы, но и очистили Орхание. Части гвардии вышли на Стригл и заняли перевал через Балканы, угрожая отступлению неприятельских войск, занимавших Орхание. Передовые наши разъезды нигде не встречали турецких солдат по эту сторону Балкан. Между тем сегодня утром государь получил телеграмму от главнокомандующего о том, что вчера вечером было замечено движение турок к стороне Вида. Ночью и утром громче и чаще обыкновенного слышны выстрелы наших батарей. Государь, занятый мыслью, что Осман-паша намерен пробиться сквозь наши линии, приказал, идя к обедне, приготовить экипажи для поездки в Богот. Однако ж выстрелы утихли, и поездку отменили.

24 ноября. Четверг. Во вторник вечером, когда все разошлись по домам на покой, пришло тревожное известие, что турки в больших силах наступают по Осман-базарской дороге и от Беброва к Златорице; что князь Мирский со слабым отрядом окружен с трех сторон перед селом Елена и не может держаться. На беду, телеграфное сообщение с Тырновом прервано.

Положение опасное. Резервов нет. Однако ж наследник цесаревич уже сделал распоряжение о передвижении 12-го и 13-го корпусов вправо, на подкрепление 11-го корпуса, которым временно командует генерал-лейтенант Деллингсгаузен, за болезнью князя Шаховского. Из Тырнова послана на подкрепление князя Мирского стрелковая бригада.

Само собой разумеется, что плохо спалось в ночь на 23 ноября. На другой день, то есть вчера, всё утро прошло без известий из Тырнова. Только к вечеру получена телеграмма, что турки возобновили настойчивые атаки, Якутский полк едва держится у Златорицы, а Мирский отступил от Елены на укрепленную позицию у Яковицы и войска наши понесли уже сильные потери. Однако же подкрепления подходят.

Только сегодня наконец мы успокоились: по донесениям Деллингсгаузена, турки окончательно отбиты и, угрожаемые с фланга, начали быстро отступать к Беброву. Таким образом, и на этот раз попытка Сулейман-паши прорвать нашу оборонительную линию не удалась.

С другой стороны, генерал Гурко доносит, что занял высоты, с которых обстреливает позицию Мехмета-Али у перевала Араб-Конак, то есть на южном спуске Балкан.

Колонна, посланная от Этрополе к Златице, также заняла южный спуск с гор.

Дезертиры из Плевны продолжают сообщать, что бежали от голода, что в последние дни еще убавили дневную порцию хлеба

и перестали выдавать мясо. Один из бежавших уверяет даже, будто Осман-паша объявил своим войскам, чтобы потерпели еще только до мусульманского праздника Курбан-байрам: если до того времени не получат помощи извне, то сами пробьются сквозь наши линии.

Сегодня утром, когда я пришел с докладом, государь сказал мне, что Нелидов возвратился из Бухареста и привез от князя Горчакова проекты писем к императорам Вильгельму и Францу-Иосифу, с приложением статей, на основании которых Россия могла бы согласиться открыть переговоры о мире. Государь прочел мне эти проекты и сказал, что после завтрака намерен еще раз прочитать их в присутствии Нелидова.

Между тем приехал и Игнатьев, участвовавший в совещаниях в Бухаресте и в составлении означенных проектов. Предварительно государь позвал в кабинет одного Нелидова и спросил его, в каком настроении нашел он канцлера. Нелидов откровенно отвечал, что нашел канцлера почти в детском состоянии, что он сначала даже вовсе не хотел входить в существо дела, порученного Нелидову, и проекты были редактированы втроем – бароном Жомини, Игнатьевым и Нелидовым.

После завтрака провели совещание. Кроме Нелидова и меня, присутствовали Игнатьев, граф Адлерберг и Гамбургер. Привезенный Нелидовым проект мало отличался от составленного им первоначально. Государь одобрил его с некоторыми весьма незначительными редакционными поправками и приказал приготовить всё к отправлению с генерал-адъютантом Рейтерном, который проедет в Берлин через Вену.

Погода опять испортилась: утром сильный туман, а потом стало моросить и пошел дождь; на дорогах опять страшная слякоть.

26 ноября. Суббота. Бой под Еленой еще не совсем прекратился, вчера слышна была перестрелка на яковицкой позиции. Полученные телеграммы снова навели грустное настроение: только теперь узнали, что в бою 22-го числа князь Мирский потерял 11 орудий и гораздо более людей, чем прежде полагали.

С другой стороны Гурко держится на позиции перед Араб-Конаком, имея перед собой, по-видимому, главные силы Мехмета.

На нынешний день готовилось торжество на высотах у Радишева по случаю праздника Святого Георгия. Приказано всё приготовить к завтраку на обычном месте, в редуте, названном в шутку Закусочным. Однако же, к общему удовольствию, это неуместное торжество было отменено по случаю дурной погоды и

страшной грязи. Тем не менее день Святого Георгия мы все-таки отпраздновали завтраком в общей (столовой) палатке, с тостами и криками «ура!». К обеду были приглашены князь Карл и все имеющиеся в наличии георгиевские кавалеры, которые сидели за столом на почетных местах.

27 ноября. Воскресенье. Утром, как обычно, были у обедни в деревенской церкви. Сегодня генерал-адъютант Рейтерн уехал в Берлин через Вену с письмами государя к обоим императорам.

После завтрака государь пригласил к себе в кабинет генерала Обручева и меня, чтобы узнать взгляд генерала по поводу предстоящего образа действий на здешнем театре войны. Все согласны в том, что после падения Плевны лучший для нас путь наступательных действий будет от Софии на Филиппополь и т. д.; но мнение Обручева расходилось с нашим, когда вопрос коснулся настоящего момента. Он находит, что генералу Гурко следует продолжать наступление за Балканы, чтобы нанести поражение Мехмет-Али-паше. Государь и я того мнения, что Гурко не настолько силен, чтобы предпринять самостоятельные наступательные действия за Балканы, пока Плевна еще держится и пока мы не можем считать вполне обеспеченным наш правый фланг со стороны Берковицы или Видина.

Положение дел около Елены вовсе не успокоительно. В течение вчерашнего и нынешнего дня известия от Деллингсгаузена заключались только в том, что «всё спокойно», то есть что наши войска продолжают стоять на своих позициях у Яковицы и Златорицы, лицом к лицу с турками, по временам перестреливаясь с ними. Такое положение в нескольких часах расстояния от Тырнова не может долго продолжаться. Турки явно усиливаются, поджидая подкреплений; мы же не можем уже ничем подкрепить войска на этих пунктах. Наследник цесаревич, отделив вправо всё, что было возможно из войск Рущукского отряда, доносит, что с остающимися у него войсками растянутая позиция занята очень слабо и он считает свое положение небезопасным.

Авось дурная погода и невылазная грязь опять помешают туркам продолжать энергично начатое наступление.

28 ноября. Понедельник. Наконец дожили мы до счастливой развязки нашего долгого и томительного ожидания – падения Плевны! Повсюду слышны возгласы «ура!».

Рано утром получена из Богота телеграмма о том, что, по слухам, Осман-паша намерен сегодня прорваться сквозь наши линии, а вслед за тем пришло известие, что турки устраивают переправы через Вид, в течение ночи оставили главные свои редуты – Кришинский и на северном фронте. Немедленно

государь собрался ехать на позицию. Приехав на обычное место, на редут, увидели мы, что все наши войска, занимавшие линию блокады, уже двинулись вперед; Кришинский редут занят нами; продолжавшаяся всё утро пальба прекратилась. Из телеграмм, приходивших одна за другой с разных пунктов на главную станцию полевого телеграфа, узнали, что Осман-паша действительно перешел было за Вид и атаковал гренадер, но был отбит и отброшен обратно на Плевну. Государь сел верхом и выехал на высоты, с которых Плевна показалась как на ладони; нигде уже не слышно было перестрелки.

Нетерпеливо ожидая более обстоятельных известий, государь возвратился на прежнее свое место, на редут, куда направлялись один за другим желанные вестники. Первым прискакал флигель-адъютант Милорадович; запыхавшись, в сильном волнении, он рассказал, как проехал через Плевну, что там видел и слышал; после него приехал с северной стороны генерал-майор князь Витгенштейн, а за ним полковник Моравский, передававший, как он сам был очевидцем сдачи раненного Осман-паши со всей его армией генералу Ганецкому. По мере того как разъяснялось дело, все лица также прояснялись; все ободрились и поздравляли государя со счастливым концом. Сам государь как будто помолодел, тут же назначил князя Витгенштейна генерал-адъютантом, а Моравского – флигель-адъютантом.

Когда мы еще ехали к редуту, государь подозвал меня и очень любезно, протянув руку, спросил: «А кому обязаны мы тем, что не бросили Плевну и теперь овладели ею? Кто 31 августа, после неудачных атак, подал первый голос против отступления?» Такой неожиданный вопрос несколько озадачил меня, но государь прибавил: «Я не забыл этой заслуги твоей; тебе мы обязаны нынешним нашим успехом».

Глубоко был я тронут таким вниманием государя; но еще более тронуло меня отношение государя уже на редуте, когда я стоял и разговаривал с генералом Обручевым и некоторыми другими лицами свиты, и государь, подойдя к нам, повторил при них сказанное мне прежде одному, а затем сообщил, что награждает меня орденом Святого Георгия 2-й степени. Тут начались обычные поздравления и лобзания.

Я протестовал сколько мог и со всей искренностью утверждал, что не считаю себя заслужившим такой награды, что мне совестно будет носить этот высокий знак боевых заслуг. Государь весьма любезно возразил: «Нет, я признаю, что ты заслужил вполне, – а затем с улыбкой спросил: – А считает ли военный министр, что и я заслужил георгиевский темляк?» Восхищенные благодушием государя, все мы, окружавшие его,

прокричали ему с неподдельным одушевлением «ура!».

На возвратном пути с позиции в Порадим я припоминал, что уже в третий раз в жизни приходится мне после продолжительной и тягостной осады укрепленной позиции испытывать резкий переход от томительного выжидания к счастливой развязке: в 1839 году – под Ахульго, в 1859 году – под Гунибом и теперь – под Плевной. Гул орудий и перестрелка, постоянно слышанные в течение месяцев, вдруг умолкают; все войска, прятавшиеся осторожно от неприятельских выстрелов в траншеях, за насыпями, за естественными складками местности, бросили свои норы и уже занимают места, так долго остававшиеся для них недоступными; биваки, на которых еще вчера стояли наши резервы, теперь опустели; наши штыки блестят там, где еще вчера держался неприятель. Немедленно по возвращении в Порадим государь призвал меня к себе и, вручив орденские знаки Святого Георгия 2-й степени, обнял меня и снова благодарил в самых задушевных выражениях.

29 ноября. Вторник. В 11 часов утра государь со всей свитой поехал в Плевну. Любопытно было проезжать мимо опустевших батарей и редутов – как наших, так и турецких. Нас изумляли произведенные неприятелем гигантские работы. Подъезжая к Плевне, государь был встречен великим князем главнокомандующим со всей его свитой. Оба брата обнялись сердечно; государь надел на великого князя ленту Георгиевского ордена, тут же объявил о наградах генералам Непокойчицкому, Тотлебену, князю Имеретинскому, Левицкому и князю Масальскому и послал георгиевские кресты главным начальствующим лицам гренадерского корпуса, которому досталась главная роль во вчерашнем бое. Тут же, на высоте, в виду Плевны, отслужено было молебствие. Погода поправилась, даже выглянуло солнце. К молебствию подошли некоторые из ближайших частей войск. Они провели более суток в поле, почти без пищи; несмотря на то, шли бодро и имели воинственный вид.

После молебствия мы въехали в самый город по узким, грязным улицам, более похожим на канавы для стока нечистот. Многие кварталы были в развалинах; в иных домах выбиты стекла; но вообще город претерпел мало. Жителей было очень немного; попадавшиеся небольшими кучками болгары смотрели приветливо; но гораздо более видели мы угрюмых, диких лиц пленных турок. Мы наткнулись на целую колонну турецких пленных, препровождаемых под конвоем румынских войск.

В одном из лучших домов города был приготовлен завтрак. Здесь мы сошли с лошадей, а после завтрака представился государю пленный Осман-паша. Он был ранен в ногу, и потому

его поддерживали под руки. Он держал себя с достоинством, отвечал на вопросы государя вежливо, но без унижения, и лицо его заметно оживилось, когда государь объявил, что оставляет ему оружие в знак уважения мужественной его защиты.

После того государь, проезжая верхом по грязной улице, остановился у православной церкви, в которую вход был более похож на вход в какой-нибудь кабак. Его встретило духовенство с крестом и хоругвями; после короткого молебствия государь сел в экипаж и выехал из города, по дороге к мосту на Виде; за ним двинулись мы все, составлявшие свиту. Ехали мимо огромной массы турецких семейств и пленных, занимавших долину по обеим сторонам дороги. Разноцветная эта толпа с повозками и волами покрывала все скаты возвышений. Вид был живописный, но вместе с тем раздирающий сердце. Много израненных, изувеченных; многие из них тут же в наших глазах умирали; истощенные лица, оборванная одежда. Повсюду разбросаны патроны, обломки, скелеты давно уже павших лошадей и волов. Да и тела человеческие едва были засыпаны землей; тут и там торчали из-под земли руки и ноги.

Мы уже довольно близко подъезжали к мосту на Виде, за которым ожидали государя обе выстроенные в линию гренадерские дивизии; но по какому-то недоразумению экипаж государя повернул назад и мы все возвратились в Порадим. Государь, узнав потом об этом *qui pro quo*[132], очень сожалел, что не увидел гренадер.

Вечером получено от наследника цесаревича известие, что турки опять переходили на левую сторону Лома и оттеснили было наши передовые посты между Пиргосом и Чифликом, но к вечеру сами отошли.

30 ноября. Среда. Утром мы были удивлены телеграммой от наследника цесаревича о том, что турки снова наступают от Лома на позиции 12-го корпуса и притом гораздо в бóльших силах, чем прежде. Вторая телеграмма, полученная в средине дня, сильно встревожила государя. Однако же к вечеру он был не только успокоен, но и обрадован известием о полном поражении турок, которых опрокинули и преследовали до самого Лома. Государь пришел в восторг и объявил, что намерен наградить наследника орденом Святого Георгия 2-й степени, а великого князя Владимира Александровича – бриллиантовой шпагой с надписью: «14 и 30 ноября 1877 года».

К завтраку приезжал великий князь главнокомандующий со своим начальником штаба. Было у государя совещание относительно предстоящего плана действий. Кроме самого главнокомандующего и генерал-адъютанта Непокойчицкого,

участвовали в совещании князь Карл Румынский, генерал Обручев и я. Оказалось, что все единогласно признают за лучшее, оставаясь на Ломе в оборонительном положении, сосредоточить возможно бóльшие силы на нашем правом фланге, для наступательных действий в сторону Софии и оттуда, смотря по обстоятельствам, к Адрианополю или Казанлыку. Последнее направление, как второстепенное, имело бы целью открыть выход нашим войскам, охраняющим балканские горные проходы.

Затем предметом совещания стали преимущественно подробности самого исполнения, как-то: распределение сил, назначение линий сообщения, использование румынских и сербских войск. В заключение главнокомандующий поставил вопрос о том, как поступить ему, если турки заявят желание прекратить войну или заключить перемирие. Положено было, что в таком случае главнокомандующий предъявит прежде всего постановленные нами главные основания, на которых могут начаться переговоры о мире; только в случае утверждения этих оснований Портой, можно будет приступить к переговорам о перемирии и приостановить военные действия. Игнатьев взялся проектировать означенные основные условия мира. Завтра же приглашен сюда и Нелидов из Богота.

Князь Карл заехал перед обедом и лично вручил мне орден Звезды Румынии 1-й степени. Князь очень любезен и обходителен.

Между тем вся Главная квартира занята более всего приготовлениями к отъезду. Все суетятся и хлопочут о средствах переезда отсюда до первой станции железной дороги. Надеются, что подоспеет и железная дорога от Фратешти до Зимницы. Отъезд государя назначен в субботу, 3 декабря, а приезд в Петербург – 10-го.

1 декабря. Четверг. Утренняя телеграмма от наследника цесаревича дополнила вчерашние известия о блистательной победе, одержанной войсками 12-го корпуса.

По этому случаю после завтрака отслужено молебствие перед выстроенными войсками. Погода приятная, хотя и сырая. После молебствия приглашены к государю генерал Игнатьев, Нелидов, Обручев, Амбургер и я. Игнатьев прочел проектированные им основания для открытия мирных переговоров; по некоторым пунктам пришлось поспорить и сделать кое-какие изменения. Однако же государь признал нужным отложить окончательное утверждение этих условий до свидания с князем Горчаковым в Бухаресте. После Игнатьева Обручев прочел свои соображения относительно Босфора и Дарданелл. Записка эта, отличаясь логичным построением аргументации, как все работы Обручева, носит характер академической диссертации; поэтому положено

передать ее в Министерство иностранных дел для соображений в свое время.

Генерал-майор Свиты е. в. Протасов-Бахметев приехал из отряда, действовавшего под Еленой; он рассказал подробности последних дел, с пояснением их на составленных им самим кроки[133] местности. Только теперь можем несколько понять эти действия, казавшиеся нам загадочными по кратким телеграфическим известиям.

В Главной квартире только и слышишь толки об отъезде. Общая радость и общее желание – как бы скорее уехать.

2 декабря. Пятница. Сегодня ездили за реку Вид для смотра войск, участвовавших в бое 28 ноября. Опять проезжали мимо той же толпы турок, которую видели 29-го, с женщинами, детьми, телегами и скотом; но пленных уже не было, их увели по направлению к Никополю. На всем пространстве от Плевны до Вида, а еще более за Видом, мы видели еще свежие следы недавнего кровопролитного сражения. Повсюду разбросаны патроны, оружие, амуниция, трупы людей и лошадей; в иных местах еще лужи крови и даже раненые турки, которых не успели еще прибрать и призреть.

На самом поле сражения выстроены в три линии наши и румынские войска (3-я гвардейская пехотная, 2-я и 3-я гренадерские дивизии, полторы дивизии румынской пехоты и несколько полков кавалерии). Вид этой массы войск, стройно выровненных, производил внушительное впечатление, в виду разбросанных перед фронтом немых следов недавнего боя. Говорят, потеря турок в этот день доходила до шести тысяч человек.

Государь объехал шагом все три линии, благодарил войска, роздал несколько георгиевских крестов и уже в четвертом часу возвратился в Плевну, где приготовлен был завтрак. На этот раз город был уже более оживлен; во многих местах на пути государя собирались толпы народа; видны были и женщины из высшего общества; депутация от города выступила с речью.

Всё это заняло так много времени, что мы уже не могли засветло доехать до Порадима. Притом же весь день стоял густой туман; дорога грязная, тяжелая; лошади наши стали и пришлось перепрягать их. Таким образом, домой дотащились мы с князем Суворовым только в восьмом часу, так что едва поспели к обеду, назначенному на восемь. К столу государеву опять был приглашен князь Карл. Тотчас после обеда разошлись, чтобы приготовиться к завтрашнему раннему выезду.

3 декабря. Суббота. Брестовец. Выехав в 7 часов утра из Порадима, государь и небольшая часть свиты прибыли к 4 часам в

Брестовец, в Главную квартиру наследника цесаревича. Государь благодарил его высочество, так же как и великого князя Владимира Александровича, за недавнюю победу и поздравил с пожалованием новых георгиевских кавалеров: наследника – 2-й степени, а Владимира Александровича – 3-й. Также пожалован орден Святого Георгия 3-й степени начальнику штаба Рущукского отряда генерал-лейтенанту Ванновскому, который выказал много умения, благоразумия и такта. Оставаясь пять месяцев в оборонительном положении и занимая растянутую линию против значительно превосходящего в силах противника, Рущукский отряд выполнил свою задачу, ни разу не потерпев поражения.

В Брестовце отвели мне теплое и довольно удобное помещение в маленькой болгарской хате. В 6 часов собралось в общую столовую многочисленное общество. Домашняя обстановка у наследника цесаревича отличается радушием и непринужденностью, хотя обычное распределение дня довольно странное. Наследник цесаревич не любит рано вставать; поэтому и в штабе его день начинается поздно; обед летом в 8 часов, а теперь в 7; после обеда долго сидят и ложатся очень поздно. Ужин бывает часа в 2 ночи и даже позже. Цесаревич обходителен и внимателен к своим подчиненным. Ванновский очень хвалил мне его служебные отношения и, напротив, жаловался на резкий тон великого князя Владимира Александровича.

В 9 часов вечера опять все собрались в столовую к чаю, и многие взялись за карты.

12 декабря. Понедельник. Петербург. Более недели не имел возможности заглянуть в свой дневник; да и теперь нет досуга, чтобы записать подробности переезда от Брестовца до Петербурга. Постараюсь припомнить хотя бы в главных чертах:

Воскресенье – 4 декабря – прошло у наследника цесаревича: утром чтение реляций с Кавказа; завтрак; выезд из Брестовца. Прекрасная дорога и спуск к переправе у Батина и Петрошани. Обед в Петрошани у великого князя Алексея Александровича. Близ Петрошани станция новой железной дороги, построенной Поляковым до Зимницы. Здесь уже ожидал нас императорский поезд, в котором и переночевали на месте.

5 декабря – понедельник: приезд в Бухарест к 11 часам утра; торжественная и блестящая встреча; город чрезвычайно оживлен. Завтрак во дворце; возобновление знакомства с [министром иностранных дел] Когэлничану, некоторыми другими румынскими министрами и двумя придворными дамами.

Мне отвели помещение в «Grand-Hôtel». В 6 часов обед во дворце, а после обеда разыграна любителями театра маленькая французская пьеска. Принцесса Елизавета очень мила и радушна.

В 11 часов вечера, проехав по иллюминованным улицам Бухареста, сели в вагоны и выехали в 11½.

6 декабря – вторник: проехали через всю Румынию; везде крики «ура!», флаги, гирлянды. В Яссах государь обошел бараки Красного Креста.

7, 8 и 9 декабря: проезд от Ясс через Брест-Литовск, Вильну, Динабург до Петербурга. Мороз до 18°.

Поочередно сопровождало местное начальство: Чертков, граф Коцебу, Альбединский.

10 декабря – суббота: в Гатчине встретили государя великие князья Константин Николаевич, Павел Александрович, принцы Александр Гессенский и Мекленбург-Шверинский. В 10 часов утра приезд в Петербург. Многолюдная встреча с обычными криками «ура!». В час пополудни в Зимнем дворце молебствие: мы, путешественники, – в походной форме. Получаю бесчисленные поздравления.

Вчера, 11 декабря, утро провел в разъездах. Родственный обед и обычный воскресный вечер. Утром приехала дочь Надя из Воронежской губернии, а вечером – сын, с Дуная.

Сегодня, 12-го числа, утром торжество по случаю 100-летнего юбилея рождения императора Александра I: в 10 часов утра панихида в Петропавловском соборе; в час – выход в Зимнем дворце, с войсками и духовенством.

В продолжение всей истекшей недели телеграммы с театра войны ограничивались известиями о сильных морозах, снегах и вьюгах, почти прекративших всё движение войск и обозов. По-видимому, армия Сулеймана за Ломом ослаблена отделением войск на южную сторону Балкан. Сербы объявили войну Турции и начали наступательные действия в сторону Ниша. Сулейман и Мехмет-Али оба в Константинополе для совещаний. Слухи о склонности их к вступлению в переговоры о мире.

19 декабря. Понедельник. Опять целую неделю не мог заглянуть в свой дневник; едва успевал ежедневно справляться с текущими бумагами. В дополнение к торжеству 12-го числа в память императора Александра I происходил на другой день, во вторник, смотр всем войскам, расположенным в Петербурге и окрестностях. Войска эти проходили церемониальным маршем мимо Александровской колонны. После смотра обычный завтрак во дворце для начальников частей.

Государь после этого смотра почувствовал себя нездоровым и с тех пор не выезжает. Снова тревожат его политические дела: Англия затевает что-то против нас; парламент созван ранее обыкновенного срока. При последнем моем докладе, в субботу, государь передал мне утвержденные им основные условия,

которые предполагается заявить туркам в случае, если они попросят мира и обратятся прямо к одному из главнокомандующих. Однако ж, прежде чем отправить эти условия главнокомандующим, я нашел более осторожным переговорить с товарищем министра иностранных дел Гирсом. Следовало обсудить, будет ли удобно заявить означенные требования наши прежде, чем получены из Вены и Берлина ответы на посланные с генерал-адъютантом Рейтерном собственноручные письма государя; тем более что со стороны Венского кабинета, как уже нам известно, готовятся по некоторым пунктам возражения.

Гирс ничего не берет на себя; он поспешил доложить канцлеру о нашем разговоре и сей же час приехал ко мне просить, чтобы я сам повидался с князем Горчаковым. Гирс сознает, что канцлер почти впал в детство, но убеждает меня отнестись снисходительно к его старческим слабостям. Уступая этим убеждениям, я на другой день, в воскресенье утром, поехал к князю Горчакову и нашел его в более скромном и серьезном настроении, чем обыкновенно в последнее время. Мы переговорили о настоящем положении дел в присутствии Гирса и условились быть вместе у государя во вторник, то есть завтра. Канцлер пересказал мне вчерашний свой разговор с лордом Лофтусом и показал телеграммы графа Шувалова, равно как и ответы на них по поводу поползновений Лондонского кабинета принять на себя посредничество между нами и Портой.

Вчера же имел я довольно продолжительный разговор с Грейгом о настоящем политическом положении.

С Дунайского театра войны приходят сведения о морозах, снегах и метелях. Несмотря на это, войска наши спустились с Балкан на Софийскую равнину. Турки собирают новую армию перед Адрианополем. За Ломом силы их значительно сократились.

27 декабря. Вторник. Опять прошло более недели напряженной работы и разнородных забот, не позволявших мне и вспомнить о своем дневнике. Да и теперь не имею лишнего времени, чтобы записать обстоятельно всё, что осталось в памяти моей от этого калейдоскопа разнообразных предметов. Должен ограничиться одним перечнем.

С театра войны за Дунаем сведения хорошие. Действия генерала Гурко приняли характер решительный: несмотря на местные страшные преграды, морозы и снега, колонны наши спустились с Балкан по нескольким направлениям, обошли сильную неприятельскую позицию у Араб-Конака; 19 декабря выдержали горячий бой у селения Ташкисен; 20-го турки бежали

от Араб-Конака; 22-го произошла незначительная перестрелка на Искере близ Софии, а 23-го – вступление наших войск в Софию.

По всем известиям, турки в большом смятении; Сулейман-паша со значительной частью Дунайской армии поспешил за Балканы, чтобы приготовить новую систему обороны; но едва ли успеет в этом. Новая армия в Адрианополе образуется из всякого сброда. В Константинополе продолжаются колебания, борьба между партией мира и партией войны. Турки, по-видимому, начинают терять веру в поддержку Англии, которая попыталась было обратиться к нашему правительству с запросами, избегая, однако же, слова «посредничество»; но получила ответ, что Россия не иначе заявит свои мирные условия, как в случае прямого к ней обращения Порты.

От великого князя Николая Николаевича получено государем письменное изложение сделанных по армии распоряжений и дальнейшего плана действий. Решено распределить всю армию на три группы: западный отряд, под началом наследника цесаревича; средний – генерала Радецкого и восточный – генерала Тотлебена. По случаю такого перемещения наследник цесаревич телеграфировал государю, что просит себе в начальники штаба генерала Обручева. Выбор этот вполне одобряется всеми; государь призывал к себе Обручева, и дело казалось решенным. Однако ж сегодня, когда я приехал во дворец к обеду, государь сказал, что получил от наследника шифрованную телеграмму, которая еще не разобрана, но по некоторым прописанным в телеграмме словам можно догадываться, что выбор Обручева не одобряется главнокомандующим. И действительно, во время обеда подали государю разобранную телеграмму, в которой наследник пишет, что великий князь Николай Николаевич ни за что не соглашается на выбор Обручева; а другого начальника штаба наследник не желает, и если выбор его не состоится, то сам он не считает возможным остаться в армии.

Государь с видом досады передал эту телеграмму императрице и вполголоса сказал ей: «Если так, то я прикажу наследнику приехать сюда, а через некоторое время и сам, вместе с ним, отправлюсь в армию». Слова эти, вырвавшиеся у государя, несмотря на присутствие посторонних свидетелей (граф Гейден, Баранцов, генерал Бистром и члены семьи – принц Александр Гессенский, сын его принц Баттенберг и младшие великие князья), смутили императрицу. Когда вышли от стола, она подошла ко мне и заговорила о своих опасениях насчет здоровья государя и новой поездки в армию. Между тем подали государю две шифрованные телеграммы от великого князя Николая Николаевича. Государь передал их мне, чтобы разобрать, сказав

при этом: «Вероятно, о том же с другой стороны».

И действительно, возвратившись домой, я разобрал телеграммы и сейчас послал их к государю. В одной из них великий князь прямо просит не назначать Обручева, который, по его мнению, есть «неподходящий начальник штаба для наследника», и прибавляет, что с «давних времен» он (великий князь) имел личное неудовольствие против Обручева.

28 декабря. Среда. Хотя среда не мой день доклада, однако ж, по множеству накопившихся дел, государь приказал мне приехать с некоторыми, более серьезными докладами. Прежде всего он заговорил с досадой о возникшем по поводу генерала Обручева столкновении между главнокомандующим и наследником цесаревичем. «Я полагаю настоять на своем решении», – сказал государь, но прибавил, что прежде ответа обоим великим князьям желал узнать мое мнение и причины неудовольствия великого князя Николая Николаевича.

Я ответил, что не могу придумать, какие могли быть «с давних времен» неприятные «личные» отношения между ними; просил разрешения прямо спросить о том самого Обручева, но мне кажется, едва ли можно ожидать выгодных последствий от присылки Обручева в армию вопреки желанию главнокомандующего. Мнение это взяло верх.

Через некоторое время после моего доклада государь прислал мне для передачи шифром свои телеграммы к обоим великим князьям: приказано главнокомандующему отпустить наследника цесаревича (а также великого князя Владимира Александровича) в Петербург на несколько недель, а вместе с тем объяснить причины неудовольствия против Обручева. Что касается этих причин, то я не мог пока открыть их: прямо с доклада заехав к Обручеву, я переговорил с ним откровенно об этом странном и неожиданном обороте дела. По словам генерала, не было никогда ни единого повода к неудовольствию со стороны великого князя Николая Николаевича, который притом постоянно был с ним, Обручевым, очень любезен, даже до последнего свидания их в Боготе.

Доклад мой сегодня касался многих довольно важных предметов: между прочим я прочел государю присланную мне князем Черкасским записку о необходимости заранее определить порядок ведения дел в Болгарии, если мы, кончив войну с благоприятным результатом, должны будем некоторое время занимать эту страну и организовать в ней новое управление. Вопрос, конечно, очень важный сам по себе; но в записке явственно проглядывают личные заботы князя Черкасского. Какое будет его положение? Будет ли он поставлен в подчиненные

отношения к военному начальству или же военный начальник будет подчинен ему? Конечно, сам князь, при всем своем самолюбии, не может надеяться на эту вторую постановку, а вместе с тем не желает играть роль второстепенную и служить простым чиновником для гражданских дел при каком-нибудь генерале.

Государь прямо сказал, что необходимо выбрать лицо из военных генералов, знакомых с вопросами гражданской администрации, и указал двух кандидатов: князя Дондукова-Корсакова и генерала Игнатьева (позабыл прибавить новый графский титул его). Соображаясь с этим указанием, я ответил князю Черкасскому так, чтобы не оставлять его в напрасных иллюзиях.

Граф Шувалов из Лондона предупредил наше Министерство иностранных дел, что Лондонский кабинет советует Порте войти в прямые переговоры с Россией, будто бы предупреждая Порту, что она не должна рассчитывать на помощь Англии и что вследствие этого заявления турки намерены просить *перемирия*, причем наивно добавлено: «необходимого по соображениям стратегическим». И действительно, сегодня, почти одновременно, оба главнокомандующих наших, и в Европе, и в Азии, телеграфируют, что получены ими из Константинополя вопросы: с кем и где могут они вести переговоры о перемирии. Великий князь Николай Николаевич, имевший уже лично от государя указания на этот случай, прямо дал ответ, что перемирие может быть заключено не иначе, как по принятии Портой основных условий мира, для чего и предложено прислать уполномоченного в Главную квартиру армии.

К сожалению, наше Министерство иностранных дел продолжает бездействовать. Сам товарищ министра Гирс опять приезжал ко мне на днях с жалобами на инерцию государственного канцлера, который ищет всякого предлога, чтобы устраниться от участия в делах, сколько-нибудь имеющих связь с настоящей войной, и всё сваливает на военного министра или, как он выражается, на министра «военных сил». Так, по возбужденным мною разным вопросам – о том, например, чтобы теперь же дружелюбно сговориться с Румынией, отвлечь албанцев от содействия туркам, подготовить отправление генерала Игнатьева в пункт, где могут открыться переговоры о мире, и проч. и проч., – по всем этим не терпящим отлагательства вопросам князь Горчаков на все настояния Гирса отвечал, что они до него не касаются. Гирс признался, что канцлер делает всё возможное, чтобы отодвинуть Игнатьева, а сам не в силах заняться сколько-нибудь серьезными делами. У него сохраняются

только проблески прежнего блестящего дипломата, но голова старца уже не годится для связной работы.

29 декабря. Четверг. Рано утром получена телеграмма о новой блестящей победе: вчера турецкая армия на Шипке в числе 41 табора, с 10 батареями, сложила оружие. Таким образом, войскам генерала Радецкого удалось не только благополучно перейти через Балканы, несмотря на трудности суровой зимы, но и окружить неприятельскую армию, державшую в продолжение почти пяти месяцев в блокаде наши несчастные войска на Шипке.

Успех, действительно, блестящий. Государь в восторге. Когда пришел я к нему с докладом, тут только узнал, что сегодня же назначен съезд ко двору для торжественного молебствия в Большой церкви Зимнего дворца. Государь приказал мне прочесть в самой церкви, перед началом молебствия, полученную телеграмму с кратким обзором предшествовавших военных действий со времени сдачи Плевны. Я должен был наскоро редактировать этот обзор, так что едва-едва поспел во дворец к назначенному часу. Съезд был многочисленный, и не было конца поздравлениям.

Во время моего доклада приглашен был князь Горчаков, чтобы переговорить об ответах, которые нужно дать обоим главнокомандующим по поводу сделанных Портой предложений. Мне поручено редактировать телеграммы и шифровать их, что отняло у меня много времени.

Между тем пришлось высидеть до пяти часов в Государственном совете, в экстренном заседании, назначенном для утверждения финансовых смет на будущий год. Ежегодно в этих заседаниях разыгрывается пародия на парламентские прения о бюджете. Каждый раз приходится выслушивать длинный монолог Головнина – кажется, единственного члена Совета, имеющего довольно досуга и терпения, чтобы перечитывать и изучать громадные кипы печатных объяснительных записок. Для соблюдения приличия некоторые из задетых министров отвечают несколькими словами, в полном сознании бесплодности разыгрываемой комедии, и после нескольких часов сидения подносится на подпись членам готовый уже журнал Совета.

Нынешнее торжество несколько сократило заседание Совета, открывшееся после молебствия, уже часу в третьем. По той же причине было мало присутствующих при погребении генерала Гринвальда.

31 декабря. Суббота. Сегодня доклад мой государю был особенно продолжителен; значительную часть времени мне пришлось присутствовать при докладе князя Горчакова по предмету полученного наконец от императора Франца-Иосифа

собственноручного ответа на письмо государя. В этом ответе явно проглядывает неудовольствие Венского кабинета, которому не хочется отказываться от добычи, на которую он рассчитывал в *случае* распада Турецкой империи. Теряя ныне надежду на присоединение Боснии и Герцеговины, Австрия протестует против нашего желания возвратить утраченную часть Бессарабии, и в этих видах император Франц-Иосиф при своем письме препровождает записку графа Андраши, напоминающую весь ход соглашений, начиная с Рейхенбергского свидания.

Ответ этот произвел на государя крайне неприятное впечатление; он сделал на письме надписи: «Je suis outré»[134], «C'est détestable»[135] и проч. Его величество предположил назначить по этому поводу особое совещание, но встретил неожиданные возражения со стороны канцлера, который сегодня был особенно раздражителен и не в духе. Между государем и князем Горчаковым опять вышло довольно резкое пререкание: канцлер в особенности горячо возражал против участия Игнатьева в совещании, а взамен его советовал пригласить министра финансов. Однако же дело под конец обошлось.

Когда князь Горчаков вышел из кабинета, государь заметил, что он сегодня в каком-то странном настроении и как будто понимает в превратном смысле, что ему говорят. И действительно, без видимой причины князь горячился и краснел до ушей; например, с негодованием отзывался о присланной главнокомандующим записке Нелидова по вопросу о проливах, назвав ее «бессмысленной», и т. п.

В числе вопросов, подлежавших еще обсуждению с канцлером, было возбужденное главнокомандующим сомнение относительно пределов предоставленного сербам района действий. Надобно было решить: могут ли сербы действовать на юг к Митровице или это направление действий будет противоречить нашей конвенции с Австрией?

На сделанный мне по этому предмету письменный запрос я вчера же вечером отвечал, что движение сербов в так называемую Старую Сербию вовсе не противоречит конвенции; канцлер сначала выражал сомнение, однако же не спорил, и так было решено государем.

В течение последних дней получены телеграммы, поясняющие действия на Шипке; сам великий князь Николай Николаевич собирается переехать из Сельви за Балканы. Оба главнокомандующих наших получили из Константинополя предложения о перемирии. Лондонский кабинет торопит нас, делая запросы, посланы ли главнокомандующим нужные инструкции.

Таким образом, мы заканчиваем 1877 год надеждами на восстановление мира. Но осуществятся ли скоро эти надежды? Достаточны ли нанесенные туркам поражения, чтобы заставить их смириться и действительно желать мира, или они еще пробуют морочить нас в надежде получить перемирие, необходимое им, чтобы оправиться, выждать решения английского парламента и собраться с новыми силами? Парламент открывается 5 января; через неделю выкажется, к чему Англия ведет дело и суждено ли восточному вопросу получить вскоре благоприятное разрешение.

Аннотированный указатель

Абаза Александр Аггеевич (1821–1895), действ. тайн. сов., министр финансов (1880–1881), член Государственного совета.

Абдурахман Автобачи, сановник Кокандского ханства, один из руководителей Кокандского восстания (1873–1876).

Авдулина Мария Алексеевна, см. Мордвинова Мария Алексеевна.

Адлерберг Александр Владимирович (1819–1889), граф, генерал от инфантерии, командующий Императорской главной квартирой (1861), министр Императорского двора и уделов (1870–1881), член Государственного совета.

Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886), публицист, один из лидеров славянофильского движения.

Александр Гессен-Дармштадский (1823–1888), принц, русский генерал от кавалерии.

Александр Александрович (1845–1894), вел. кн., второй сын Александра II, император Александр III (1881–1894).

Александр I (1777–1825), император (1801–1825).

Александр II (1818–1881), император (1855–1881).

Александра Иосифовна (1830–1912), вел. кн., жена вел. кн. Константина Николаевича.

Алексей Александрович (1850–1908), вел. кн., четвертый сын Александра II; генерал-адъютант (1880), главный начальник флота и Морского ведомства (1881–1905), адмирал (1888), член Государственного совета.

Альбединский Петр Павлович (1825–1883), генерал-адъютант, генерал-губернатор лифляндский, эстляндский и курляндский (1866–1870), виленский, ковенский и гродненский (1874–1880), варшавский (1880).

Альберт-Эдуард Валлийский (1841–1910), принц Уэльский, старший сын королевы Виктории Эдуард VII – король Великобритании и Ирландии (1901–1910).

Альбрехт-Фридрих-Рудольф (1817–1895), эрцгерцог, австрийский фельдмаршал, генерал-фельдмаршал прусской и русской армий.

Альфред-Эрнест-Альберт (1844–1900), герцог Эдинбургский, второй сын королевы Виктории.

Амбургер, см. Гамбургер.

Андраши Дьюла (1823–1890), граф, министр иностранных дел и Императорского двора Австро-Венгрии (1869–1879).

Аничков Виктор Михайлович (1830–1877), генерал-майор, профессор Николаевской академии Генштаба.

Анненков Михаил Николаевич (1835–1899), генерал-майор, член и управляющий делами Главного военно-тюремного комитета, член Комитета по передвижению войск железной дорогой и водой.

Арапов Иван Андреевич (1844–1913), полковник (1874), генерал-лейтенант (1905), адъютант Д. А. Милютина (1866).

Баранов Эдуард Трофимович (1811–1884), граф, генерал от инфантерии, председатель Департамента государственной экономии Государственного совета (1881).

Баранцов Александр Алексеевич (1810–1882), генерал-адъютант, начальник Главного артиллерийского управления (1863–1881).

Барятинский Александр Иванович (1815–1879), князь, генерал-фельдмаршал, наместник на Кавказе (1856–1862), член Государственного совета.

Берг Федор Федорович (1793–1874), граф, генерал-фельдмаршал, наместник в Царстве Польском (1863–1874), член Государственного совета.

Бехтольсгейм, барон, австрийский военный атташе.

Биконсфильд, граф, см. Дизраэли.

Бисмарк Отто-Эдуард-Леопольд (1815–1898), князь, германский канцлер (1871–1890).

Бистром Родриг Григорьевич (1809–1886), генерал от инфантерии, помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа (1868–1874), член Военного совета.

Бобринский Алексей Павлович (1826–1890), граф, генерал-лейтенант, министр путей сообщения (1871–1874), член Государственного совета.

Боголюбов Андрей Андреевич (1841–1909), генерал от инфантерии, губернатор Закаспийской области.

Боткин Сергей Петрович (1832–1889), доктор медицины, почетный лейб-медик (1873).

Братиану Ион (1821–1891), президент либеральной партии Румынии.

Валуев Петр Александрович (1815–1890), граф, курляндский губернатор (1853–1858), министр внутренних дел (1861–1868), министр государственных имуществ (1872–1879), председатель Комитета министров, член Государственного совета.

Ванновский Петр Семенович (1822–1904), генерал, военный министр (1881–1898), министр народного просвещения (1901–

1902).

Велеслей [Уэлсли] Фредерик Артур (1844–1931), английский военный атташе.

Величко Филадельф Кириллович (1833–1898), полковник, управляющий делами Мобилизационного комитета (1875).

Вельяминова Мария Николаевна, подруга дочерей Д. А. Милютина.

Вердер Бернгард-Франц-Вильгельм (1823–1907), прусский генерал пехоты, дипломат германского посольства в С. – Петербурге (1869–1886), берлинский губернатор (1886), германский посол в С. – Петербурге (1892–1895).

Веригин Александр Иванович (1807–1891), генерал от инфантерии, генерал-квартирмейстер Главного штаба (1861–1865), член Государственного совета.

Вертер Карл (1809–1894), барон, германский посол в Турции (1874–1877).

Вильгельм I (1797–1888), король Прусский (1861), император Германии (1871–1888).

Витгенштейн Эмиль-Карл Людвигович (1824–1878), светл. кн., генерал-лейтенант русской службы.

Владимир Александрович (1847–1909), вел. кн., третий сын Александра II, генерал-адъютант (1872), генерал от инфантерии (1880), главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884–1905).

Воейков Николай Васильевич (1832–1898), генерал-майор, управляющий делами Императорской главной квартиры.

Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916), граф, министр императорского двора и уделов (1881–1897), наместник на Кавказе (1905–1916).

Воронцов Семен Михайлович (1823–1882), граф, генерал от инфантерии.

Вяземская Лидия Дмитриевна (?-1876), княжна, подруга дочерей Д. А. Милютина.

Вяземский Леонид Дмитриевич (1848–1909), князь, генерал от кавалерии, астраханский губернатор (1888), член Государственного совета.

Гамбургер Андрей Федорович (1821–1899), тайн. сов., русский посол в Швейцарии (1879–1896).

Ган Теокар Федорович (1823–1880), генерал-майор, член Главного артиллерийского управления.

Ганецкий Иван Степанович (1810–1887), генерал-адъютант, член Военного совета.

Гейден Федор Логгинович (1821–1900), граф, генерал-

адъютант, начальник Главного штаба (1866–1881).

Гемельман Карл Федорович (1832–1898), полковник, военный инженер.

Георг Мекленбург-Стрелицкий (1824–1876), герцог, генерал-адъютант, генерал-инспектор стрелковых батальонов, муж Екатерины Михайловны, дочери вел. кн. Михаила Павловича.

Герстфельд Эдуард Иванович (1798–1878), инженер-генерал, член совета Министерства путей сообщения.

Гершельман Федор Константинович (1853 – не ранее 1927), генерал-лейтенант, член Военного совета.

Гика Ион (1817–1897), князь, румынский политический деятель.

Гильденштуббе Александр Иванович (1800–1884), генерал от инфантерии, командующий войсками Московского военного округа.

Гирс Николай Карлович (1820–1895), чрезвычайный посланник России в Персии (1863–1867), в Швейцарии (1867–1872), в Швеции и Норвегии (1872–1875), товарищ министра иностранных дел и управляющий Азиатским департаментом (1875–1882), министр иностранных дел (1882–1895).

Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), светл. кн., канцлер, министр иностранных дел (1856–1882).

Грейг Самуил Алексеевич (1827–1887), генерал-адъютант, государственный контролер (1874–1878), министр финансов (1878–1880), член Государственного совета.

Грот Константин Карлович (1815–1897), самарский губернатор (1853–1861), член комиссии по устройству крестьянских учреждений (1861–1863), директор департамента податей и сборов Министерства финансов (1861–1869), председатель Комиссии по тюремной реформе (1877), член Государственного совета.

Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901), генерал от кавалерии, петербургский генерал-губернатор (1879–1880), варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа (1883–1884), член Государственного совета.

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885), публицист, естествоиспытатель.

Деказ Луи (1819–1886), герцог, министр иностранных дел Франции (1874–1877).

Делянов Иван Давыдович (1818–1897), директор Императорской публичной библиотеки в С. – Петербурге (1861–1882), министр народного просвещения (1882–1897).

Дерби Эдуард-Генрих-Стенли (1826–1893), лорд, министр иностранных дел Великобритании (1868–1878).

Дизраэли Бенджамин, **граф Биконсфильд** (1804–1881), премьер-министр Великобритании (1868, 1874–1880).

Долгоруков Владимир Андреевич (1810–1891), московский генерал-губернатор (1865–1891).

Долгоруков Николай Сергеевич (1840–1913), флигель-адъютант Александра II.

Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820–1893), князь, генерал-адъютант, киевский, подольский и волынский генерал-губернатор (1869–1878), командующий русским оккупационным корпусом в Болгарии (1879–1880), наместник на Кавказе (1882–1890).

Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905), генерал от инфантерии, начальник Академии Генштаба (1878–1889), киевский, подольский и волынский генерал-губернатор (1898), член Государственного совета.

Дрентельн Александр Романович (1820–1888), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, шеф жандармов и начальник III Отделения с. е. и. в. канцелярии (1878–1880), киевский, подольский и волынский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа (1881).

Елена Павловна (1806–1873), вел. кн., жена вел. кн. Михаила Павловича.

Жомини Александр Генрихович (1817–1888), барон, действ. тайн. сов., старший советник Министерства иностранных дел.

Заблоцкий-Десятовский Андрей Парфенович (1807–1881), статс-секретарь, член ученого комитета Министерства финансов, член Государственного совета.

Зедделер Логгин Логгинович (1831–1899), барон, генерал-майор, командующий л.-гв. Гренадерским полком (1872), помощник Главного начальника военно-учебных заведений (1881–1892), член Военного совета.

Зеленый Александр Алексеевич (1818–1880), генерал-адъютант, министр государственных имуществ (1862–1872), член Государственного совета.

Зотов Павел Дмитриевич (1824–1879), генерал от инфантерии, член Военного совета.

Игнатьев Николай Павлович (1832–1908), граф, генерал-адъютант, директор Азиатского департамента Министерства

иностранных дел (1861–1864), посол в Турции (1864–1877), министр внутренних дел (1881–1882), член Государственного совета.

Игнатьев Павел Николаевич (1797–1879), граф, генерал-адъютант, председатель Комитета министров (1872–1879).

Измаил-паша (1830–1895), правитель Египта (1863–1879).

Имеретинский Александр Константинович (1837–1900), светл. кн., генерал-адъютант, член Государственного совета.

Ионин Александр Семенович (1837–1900), действ. тайн. сов., дипломат, писатель.

Исаков Николай Васильевич (1821–1891), генерал-адъютант, начальник Главного управления военно-учебных заведений.

Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885), историк и публицист.

Карель Филипп Яковлевич (1806–1886), лейб-медик, член Военно-медицинского ученого комитета Военного министерства.

Карлос дон Младший (1848–1909), испанский инфант из династии Бурбонов, претендент на испанский и французский престолы.

Карпов Александр Петрович (?-1875), генерал-адъютант.

Карцов Андрей Николаевич (1835–1907), дипломат.

Катаржи Ласкэр (1823–1899), румынский государственный деятель.

Катков Михаил Никифорович (1818–1887), редактор газеты «Московские ведомости».

Кауфман Константин Петрович (1818–1882), генерал-адъютант, туркестанский генерал-губернатор (1867–1882).

Кауфман Михаил Петрович (1822–1902), генерал-адъютант, начальник Главного интендантского управления Военного министерства (1866–1879).

Киамиль-паша, турецкий посол в России.

Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872), граф, министр государственных имуществ (1837–1856), посол в Париже (1856–1862), член Государственного совета.

Кишельский Иван Кирович (1826–1880) генерал-майор, губернатор Видина и Варны.

Когэлничану Михаил (1817–1891), министр иностранных дел Румынии (1876–1878).

Козлов Николай Илларионович (1814–1889), начальник Медико-хирургической академии (1869–1871), главный военно-медицинский инспектор (1871–1881).

Константин Константинович (1858–1915), вел. кн., второй

сын вел. кн. Константина Николаевича.

Константин Николаевич (1827–1892), вел. кн., второй сын Николая I, председатель Государственного совета (1865–1881).

Корф Модест Андреевич (1800–1876), граф, главноуправляющий II Отделением с. е. и. в. канцелярии (1861), председатель департамента законов Государственного совета (1864).

Коцебу Павел Евстафьевич (1801–1884), генерал-адъютант, варшавский генерал-губернатор (1874–1880), член Государственного совета.

Кочубей Сергей Викторович (1820–1880), князь, действ. ст. сов., полтавский губернский предводитель дворянства.

Краббе Николай Карлович (1814–1876), адмирал, управляющий Морским министерством (1860–1874).

Красовский Антон Яковлевич (1821–1898), врач, академик.

Криденер Николай Павлович (1811–1891), барон, генерал от инфантерии.

Кристиан IX (1818–1906), король Дании (1863–1906).

Крыжановский Николай Андреевич (1818–1888), генерал-адъютант, оренбургский генерал-губернатор (1865–1881).

Крылов Евгений Тимофеевич (1824–1894), генерал-лейтенант.

Лангенау Фердинанд (1817–1881), барон, австрийский посол в России.

Ле Фло Адольф (1804–1887), французский дипломат.

Левицкий Казимир Васильевич (1835–1890), флигель-адъютант, профессор Николаевской академии Генштаба.

Лейярд Остин Генри (1817–1884), английский посол в Стамбуле (1877–1880).

Леонтьев Александр Николаевич (1827–1878), генерал-майор, начальник Николаевской академии Генштаба (1861).

Лесовский Степан Степанович (1817–1884), адмирал, гидрограф, исследователь, помощник управляющего Морским министерством (1869–1880).

Лешанин Милойко (1830–1896), сербский генерал.

Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824–1896), князь, товарищ министра внутренних дел (1867–1878), посол в Константинополе (1878–1879), Лондоне (1879–1882) и Вене (1882–1895), министр иностранных дел (1895).

Лобко Павел Львович (1838–1895), генерал от инфантерии, государственный контролер, член Государственного Совета.

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825–1888), граф, генерал-адъютант, министр внутренних дел (1880–1881).

Лофтус Огастус Уильям (1817–1904), лорд, британский посол в России (1871–1879).

Лярский [Вонлярлярский] Владимир Михайлович (1852–1946), штаб-ротмистр, ординарец вел. кн. Николая Николаевича (старшего).

Мальцов Сергей Иванович (1810–1893), генерал-майор, промышленник.

Мантейфель Эдвин-Карл-Рохус (1809–1885), граф, дипломат, генерал-фельдмаршал германской армии (1876–1878).

Маринович Йован (1821–1893), премьер-министр Сербии.

Мария Павловна (1854–1920), вел. кн., жена вел. кн. Владимира Александровича.

Мария Александровна (1824–1880), императрица, жена Александра II.

Мария Александровна (1853–1920), вел. кн., дочь Александра II, жена принца Альфреда Эдинбургского.

Мария Николаевна (1819–1876), вел. кн., дочь Николая I, в первом браке за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, во втором, морганатическом, за графом Г. А. Строгановым.

Мария Федоровна (1847–1928), императрица, жена Александра III.

Маркозов Василий Иванович (1838–1908), полковник, участник Хивинского похода.

Масальский Николай Федорович (1812–1880), князь, генерал-лейтенант, начальник артиллерии действующей армии (1876).

Мезенцов Николай Владимирович (1827–1878), генерал-адъютант, начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III Отделения с. е. и. в. канцелярии (1864), шеф жандармов (1876).

Мельников Павел Петрович (1804–1880), инженер-генерал, министр путей сообщения (1862–1869), член Государственного совета.

Мехмед-Али-паша [настоящее имя Карл Детроа] (1827–1878), османский офицер немецкого происхождения, турецкий маршал (1877).

Милан I Обренович (1854–1901), князь Сербский.

Милютин Алексей Дмитриевич (1845–1904), сын Д. А. Милютина, флигель-адъютант, курский губернатор (1892–1902).

Милютин Николай Алексеевич (1818–1872), директор хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, статс-секретарь по делам Царства Польского (1864–1866).

Милютин Юрий Николаевич (1856–1912), журналист.

Милютина (в замуж. Гершельман) Елена Дмитриевна (1857–1882), младшая дочь Д. А. Милютина.

Милютина (в замуж. Шаховская) Елизавета Дмитриевна (1844–1938), старшая дочь Д. А. Милютина, фрейлина императрицы Марии Александровны.

Милютина Мария Аггеевна (1834–1903), невестка Д. А. Милютина.

Милютина (в замуж. Долгорукая) Надежда Дмитриевна (1850–1913), дочь Д. А. Милютина.

Милютина Наталья Михайловна (1821–1912), урожд. Понсэ, жена Д. А. Милютина.

Милютина Ольга Дмитриевна (1848–1926), дочь Д. А. Милютина.

Мирский, князь, см. Святополк-Мирский.

Митхад-паша [Ахмед Шефик Мидхат-паша] (1822–1884), великий визирь (1872, 1876–1877).

Михаил Николаевич (1832–1909), вел. кн., сын Николая I, наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией (1863–1881).

Мольтке Хельмут-Карл-Бернгард (1800–1891), граф, фельдмаршал германской армии.

Мордвинов Дмитрий Сергеевич (1820–1894), генерал-адъютант, начальник канцелярии Военного министерства (1872–1881).

Мордвинов Семен Александрович (1825–1900), действ. тайн. сов., член Государственного совета.

Мордвинова Мария Алексеевна (1822–1883), урожд. Милютина, сестра Д. А. Милютина.

Мухортов Захар Николаевич (1820–1876), гофмейстер, вице-президент Вольного экономического общества.

Мухтар-паша [Ахмед-Мухтар-паша] (1832–1919), губернатор Крита.

Мухаммад-Рахим, хан Хивинский (1845–1910), правитель Хивинского ханства (1864–1910).

Набоков Дмитрий Николаевич (1826–1904), управляющий с. е. и. в. канцелярией по делам Царства Польского (1867–1876).

Назимов Владимир Николаевич (1806–1889), генерал от инфантерии, член Военного совета.

Насреддин (1831–1896), персидский шах.

Нелидов Александр Иванович (1835–1910), дипломат, действ. тайн. сов., посол в Италии (1897–1903), во Франции (1907–1910).

Непокойчицкий Артур Адамович (1813–1881), генерал-

адъютант, председатель Особой временной комиссии по управлению Медико-хирургической академией и председатель Военно-кодификационного комитета (1874), член Военного совета.

Нигра Константин (1827–1907), граф ди Вилла-Кастельнуово, политик, итальянский посол в Российской Империи (1876–1881).

Никитин Александр Павлович (1824–1891), генерал от инфантерии, член Военного совета.

Николай I (1796–1855), император (1825–1855).

Николай (Никола I Петрович-Негош) (1841–1921), князь Черногории (1860–1910).

Николай Александрович (1843–1865), вел. кн., старший сын Александра II.

Николай Александрович (1868–1918), вел. кн., сын Александра III, император Николай II (1894–1917).

Николай Константинович (1850–1894), вел. кн., сын вел. кн. Константина Николаевича.

Николай Николаевич (младший) (1856–1929), вел. кн., сын Николая Николаевича (старшего).

Николай Николаевич (старший) (1831–1891), вел. кн., генерал-фельдмаршал, третий сын Николая I; главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1867), главнокомандующий действующей армией на Балканах (1877–1878), член Государственного совета.

Новиков Евгений Петрович (1826–1903), действ. тайн. сов., дипломат, историк, писатель.

Нотбек Владимир Васильевич (1825–1894), начальник Тульского оружейного завода (1870).

Оболенский Дмитрий Александрович (1822–1881), князь, тайн. сов., член Государственного совета.

Обручев Николай Николаевич (1830–1904), генерал-майор, профессор Николаевской академии Генштаба, начальник Главного штаба (1881–1898).

Олсуфьев Адам Васильевич (1833–1901), граф, генерал-майор Свиты е. и. в.

Олсуфьева Анна Михайловна (1835–1899), графиня, урожд. Обольянинова, жена А. В. Олсуфьева.

Ольга Федоровна (1838–1891), жена вел. кн. Михаила Николаевича.

Ольденбургский Петр Георгиевич (1812–1881), принц, генерал от инфантерии, главноуправляющий IV Отделения с. е. и. в. канцелярии (1861–1881), член Государственного совета.

Орлов Николай Алексеевич (1827–1885), князь, генерал-адъютант, посол в Бельгии (1859–1869), в Австрии (1869–1870), в Англии (1870–1871), во Франции (1871–1884).

Оскар II Фридрих (1829–1907), король Швеции и Норвегии.

Осман-паша (1837–1900), генерал, военный министр Турции.

Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич (1790–1881), граф, генерал от кавалерии, член Государственного совета.

Павлов Платон Петрович (1834–1904), генерал от инфантерии, начальник штаба Кавказской армии (1875), член Государственного совета.

Пален Константин Иванович (1833–1912), граф, министр юстиции (1867–1878).

Паукер Герман Егорович (1822–1889), военный инженер.

Педро II (1825–1891), император Бразилии.

Перетц Егор Абрамович (1833–1899), государственный секретарь (1878).

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) обер-прокурор Св. Синода (1880), член Государственного совета.

Покотилов Дмитрий Викторович (1842–1899), инженер-строитель.

Понсэ Евгений Михайлович (1813–1909), шурин Д. А. Милютина.

Попель Маркелл (1825–1903), администратор холмской униатской епархии.

Попов Андрей Александрович (1881–1898), адмирал, член кораблестроительного отделения Морского технического комитета.

Пороховщиков Александр Александрович (1833–1918), предприниматель, общественный деятель, славянофил.

Посьет Константин Николаевич (1819–1899), генерал-адъютант, адмирал, министр путей сообщения (1874–1888), член Государственного совета.

Потапов Александр Львович (1818–1886), генерал от кавалерии, виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор (1868–1874), шеф жандармов и начальник III Отделения с. е. и. в. канцелярии (1874–1876).

Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888), путешественник, исследователь Центральной Азии.

Протич Коста (1831–1892), начальник Генштаба Сербии (1878–1879).

Пущин Михаил Николаевич (1842–1878), ротмистр, герой Русско-турецкой войны, адъютант военного министра (1863).

Пясецкий Павел Яковлевич (1843–1919), врач, писатель,

путешественник.

Радецкий Федор Федорович (1820–1890), генерал от инфантерии, руководитель обороны Шипки, член Государственного совета.

Рейсс-Кёстрицкий Генрих VII (1825–1906), принц, германский посол в России (1871), в Турции (1877), в Австрии (1878).

Рейтерн Михаил Христофорович (1820–1890), статс-секретарь, министр финансов (1862–1878).

Рихтер Оттон Борисович (1830–1908), генерал от инфантерии, командующий Императорской главной квартирой (1881), член Государственного совета.

Розенбах Николай Оттонович (1836–1891), генерал от инфантерии, туркестанский генерал-губернатор.

Розинг Лев Николаевич (1825–1908), действ. ст. сов., чиновник особых поручений Главного штаба Военного министерства.

Рылеев Александр Михайлович (1830–1907), генерал от инфантерии.

Савфет-паша (1815–1883), главный визирь Османской империи (1878).

Салтыков Александр Михайлович (1828–1903), генерал-лейтенант, начальник военно-походной канцелярии (1877–1878).

Самарин Юрий Федорович (1819–1876), историк, публицист.

Святополк-Мирский Дмитрий Иванович (1825–1899), князь, генерал-адъютант, помощник главнокомандующего Кавказской армией, член Государственного совета (1880).

Седергольм Карл Эрикович (1818–1903), генерал-лейтенант, инженер, писатель.

Семека Владимир Саввич (1816–1897), генерал от инфантерии, командующий Одесским военным округом (1874–1879).

Скворцов Николай Николаевич (1827–1895), генерал от инфантерии, начальник Главного интендантского управления (1879).

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882), генерал-адъютант, военный губернатор Ферганской области (1876), участник Русско-турецкой войны и Ахалтекинской экспедиции.

Сланичану Георгий (1835–1885), министр обороны Румынии.

Солсбери Роберт-Сесил (1830–1903), маркиз, британский

политический деятель.

Сольский Дмитрий Мартынович (1833–1910), действ. тайн. сов., государственный контролер (1878–1889).

Сосновский Юлиан Адамович (1842–1897), генерал-майор.

Столетов Николай Григорьевич (1831–1912), генерал от инфантерии, начальник болгарского ополчения во время Русско-турецкой войны.

Стремоухов Петр Николаевич (1823–1885), действ. тайн. сов., дипломат.

Строганов Григорий Александрович (1824–1878), обер-камергер, морганатический супруг Марии Николаевны, дочери Николая I.

Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882), граф, генерал от кавалерии, меценат, московский генерал-губернатор (1859), член Государственного совета.

Струков Александр Петрович (1840–1911), генерал от кавалерии, адъютант вел. кн. Николая Николаевича (старшего).

Суворов Александр Аркадьевич (1804–1882), князь Италийский, граф Рымникский, внук А. В. Суворова, генерал-адъютант; рижский военный губернатор, лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор (1848–1861), петербургский военный генерал-губернатор (1861–1866), член Государственного совета.

Сулейман-паша (1838–1883), турецкий генерал, главнокомандующий вооруженными силами Европейской Турции (1877).

Сумароков-Эльстон Феликс Николаевич (1820–1877), генерал-адъютант, начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска.

Тергукасов [Тер-Гукасов] Арзас Артемьевич (1819–1881), генерал-лейтенант, командир 2-го Кавказского корпуса.

Тимашев Александр Егорович (1818–1893), генерал от кавалерии, начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III Отделением (1856–1861), министр внутренних дел (1868–1878).

Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889), граф, обер-прокурор Св. Синода (1865–1880), министр народного просвещения (1866–1880), министр внутренних дел и шеф жандармов (1882–1889), член Государственного совета.

Тотлебен Эдуард Иванович (1818–1884), генерал-адъютант, военный инженер, товарищ генерал-инспектора по инженерной части (1863), временный одесский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа (1879–1880),

виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор (1880).

Трепов Федор Федорович (1812–1889), генерал от кавалерии, градоначальник С. – Петербурга (1873–1878).

Убри Павел Петрович (1820–1896), граф, действ. тайн. сов., дипломат, посол в Австро-Венгрии (1879–1882).

Урусов Сергей Николаевич (1816–1883), князь, статс-секретарь, главноуправляющий II Отделением с. е. и. в.

Фадеев Ростислав Андреевич (1824–1883), генерал-майор, военный писатель и публицист.

Фалькенгаген Адольф Данилович (1821–1880), инженер, генерал-майор.

Фан-дер-Флит Константин Петрович (1844–1933), капитан, адъютант командующего войсками Туркестанского военного округа.

Франкини Виктор Антонович (1820–1902), генерал-лейтенант, военный атташе в Константинополе, первый Карсский губернатор.

Франц-Иосиф I (1830–1916), австрийский император (1848–1916).

Фредерикс Платон Александрович (1828–1888), барон, генерал-адъютант, генерал-губернатор Восточной Сибири (1873–1879).

Фридрих-Вильгельм (1831–1888), кронпринц, германский император Фридрих III (1888).

Фридрих (1843–1912), принц, король Дании (1906).

Фридрих-Франц II (1823–1883), великий герцог Мекленбург-Шверинский, генерал-фельдмаршал русской службы (1873).

Фридрих-Франц III (1851–1897), великий герцог Мекленбург-Шверинский (1883).

Хрущев Александр Петрович (1806–1875), генерал от инфантерии, генерал-губернатор Западной Сибири (1866–1874).

Худояр-хан (1829-?.), кокандский хан (1845–1875).

Циммерман Аполлон Эрнестович (1825–1884), генерал от инфантерии, член Военного совета.

Чевкин Константин Владимирович (1802–1875), генерал-адъютант, председатель Комитета по делам Царства Польского, член Государственного совета.

Черкасский Владимир Александрович (1824–1878), князь, московский городской голова (1869–1871), уполномоченный

Красного Креста в Болгарии (1877).

Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898), генерал-майор, военный губернатор Туркестанской области (1865–1866), редактор-издатель газеты «Русский мир» (1875), командующий Главной сербской армией (1876), туркестанский генерал-губернатор (1882–1884).

Чертков Михаил Иванович (1829–1905), генерал-адъютант, киевский, подольский и волынский генерал-губернатор (1877–1878), член Государственного совета.

Шаховской Алексей Иванович (1821–1900), генерал-лейтенант.

Швейниц Ганс-Лотар (1822–1901), прусский генерал, германский посол в Австрии (1871–1876), в России (1876–1893).

Шернваль Канут Генрихович (1819–1899), барон, тайн. сов., начальник Российского управления железных дорог (1871–1877).

Шнитников Николай Федорович (1823–1881), генерал-лейтенант.

Шувалов Петр Андреевич (1827–1889), граф, генерал от кавалерии, начальник III Отделения и шеф жандармов (1866–1874), посол в Лондоне (1874–1879), член Государственного совета.

Эдхем-паша Ибрагим (1818–1893), великий визирь Османской империи (1877–1878).

Эллиот Генри (1817–1907), лорд, британский посол в Турции (1867–1877), в Австрии (1878–1884).

Эссен Отто Васильевич (1828–1876), тайный советник, товарищ министра юстиции (1871).

Яковлев Георгий Георгиевич (1824–1883), генерал-майор, управляющий делами Главного комитета по устройству и образованию войск.

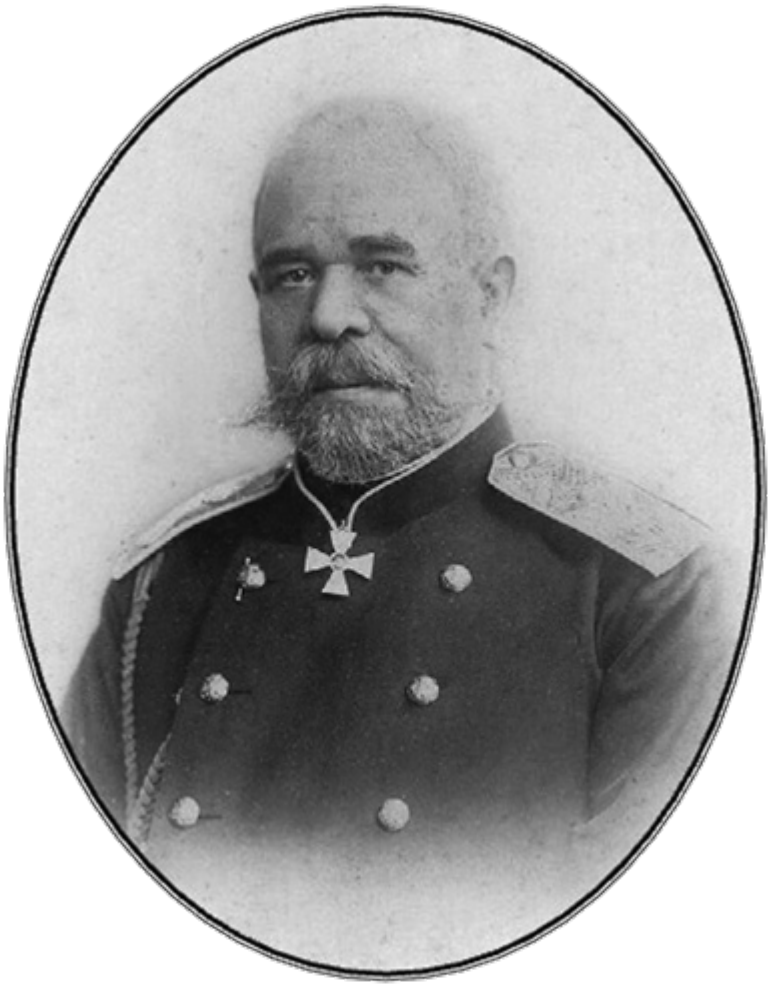
Якуб-хан (1849–1923), эмир Афганистана (1879–1880).

Иллюстрации

Александр II

Императрица Мария Александровна

Екатерина Долгорукая



Николай Николаевич Обручев

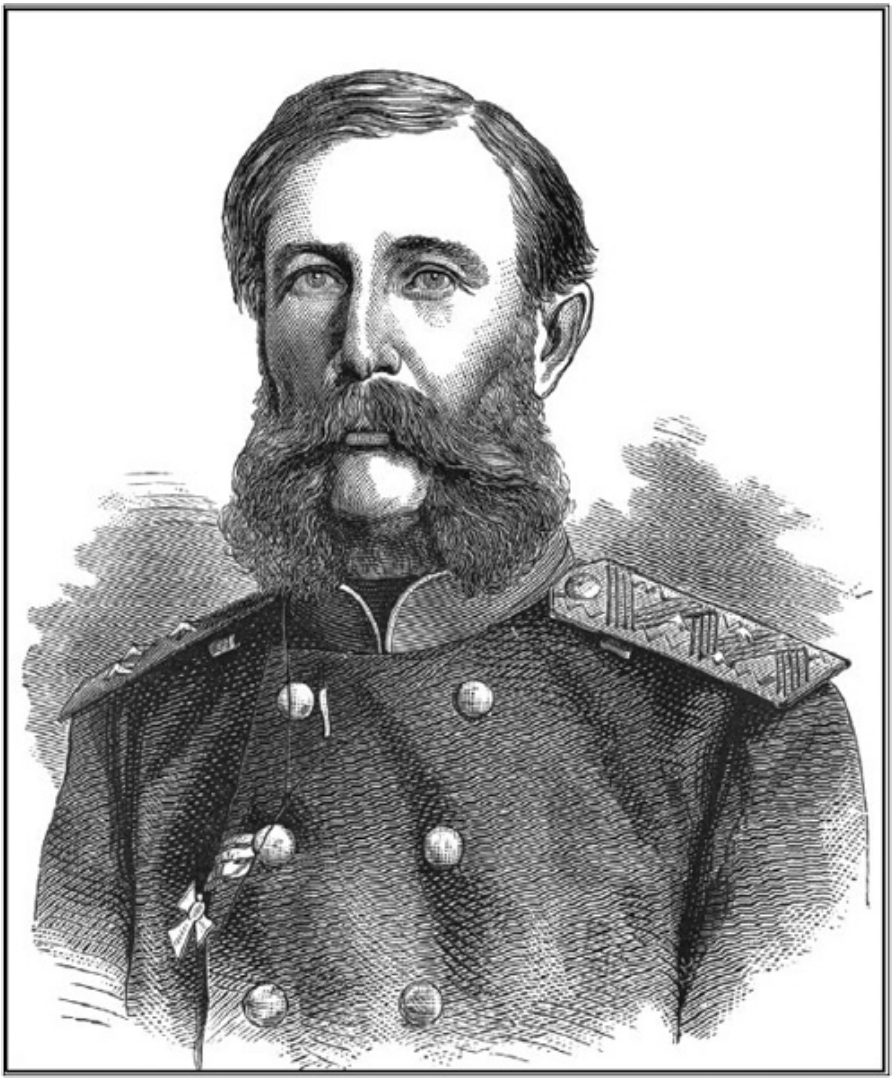
Федор Логгинович Гейден

Александр Аркадьевич Суворов

Александр Михайлович Горчаков

Отто Бисмарк

Дьюла Андраши



Федор Федорович Радецкий

Великий князь Александр Александрович

Великий князь Владимир Александрович

Павел Николаевич Игнатьев

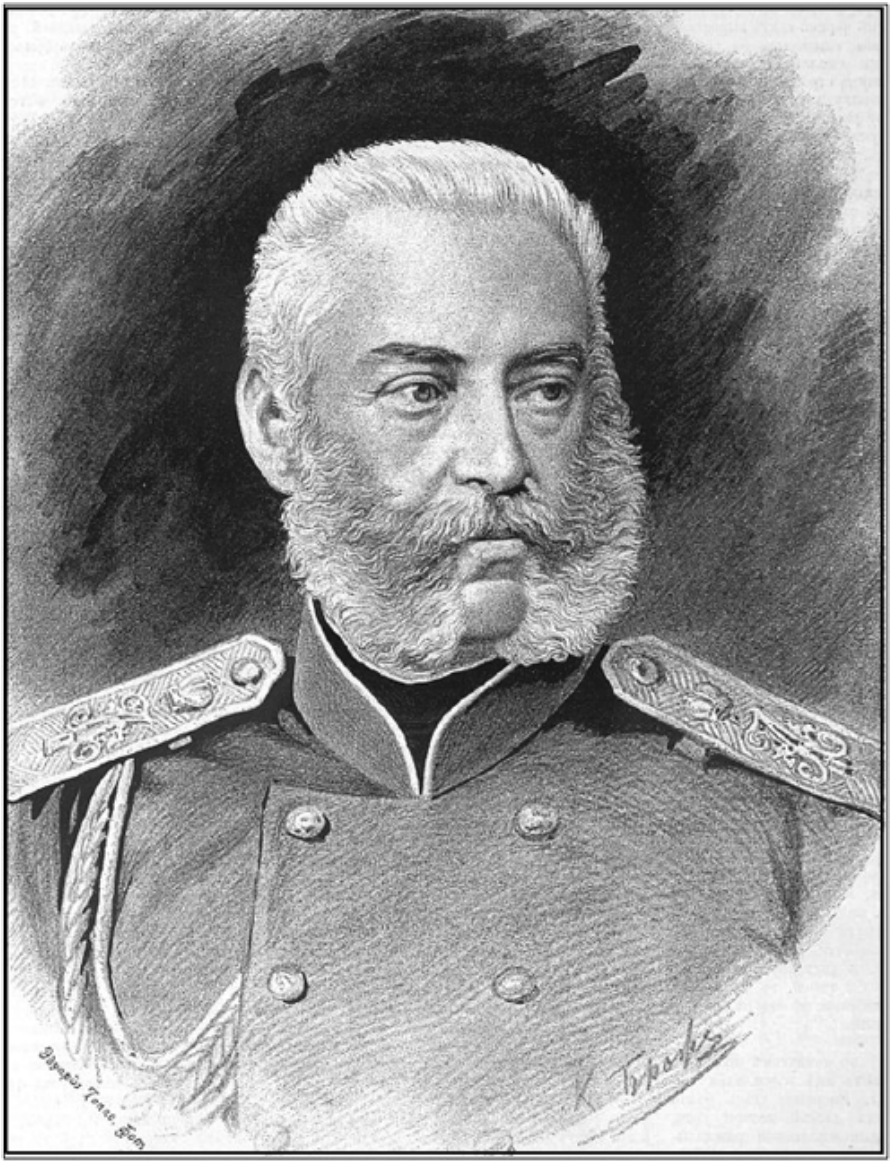
Николай Павлович Игнатьев

Иосиф Владимирович Гурко

Константин Николаевич Посьет

Артур Адамович Непокойчицкий

Петр Андреевич Шувалов



Александр Владимирович Адлерберг

Александр Егорович Тимашев

Михаил Хриапофорович Рейтерн

Дмитрий Алексеевич Милютин

Пленного Осман-пашу, командовавшего турецкими войсками в Плевне, представляют Александру II в день взятия Плевны русскими войсками. Крайний справа – Д.А.Милютин

notes

Примечания

1

Мемория – в России XIX века памятная записка, представленная на утверждение. – *Прим. ред.*

2

Он же император Германский. – *Прим. ред.*

3

Запущены. – *Здесь и далее, если не указано особо, перевод с французского.*

4

Речь идет о военной операции Кавказской армии под командованием генерал-адъютанта Барятинского по блокаде и штурму ставки Шамиля в ауле Гуниб, в Дагестане, в августе 1859 года. – *Прим. ред.*

5

Парадный завтрак. – *Прим. ред.*

6

Сын Милютина, поручик Алексей Дмитриевич Милютин, находился в числе офицеров Закаспийского отряда, отправленных в экспедицию против Хивинского ханства после скандала с осуждением капитана Квитницкого: за несостоявшуюся дуэль был наказан не только капитан, но и офицеры, его оскорбившие. – *Прим. ред.*

Кашгария – Восточный Туркестан. – *Прим. ред.*

Поповка – тип броненосцев береговой обороны. – *Прим. ред*.

9

Орден Святого Георгия, высшая военная награда Российской империи, был учрежден Екатериной II 26 ноября 1769 года. – *Прим. ред.*

10

Беседа наедине. – *Прим. ред.*

11

На должности командующего войсками Туркестанского военного округа генерал Кауфман руководил многократными победами русского оружия над бухарцами, хивинцами и кокандцами, а также взятием Самарканда и Хивы. – *Прим. ред.*

12

Дословный перевод фразы – «Удар шпаги под водой». Подразумевается устойчивое выражение «напрасные усилия». – *Прим. ред.*

13

«Это нелепость, это глупость, которую они совершают». – *Прим. ред.*

14

Яков Васильевич Вилье (1768–1854) – известный петербургский врач; перед смертью завещал всё свое состояние на устройство больницы при Медико-хирургической академии. – *Прим. ред.*

Гражданское мужество. – *Прим. ред.*

приветствие его было особенно холодно и натянуто.

прославившим Александра II.

хороший человек.

«Это человек хорошего тона». – *Прим. ред.*

в семье и, сознаюсь, в самом грустном настроении духа.

Альберта-Эдуарда и его жены Александры. – *Прим. ред.*

22

Очень быстро утвердившееся в народе название Обводного канала. – *Прим. ред.*

привычке ко лжи.

24

Замужество великой княжны Марии Александровны. – *Прим. ред.*

Лучше поздно, чем никогда. – *Прим. ред.*

26

Брак великой княжны Марии Александровны с английским герцогом Альфредом-Эрнестом-Альбертом Эдинбургским. – *Прим. ред.*

27

«Я сказала Лизе, надеюсь, что она будет мне так же верна, как была верна моей дочери» – *Прим. ред.*

Целование руки. – *Прим. ред.*

29

Годичный акт – отчет о состоянии и деятельности учебного или духовного заведения. – *Прим. ред.*

30

«Я очень счастлив иметь возможность подать вам руку в вашей стране». – *Прим. ред.*

«Да благословит вас Бог». – *Прим. ред.*

этой фантазии.

Ловкая проделка! – *Прим. ред.*

сам, плохо понимая дело, запутался и заврался.

Сабр-байонет (*франц.*) – штык-нож. – *Прим. ред.*

36

Речь идет о Фредериксе Платоне Александровиче. – *Прим. ред.*

37

Иосиф Иосифович Семашко, митрополит Иосиф (1799–1868) – архиепископ Литовский и Виленский, объединивший униатскую церковь Северо-Западного края с православной. – *Прим. ред.*

38

Генерал Вердер Бернгард-Франц (1823–1907) – военный уполномоченный германского императора в России, был видным участником Франко-прусской войны 1870–1871 годов. – *Прим. ред.*

«Общество улучшения участи военнопленных». – *Прим. ред.*

Отцом великого князя Николая Константиновича. – *Прим. ред.*

капитана Варпаховского, состоящего при нем за адъютанта.

42

Гмина – малая административная единица Царства Польского. – *Прим. ред*.

43

Так Милютин называет сестру свою, Марию Алексеевну, жену сенатора Семена Александровича Мордвинова. – *Прим. ред.*

демократизированием.

Послание. – *Прим. ред.*

Гирло – украинское название рукава в дельтах крупных рек. – *Прим. ред.*

47

Современное название самого древнего города Средней Азии, средоточия интересов обеих империй – Мары. – *Прим. ред.*

можно сказать, даже вздорно.

49

Купец Овсянников, известный хлеботорговец и миллионер, подрядчик военного ведомства, был осужден за поджог паровой мельницы: он хотел таким образом сохранить за собой поставки ржаной муки. – *Прим. ред.*

«Я отдаю Францию под протекцию императора». – *Прим. ред.*

Бездельем (*итал.*). – *Прим. ред.*

чуть не до идиотизма.

53

Здесь и далее французские документы приведены в переводе. – *Прим. ред.*

Конская повинность состояла в поставке населением лошадей при приведении армии в полный состав и во время войны. – *Прим. ред.*

Удачно выпутаться из неприятного дела. – *Прим. ред.*

Это положение предусматривало для каждого казака не менее года обязательной действительной службы в строевых частях или в учебной сотне. – *Прим. ред.*

ко мне.

58

Кокандское ханство – государство, существовавшее с 1709 по 1876 на территории современных Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Южного Казахстана и части Восточного Туркестана. В XIX веке в России использовались названия Коканское, Кокан, коканцы. – *Прим. ред.*

чтобы он не иначе, как разве в крайней необходимости занял коканское владение.

того, чего он заслуживает.

Приятное безделье (*итал.*) – *Прим. ред.*

«Империя – это мир». – *Прим. ред.*

63

«Я надеюсь, мой дорогой Рафаэль не забудет своего Перуджино». – *Прим. ред.*

с этим самодуром.

65

Князь Барятинский активно выступал против реформ, проводимых Милютиным (бывшим начальником его штаба на Кавказе). Именно по просьбе князя генерал-майор Фадеев написал книгу и множество статей против реформ и против самого военного министра. – *Прим. ред.*

тип бездарного труженика и доброго человека.

Половцев. – *Прим. ред.*

Вендская корона – орден мекленбургских герцогов, обязанный своим происхождением вендам – так в Средневековье немцы называли соседей-славян. – *Прим. ред.*

Амударьи. – *Прим. ред.*

Сделать хорошую мину при плохой игре. – *Прим. ред.*

71

19 февраля 1861 года подписан Манифест об освобождении крестьян. – *Прим. ред.*

Ныне Ланьчжоу. – *Прим. ред.*

73

В указе (ираде) от 2 октября 1875 года оглашались некоторые реформы касательно христианского населения Порты. – *Прим. ред.*

Молчаливое соглашение. – *Прим. ред.*

75

Со времен рекрутской повинности на руках у населения оставались зачетные квитанции, представление которых избавляло от военной службы. Постепенно квитанции изымались. – *Прим. ред.*

Это предвзятое мнение. – *Прим. ред.*

Тихого. – *Прим. ред*.

Формальный повод к объявлению войны (*лат.*). – *Прим. ред.*

79

Жалонер (*устар.*) – нижний чин пехоты, носящий на штыке цветной флаг (жалонерский значок), служащий для указания места батальона или роты. – *Прим. ред.*

Насмешливые прозвища. – *Прим. ред.*

Райя (*араб.*) – подданные. – *Прим. ред.*

в этом гнусном издании.

83

Кантонисты – дети солдат, воспитывавшиеся в батальонах и с детства приготовлявшиеся к военной службе, независимо от их желания. Эта повинность была отменена Александром II к 1856 году. – *Прим. ред.*

поленился ехать в Комитет министров.

Казеннокоштные учащиеся – обучающиеся и получающие полное содержание за счет казны. – *Прим. ред.*

86

Леон Мишель Гамбетта́ (1838–1882) – известный политический деятель, премьер-министр и министр иностранных дел Франции в разные годы. – *Прим. ред.*

Довоенного положения (*лат.*). – *Прим. ред.*

88

Ростислав Андреевич Фадеев (1824–1883), генерал-майор, военный писатель и публицист реакционного направления. – *Прим. ред.*

89

Хедив – вице-султан Египта в период зависимости Египта от Турции (1867–1914). – *Прим. ред.*

Кристиана IX и Луизы-Шарлотты, а также Георга I и Ольги Константиновны. – *Прим. ред.*

Тогда то же, что и саперные. – *Прим. ред.*

Ныне Мокотовское. – *Прим. ред.*

93

Валганг – верхняя часть крепостного вала, защищенная бруствером. – *Прим. ред.*

Во что бы то ни стало. – *Прим. ред.*

95

Прибыв только на переговоры, с началом Крымской войны 1853–1856 годов генерал-адъютант Меншиков по собственной инициативе начал оборону Севастополя. – *Прим. ред.*

черномазого господина.

Путаница (*итал.*). – *Прим. ред.*

У Милютина – Братиано и Сланичано. – *Прим. ред.*

99

«Я готов вам служить затычкой в ваших сношениях с Эллиотом». – *Прим. ред.*

Наблюдается поворот (*морской термин*). – *Прим. ред.*

101

Речь идет о Московском славянском обществе, Аксакове, Пороховщикове и других. – *Прим. ред.*

102

Владимир Александрович Черкасский был по убеждениям не только славянофилом, но и либералом, активным сторонником крестьянской реформы, что, разумеется, вызывало активное противодействие в придворных кругах. – *Прим. ред.*

103

Будучи помощником статс-секретаря Николая Алексеевича Милютина, князь Черкасский много содействовал умиротворению после Польского восстания 1863 года. – *Прим. ред.*

У Милютина – Салисбюри. – *Прим. ред.*

обнял меня с видимым смущением.

Непременное условие (*лат.*). – *Прим. ред.*

107

Обручев был командирован в Вену в помощь послу Новикову по ведению переговоров с Андраши. Об этом не было упомянуто прежде в моем дневнике. – *Прим. автора.*

С оружием в руках. – *Прим. ред.*

109

«Получил телеграмму от 13-го. Имеем существенные основания желать продления перемирия до 1 апреля. Сделайте всё возможное для достижения этого». – *Прим. ред.*

Безрассудство. – *Прим. ред.*

111

Записку (*устар.*) – *Прим. ред.*

одобрительно отозвалась о том, что я поднял голос против.

113

Во время войны, развязанной доном Карлосом Младшим за обладание троном после смерти отца в 1868 году, в правительственных войсках его прозвали «карлистским чертом» за жестокость в отношении пленных и раненых. – *Прим. ред.*

Пустился в разговор. – *Прим. ред.*

Мира во что бы то ни стало. – *Прим. ред.*

116

Александровский комитет о раненых – благотворительное учреждение для оказания помощи военнослужащим-инвалидам и семьям погибших. Существовало с 1814 по 1918 год в Санкт-Петербурге. – *Прим. ред*.

117

Имеется в виду «Процесс пятидесяти» по делу «Всероссийской социально-революционной организации», возникшей в 1874 году и просуществовавшей до апреля 1875 года. – *Прим. ред.*

Составной частью Оттоманской империи. – *Прим. ред.*

119

Одно из сербских племен. – *Прим. ред.*

Муллы. – *Прим. ред.*

121

«Если Порта примет советы кабинетов и выкажет готовность, приняв мирную точку зрения, серьезно предпринять реформы, упомянутые в протоколе».

Слишком поздно (*итал.*). – *Прим. ред.*

123

Названием орден обязан селенью Таков, близ которого князь Милош провозгласил в 1815 году освободительную войну против Османской империи. – *Прим. ред.*

124

Низкобортный броненосный артиллерийский корабль. – *Прим. ред.*

125

Пластуны – пешие казаки из особой команды диверсантов и разведчиков Кубанского войска. – *Прим. ред.*

Ныне Олт. – *Прим. ред.*

Армии. – *Прим. ред.*

«протеже вашего правительства». – *Прим. ред.*

129

Ферик-паша – турецкий дивизионный генерал. – *Прим. ред.*

сказать, что он сам был под выстрелами.

131

От bouter (*франц.*), кинуть – вспышка, случайно (сгоряча) брошенная мысль. – *Прим. ред.*

Недоразумении (*лат.*). – *Прим. ред.*

Скелет, набросок карты (от *франц.* croquis). – *Прим. ред.*

«Я вне себя» – *Прим. ред.*

«Это отвратительно» – *Прим. ред.*